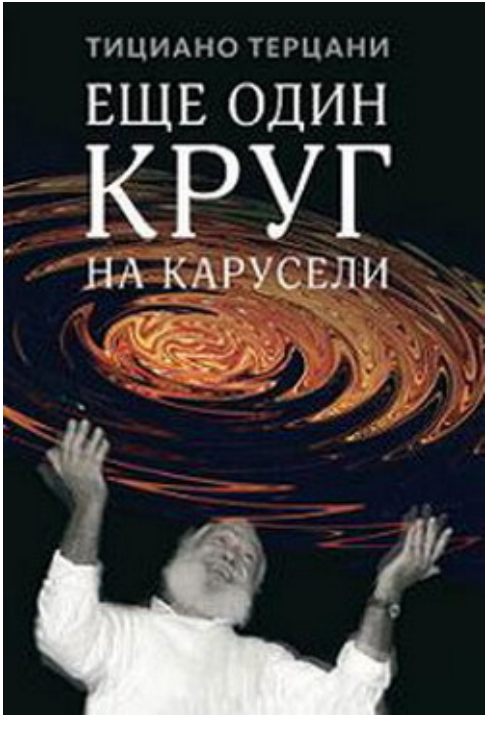
ТИЦИАНО ТЕРЦАНИ
ЕЩЕ ОДИН
КРУГ
НА КАРУСЕЛИ

Тициано Терцани
Еще один круг на карусели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607925
Еще один круг на карусели: СЛОВО/SLOVO; М.; 2009
ISBN 978-5-387-00105-5

Аннотация

Тициано Терцани – один из самых видных и авторитетных в Италии журналистов, всемирно известный писатель, книги которого переводились на десятки языков, печатались и раскупались сотнями тысяч экземпляров.

«Еще один круг на карусели» вышла на родине Терцани в 2004 году. В том же году автора не стало. Эта книга – красочное, пронизанное тонкими философскими наблюдениями описание захватывающего путешествия Тициано Терцани из Нью-Йорка в Индию, Таиланд, Гонконг, на Филиппины, в Гималаи. Весь этот путь автор проделал в поисках лекарства от страшной болезни, внезапно поразившей его; автор описывает не только разные способы лечения, от химиотерапии и облучения до деликатной аюрведической медицины и гомеопатии, но и жизнь в разных странах, их культуру, обычаи и традиции.

«Еще один круг на карусели» – не история болезни и не повествование о прощании с жизнью, а скорее наоборот, эта книга – исповедь человека, не смирившегося, но

принявшего, не опоздавшего, но научившегося успевать жить в гармонии с миром и самим собой.

Рассказ об удивительном путешествии человека в поисках себя и избавления от страха смерти. Умные, тонкие замечания автора, основанные на глубоком понимании культуры Запада и полном принятии культуры Востока, делают эту книгу интересной и полезной для самого широкого круга читателей.

Содержание

НАЧАЛО ПУТИ 6
Коротких путей не бывает 6
НЬЮ-ЙОРК 34
Образина в зеркале 34
Двойной свет города 80
Куски моего «Я» 129
Память воды 176
В объятиях Паучихи 216
ИНДИЯ 242
Возвращение к истокам 242
Свет в ладонях 264
Травы с характером 286
Пришедший тем же путем 313
Сила молитвы 329
ТАИЛАНД 359
Остров здоровья 359
Первый день 366
Второй день 371
Третий день 375
Четвертый день 379
Пятый день 386
Шестой день 391
Седьмой день 394
Восьмой день 398

На следующий день 400
До последнего вздоха 402
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ 425
«Терра инкогнита» 425
Концерт для клеток 477
ГОНКОНГ 506
В царстве грибов 506
ИНДИЯ 539
Безымянный 539
Театр, который лечит 607
Чудо для меня одного 655
Врач для здоровых 698
ФИЛИППИНЫ 745
Исцеленные магией 745
ГИМАЛАИ 803
Ртутная пыль 803
Голос флейты в тумане 825
…Ну а чаша воды? 882
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ 921
В облаках 921

Тициано Терцани
Еще один круг на карусели

НАЧАЛО ПУТИ

Коротких путей не бывает

Да, такое случается со многими, с любым, но не с тобой, и я тоже всегда так думал. Но когда эта штука и меня настигла, я не был к этому готов и поначалу мне показалось, что речь идет о ком-то другом. «Синьор Терцани, у вас рак», – сказал врач, но говорил он как бы не со мной, так что я действительно ничего не почувствовал – ни отчаяния, ни шока – словно это меня не касалось.

Это безразличие, удивившее меня самого, могло быть просто инстинктивной формой защиты, способом сохранить лицо. Представьте, оно мне помогло. Посмотреть на себя со стороны – всегда на пользу. Этому можно научиться.

Следующая ночь в больнице прошла в размышле-

ниях. Я представил себе череду людей, узнавших здесь подобную новость, и несколько воспрял духом. Происходило это в Болонье. Сюда меня привела цепочка событий, каждое из которых было вроде бы пустяковым, но их совокупность оказалась решающей, как это часто случается в жизни. Бесконечная диарея, начиная еще с Калькутты, несколько обследований в Парижском институте тропических болезней, потом череда анализов в поисках причин непонятной анемии. Наконец один прозорливый итальянский врач ввел в меня свой странный инструмент, нечто вроде резиновой змеи с горящим оком, чтобы она заглянула во все закутки моего нутра. И как только змея в меня внедрилась, врач, специалист с опытом, обнаружил своего старого знакомца. Я благодарен ему за краткость и ясность. Теперь у меня были веские причины для подведения итогов; я мог определить свои приоритеты и принять необходимые решения. Мне вот-вот исполнялось пятьдесят девять; захотелось, подобно восходящему к горной вершине, оглядеться, чтобы с удовлетворением оценить проделанный путь. Какой была моя прежняя жизнь? Да просто чудесной! Приключение за приключением, большая любовь, никаких сожалений, никаких незавершенных дел. Если бы в юности, отправляясь в этот путь, я наметил цель, к которой стремятся многие: «посадить дерево, вырастить сына и написать стихотворение» – можно было теперь признать,

что она более или менее достигнута. Причем получилось это почти само собой, без особых усилий, весело, мимоходом.

Ночью в больнице, в тишине, нарушаемой лишь шуршанием машин по мокрому асфальту да шагами сестер в коридоре, передо мной возник образ, не покидающий меня и поныне. Мне представилось, что вся моя жизнь была катанием на карусели: с самого начала я кружился всласть на белой лошадке и никто (только сейчас я это понял), никто ни разу не потребовал предъявить билет. А ведь этого билета у меня вовсе не было. Всю жизнь я раскатывал задаром. И вот пришел контролер, придется платить, что положено, и если повезет, вдруг удастся… сделать еще один круг на карусели.

Новый день начался как любой другой. Ничто вокруг не изменилось, ничто не выдавало бури у меня в голове. В дороге я даже вспомнил, что нужно забрать из прачечной белье. Моя жена Анджела ждала меня, и, вернувшись домой, я предложил ей прогуляться по лесу. После сорока лет, прожитых вместе, нам легко и говорить, и молчать. Я пообещал ей, что постараюсь выстоять. Видимо, это был единственный раз, когда я прослезился.

Надо было без промедлений решать, что делать дальше. Первое инстинктивное желание, как у раненого зверя: ослабев, забиться в нору для восстановления

сил. Я решил ничего не сообщать никому, кроме детей и тех друзей, для которых мое исчезновение оказалось бы необъяснимым. Я желал разобраться со своими мыслями и хотел, чтобы никто и ничто меня не отвлекало.

Сперва следовало выбрать, где и, главное, как лечиться. Химиотерапия, радиотерапия, хирургическая операция со всеми их, как говорят, разрушительными последствиями сейчас уже не являются единственными средствами. Более того, сегодня, когда все подвергается сомнению, а все официально признанное потеряло авторитет и любой готов вынести вердикт всему и всем на свете, стало модным осуждать традиционную медицину и нахваливать «альтернативную». Ее варианты звучат привлекательно: аюрведа, пранотерапия, иглоукалывание, йога, гомеопатия, китайские травы, рэйки и – почему бы и нет? – целители (филиппинские и не только). Всегда встретится человек, который что-то где-то слышал и готов пересказать. Вдруг всплывает история, которая выглядит правдоподобней других, и вот ты уже готов поверить в один из этих способов «исцеления», которых множество. Ну нет, я и на миг не принимал все это всерьез. Однако многие из этих методов пришли к нам из Азии, где я прожил тридцать лет, а некоторые уходят корнями в Индию, где теперь у меня дом! Я тоже, бывало, без колебаний прибегал к ним. В Китае я доверил моего сына Фолько,

которому тогда было всего одиннадцать, специалисту по иглоукалыванию, и тот избавил его от астмы. А всего за год до возникновения моих нынешних проблем я отвез Леопольда, моего французского друга, к личному врачу Далай-ламы в Медицинско-аюрведический институт (такое вот название) в Дхарамсале. Тот ему прослушал пульс «в семнадцати точках» и прописал черные пилюли, похожие на овечий помет (и видимо, в высшей степени эффективные), чтобы вылечить от гепатита. Кроме того, я сам утверждал, что западный человек, устремившись вперед по автостраде науки, слишком быстро забыл о тропах древней мудрости и сейчас, навязывая Азии свой уклад жизни, рискует стереть с лица земли огромное количество знаний, связанных с местными традициями!

Своего мнения я не изменил, но когда речь зашла о моем выживании, без колебаний решил довериться привычному – науке, западному «рацио». И не только потому, что альтернативные методы действуют (если действуют) через длительное время, которое упускать не хотелось. Дело было и в том, что в глубине души я не вполне им доверял. А вера в лечение – главное в процессе выздоровления.

Везение помогает, а его у меня, вообще-то, всегда было больше, чем полагается среднестатистической личности. Мне и тут повезло. Среди моих коллег-журналистов, старых товарищей по работе в Азии, был

корреспондент «Нью-Йорк таймс», дважды награжденный Пулитцеровской премией, у которого за пару лет до этого случилась та же беда, и он выжил. Я навестил его в Дели и попросил совета.

Те, кто его приводил в порядок, были, на его взгляд, лучшими из своего профессионального круга. Я поверил ему. Звонок-другой по телефону, затем один факс, и спустя несколько дней я уже был в Нью-Йорке. Мое имя стояло восемнадцатым в списке ожидающих нового экспериментального лечения на самом передовом рубеже современной западной медицины. Это Memorial Sloan-Kettering Cancer Center, или короче MSKCC, что, кстати, рекомендуется писать в чеках, дабы не афишировать свое пребывание здесь, в Онкологическом центре, даже перед собственным банком.

Когда вышла моя книга «Прорицатель мне поведал…», многие спрашивали, над чем теперь я собираюсь работать, и я отвечал, что книги как дети, что нужно их вынашивать для появления на свет и что после долгих лет, проведенных на Востоке, я бы теперь охотно отправился открывать для себя самый крайний Запад, то есть Соединенные Штаты. Под этим предлогом (якобы отправился в Америку, чтобы «зачать» новую книгу) я получил передышку, обо мне на время забыли.

Я снял жилье у Сентрал Парка и несколько оживил его индонезийскими тканями и китайской бронзовой статуэткой Будды на большом окне. Оно и стало на не-

сколько месяцев моим логовом.

Никто, кроме Анджелы и сотрудников Центра, не знал, где я. Телефон не звонил, никто не стучался в дверь. Единственной связью с миром, которую я сохранил, была электронная почта – эти послания в бутылке, время от времени выносимые волной на кибернетический берег моего компьютера, где бы я ни находился. По-моему, сейчас это лучший способ общения, деликатный и неназойливый, если использовать его не по пустякам, не сбиваться второпях на неряшливый язык и оставлять распечатки хороших писем, чтобы всегда иметь удовольствие их перечитать.

Ситуация была идеальной. Это было именно то, о чем я столько мечтал: целыми днями принадлежать самому себе, безо всяких обязательств. Пришло невообразимое блаженство от возможности разнуздать свое сознание, дать ему побродить на воле. Славно было не мешать этому, не одергивать себя постоянно, не внушать себе (в свое время у меня это было навязчивой идеей), что следовало бы переключиться на что-то другое. После непрестанного грохота я наконец наслаждался тишиной. Год за годом меня занимали войны, революции, наводнения, землетрясения и капитальные перемены в Азии. Я был страстным наблюдателем жизней, подвергающихся опасностям, жизней разрушенных или, еще чаще, сознательно прожигаемых – словом, чужих жизней. Теперь же я наблюдал за

единственной жизнью, непосредственно меня касавшейся, за своей собственной.

А понаблюдать тут было за чем. После новых обследований, после всех этих обычных реплик: «Вот смотрите, тут у вас небольшая подозрительная тень…», «Нужно пройти еще одно обследование», «Приходите через неделю», «Сожалею, но придется сообщить вам плохую новость…» – выяснилось, что опухоль у меня не одна, а целых три, причем каждая со своими свойствами и восприимчивостью к своему виду лечения. Я выбрал химиотерапию, операцию и облучение, ни секунды не раздумывая, правильно ли я поступаю. Более того, с каждым днем во мне росла уверенность в том, что все идет как надо и что выбранный мною вариант – наилучший.

Никогда еще я так остро не ощущал свою материальность, никогда мне не приходилось так пристально следить за собственным телом, учиться контролировать его, быть ему хозяином, не позволять ему диктовать свои требования, угнетать своей болью, своими пульсациями, своими приступами тошноты.

Я осознал, насколько мои биоритмы и настроение, вплоть до приступов хандры, при работе в еженедельнике определялись сроками сдачи материала. Блаженство в субботу и воскресенье, когда пусть рушится мир, а номер уже сделан и добавить нечего. Апатия в понедельник, когда следующий выпуск только пла-

нируется; собранность во вторник и среду, когда я обдумывал новый сюжет и набрасывал черновики; предельная напряженка в четверг – день сдачи статьи; неуверенное облегчение в пятницу. А там снова все по кругу, неделя за неделей: репортажи – то с фронта, то из столицы, где произошел государственный переворот, путевые заметки о стране, в душу которой я пытался вникнуть, или история, которая позвала в дорогу, чтобы разобраться в ней. А теперь все дни недели стали одинаковыми, ни взлетов, ни падений: дни текли за днями, похожие, как капли воды, восхитительно одинаковые. И ничто меня не подгоняло.

У каждого времени года свои плоды, и мое журналистское «время года» свои уже принесло. Все чаще я оказывался в привычных ситуациях, сталкивался с избитыми проблемами. Хуже всего было то, что моя писанина становилась неким отголоском историй и фраз, уже писанных мною лет за двадцать до этого. Кроме того, факты, те факты, за которыми я когда-то гонялся со страстью ищейки, уже не будоражили меня, как прежде. С годами я начал понимать, что за фактами есть некий иной уровень реальности, и чувствовал, что не могу ухватить это «нечто». Кроме того, журналистика, особенно нынешняя, совершенно не интересуется подобными вещами. И продолжая заниматься своим ремеслом, я в лучшем случае смог бы повторять самого себя. Рак предоставил мне отличную возможность пе-

рестать повторяться.

И эта возможность была не единственной. Постепенно я понял, что рак стал для меня чем-то вроде щита, за которым я укрывался, убежищем от натиска внешнего мира, своего рода бастионом против банальности повседневной жизни, общественных обязательств, необходимости поддерживать беседу. Заболев раком, я завоевал право больше не чувствовать себя обязанным что-либо делать, право не испытывать чувство вины. Наконец-то я был свободен, полностью свободен. Это может показаться странным (да оно и было странным даже для меня), но я был счастлив.

«Неужели заболеть нужно именно раком, чтобы научиться радоваться жизни?» – написал мне давний английский друг. Он услышал о моем исчезновении и тут же отправил мне электронное послание, требуя новостей. Я ответил ему, что, с моей точки зрения, я переживаю хоть и не самый лучший, но, без сомнения, самый захватывающий период моего существования. Путешествия всегда были моим образом жизни, и теперь я рассматривал болезнь как очередное путешествие, в которое я отправился не по своей воле, для которого я не мог запастись географическими картами, к которому я был совсем не готов. Но из всех моих странствий оно оказалось самым значительным, самым ярким и насыщенным, ведь все происходящее на-

прямую касалось меня. Я предложил английскому другу наслаждаться отсутствием рака, однако попытаться представить себя хоть на день заболевшим и ощутить, что не только жизнь, но окружающие люди и вещи предстанут в совершенно другом свете. Возможно, в истинном свете.

В старину в Китае во многих домах хранили приготовленный заранее гроб, чтобы не забывать о том, что все мы смертны; некоторые даже ложились в этот гроб, когда нужно было принять какое-нибудь важное решение. В гробу они лучше осознавали, насколько все тленно. Так почему бы не представить на мгновение, что ты болен и дни твои сочтены – а ведь они же у всех сочтены! – чтобы осознать ценность каждого дня?

Индийцам напоминает об этом притча о человеке, который, убегая от тигра, срывается в пропасть. Несчастный сумел ухватиться за куст, но и тот начинает поддаваться. Спасенья нет: сверху – тигр, внизу – бездна. И тут, на расстоянии протянутой руки, на приютившемся среди камней кустике земляники человек видит чудесную ягодку – алую, свежую. Он отправляет ее в рот… и понимает, что еще ни одна ягода за всю его жизнь не казалось ему такой сладкой, как эта, последняя.

Если считать, что я оказался на месте этого бедняги, то ягода этих дней, недель и месяцев уединения и покоя оказалась восхитительно сладкой. Но я не смирил-

ся и не собирался падать. Более того, я искал любого способа помочь себе. Но как? Мог ли я, с помощью своего сознания или чего-нибудь еще, сделать так, чтобы куст, за который я уцепился, выдержал? И если я сам причина того, что мое тело оказалось в таком критическом положении, то как это изменить? У врачей, которым я задавал эти вопросы между обследованиями, ответов не было. Некоторые, правда, понимали, что ответы эти стоит поискать, но, тем не менее, никто не попытался этого сделать.

Как и журналисты, мои врачи основывались лишь на фактах, а то неуловимое, что за этими фактами могло таиться, их не интересовало. Я был телом: больным телом, которое следовало вылечить. Но ведь я – еще и сознание, а может быть, еще и дух. По крайней мере, никто не станет отрицать, что я – целый ворох опыта, чувств, мыслей, с которыми, возможно, моя болезнь очень даже связана! Казалось, никто здесь не желал или не мог принять это во внимание. В таком же ключе шло и лечение. Атаке здесь подвергался рак как таковой, рак из учебников со статистическими данными о выживаемости и рецидивах, рак вообще. Но не мой.

Научный, рациональный подход, который я выбрал, состоял в том, что моя болезнь воспринималась врачами примерно так же, как автослесарь воспринимает поломку в автомобиле (хоть чини, хоть под пресс – без разницы), а вовсе не как беда живого человека, кото-

рый сознательно и напряженно стремится к тому, чтобы его «отремонтировали» и поставили на ноги.

И вот этому человеку многоопытные «ремонтники»-лекари не задавали практически никаких вопросов. Им хватало и того, что мое тело доставлялось к ним в назначенное время, чтобы они могли подвергнуть его очередной «процедуре».

Известно ли, по крайней мере, что именно заставляет клетку буйствовать? Что толкает эту клетку на то, чтобы перестать заниматься своим делом и превратиться в такую угрозу для жизни?

Я пошел посоветоваться с молодым руководителем отдела исследований Онкологического центра. Я читал, что он не только нашел ответ на этот вопрос, но и стоит на пороге важного открытия. У него в руках якобы был ключ к коду, управляющему этим механизмом: щелчок «переключателя» – здоровая клетка становится больной и наоборот.

– Мы на правильном пути, но дойти до цели – посложнее, чем отправить человека на Луну, – сказал он мне.

То, что мне удалось понять, меня завораживало. Так совпало, что этот молодой человек специализировался именно на моей разновидности болезни, но чем больше я его слушал, тем больше понимал, что его работа исследователя таинства жизни завела его совершенно в противоположную сторону от меня – «челове-

ка-как-целого». Впрочем, и от «меня-тела» он тоже был очень и очень далеко. Он, неустанно двигаясь от частного к частному, от малого к еще более малому, проник внутрь одного из миллионов кодов, содержащихся в ДНК миллиардов клеток тела. Но, а я, где же здесь я? Возможно, есть и моя роль в том, что «переключатель» сработал не так?

– Нет, абсолютно никакой роли. Все уже содержалось в вашем коде, и вскоре мы сможем перепрограммировать то, что у вас в организме дало сбой, – сказал он.

Вывод был утешительный, но у меня возникло впечатление, что он и его коллеги обольщаются. Как только они отыщут ключ от этой двери, окажется, что за ней таится следующая, потом еще, и еще, и еще и для каждой нужен особый ключ, потому что в сущности то, что мои дорогие ученые пытались найти, было на самом деле ключом ключей, комбинацией комбинаций. Речь шла о «коде Бога». Так как же они могли всерьез рассчитывать, что им удастся раскрыть эту тайну?

Нет, я никогда не терял веры во врачей, на которых полагался. Но чем ближе я их узнавал, тем острее ощущал, что они как скрипка, у которой не хватает струны, и что они сами увязли в своем сугубо механистическом видении проблемы и ее возможного решения. Некоторые из них понимали мою растерянность, отдельные мои замечания их забавляли. К примеру, такое: поче-

му бы не отказаться от милитаристского лексикона, которым все пользуются? Возможно, это помогло бы, говорил я. Поразмыслите: у вас рак – это непременно «враг», с которым нужно «сражаться»; терапия – «оружие»; каждая фаза лечения – «битва». Болезнь постоянно рассматривается как нечто чуждое, проникшее в нас, чтобы натворить там бед; следовательно, ее следует разрушить, изничтожить, изгнать. Уже после первых нескольких недель общения с моей болезнью подобный подход мне не нравился, он меня больше не удовлетворял.

Со временем я свыкся с этим незваным пришельцем и мне стало казаться, что он стал частью меня – как руки, ноги или голова (на которой из-за химиотерапии не осталось ни волоска). Мне уже хотелось не атаковать этот рак в его разных воплощениях, а признать его, заключить мир. По крайней мере, я понял, что как ни крути, он останется во мне – пусть в дремлющем состоянии, но все равно оставшийся отрезок пути мы пройдем вместе.

– Утром, поднявшись с постели, улыбнитесь своему сердцу, своему желудку, своим легким, своей печени. От них многое зависит, – говорил Тич Нхат Хань, знаменитый вьетнамский монах-буддист, который однажды приехал в Дели, чтобы рассказать о медитации. Тогда я еще не знал, насколько мне пригодится этот совет. Теперь я каждый день улыбался и незваному гостю вну-

три себя.

Чем дольше я оставался на стороне науки и разума, тем больший интерес вызывали во мне такие вещи, как магия или безумные «альтернативные» методы, то есть то, что я поначалу отверг. Не то чтобы я думал, что по ошибке выбрал не ту дорогу (напротив, я бы посоветовал всем, оказавшимся в моем положении, первым делом довериться именно возможностям науки). Просто я чувствовал, что если эта дорога и лучшая, ее возможности не беспредельны, а на других направлениях может отыскаться что-нибудь еще, необязательно «альтернативное», но, вполне возможно, дополнительное.

Поэтому, как только нью-йоркские врачи-«ремонтники» сказали, что их работы на этом этапе завершены и они не хотят меня видеть в ближайшие три месяца (целых три месяца, тогда этот срок казался мне вечностью), я отправился на поиски именно иных путей.

После всех нокаутов, которые получил мой организм, нужно было дать ему немного отдохнуть. Следовало вывести все яды, которыми его пичкали, пытаясь вылечить, и, главное, надо было привести в порядок мое сознание, которое уже свыклось с одиночеством. Мне хотелось, чтобы оно вернулось к гармонии с миром. Путешествие для меня было самым естественным способом достижения этой цели, и я собрался в

дорогу, желая познакомиться с другими видами целительства, испробовать все лечебные средства и повидать все чудеса – все, что могло бы пригодиться для моего случая.

Первое, что я сделал, – вернулся в Индию, где жизнь протекает более естественно, где человеческое общество наиболее разнообразно, где время течет неторопливо, где старое уживается с новым, где вопросами жизни и смерти занимались много раньше, чем в любом другом месте на земле. Меня не было в Дели почти год. Когда я вошел в лавочку своего хорошего знакомого, старого ювелира из Сундар-Нагара (тот как раз занимался подарком для статуи Кришны – гирляндой из дивно пахнущего жасмина), он спросил, что со мной случилось.

– Я кочевал по больницам. У меня рак, – вырвалось у меня; никому другому я бы не сознался в этом.

– Наверное, в этот период вы приблизились к Богу, – спокойно сказал он.

Да, так оно и было, но как же он об этом догадался?

– Знаете притчу про мусульманина, которого вышвырнули из дверей мечети и спустили с лестницы?

– Нет, не знаю.

– Всякий раз, ударяясь об очередную ступеньку, он от боли взывал к Аллаху. Но докатившись донизу, он уже досадовал, что лестнице конец и не будет больше ступенек. Я думаю, что с вами произошло то же самое.

Вообще-то я зашел к нему в лавку, чтобы купить кошелек взамен утерянного. Я и подумать не мог, что мне так повезет. Не представляю себе лучшего напутствия для того, кто собирается в путь на поиски, сам не зная, чего именно?

Скитаясь затем по свету, но раз в три месяца навещая Нью-Йорк для проверок, я постоянно был в движении, каждый раз следуя за какой-то нитью, утоляя свое любопытство или проверяя правдивость услышанных историй.

Я провел почти неделю в отдаленном уголке Индии у границы, в старом и очень скромно оборудованном аюрведическом центре, которым руководил молодой врач, знающий наизусть все священные тексты древнего врачевания. Он научился им у своего деда, а тот – от своего отца и так далее. Место было удивительно красивое, окруженное рисовыми полями, рядом – руины древнего храма; по легенде, его основал сам Рама по пути на Шри-Ланку в поисках похищенной жены.

Там же, в Индии, я обучился рэйки и получил диплом. В Таиланде я голодал семь дней в оздоровительном центре, специализирующемся на очень модной процедуре – колонотерапии.

На севере Филиппин я стал первым, кто испытал на себе перед открытием «Международного центра здоровья» воздействие «Пирамиды Азии», возведенной по заказу самого известного из местных хилеров-цели-

телей, который вдобавок накануне меня «прооперировал».

Несколько дней подряд в Центральной Индии я находился в обществе «мага-целителя», который готовил для меня из трав и коры свои вонючие зелья. Еще несколько дней я провел в знаменитой традиционной больнице в Керале, где невозможно было спать, так как по ночам во дворе трубил слон и беспрерывно играли музыканты в честь божества, покровительствующего аюрведе.

Я ездил в Бостон, где прослушал курс о «морских снадобьях» у молодого итальянца, бывшего хирурга, ставшего гомеопатом и живущего в забытой Богом долине в старой, переделанной под жилье сыроварне. Он силится подвести научную базу под свой метод, в котором, по его признанию, присутствуют элементы магии. Кстати, я испытал его снадобье на себе – и с отменным результатом!

Потом я отправился в Гонконг, чтобы встретиться со старым китайцем, миллиардером и филантропом. Он хотел, прежде чем умереть, оставить человечеству в дар лекарство от рака, поэтому вложил часть состояния в изучение и производство экстракта из гриба, который в китайской традиции всегда считался «чудодейственным».

На севере Таиланда я разыскал своего старого друга Дэна Рида, специалиста по даосизму и гимнастике

цигун, и каждое утро под его руководством проделывал древние китайские упражнения, чтобы «вобрать космическую энергию» – ту самую, о которой он написал книгу.

Я побывал в Калифорнии, где с высокого берега открывается изумительный, переполняющий душу вид на беспредельный океан. Там, на семи ветрах, в уединенном селении из нескольких старых зданий я участвовал в семинаре для больных раком. Нас было девять, и о каждом из моих товарищей у меня сохранились воспоминания забавные и трогательные. Сразу после этого я «прибился» к двум индийцам, выдающемуся учителю йоги и музыканту. Они организовали особый курс, основная идея которого была в том, что при выполнении асан «каналы» в человеке «открываются» и музыка проникает в ткани и клетки тела, стимулируя жизненную силу. Не знаю как, но и это мне помогло! И музыка говорила непосредственно с сердцем.

В Индии я попытался увидеться с Саи Бабой, «святым», который считается чудотворцем, но я его не застал и принял это, как знак того, что эта встреча нежелательна.

По дороге я посетил буддистские святыни. Не один день я провел в Бенаресе, куда индийцы приезжают умирать, чтобы получить гарантию, что им не придется воплощаться снова и снова.

Но, как бывает, ищешь одно, а находишь другое, и

вот к моей обширной коллекции лекарей, специалистов и целителей добавились блаженные аскеты, живущие подаянием, старый иезуит, психолог и гипнотизер, монах, с отроческих лет влюбленный в статую, и другие необычные и чудесные люди.

Повсюду, даже испытывая на себе некоторые из «лекарств», я собирал истории чудесных исцелений благодаря хитрому снадобью или мудреному лечению, а также многочисленные рассказы о людях, которые, отказавшись от обычной западной терапии, лечились альтернативными методами и выжили.

Если для излечения от болезни, порожденной, как я считал, прежним образом жизни, мне следовало жить по-новому, то я выбрал верный путь. Я теперь общался с совершенно другими людьми, решал совершенно другие проблемы, мысли у меня теперь были совершенно другими, и сам я стал другим. Теперь оставалось сделать только один шаг, переступить еще один порог. Причем порог этот был сугубо индийским.

И вот я решил провести три месяца в ашраме, подучить немного санскрит и поразмыслить над серьезным, исключительно важным вопросом, которым издревле задавался человек, центральным вопросом священной Веданты: «Кто я?» Но ответ: «Я – корреспондент такой-то газеты, автор такой-то книги, больной, страдающий от такой-то болезни» – явно не подходил, и я попытался, хотя бы формально, перестать

быть собой, отречься от своего имени и стать «Анамом», то есть «Безымянным». Остаться без имени – неплохой, как мне показалось, способ подвести черту под прежней жизнью, потраченной на то, чтобы это имя создать!

Это странный эксперимент – отказ от привычного «я». Ведь обычно полагается представиться, познакомиться, назвать себя, завязать элементарные социальные связи… Теперь же ты отрешен от того, кем был, что делал, где родился или кого знаешь. Попытайтесь-ка сами, хотя бы во время отпуска!

И вот так постепенно, иронизируя над собой и над тем, что со мной происходило, я перешел от лечения рака «меня-тела» в одной из лучших больниц мира к лечению и «того, другого-который-как-мне-кажется-кроется-за-ним». Я жил в ашраме с аскетическим укладом, учил классические индуистские тексты, распевал ведические гимны и, сидя на земле, ел руками из металлической плошки. Причем не диетическую пищу, которую я так тщательно выискивал в Нью-Йорке, а то, что давали, главным образом отварной турецкий горох, иначе – нут.

– Ну что, ты беседовал с Богом? – спросил меня старый друг, когда я, оказавшись проездом в Париже, зашел его навестить.

– Для этого нужно сперва его найти, – ответил я, чтобы уклониться от ответа. Возможно, он посчитал, что,

пробыв столько времени в Индии, я в каком-то смысле сбился с курса. Нисколько. Я не стал ни индуистом, ни буддистом, не прибился ни к одному из гуру. Не вернулся я и к религии предков, хоть и открыл для себя вновь эту давно забытую радость – молча посидеть в старой прекрасной церкви, где все дышит древней верой, например, во флорентийской церкви Сан Миниато аль Монте.

Подобно многим, я просто человек ищущий. Особых предрассудков у меня нет, новизна меня не настораживает, быть смешным я не боюсь. Нашел ли я идеальное лекарство от своего рака? Нет, не нашел, но зато я, по крайней мере, уверен, что такого лекарства не существует, потому что в мире вообще не существует коротких и легких путей. Коротким путем не придешь ни к здоровью, ни к счастью, ни к мудрости. Все это такие вещи, которых мгновенно не добьешься. И посоветовать тут нечего, каждый должен идти своим путем, потому что одно и то же место может открыться разным путникам с совершенно разных сторон. То, что для одного – лекарство, другому бесполезно, а еще для кого-то окажется ядом. В особенности, если покидаешь надежное, привычное пространство науки, чтобы ринуться в неизведанное, где в наши дни и не протолкнуться сквозь сутолоку пестрого люда – торгашей, шарлатанов и прохиндеев от «альтернативной медицины».

Вот я и вернулся из странствий к началу своего пути. Означает ли это, что я вновь уверовал лишь в науку и разум? Считаю ли я, что западный подход к решению проблем – лучший? Вовсе нет. Сейчас более чем когда-либо я знаю, что ничего нельзя отметать *a priori*, что всегда можно найти нечто ценное при самых неожиданных обстоятельствах. Чудеса? Конечно же, они существуют, но я уверен, что каждый должен творить собственное чудо. И главное, я убежден, что наши знания о мире и о нас самих так ограничены, что за осязаемыми фактами есть ускользающая истина, которую не поймать в сети, сотканные из наших ощущений, критериев нашей науки и нашего так называемого здравого смысла.

Конечно, Запад добился больших успехов в изучении человеческого тела. Но, честно говоря, меня всегда обескураживает то, что наша медицина базируется на анатомии, на расчленении трупов, и я порой спрашиваю себя, можно ли понять тайну жизни, изучая мертвецов? Но Запад совершенно не продвинулся вперед, скорее даже отступил в познании незримого, неосязаемого, невесомого. Того, что поддерживает жизнь в теле, связывая его с остальными формами существования, и делает его частью природы. Психоанализ и психология еще только скользят по поверхности этого «незримого», словно робея перед великой тайной, к которой ни одна наука – именно в силу своей

природы – никогда не сможет подступиться.

Поэтому у медицинских научных исследований нет другого пути, кроме как, пренебрегая целым, пытаться проникнуть в частное, переходя от малого к еще меньшему. Но почему бы не представить себе другое исследование, необязательно строго научное, которое бы двигалось наоборот: от малого к большому?

Не оттого ли, что неосознанно я хотел видеть в своей болезни нечто большее, чем просто проблему с осатаневшими клетками, или потому, что мне хотелось найти какое-то решение, не связанное с «испорченным переключателем» моей ДНК, я оказался в Гималаях, в хижине, сложенной из камней, обмазанных глиной. И там с легким сердцем, без желаний, без честолюбивых стремлений, пребывая в мире с самим собой, я увидел, как в небе забрезжили первые солнечные лучи нового тысячелетия. Я глядел на этот рассвет, будто в первый день Творения, а тем временем самые высокие в мире вершины выплывали из вселенской тьмы, чтобы вспыхнуть розовым огнем и одарить меня надеждой в этом вечном чередовании рождения и смерти.

Целыми неделями, когда сияло весеннее солнце или метровым слоем снега заваливало вход, а дубы и рододендроны стояли как ледяные гиганты, я наслаждался гостеприимством восьмидесятилетнего мудрого индийца, который был поглощен единственным – размышлением о смысле жизни. Когда-то он был зна-

ком со всеми великими учителями своего времени, а теперь живет там в одиночестве, будучи убежденным, что истинный великий Учитель внутри каждого из нас. По ночам, когда тишина становится такой осязаемой, что можно услышать ее таинственный гул, он встает, зажигает свечу и садится перед ней. Так он проводит час-другой. Чем же он занят в это время?

– Пытаюсь быть самим собой, – ответил он мне. – Расслышать мелодию.

Время от времени после прогулки по лесу по следу леопарда, который как-то ночью съел его сторожевую собаку, он поднимался ко мне по деревянным ступенькам, и я на маленькой газовой плитке кипятил воду из ближайшего родника, чтобы заварить две чашки китайского чая, запасы которого у меня всегда с собой.

– Силы видимые и невидимые, осязаемые и неосязаемые, мужские и женские, темные и светлые – словом, все силы Вселенной сообща устроили так, чтобы мы с тобой в этот час могли сидеть здесь у огня и пить чай, – говорил он посмеиваясь, и смех этот сам по себе уже дарил радость. То и дело цитируя Плотина и Боэция, Упанишады, строку из «Бхагавадгиты», Вильяма Блейка или какого-нибудь суфийского мистика, он углублялся в одну из своих оригинальнейших теорий об искусстве и музыке или признавался в своем «первородном грехе»: в том, что для него «быть» всегда было куда важнее, чем «делать».

– А мелодия? – спросил я его однажды.

– Это непросто. Нужно всегда быть наготове, и временами ты сможешь ее услышать. Это мелодия внутренней жизни, той, что в основе всех жизней, той, в которой всему есть свое место, где все есть часть единого целого – добро и зло, здоровье и болезнь; той самой внутренней жизни, в которой нет ни рождения, ни смерти.

Прошли дни, и, глядя на эти великолепные горы, неизменные, незыблемые – истинное воплощение постоянства, но в сущности такие же изменчивые и эфемерные, как и все в этом мире, радуясь общению с моим другом, с этой прекрасной старой душой, встреченной на моем пути совершенно случайно, я почувствовал, что мое долгое и непростое путешествие, которое началось в болонской больнице, близко к завершению.

Я приступаю к описанию своих поисков, главным образом потому, что знаю, насколько опыт странника, преодолевшего часть трудного пути, придаст смелость тому, кто только-только к нему готовится. И еще потому, что вскорости путешествие мое обернулось поисками средства не столько от моего рака, сколько от болезни, которой подвержены мы все, – от смерти.

Но болезнь ли это – наша обреченность на умирание? Стоит ли этого бояться, считая неким «злом», которого следует сторониться? Возможно, что нет.

– Представь себе, каким безумным был бы мир, если

бы все были бессмертны и нам бы пришлось толкаться тут вечно среди всех, кто жили прежде! – сказал однажды один мой старый товарищ, когда мы с ним гуляли по лесу. – Главное понять: жизнь и смерть – две стороны одного целого.

Прийти к этому выводу, видимо, и есть единственная цель путешествия, в которое все мы отправляемся, когда рождаемся на свет, того путешествия, о котором сам я не так уж много знаю. Одно могу теперь сказать убежденно: в этом путешествии стремиться надо извне вовнутрь, от малого к большому.

Последующие главы – это повествование о том, как неуверенно, шаг за шагом я двигался в этом направлении.

НЬЮ-ЙОРК

Образина в зеркале

Все происходило словно в аквариуме. И рыбой в нем был я. Выпучив глаза, хватая воздух разинутым ртом, в тишине, защищенный от непогоды, напичканный антибиотиками – мне даже прививку сделали, чтобы уберечь от простуды, которая для меня могла быть роковой, – в одиночестве, в безопасности в своем сосуде, я наблюдал, иногда часами не двигаясь с места, мир, который едва колыхался там, за стеклянной стеной. Это был Нью-Йорк.

Квартира находилась на пятом этаже: достаточно низко, чтобы видеть улицу, где без остановки шел спектакль под названием «жизнь», но и достаточно высоко, чтобы в большом окне, обращенном на север, были видны деревья Сентрал Парка, а за ними контуры небоскребов.

Я, подобно настоящей рыбе, воспринимал этот странный мир за стеклом с его приглушенными, словно сквозь вату, звуками как нечто далекое и нелепое. В голове у меня было пусто, я не способен был четко мыслить, кости ныли, руки и ноги ослабели. И все это

копошение огромного количества людей там, снаружи – людей, которые трусцой сновали туда-сюда, встречались, пересекались, здоровались друг с другом и разбегались в разные стороны, – все настолько разительно не совпадало с моим собственным ритмом, что иногда я смеялся, будто смотрел старый фильм Чарли Чаплина.

Даже размеренное движение солнца, которое четко вставало и садилось в противоположных точках за моим аквариумом, перестало определять мои биоритмы. Часто я засыпал среди бела дня, но бодрствовал ночью, когда от воя полицейских сирен, пожарных машин и карет скорой помощи некуда было деться и темнота от этого еще более угнетала.

Месяцами это окно скрашивало мое одиночество: отсюда сверху я то наблюдал за марафонским забегом, то смотрел, как снег засыпает город, как гоняются друг за другом белки под голыми деревьями – потом, весной, их уже не было видно среди зелени. Отсюда я следил за житейскими перипетиями симпатичных кудлатых бродяг. Устроившись на скамейках в окружении своих узлов и пакетов, они радовались солнцу куда больше, чем все эти деловые люди, которые спешили, ничего не замечая вокруг. Я пытался предугадать, что ждет девушку из пригородного автобуса с огромной дорожной сумкой через плечо, у которой наверняка было немного одежек, но множество надежд и пла-

нов на будущее. Отсюда, из этого окна, я наблюдал за прелюбопытными отношениями между собаками и их хозяевами (и за взаимоотношениями, не менее занятными, – между владельцами собак). Просто удивительно, сколько всего можно узнать, сидя у окна, и сколько можно насочинять о жизни других людей, отталкиваясь от любой подмеченной мелочи, любого жеста.

Даже такое непритязательное, обезличенное место может стать человеку своего рода «домашним очагом». Сколько раз, возвращаясь с прогулки, чувствуя, как капли холодного пота стекают по спине, я считал шаги, предвкушая, с какой радостью я открою дверь квартиры 5/С и почувствую въевшийся запах наемного жилья, который я напрасно пытался перебить сандаловыми курительными палочками.

Вселившись сюда, я задрапировал цветастыми индонезийскими батиками все зеркала, которые понавесил кто-то из бывших обитателей, чтобы комната выглядела просторнее. Незавешенным я оставил лишь одно – над умывальником, и каждый раз, заходя в ванную, я видел в нем какого-то лысого типа с одутловатым желтым лицом без малейших признаков растительности; он смотрел на меня и корчил гримасы, будто мы с ним знакомы. На самом деле я прежде его не встречал, тем не менее, он всегда был там, в зеркале – стоило только открыть дверь. Иногда он даже ухмылялся мне и казался еще противнее. Но это его

не смущало, и он продолжал по-своему общаться со мной. Говорил, что мы знакомы почти шестьдесят лет. Говорил, что он – это и есть я. Мало-помалу пришлось привыкать к нему, этому моему новому «я» – грузному, мертвенно-бледному, без единого волоска.

Для китайцев красиво стареть – искусство, отточенное веками. Прожив среди них не один год, я тешил себя надеждой, что тоже этому подучился и воспользуюсь им, когда придет черед. Мне нравилось думать, что я стану седовласым старцем, возможно, с красивыми густыми бровями, как у премьер-министра при Мао, утонченного эстета Чжоу Эньлая, который их наверняка холил. Я же не предвидел, что придется прибегнуть к химиотерапии. Но и химиотерапия тоже не на того напала! Чтобы не вычесывать каждый день клочья выпадающих волос, я перед курсом «химии» попросил знакомого парикмахера Анджело обрить меня наголо, якобы для смены имиджа – а шевелюра моя была почти до плеч.

– Я уже закрываю, приходите завтра, но за ночь обдумайте все хорошенько, – сказал Анджело. – Зачем же, чтобы вы мне потом подожгли парикмахерскую?

На следующий день он все-таки выполнил мою просьбу; правда, усы отказался сбривать наотрез, и мне пришлось сделать это самому. Усы я носил с 1968 года, когда Ричард Никсон победил на президентских выборах, а я, тогда студент Колумбийского универси-

тета, проиграл пари. За эти почти тридцать лет усы стали частью меня – того, каким я себя видел. Потом меня самого удивило, как быстро я от них отвык.

Однажды я услышал от своего старого школьного товарища Альберто Барони, ныне известного во Флоренции геронтолога, такую фразу: «Старики, которые всю жизнь трясутся над своей внешностью, особенно страдают, когда инфаркт, паралич или любая другая болезнь разрушают их имидж». Я хотел одолеть болезнь, поэтому от прежнего меня – усатого и косматого – следовало избавиться.

Последний день оказался во всех отношениях примечательным. Еще не расставшись со своим прежним лицом (чтобы банковские клерки меня узнали и оплатили чек), я отправился в Итальянский коммерческий банк на Уолл-стрит – снять со счета солидную сумму денег и располагать наличностью. Светило солнышко, дул ветер, и я – еще прежний я – весь в белом, еще полный сил, усатый, с развевающейся шевелюрой шел вдоль Пятой авеню, разглядывая себя в витринах. Пройдет несколько часов – и мне больше не быть таким, как это отражение. Мысль о том, что скоро я стану другим человеком, почти забавляла меня. В жизни мне не раз доводилось встречать людей, которые, насколько я знал, жили параллельно двойной, а то и тройной жизнью. И я бы так хотел, да не умел. Зато теперь я мог рассчитывать, что проживу две жизни – ну не одновре-

менно, а одну за другой… Вернее, возможно проживу.

– Эй, Тициано, а ты что делаешь в Нью-Йорке?

Возле магазина Уолта Диснея, приветственно раскинув руки, передо мной стоял давний коллега из «Либерасьон» вместе с женой.

– Ну и ну, не ожидал тебя здесь увидеть. Ты, как всегда, в белом, мы тебя издалека узнали. Не поужинать ли нам сегодня вместе?

В последний раз мы встречались с ним в Улан-Баторе; и он сказал, что пишет исторический роман, действие которого происходит там же, в Монголии.

– Ну как, дописал роман? – спросил я.

– Да какое там! Написал уже больше тысячи страниц, но он все распухает… Хуже, чем рак! Растет, растет… но я не сдаюсь.

Я расхохотался, но ни он, ни его жена – маленькая, изящная лаоска – не поняли отчего. Не я ли подсознательно внушил ему это сравнение? Я пробормотал извинения за то, что не могу поужинать с ними, и сбежал.

До встречи с парикмахером Анджело мне нужно было обновить свой гардероб, точнее, решить, во что одеть этого «нового меня». Сомнений не было: если я действительно хочу справиться со своим недугом, не нужно ни о чем жалеть, нельзя ностальгировать по прошлому и, главное, не следует обольщаться надеждой, что я когда-нибудь стану прежним – даже если и выкарабкаюсь. Поэтому нужно было покончить с этим

субъектом, прежним мною – открытым, стремящимся нравиться, слегка самоуверенным, общительным, всегда одетым в белое – с тем Тициано, у которого в организме вдруг взбесились клетки. А почему они взбесились? Может, именно потому, что я прежде был именно таким! И теперь мне нужно было изменить себя, не цепляться за прежний образ жизни, за привычки и любимые цвета прежнего Тициано. Не то чтоб я безоговорочно доверял всему, что рождалось в моей голове, но я не мешал этим мыслям, наблюдая как бы со стороны.

В Нью-Йорке никогда не прекращаются «распродажи». Последней уловкой, чтобы подтолкнуть людей потреблять все больше и больше и покупать то, что им совершенно не нужно, стал девиз «два по цене одного». На одной из улиц, по которой я брел, стараясь каждый день выбирать новый маршрут, я наткнулся на большой магазин с названием, будто нарочно придуманным для меня: «Дешевая одежда для миллионеров». Миллионером я никогда не был, но всегда себя им чувствовал. Ну а насчет одежды, то я всегда носил дешевые вещи; а хождение в роскошный магазин за дорогими тряпками меня не манило. А вот здесь, среди уцененной и вышедшей из моды одежды приличных фирм, было очень много интересного. За несколько минут и за пустяковую цену я приобрел все элементы своей новой униформы: два спортивных костюма, синий и черный; кроссовки, гетры, перчатки и два

красивых шерстяных берета, чтобы прикрывать тот бильярдный шар, в который вот-вот превратится моя голова.

У раковых клеток зловредное свойство – стремительно и неукротимо размножаться. Химиотерапия – это смесь сильнейших химических компонентов (для благозвучия – «коктейль»), которая, циркулируя с кровью, разрушает такие клетки. Проблема в том, что при этом достается и другим клеткам. Увы, клетки волос, а также неба, языка, других слизистых и еще стенок кишечника подвергаются такой же атаке, что и больные. «Выходит, это все равно, что поливать напалмом в джунглях тысячи деревьев, чтобы расправиться с сидящей на пальме обезьяной», – сказал я медсестре, она в этот момент старательно готовила первый коктейль, которым меня собирались «бомбить».

Я вспоминал о людях, о вьетконговцах, о том, как американцы во вьетнамской войне обрабатывали дефолиантами огромные территории, губя всю растительность, – и только затем, чтобы помешать партизанам там прятаться и находить пропитание. Это та же логика, которую я во Вьетнаме ненавидел, но сейчас мне пришлось довериться ей, чтобы попытаться спастись. Наблюдая, как первые огненно-красные капли одна за другой вытекают из прозрачной емкости, проходят по пластиковой трубке и медленно проникают мне в вену сквозь иголку, воткнутую в левую руку, я чув-

ствовал, что они уже действуют.

Результат оказался быстрым и ошеломляющим: рот наполнился сильнейшим железным привкусом, голова вспыхнула, как от струи напалма, и этот жар растекся по всему телу, проник в каждый уголок и добрался до кончиков пальцев. Я сидел в удобном кресле, как у астронавта в космическом корабле, любовался цветами на подоконнике, скромными, но живыми, и слушал, как милая молодая медсестра рассказывает мне о своей заветной мечте – жить в Калифорнии, в домике у моря. Я был спокоен, чувствуя себя в надежных руках. Мне нравился яркий, почти светящийся цвет жидкости, что входила в мое тело, – этот цвет казался мне признаком того, что она непременно подействует, и я даже огорчился, когда красный раствор закончился, и девушка подсоединила к капельнице новый флакон с последним компонентом. Он оказался бесцветным, как вода, и я не мог себе представить, что от него будет какая-то польза. Я посоветовал окрасить эту жидкость в какой-нибудь красивый цвет – изумрудно-зеленый или сиреневый, чтобы подкрепить химическое воздействие еще и психологическим. Медсестра рассмеялась: «А это идея!»

Она была очень наблюдательна. Следя за пациентами, она замечала, что каждый из них переносит химиотерапию по-своему. Кто-то медитирует, кто-то берет с собой плейер, чтобы слушать любимую музыку.

Есть и такие, которые мечутся, страдают; процедура для них буквально пытка, потому что они не подготовлены психологически, не видят в ней шанса на выздоровление и, главное, не желают смириться с последствиями лечения, с побочным эффектом, который скоро даст о себе знать.

– А вот вас, похоже, все забавляет, – сказала она мне. Выбора-то у меня не было, и «хорошая мина при плохой игре» казалась мне естественной моделью поведения.

«Химией» началась для меня оптимальная стратегия выживания, предложенная специалистами Онкологического центра после недель обследований, наблюдений и консультаций. Именно так сказала уверенная и серьезная женщина-врач, которая занималась мною: пятидесятилетняя, худощавая, прямая, суровая, немногословная – правда, временами ее лицо освещала очень мягкая улыбка. Уже в первую встречу я почувствовал, что могу довериться ей, и, не колеблясь, так и сделал. После «химии», коктейля, составленного конкретно для меня миланскими врачами, которых она очень уважает, предстояла и операция. А когда швы заживут, меня ждет облучение при помощи системы, находящейся сейчас еще в фазе эксперимента и разработанной израильским врачом, руководителем отделения радиологии Центра.

Радиолог, невысокий, крепкий, с бородкой, как у

Фрейда, живо интересующийся всем, что находится и за пределами медицины, казалось, просто излучал выздоровление – даже не включая своей аппаратуры. По крайней мере, такое впечатление у меня возникло, когда я впервые его увидел и сразу же решил принять участие в его «эксперименте». Я был у него восемнадцатым пациентом.

– А что же остальные семнадцать?

– Все выжили.

– И сколько времени они уже живут?

– Два года… Но мы только два года, как применяем эту терапию. С тех пор я прозвал его Излучателем.

Хирург предстал передо мной в брюках цвета хаки и джинсовой рубашке. Он был невысокий, полный, светловолосый, с животиком типичного немца – любителя пива; пожалуй, в нем была тевтонская кровь. В буквальном переводе его фамилия звучала как «Властелин» или даже «Господь». На меня сильное впечатление произвели его уверенные голубые глаза и маленькие руки с тонкими сильными пальцами. Мне подумалось, что, будь я Людовиком XVI, идущим на гильотину, то хотел бы, чтобы палач был столь же надежным. Хирург производил именно такое впечатление: абсолютно уверенный в том, что он делает, в том, что именно он должен удалить, а что оставить, когда раскроит меня одним махом от пупка до спины. Правда, «Господь» так и не сказал, собирается ли он в процессе работы

вынуть у меня ребро для определенной надобности.

– Какие у меня шансы на выживание? – спросил я у него.

– Просто великолепные, если вы не умрете от того, другого рака. Что ж, лучше, чем ничего. Тем более это сказал он, «Господь», или «Творец», как стал я называть его про себя.

Каждая из этих фаз предварялась сеансом «Спелеолога», юного специалиста в области эндоскопии, способного со своей крошечной телекамерой забраться туда, откуда нужно было взять ткани на анализ. Раз десять он пробирался в недра моего тела, и, думаю, никто не может похвастаться, что знает меня изнутри лучше, чем он.

Все эти дела заняли в общей сложности шесть-семь месяцев. Я пытался уговорить «докторессу», координировавшую все этапы «ремонта», сократить эти сроки, отказаться от некоторых процедур. «И не повременить ли с операцией?» – спросил я. Но она, глядя мне прямо в глаза, отрезала путь к бегству:

– Mister Terzani, you wait – you die. (То есть «подождете – умрете»).

Если «ждать» действительно означало расстаться с этим светом, то выбора у меня, и вправду, не было, так что я прекратил всякие обсуждения.

Поэтому «химия» мне нравилась и я ухватился за нее, как за веревку, которую кто-то бросил мне, чтобы

спасти и от тигра, который угрожал сверху, и от пропасти подо мной. Поэтому я старался осознанно воспринимать каждую каплю, следить за каждой реакцией организма, концентрировать все внимание на том, как действует это лечение. Химиотерапия стала началом другого отпущенного мне отрезка существования, еще одного круга на карусели. И мне нравилось, что на больничном жаргоне день инъекции назывался «Day One». Для меня тоже это был «день первый» – первый день новой эры, моей второй жизни.

Когда спустя часа два девушка помогла мне подняться, я почувствовал страшную усталость. Кости болели так, будто меня колотили дубиной, но я заранее знал, что так будет, и собрался с силами, чтобы вернуться домой пешком через Сентрал Парк. Обычно на это уходило полчаса, теперь понадобился час. Ощущение было такое, будто я плыву в воздухе, как в наркотическом сне, но я был доволен, что доплелся домой сам. «Докторесса» подбодрила меня, посоветовав по возможности продолжать занятия гимнастикой и двигаться. Помимо других указаний насчет того, что делать и чего не делать, она попросила меня пить как можно больше, до трех-четырех литров воды в день, чтобы вывести из организма убитые «химией» клетки. Я скрупулезно выполнял все указания. В этой вере во врачей, в тщательном выполнении их предписаний было что-то утешительное, и я чувствовал, это сильно

мне помогало. Как молитва. Но молиться я как раз и не умел. Мне казалось немного смешным беспокоить Бога – или кого бы то ни было там наверху – просьбами заняться моими болезнями. Столько хлопот итак со всей этой Вселенной, чтобы еще и со мной возиться…

Между двумя «коктейлями» полагалось две недели перерыва, и в течение их я должен был по определенной схеме принимать целый ряд лекарств. И еще я сам делал инъекции стероидов маленьким шприцем в складку живота. Стероиды должны были способствовать воспроизводству белых шариков, но вызывали боли в костях, особенно в области таза и в груди. Целью этого двухнедельного перерыва было прежде всего дать организму оправиться после «бомбардировки» и заставить тело вернуться к некоему подобию нормальной жизни, чтобы можно было нанести следующий удар.

Тело. Тело. Тело. Любопытная вещь: пока все нормально и человек здоров, он не замечает, что у него есть тело, не задумывается над тем, как оно работает. Но стоит заболеть, и тело тут же оказывается в центре нашего внимания. Простые действия, как вдохнуть-выдохнуть, сходить, как говаривали наши старики, «по малой или большой нужде», вдруг приобретают первостепенное значение, становятся источником боли и радости, вызывают облегчение или угнетают. Следуя полученным инструкциям, я наблюдал за все-

ми функциями своего тела и старался исправлять всякие отклонения. Но тем самым я все больше осознавал свою зависимость от него, понимал, насколько его состояние диктовало мне настроение и какие усилия приходилось делать моим различным «я»: «я-разуму», «я-сознанию», «я – тому, другому», чтобы не стать рабом тела.

Мне всегда казалась убедительной мысль о том, что при наличии сильной воли можно быть свободным даже в тюрьме. Один из самых прекрасных примеров совсем свежий: это Палден Гьяцо, тибетский монах, которому удалось выжить после тридцати трех лет пыток и изоляции от внешнего мира в китайских застенках, сохранив духовную свободу. Но до какой степени можно оставаться свободным, когда ты пленник собственного тела? И что такое эта благословенная свобода, о которой сегодня мы все столько говорим? В Азии ответ можно найти в одной древней притче.

Приходит однажды человек к прославленному мудростью царю и спрашивает:

– Скажи мне, о повелитель, есть ли на свете свобода?

– А как же, – отвечает ему тот. – Сколько у тебя ног?

Человек оглядывает себя, удивленный таким вопросом.

– Две, о повелитель.

– А можешь ли ты стоять на одной ноге?

– Могу.

– Так попробуй, только реши сперва, на какой.

Человек, поразмыслив немного, поднимает левую ногу, перенеся при этом свою тяжесть на правую.

– Хорошо, – говорит царь. – А теперь подними и другую ногу тоже.

– Как? Это же невозможно, о повелитель!

– Вот видишь? Вот она, свобода. Ты свободен лишь до первого решения, а затем свобода кончается.

Ну, а что за выбор я сделал? До какой степени я – это мое тело? Какие отношения связывают нас – мое тело и меня? И действительно ли нас двое, или мой разум, с которым мое «я-я» предпочитает себя отождествлять, всего лишь одна из функций тела и, соответственно, полностью от него зависит? Эти вопросы – теперь, когда я все отчетливее понимал смерть как реальную возможность, – с болью, смятением, тоской, которые мне предстоит перенести, – наполнялись для меня глубоким смыслом, хотя, конечно, ответов у меня не было.

Мне нравилось думать, что мое тело всего лишь одежда, костюм, который при рождении я взял поносить и который рано или поздно верну (вернее, мне придется это сделать) – спокойно, не боясь внезапной наготы. Но так ли это будет? Одно я знал точно: мой «я-разум» осознавал существование моего тела. А вот тело, осознавало ли оно мое существование? Как бы

там ни было, пусть теперь знает, что я есть и что оно, тело, не всегда может вытворять все, что ему заблагорассудится!

Первым на «химию» прореагировал желудок, который, не умея контролировать себя, желал извергнуть все то, что совершенно справедливо казалось ему ядом. Чтобы избежать этого, в больнице мне дали целый флакон невероятно дорогих таблеток, которые я должен был глотать, когда станет невтерпеж. Мне удалось обойтись без них – я так и не принял ни одной. Когда я чувствовал, что мой желудок вот-вот начнет проявлять свои отвратительные реакции, я садился на пол перед своим маленьким бронзовым Буддой, закрывал глаза и сосредотачивался на своем желудке, представлял себе, что ласкаю его, говорил с ним – и он притихал. По крайней мере, так мне казалось. Возможно, мне просто повезло. Я не обольщался насчет того, что навыки к медитации, полученные на курсах в Таиланде, могут заменить мне врачей, их таблетки и уж тем более эту вредоносно-полезную красную светящуюся жидкость. И все-таки это погружение в себя мне очень помогло.

Несмотря на стремление быть чем-то большим, чем собственная плоть, пусть менее материальным, менее подверженным изменениям и распаду, я как был телом, так телом и остался. Так что теперь мне следовало уделять больше внимания тому, что поддержива-

ло работу этого самого тела, от которого теперь, казалось, зависело все.

«97 % того, чем мы являемся, – это наша пища», – сказала мне вместо вступления молодая женщина-диетолог Онкологического центра. Меня направили к ней подобрать такую диету, чтобы легче переносить химиотерапию. – Техногенная пища нарушила стабильность наших тел и серьезно подрывает здоровье. Поэтому, по возможности, питайтесь натуральными продуктами».

Если я хотел помочь своему телу, мне следовало пить побольше травяных отваров, избегать натурального молока из-за его жирности и довольствоваться соевым. Мне разрешался нежирный йогурт и много фруктов. Раз я упорно хотел оставаться вегетарианцем – этой идеей я проникся, живя в Индии, – то следовало есть больше орехов, грецких и кедровых, а также различные семечки – лучше из тыквы и подсолнуха, но не слишком соленые.

«Старайтесь, чтобы ваша еда была яркой, смешивайте красные, желтые, зеленые и черные овощи. Ешьте больше брокколи, лука-порея, а чеснока – сколько душе угодно. Два-три раза в день готовьте себе пюре из сырых овощей и фруктов, кладите туда все подряд – морковь, яблоки, шпинат и все лесные ягоды, которые сможете найти, особенно чернику. Мой вам совет: апельсины и грейпфруты ешьте вместе с во-

локнистыми прослойками. Клетчатка полезна при вашем состоянии и помогает пищеварению», – говорила она мне, а я, словно вернувшись в журналистику, записывал ее слова.

Я, прежде никогда не задумывавшийся над тем, что я ем, который не беспокоился, не пересолено ли кушанье, что стоит передо мной, вареная это еда или жареная, очень скоро стал особо придирчивым к тому, что отправлял себе в рот. Я превратился в завсегдатая магазинов, торгующих биопродуктами, стал дотошно читать надписи на упаковках. Я научился не доверять этикеткам с красивыми картинками озер и горных пиков, рассчитанных на околпачивание покупателя, зато внимательно присматривался к информации, которую производители обязаны сообщать о компонентах своего товара. К тому, что содержало консерванты, красители, ароматические или вкусовые добавки, я даже не прикасался, опасаясь суррогатов. Все тефлоновые кастрюли и сковородки я выкинул и купил взамен чугунные, каждое блюдо я старался готовить самым простым и естественным способом.

Самое большое инстинктивное отвращение мне внушали продукты с генетически модифицированными компонентами. Руководители крупных вредоносных предприятий пищевой промышленности бездумно ринулись манипулировать природой ради огромных барышей. Задавались ли они когда-нибудь вопросом, ка-

кие последствия для человеческого тела и для окружающей среды породит эта «игра в Господа Бога»? А продукты тем временем поступают в продажу, люди их едят, и кто знает, к какому чудовищному результату может все это привести? Когда-нибудь мы это поймем, но для многих будет уже слишком поздно.

Если правда, что наше тело – это в основном то, что мы едим, то, может, и рак, тоже часть моего тела, вызван тем, что я ел. Мысль вполне логичная, не придерешься, и я с ужасом вспоминал о бесчисленных порциях восхитительно вкусной китайской еды, приготовленной на зловонных и грязных кухнях. Сколько таких блюд было съедено за долгие годы – супчиков, проглоченных у дороги в Индокитае, тысяч съедобных вещей, которые человек поглощает за свою жизнь, чтобы утолить голод, от скуки или просто за компанию. А недомытые миски и тарелки, из которых мы едим? А посуда в больших отелях – сверкающая, но вымытая до блеска не безвредной золой, которой пользовались наши бабушки, а всевозможными моющими средствами, вредными для здоровья?

В Индии есть целые группы людей, например, ортодоксальные брамины, которые едят лишь то, что сами приготовили, и из посуды, которую сами вымыли. Есть такие, которые считают, что выбор повара – вопрос не житейского, а духовного порядка. Эти брамины полагают, что приготовляющий пищу невольно проецирует

на нее свое влияние и, если у повара низменная душонка, он передаст своей стряпне отрицательный заряд, который неизбежно перейдет и к едоку. С научной точки зрения это абсурдно, потому что никакая наука не способна ни подтвердить существование этого отрицательного заряда, ни измерить его величину, что не мешает некоторым людям в это верить. И это не означает, что такого заряда не существует.

Врачи только посмеивались, слушая мои рассуждения на эти темы в перерывах между осмотрами, но ни один из них не задумался – а нет ли в этом, ином видении мира того, что ускользает от науки? В конце концов наша хваленая наука далеко не совершенна, особенно в том, что касается пищи и здоровья.

Из года в год многочисленными научными исследованиями доказывалась важная роль витаминов в борьбе с различными болезнями. Однако сейчас появились результаты новых опытов, согласно которым от витаминов в этом смысле пользы мало, а то и вовсе нет. Почти двадцать лет подряд нас убеждали, что соль опасна при сердечных заболеваниях, а сейчас обнаруживается, что это не совсем так. Из года в год врачи твердили, что диета с высоким содержанием клетчатки – лучшее средство для профилактики рака толстой кишки. Не подтвердилось и это.

Чуть ли ни ежедневно в американской печати появлялась очередная статья, в которой со ссылкой на

исследования, проведенные тем или иным университетом, доказывалось, что тот или иной овощ действеннее других может помочь в борьбе с раком. Речь шла то о луке, то о брюссельской капусте, то о моркови, то о помидорах, то о молодых (не старше трех дней!) побегах брокколи. То же самое происходило с фруктами (исключительно полезны сливы и черника) и специями (куркума и тмин). Спустя несколько лет все эти исследования безнадежно устаревают и наконец вызывают просто смех, как, например, очередное открытие, о котором я прочитал однажды в «Нью-Йорк таймс»: оказывается, в состоянии стресса человек больше подвержен… простудным заболеваниям.

Ну и что теперь? Если науке не удается – по крайней мере, пока – проверить, действительно ли повар может зарядить еду своей энергией, достаточная ли это причина для того, чтобы это отрицать? Почему не подумать над тем, что коровье бешенство могли вызвать систематические добавки муки из костей и мяса в корм самому травоядному существу на свете, абсолютно миролюбивому и поэтому священному в глазах индусов? С научной точки зрения такой аргумент может показаться несостоятельным, а мне кажется вполне убедительным: коровы свихнулись, потому что были вынуждены пережевывать переработанные трупы других, насильственно умерщвленных существ. Все очень просто. Сумели бы мы, люди, остаться нормальными,

если бы однажды обнаружили, что наш утренний кофе приготовлен из прожаренных и перемолотых косточек родственников, а бифштекс на тарелке – из ляжки соседского сына?

А как коровы смогли догадаться, чем их кормят? Что ж, это тоже один из вопросов, на которые наука не способна – по крайней мере, сейчас – дать ответ, но это не означает, что их не следует задавать. Разве нам удалось объяснить с научной точки зрения, почему собака привязывается к человеку или каким образом лосось, прожив несколько лет в открытом океане, находит дорогу в реку, где когда-то вылупился из икринки? Но находит же, чтобы тоже отложить икру и умереть. И каким образом крольчихи, сидящие в клетке на корабле, узнавали, что в глубине, на подводной лодке, их крольчат умерщвляют по очереди через неравные промежутки времени? Такой эксперимент был проведен еще во времена Советского Союза для доказательства реакции у матери на смерть каждого крольчонка.

Больше всего эти измышления забавляли мою докторессу – лечащего врача. Правда, она не давала себя поймать в ловушку. Да и не хотел я ее признаний, что наука – это нечто относительное, а история научных исследований – не более чем череда истин, которые быстро превращаются в ошибки в свете новых фактов. Нет, нет! Просто моя голова развлекалась и фантазировала, но в глубине души я желал довериться науке,

так как именно на нее я сделал ставку в расчете выиграть.

«Синьор Терцани, я слышала, что вы даете прозвища своим врачам. А меня вы как прозвали?» – спросила меня однажды докторесса. К счастью, мне не пришлось лгать. Обыграв ее фамилию и поменяв одну лишь гласную, я прозвал ее «Bringluck» – «Приносящая удачу».

Если тело – это в значительной степени то, что поступает в него извне, и к еде нужно быть требовательным, то ведь был еще и воздух. Без еды тело может обойтись несколько дней, и это даже пойдет ему на пользу, а вот без воздуха ему не прожить и нескольких минут. Раз уж не дано выбирать, каким воздухом дышать, то хотя бы делать это рационально.

Я ухватился за эту мысль, когда прочитал объявление о том, что некий китайский «учитель» проводит в эти выходные семинар по гимнастике цигун (в буквальном переводе «работа с воздухом»). В семинаре мог участвовать любой, «вне зависимости от возраста и физического состояния». Я записался, заплатил и в субботу в девять утра уже был в зале с деревянным полом и железными колоннами, в здании бывшей фабрики в одном из самых привлекательных и модных нью-йоркских кварталов – в Боуэри. Бывшие текстильные фабрики и здания фирм с красивыми фасадами начала XIX века превратились сейчас в бутики мод-

ной одежды, особенно молодежной, в художественные галереи, центры «альтернативной» культуры и самой разнообразной деятельности в духе «нью-эйдж». Семинар Мастера Ху оказался превосходным примером нового типа потребительства. Там, где когда-то трудились за швейными машинками сотни иммигранток – это они на таких потогонных фабриках способствовали расцвету американской промышленности готового платья, теперь собрались с полсотни женщин, молодых и среднего возраста (я и еще один тип составляли исключение). Все внимательно слушали Мастера Ху, который на своем убогом английском, то и дело обращаясь за помощью к ассистенту, объяснял «один из древнейших секретов Китая». По акценту я понял, что этот помощник родом из Италии. На кассе сидела корейская девушка, его подруга.

Цигун, как и пранаяма в Индии, – это искусство контролировать собственное дыхание и направлять жизненную силу в различные части тела, помимо легких. Прожив много лет среди китайцев, я видел, как на рассвете в городских парках много народу, особенно стариков, сосредоточенно выполняет эти медленные телодвижения. Я много слышал о чудодейственных целительных свойствах этой гимнастики. В Пекине у Анджелы была подруга, которой удалили раковую опухоль. После операции руководство предприятия, где она работала, направило ее на курсы цигуна, и, по ее

рассказам, занятия ей очень помогли.

Когда в Китае меня арестовали, а затем выслали, я только-только начинал учиться этой древней гимнастике для тела и души. Хорошо было бы закончить этот курс в Пекине, где занятия вел старый рабочий, выполнявший эти упражнения всю жизнь. Теперь вместо этого я в Нью-Йорке слушал банальности Мастера Ху. «Если искусством цигуна, которому я вас обучаю, – говорил он, – заниматься правильно, оно способно изменить ваш характер, сделать вас дружелюбнее, а женщинам облегчить поиски будущего супруга». Бедный Мастер Ху: он совсем недавно приехал в Америку и еще не понял, что здесь это не довод.

Весь день я провел, обучаясь различным упражнениям: одни были направлены на понимание того, что дыхание происходит от расширения грудной клетки, а не наоборот. Другие помогали научиться включать в процесс дыхания не только грудную клетку, но еще брюшную полость и малый таз. Одно из упражнений заключалось в том, чтобы стать, расставив ноги на ширину плеч, слегка согнуть их в коленях, соединить кисти рук на уровне пупка и представить, что вы держите энергетический шар. Через десять минут следовало представить себе, что шар вращается сначала в одном направлении, затем в другом. «А теперь попробуйте расцепить руки и увидите, как это трудно. Не у всех получится», – сказал Мастер Ху. Некоторые женщины

с восторгом признали, что это действительно так. Их руки застыли под влиянием «магнитного поля». Но не мои.

Для выполнения последнего упражнения требовалось закрыть глаза и, слегка согнув ноги в коленях, вообразить, что ступни прорастают в почву, а голова уходит в небеса. Это мне понравилось, потому что таким был мой идеал полноты жизни – укоренившись в реальности, воспарять в мечтах.

К концу первого дня я представился Учителю, попросил его рассказать мне свою историю и вскоре оказался вместе с ним и его свитой – помощником-итальянцем и корейской девушкой – в вегетарианском ресторане. По дороге итальянец рассказал, что приехал в Соединенные Штаты сразу после армии в расчете устроиться на работу ювелиром. Работы он не нашел, зато обнаружил, что «целительством заниматься куда интереснее». И конечно, намного легче и прибыльнее. Он стал посещать курсы различных боевых искусств, перепробовав все – от кунг-фу до дзюдо, от айкидо до тайцзицюань. Потом он встретил Мастера Ху, подрядился поставлять ему клиентуру, и они стали партнерами, дополняя друг друга. Впоследствии к ним присоединилась и девушка-кореянка. Ее недавно уволили с фармацевтического предприятия, и теперь она тоже решила стать целительницей.

Помощник много рассказывал мне о «чудесах» Учи-

теля. Он сказал, что тот способен двигать вещи на расстоянии и заставлять лист бумаги летать по воздуху только усилием воли. «Я пока только мигрень научился лечить, а вот он может все», – заключил он. Излечение больных раком было, конечно же, одной из особенно широко разрекламированных способностей Учителя, и подручный клялся, что лично видел, как у больных уже с первого раза уменьшались размеры опухолей под воздействием «энергии» Мастера Ху. Учитель, по словам итальянца, мог бы вылечить от болезни Паркинсона даже Папу Римского – но вот как связаться с Ватиканом?

Учитель и его свита, конечно же, искали удобного случая, чтобы прославиться. Для этого было необходимо сотворить любое «чудо», для которого нужен был объект достаточно известный, – так было бы престижнее. Мог ли я испытывать к ним неприязнь? Таков мир: рынок правит всем, нравственно то, что прибыльно, каждый крутится, как может, чтобы выжить в этих джунглях, и не видно возможности что-либо изменить. Могу сказать только, как мне это противно.

В сущности история Мастера Ху была красивой и трогательной. Он родился в провинции Ганьсу, одном из самых захудалых уголков Китая, и вырос в деревне. Семья из века в век выживала при помощи своего секрета – умения лечить ожоги. Секрет был прост: они складывали дынные корки в глиняные сосуды, плотно

закрывали, закапывали на глубину трех метров и оставляли на несколько месяцев. Жидкость, которая выделялась из корок, была чудодейственной. Достаточно было нанести ее на обожженную кожу, и рана заживала.

Я представляю себе улицу старой классической китайской деревушки: низенькие дома с крышами из сланца и земляным полом; крестьяне, идущие по делам, обожженные, прибывшие издалека за исцелением. Там все это имело смысл, все соответствовало человеческим возможностям, обладало неким шармом. И вот глобализация, свободный рынок, свободный обмен идеями и желаниями подтолкнули молодого Ху стать «Мастером Ху», чтобы торговать самым ходовым товаром на свете – надеждой. Какой надеждой – на излечение от ожогов? Конечно же, нет, мазь от ожогов продается в любой аптеке. Тут речь идет о надежде на спасение от рака, против которого до сих пор надежного средства нет.

– Вы заметили женщину в глубине комнаты неподалеку от вас? – спросил меня итальянец. – Она не хочет, чтобы об этом знали, но у нее рак груди. Она решила не оперироваться, отказалась и от химиотерапии и доверилась лечению Мастера Ху.

Конечно, я заметил ее: бледная, испуганная. За обедом она одиноко сидела на полу у стены. Вытащив из сумки мисочку с какой-то зеленоватой бурдой, вероят-

но, плодом какой-нибудь китайской или макробиотической мудрости, она принималась молча, без всякого удовольствия есть. Ну что же это за мир такой!

Молодой подручный мог бы стать хорошим ювелиром у себя на родине, юный Ху мог бы продолжить семейную практику, корейская девушка была бы счастлива у себя дома. Так нет же, вихрь эпохи закружил их, увлек за собой – и вот они здесь, на далеком берегу, как жертвы кораблекрушения. Случай свел их вместе, и теперь они «торгуют воздухом», морочат голову бедной женщине, убеждая ее, что их шарлатанство лучше химиотерапии и того, что может ей предложить наука, пусть и не всемогущая.

Второй день был посвящен повторению пройденного, а еще мы стали свидетелями некоторых «чудес» Учителя, из тех, о которых говорил итальянец. Учитель усаживал человека на стул и измерял ему кровяное давление. Потом он становился за его спиной, делал пассы, передавая свою энергию, и снова измерял давление, чтобы доказать, что оно снизилось.

Я не мог отвести глаз от той маленькой женщины, худенькой и бледной, что сидела в углу комнаты неподалеку от меня и, словно в трансе, следила за каждым движением Учителя, в руках которого была теперь ее жизнь. Да, это была ее собственная жизнь, и она имела право выбирать, как прожить ее и как завершить, но была ли она свободна в своем выборе? Не подвернись

Мастер Ху, она бы наверняка доверилась хирургу, прошла бы химиотерапию и, кто знает, возможно, смогла бы снова бегать по утрам в парке.

Чья тут вина? Гимнастики цигун? Разумеется, нет. Цигун – мудрое учение, есть что-то здоровое, настоящее, древнее в этом умении управлять собственным дыханием, в упражнении с шаром, в том, чтобы представлять свою голову в облаках. Возможно, и в этих попытках помочь кому-нибудь, передав ему свою энергию или просто успокоив его. Но вот что здесь было неприемлемым, по крайней мере, для меня – неуместность всего этого здесь. Ощущалось, будто нечто механически перенесено из естественного мира в чуждый. Эта оторванность от привычной среды, то, что цигун превратился в товар в супермаркете. Ну и еще этот рекламный стиль с перечнем всевозможных болезней, «острых и хронических», которые Мастер Ху со своим цигуном обещал успешно вылечить.

В Пекине, в парке «Небесная терраса», эти движения, которые на рассвете выполняют старые китайцы в матерчатых тапочках под пение соловьев в красивых клетках, висящих на ветвях плакучих ив, были исполнены смысла, в Нью-Йорке же этот смысл полностью утрачивался. Здесь даже сам Мастер Ху казался каким-то неприкаянным.

Все древние цивилизации изучали «власть дыхания», предполагая существование некоей связи между

дыханием и разумом человека, возможно, и его душой. В некоторых культурах, например, в индийской, считалось, что с помощью дыхания можно проникнуться осознанием силы, которая держит на себе всю Вселенную и самым поверхностным, грубым проявлением которой именно дыхание и является. Заметив, что некоторые животные с замедленным дыханием, например, слон или змея, живут намного дольше, чем те, которые, как собака или обезьяна, дышат учащенно, йоги годами разрабатывали особые упражнения, направленные на то, чтобы замедлить ритм своего дыхания и продлить таким образом собственную жизнь до ста пятидесяти, а то и до двухсот лет.

Другая идея, тоже очень индийская по сути, состоит в том, что время жизни, назначенное нам судьбой, исчисляется не в годах, днях и часах, придуманных нами самими, а в количестве вдохов и выдохов, отпущенных от рождения. И раз человек обычно делает 21 000 вдохов-выдохов в сутки, 630 000 раз в месяц и около семи с половиной миллионов раз в год, замедлить этот ритм означало бы продлить себе жизнь. Казалось бы, достаточно только потренироваться – и готово!

Но дело в том, что ценность таких систем обусловлена именно их сложностью, сугубо эзотерическим характером, тем, что они остаются недостижимыми для простых смертных и успеха на этом пути можно добиться лишь ценой больших жертв и усилий. Стано-

вясь общедоступными, они тут же теряют смысл, а вместе с ним и действенность. Чтобы сохранить свою силу, тайна должна оставаться тайной.

И все-таки цигун нравится людям.

Выходя, я услышал разговор восторженных девушек: «Чем я только ни занималась – и йогой, и рэйки, но только сейчас впервые что-то по настоящему ощущаю», – сказала одна из них.

На скамейке у двери сидели итальянец и кореянка; они продавали майки с символами «инь» и «ян», видеокассеты с записями занятий и пузырьки с приготовленными Учителем солями для ванны, излечивающими от простуды и стресса. Они же бесплатно раздавали листовки, в которых сообщалось об открытии студии Мастера Ху в квартале Сохо на Манхэттене: стоимость сеанса – сто пятьдесят долларов.

Я был рад – меня ждал долгий путь домой – кварталов шестьдесят, завтра я снова попаду в руки своих врачей, которые не питали иллюзий, что победят любой рак, но обещали попытаться.

Мне пришлось пройти химиотерапию потому, что первая, не слишком активная по своей природе опухоль, чьи клетки поначалу размножались медленно, пережила внезапную мутацию и теперь росла с пугающей быстротой и стала особо агрессивной. «Химия» должна была заблокировать этот процесс. Проблема была в том, что под воздействием химии «мутировал»

и я сам.

Через несколько недель мое тело стало совершенно неузнаваемым, ежедневно я замечал, как что-то во мне меняется – сперва неощутимо, а затем все более и более отчетливо. Я был мутантом, кем-то вроде героя банального фантастического фильма. Ощущения мои потеряли остроту; осязание притупилось, то же случилось со вкусом и обонянием. Пальцы на руках казались мне хрупкими, будто стеклянными. Ногти уже не смогли бы сковырнуть шкурку с апельсина, а еще они приобрели коричневый оттенок, как у тех, кто долго занимается фотографией. Зубы пожелтели, десны стали настолько чувствительными, что даже самая мягкая зубная щетка царапала их, как терка. Пальцы на ногах то затекали, то полностью теряли чувствительность. Один из них начал как-то странно искривляться. Ногти на больших пальцах почернели и отпали. Лицо мое было постоянно отечным, живот тоже.

Хуже всего обстояло с головой: мне казалось, что она у меня перестала работать, что я больше не способен думать. Я никогда не отличался каким-то особенным интеллектом и всегда восхищался теми, кому достаточно было дать тему или идею, и они исхитрятся повернуть ее так и этак четыре-пять раз, когда меня хватало самое большее на два варианта. Но сейчас моя голова была неспособна на простые умственные усилия, к примеру, не забыть вытащить ключ из замка,

потушить огонь под пустой кастрюлей или вовремя выпить горячий отвар ромашки, который я готовил перед сном и часто наутро обнаруживал нетронутый стакан с холодным питьем.

Иногда у меня возникало впечатление, что я пребываю в своего рода трансе: когда я считал, что крепко держу какую-то вещь в руках, она выскальзывала. В результате я лишился нескольких мисок и тарелок. Я знал, что расстояние между диваном и кухней – три шага, но для того, чтобы их преодолеть, мне требовалось теперь три минуты. Все мое тело стало неповоротливым и неустойчивым. Часто у меня возникало ощущение, будто я завис в воде и ноги не касаются опоры. На площади чуть более сорока квадратных метров я постоянно терял то ручку, то очки.

Я радовался своим очкам, теперь была возможность читать, лежа на диване, и мысль о том, что я могу их потерять, преследовала меня неотступно. Из всех вещей, которые я собрал в своей жизни, – ковры, мобильные телефоны, скульптуры, образцы китайской каллиграфии, рисунки – самыми важными теперь стали очки. Я часто думал – кто знает почему – об одном старом, иссохшем отшельнике, последователе Далай-ламы, которого я с сыном Фолько навестил в горах Северной Индии. Одинокий и безмятежный, в крохотной хижине, сложенной из камней, он читал священные рукописи, лежа в деревянном ящике, который служил ему

ложем, а потом, когда пробьет час, послужит гробом. Ну а если бы он остался без очков? Возможно, однажды какой-нибудь молодой монах спустился бы в Дхарамсалу за новыми. Но старому отшельнику пришлось бы их дожидаться неделями, месяцами, а то и ждать конца зимы, когда станут проходимыми тропы, сейчас заваленные снегом; терпеливо, не поддаваясь желаниям, никогда не раздражаясь, соглашаясь с тем, что ничто не вечно, все преходяще. Ждать несколько месяцев, чтобы получить наконец свою пару очков и с радостью погрузиться в чтение книг, пожелтевших от времени и дыма.

Я смотрел на свои очки, и они казались мне сокровищем. Читал я много, но теперь ничего не усваивал, ничего не запоминал. Просто получал мимолетное удовольствие. То я читал стихи, то меня можно было увидеть с «Волшебной горой» в руках, как в далекой юности. А еще я читал книги, в которых рассказывалось о болезнях знаменитостей: Уильям Стайрон и его депрессия, Норман Казинс с его воспалением позвонков, он излечился оригинальным способом, в основе которого был… смех и большие дозы витамина С.

Солнце… Всю свою жизнь я обожал быть на солнце – в горах, на море, в тропиках или на берегу Меконга. Но теперь, идя по улице, я машинально выбирал теневую сторону. Я шарахался от солнца, как от чумы. Моя «Приносящая удачу», объясняя, что химиотерапия не-

обратимо поразит систему пигментации моей кожи, не оставила мне ни малейших сомнений на этот счет: «Вы больше никогда, никогда в жизни не должны загорать». Я улыбнулся, и она, подумав, что эта улыбка означала: «Мы еще посмотрим», добавила в своей обычной садистской манере, за которой, однако, скрывалась настоящая забота обо мне: «Синьор Терцани, побудете немного на солнце, и ваш мозг изжарится».

Самое странное то, что мой характер, казалось, тоже менялся. Я стал неуверенным в принятии решений, ощущал себя хрупким и уязвимым. Выходило, что эти вливания властны и над моим настроением. Сколько себя помню, меня всегда забавляли фильмы ужасов (к досаде Анджелы, которая их не выносит) – все эти скрипящие двери, убийцы, таящиеся в замках с привидениями. После химиотерапии с этим развлечением было покончено: мне стало жутко их смотреть.

Разум мой становился все более неповоротливым, зато более спокойным. И это приносило мне большое наслаждение. В начале курса лечения я был крайне неуравновешен: дурная мысль, едва зародившись, тут же оборачивалась бурей, любой голос казался воплем, подъем по лестнице – покорением вершины. Простой разговор надолго выводил меня из равновесия – и не из-за смысла сказанного, а просто потому, что я ощущал себя полуналитой бочкой: задень – и внутри еще долго будет колыхаться.

Медитируя, я научился одной вещи: чтобы успокоить разум, важно не противиться возникающим мыслям, а смириться с ними. Если не стараться выпихнуть их прочь, от них легче избавиться – они уйдут сами. Медленно, возможно из-за упадка физических сил, мне удалось обрести странное, зыбкое, но такое приятное равновесие. Даже сны мои стали легкими, спокойными, беспечальными – каким в глубине души стал и я.

Иногда, встав утром, я ощущал, что на меня надвигается депрессия. Но это была лишь расплывчатая темная мгла, а не та ужасная черная дыра, в которую, как мне казалось, я каждый день падал в Японии; не тот гнет, который я тогда испытывал, – будто целый мир навалился на плечи; не это неотступное чувство своей никчемности. Сейчас это было скорее ощущением отстраненности, из-за которого мир казался менее важным, не настолько интересным, чтобы в нем хотелось бы жить. Таким образом, даже рак уже не являлся драмой. Однажды в каком-то телефильме я услышал фразу, над которой в прежние времена даже не задумался бы: «Я знаю, что умру, но не знаю – когда, и это меня убивает». Я услышал и улыбнулся – еще одна версия знаменитой остроумной фразы Вуди Аллена: «Моя смерть? Она меня не тревожит. Просто не хотелось бы при этом присутствовать».

Другой интересной стороной моего нынешнего со-

стояния стало новое отношение ко времени. Раньше я, очарованный прошлым с его надежностью, и в смятении от ненадежности будущего, где было слишком много вариантов развития событий, воспринимал настоящее как материал, которым я смогу насладиться потом, когда оно станет прошлым. Поэтому настоящее часто ускользало от меня. Теперь все изменилось. Я наслаждался настоящим, час за часом, день за днем, ничего не ожидая от будущего, не строя планов.

Если я уставал, то спал, читал, просто смотрел в окно. Я довольствовался существованием в своем маленьком мирке, будто все, происходящее вне этих четырех стен, не имело вкуса, запаха и вообще значения. Я читал «Нью-Йорк таймс» с такой же отрешенностью, с какой бы ее мог читать муравей или, к примеру, пчела. Мир, о котором рассказывалось в газете, был от меня бесконечно далек.

В каждой стране у меня складывалась особая привычка читать газеты. В Китае я начинал с передовицы, так как главные новости излагались именно там. В Японии, где я пристрастился играть на бирже, в первую очередь читал экономические колонки. В Нью-Йорке я поймал себя на том, что с интересом просматриваю рубрики, которых в европейских газетах больше нет: страницы с некрологами, статьями, в которых общество ежедневно подсчитывало число людей, памятных своими добрыми или дурными делами и покинув-

ших этот мир. Это был способ понять, что разница между моими пятьюдесятью девятью годами и возрастом умерших «после тяжелой продолжительной болезни», «от инфаркта» или «в битве с раковой опухолью» была не такой уж и значительной. Иногда ее вовсе не было, этой разницы.

У меня вызывало любопытство то упорство, с которым смерть каждого человека неизменно связывалась в газетах с какой-то особой причиной. Ни о ком не написали просто: «Он умер, потому что родился».

Даже в самые утомительные дни – десятый после «бомбардировки» стал именно таким – я делал все, чтобы соблюдать распорядок, который установил в знак того, что не сдаюсь. Есть больные, которые перестают чистить зубы и причесываться, будто все это потеряло смысл и недостойно усилий или же их тело – носитель всех болезней – не заслуживает больше любви и вызывает лишь презрение и ненависть. Я не хотел уподобляться им. Поэтому: сперва прогулка по Сен-трал Парку, полчаса медитации под деревом, немного гимнастики, завтрак, укол в живот. Потом пешая прогулка и чем дальше, тем лучше, вплоть до пятидесяти кварталов: туда и обратно быстрым шагом, пока чуть не падал. Было трудно, но раз запасного тела у меня не было, то лучшее, что я мог сделать, – поддерживать в форме то, что имелось.

Бывали дни, когда вернувшись домой, я чувствовал

себя настолько усталым, что даже не мог сесть за компьютер, чтобы отправить Анджеле ежедневное письмо – при том, что это была одна из моих наиболее важных связей с миром. Да что там, единственная оставшаяся. Решение провести этот период одному, вдали от семьи, от тех, кто приносил бы радость, но с кем пришлось бы постоянно считаться, я принял инстинктивно, и это было разумное решение. Теперь мне не нужно было тревожиться о тех, кто, в свою очередь, беспокоился обо мне, и я мог сконцентрировать силы и внимание на положении, в котором оказался.

Как старый фрегат, застигнутый бурей, выбрасывает за борт даже бочонки с порохом и ромом, чтобы не затонуть, я ограничил свои контакты с людьми до минимума и обрубил все ненужные связи, прежде поддерживаемые по привычке, для удобства или просто из вежливости.

Мой мир стал миром молчания, праздных часов, ограниченных движений, бесполезного движения по кругу, хрупкого покоя, которого удавалось достигнуть, укрывшись от всех этих ветров, дующих за окнами. Я часами наблюдал, как меняется небоскреб на Ист-Сайд: черный на рассвете монолит в оранжевом небе; сизый – в ярком свете дня; великолепный, как горящая свеча, после захода солнца, когда на верхних этажах зажигались огни, превращая его в светильник для моих бессонных ночей. Случалось, что за целый день

я не произносил ни слова, разве что нехотя выдавливал «добрый день» или «добрый вечер» портье-доминиканцу, когда шел на прогулку или за покупками.

Я радовался тому, что в голове у меня пусто, а на сердце спокойно. И еще радовался тому, что никогда еще время не летело для меня так быстро, как сейчас. Быстро и вдобавок безболезненно – без тоскливого чувства, что оно улетает зря, без неудовлетворенного чувства долга. Мне нечем было заняться, не о чем мечтать, не на что надеяться. Мне оставалось только жить в молчании, в тишине. Как чудесно, что не нужно разговаривать, не нужно ходить с кем-то ужинать или обедать, не нужно больше играть роль, которую я исполнял всю жизнь. Какая радость, что я не обязан больше повторять один и тот же заезженный репертуар! Сколько их было в моей жизни, этих пустых разговоров! Скольких людей после очередного путешествия я развлекал за ужином дорожными впечатлениями, историями, сменявшими одна другую, как полная бутылка вина сменяет выпитую! Мне неприятна была моя прошлая журналистская жизнь, когда я постоянно добивался у кого-то приема: у министра или президента, чтобы взять интервью, или у посла, чтобы получить визу в его негостеприимную страну. Мне казалось, что профессия испортила меня: успеть вставить ногу, чтобы не захлопнули дверь; понравиться тому-другому, сделать так, чтобы тебя запомнили, впустили, при-

няли. Постоянная охота за информацией, случаями из жизни, а то и просто сказанной кем-то фразой, чтобы было чем начинить очередную статью. Все, с этим покончено, того, прежнего Тициано Терцани больше не было на свете, его смыло потоком красивой светящейся жидкости во время сеанса «химии».

Не нужно больше звонить по телефону, не нужно ходить на «деловые завтраки». Что за нелепый обычай общаться, знакомиться с людьми, работать – поглощая при этом пищу! Почему, если с кем-то нужно увидеться, познакомиться с новым человеком, нужно непременно делать это, что-то пережевывая? Почему, к примеру, не прогуляться вместе по берегу реки или не поиграть в деревянные шары?

Свою книгу «Прорицатель мне поведал…» я начал словами: «Жизнь всегда предоставляет подходящий случай, дело лишь в том, чтобы его распознать». Тогда, в 1993 году, я предугадал этот случай в предсказании, что должен погибнуть, если полечу самолетом, – и не полетел. Мне казалось, что рак тоже подобный случай. Я говаривал в шутку, что мечтаю закрыть свою журналистскую лавочку, опустить металлические шторы и вывесить табличку «Обед». И вот я сделал это. Я действительно «ушел на обед». У меня создалось впечатление, что я сам искал этой болезни.

Вскоре я стал внешне похож на Марлона Брандо в фильме «Апокалипсис сегодня» и, как и его персонаж,

чувствовал себя «улиткой, ползущей по лезвию бритвы». Объективно я был плох, но усилием воли убеждал себя, что дела не так уж скверны, что я в хорошей форме, – и это действительно помогало. В больницу я входил, держась, по возможности, прямо и улыбаясь. Интересующимся моим самочувствием я неизменно отвечал: «Великолепно», – и улыбка собеседника, которому не нужно было теперь меня утешать сочувственными банальностями, улучшала мой тонус. С другой стороны, что у меня оставалось, кроме этого выбора – быть или не быть жертвой? Я выбрал второе.

Раз уж со мной такое произошло, следовало извлечь как можно больше пользы из этой ситуации. Чтобы постоянно напоминать себе об этом, я прикрепил над столом стихи, написанные в XIX столетии корейским дзэн-буддийским монахом:

Не стремись обладать безупречным здоровьем —
Это было бы алчностью,
Обращай свое страдание в лекарство
И не жди, что не будет преград на пути,
Без этого твой свет померкнет.
Воспользуйся бурей, чтобы стать свободным.

Я начал воспринимать болезнь как препятствие, поставленное на моем пути, чтобы я научился прыгать. Оставалось только выяснить, как же я способен пры-

гать – в высоту, вперед или, что еще хуже, только вниз. Может, в этой моей болезни было некое тайное послание; может, она пришла, чтобы я что-то понял! Я пришел к мысли, что рак стал воплощением моих подсознательных желаний. К тому времени я уже не один год старался вырваться из повседневности, замедлить ритм своих дней, открыть для себя другой взгляд на вещи: жить другой жизнью. Теперь так и получилось. Хотя физически я стал кем-то другим.

В спортивном костюме, кроссовках, шерстяном берете и перчатках я шатался по городу и развлекался, представляя себе коллег, которых я мог бы встретить, оставшись неузнанным. Я спокойно мог бы встать на углу, протянуть руку и затянуть один из тех речитативов, которые сам слышал каждый день: «Эй, братец, монетки лишней не найдется?» или «Я ветеран вьетнамской войны. Ты мне не поможешь?»

Уверен, если бы я так поступил, даже главный редактор «Шпигеля», приехавший в Нью-Йорк за рождественскими покупками, автоматически сунул бы мне монету, так и не поняв, что перед ним – я.

Я? Какой «я», который именно? Безусловно, уже не тот прежний, с которым один из моих давних друзей постоянно общался тридцать лет. Сейчас он прилетел из Гонконга, знал, что я в Нью-Йорке и даже знал, по какой причине. Остановившись в гостинице в двух шагах от моего дома, он позвонил по телефону. «Я выйду

к тебе навстречу. Иди в сторону Коламбус Серкус», – ответил я ему.

Я заметил его сразу, еще издалека, но он не увидел меня в упор, а, поравнявшись, скользнул взглядом и двинулся дальше, продолжая высматривать меня в потоке встречных пешеходов.

Двойной свет города

В Индии называют рассвет самым чудным часом. Ночная тень еще витает в воздухе, а день не набрал силу. Свет не вполне отделился от тьмы, и на какой-то краткий миг человек, если он настроен, может смутно постичь, что все жизненные контрасты: тьма и свет, ложь и правда – всего лишь различные стороны одного и того же. Они различные, но трудноразделимые, они разные, но «одно». Как мужчина и женщина, такие восхитительно разные, сливаясь в любви, становятся Единым.

Рассказывают, что в Индии в этот час местные мудрецы, «риши», то есть «видящие», медитируют в одиночестве в своих затерянных в Гималаях ледяных пещерах, заряжая воздух вокруг себя положительной энергией и позволяя таким образом другим медитирующим, даже новичкам, именно в этот час заглянуть в самих себя в поисках объяснений всего сущего.

Не знаю, где бы могли медитировать американские «риши», но для меня и в Нью-Йорке рассвет был самым прекрасным часом. Ранним утром мне действительно казалось, что воздух заряжен добром и надеждой. Конечно, в первую очередь рассвет радовал меня потому, что первые ободряющие яркие лучи нового

солнца прогоняли все ночные страхи, которых у больного бывает предостаточно. Но дело было не только в этом: ранним утром этот город, еще погруженный в относительную тишину, не заполненный потоками пешеходов, выглядел воистину поэтичным. Куски оберточной бумаги, как чайки, скользят, влекомые ветром, вдоль пустынных улиц; кое-где редкое такси медленно ползет по мостовой в поисках раннего клиента. Бродяги еще спят, свернувшись под своими одеялами на вентиляционных решетках метро. Таинственные отверстия в асфальте выдыхают в воздух столбы белого пара, как ноздри драконов, дремлющих в жарких недрах Манхэттена – непостижимого сердца Нью-Йорка.

В эту пору сам город будто над чем-то задумался, сосредоточился на своем бытии, перед тем как снова стать полем бесконечных сражений, которые каждый день разворачиваются в кабинетах, на ложах этих многоэтажных дворцов, за ресторанными столиками, на улицах, в парках. Повсюду идут бои – за выживание, власть и деньги.

Нью-Йорк мне очень нравился. Я любил часами бродить по его улицам – когда еще хватало сил, я исходил его вдоль и поперек. Но при этом я не мог отогнать мысль о том, сколько труда, боли, страданий стояло за каждым его небоскребом. Я смотрел на штаб-квартиру Организации Объединенных Наций и думал о том, сколько лживых слов было сказано, сколько спер-

мы и слез пролито во имя этого безнадежного усилия управлять человечеством, которое в принципе не поддается управлению. Ибо единственный принцип, которому оно подчиняется, это алчность, и каждый человек, каждая семья, каждая деревня или народ думает только о своем благе – и никогда о нашем общем. Я шел мимо всех этих знаменитых отелей, «Плаза», «Вальдорф Астория», где останавливались и все еще останавливаются диктаторы, главы государств и правительств, шпионы, респектабельные убийцы со всего света, и вновь и вновь думал о том, что решения, принятые в этих гостиничных номерах, заговоры, которые здесь плелись, меняли судьбы мира. Все начиналось здесь – падение режимов, убийства оппозиционеров, исчезновение инакомыслящих.

Я смотрел на вывески банков, на флаги, развевающиеся над зданиями крупных компаний (разные страны, разная специализация, но корни неизменно здесь, в Америке), и представлял себе, как некий безликий господин, за которого никто и никогда не голосовал, а имени никто и никогда не слышал, некто, неподвластный ни одному парламенту, ни одному судье в мире, через пару часов во имя священного принципа прибыли примет решение изъять миллиарды долларов из одной страны, чтобы вложить их в другую, обрекая целые народы на нищету.

Все рациональное безумие современного мира со-

средоточено было там, на этом небольшом клокочущем пространстве между Ист-Ривер и Гудзоном, где в струящихся водах отражается безмятежная синева небес. Здесь каменное сердце оголтелого, бездушного материализма, изменившего лик человечества. Столица новой тиранической империи, в которую всех нас толкают, чьими подданными мы все мало-помалу становимся и которой, как я постоянно инстинктивно ощущаю, следует всеми силами противостоять, – империи глобализации.

И сюда, в идейный центр всего, что я отвергаю, я явился просить помощи, искать спасения! Причем не впервые. В тридцать лет я приехал сюда, глубоко разочарованный пятью годами работы на производстве, чтобы изменить жизнь по-своему. Теперь я вернулся, чтобы выиграть время для этой самой жизни. Уже тогда, в первый свой приезд, я разрывался между естественным чувством благодарности и горечью. Благодарности Америке за то, что она мне дала: два года оплаченной свободы в Колумбийском университете, где я изучал Китай и китайский язык и готовился к тому, чтобы отправиться журналистом в Азию, и презрением, иногда ненавистью к тому, что Америка являла собой.

Когда в 1967 году мы с Анджелой, полные радужных надежд, сошли на берег в Нью-Йорке с «Леонардо да Винчи» – лайнера, на который мы неделю назад се-

ли в Генуе, Америка пыталась в грязной и неравной войне навязать свою волю нищему азиатскому народу, чьим единственным оружием были стойкость и упорство, народу Вьетнама. Теперь она вела новую войну. При помощи более утонченной, менее заметной и потому более эффективной агрессии она пыталась навязать всему миру вместе со своими товарами собственные ценности, собственную правду, собственные представления о добре и справедливости, о прогрессе и… терроризме.

Иногда, видя, как из огромных известных зданий на Пятой авеню или Уолл-стрит выходят элегантные господа с маленькими чемоданчиками из дорогой кожи, я знал, что это опасные люди, которых лучше избегать. В этих чемоданчиках было много разных планов, закамуфлированных под «проекты развития». Тут и плотины, зачастую вовсе ненужные, и заводы, отравляющие все вокруг, и опасные атомные станции, и новые вредоносные телепрограммы, специально для других стран, способные причинить больше вреда, чем бомба. Так кто же после этого настоящие террористы?

Когда улицы начинали оживать по утрам, Нью-Йорк терял в моих глазах свой магический ореол; иногда он казался мне чудовищным скоплением людей, потерявших надежду, каждый из которых гнался за любым проблеском безрадостного богатства или убогого счастья.

В восемь часов Пятая авеню, к югу от Сентрал Пар-

ка, в шаге от моего дома, заполнялась людьми. Волны запахов аэропорта, резкие духи женщин, бегущих мимо с непременным завтраком в бумажном пакете, чтобы нырнуть в один из небоскребов. Что за начало дня! Я вспоминал флорентийцев, которые, войдя в бар «Петрарка», что на Порта Романа, заказывают не какой-то безликий «кофе». Нет, им подавай «альто» или «маккиато», в стакане или в чашке, «кремовый капуччино, но без пенки», или вот такое – «сердце кофе в стекле»; там предупредительный молодой Франческо живо интересуется вкусами и предпочтениями каждого. Да что там говорить, ведь кофе в Нью-Йорке – это кисловатое обжигающее пойло в накрытом картонном стаканчике, которое потягивают через соломинку прямо на ходу.

Уличная толпа в этот час в основном состояла из молодых людей – красивых, крепких: это была новая раса, выросшая в спортзалах и вскормленная продуктами из магазинов здорового питания. Попадались и мужчины постарше – казалось, что некоторых я уже встречал когда-то во Вьетнаме. Там они были офицерами морской пехоты, а теперь шагали подтянутые, прямые в новой униформе – костюмах бизнесменов. В сущности они так и остались офицерами все той же империи, упорно стремящимися превратить остальной мир в часть их глобальной деревни.

Когда я был в Нью-Йорке, город еще не был потря-

сен кошмаром 11 сентября и башни-близнецы высились, стройные, гордые, над Даунтауном, но и тогда Америка уже была не в ладах сама с собой и с остальным миром. Более полувека подряд американцы, хотя им никогда не приходилось сражаться дома, чувствовали себя как на войне, а зачастую это и была война. Менялись только противники – сначала коммунизм, Мао, партизаны в Азии и революционеры в Латинской Америке; потом Саддам Хусейн, а теперь вот Усама бен Ладен и исламский фундаментализм. Мира не было никогда. Американцы так и живут – с копьем наперевес. Богатые, могущественные, но обеспокоенные и вечно неудовлетворенные.

Однажды я наткнулся в «Нью-Йорк таймс» на заметку об исследовании, проведенном Лондонской экономической школой; темой исследования было счастье. Результаты получились любопытные: одна из самых бедных стран мира, Бангладеш, оказалась самой счастливой. Индия оказалась на пятом месте. А Соединенные Штаты – на сорок шестом!

Иногда возникало впечатление, что нас, тех, кто любовался красотой Нью-Йорка, было на самом деле совсем немного, кроме меня, которому приходилось столько ходить пешком, и нескольких нищих, готовых противостоять ветру. Все, кого я видел, казалось, были нацелены только на выживание; главным для них было не дать себя раздавить ничему и никому. Война,

вечная война – неважно с кем.

Одна из таких войн казалась мне, прожившему двадцать пять лет в Азии, особенно непривычной – это была война между полами. Причем боевые действия здесь велись одной стороной – женщинами против мужчин. Сидя под большим деревом в Сентрал Парке, я наблюдал за этими воительницами. Они шли крепкие, упорные, уверенные в себе, запрограммированные, как роботы. Сначала – утренняя пробежка. Взмокшие, в вызывающе облегающих спортивных костюмах, с волосами, собранными в пучок. Позже путь на работу: офисная униформа – деловой черный костюм, черные туфли, черная сумка с ноутбуком, волосы распущенные, еще влажные после душа. Красивые и ледяные, излучающие высокомерие и презрение к окружающим. Все то, что мое поколение считало «женственным», куда-то исчезло, сметено этим новым, вывихнутым представлением о том, что необходимо уничтожить различия, сделать всех одинаковыми и превратить женщин в уродливые копии мужчин.

Фолько, мой сын, – он тоже вырос в Азии – рассказывал, как через несколько дней после приезда на учебу в Нью-Йорк он попытался открыть дверь в аудиторию, чтобы пропустить вперед свою однокурсницу, а та осадила его со словами: «Эй, ты что же, воображаешь, что я сама не могу открыть эту…ную дверь?» Он подумал, что эта девушка – исключение, но ошиб-

ся, это было правило. И чем мускулистее и высокомернее женщины, тем более запуганными и неуверенными становятся мужчины. Если они нужны для зачатия ребенка, их используют по назначению, а потом, когда дело сделано, «производителя» отправляют обратно. И что же в итоге? А в итоге, по-моему, все несчастны. Сидя под деревом или глядя в окно, я наблюдал за картинами, которые мне казались вторым актом той же пьесы: обилие одиноких женщин, сорокалетних, пятидесятилетних, часто с сигаретой в зубах, собаками на поводке – возможно, названными в честь отсутствующего в их жизни мужчины. «Билли, ко мне». «Нет, Билли, не переходи дорогу сам». «Билли, пошевеливайся, идем домой». Это были те же самые женщины, которые сколько-то лет тому назад бегали по утрам, чтобы сохранить фигуру. Теперь они уже немолоды; юность была потрачена на мечту о воинствующей свободе. И вот все это обернулось одиночеством, легким нервным тиком, многочисленными морщинами и, как минимум, насколько я мог наблюдать, тяжелой меланхолией. Я часто вспоминал индийских женщин, еще таких женственных, таких уверенных в себе – но совсем по-другому. В сорок или пятьдесят они становятся еще изящнее и чувственнее, чем в двадцать. Не атлетически сложенные, а естественно прекрасные. Вот уж действительно, обратная сторона луны. И кроме того, индийские женщины, как и европейские женщины из по-

коления моей матери, никогда не бывают одиноки: они всегда часть семьи, группы и никогда не оставлены на произвол судьбы.

Глядя в окно, я часто бывал свидетелем радикальной перемены места обитания: вот девушка приехала откуда-то покорять Нью-Йорк, волоча за собой сумку, в которой умещается вся ее жизнь. Я представлял себе, как она из газетных объявлений ищет жилье, спортзал для аэробики, работу за компьютером. А вот она идет на ланч, стоит в салат-баре, орудуя пластмассовой вилкой. А вечером – курс кундалини-йоги, которая, как ей обещают, пробудит всю ее сексуальную энергию для того акта, который когда-то мог стать чем-то божественно прекрасным, а сейчас, в лучшем случае, превратился в своего рода спортивное соревнование: Джон побеждает Боба со счетом 4:2.

В итоге и эту девушку, летящую, как ночная бабочка, на огни Нью-Йорка, поглотит большая человеческая топка, постоянно подпитывающая жизненной энергией этот странный город. Через десять-двадцать лет, возможно, она станет одной из тех печальных женщин, за которыми я наблюдал, – молчаливых, запуганных, без друзей, без родных, ожидающих в кресле Онкологического центра, чтобы их прооперировали или сообщили результаты какого-нибудь тревожного анализа.

Видимо, когда живешь один, утрачиваешь чувство меры. Постоянное молчание компенсируется остротой

слуха. Я улавливал обрывки разговоров, реплики, которые потом звучали у меня в ушах часами. Казалось, люди только и говорят о деньгах, проблемах, конфликтах. Мне постоянно казалось, что все эти люди ссорятся; их речь была заряжена напряжением, агрессивностью.

«Он отвратителен, просто отвратителен. Он прямо как ребенок», – говорит женщина, наверное, о своем муже. Это ж надо, я и не знал, что дети отвратительны. Однажды я вернулся домой, а в голове у меня навязчиво звучало слово «свирепый»: я слышал его от трех разных людей, в разных разговорах. Самый симпатичный случай произошел однажды утром, когда я услышал, как один из садовников в Сентрал Парке говорит: «И ради Бога, береги бэби». Этим «бэби» оказался песик на поводке.

На первый взгляд в американцах есть что-то подкупающее, душевное. В аэропорту чиновник иммиграционной службы, проверявший мой паспорт и заполненный бланк, спросил цель приезда. «Лечиться от рака», – ответил я. Он взглянул на меня с симпатией. «Удачи вам», – сказал он с теплой улыбкой и проштамповал мне паспорт обычной трехмесячной визой.

Однако вскоре становится понятно, что эта непосредственность, этот дружелюбный, почти семейный стиль общения – просто дело техники, что-то вроде трюка, который известен каждому американцу и ко-

торый уже никого не удивляет. В действительности же любые взаимоотношения – источник подозрений, и жизнь – это непрестанное возведение оборонительных сооружений, попытка защититься от кого-то или чего-то. В больших магазинах на каждый продающийся пустяк прицеплено электронное устройство, которое, если его не дезактивировать на кассе, приводит в действие систему тревоги на выходе. Книжные магазины, магазины дисков и одежды постоянно находятся под контролем охранников в штатском, которые прохаживаются в радионаушниках, как телохранители президента. Всякая сделка тщательно перепроверяется, потому что есть подозрение, что любой посетитель – аферист и кредитная карточка, которой он расплачивается, ворованная. Попадались магазины, в которые я входил, чтобы немедленно уйти, так как меня просили сдать на хранение мою скромную индийскую матерчатую сумку, они, видимо, полагали, что я замыслил тайком набить ее ворованным товаром.

Общество, члены которого испытывают столь глубокое недоверие друг к другу, где не существует сознания общих ценностей – причем не столько записанных на бумаге, сколько прочувствованных, – должно постоянно обращаться к законам и судьям, чтобы урегулировать свои разнообразные взаимоотношения. Так и происходит в Америке: все социальные связи, даже самые близкие, чреваты судебным разбирательством.

Угроза постоянна, и адвокаты превратились в ходячий кошмар, угрожающий любым человеческим отношениям – дружбе, любви, сотрудничеству, доверию. Новый, очень американский способ заработать неплохие деньги – это обвинить крупную фирму в расовой дискриминации, собственного босса – в сексуальных домогательствах, собственного любовника – в изнасиловании, собственного врача – в халатности.

В больнице перед каждым осмотром я должен был подписывать листы, которые снимали с врачей ответственность на тот случай, если со мной вдруг приключится несчастье. Перед эндоскопией, например, мне пришлось посмотреть видеофильм, в котором, помимо всего прочего, мне объясняли, какой процент риска не проснуться после наркоза. «Вам понятно, не так ли? Подпишите здесь, пожалуйста», – говорила, сознавая абсурдность происходящего, медсестра, итальянка по происхождению. Потом, чтобы помочь мне расслабиться, она пела «Volare», а тем временем первые капли волшебного снотворного снадобья баюкали меня. Мне было хорошо, я лежал на безукоризненно чистой постели, меня окружали опытные, компетентные люди, настоящие асы. Они тоже были продуктом этого общества, которое иногда приводило меня просто в бешенство, но которому мне пришлось довериться, чтобы выжить.

Не один я приехал в Америку в поисках спасения.

Куда ни обернись, повсюду я находил попутчиков на этой дороге надежды. Портье в моем доме были иммигрантами: старший – из Санто-Доминго, молодой – из Косова. Газетчик на углу был пакистанцем, хозяин фруктовой лавки – корейцем; цветами торговал парень из Эквадора. Таксисты, которых я ловил, опаздывая в больницу, или в непогоду, когда был риск простудиться, пересекая Сентрал Парк, все без исключения были из новых иммигрантов. Достаточно было просто взглянуть на карточку с фотографией и именем водителя, которую полагается держать на виду. Многие из них были гаитянцами – они так радуются, когда сразу догадываешься, откуда они родом, – другие из Бангладеш. Попадались африканцы (тут было важно не спутать их с афроамериканцами – их это очень обижало) или русские евреи. Вот они-то и были, на мой взгляд, самыми интересными. У меня к ним своя слабость. Я встречался с ними еще в Средней Азии, в те дни, когда Советская империя разваливалась на куски, многие республики получали независимость и у местных евреев, к которым что прежде, что теперь относились, как к людям второго сорта, оставалась одна мечта – уехать в Израиль или Соединенные Штаты.

– Вы давно из России? – спросил я у одного из них.

– Не из России, из бывшего Советского Союза… Я из Молдавии, мы европейцы.

– Ну и как вам здесь живется? Нравится Америка?

Он глянул на меня в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что он не совершает оплошность:

– Америка? Америка – это ГУЛАГ, концлагерь, правда, с хорошей кормежкой. Сказать американцам, они обидятся, но что же я могу поделать: они американцы, да и я теперь тоже американец. Он пытался эмигрировать еще в 1979-м году, но только в 1991-м это удалось. Сейчас он живет в Бруклине, на Брайтон Бич. Прежде это был черный квартал, сейчас он переживает период бурного развития и жители – почти сплошь русские евреи со своими магазинами, ресторанами, синагогами.

В Советском Союзе, как он упорно продолжает называть эту страну, он был дельцом. «Я накупал мебели на двадцать тысяч рублей, а потом перепродавал и выручал пятьдесят тысяч; пару туфель за восемьдесят рублей я перепродавал за сто двадцать. Причем никаких налогов. Вот что было здорово в Советском Союзе – никаких налогов. То, что я делал, было опасным, и я всегда рисковал попасть за решетку, но мне везло. Там я был свободен, а тут все твердят, что я свободен, но никто не может быть свободным в Америке, даже президент. Они говорят, мол, тут любой свободен в финансовом отношении. Вранье! Здесь у меня выходных за год наберется максимум десять дней, но и все равно толком не отдохнешь, потому что, пока я в отъезде, почтовый ящик, знай себе, наполняется счетами, а мне

платить…»

После распада Советского Союза в 1991-м более полумиллиона евреев приехали в Штаты, очень многие – в Нью-Йорк. В основном это были квалифицированные специалисты. В этом и секрет жизненной силы Америки, особенно Нью-Йорка – в нескончаемом приливе иммигрантов, готовых терпеть лишения, чтобы выбиться в люди. В тридцатых-сороковых годах приезжали немецкие и вообще европейские евреи, потом китайцы, корейцы, вьетнамцы; теперь снова китайцы и индийцы, и снова евреи – уже из бывшего Советского Союза.

Для огромной страны, чьи коренные жители – краснокожие – были методично ограблены и истреблены, иммиграция стала насущной потребностью, которая и породила столь многонациональное общество. Любопытно, что последствие настоящего геноцида пытаются сейчас представить как доблесть. Соединенные Штаты пропагандируют на основе своего специфического опыта миф об обществе будущего – глобализованном обществе, объединяющем расы и культуры, обществе-конгломерате, которое, постоянно обновляясь, станет гарантией жизненной силы и прогресса.

Правда в том, что не существует глобальных рецептов решения проблем различных народов. Самые лучшие решения – это всегда те, которые принимаются с учетом местных условий. То, что хорошо для Аме-

рики, не обязательно будет полезным за ее пределами, а то, что приносит вред в одном месте, может не повредить в другом. Это справедливо и для медицины. Если бы житель Нью-Йорка питался так же, как житель Ладакха, он скоро умер бы из-за огромного количества масла и абсолютного отсутствия фруктов и овощей, что типично для севера Индии. Тем не менее, в Ладакхе сердечные заболевания практически неизвестны, потому что люди живут на открытом воздухе, едят биологически чистую пищу и им незачем ходить в спортзал, чтобы поддерживать форму. Зарядка ладакхцев – это их длинные пешие переходы, их работа. Они не знают, что такое стресс, и отличаются большим душевным спокойствием. У них есть даже свой собственный способ бороться с болезнями! Например, одной женщине, заболевшей гепатитом, местный шаман «прописал» в качестве лечения активный секс, и через несколько дней ее состояние заметно улучшилось.

Никогда я еще не чувствовал себя настолько европейцем, как здесь, в Америке, со своими европейскими корнями и европейскими надеждами. Я приехал сюда, чтобы найти выход из проблемы, связанной с моим здоровьем, но чувствовал, что решения, которые предлагает эта страна, не всегда годятся для неамериканцев. Иммиграция мне представлялась типичным случаем. Нет сомнения, что проблема иммиграции станет в будущем одной из серьезнейших проблем для Запа-

да, но Европа со своей историей и своими социальными условиями, совершенно отличными от американских, совершит очень большую ошибку, если возьмет на вооружение американский способ решения проблем.

Я думал о Лучано, старом друге, коренном флорентийце, который сказал однажды: «Немного марокканцев, сенегальцев, тунисцев и албанцев – неплохо, но после определенной точки – все, хватит… Если в один прекрасный день объявят референдум – снести ли собор, чтобы устроить паркинг, они дружно проголосуют „за“». Расизм – зачастую вопрос численности.

Несмотря на всю глобалистскую риторику о новом обществе, эта проблема и в самой Америке далеко не решена. Что произошло с черными американцами, которые лет тридцать назад, казалось, по-настоящему добились освобождения и нашли свой собственный путь, чтобы интегрироваться в общество? Сейчас их все больше заталкивают в гетто, они одурманены наркотиками, выброшены на обочину. Каждая новая волна иммиграции оттесняет черное население.

Иммигранты приезжают сюда, полные надежд, готовые на жертвы, готовые работать. Америка дает им иллюзию, что они справятся, если не в первом поколении, то во втором или в третьем. Для негров же все по-другому: поколения сменяют поколения, а радикальных перемен нет. Сейчас они чувствуют себя жертва-

ми, потеряли надежду и, как больные, утратившие веру в выздоровление, плывут по течению. Они выдохлись. Китайские, индийские, русские иммигранты взбираются по социальной и экономической лестнице, опираясь на поддержку прочной традиционной семьи. У афроамериканцев нет теперь и этой поддержки, для них семьи больше не существует: семьдесят пять процентов черных младенцев рождаются вне брака.

Стоит оглянуться по сторонам – и сразу понимаешь, насколько глубоко, несмотря на весь свой хваленый демократизм, разделено американское общество, сколько в нем неравенства. Иногда наблюдаемое напоминало мне Йоханнесбург времен апартеида, где я был в начале шестидесятых. Там днем город становился белым: белые на улице, белые в офисах и магазинах. Только к вечеру, когда все закрывалось и жизнь в центре замирала, откуда-то из чрева земли появлялись толпы черных, которые регулярно поддерживали эту систему в рабочем состоянии, подметали, мыли, убирали, чтобы потом в автобусах «только для цветных» вернуться в свои пригороды. Вот и в Нью-Йорке происходило нечто похожее: некоторые районы и маршруты подземки, казалось, были отведены для представителей определенной расы. И я видел, как из железных дверей, ведущих в подвалы ресторанов и супермаркетов, выходят только негры и латиноамериканцы, нагруженные мешками с мусором. Даже че-

ловеческая панорама моего любимого Сентрал Парка меняла цвет в течение суток. Сначала преобладал белый: это были приверженцы трусцы – джоггеры, велосипедисты, владельцы собак, любители птиц или просто утренних прогулок; затем он постепенно темнел после девяти с появлением черных нянь. Они выводили на прогулку детей белых родителей, которые к этому времени уже отправились в офисы.

Одна из наиболее невероятных способностей Америки – это способность тиражировать крайне привлекательные образы самой себя, верить в них и упрямо убеждать остальных. А киноиндустрия сыграла в этом решающую роль. Для американцев, а теперь и для многих других, американская история – вовсе не та, что в документах, а та, что в фильмах. Американцы всегда – «свои», которые приходят на выручку в нужный момент и дают отпор «краснокожим дикарям». Они всегда «хорошие парни» в борьбе с нацистами, коммунистами, партизанами, террористами или «чужими».

Голливуд не уклоняется от освещения многочисленных проблем американского общества, но освещает их уж очень «по-своему»; все непременно заканчивается «хэппи-эндом» – такова идеологическая (ну и коммерческая!) необходимость. Демократия, равенство, справедливость стали пустышками в повседневной жизни, но постоянно провозглашаются с экрана. Обман оттес-

няет новости, пропаганда рядится в правду.

Сейчас в Америке индустрия рекламы и «связей с общественностью» – это две изощренные системы манипулирования сознанием. Нет на свете такой вещи, которую нельзя было бы выбросить на рынок в заманчивой упаковке, сопроводив неким «заклинанием», а продукт при этом, повторяю, может быть любой – электронная программа, война, вера в Бога. Правду таким образом всегда вуалируют, маскируют, а то и вовсе задвигают куда-нибудь подальше, чтобы благополучно о ней забыть, – ведь забыли же о том, что Соединенные Штаты – первая и пока единственная страна, пустившая в ход атомную бомбу. Создается иллюзия, что у каждого отвратительного случая несправедливости, издевательства и насилия неминуемо будет счастливый конец, как в кино. Однажды вечером бедного иммигранта из Гаити хватают нью-йоркские полицейские, избивают, истязают и насилуют рукояткой от метлы? Не беда, знаменитый лос-анджелесский адвокат выступит в его защиту, «чтобы его страдания не были напрасными», «чтобы такое больше ни с кем не повторилось». Правда, скорее всего он это сделает несколько по другой причине: на кону здесь миллионы долларов, которые город Нью-Йорк в конце концов заплатит бедняге… ну и адвокату, конечно.

Каждая страна сразу бросается приезжему в глаза своей особой чертой. В Индии для меня такой харак-

терной чертой была абсурдность. Я вспоминаю, какое впечатление на меня произвела история, о которой я прочитал в газете в первое мое утро в Дели – я только-только приехал туда, собираясь обосноваться надолго. То была история человека, который в юности попал в «Книгу рекордов Гиннеса» (эту честь индийцы ценят очень высоко) за то, что проглотил больше всех на свете гвоздей, битого стекла и камней, а теперь, старый и всеми забытый, умирал от голода в деревне в штате Бихар и просил у правительства пособие, чтобы выжить.

В Америке на этот раз меня потрясли истории насилия: четырнадцатилетний мальчуган – дом, школа, компьютерные игры – подружился в Интернете с сорокалетним господином. Тот, после нескольких разговоров в сети, приглашает мальчика прогуляться и, в итоге, насилует его – сперва сам, потом с компанией приятелей. Мальчик рассказывает об этом родителям, попадает к психотерапевту, но вот однажды, когда он один дома, приходит другой мальчик, одиннадцати лет, собирающий деньги для школьной ярмарки. Четырнадцатилетний хватает его, насилует, душит, запихивает в чемодан и относит в лес.

В Кентукки другой мальчик, тоже четырнадцатилетний, бледный и худенький, приходит в школу и открывает огонь из двух пистолетов. Погибают три девочки. Он просто подражал пареньку, проделавшему то же са-

мое на берегах Миссисипи.

На окраине Нью-Йорка задержан парень, сознательно заразивший СПИДом «десятки» (так написано в газетах) своих подружек – причем некоторые еще подростки. «Я его все равно люблю», – заявляет одна из жертв, ей тринадцать.

Крупные газеты задаются вопросом, что творится в Америке; телекомментаторы делают скорбные лица, но достаточно посмотреть, что показывают эти телеканалы, чтобы понять очевидное: берешь пульт, нажимаешь на кнопку – и готово. Кто-то кого-то бьет, швыряет, режет, сжигает живьем, душит или насилует. В любое время дня или ночи! По данным одного из обычных исследований, за год средний американский ребенок видит по телевизору больше двух тысяч насильственных смертей.

Но все это – часть прогресса. Это цена, которую нужно заплатить во имя всеобщего движения вперед. Вперед, но куда? Этого никогда не говорят. Иногда мне казалось, что я живу в мире, который топчется на краю пропасти. Причем я нахожусь в самой гуще общества, состоящего из людей, которые «больны» куда серьезнее, чем я, общества, понемногу теряющего рассудок.

Однажды я прочитал, что для обеззараживания мяса, которое американцы поглощают в устрашающих количествах, его облучают. Но не становится ли оно при этом канцерогенным? Такого вопроса никто не за-

давал. Как-то раз я прочел о том, что одна жительница штата Нью-Йорк придумала систему телевизионного слежения за происходящим в детских садах, чтобы матери могли увидеть на экране компьютера в офисе, что делают их дети, и работать спокойно. Но не лучше ли, чтоб они оставались со своими детьми? Прогресс ли это?

Вот и Фрейд к закату жизни задавался вопросом, действительно ли многочисленные хваленые достижения человечества можно считать проявлениями прогресса. В одном из своих последних очерков, «Неудобства культуры», старый психоаналитик начинает с комплиментов в адрес технического прогресса, благодаря которому, к примеру, он, к великой своей радости, может услышать голос сына, находящегося в тысячах километров от родного дома. Правда, потом он добавляет: если бы не поезд, который увез моего сына так далеко, мне бы не нужен был телефон, чтобы услышать его голос; не построй человечество больших кораблей, мне не нужен был бы телеграф, чтобы получить весточку от друга с противоположного края света.

По дороге в больницу я глядел на столбы дыма, которые поднимались из огромных труб электростанции, и невольно представлял гигантскую топку, куда поколение за поколением, с каждой волной иммиграции попадают все новые и новые человеческие судьбы, чтобы не дать остановиться этому ненасытному локомотиву

прогресса, современности – и рака. Все верно: американцы – лучшие специалисты в области онкологии, но это потому, что они сами со своими промышленностью, пищей, удобрениями, оружием и всем образом жизни больше всех способствуют наступлению рака. Больше больных, следовательно, больше врачей, больше опыта. Поэтому, собственно, я сюда и приехал.

Бывали дни, когда казалось – повсюду только и говорят, что о раке. Листовка, вложенная в утреннюю газету, предупреждала, что вещества, обычно используемые в химчистках, объявлены канцерогенными и что только химчистки нового типа гарантируют безопасность. Гуляя по Сентрал Парку, я столкнулся с большой демонстрацией – тысячи женщин проводили «Марш за лечение рака груди». Включаю радио, а там беседа о присутствии канцерогенных веществ в воздухе и воде, а заодно и реклама полиса, который можно оформить, чтобы застраховаться на случай болезни. Иду в больницу и там узнаю, что только что умер один мой известный коллега, американский журналист, на год меня моложе, тоже пациент этой клиники, и обнаруживаю записку от жены покойного, которая хочет со мной встретиться. Она уверена, что нашла объяснение, почему столько корреспондентов за последнее время заболели одним и тем же: все мы побывали во Вьетнаме во время войны и, возможно, полагает она, это результат воздействия дефолианта, который применяли амери-

канцы. Считается, что именно он – причина различных уродств, с которыми и сейчас, тридцать лет спустя, рождаются сотни детей в Индокитае. По примерным расчетам, американцы вылили на леса и рисовые поля Вьетнама и Лаоса около сотни миллионов литров этого вещества. Это был первый в истории человечества случай применения химического оружия массового поражения. И еще в давние времена в Америке использовали бактериологическое оружие, давая индейцам одеяла, зараженные оспой.

Я сомневаюсь, что это мой случай, хотя, конечно, существует роковая связь между оружием и раком, между некоторыми электронными устройствами, некоторыми химическими реактивами, некоторыми продуктами и раком. Пищевая промышленность приучила людей к исключительно неестественному питанию, и последствия поистине непредсказуемы. Но с этим еще предстоит разобраться. Медицинские исследования, как собственно и любые другие, финансируются крупными промышленными компаниями, которые вовсе не горят желанием открыть подлинные причины возникновения рака. Напротив, часто можно услышать: «Легче найти средство от рака, чем его причину». Конечно, ведь это куда менее рискованно. Вдобавок это еще и намного выгоднее: «средство» – это лекарство, а лекарство – это снова прибыль, и немалая. Кроме того, поиск лекарства как бы направлен в будущее, это про-

цесс, который держится на надежде и оптимизме – великих катализаторах экономики.

А пока мы продолжаем есть вредную еду, продолжаем дышать, работать, жить в условиях, которые, без сомнения, провоцируют рак, но ничего не делается, чтобы изменить эти условия. При этом все ждут, что кто-то где-то и скоро отыщет средство для борьбы с этой болезнью. И, конечно же, сводки с этого фронта всегда самые что ни на есть «обнадеживающие». Американские газеты пестрят оптимистичными заголовками: «Важный поворот», «Большой шаг вперед». Как говорил молодой исследователь из Онкологического центра, создается впечатление, что мы все время «на пороге» великого открытия, всегда в шаге от решения проблемы. Да я и сам иногда, листая газеты, покупался на очередную приманку. Вот, к примеру, результат недавних исследований: оказывается, сыроедение снижает риск возникновения опухоли более чем на восемьдесят процентов. Жаль, что опыты ставились только на кошках! Некий фармацевтический институт оповещает о создании нового противоопухолевого препарата, и статистика впечатляет. Правда, снова незадача: чтобы этим препаратом воспользоваться, мне следовало стать мышью. Все эксперименты проводились исключительно на грызунах, но хорошо известно, что результаты опытов на животных вовсе не обязательно распространяются на людей.

Правда в том, что и тридцать лет спустя после начала «войны против рака», в свое время объявленной с большой помпой президентом Никсоном (не для того ли, чтобы отвлечь внимание от настоящей войны – той, что во Вьетнаме уносила жизни десятков тысяч молодых американцев), рак вовсе не побежден. Несмотря на прогресс, достигнутый в борьбе с некоторыми разновидностями рака, общее число людей, которые умирают сегодня в Соединенных Штатах от этой болезни, ничуть не уменьшилось с тех пор.

Но и на удочку такой правды я тоже ловиться не хотел. Проценты выживаемости, рецидивов меня не интересовали. Статистика вообще штука подозрительная. Как говорил де Голль: «Если ты съел две курицы, а я – ни одной, с точки зрения статистики каждый из нас съел по курице».

Я предпочитал рассматривать себя как некий в высшей степени субъективный случай, а не как рассчитанную математическую вероятность.

На протяжении этих месяцев моей обособленной жизни в Нью-Йорке дважды приезжала Анджела. Но к нашей радости примешивалась и большая тревога, ибо сейчас мы принадлежали двум совершенно разным мирам: я – к миру больных с их логикой, приоритетами, болями, ритмами и, прежде всего, с их особым восприятием времени. Она же – к остальному миру, миру здоровых с их планами, желаниями, сроками и

уверенностью в будущем.

Одно дело – ежедневно обмениваться электронными письмами, а другое – оказаться лицом к лицу на нескольких квадратных метрах. Известие о приезде Анджелы привело меня в смятение. Мы отказались от телефона, сочтя его агрессивным, и еще потому, что он создавал иллюзию общения, лишь увеличивающую пропасть между собеседниками, когда трубка положена. Электронная почта была идеальным способом. Ежедневные рассказы Анджелы о ее жизни во Флоренции были для меня чем-то вроде бортового журнала корабля, пропавшего в море несколько веков тому назад. В них говорилось о вещах и людях, которые казались мне тенями, призраками, я едва мог их вспомнить, но эти письма были моим спасительным якорем. Вот еще одна вещь, которую наука понять не в силах: одна только мысль человека, чье существование оправдывает твое, – само по себе уже лекарство, продлевающее жизнь. В этом я не сомневаюсь.

Анджела держалась великолепно. Она поняла причины, по которым я хотел быть один, хотел, чтобы нас разделяло расстояние, – мы оба знали, что оно будет лишь физическим. Я обрел равновесие и боялся любого дуновения, способного его нарушить. Я знал, что она у меня есть, что я могу на нее рассчитывать. Просто благословение Божье!

Среди историй о болезнях, которые я прочитал в то

время, меня особенно потрясла одна. Это была автобиография Пауля Цвейга, увидевшая свет вскоре после его смерти. Писатель заболевает, и однажды, после недель осмотров и тревог, врач ставит ему диагноз: рак. Он возвращается домой, рассказывает об этом жене, и та тут же требует развода. «Она восприняла этот диагноз как гвоздь, забиваемый в крышку ее гроба, и ей захотелось освободиться, чтобы жить своей жизнью», – пишет Цвейг. А как же любовь? Долг? Верность? Еще одна современная история. Американская история.

Дистанция, возникающая между здоровыми и больными, проверяет на прочность отношения между людьми. Болезнь нарушает прежний порядок, но при этом создает свой, новый, и больной входит в другой мир, где логика здоровых, логика внешнего мира становится бессмысленной, нелепой, иногда даже обидной.

Я понял это, когда однажды, ожидая осмотра, увидел, как к нам, больным – изможденным, желтым и, как один, в неизменных спортивных костюмах и беретах, с именем, фамилией и номером истории болезни на пластиковом браслете – подошел красивый элегантный мужчина, хорошо одетый, загорелый, в темных очках – видимо, он пришел к кому-то. Это было как соринка в глазу, удар по самолюбию. «Прочь, прочь отсюда!» – твердил я про себя.

Одно из положительных последствий твоей болезни – это отказ от некоторых желаний, бессознательная убежденность в том, что тебе ни к чему покупать еще одну пару обуви или идти на аукцион ковров. Кто здоров, не может понять больного, и это правильно. Больной человек, каким бы ни было его поведение перед лицом болезни, пребывает в определенном трансе, порожденном не только слабостью, но и неким спокойствием, непостижимым для здорового. Здоровый даже принимает это за капитуляцию и считает своим долгом помочь больному устоять. Но у болезни – своя логика, вероятно, она в том, чтобы психологически подготовить больного к возможному уходу.

Анджела приехала из внешнего мира и попала в мирок, где все для нее было странным и неузнаваемым, начиная с меня самого. Она рассталась со мной, одетым в белое, длинноволосым, усатым; теперь же в аэропорту ее встречал некий лысый субъект, весь в черном, в ермолке на гладкой багровой голове. Я уже принадлежал к другому племени.

Между больными быстро возникает своеобразное братство. «Я» из внешнего мира, желающее самоутвердиться, отстоять себя, в больнице скромнеет. Стоит переступить порог, ощутить струю теплого воздуха, которая отделяет тебя от холодного мира «других», тех, кто снаружи, – и уже нет нужды вспоминать, кто ты, или, вернее, кем ты был, чем занимаешься или

занимался. Болезнь – великий уравнитель. Однажды мой сын Фолько сказал: «Когда мне чего-нибудь не хватает, я думаю об Индии. Там всем чего-нибудь не хватает – кому еды, у кого-то нет руки, у кого-то носа. Так что мое „не хватает“ и в сравнение со всем этим не идет». Я ощущал то же самое в Онкологическом центре. Каждый этаж больницы был отведен под особый вид рака. Самое душераздирающее впечатление оставлял этаж, на котором находились дети. Мне повезло: я уже прожил жизнь, а они не успели. Но, возможно, это было не совсем так, и то, что я видел, было лишь результатом прежних жизней, следствием кармы, накопленной в прежних воплощениях. Когда я видел эти детские тела, изможденные, почти прозрачные, иногда уже непохожие на человеческие, мне казалось, что индуизм – единственная из всех религий, предложившая наиболее утешительное объяснение этой чудовищной несправедливости.

В холлах разных отделений я смотрел на других пациентов, пытаясь разгадать их истории. Я узнавал тех, кто пришел сюда впервые, – они еще были привязаны к внешнему миру и вели себя так, будто оказались здесь по ошибке; тех, кто находился в самом начале химиотерапии, – они еще были напуганы – и тех, кто уже свыкся с происшедшими изменениями. Мне казалось, что я интуитивно ощущаю, кто из них сдался, а кто еще выкарабкается.

Но что же именно, пусть и различными путями, собрало нас тут с одной и той же болезнью? Было ли у всех нас что-то общее?

Однажды я сидел рядом с человеком лет пятидесяти, высоким, невероятно худым, желтым и совсем лысым. Он поглядывал на меня, и я чувствовал, что ему хочется заговорить. Наконец на неуверенном английском с сильнейшим русским акцентом он сказал, указывая на мои часы:

– Они из России. Вы тоже беженец?

– В каком-то смысле, да… А часы – они действительно сделаны в Советском Союзе в 1991 году, это одна из вещей, выпущенных к двухсотпятидесятой годовщине обращения бурятов в буддизм. Я купил их за пять долларов у одного монгола на границе с Китаем, – ответил я, снимая часы с запястья, чтобы показать надпись, сделанную кириллицей.

Часы были простенькие, не автоматические, из тех, что нужно заводить каждое утро или перед сном. Внимание привлекает то, что такие часы не увидишь в рекламном ролике, они не из тех, что стоят миллионы, их не носят полярники или Джеймс Бонд в последней серии. В центре белого циферблата – медитирующий Будда в оранжевой тунике. Даже Далай-лама во время нашей встречи в Дхарамсале не мог отвести от них глаз, и, зная, что его любимое занятие – чинить часы, я сказал ему: «Ваше Святейшество, они отлично хо-

дят!», на что он рассмеялся своим чудесным, неподражаемым смехом.

В разговор вмешалась жена моего соседа – пышущая здоровьем, назойливая и развязная. Изъясняясь на куда более бойком, чем у мужа, английском, она вклинилась в нашу беседу.

– Вы евреи? – спросил я.

– Я – да, – с гордостью отвечала она. – Он-то у меня русский, но в Узбекистане сказали, что русским нечего там оставаться, мол, не их это страна, и благодаря тому, что я еврейка, нам обоим удалось приехать в Америку беженцами, и ему тоже.

«Он» – у него красивые глаза, хороший взгляд – мягкий, добрый, но было видно, что он страдает, пока она громогласно, во всеуслышание рассказывает их историю. В Узбекистане «он» был инженером, работал на золотых приисках, но в Нью-Йорке ему удалось устроиться только ночным сторожем в магазине.

– Это ничего, ничего, – говорит он.

– Так и должно быть, – вставляет она. – Раз ты беженец, рассчитывать не на что, надо начинать с низов – таксистом, швейцаром, ночным сторожем.

Он улыбается и повторяет:

– Ничего, ничего. Ночной сторож – это ничего. Проработав восемь месяцев, он внезапно заболел. Рак легких.

– Это от стресса, – говорит жена.

– Ничего, ничего. Стресс – это ничего, – повторяет он.

Ну конечно же, стресс! Стресс от такой жены, от того, что он, русский, живет в чужой стране, не понимая языка, не зная обычаев, в стране, где все его знания ни к чему. «Стресс. Стресс», – повторяет он. У него уже удалили одно легкое, а сейчас болезнь перекинулась на второе. Они с женой убеждены, что я тоже беженец, но не спрашивают, откуда и по какой причине. «Здесь, в Америке, мы все такие, – говорит женщина. – Все беженцы».

Что ж, она права. Среди ожидающих в холле было много новых иммигрантов: китайцев, вьетнамцев; много было и русских из бывшего Советского Союза. Может, рак и впрямь связан со стрессом, с переменой места жительства, с отсутствием покоя. Для этого человека все действительно было так, ему было одиноко. Америке нечего было предложить ему, и единственные слова, которые он повторял, пока жена рассказывала всякие истории, были все те же: «Ничего, ничего. Ночной сторож. Стресс».

Когда я выходил из больницы, меня тоже тяготила пустота, которая, казалось, меня окружала. Я забирался в такси, и, как только включался счетчик, звучал ненавистный голос знаменитой актрисы.

– Вау!.. У кошки девять жизней, но у тебя, к сожалению, только одна…

Положим, мне она могла бы об этом и не напоминать.

– … Поэтому будь молодцом и пристегнись!..

Еще никогда в жизни я не делал этого с такой неохотой.

Нью-Йорк – странное место. С одной стороны, в нем нет ничего, полная пустота, с другой стороны – есть все, что угодно. Каждый день, если присмотреться, происходило что-то интересное. Случайно я прочитал, что Роберт Турман, преподаватель Колумбийского университета, специалист по восточным религиям, частый гость в Индии и вдобавок отец знаменитой голливудской актрисы, которую не зря зовут «Ума» (так звали возлюбленную Шивы), выступит с лекцией в одном из «альтернативных» центров в Боуэри.

Зал был полон, причем женщин было больше. Они всегда готовы соблазниться новизной со всеми таящимися в ней опасностями и риском; но они же способнее мужчин различить, что – подлинное, а что – нет; они первыми понимают, если что-то неладно. Темой лекции был объявлен тибетский буддизм, но Турман говорил в основном об Америке.

– В настоящий момент Запад – лучшая отправная точка для того, чтобы достичь просветления. Никогда и нигде в мире человек не был так близок к нирване, как сейчас в Америке. Здесь хорошо понимают, что значит пустота, что такое «Ничто», ибо мы здесь не просто

живем этой пустотой. Мы уже сами – ничто, наши взаимоотношения – ничто, мы и к остальным относимся как к пустому месту. «Хеллоу, Джим, хай, Джон!» Согласен, здороваемся мы приветливо, просто дальше некуда, да вот беда: нам нет никакого дела друг до друга – можно подумать, мы видимся в первый и последний раз. Если бы мы только знали, что на самом деле мы всегда были вместе… и что нам суждено оставаться вместе всегда, целую вечность!

Мне нравилась его ирония.

– Кто из вас что-нибудь знает о буддизме? – спросил он у слушателей. Многие подняли руку.

– А у кого из вас есть опыт пребывания вне собственного тела, ухода «туда», за грань? Случалось ли вам отрешаться от себя и испытывать потом шок при возвращении?

Красивый юноша, сопровождавший медноволосую даму много старше себя – видно было, что они любовники, – встал и рассказал невероятную историю из своей жизни. Молодой человек был из тех, кому удалось совершить «путешествие в астрал». Его пожилая подруга, слушая, так расчувствовалась, что в конце чуть не задушила его в объятиях.

– Нет, нет, я не об этом, – сказал Турман. – В том, о чем я спросил, нет ничего сверхъестественного. У вас всех есть опыт пребывания вне своего тела. И вы проделываете это каждый вечер, когда засыпаете.

Он заметил, что и смерть в некотором роде нечто подобное – разновидность сна, а не уход сознания, как привыкли полагать на Западе: «Йама, демон с бычьей головой, приходит нанести нам удар дубиной и утащить тело. Но мы и наше тело – не одно и то же, хотя мы настолько отождествляем себя с ним, что тратим уйму времени на то, чтобы содержать его в форме, „чинить“ его и „полировать“. На нашу плоть уходят буквально целые состояния, хотя мы знаем, что рано или поздно она все равно истлеет и будет удобрять землю…» Публика слушала, затаив дыхание.

– Но мы ведь, как-никак, американцы, – продолжал Турман, – и погоня за счастьем не только право, гарантированное нам Конституцией, но еще и наше излюбленное национальное занятие. И прекрасно. Потому что даже привалившее счастье может заставить задуматься: тот, кто выигрывает миллионы в лотерею, часто остается без друзей. Почему?

Смысл всей этой беседы заключался в том, что жизнь – возможность познать самих себя, что общество, в котором мы живем, безумно, ибо в силу своего махрового материализма отрицает тот факт, что мы – плод многих предыдущих жизней.

– Посмотрите на мою челюсть: это тоже результат многих-многих предыдущих жизней, полных терпимости, сочувствия, самоконтроля, которые изменили мою изначальную челюсть. Да-да, ведь когда-то эта че-

люсть была с большими крепкими клыками – цены им не было, когда случалось защищаться или нападать. Эх, где они сейчас, мои клыки…

Партер улыбался; мне казалось, что какое-то зерно новизны упало в землю и может дать всходы. Это было как особый голос на фоне ежедневных долбящих ритмов без мелодий.

После беседы с Турманом я вышел на улицу с приятным ощущением легкости. Как раз перед этим один мой хороший друг, на которого одновременно свалилось две беды – крупные неприятности на работе и разлад в семье, написал мне, что впервые в жизни подумывает о самоубийстве. Сейчас я наконец нашел слова для ответа: собственные наши оценки всего, что с нами случается, абсолютно условны. Это просто подручные средства, при помощи которых мы пытаемся упорядочить свое существование и одновременно себе его портим. Наша жизнь, если присмотреться хорошенько, совершенно от них не зависит. Успех или провал сегодня – всего лишь условности мимолетного отрезка жизни. То, что сейчас представляется невыносимым, через десять лет покажется пустяком. Возможно, мы даже забудем об этом. Почему же не попытаться взглянуть на сегодняшний ужас будущими глазами – теми, которые у нас будут через десять лет? Я написал все это, и мне стало легче на душе, хотя сам я вряд ли смог бы утешиться подобным образом. Десять лет?

Ну-ну…

Лекция Турмана была как порыв свежего ветра: нестандартные идеи, хитроумные подковыки. Уж такой он, Нью-Йорк: тут – пустота, там – ее противоположность. Это общество пребывает в вечной погоне за счастьем, которую Турман высмеял как бесцельную, поскольку счастье не может быть «абсолютным», таким, как нам хочется («то, что я ощущаю, не может быть абсолютным, и то, что кажется мне абсолютным, может быть только относительным»). И тем не менее, здесь можно встретить немало людей, отвергающих пошлую материальность повседневной жизни, стремящихся к чему-то другому; они пытаются нащупать «другие пути», они по-своему «сопротивляются».

Мне не потребовалось много времени, чтобы обнаружить один из основных центров такого «сопротивления», я нашел его по запаху. Однажды утром я прогуливался на Спринг Стрит, распахнулась какая-то железная дверь, и оттуда вышла девушка в волне знакомых благовоний. Так я набрел на Нью-Йоркский Открытый центр – нечто среднее между народным университетом, клубом и супермаркетом альтернативных товаров. На стендах висели афиши с подробными описаниями различных курсов, которые здесь проводились, от трав до диетологии, от рефлексологии до разнообразных видов йоги, а также различных видов лечения с помощью альтернативной медицины. В книжном магази-

не, откуда лились ароматы и «медитативная музыка», было много литературы «нью-эйдж», компакт-дисков и «альтернативного материала». У аудиторий мельтешила обычная публика, «другие». Снова в большинстве женщины – толстые спокойные девушки; дамы средних лет, явно благополучные, но «духовные». Атмосфера была расслабленная, приятная.

Я подошел к стойке, где велась запись, чтобы расспросить обо всем поподробнее, но не успел и рта раскрыть, как девушка-дежурная посмотрела на меня и с широкой улыбкой протянула:

– Ва-а-ау…

– В каком это смысле? – не понял я.

– Да вот смотрю, аура у тебя классная…

– В самом деле?

– Ну да. Ты знаешь, что у тебя сияние вокруг всего тела? Везет же человеку!

Тут вмешался худой и унылый парень, стоявший рядом и слышавший весь разговор:

– Да, улыбка у тебя, правда, классная, и сияние есть.

Видимо, у них был такой прием – встречать так всех, кто может записаться и заплатить за какой-нибудь курс. Но мне показалось, что оно и впрямь у меня есть, это сияние. Я записался на курс изучения карт Таро. Ходил я на занятия два раза в неделю в течение двух месяцев. Преподавательница была из итальянцев, большая умница. «Слушатели» – преимуществен-

но женщины. Еще ходил один странный субъект – он являлся на занятия одетый как банковский служащий или адвокат, но под обычной униформой скрывалась его «вторая кожа»: белый спортивный костюм. Перед уроком он уходил в уголок и снимал брюки, пиджак, рубашку и галстук, как будто сбрасывал защитную маскировку. Так что в этой тайной общине искателей «чего-то другого» были не только потомки хиппи, свободные девушки или разведенные дамы в поисках нового объекта; здесь попадались и люди совершенно неожиданные.

Перед операцией мне нужно было встретиться со своим будущим анестезиологом. Отвечая на обычные вопросы о моих прежних операциях и возможной аллергии на лекарственные препараты, я заметил, что он разглядывает мои часы.

– Так вы буддист? – спросил он меня.

– Нет, а вы?

– И я нет, – сказал он.

Затем немного помолчал и доверительно добавил:

– Я – суфий. Кашмирский суфий.

Господи, Кашмир! Одно из самых красивых мест на свете… Я провел там не одну неделю, наблюдая за грязной войной, которая губит этот край, зажатый между Индией и Пакистаном. Я побывал на дымящихся развалинах одной из самых прекрасных в мире мечетей – когда-то этот храм, целиком построенный из де-

рева, посещали суфии, мусульманские мистики, находящиеся под влиянием индуизма и буддизма. Но сам я в Кашмире так ни одного суфия и не встретил. Может, кто и остался, но боится признаваться, ведь суфиев всегда преследовали ортодоксальные мусульмане, считая их еретиками. И вот вам, пожалуйста, в Нью-Йорке мой анестезиолог – суфий и горд этим.

Он стоял в белом халате, как и полагается обычному врачу. Я попытался представить его себе в длинной шерстяной хламиде («суф» по-арабски означает шерсть). Вот он, вскинув руки, кружится, кружится, кружится в неистовой пляске дервиша (суфии полагают, что головокружение помогает впасть в состояние экстаза и установить прямой контакт с Божественным началом). Я понимал его: одинокого в этом материальном, заземленном обществе, в котором он был чужаком, его потянуло к чему-то более высокому, к цели, которая не заключалась бы только в выживании, и он нашел ответ в суфийском принципе «быть в мире, не являясь частью этого мира».

«Существуют тысячи способов преклонять колени и целовать землю, – написал величайший суфийский поэт Джалаледдин Руми, родившийся в стране, которую сейчас называют Афганистаном, в 1207 году. – По ту сторону идей, по ту сторону истинного и ложного есть некое место. Встретимся там».

И он, мой анестезиолог из Онкологического центра,

нашел это идеальное место в Кашмире, хотя его, как такового, уже практически не существует: экзотическое название, недоступный край. Оттуда, в форме танца, к нему пришла надежда на существование «чего-то большего» – того, без чего жизнь становится пустой. И каждый вечер в субботу он собирался с другими «друзьями» («мы, друзья» – так принято у суфиев называть себя и своих единомышленников) в каком-нибудь нью-йоркском «лофте» или загородном доме, чтобы читать стихи и часами кружиться под звуки музыки, чье крещендо сопровождает «восхождение», в мистическом ритуале, символизирующем жизнь. Потому что вращение – основное условие существования: в атоме кружатся электроны, в космосе вращаются планеты и звезды; да и мы сами совершаем земной круг – из земли выходим и прахом в землю возвращаемся. Танец, сказал мне анестезиолог, создает у него внутри пустоту, которая приносит истинное освобождение. Этот вакуум отрывает его от будничной повседневности и приближает к Божественному началу.

Божественное начало… Его недоставало здесь даже мне, прежде не слишком в нем нуждавшемуся. Сколько я ни бродил по улицам, нигде не было и, признаков его, ни одной процессии, ни одного религиозного праздника, никаких богомольцев, несущих на плечах изображение Бога. Ни одного намека на что-нибудь, существующее за пределами материального.

Где бы я ни жил в Азии, повсюду, кроме коммунистического Китая, люди обращаются к Божественному началу постоянно: Оно присутствует не только в церемониях и обрядах, но и в языке, в жестах людей. Торговец рыбой в Японии, перед тем как открыть утром свою лавку, высыпает на тротуар пригоршню соли; в храмах Сингапура, Таиланда, Малайзии непрерывно курят благовония, принесенные в дар теми, кто хочет заручиться поддержкой какого-нибудь божества. В Индии Божественное начало ощущается повсюду. Здороваясь, индийцы соединяют ладони перед грудью, слегка склоняют голову и произносят: «Намасте», что означает «Приветствую Божественное начало в тебе».

Я часто думал об Индии, о своем жилище в Дели. Там под окнами можно было увидеть шествующую по улице череду верблюдов или слона, несущего хоботом свой дневной паек сена. Ночью там можно было проснуться от звона колокольчиков, выглянуть на улицу и увидеть сикхскую или мусульманскую процессию. Иногда и здесь, в уличной нью-йоркской толпе, я замечал индийца и мне казалось, что я встретил родственника. Он был для меня куда понятнее и ближе, чем американец.

Однажды, под проливным дождем, опаздывая на очередное свидание моего тела с «ремонтниками», я остановил такси. Водитель оказался сикхом с большой черной бородой, в синем тюрбане.

– Пожалуйста, отвезите меня в Онкологический центр, сардар-джи. Обращения «сардар» (начальник) с почтительным добавлением «джи» ему понравилось. Водитель оказался родом из деревушки неподалеку от Амритсара, где расположен Золотой храм, своего рода Ватикан сикхов. В Нью-Йорке он уже десять лет, зарабатывает свои три тысячи в месяц. Из них половину ухитряется отправлять домой. Ему сорок семь лет «и еще тринадцать предстоит прожить».

– Тринадцать? Откуда вы знаете?

– Мне сказал об этом мой бог. Я тогда еще жил дома, в Индии, лет двадцать назад это было. И я доволен, потому что в шестьдесят лет человеку не стоит грустить оттого, что он умирает. Конечно, умирать никому не хочется, но нас столько на земле, что нужно уступить место другим… а шестьдесят лет – подходящий возраст для того, чтобы уйти.

– Но, сардар-джи, мне пятьдесят девять, и у меня рак – поэтому я и еду в эту больницу. Вы думаете, мне действительно стоит умереть в шестьдесят?

– О нет, сэр, у вас совершенно здоровый вид. А что же вам сказал ваш бог?

– Не знаю, своего собственного бога у меня нет, но прорицатели сказали, что я доживу до старости.

– Так и есть! У вас такой здоровый вид.

Мы приехали. «Сардар» останавливает машину, оборачивается ко мне, соединяет ладони перед своим

лицом и, кланяясь – мне, собеседнику, и своему богу, чье присутствие он видит и во мне, – прощается:

– Намасте. Удачи вам. Удачи.

– Намасте, сардар-джи.

Через мгновение я вновь погружаюсь в белый мир больницы для нового свидания с сияющей красной жидкостью.

Обратно я вернулся пешком. Медленно. Очутившись в своем логове, я почувствовал себя невероятно усталым и присел у окна. Воздух, промытый дождем, был прозрачным, хрустальным; из окна открывался пейзаж с небоскребами, с одной стороны позолоченными закатным солнцем; с другой, теневой, они казались холодными, стальными. Улица подо мной была полна людей всех цветов кожи, одетых самым причудливым образом. Внезапно в небе появились два больших военных вертолета и зависли прямо над моим домом, почти касаясь крыши. Нападение? Вторжение? Марсиане? Этому тоже никто бы не удивился. Американцы теперь живут в мире, заимствованном из их фильмов-фэнтези, где все возможно. Пришельцы? И они уже здесь были. Если бы по телевизору сообщили, что президента страны похитили, даже это показалось бы нормальным: это тоже случалось в парочке фильмов, которые все видели.

Вертолеты продолжали кружиться. Люди, среди которых я находился, были уже людьми из той, после-

ядерной жизни; жизни, которая наступит «на следующий день». А я, растерянный, одинокий, застыл в своем зыбком равновесии – без желаний, без планов. Будто я позвонил куда-то по телефону, а меня все не соединяют («ждите ответа… ждите ответа»). А из трубки доносятся отдаленные звуки какой-то дурацкой музыки.

Иногда я действительно чувствовал себя чужим в Америке. Я не выносил банальности разговоров, стереотипной вежливости, механических компьютерных голосов по телефону. Меня воротило от коммерческой рекламы в газетах, из каждого воскресного выпуска приходилось выкидывать по два килограмма этой макулатуры, коробил заученный призыв всех официантов в любом ресторане или кафе: «Насладитесь!» – безразлично чем. Ближе к Рождеству к обычной городской какофонии добавилась назойливая песенка «Jingle Bells» на улицах, в магазинах, в лифте.

После долгой пешей прогулки я зашел в книжный магазин, но не выдержал там и нескольких минут. Мотив «Jingle Bells» долбил меня неотвязно. И там тоже он гулял по всему магазину, лился с потолка, накатывал волной из каждого угла: «Jingle Bells… Jingle Bells». Невыносимо, настырно. Я бросился прочь из магазина. На тротуаре озябший человек с ручной тележкой продавал хот-доги.

– Где ближайшая станция метро? – спросил я.

– В конце этого квартала, слева.

По акценту я понял: это был один из моих милых русских евреев, с которыми несколькими годами раньше, когда я писал книгу «Спокойной ночи, синьор Ленин», мы столько спорили, и смеялись, и выпили столько чаю в Средней Азии.

– Спасибо, – ответил я по-русски.

Он взглянул на меня, как на привидение. А потом, помедлив, растерянно отозвался:

– Пожалуйста…

И это было первое по-настоящему сердечное слово, услышанное мною за весь день. И улыбаясь, будто старые товарищи, узнавшие друг друга, мы вернулись к своей жизни, одинаково странной у обоих, – жизни, протекавшей в этом лагере беженцев, в этой гигантской, кормящейся людьми паровозной топке, в этой спасительной гавани, в этом «ГУЛАГе с хорошей кормежкой», которым для нас обоих стал Нью-Йорк.

Куски моего «Я»

Среди многочисленных, передаваемых из поколения в поколение уже две тысячи лет упражнений, которые обязаны выполнять тибетские юноши, будущие монахи из Школы буддийской диалектики в Дхарамсале, есть одно, которое всем нам следовало бы временами делать. Цель этого упражнения – выяснить, где же находится то, чему мы придаем столько значения, – наше «я».

«Оно в имени?» – спрашивает старый лама у своих учеников, сидящих на полу за рядами столиков. Нет, не в имени, потому что имя может измениться, а я при этом не изменюсь. Однако как много людей отождествляет себя со своим именем, а еще больше – со званиями! Но ясно, что «я» человека в его имени скрываться не может.

«Оно в теле?» – спрашивает тогда старый монах. Конечно, у меня много общего с моим телом, можно сказать даже, что без моего тела меня нет.

«Но где именно в теле нахожусь я?» – настаивает лама и, забавляясь, начинает перечислять части тела, на которые указывают, говоря «я», представители разных народов. Китайцы говорят «я» и касаются указательным пальцем кончика носа. Но может ли «я» скры-

ваться в носу? Может ли оно находиться в сердце, к которому обычно прикладывают руку американцы? Или, может, оно в голове – ведь там подразумевается вместилище интеллекта, главного из достоинств, по мнению многих.

Ученики слушают, некоторые вступают в разговор. Обсуждение понемногу продвигается вперед. Затем старый лама вынимает розу и держит перед собой, чтобы все смогли сосредоточить на ней свое внимание.

«Это цветок, согласны?» – и с этими словами он отрывает у розы лепесток. «А это? Это цветок? Нет! Это лепесток… А это? – риторически спрашивает он, снова показывая ученикам розу. – Это цветок». Отрывает еще один лепесток, еще один, еще и все время спрашивает: «Что это?»

И наконец на столике – кучка лепестков, а в руке монаха – голый стебель. Старый лама показывает его ученикам и спрашивает: «А это цветок? Нет. Это уже не цветок… То же самое можно сказать и о руке человека, – говорит он, поднимая вверх левую руку. – Если бы я принялся отсекать себе пальцы один за другим, ни один из пальцев не был бы сам по себе моей рукой, но и рука бы перестала быть рукой. И что же? В точности то же самое происходит со всем нашим телом. Не состоит ли каждый из многих частей, каждая из которых в отдельности не есть он?»

В то утро ко мне в палату явилась одна милая старая дама, одна из тех, кто во благо других работают добровольцами в больницах. Она спросила, не хочу ли я прочитать с ней молитву, чтобы рука хирурга не дрогнула и вырезала то, что надлежит; и тут я припомнил старого монаха с его притчей. Сколько кусков хирург может от меня откромсать, чтобы я не перестал быть собой?

Однако размышлять было некогда, пришла медсестра, чтобы спросить, поручаю ли я своей жене в случае продолжительной комы принять решение об отключении системы жизнеобеспечения («Ну, вы же знаете закон штата Нью-Йорк, поймите меня правильно…»), затем пришел «кашмирский суфий» и сделал мне первую инъекцию наркоза; рассудок мой сперва успокоился, а затем и вовсе отключился.

Операция, как мне сказали потом, длилась два часа. Где было мое «я» все это время – по правде сказать, не знаю. Уже за пределами тела? Или все-таки оставалось внутри него, но просто отключилось, как это случается во сне (или после смерти)? Когда я проснулся, во мне кое-чего не хватало, но большая часть меня, вся утыканная трубками, все же была еще здесь, а вместе с ней здесь был и я.

Проблема с моим «я» и его кусками началась еще в больнице в Болонье, где мне впервые показалось, что нынешняя медицина, с которой я тесно не сталкивал-

ся уже много лет, заметно изменилась по сравнению с былой, и теперь она интересуется не столько мной как человеком, сколько моей болезнью. В Нью-Йорке это стало еще очевиднее.

Меня посылали с этажа на этаж, возили на кресле-каталке, одурманенного какой-то штукой, из-за которой я не мог вспомнить происшедшего. Бланки в руках, пластиковая карточка с моими данными, которую следовало предъявлять, чтобы поставить какие-то печати (ее здесь называли «кредитной карточкой на жизнь»); цветные микстуры, которые следовало выпить, уколы, от которых рот палило огнем, трубки, провода; ожидание… Меня помещали перед мониторами, ультразвуковыми приборами; засовывали в светящуюся трубу, в которой под громыханье я вибрировал на узком ложе, задерживая по инструкции дыхание. И все это затем, чтобы узнать, что именно во мне не в порядке. На каждой «остановке» осмотру подвергалась очередная часть моего тела: печень, почки, желудок, легкие, сердце. Но любой очередной специалист не думал заниматься конкретно мною. Его внимание приковывали только мои части – и даже не они сами, а их изображения на мониторе и распечатка данных в конце осмотра.

Я видел, например, на экране собственную печень – пульсирующее пятно, зеленое и красное. Видел ее отдельно от себя, чужую, вне брюшной полости, где

она, печень, находилась шестьдесят лет подряд, принимая на себя все удары, о которых, предаваясь излишествам, думаешь, что все обойдется. Но меня самого, «меня-целого», даже «меня-агрегата-всех-этих-кусков» – этого меня уже не было. Моего мнения теперь даже никто не спрашивал.

Во время очередного осмотра одна из врачей обнаружила у меня третью разновидность рака. Проницательности этой рыжеволосой женщины я обязан продлением жизни. Я не смог ни поблагодарить ее, ни придумать ей прозвище, потому что мы так никогда и не увиделись (хоть я и не раз пытался угадать ее среди посетителей больничного кафе). Ей достаточно было взглянуть на один из мониторов, присмотреться повнимательнее к изменившемуся за короткий срок пятнышку, чтоб сделать вывод. Ей не понадобилось прикасаться ко мне, говорить со мной, спрашивать о самочувствии.

Даже если бы мы с ней встретились, она могла сказать, как и многие нынешние врачи, что ощущения пациента не имеют практической ценности и что компьютерные изображения, цифры, схемы заслуживают большего доверия. Для современной медицины объективность этих данных – единственная реальность, там нет места для субъективности больного. Мой случай это подтвердил. То, что увидела эта женщина, меня не беспокоило, не вызывало никаких симптомов, и когда

бы они появились, могло быть слишком поздно. Машина узнала о моем состоянии намного раньше, чем я.

Без сомнения, что-то было положительное в этой отстраненности от пациента и его ощущений, но то, что я для врачей был набором деталей, а не единым целым, вызывало недовольство. Я спрашивал себя – а что, если наука, которой я доверился, так же слепа, как те пятеро слепцов из древней индийской притчи, которых попросили описать слона. Первый подходит к животному и трогает его ноги: «Слон, – говорит он, – как храм, а это – его колонны». Второй ощупывает хобот и говорит, что слон похож на змею. Третий слепой прикасается к брюху и утверждает, что слон похож на гору. Четвертый трогает слоновье ухо и говорит, что слон напоминает опахало. Последний слепой хватается за хвост и заявляет: «Слон – это вроде веревки!»

Любое из этих определений в чем-то правдиво, но настоящего слона в них нет. А мои опытные и умелые врачи не похожи ли на тех слепцов? Конечно, да! И все потому, что они ученые, потому что у науки есть свои границы и научное описание слона, сделанное физиком, химиком, биологом и даже зоологом, по существу так же смехотворно и неполно, как и мнение этих слепцов.

В этом проблема науки: она точна, скрупулезна, свободна, и даже готова пересмотреть свои позиции, заменив одну теорию другой, старую истину новой, но

она остается неизбежно ограниченной в своем понимании действительности.

Рассматривать действительность через линзу науки означает поступать так же, как легендарный Молла Насреддин. Как-то, вернувшись домой после дружеской пирушки, он обронил ключ и принялся искать его под единственным на улице фонарем. «Почему ты ищешь там?» – спрашивает его прохожий. «А здесь видно», – ответил хмельной Насреддин.

Точно так же ведут себя и ученые. Мир, который они описывают при помощи своих инструментов, – это не мир, это лишь его частное проявление, несуществующая абстракция. Как не существует чисел; для науки они необходимы, но в природе чисел нет.

Мир, в котором человек встает по утрам, состоит из гор, из волн, которые, пенясь, бьются о рифы, из лугов, где зеленеет трава, из птиц с их щебетом, из животных с их рычанием, мычанием и блеянием и из огромного количества людей – каждый со своей жизнью. А что же делают бедные ученые со всем этим? Они измеряют, взвешивают, открывают законы, анализируют различные свойства и качества мира и о каждом пытаются сказать все, не объясняя при этом ничего. Во внимание принимается лишь то, что на виду, что просто, что можно зафиксировать, поскольку заняться эмоциями, чувствами, тем, как любовь изменяет человека, а личность – общество, науке просто не под силу.

Чем, к примеру, занимаются ученые-экономисты? Они изучают мировой спрос на некий продукт, делают прогнозы по поводу положения дел на гонконгской бирже и просчитывают, под какой процент банки могут гарантировать сохранность их займов. Но что они могут сказать нам об алчности, которая разрушает мир во имя того, что они называют «прогрессом»? Такие слова, как «алчность» и «эгоизм», действительно, не фигурируют в книгах по экономике, и сами экономисты продолжают заниматься своей наукой, будто она не имеет ничего общего с судьбой человечества.

Один мой старый университетский товарищ, который руководит лабораторией медицинских исследований Северо-Западного университета, хорошо сформулировал главную неразрешимую проблему разумного ученого. Ткнув себя в лоб, он сказал: «Я знаю все о том, как работает каждая клетка тут, внутри, но не представляю, как функционирует сам мозг».

Общаясь с врачами из Онкологического центра, блестящими, скрупулезно отобранными специалистами со всего мира, я вспоминал доктора Маккиони, который лечил меня в детстве.

Мама, дожидаясь его, готовила тазик с водой и новое мыло на блюдечке, а на спинку стула вешала свежевыстиранное пахучее полотенце. Являлся он, элегантный, в золотых очках, ставил свой кожаный чемоданчик, рассказывал последние новости, прослуши-

вал мне грудь и спину деревянным стетоскопом: «Нука, вдохни глубже, скажи аа-а-а», – заглядывал мне в зрачки, измерял пульс, требовал показать язык; потом мыл руки и, тщательно вытирая их палец за пальцем, оглашал свой вердикт… Для меня, маленького мальчика, было что-то волшебное в том, как он держался, двигался и говорил – уверенно и спокойно. Он воплощал собой медицину. Я родился у него на глазах; он был рядом, когда умерли от туберкулеза обе мои тетки – совсем молодые – и когда умерла бабушка – от старости. Он знал все обо всех, и, когда моя мама провожала его до двери и стояла на пороге, пока он спускался по лестнице, повторяя: «Спасибо, спасибо, доктор!» – мне уже становилось лучше.

В жизни мне приходилось иметь дело с врачами, и, к счастью, в большинстве случаев мне попадались именно такие люди. Когда в восемнадцать лет я очутился в больнице из-за поражения легкого и после месяцев безуспешного лечения единственным выходом представлялось его удаление, меня вытянул из этой трясины старый доктор, который, используя весь свой опыт и только-только поступившее в аптеки лекарство, спас мое легкое, а вместе с ним и мои планы на будущее.

Много лет спустя другой врач, на этот раз швейцарец, спас Анджелу от негативных последствий терапии, которая с научной точки зрения казалась неизбеж-

ной. Анджеле было тридцать три; у нее обнаружили рак груди, прооперировали, она прошла курс облучения – в то время это делалось на очень примитивном уровне, да еще вдобавок в Сингапуре! Нам предстояло принять нелегкое решение – начинать или нет (а это на всю жизнь) принимать уйму всякой гадости, поскольку организм эти гормоны перестал вырабатывать после операции. Врачи, которые нас консультировали, считали это неизбежным, но мог возникнуть побочный эффект. У Анджелы появится пушок на лице, а то и усы!

Сама мысль о том, что ей придется принимать это лекарство всю жизнь, вызывала протест. И вот тогда один старый восьмидесятилетний эндокринолог задал Анджеле странный вопрос:

– Скажите, у вас счастливая жизнь? Вы чувствуете себя любимой?

Не знаю, что ответила Анджела, потому что меня попросили подождать за дверью. Но затем доктор пригласил меня войти и сказал, что, на его взгляд, Анджеле незачем что-либо принимать и что мы оба и наши дети – тогда еще совсем маленькие – можем спокойно вернуться к обычной жизни. Просто гений! Очевидно, что это был один из тех врачей, которые не сводят все к химическим процессам; он признавал – важнейшую! – роль, которую сознание и душа играют в поддержании тела. С чисто научной точки зрения нам следовало бы довериться тем, кто предлагал медикаментозный ва-

риант. Но наш доктор сделал ставку на то, что возвращение к нормальной жизни, полной любви и покоя, подействует не хуже лекарства и без побочных явлений. Минуло тридцать лет… и до сих пор усы в нашей семье носил только я!

К сожалению, такой тип врача, человека, знающего не только свою специальность, но и жизнь вообще, человека с серьезной научной подготовкой, но относящегося к медицине как к искусству, на Западе больше не существует – их просто больше не готовят. Врачи, которые сегодня выходят из стен наших университетов, думают исключительно о болезнях, не о больном. Пациент всего лишь «носитель» болезни, а вовсе не человек, живущий в своем мире, семейный или одинокий, радующийся любимой работе или, наоборот, неудовлетворенный своей профессией. Врачи сегодня не ходят к больным на дом, не видят их в быту, не пытаются разобраться в их взаимоотношениях с близкими. У врачей просто нет на это времени. Больше не осталось и любопытства.

Поэтому больной, как в Европе, так и в Америке, встречает все меньше понимания со стороны нового врача-функционера, который задает вопросы, главным образом для того, чтобы заполнить карточку, или врача-специалиста, разбирающегося лишь в том, что происходит в отдельной части тела, причем отношение у него к данному «фрагменту» такое, будто это и не

часть живого человека.

Вот поэтому все больше и больше людей обращается сейчас к той или иной «альтернативной медицине», а в такой стране, как Соединенные Штаты, где специализация более развита, чем где бы то ни было, к «альтернативщикам» обращается больше больных, чем к «обычным» врачам.

Альтернативная медицина обещает пациенту индивидуальный подход, создает у него впечатление, что его рассматривают как целое, к примеру, ищет признаки головной боли на подошвах ног; она возвращает в отношения «врач – больной» элемент тайны и магии, который уже сам по себе, похоже, обладает целебным действием. И весь процесс протекает куда приятнее.

«Скажите, госпожа, когда вы ходите в туалет, ваши экскременты всплывают или тонут?» «Чего бы вам больше хотелось: шоколадку или лимон?» «Если бы в лесу вы столкнулись с хищным зверем, как бы вы поступили? Попытались убежать или залезть на дерево?» Анджелу эти вопросы забавляли, и она старалась честно на них отвечать.

Когда мы прожили в Индии уже пару лет, Анджела поранила палец на ноге и ничто не помогало – ни мази, ни антибиотики, ни компрессы, прописанные одним из врачей западной формации, которых нам рекомендовали в посольстве. Состояние раны ухудшалось. Один индийский друг посоветовал сходить к врачу-аюрведи-

сту, и тот любезно принял нас у себя дома в центре Дели. Дом был очень скромный, атмосфера – приятная и расковывающая. Врач поинтересовался снами Анджелы, расспросил о ее жизни; ему нужно было знать все – даже то, кем она хотела стать в детстве. Он заставил ее нарисовать дом и корабль, выслушал оба ее пульса. Консультация длилась около часа, в завершение он выписал рецепт. Мы с Анджелой пошли в старую аюрведическую аптеку, и там, прямо у нас на глазах, были приготовлены порошки.

Анджела пила все с предписанными интервалами, однако палец не заживал. Этот первый опыт знакомства в аюрведой оказался не очень обнадеживающим, и Анджела мучилась со своей раной еще несколько недель… пока, наконец, однажды вечером старый коллега из «Ньюсвик» не пришел к нам на ужин в сопровождении очень странной женщины. Лет сорока, высокая, худощавая, красивая, но жилистая, будто закаленная тяжелой жизнью, которая, к тому же, лишила ее большей части зубов. Она была австралийкой. Лет десять назад работала журналисткой в Гонконге, там познакомилась с молодым индонезийцем, вышла за него замуж и, чтобы последовать за ним на остров Борнео, в его родную деревушку, приняла мусульманство. Она выучила язык и приспособилась к странной жизни в этом месте, где как и во всей Индонезии, царила магия. Истории, которые рассказывала Нур (по-арабски

это имя означает «свет»), на самом деле были из другого мира. Она только-только приехала в деревню мужа, до нее там и не видели белых женщин, и вот торговец, у которого она постоянно покупала овощи, сказал ей: «Сегодня вечером я буду у тебя. Если увидишь серебристого жука, смотри, не убивай его. Это я». В тот вечер Нур действительно увидела, как в окно влетел именно такой жук, он полетал по дому и улетел восвояси, однако она решила, что это совпадение. Но неделю спустя, увидя ее на рынке, зеленщик в точности описал расположение и обстановку всех ее комнат и предостерег: «Учти, в доме у тебя поселились злые духи». Он оказался прав; вскоре брак Нур дал трещину и местный колдун вместе с родней мужа ополчился на нее, пытаясь выжить из деревни. Куры ее под влиянием колдовства перестали нестись, цветы в саду поникли, не успев расцвести, в доме неизвестно куда пропадали предметы, а в ящиках стола загадочным образом появлялись ржавые гвозди.

Не желая сдаваться, Нур с тайной помощью своего друга, зеленщика-жука, принялась изучать белую магию, научилась отвечать ударом на удар, белой магией против черной магии колдуна; она осталась в деревне и стала целительницей. Недавно она переехала в Джакарту, где уже прославилась талантом врачевания.

Рана на ноге? Нур приходила к нам каждый день, укладывала Анджелу на диване в гостиной, задергива-

ла занавески, ставила индонезийскую музыку, курила благовония и поглаживала ей ногу, рассказывая о своей жизни на Борнео и расспрашивая жену о ее жизни. Не прошло и недели, как рана зарубцевалась.

Мне бы тоже хотелось, чтобы Нур меня вылечила, – полеживать себе в полутьме в красивой комнате и под музыку, дыша благовониями, слушать ее истории и рассказывать свои. Только вот болезнь у меня оказалась посерьезнее, чем нагноившийся палец, и времени на эксперименты уже не оставалось.

– Попробуй. У альтернативной медицины нет побочных эффектов. Самое худшее – она не поможет, – советуют все. И тут кроется ловушка. Сколько людей, не желающих, чтобы их калечили хирурги, изнуряли химиотерапией и подвергали вредному облучению, доверяются на первый взгляд более легким и многообещающим способам! Пятидесятилетняя мать одного моего друга доверилась целителю, который взялся лечить ее от рака груди. Он заставлял ее пить травяные настои в огромных количествах и оценивал успех в излечении при помощи маятника. Когда несколько месяцев спустя женщина одумалась и решила вернуться к хирургу, который с самого начала предлагал ей удалить одну из молочных желез (причем прогноз был вполне благоприятный), было уже слишком поздно. Она потеряла драгоценное время, спасти ее не удалось.

За последние годы это превратилось в особенно се-

рьезную проблему. Способы, которыми раньше увлекалась только часть населения, восприимчивая к моде в духе «нью-эйдж» или моде на восточную экзотику, сейчас доступны каждому и проникли, как сорняки, в каждый европейский город, чуть ли не в каждый квартал. Во Флоренции простой рабочий, менявший нам обивку на диване, принялся рассуждать о чакрах и «потоках энергии», которыми ему заморочил голову один «пранотерапевт». У бедняги был рак толстой кишки, и он решил, что сможет с этим справиться без хирурга. Даже в деревушке, где вряд ли наберется больше сотни душ и где я обычно провожу лето, один мой приятель, местный пастух, недавно признался, что каждую неделю преодолевает не одну сотню километров на машине, чтобы попасть на прием к одной «тибетской колдунье». Хорошо еще, что болезнь у него была несерьезная – он просто слегка прихрамывал из-за боли в ноге. Он ничем не рисковал – разве что эта женщина вдруг… исцелила бы его.

Проблема в том, что никто это не контролирует. Все воображают, что знают все на свете и способны судить о чем угодно. Законы не соответствуют реальному положению дел, и хаотичная лавина информации из Интернета способствует широкому распространению «полузнания» – этой худшей и самой опасной формы невежества. Без истинного знания даже здравый смысл отступает и любой шарлатан оказывается

в весьма выгодном положении.

Раньше врач, адвокат, архитектор, инженер вешали на самое видное место диплом университета; это было гарантией качества их услуг. В наши дни диплом уже ничего особенного не гарантирует и никто на него не обращает внимания. История о том, как кто-то излечился, комментарии знакомых, слухи, иногда просто красиво звучащие вычурные речи заменили привычные гарантии. Ни суд, ни профсоюзы не способны защитить гражданина. Да и сам гражданин, вкусив «свободы», уже не хочет, чтобы его защищали. В конце концов здесь, как и повсюду в «современной» жизни, все решает рынок, а надежда – это товар, спрос на который не падает. Кто бы ни торговал надеждой, недостатка в спросе не будет. А если потом будут жертвы – ну что ж, это их, жертв, дело… Сами виноваты!

Одна из самых привлекательных сторон альтернативных видов лечения заключается в том, что пациент должен активно участвовать в процессе исцеления, что многое зависит от него самого, от его воли. Правда, это заодно означает, что если что-то не сработает, дело не в лечении – значит, больной «не выкладывался» как следует. Таким образом, у шарлатанов всегда есть прекрасное оправдание.

Часто совет обратиться к альтернативной медицине – сам термин «медицина» тут порой звучит самонадеянно – дают с самыми лучшими намерениями. Именно

такими намерениями и руководствовался Дэн Рид, мой старый товарищ, с которым я когда-то изучал китаистику в Америке. Со временем он стал специалистом по даосизму, буддизму, гимнастике цигун, восточной медицине и восточному оккультизму; обо всем этом он написал несколько книг, переведенных на многие языки.

Из Нью-Йорка, еще в период химиотерапии, я отправил ему электронное письмо, чтобы поведать «сенсацию» о себе и о том, что я предпринимаю, спросить совета насчет того, что делать потом, чтобы восстановиться, укрепить иммунную систему и воспользоваться всем ценным из методик Дэна. Ох, лучше бы я ему не писал! Несколько часов спустя ответ мерцал на моем мониторе – что за безумие отдать себя в руки «палачей в белых халатах»! Они будут пытаться уничтожить рак ядами, но заодно отравят и меня. Конечно, это вопрос жизни и смерти, но и о качестве жизни «потом» тоже нужно подумать! Все что угодно, только не химиотерапия; я должен немедленно прекратить гробить свой организм, потому что ущерб от этих процедур наносится печени и крови и я стану инвалидом. Как только я посмел проделать это все, не посоветовавшись с ним, Дэном? Как я вообще мог, проведя столько времени в Азии, довериться «этой дерьмовой западной медицине»?

Что же предлагал Дэн? По его словам, я должен был немедленно договориться о телефонной беседе с од-

ной прорицательницей, великой целительницей, способной «увидеть» все даже на расстоянии. «За тридцать лет странствий по Азии в поисках духовных учителей и великих целителей, от Индии до Китая и Тибета, я не встречал никого, кто бы даже отдаленно приблизился к могуществу и глубине прозрения этой женщины, – писал Дэн. – Ты сам убедишься… а потом, если захочешь узнать больше о том, что твои друзья из Онкологического центра творят со своими пациентами, почитай…» И далее перечислялась целая библиотечка; многое из этого мне уже было известно. А также приводились адреса некоторых сайтов, на которых я могу найти истории, обличающие мою, к тому времени уже полюбившуюся больницу.

Послание Дэна не произвело на меня впечатления. Я знал, будто между Онкологическим центром и крупными фармацевтическими предприятиями существует некий сговор, отчего в клинике упорно отвергают любые альтернативные способы лечения, невыгодные фармацевтическим компаниям. Я читал, что когда-то во главе больницы, занимающейся лечением раковых больных, непонятно каким образом оказался человек, связанный с табачной промышленностью, той самой, которая сама способствует распространению рака. Но это не меняло моей убежденности в том, что ставка на Онкологический центр – лучший вариант.

Я уверен: если бы я обратился к этой женщине, это

был бы интересный опыт. Она бы «увидела» мое внутреннее «я» с его семью слоями и разноцветной аурой вокруг тела; она бы заставила меня «мыслить позитивно» и участвовать в собственном «излечении». И все такое прочее, о чем в Центре не желали и слышать.

В общем, если бы у меня была, к примеру, скарлатина или сенная лихорадка, я бы ей позвонил, хотя бы потому, что у нее было исключительно подходящее для ясновидящей имя. Ее звали Санта Кьярецца – Святая Ясность.

Я знал, что сделал правильный выбор, но понимал, что медицина, которой я доверился как науке, а не магии, потому что она опирается на физику, а не на метафизику, на разум и опыт, а не на интуицию, что эта медицина не может проникнуть за пределы видимого, увидеть то, что кроется за фактами, то, что воспринимается чувствами. И в этом научном подходе виделся некий пробел, что-то вроде логической прорехи. Я все больше убеждался, что за миром вещей существует нечто, ускользающее из сетей науки. Что-то очень важное, может быть, куда важнее всего остального.

Тот факт, что оно не попадается в сети, еще ни о чем не говорит – разве что сети негодные. Наука пытается понять и объяснить мир, расчленяя его, измеряя его, взвешивая, наблюдая и изредка воспроизводя. Как же она может прозреть и понять огонь, кроющийся в полене, дерево, заключенное в крохотном семечке, радость

или печаль, которые таятся в груди человека?

Но не этот вопрос я задавал своим врачам. Я понимал, что они не могут объяснить с научной точки зрения, почему кирпич падает на голову именно этому человеку, а не другому; почему пуля попадает в того, кто рядом, а не в меня. Но как же они могли не принимать во внимание возможность взаимосвязей между моей жизнью, поступками, впечатлениями, разочарованиями и депрессиями, с одной стороны, и буйством моих клеток – с другой?

Если правда то, что лицо человека – зеркало его жизни, что на нем можно прочитать историю его разочарований и радостей, почему же тогда эта жизнь не может оставить заметный след на клеточном уровне? Я хотел доказать, хотя бы самому себе, что рак, который у меня обнаружили, был моим раком. И не для того, чтобы взять всю вину на себя, но если была какая-то моя роль в его возникновении, то сейчас я мог бы помочь взять его под контроль. Для меня это было важно.

Великий индийский музыкант девятнадцатого столетия Рамакришна, чьи рассказы до сих пор на устах у стольких людей, говорил, что существует только два способа уцелеть. Или уподобляясь слепому котенку, который ничего не делает сам, а мама-кошка просто берет его за шиворот и несет куда надо; или же, как обезьяний малыш, который, едва появившись на свет,

умеет крепко цепляться за шерсть матери. В роли такой «обезьяньей мамы», готовой спасти и защитить, выступает наша судьба. И я хотел помочь ей – если не обеими руками за нее уцепиться, то хоть одной.

– Вы сильно себя переоцениваете, если думаете, что ответственны за свое заболевание, – сказал мне Лучио Луццатто, шестидесятилетний тщедушный генуэзец. Перед тем как возглавить отдел генетических исследований Онкологического центра, он много лет жил в Африке. Я пришел, чтобы он растолковал, как возникает рак.

Как это свойственно настоящим интеллектуалам, которым незачем мудрствовать для дутой солидности, Луццатто свел сложное к простому. Если я правильно его понял, то рак – это генетическая болезнь соматических клеток. «Генетическая» в данном случае не означает, что виноваты гены. Гены образуют ДНК, наш личный код, у каждого свой. Каждый такой код состоит приблизительно из ста тысяч генов. Эти гены и определяют, кто мы и кем будем. От наших генов зависит, какого цвета будут у нас волосы в молодости и в старости, длинный у нас будет нос или короткий, а также долгой или короткой будет наша жизнь. В некотором смысле гены – это наша «судьба». Они воспроизводятся, копируя самих себя. Тут и начинаются проблемы, и может возникнуть предпосылка рака, ибо практически исключено, чтобы гены бесконечно самовоспроизводились

без единого сбоя. Может случиться погрешность – хотя бы в одной из миллиона копий. Это естественно, как естественно, к примеру, даже переписчику Библии где-нибудь ошибиться. Отклонение может быть совсем ничтожным, но, передаваясь по наследству, оно становится мутацией и будет воспроизведено в следующей копии, потом в следующей и так далее.

Среди этих мутаций есть такие, которые не имеют никаких последствий; другие приводят к тому, что клетка перестает функционировать, не воспроизводится, и на этом все заканчивается. Зато другие приводят к изменениям на клеточном уровне, и такие мутации уже могут стать опасными.

То есть сама по себе такая мутация – Луццатто повторил это несколько раз – случайная ошибка, в ней пока еще нет ничего страшного. Более того, это абсолютно естественное явление. «Не будь мутаций, не было бы и эволюции», – сказал он. Одна мутация еще не порождает рак. Но когда за одной мутацией следует другая, а потом еще одна, это превращается в серьезную проблему. «К примеру, в вашем случае потребовалось, по меньшей мере, пять последовательных мутаций, и все они, не забывайте, были случайными! Абсолютно случайными!»

Как и молодой руководитель отдела исследований, полагающий, что вот-вот найдет тайную комбинацию клетки, пожилой Луццатто тоже был убежден, что ме-

дицинская наука скоро научится предупреждать появление таких мутаций.

– Поймите, что вы не повинны в этих мутациях, – заключил он, – но если вам непременно нужно чувствовать ответственность за что-то, займитесь своей иммунной системой. Она совершенно индивидуальна: даже у близнецов иммунные системы разные. Она зависит от вас. Она ваша. В каком-то смысле вы можете повлиять на иммунную реакцию организма, а значит, и на то, что будет дальше с вашим раком и вами вообще.

Ну наконец-то! Мне не нужно больше пассивно наблюдать за своей болезнью и за тем, что болезнь сотворила со мной. Что-то я могу сделать сам! У меня появилась роль, появилась ответственность. Мое будущее зависело теперь и от меня.

Я бы часами «играл в студента» с таким преподавателем, как он. Луццатто был из тех ученых, рядом с которыми никаких шаманов не надо! На прощание я задал ему вопрос, который в эти дни постоянно крутился у меня в голове: а собственно, что такое болезнь?

Он взглянул на меня, как может смотреть только тот, у кого за плечами старая культура, которая из века в век изощрялась в интеллектуальных играх, вовлекая в них лучшие умы, и с обезоруживающей улыбкой ответил: «Это, без сомнения, захватывающая тема, но мне легче говорить о раке. Тут есть пара ясных идей».

Беседа с Луццатто заставила меня задуматься. Ра-

ботая над книгой «Прорицатель мне поведал…», я с явным скептицизмом пытался понять, может ли судьба человека быть написана, к примеру, у него на руке и может ли кто-нибудь ее прочитать. Видимо, со скептицизмом я поспешил! Если, как утверждал Луццатто, информация о судьбе действительно содержится в генах каждого из нас и такие, как он, уже способны ее прочитать, ну как не поверить, что она может быть написана и на руке? Единственное отличие в том, что «чтение по генам» – вещь более современная, не окутанная тайной. Это наука. И поэтому такая возможность внушает куда больше тревоги. Тот факт, что можно буквально «прочитать будущее» человека в его генах, открывает невероятные возможности для разного рода манипуляций, далеко не таких похвальных, как отключение механизма возникновения раковой опухоли. Вскоре, когда на карте генома человека не останется белых пятен, ученые, или, вернее, те несколько компаний, которые приберут к рукам эти исследования и соответствующие патенты, получат исключительные права на генетический проект нашего биологического вида и возьмут под свой контроль различные способы вмешательства и клонирования. Возникнут фирмы, производящие эмбрионы на любой вкус, для удовлетворения любых капризов рынка. Одни займутся производством детей на заказ («мальчик, потенциальный долгожитель, светлые волосы, голубые глаза»). Другие

тем временем предложат свои услуги работодателям, которые захотят выбрать из соискателей на вакантное место тех, кому в будущем, согласно записанному в их генетическом коде, не грозит, к примеру, рак груди или простаты.

Все вообразимые и невообразимые последствия сочетания этой новой генетики с постоянно расширяющимися возможностями мощных компьютеров пугают меня.

Такое впечатление, будто человек и впрямь претендует на роль Создателя и вот-вот примется за свое «сотворение мира» местного значения. А как же Бог? Он это позволит?

Я не помню, на каком языке мы беседовали, потому что Луццатто, хоть и учился медицине в Италии, уже не был итальянским врачом из тех, кто, добившись признания, перестают застегивать халат – символ жреческого достоинства (как для шаманов черепа и кости животных, висящие на шее). Они даже носят его внакидку, когда шествуют по больничным палатам в сопровождении свиты из ассистентов, и с больными общаются свысока. Их называют «баронами», и каждый из них мнит себя чуть ли не Господом Богом.

Американские врачи – полная противоположность: они подчеркнуто подают себя ремонтниками высокого класса. В большом кафе на первом этаже Онкологического центра, где все стояли в очереди с подносами в

руках, нельзя разобрать – где врач, где медбрат, а где технический персонал.

Обитая в мире больных, я увидел еще одну причину отказа их от классической медицины в пользу альтернативной. Она в поведении врачей, их невнимании к душевному состоянию пациентов, в том, что они, временами, ведут себя просто бесчувственно. Вот история Лудовико, интересная в этом смысле. Для меня она имела отголоски, которые до сих пор вызывают глубокое недоумение.

Лудовико не был этаким «приятелем приятелей», которые, по приезде в Индию, звонят вам, чтобы вы пригласили их на обед и заодно посоветовали, куда здесь стоит сходить, где и что купить. Он читал мою книгу, был в Дели проездом, мой телефон узнал в итальянском посольстве и решил попробовать дозвониться… и тут мне очень повезло. Вообще-то я был готов отвертеться от встречи, но почему-то спросил:

– Извините, а кто вы по профессии?

– Я? Я профессиональный больной-эксперт.

Что и говорить, ответ необычный; необычным оказался и сам Лудовико, да и все, что было потом, тоже обычным не назовешь. Если взглянуть из моего нынешнего дня, то задумываешься: возможно, в нашей жизни действительно есть нечто, рассудком непостижимое, чему нет рационального объяснения.

Лудовико было сорок семь лет. До того, как стать

«больным-экспертом», он сменил много профессий. А переквалифицироваться в «профессиональные больные» ему пришлось после того, как у него нашли рак и итальянские врачи убедили его пройти курс химиотерапии. Это обернулось для него драмой. В продолжение курса лечения он не чувствовал себя человеком; врачи почти ничего не сделали, чтобы облегчить негативные последствия «коктейля». И когда после нескольких сеансов он спросил у врача, может ли он считать себя выздоровевшим, тот сначала уклонился от ответа, а потом сухо отрезал: «Выкиньте эти басни из головы раз и навсегда. От рака не излечиваются».

Лудовико не собирался мириться с таким приговором. Он стал искать что-то или кого-то, кто бы не лишил его надежды так грубо. Одна канадская приятельница посоветовала ему попробовать так называемую «формулу Кайсс», травяной настой, при помощи которого одно индейское племя в Америке лечит все болезни, даже рак. Лудовико принимал это средство ежедневно и стал его убежденным пропагандистом. Надежда – последнее прибежище. Вскоре к нему стали обращаться люди – сначала по одному, потом десятками. Все они либо с самого начала скептически относились к ортодоксальной медицине, либо уже потом успели обжечься. И всем им хотелось узнать, как раздобыть этот «чудодейственный» настой. Теперь Лудовико приехал в Индию, чтобы по-

знакомиться с местной медициной и повидаться с некоторыми врачами-аюрведистами, которых затем можно было бы пригласить в Италию. Мы с Анджелой слушали его не один час. Мне нравились его светлые глаза, сердечность и искренность. Но его опыт больного и знатока альтернативной медицины ко мне тогда не относился. Я чувствовал себя превосходно, рак был болезнью, которой болеют «другие», писать об индийской медицине, которая вошла в моду, я не собирался. Когда Лудовико уехал, я просто из любопытства заглянул разок в Интернет, чтобы узнать, есть ли там какая-нибудь информация об этом настое. Нашел около сотни страниц, просмотрел пару статей, тем дело и закончилось… вернее, я думал, что закончилось. Однако всего через несколько месяцев и мне поставили тот же диагноз, причем одна из моих разновидностей рака оказалась такой же, как у Лудовико. Совпадение, скажете вы? Возможно, парирую я: ведь пока нет другого объяснения. Но до чего же это странное совпадение!

С тех пор наши жизни переплелись. Его опыт и его присутствие мне очень помогли. Когда я еще был в Нью-Йорке, у Лудовико, несмотря на «чудодейственный» настой, в который он так верил, случился рецидив. После месяцев сомнений, когда он не знал, что делать дальше – продолжать верить или, признав свое поражение, снова отдаться в руки классической медицины, Лудовико все же согласился пройти еще один

курс химиотерапии, а затем перенес пересадку костного мозга. На этот раз он уже никого не спрашивал, выздоровел ли он. Чтобы не потерять надежду, он продолжает пить свой индейский настой.

А вот меня преследует вопрос: что ж это было, какая неведомая сила свела нас в Дели? И что-то мне с трудом верится, что это была просто «случайность».

Однажды у двери моей нью-йоркской норы я обнаружил пакет, оставленный почтальоном. Там оказалась «ката» – длинный и узкий шарф из белого шелка, который тибетцы носят на шее как защитный амулет, вывешивают дома возле «танки», священной картины, или драпируют им изображение Будды. Чтобы «ката» обрела свою силу, какой-нибудь важный лама должен ее благословить своим прикосновением. Моя «ката» оказалась подарком от самого Далай-ламы.

Один мой друг и коллега из «Шпигеля» приехал в Дхарамсалу, чтобы взять у него интервью. Когда встреча близилась к концу, они заговорили обо мне, и мой коллега упомянул, что я лечусь в Онкологическом центре. Тогда Далай-лама, взяв «кату» обеими руками, торжественно поднес ко лбу, сосредоточился на несколько секунд и вручил моему коллеге, чтобы тот мне ее передал со следующим напутствием: «Если моих благословений будет недостаточно, передайте ему, чтобы он аккуратно принимал все лекарства, которые там дают».

Вот такой он, Далай-лама: великий в своей простоте, ироничный даже по отношению к себе самому и щедро наделенный здравым смыслом.

В последний раз, когда я его видел, Далай-лама – «Океан Мудрости» – был сильно простужен; у него сел голос, и несколько недель это не проходило. Брат Далай-ламы, в доме которого я остановился, очень тревожился по этому поводу.

– Ваше Святейшество, а с помощью какой медицины вы лечитесь – тибетской или европейской? – спросил я его. Это напомнило ему, что пора принять лекарство.

– С помощью обеих, – ответил он, заразительно расхохотавшись, и поспешил проглотить таблетку самого что ни на есть западного антибиотика. Но таблетку он тут же запил чашкой тибетского настоя.

Я набросил присланную «кату» на плечи своего маленького Будды. И каждый день, принимая лекарства, я с благодарностью думал о благословении Далай-ламы, которым была заряжена эта полоска белого шелка.

В 1993 году на севере Таиланда я десять дней слушал курс медитации Виппасана под руководством Джона Коулмана, очень милого американца, отставного агента ЦРУ, ставшего буддистом. В то время слово «медитировать» звучало непривычно и я сам, хоть и жил в Азии, только краем уха слышал об этом и думал, что это или занятие для тех, кому не жаль своего вре-

мени, или забава для хиппи на каникулах.

С тех пор многое изменилось, особенно на Западе. «Медитация» вошла в обиход, и теперь не медитирует (если, конечно, это можно назвать медитацией) только лентяй. Парикмахерша на углу медитирует, медитирует водитель автобуса, секретарши в офисе, банковские клерки; медитируют женщины среднего возраста, разочарованные своей пустой жизнью, и молодые брокеры, полагающие, что умение сосредоточиться поможет им достичь успеха.

Идет чудовищный и удручающий процесс опошления всего на свете, когда каждое маленькое открытие превращается в модную «фишку», а любая тайна – в товар. Медитация теперь тоже выставлена на продажу. Объявление об открытии новых курсов медитации публикуются рядом с такими, как «Отдам собаку в хорошие руки» или «Продается пара сиамских котов». В книжных магазинах пособия по медитации стоят рядом с книгами о йоге, рэйки, оккультизме, Таро, тибетском буддизме, гимнастике цигун, даосизме, «Книге перемен», медицине североамериканских индейцев и выходах в астрал. Есть специальные отделы для книг из серии «Помоги себе сам», трактатов в духе «нью-эйдж», пособий по астрологии и альтернативной медицине. Кто не хочет читать – научится медитировать по аудиокнигам, которые можно слушать хоть за рулем. Все это из-за общедоступности утрачивает былую цен-

ность, которая когда-то была связана с преодолением трудностей, с «тайным смыслом» приобретаемых знаний.

Бывало, ученику приходилось служить учителю несколько лет, носить ему воду, колоть дрова, мести хижину, чтобы в конце концов услышать от него наставление, научиться чему-нибудь, приобщиться к «тайне». Сейчас все стало как растворимый кофе – раз, и готово, и нет теперь ничего особенного, ничего истинно ценного.

Иногда мне кажется, что даже язык, на котором мы говорим, заражен каким-то вирусом, отнимающим у него силу. Некоторые слова, затертые от неумеренного, зачастую неуместного употребления, потеряли большую часть своего значения. Мы все чаще используем штампы в разговоре, повторяем одни и те же банальности, говорим, не вникая в сказанное, лишь бы поддержать разговор. К примеру, «любить» – что за прекрасное слово, обладающее особой силой! Но нельзя ведь одинаково и непрерывно любить кого-то или что-то, нельзя одинаково любить человека и вещь. Вот и тот, кто медитирует по-настоящему, не распространяется об этом.

После курса с Джоном Коулманом я попытался сделать медитацию частью своего распорядка дня, но это не всегда мне удавалось. Если не задействован духовный аспект, медитация очень скоро перестает быть

необходимостью и о ней забывают. Нелепо превращать медитацию в подобие утренней зарядки, в нудную повинность. Для меня научиться медитировать было все равно, что научиться ездить на велосипеде. Я понял, что медитация откроет моему сознанию возможность контролировать тело, и мне показалось, что такое искусство мне пригодится. И оно действительно мне очень помогло.

Уже в Болонье во время многочисленных обследований, часто довольно болезненных, я использовал такой прием: сосредоточиться на своем дыхании, направить свое внимание на боль. Представить себе ее как узел, который нужно развязать, попытаться увидеть, какого боль цвета и формы (круглая или квадратная?), ее размеры; считать удары, которые она наносит. Это для того, чтобы отвлечь свое «я-тело» от страданий и, главное, чтобы напомнить себе, что ничто в этом мире не вечно, все проходит: значит, пройдет и эта боль. Однажды одна монахиня, увидев, что я сижу, скрестив ноги, с закрытыми глазами, подошла и спросила меня, что я делаю. А ведь я занимался примерно тем же, чему веками обучали в монастырях таких же монахинь, как она, но тогда это называлось «созерцанием». Правда, потом эта традиция была утеряна. Обладая сознанием, мы им не пользуемся, у нас есть разум, но он томится без дела. Вдобавок, мы еще изощряемся, создавая искусственный разум.

Разум – одно из наиболее сложных средств, имеющихся в нашем распоряжении, но мы не принимаем его во внимание и с типичным для нашего времени подходом перекладываем на химию задачи, которые могло бы, хотя бы частично, решить наше сознание. Химия все чаще становится способом устранения наших проблем. Депрессия? Усталость? Бесплодие? Избыточный вес или болезненная худоба? Не беда, всегда найдется таблетка, специально для этой надобности изобретенная и тут же выставленная на продажу. Ребенок ведет себя беспокойно? Зачем искать причины, когда есть «Прозак», который выпускают в большом количестве, в специальной дозировке и упаковке для младшего возраста? В результате в Соединенных Штатах десятки тысяч детей сейчас зависят от ежедневного приема этого транквилизатора, чтобы, так сказать, «нормально функционировать».

То же происходит и с болью. Победа над болью считается одной из побед современного человека. Но эта победа не всегда на пользу. Прежде всего, у боли есть важная естественная функция; боль – это сработавшая сигнализация. Она сообщает о том, что с нашим телом что-то не так, и в некоторых ситуациях неспособность чувствовать боль приводит к печальным последствиям. Например, один из ужасных аспектов проказы заключается именно в том, что болезнь разрушает нервные окончания в кончиках пальцев и больной,

не ощущая боли, может серьезно повредить руку и не заметить этого или, еще хуже, не проснуться, когда его пальцы грызут крысы (такое случалось в лепрозориях бедных стран).

И потом: устраняя страдание при первом намеке на него, современный человек лишает себя возможности осознать, что же такое боль и оценить прелесть ее противоположности – отсутствия боли. Почему во всех великих религиозных традициях боль рассматривается как нечто естественное, как часть жизни? Может, в боли есть какой-то смысл, который от нас ускользает? Что-то такое, о чем мы забыли? Если и есть этот смысл, мы о нем и знать не хотим. Мы приучены думать, что добро должно побеждать зло, что в мире должен царить позитив. А представление о том, что жизнь – гармония противоположностей, нам глубоко чуждо.

В подобном мировоззрении нет места ни смерти, ни, тем более, боли. Смерть мы отрицаем, избегаем даже мыслей о ней, не пускаем ее в нашу повседневную жизнь, стараемся упрятать ее подальше. С болью мы разобрались еще радикальнее: мы ее просто уничтожили. Мы нашли лекарства от каждой разновидности боли и изгнали из нашей жизни даже самое естественное, самое древнее из страданий: родовые муки, на которых, сколько стоит мир, основывается гордость материнства и исключительный характер взаимоотношений матери и ребенка, возможно, основанных имен-

но на страдании. Но такова наша цивилизация. Мы все больше привыкаем решать проблемы при помощи внешних средств и постепенно теряем свои естественные способности и навыки. Полагаясь на компьютерную память, теряем свою. Заболев, глотаем без разбору всякую химию и тем самым снижаем способность организма вырабатывать собственные, естественные лекарства.

Но действительно ли можно по-настоящему контролировать боль при помощи сознания? Если верить многочисленным индийским легендам на эту тему, выходит, что этому можно научиться и логика здесь следующая. Все наши ощущения привязаны к нашему сознанию. Когда что-то видим или слышим, главная роль принадлежит не глазам и не ушам; это наше сознание воспринимает то, что глаза видят, а уши слышат. Следовательно, достаточно усилием воли прервать наше восприятие, чтобы больше не чувствовать боли. Мы это делаем, погружаясь в сон: сознание отключается и мы перестаем чувствовать боль. Но как добиться этого не во сне?

Йоговская традиция обещает человеку овладение этим умением и другим, даже более интересным: способностью переносить боль на что-нибудь, находящееся вне себя. Одной из самых известных притч на эту тему почти тысяча лет. Ее главный герой, тибетец Миларепа, – реальный персонаж. Он, величайший из йо-

гов, стал легендой. Его до сих пор часто изображают с ладонью у правого уха: он как будто прислушивается к страданиям мира.

Миларепа родился в Тибете в середине XI века в семье богатых торговцев шерстью, но после смерти отца семья разорилась. Желая отомстить за страдания матери, которую родственники лишили всего имущества, Миларепа изучает черную магию и, овладев ею, добивается разорения и смерти обидчиков. Раскаявшись в своем поступке, он становится учеником великого наставника своего времени – Марпы-Толкователя – и несколько лет живет отшельником в лесной чаще, питаясь одной крапивой, которую варит в глиняном горшке. Со временем Миларепа прославился своей великой мудростью, почерпнутой не из вызубренных священных текстов, а из собственного опыта.

Один монах, его современник, один из самовлюбленных книжников, позавидовав славе Миларепы, решает его убить. Он подсылает к нему свою наложницу, подговорив ее поднести отшельнику отравленный йогурт. Занятия йогой научили Миларепу, помимо всего прочего, читать чужие мысли. Едва увидев женщину, он угадывает ее замысел, но рассудив, что он уже стар и смерть так или иначе близка, выпивает яд.

И вот Миларепа при смерти. Раскаявшись, злодей-монах бросается к старику. Он просит Миларепу передать ему все муки, которые тот сейчас испытыва-

ет. «Если бы я это сделал, ты и минуты бы не выдержал», – отвечает Миларепа, который ничем не показывает, насколько сильно он страдает. Монах настаивает. Чтобы дать завистнику понять, что ему не выдержать такой боли, Миларепа переносит часть своих мук на дверь и она трещит, корежится и раскалывается. Злодею ничего не остается, как броситься к ногам Миларепы и молить о прощении. Он просит Миларепу сделать его своим учеником, прежде чем старец «оставит свое тело».

Когда начинаешь приходить в себя после операции, одно из первых ощущений, один из первых, успокаивающих признаков того, что ты еще на этом свете, – это боль. У меня ужасно болел живот – казалось, его проткнули тысячью острых пик, но я быстро научился держать все под контролем. При помощи медитации? Перенеся свою боль на дверь? Да ничего подобного. Просто мне дали пульт с кнопкой, стоило на нее нажать, и в вену поступала порция какой-то чудодейственной жидкости. Боль отступала, я успокаивался. Как только она возвращалась, я снова нажимал на кнопку. Специальное электронное устройство вело учет жидкости, чтобы не допустить передозировки. Когда я слишком увлекался, подача обезболивающего временно прекращалась. Но, не зная этого, я жал на кнопку… и мне все равно казалось, что боль отступает. Врачи называют это явление «эффектом плаце-

бо»: целительное воздействие на организм вещества совершенно нейтрального. Например, когда облегчение наступает от простой воды, выпитой вместо сильнодействующего лекарства, или от проглоченной пилюли из обычного мела.

За работу пульта с кнопкой отвечали двое молодых врачей из «Отдела по контролю за болью», которые каждый день меня навещали. Не знаю, что они мне вводили, но оно помогало. Может, это было то же самое вещество, которое тело вырабатывает самостоятельно, если возникает потребность. Тело знает, что делает. В миг невыносимой боли, от которой можно умереть, тело выбрасывает в кровь порцию собственного обезболивающего и человек справляется с болью. Так солдат, которому оторвало руку, продолжает бежать еще какое-то время, будто ничего не случилось.

Может, именно этим объясняется чудесная история Сармада, мистика XVII века, которую гиды сейчас рассказывают всем туристам, посещающим его могилу у Красного форта в Дели. Сармад был евреем, возможно, и христианином; родом он был из Армении, а ислам принял в Индии. Он славился своей мудростью, стихами, написанными на персидском, и еще тем, что, «опьяненный любовью Создателя», плясал на людях, сбросив одежду – «освободившись наконец от всякого груза, в том числе и от груза одеяния своего». Сармад был суфием, как мой анестезиолог; и ортодоксальные

муллы, подвизавшиеся при дворе, обвинили его в ереси. Владыка Аурангжеб велел его обезглавить.

«О, Великий Боже, – обратился мудрец к палачу, – сегодня ты в этом обличье, но я узнал тебя. Добро пожаловать!» – произнес он и с улыбкой подставил шею. Палач взмахнул ятаганом, и Сармад с отсеченной головой в руках сделал еще два танцевальных шага перед ужаснувшейся толпой. Это случилось в 1659 году.

Похожая история случилась в IX веке с другим мистиком, Аль-Халладжем, утверждавшим, что Бог и Истина едины, а человек – часть этой Истины. За это его обвиняют в ереси, и султан приказывает ему отречься от своих слов. Халладж отказывается. Султан велит отсечь ему кисть руки, но Халладж твердит свое: «Я – Истина». Тогда ему отрубают руку целиком, но Халладж не отступается от своих слов. Наконец ему отрубают ногу, но и тут звучат его слова: «Я – Истина…» «Голову долой!» – кричит султан. И голова Халладжа катится по земле, а губы шевелятся: «Я – Истина».

Я неподвижно лежал на постели, заняться было нечем, и воспоминания об этих историях поддерживали меня в игре, которую я вел сам с собой, ставя себе цель какое-то время продержаться, не нажимая на кнопку. Пытаясь обмануть боль, я медитировал, пытался отвлечься, представить что-то приятное – например, что я лежу на воде, а вокруг море, спокойное и теплое. Я говорил себе, что былые радости теперь компенсиру-

ются страданием и в этом своя справедливость.

Я задавался вопросом, почему мы устроены так, что не можем вернуть боль, даже самую жуткую, когда она уже прошла. Мы только знаем, что испытали ее. Я спрашивал себя, почему во многих языках слово «боль» используется для обозначения как физического страдания, так и душевных мук. Я думал о том, что психоанализ – это что-то вроде «службы контроля» над этой другой болью, и о том, как мне повезло, что у меня есть под рукой кнопка. И временами, устав сопротивляться… я нажимал на нее.

По пути из больницы к себе в логово я раз в неделю останавливался на углу Шестьдесят Седьмой и Мэдисон-авеню, поднимался на двенадцатый этаж на старом, скрипучем лифте и входил в никогда не запертую солнечную квартирку.

Здесь уже несколько десятилетий жил мой закадычный друг – писатель, которым я восхищался, человек многих культур; один из тех, кого следовало поместить в музей, чтобы последующие поколения представляли, какими прежде были люди. Его земной срок истекал, уже несколько месяцев девяностолетний Николо Туччи был прикован к постели. Элегантный, с красивой седой бородой и длинными волосами, которые делали его похожим на благородного бунтаря XIX века, он никогда не жаловался на свою немощь.

Полурусский, полуфлорентиец, он приехал в Нью-

Йорк в конце тридцатых годов, вместе с другими итальянцами вел антифашистскую работу, а после войны так и остался в Америке. Писатель, памфлетист, литературный Дон-Кихот, борец всегда имел в запасе острое словцо или свежее, парадоксальное толкование старых и новых событий из истории человечества. Мы были знакомы больше тридцати лет.

Я научился у него многим чудесным вещам, в частности, читать Данте с тосканским акцентом, без помпезности и просто, как диковинную историю, которую один приятель рассказывает другому в какой-нибудь флорентийской таверне. Еще я научился у него давать чаевые в гостинице по приезде, а не при отъезде; от него я услышал фразу, которой утешаюсь, берясь за изучение нового языка (с возрастом это все труднее): «Я уже начинаю понимать то, что говорю!»

Он хотел, чтобы я оставил журналистику, отошел от злободневности и решился воплотить свой житейский опыт в книгах. Сам он писал книги очень хорошие, как на английском, так и на итальянском, но, как он сам говорил, «за Атлантикой ты уже на чужом берегу»; так и сошла на нет его литературная слава. И умирал он тоже не на своем берегу. Квартира была по его вкусу: две маленьких светлых комнатки, удобный стол, много книг, старый телефон, кресло, большая черно-белая фотография его родителей да на стене пара цветных тосканских пейзажей и вырезка из газеты с великолеп-

ной статьей, которую Ника написал для «Нью-Йоркера», зная, что уже никогда не выйдет за порог этой квартиры.

– Знаешь, если бы я умер сегодня, то бы был по-настоящему доволен, – сказал он мне как-то.

– Как это? Ты уже был бы мертв!

– Не знаю, потому что я не знаю, что такое смерть.

– Но ты ее боишься? – спросил я.

Он широко раскрыл свои озорные глаза под красивыми, густыми, еще черными бровями:

– Мама миа, еще как!

– Послушай, Ника. Миллиарды людей до нас прошли через это, и мы тоже пройдем.

– Так-то оно так, но хотя бы умереть в другом месте! Например, во Флоренции, она как-то более… более…

Он не мог подобрать нужного слова.

– Более цивилизованная, что ли? – подсказал я.

– Вот-вот, более цивилизованная. И вообще…

Словно продолжая какой-то разговор с самим собой, он заговорил о розмариновой сдобе, которую, когда он был маленьким, пекли в Страстную пятницу.

– Сейчас это можно купить когда угодно, – сказал я ему. – Правда, глупо? И даже запах розмарина теперь ненастоящий – скорее всего, это эссенция. Сдобу ароматизируют! Знаешь, теперь и во Флоренции есть такие лавки: входишь, а там аромат горячего хлеба! Думаешь, его здесь же и пекут? Какое там! Все фальшь.

Хлеб откуда-то привозят, а здесь пшикают из баллончика. Я рассказал, как в прошлом году встретил в Калькутте одного француза, «инженера запахов». Он пытался продать автоиндустрии типичный и заманчивый букет запахов свежей краски, кожи и горючего, присущий новенькому автомобилю.

Но Нику больше тянуло к воспоминаниям о Флоренции, и, возможно, поэтому я стал говорить о прогулке по городу, которую мы с ним можем совершить. От Понте Веккьо по Эрта Канина, оттуда по улице Сан-Леонардо. Остановились бы перед домом, где жил и писал картины Отгоне Розаи, и завершили бы свою экскурсию на Вьале дель Коло. Я подробно говорил, где мы находимся, куда потом повернем, что видим перед собой, а он лежал, закрыв глаза, и улыбался. Эта игра стала нашим ритуалом.

– И куда же сегодня? – спрашивал он, едва я переступал порог. И мы снова отправлялись по Флоренции. Однажды мы прошлись с ним от площади Торквато Тассо до башни Беллосгуардо, где остановились полюбоваться одним из самых прекрасных видов на свете. В другой раз вышли от Торрионе ди Понте, вверх по Ле Рампе до самой площади Микеланджело. К нашей досаде, все было забито туристами, и мы зашли в «Колонне» передохнуть немного и выпить.

– Чего бы ты хотел, Ника?

– Ну этого… знаешь?

– Кампари? Вермут?

Нет. Он хотел обычного белого вина, но в одном из таких приземистых бокалов, которые в былые времена трактирщик наполнял до краев.

Хорошо нам было вдвоем. Даже пасмурный остаток жизни может приносить удовольствие. Мою химиотерапию он обсуждать не желал, но, когда я упомянул об операции, он разъярился.

– Не доверяй врачам, они все жулики. И потом, как можно допустить, чтобы от тебя отхватили кусок? Нет, ни за что!

И он потребовал бумагу и ручку, чтобы написать «протест» в больницу.

– Ну, Ника, да ты хуже советника японского императора! – и я позабавил его рассказом о японском обряде, когда перед свадьбой наследника престола главные придворные должны были убедиться, что у невесты, а следовательно, у будущей императрицы, все в порядке и все на месте. И когда я еще жил в Токио, одну девушку забраковали только потому, что у нее были проколоты уши!

Нике повезло. К нему ни разу не прикоснулась рука хирурга, и сейчас перед смертью все его «детали» были в порядке и при нем. Но ждал он смерти в Нью-Йорке на водяном матраце (против пролежней), в этом городе, который не был для него «цивилизованным». Он, который так хорошо говорил на нескольких языках

и столько раз забавлял знакомых, подражая их акцентам, теперь, казалось, понимал только по-итальянски.

А я? Хотелось бы мне умереть в Америке?

Нет. Сказать по правде, она так и осталась для меня чужой, эта страна. Все по-настоящему «мое» было связано с другими местами… Нет, я бы предпочел умереть не здесь. Лучше в Азии, а может быть, в Европе.

Думая об этом, я рассказал Нике, как у китайцев в древности было принято хоронить умерших там, где женщины рожали на свет детей, чтобы продолжалась связь между поколениями, – отсюда и культ предков. Рассказал, что, с точки зрения китайцев, тела их принадлежали не им самим, а всему народу. Из этой земли вышел, в нее и вернись. Причем не только само тело, но и все, что оно производит! Чтобы позабавить его, я рассказал о том, что, когда первая дипломатическая миссия Китая отправилась в Соединенные Штаты, каждый мандарин вез с собой специальные ларцы для своих экскрементов, которым полагалось вернуться домой вместе с владельцем. Настоящий китаец не имел права ничего оставлять в варварской стране! И Ника улыбался.

Эти наши общие «прогулки по Флоренции» стали для него последними.

Память воды

Память, мы часто это упускаем, выкидывает странные фокусы. Она сохраняет или удаляет информацию по своему усмотрению. И делает это без ясных для нас причин. А мы-то полагаем, что управляем собственной памятью или, по крайней мере, можем ее контролировать.

Старики раздражаются, а иногда и приходят в отчаяние, когда не могут вспомнить имя человека или название вещи; им это представляется признаком упадка и немощи; подводит память – значит, что-то не в порядке. Но если поразмыслить, это происходит всегда: с детства память поступает по-своему, что-то припрятывает, а потом выдает по своему усмотрению, а то и в искаженном виде, когда мы в ней копаемся.

К шестидесяти годам в картотеке моей памяти в разделе «гомеопатия» не скопилось почти ничего существенного. Разве только упоминание о том, что простуду можно лечить холодом, и какие-то странные истории, неизвестно, где и когда слышанные.

Вот первая: у одной девушки депрессия, она избегает общества, предпочитая одиночество и высоту. Часто она взбирается на крышу и мечтает «улететь». Врачи не знают, что делать. Тогда ее приводят к гомеопату,

и тот видит в этом стремлении скрытое родство с орлом. В зоопарке он просит каплю орлиной крови, разводит ее в литре воды, затем каплю этой смеси вновь разводит в литре воды и так много раз. А потом предписывает девушке ежедневно выпивать по нескольку капель этого раствора, в котором от орлиной крови не осталось ничего, кроме разве что памяти. Проходит немного времени, и девушка выздоравливает!

Вторая история о мальчике, ужаленном пчелой. Лицо ужасно раздулось, ребенку совсем плохо. Родители звонят гомеопату; купите, говорит он, препарат «Апис 200», разведите его в бутылке воды и дайте пострадавшему несколько капель. Но как? Аптека далеко, а мальчику все хуже. Врач дает распоряжение: взять клочок бумаги, написать на нем «Апис 200», взболтать в воде и дать ребенку выпить. И вот отек медленно спадает, мальчик поправляется.

Когда мой друг Лудовико сказал, что нашел чудо-врача, который может нам помочь, о гомеопатии я знал мало, а вернее, вообще ничего. Однако эти две истории засели в моей памяти, идея съездить к гомеопату показалась мне превосходной. После «химии» и операции «ремонтники» дали мне две недели отпуска, и я с зашитым животом, волоча сумку на колесиках (тяжести носить нельзя!), двигаясь осмотрительно, с опаской (как бы швы не разошлись!), сел на самолет и прибыл во Флоренцию.

Врач был далеко, в провинции Модена, и принимал только по предварительной записи, а его время было расписано на два месяца вперед. Я позвонил, и он понравился мне еще на расстоянии. Могу ли я приехать во второй половине дня в канун Рождества? Отчего бы и нет? И я пустился в путь.

С главного шоссе мы свернули на второстепенное, потом снова свернули и, наконец, выехали на дорогу, которая, казалось, вела в преисподнюю. Долину заволокло туманом, но указания, которые врач передал по факсу, оказались точными, и мы не потерялись. Еще до знакомства зная, что его фамилия Манджалавори, я прозвал его «Манджафуоко» в честь грозного персонажа из «Пиноккио».

Однако врач был вовсе на него не похож: коренастый зеленоглазый блондин. Обитал он в перестроенной бывшей сыроварне среди домиков, разбросанных на унылой равнине. Казалось, все здесь было в спячке: земля, трава, фруктовые сады. Да и люди, видимо, тоже – на улице я не увидел ни души.

Манджафуоко был в маленькой приемной. Там было темновато – очевидно, он сам выбрал такое освещение, в воздухе стоял запах благовоний. На стене я заметил тибетскую «танку» не очень высокого качества, на письменном столе красивый лист гинкго вместо украшения. Хозяин принял меня радушно и попросил рассказать, кто я, чем я занимался в жизни, что на-

мерен еще сделать, каким я себя представляю, о чем мечтаю. Я чувствовал себя раскованно и рассказывал без утайки. Он не сводил с меня глаз, и я не сразу заметил, что его пальцы бегают по клавиатуре. Манджафуоко конспектировал. О последней болезни он меня почти не расспрашивал. Его интересовали только давние болезни, даже детские, а еще… геморрой. Он захотел, чтобы я рассказал ему все, что припомню.

Его заинтересовало то, что в Нью-Йорке я записывал сны.

Потом он заставил меня раздеться, лечь на кушетку, осмотрел и прощупал меня с головы до ног, как старые врачи, спрашивая меня при каждом нажатии, не больно ли. Живот, к счастью, не трогал.

Когда мы вернулись в кабинет, он спросил:

– На что вы надеялись, придя сюда?

Я честно ответил, что не ожидал исцеления от рака. Я был убежден, что слова «исцелить» и «рак» просто несовместимы, да и вообще мой выбор уже сделан и теперь все возможное оставалось за «ремонтниками» из Онкологического центра. Меня тревожили мои эмоции. Окружающее меня сильно угнетало, я был раздражителен, легко возбудим, меня удручали резкие перепады настроения. Я сказал врачу, что мир вижу будто через калейдоскоп: одно движение, и все становится зеленым; еще одно – и все становится красным, потом черным, потом золотистым. Мне хотелось как-

то остановить это мелькание. Хотелось стабильности. Короче, я не желал вылетать пулей из магазина при звуках «Jingle Bells».

Мы проговорили больше часа, и Манджафуоко – открытый, искренний, прямой – произвел на меня прекрасное впечатление. Он был умен, образован и страстно увлечен своим делом. Он даже отдаленно не претендовал на то, что может «излечить меня от рака». Эта болезнь, по его словам, была результатом нарушения стабильности в организме. Он мог бы попытаться помочь моей «жизненной силе» вновь обрести равновесие. Я заметил, что, говоря о раке, он неохотно употреблял слово «болезнь».

– Верно. Само слово «болезнь» заставляет думать о боли, а это неправильно. Английское слово «disease» – неудобство, дискомфорт, недуг – подходит более, – сказал он. – Тело испытывает неудобства, симптомы указывают нам, что тело силится привести себя в порядок. Наша общая задача, и моя и ваша, – подчеркнул он, – помочь телу в этом его старании.

Мы понимали друг друга, разногласий не возникало. И, заинтересованный, я захотел услышать о нем больше.

После юношеского увлечения музыкой по семейной традиции, он стал изучать медицину, рассчитывая быть детским хирургом. Но его истинной страстью стала антропология. В Перу, среди индейцев, он увидел,

как шаман лечит людей, и («Как это случалось со святыми», – заметил я) услышал «призыв».

Его короткий отпуск растянулся надолго. Шаман позволил Манджафуоко остаться и посвятил в тайны своего искусства. Вернувшись в Европу, он почувствовал, что не сможет заниматься традиционной медициной. Выходом стала гомеопатия. «Это великая медицина, – сказал он, – хотя официальное мнение с этим не согласно. Но ведь официальное мнение – не абсолютная истина».

Я был согласен с ним, его позиция интересовала меня, и он это чувствовал. «Противники гомеопатии считают ее знахарством или магией. Ну и что же тут такого? – продолжал он. – И магия не пустяк. Бывает, мы называем магией то, чего пока не понимаем, но магия – это нечто между религией и наукой».

Как-то раз Манджафуоко спросил своего шамана, чем является для него магия. «Это образ мыслей», – ответил тот.

– Для меня, – сказал Манджафуоко, – магия – это особый способ судить о вещах, много интереснее привычных, потому что там искусство сочетается с игрой. Магия меняет нас, и мы можем помочь другим изменить себя.

Помолчав немного, он добавил:

– Вот вы книги пишете, и, возможно, только одна ваша фраза помогла кому-то улучшить свою жизнь. Од-

на фраза – разве это не магия? И можно научиться делать это целенаправленно, позволить энергии природы течь свободно…

После месяцев в Нью-Йорке, когда я уже привык к мысли, что я – лишь тело, нуждающееся в починке, эти слова звучали музыкой. Это был глас иных миров. И мне казалось, что мое сердце становилось больше, а тело легче.

– Да, мы, гомеопаты, пользуемся капельками и крупинками, чтобы лечить людей, – продолжал он. – Но откровения мудрецов тоже заключаются в нескольких словах. А ничтожная капелька спермы разве не порождает жизнь – пусть лучше или хуже, но жизнь!

Человеку, которого считают больным, нужно вернуть утерянное равновесие. «Его собственное равновесие, – настойчиво повторил он. – Часто речь идет о том, чтобы избавить пациента от страдания, а не обязательно вылечить все и любой ценой. Если бы всегда излечивалось все, в чем же тогда искусство?» – спросил он.

Гомеопатия пытается определить в каждом случае стимул, импульс, который позволит восстановить равновесие. Вот для чего нужны капли. Поэтому их и называют не «лекарствами», а «средствами», «снадобьями».

Во время нашего долгого разговора Манджафуоко не сказал ни слова против традиционной, аллопати-

ческой медицины. Он не оспаривал мое решение поехать в Нью-Йорк; более того, сказал, что раз я начал лечиться там, то должен завершить. Но можно попытаться уменьшить вред, наносимый этим «лечением».

Выписывая рецепт, он объяснил, что для моего случая подходит производное фосфата кальция. Мне следовало принимать раствор первой степени – одну каплю на полстакана воды перед сном. Важный совет: не держать капли рядом с духами и одеколонами, а перед приемом чистить зубы. И принимать, пока не замечу появление какого-нибудь симптома, который уже наблюдался прежде. Это будет означать, что «система» получила достаточный импульс и с этого момента я войду в фазу излечения. Если же за сорок дней изменений не будет, придется продолжать прием в усиленном варианте, то есть разведенное еще больше.

Кроме этого средства, Манджафуоко выписал мне концентрат витаминов A и D, а также посоветовал, вернувшись в Нью-Йорк, купить жидкий хлорофилл (в Европе его достать трудно) и принимать по двадцать пять капель трижды в день. И не оставлять медитацию и дыхательную гимнастику на свежем воздухе. Мне было крайне необходимо насыщаться кислородом.

Рекомендации мне понравились, и сам врач показался мне прекрасным пополнением моей человеческой коллекции. Я думал о многих близких людях, которым он мог бы помочь своей «магией».

На прощание я сказал, что мне повезло: я, кажется, нашел «правильного» врача. Он со смехом ответил мне словами своего известного коллеги из прошлого: «А врачу повезло, если он встретил „правильного“ пациента».

Мы еще поговорили немного о важнейших взаимоотношениях между больным и врачом. Оба сошлись на том, что это должны быть отношения равноправного сотрудничества.

Убедившись, что у меня нет предрассудков по отношению к его «магии» и что его профессия меня заинтересовала, Манджафуоко сказал, что собирается провести в Бостоне семинар о морских препаратах, на которых он специализируется. Если я захочу, то смог бы участвовать.

Было уже поздно. За окном была темень, густой туман усиливал ощущение, что я заблудился и по волшебству очутился где-то вне пределов реального мира. К счастью, Манджафуоко попросил местного аптекаря дождаться моего прихода с рецептом. Долгие блуждания вслепую в поисках аптеки стали целым приключением. И вот, наконец, у меня в руках коричневый пузырек и пипетка.

Дотошно выполняя все предписания, я принимал свое лекарство и внимательно следил за своим самочувствием, чтобы не пропустить «обострения симптомов». Но как определить уровень боли? Как измерить

свою вспыльчивость, оценить раздражение, которое у тебя вызывает надоевшая песенка или тупой рекламный ролик? Возможно, уже то, что я прислушивался к себе, наблюдал за своим душевным состоянием, само по себе способствовало переменам. Прошло несколько дней, и я стал чаще видеть сны. Мне снилось детство; по словам Манджафуоко, это был верный знак того, что лекарство выбрано правильно. Потом медленно, но отчетливо я почувствовал, что все стало налаживаться. Я прекрасно себя чувствовал, не раздражался и даже поймал себя на том, что все чаще смеюсь, смеюсь от души. Этого я и хотел. Манджафуоко отлично выполнил свою работу. Да и я, вроде, не сплоховал.

Упоминания Манджафуоко о магии, «жизненной силе» будили во мне уже знакомые мысли. Идея, что я сам должен излечить себя, не дожидаясь, что кто-то придет и меня исцелит, была мне близка. Я отчетливо ощущал, что здесь было нечто, не принятое моими «ремонтниками» в расчет, и нельзя было от этого отмахиваться.

История о спасении Нормана Казинса, старого американского журналиста, связана с целительной силой природы, известной еще древним римлянам. Против его болезни аллопатическая медицина средств не знала. Тогда Казинс отважно и настойчиво, а главное, с оптимизмом собрал все силы, чтобы задействовать свой жизненный импульс. Дело в том, что несколько-

ми годами ранее Казинс, собравшийся писать об Альберте Швейцере, побывал у него в Габоне. Однажды за ужином Казинс сказал этому врачу-просветителю:

– Как повезло туземцам, что у них есть такой врач, как вы, и им не нужны колдуны.

Швейцеру это не понравилось.

– А что вам, собственно, известно о колдунах?

Казинсу пришлось признаться, что не так уж и много. На следующий день великий врач повел его на поляну в лесу, неподалеку от госпиталя, чтобы познакомить со своим, как он сам выразился, «коллегой» – местным колдуном и знахарем. Швейцер заставил американца два часа подряд наблюдать работу знахаря: одним пациентам тот давал мешочек с травами; другим просто дул в лицо, бормоча заклинания; а третьих отправлял к своему соседу, доктору Швейцеру. Швейцер объяснил Казинсу, что пациенты первого типа страдали болезнями, от которых травы помогали; у больных второго типа были, по мнению колдуна, психические нарушения, с которыми он боролся при помощи своеобразной психотерапии. А вот пациентов с проблемами исключительно хирургического свойства, как, например, грыжа, внематочная беременность, опухоль или перелом, он направлял к доктору в больницу.

Но Казинс настаивал:

– Но разве колдун вообще может кого-то вылечить?

– Вы хотите узнать секрет, который, начиная с Гип-

пократа, врачи всегда держали при себе.

– Что за секрет?

– Колдуны лечат точно так же, как и мы, обычные врачи. Пациент этого не знает, но истинный целитель – у человека внутри. А мы добиваемся успеха, помогая этому внутреннему целителю действовать.

Эрих Фромм тоже говорил:

– Не мы лечим пациентов. Мы просто находимся рядом и болеем за них, как за любимую футбольную команду, пока они сами лечат себя.

Если разобраться, так оно и есть: не лекарства лечат тело, а тело лечится с помощью лекарств. Травматолог ставит на место кость и накладывает гипс, но исцеление – это уже дело самого тела… или его «жизненной силы», если выражаться чуть более «магически». Жаль, что нынешние врачи приписывают все заслуги только себе.

Я вернулся в Нью-Йорк более спокойным и уравновешенным. Конечно, мой калейдоскоп не всегда был окрашен в красивый золотистый цвет, но это бывало частенько. Капли и впрямь казались волшебными; гомеопатия меня все большее интересовала, хоть в ней многое, казалось, противоречило разуму и здравому смыслу.

В голове роились вопросы. Могло ли «снадобье», которое так хорошо повлияло на мое настроение, помочь вылечиться от рака? Не могут ли такие капли

дать новый стимул «жизненной силе» и вернуть равновесие и мудрость моей свихнувшейся иммунной системе? Все методы лечения, которые предлагали мне «ремонтники», грозили роковыми побочными эффектами. Гомеопатия же была абсолютно безвредной.

Я знал, что у меня нет времени на опыты с магией, но меня мучили сомнения по поводу предстоящего облучения. Лет через двести «ремонтники» из Онкологического центра со своими изуверскими методами будут, видимо, считаться примитивными коновалами. Я принялся за розыски сведений о гомеопатии и узнал, что она родилась между XVII и XVIII веками как форма протеста против тогдашних варварских способов лечения, когда всех больных в обязательном порядке изнуряли кровопусканиями и слабительными.

Чуть ли не пятнадцать веков медицина опиралась на убеждение, что болезнь всегда вызвана ядами, которые следует выводить из тела любыми средствами: не только естественным путем, но и принудительно. Самым распространенным было кровопускание. Часто для удаления «дурной» крови использовали пиявок. Представьте – Джордж Вашингтон вынес семь кровопусканий в последнюю ночь своей жизни. И это пустяк по сравнению с тем, что вынес Людовик XIII – ни много ни мало сорок семь кровопусканий. В 1827 году Франция закупила за границей тридцать три миллиона пиявок – на выпускание крови из пациентов пиявок мест-

ных уже стало не хватать.

«Представьте, сколько в нем было дурной крови! Даже несмотря на то, что мы ее почти всю из него выпустили, он все равно умер», – сказали врачи о короле Леопольде Австрийском, которому был поставлен диагноз «ревматическая лихорадка».

Именно тогда Самуэль Ханеманн, немецкий врач и химик, родившийся в 1755 году в Мейсене, возмущенный таким подходом к пациентам, задумал найти новый, неубийственный способ лечения и в результате спас множество людей.

Ханеманн внимательно наблюдал за природой, он был настоящим ученым. Например, он обратил внимание на то, что появление новой болезни иногда приводило к излечению от старой. Он вернулся к старинному принципу – лечить «подобное подобным», который знал еще Гиппократ в IV веке до Рождества Христова и вновь открыл Парацельс в эпоху Возрождения. Пользовались им и китайцы, майя и индейские племена, проживающие на территории нынешних Соединенных Штатов и Канады. В Индии знают историю Бхимы, одного из героев «Махабхараты», который выжил после отравления, заставив ядовитую змею укусить его.

Первый эксперимент Ханеманн провел на себе. Он обнаружил, что экстракт коры хинного дерева вызывает симптомы, которые наблюдаются при малярии. Давая маленькие дозы больному малярией, он увидел,

что наступает выздоровление. Значит, вводя в организм маленькую дозу «болезни» и вызывая определенные симптомы, мы даем толчок организму, чтобы тот стал защищаться и выздоравливать. И это не абсурд: действие привычных сегодня вакцин как раз такое. Может быть, именно на этом принципе основан странный способ, при помощи которого племена, живущие в Гуджарате, в Индии, лечат водобоязнь: берут клеща с бешеной собаки и заставляют больного проглотить его, запив водой.

Для Ханеманна в поисках новых целебных средств важно знать, какие симптомы вызывает прием тех или иных веществ различного происхождения.

Сначала его родные, а затем несколько добровольцев, приняв минимальную дозу испытуемого снадобья, записывали в журнале свои ощущения, не только физические, но и эмоциональные. Из собранного материала Ханеманн понял, что болезни протекают индивидуально у различных людей. Симптомы, даже общие, проявляются по-разному.

«Каждый больной страдает от болезни, которой нет имени, болезни, которую прежде никто не наблюдал и которая позже уже не повторится в подобном виде», – писал Ханеманн. Отсюда и основополагающее правило гомеопатии: заниматься именно больным, его симптомами, его реакцией на болезнь, а не болезнью как таковой. У многих людей может болеть голова, но по

разным причинам. Аспирин может помочь любому, но причина останется у каждого своя. И эта причина рано или поздно о себе заявит.

Для врача-гомеопата в высшей степени важно понять пациента. Поэтому он должен внимательно осмотреть его, выслушать. Важны и слова, которыми пациент описывает свое состояние, и характерные, ему свойственные симптомы.

Именно читая о Ханеманне и его поисках, я понял, какие выводы Манджафуоко сделал о моей персоне. Из восприятия мира в виде «калейдоскопа» он счел меня человеком неустойчивым, с большими перепадами настроения, вспыхивающим, как спичка, но быстро потухающим. Он серьезно отнесся к моему желанию взять под контроль свой «калейдоскоп». Это и помогло ему подобрать подходящий препарат.

Важный момент в гомеопатии: пациент получает имя на основании его симптомов по конкретному препарату. Если у больного наблюдаются симптомы воздействия белладонны, его называют «пациентом Белладонна». В принципе, когда выяснится, какое лекарство подходит этому конкретному человеку, оно остается его лекарством навсегда, от каких болезней бы его ни пришлось лечить.

Итак, каждому пациенту – свое гомеопатическое средство. И это еще один важный вклад гомеопатии в лечебную практику. Традиционная медицина пользу-

ется сочетаниями десятков, порою и сотен компонентов, каждый из которых по-своему полезен, а вот к чему приводит эта смесь, неизвестно. Чем чревато это для больного?

Правило Ханеманна – не более одного лекарства одновременно. Если не подействует, пробуют другое, потом еще одно. Но не смешивать. Так можно изучить воздействие конкретного препарата на конкретного пациента.

Сумма этих знаний, результат экспериментов, проведенных с самыми разнообразными веществами на здоровых людях (не больных!), составила «Materia Medica», библию любого гомеопата.

Другое важное преимущество гомеопатических средств – то, что не приходится беспокоиться из-за побочных воздействий, их просто нет. Растворы абсолютно безобидны. В отличие от аллопатических лекарств, к которым всегда прилагается грозное и снимающее ответственность с производителей предупреждение о том, что лекарства следует прятать от детей, гомеопатические средства безвредны. Ребенку, выпившему хоть полный флакон, не понадобится промывание желудка.

Для Ханеманна человек являлся существом сложным, многосторонним, состоящим не только из материи, но также из сознания и разума. «Сознание есть суть человека, – писал он, – это пациент болен, а не

его органы». То же самое говорил и Гиппократ, это же говорят сегодня и приверженцы любой так называемой «альтернативной медицины» – «холисты».

Вдобавок, по мнению Ханеманна, задача врача не только в том, чтобы восстановить физическое здоровье пациента. Тело было для него чем-то намного большим, чем механизм.

Другой важный аспект гомеопатии, еще со времен Ханеманна, – это использование микроскопических доз веществ или чрезвычайно слабых их растворов.

Вначале ему понадобилось экспериментировать с такими ядами, как цианистый калий или мышьяк, которые предполагалось давать пациентам в ничтожных дозах. Но многократно разбавляя растворы, Ханеманн убедился, что и в слабых растворах вещества продолжали на организм воздействовать. Еще он обнаружил, что эффективность раствора увеличивалась всякий раз, когда его снова и снова разводили водой, встряхивали сто раз – «динамизировали», как он это называл, – а потом снова разводили и снова взбалтывали. Отсюда вывод, к которому Ханеманн пришел в последние годы жизни: средство тем эффективнее, чем больше оно разведено водой – вплоть до того состояния, когда в воде фактически не остается никаких следов первоначального вещества.

Возможно, тогда остается память?

Противники гомеопатии часто использовали этот ар-

гумент, чтобы доказать, что «снадобья» – это просто чистая вода, а так называемые успехи этой медицинской практики – всего-навсего эффект плацебо.

Но эта их аргументация недостаточно убедительна. В медицинском журнале «Ланцет» были опубликованы результаты недавних исследований. Пациентов разделили на две группы; одну группу лечили гомеопатическими средствами, другим давали нейтральные вещества. Ни та, ни другая группа не знала, что им дают. Тем не менее в группе, которая получала гомеопатические средства, случаев выздоровления было значительно больше, чем в контрольной (примерно в два с половиной раза).

Однако традиционные врачи упорно игнорируют все, что происходит за пределами их науки, утверждая, что речь идет просто об эффекте плацебо. И это выражение они произносят пренебрежительно, будто сам по себе эффект плацебо не представляет никакого интереса, а ведь, если вдуматься, это же чудо, когда человек, думая, что его лечат, исцеляется сам! Он глотает какое-то совершенно бесполезное вещество и, полагая, что это эффективнейшее лекарство, выздоравливает. Чем не доказательство сокрушительной победы сознания над материей! Ученые, конечно, не готовы принять его, ведь в таком случае у них под ногами разверзлась бы пропасть, в которую рухнет их нынешнее представление о мире, человеке и его теле.

И потом, какой тут может быть «эффект плацебо», когда речь идет о лечении гомеопатическими средствами новорожденных и даже животных? Да, именно так, потому что уже появились ветеринары-гомеопаты! Манджафуоко сам мне рассказывал о том, как в их краях эти специалисты сотрудничают с сыроварами, чтобы молоко было основой хорошего пармезана.

Ханеманн умер в 1843 году, оставив много последователей, и он мог гордиться тем, что стал основоположником новой медицинской школы, основывающейся не на диагностике болезни, а на другой, куда более сложной и тщательной диагностике самого больного; системы, учитывавшей симптомы не порознь, а в совокупности. Ханеманн заложил основы медицины, потенциально способной лечить болезни, в те времена неизвестные, например, СПИД.

Америка изначально была самой плодородной почвой для гомеопатии. В тогдашней американской медицине властвовали такие, как Бенджамин Раш, абсолютно не веривший в целительные силы природы. Он был непоколебимым сторонником хирургического вмешательства, лошадиных доз слабительного и, особенно, кровопусканий. Про него говорили, что он «пролил больше крови, чем любой полководец за всю историю». Гомеопатия, совершенно опрокинув эти, казавшиеся незыблемыми представления, стала невероятно популярной. Уже в начале XX века гомеопатию пре-

подавали в двадцати двух университетах и использовали в сотнях больниц. Более тысячи аптек торговали гомеопатическими препаратами, а около двадцати процентов врачей стали приверженцами новой науки.

В Соединенных Штатах гомеопатия получила большое распространение; ее считали настолько эффективной, что страховые компании даже предлагали десятипроцентную скидку тем, кто предпочитал лечиться таким образом. Но именно этот успех ее и погубил. Ассоциации традиционных врачей, теряющих пациентов, и фармацевтическая промышленность увидели в гомеопатии опасного соперника. На нее налепили ярлык «лженауки». Университетские курсы гомеопатии были закрыты, гомеопатическая практика очутилась под запретом. В Европе произошло примерно то же самое, хотя среди приверженцев гомеопатических средств было немало достойных людей – Марк Твен, папа Пий X, Диккенс, Гёте, Уильям Джеймс, Натаниэль Готорн. Даже английская королевская семья с 1830 года регулярно обращалась к гомеопатам.

Достигнутый традиционной медициной прогресс стал другой причиной упадка гомеопатии на Западе. Микроскопы и открытие бактерий позволили выяснить причины каждой конкретной болезни. Акцент все больше делался на частном, а не на общем, на отдельных частях тела, а не на теле в целом.

Только в Индии, куда гомеопатия проникла еще во

времена Ханеманна с немецкими миссионерами, ей суждено было иметь свою отдельную историю и свое, почти автономное развитие. Ганди назвал гомеопатию «самой утонченной, экономичной и бережной системой лечения пациентов» и советовал правительству всячески ее поддерживать и пропагандировать. В 1973 году гомеопатию признали еще одним официальным направлением медицины. В ста шестидесяти двух индийских университетах работают сейчас кафедры гомеопатии, и более 150 000 врачей лечат людей гомеопатическими препаратами. Гомеопатия здесь средство не для состоятельных клиентов или ищущих чего-нибудь «альтернативного», а самое доступное и недорогое решение проблем со здоровьем для всех.

На западе, где наука превратилась в своего рода новую религию, гомеопатия пострадала от невозможности научно доказать собственную эффективность. Ни один химик или биолог не способен обнаружить причинно-следственные отношения между количеством раствора, присутствующим (а зачастую уже даже не присутствующим) в препарате, и его лечебными свойствами. Но именно это механистическое и молекулярное истолкование биологической реальности гомеопатия ставит под сомнение. Наука и гомеопатия говорят на разных языках, где же им понять друг друга!

В послевоенные годы этот диалог глухих еще больше осложнился. Научные исследования добились

огромного прогресса, и медицинская практика признала неоспоримой истиной, что болезни вызваны сбоем в работе молекулярного механизма. Что терапия заключается в изменении или замене молекулы при помощи препаратов, введенных пациенту без учета, кто он, что об этом думает и даже… какие видит сны. Подход, прямо противоположный гомеопатическому.

Гомеопат не мыслит категориями болезни – его интересует личность пациента. Гомеопат также не рассматривает лечение как внешнее вмешательство в жизнь тела. Напротив, его препарат лишь толчок к тому, чтобы тело излечилось само, изнутри. С гомеопатической точки зрения терапия должна действовать именно так: изнутри вовне, сверху вниз, от наиболее важных органов к второстепенным, от новых симптомов к прежним, в обратном порядке их появления. Правильно подобранный препарат сначала приводит к исчезновению самых последних симптомов, вызванных болезнью, потом более ранних и так далее, вплоть до начальных. Поэтому появление у пациента прежних симптомов считают добрым знаком: это указывает на то, что излечение продвигается к заключительной фазе.

Все это странно и интересно, однако не проникает в традиционное научное сознание. Классический врач посчитает абсурдной следующую историю исцеления. Одна семидесятилетняя дама с тяжелой формой осте-

опороза вынуждена передвигаться в инвалидном кресле. Однажды она признается гомеопату, что ее преследует один и тот же сон – будто она падает с большой высоты. Гомеопат обдумывает этот сон и выписывает ей препарат, связанный с этим симптомом, а не с ее физическим состоянием. Вскоре пациентка оставляет инвалидное кресло и снова начинает ходить.

Исцеление благодаря каким-то нескольким каплям перед сном? «Это невозможно», – говорят врачи-ученые, несправедливо сваливая гомеопатию в одну кучу со всякими бредовыми псевдотерапевтическими идеями вроде пирамидологии, самомассажа и психогимнастики.

Без сомнения, гомеопатия серьезно пострадала от своей «магической» репутации. В лучшем случае гомеопатическая практика осмеивается на том основании, что гомеопатические препараты после бесконечных разбавлений – это, если разобраться, чистая вода.

Но что мы знаем о воде? Мы не способны представить, что вода может содержать информацию о веществах, в ней побывавших, но теперь уже отсутствующих. А разве мы знаем, какую информацию молекулы вещества могут о себе оставить?

Несмотря на наше высокомерное презрение к «антинаучному», мы все же им пользуемся, даже не понимая, как, собственно, оно работает. Врачи-ученые, например, снова применяют электрошок, не имея точ-

ного представления о механизме его воздействия. И делают это с той же слепой верой, с какой африканцы-масаи расстилают в полнолуние ткани на траве, считая что луна их отбелит. А индийцы продолжают по утрам выпивать по стакану воды, которая всю ночь простояла в медном кувшине и зарядилась от него «благотворной энергией». Делают это уже несколько веков, сами, наверное, не зная почему.

Первый шаг каждого большого знания – это осознание своего незнания. И этот шаг по-своему делает сейчас передовая наука, признавая, например, что пустяковое событие в одной части света может породить катастрофу в другой. Наука признает и неполноту наших прежних представлений, ибо не существует объективного научного наблюдения, поскольку даже неодушевленные объекты реагируют на наблюдателя.

Книги, книги. С этой точки зрения Нью-Йорк – потрясающий город. В нем можно найти все, что душе угодно, и даже откопать такое, о чем ты раньше и не слышал. Моими любимыми местами поисков были километровые полки в магазине на углу Двенадцатой и Бродвея. Там за полцены можно купить и новинки, использованные рецензентами и повторно пущенные в продажу, и залежавшиеся книги, которых больше нигде не найти.

Однажды я наткнулся на странную книгу одного английского биолога, которая произвела на меня силь-

ное впечатление. Указывалось, что автор, Руперт Шелдрейк, сочетает свой опыт и уверенность ученого с опытом и сомнениями человека, вступившего на путь духовного поиска. Тезис Шелдрейка заключается в том, что все живые существа, а возможно, и минералы, могут каким-то образом помнить то, что происходило раньше с представителями их вида, хотя между ними не существует известных нам видов связи. Иными словами, отдельный представитель вида способен передать усвоенную новую модель поведения всему виду.

Шелдрейк, к примеру, рассказывает о таком эксперименте. Крыс из разных поколений помещали в бассейн, из которого был только один выход, а потом медленно наполняли бассейн водой. Крысы учились спасаться. Если в первом поколении более половины их гибло, то в последующих уже куда меньше, а еще через несколько поколений настает момент, когда спасаются все.

Совершенно удивительно, что в эксперименте, повторенном в Австралии несколькими годами позже, почти все зверьки нашли выход, как будто восприняли опыт лондонских собратьев. Подобный феномен наблюдал Шелдрейк даже с реакцией минералов и металлов в некоторых процессах, протекающих в разных концах света.

Вывод Шелдрейка заключается в том, что существует некое приобретение опыта через временную или

пространственную дистанцию. Он назвал это «морфическим резонансом».

А что, если с водой происходит нечто подобное и вода помнит о том, что с ней происходило? Безумие, скажет кто-то. Но если отбросить предвзятость и представить себе, что не только молекулы определяют работу живых организмов, но могут существенно влиять и другие причины, это «безумие» может оказаться вполне допустимым.

Недавние эксперименты доказывают, что вода, обработанная электромагнитными волнами, приобретает физико-химические свойства, которые можно передавать биологическим системам. Иными словами, происходящее оставляет свой отпечаток в воде, как на листке бумаги. И вода может это запомнить, она обладает памятью.

Гомеопатический подход к врачеванию меня завораживал. Виделась альтернатива методам моих нью-йоркских «ремонтников». Мои сомнения возрастали.

Я циркулировал по маршруту дом-больница-дом, меня обследовали, в моем теле копались под общим наркозом, а я все думал… Думал о памяти воды, о снадобьях Манджафуоко, о том, как здорово было бы отказаться от облучения и всех его разрушительных последствий.

Меня снова одолевало противоречие, которое я ощутил еще во время курса химиотерапии. С одной

стороны, была Америка, чьи ценности я не мог разделить, с другой – именно сюда, в Америку, я приехал в поисках спасения. Особенно это проявлялось сейчас, когда забрезжила альтернатива, не американская по духу.

Понятно, что характер цивилизации проявляется поразному; вот и в американской медицине, действительно лидирующей в мире, отражалась вся эта империалистическая агрессивность, вызывавшая у меня все большее отторжение. После падения Берлинской стены и победы в холодной войне Америка неудержимо навязывала всем имидж мечты человечества, величайшей державы на планете. Такой концентрат высокомерия лишил Америку тормозов, превратил в государство, которое убеждено, что вправе управлять другими, и не боится «разрушать во имя спасения», как выразился во Вьетнаме один американский генерал после того, как по его приказу с лица земли стерли целую деревню, чтобы «освободить ее от вьетконговцев».

Американская медицина, которой я доверился, тоже была такой: атакующей, агрессивной, разрушительной. Она была такой с самой революции. Образ своей страны как неких бескрайних просторов, подлежащих последовательному захвату – все дальше и дальше на Дикий Запад, породил идею, что и болезни, одна за другой, тоже подлежат покорению, невзирая на

некоторые жертвы: убийства индейцев, убийства пациентов. Однажды я прочитал, что сорок процентов операций, которые ежегодно делаются в Америке, бесполезны, а под ножом хирурга погибает больше американцев, чем за такой же период времени погибало на корейской или вьетнамской войне.

С другой стороны, говорил я себе, именно американская медицина, всегда готовая экспериментировать, испытывать новое оборудование, новые технологии, новые лекарства, одержала победу над старыми болезнями и продлила среднюю продолжительность жизни человека. Что ж, это правда, но сделала она это благодаря своим большим возможностям, накопленным путем систематического использования всего остального мира и чужих ресурсов, – чем я, в сущности, тоже пользовался. Вот такие мысли крутились у меня в голове, пока я готовился к облучению. Я прошел обследование, мне сделали все анализы. Оставались одни свободные выходные. И как раз в эти дни Манджафуоко должен был проводить свой гомеопатический семинар в Бостоне.

В моих отношениях с Америкой наступил кризис, и даже старый Бостон, который я помнил еще с тех времен, когда принимал здесь участие в марше против войны во Вьетнаме, меня разочаровал. Милый город, цивилизованный, благопристойный, но в нем не было величия, не было ничего увлекательного или тро-

гательного. Я прилетел туда на одном из этих маленьких самолетов, которые теперь каждый час курсируют между Нью-Йорком и Бостоном (как автобусы «Порта Романа – Собор» во Флоренции). Самолет шел на посадку; внизу виднелись ряды одинаковых домов, к счастью, покрытые снегом. Все здесь было функционально, все по расписанию, и, только присмотревшись, можно было заметить, что эта налаженность, обустроенность американской жизни основана на современном варианте кастовой системы. Негры, пуэрториканцы и латиноамериканцы в Соединенных Штатах управляются, как в свое время «неприкасаемые» в Индии, со всем, что находится на уровне земли, со всем «грязным». Они убирают мусор, таскают багаж, моют туалеты, торгуют билетами в автобусе. Они работают за гроши, в среднем получая примерно долларов семь в час, считая при этом себя свободными людьми, гражданами лучшей из стран.

Чуть повыше расположена другая, типично американская каста – лузеры, неудачники. Обычно это белые, получившие образование, но невезучие, и безжалостная система постоянной конкуренции, поощряющая агрессию и черствость, отшвырнула их на обочину. Разочарованные, надрывно-пафосные. Жертвы… Все три таксиста, с которыми я встретился в первый же день моего пребывания в Бостоне, были именно такими. Каждый из них, едва я усаживался, тут же сооб-

щал, что на самом деле он вовсе не таксист, а сценарист. Бесконечные вариации американской мечты…

Семинар проходил километрах в шестидесяти от города в случайной гостинице – с линолеумом, мебелью «под дерево», несуразно большим бассейном. Без сомнения, ее здесь, на отшибе, построили из-за дешевизны земли. Зато она годилась для разных конференций в защиту китов, курсов повышения квалификации для визажистов и таких вот гомеопатических семинаров.

Семинар Манджафуоко меня просто очаровал. Это было все равно, что высадиться на Марсе и обнаружить, что марсиане – милейшие существа, куда разумнее и сердечней многих людей. Одно дело – читать о гомеопатии в книгах, но совсем другое – сидеть в окружении полусотни учеников Манджафуоко, которые в перерывах между лекциями беседовали о своей профессии, пациентах и таинственных препаратах.

Эти «марсиане», как я вскоре понял, тоже принадлежали к особой касте – касте «drop outs», как в Америке называют тех, кто спрыгнул на полном ходу с поезда модернизации, тех сомневающихся, кто стремится к чему-то более высокому, чем материальные цели общества потребления.

Все пятьдесят участников – среди них было много женщин – были явно людьми «с прошлым», причем многие из них – с явно успешным «прошлым», но

именно от этого своего прошлого они и бежали. Кто-то раньше был аллопатическим врачом, кто-то психологом. Были здесь и люди искусства, и бывшие хиппи. Многие мужчины носили бороду, будто скрывая «прежнее лицо».

У меня возникло впечатление, что для большинства гомеопатия была не столько профессиональным, сколько жизненным выбором. «Чтобы помочь своим пациентам, я должна понять их, а чтобы понять их, мне нужно сперва понять себя», – сказала мне женщина лет сорока, которая раньше работала библиотекарем в университете. Одна бывшая художница объяснила мне, что гомеопатия была, на ее взгляд, самым «артистическим» способом самовыражения. Многие видели в растущей популярности гомеопатии знак возможного великого поворота в истории человечества. Все казались очень целеустремленными. У каждого была своя, личная цель.

Чего добивался Манджафуоко, стало ясно из его слов: гомеопатии он хотел вернуть ее научную репутацию, а профессии врача – уважение.

– Если мы хотим, чтобы нас принимали всерьез, придется потрудиться, – повторял он. – Конечно, мы не должны отказываться от нашего подхода «подобное лечится подобным», который тысячелетиями помогал человечеству выживать. Но мы должны еще признать, что научный подход, пусть он и моложе, не следует от-

вергать. Нам следует поискать сотрудничества.

Он не стал делать тайны из того факта, что гомеопатия переживает критический период. Именно в силу роста своей популярности, в силу появления «моды» на гомеопатию репутация ее страдает по вине многочисленных шарлатанов. «Другая опасность, – сказал он, – это крупные фармацевтические компании. В прошлом производители лекарств с открытой враждебностью относились к гомеопатии, но теперь, видя ее успех, они пытаются внедриться в этот бурно развивающийся рынок, предлагая набор якобы гомеопатических средств от различных болезней, извращая основной принцип гомеопатии: лечить пациента, а не заболевание».

Проект Манджафуоко подразумевал полный пересмотр всей гомеопатической практики: подготовку новых специалистов-гомеопатов, возможно, привлечение аллопатических врачей, неудовлетворенных методами своей работы, изучение новых препаратов с целью увеличения числа лечебных средств. Он говорил, что «Materia Medica», свод Ханеманна, следует дополнить новыми данными, пересмотреть в свете современных представлений, создать электронную версию. Абсурдно пользоваться только старыми препаратами, когда сейчас так легко экспериментировать с новыми. Море, например, это бездонная сокровищница, но гомеопатия до сих пор мало пользуется его богатствами.

Цель семинара – ввести в практику некоторые «морские» препараты, которые Манджфуоко изучил и уже с успехом использовал.

И три дня подряд, то и дело обращаясь к графикам, диапозитивам, таблицам, Манджафуоко говорил о чернилах каракатицы, о панцире Homarus gammarus (омара), о размножении медуз, об их яде, о морских звездах. Морские звезды – одно наименование чего стоит! Древние думали, что это самые настоящие небесные звезды, и посылали на их поиски эпилептиков, которые, по поверьям, и сами отмечены небесной благодатью.

О каждом животном или растении Манджафуоко знал все: связанные с ними мифы и легенды, книги, в которых они описаны. Это придавало его докладу некую магическую ауру; сам он таким вещам, кстати, придавал большое значение. Манджафуоко несколько раз повторил, что при изучении свойств того или иного препарата животного происхождения очень важно понаблюдать за повадками существа, использованного для получения этого экстракта. «У всех, – говорил Манджафуоко, есть свой способ выживания в природе, который затем и проявляется в реагировании пациента на препарат».

Он говорил об особенностях омара. Когда он подрастает, то сбрасывает тесный панцирь и на какое-то время становится беззащитным, тогда ему приходит-

ся зарываться в песок и пережидать там, пока не обзаведется новым панцирем. В желудке омара содержится жидкость, которая способствует сворачиванию молока. Из нее готовят препарат, помогающий людям с аллергией на молочные продукты.

Манджафуоко рассказал об одном случае с омаром. Девятилетнего мальчика привела мать, властная женщина, преподавательница гимнастики, маниакально увлеченная фитнесом. Сын – толстячок, далекий от спорта. У него аллергия на молоко и все молочные продукты, он страдает все учащающимися приступами астмы. Мать решилась прибегнуть к гомеопатии, потому что к аллопатическим врачам они уже обращались и лечение это довело до того, что мальчик практически не может обходиться без ингалятора. После удаления миндалин ребенок сильно вырос и располнел, у него часто болят кости. Его любимая еда – креветки. Он ест их даже с фруктами. Его любимый герой – Питер Пэн. Когда мальчуган смотрел фильм по этой книге, на него большое впечатление произвел эпизод, где Питер теряет тень и ее пришивают на место. Мальчик боится темноты.

На протяжении всего визита говорит только мать. Она читает по тетрадке, где у нее записано все, что она собиралась сообщить врачу. Сын робеет, и каждый раз, когда хочет что-то сказать, мать его перебивает. Манджафуоко все-таки находит тему, о которой мать

не знает ничего. Он расспрашивает мальчика о его снах и находит к ним ключ. Мальчик рассказывает, что часто видит во сне себя в сопровождении большой тени. Причем тень его не пугает, а даже скорее защищает. Манджафуоко выписывает ему Homarus gammarus. А почему?

«В физическом плане, – объяснил Манжафуоко, – у мальчика явная аллергия на молоко. Мать для него не поддержка, и, чтобы защититься от окружающего мира, он толстеет, будто это гарантирует больше безопасности. Он объедается креветками, подсознательно ища в этом продукте то, что ему полезно. Что касается истории Питера Пэна, то тут есть один интересный нюанс: женский персонаж, который пришивает Питеру тень, – это девочка Венди. С точки зрения мальчика, его защищает не мама, а собственная тень. Отсюда аналогия с креветками, к которым мальчуган так пристрастился; отсюда и аналогия с омаром, закованным в панцирь, который дает ощущение защищенности».

Манджафуоко прописал мальчику экстракт Homarus gammarus. Тот стал его принимать, и через несколько недель у него прошла аллергия на молочные продукты, он начал сбрасывать вес и избавился от астматических приступов.

Медицина ли это? А почему бы и нет? Врач – это тот, кому удается вылечить, а не обязательно обладатель диплома, и я был не прав, когда сомневался на-

счет этой истории с мальчиком и его излечением. Внушение? Эффект плацебо? Ну и прекрасно, если людям от этого хорошо!

Чтобы узнать, каков хлеб на вкус, следует съесть кусочек, а проверить лекарство можно, приняв его. Три дня подряд Манджафуоко только и делал, что рассказывал нам истории о пациентах «Медуза», «Каракатица», «Омар» и других, которых удалось вылечить при помощи соответствующих морских препаратов. Его описания разных людей с их привычками, различными моделями социального поведения, предпочтениями в еде и даже музыкальными пристрастиями будоражили воображение. И человечество в целом становилось особенно интересным, если взглянуть на него с точки зрения престранных параллелей, которые Манджафуоко проводил между людьми, животными и растениями, между болезнями и средствами от них.

Группа слушала его, затаив дыхание, и я тоже. Я не все понимал из сказанного. Временами я не улавливал логической связи между вещами (а может, ее и не было), не видел причинно-следственных связей (а он и не советовал их искать), но все это меня завораживало. Я будто заглянул на чужую планету. Мне казалось, что я надел те самые очки, которые когда-то в детстве помогли мне увидеть мир на киноэкране в трех измерениях.

Но я-то все равно оставался самим собой – флорентийцем, рационалистом, и многие из этих чудесных

историй не достигали цели. Мне казалось, что я понимаю, но на самом деле я не понимал. Очевидно, когда попадаешь на эти зыбучие пески, где все пропитано мистикой и эзотерикой, более, чем само послание, привлекает гонец, его доставивший. А Манджафуоко был великолепен: умный, образованный, обаятельный, острый на язык. Он был убедителен, иногда просто блистателен.

Крысолов с волшебной дудочкой?

Мне действительно понравились эти «три дня на Марсе». Совсем другие люди, другие речи, другая логика. Я задумался над тем, как странно все, что со мной происходит. Или это я сам провоцировал все эти события? В 1993 году, приняв как данность полученное предсказание, я замедлил ритм жизни, стал смотреть на мир другими глазами. А сейчас мой рак привел меня сюда, на этот «семинар», и вот я среди этих странных людей. Действительно, у моего «недомогания», как его называл Манджафуоко, был мрачный, грозный лик; но было и другое лицо, светлое – сулившее новые возможности, перемены. Это «недомогание» заставило меня открыть для себя гомеопатию, на которую я при других обстоятельствах никогда бы и внимания не обратил. Может, что-то внутри меня жаждало роста, и вот там выросла эта раковая опухоль… чтобы заставить и меня «возрасти» тоже. Господи, да я уже мыслил как гомеопат!

Действительно, в меня въелась «антилогика» гомеопатов, и эта их способность мыслить «наоборот», категориями не малого, а общего, меня привлекала. Это было примерно то, что я искал, даже если временами мне казалось, что в цепи их рассуждений чего-то не хватает. У меня было впечатление, что я наблюдаю за невероятными трюками акробата, перелетающего с одной трапеции на другую… пока наконец не окажется, что перекладины в нужном месте нет, она куда-то делась. Я чувствовал, что мой разум летит в пропасть.

Я понял, что даже при всем моем энтузиазме по отношению к «антилогике» гомеопатии, я не могу серьезно рассматривать вариант с отказом от облучения, с тем, чтобы всецело довериться магии персонального снадобья. Может, я и сам был жертвой научных предрассудков, но что тут поделаешь, уж таким я уродился. Я любопытен, но при этом не могу не прислушиваться к голосу рассудка. Мне нравится исследовать неведомое, но бесстрашием я не отличаюсь. Я с самого начала уверовал, что производное фосфата кальция поможет мне обрести покой, но мне не удавалось убедить себя, что оно положит конец воспроизводству шальных клеток. И само по себе отсутствие уверенности увеличивало риск того, что препарат мне не поможет.

На уже привычном маленьком самолете, на который я сел в последнюю минуту, уже собирались закрыть

дверцу, я вернулся в Нью-Йорк и, счастливый, забрался в свою нору.

«Четыре американца из десяти обречены на рак», – объявил крупный телеканал в вечерних известиях. Было сказано, что многие в Соединенных Штатах умирают от этой болезни, поскольку страховые компании отказываются оплачивать современные и дорогостоящие виды лечения под предлогом, что они «находятся на стадии эксперимента».

«На стадии эксперимента» находилась и радиотерапия, которая начиналась завтра: эксперимент, сам по себе канцерогенный. Но выбор был уже сделан.

Ночью я видел два сна. В одном я летел высоко над миром, который был так удален, что уже не интересовал меня. В другом сне я шел по пляжу и разные предметы оживали, когда я проходил мимо. Тусклая вспышка – и они превращались в птиц, улетающих в воздушный простор.

Я решил, что эти полеты – добрый знак.

В объятиях Паучихи

– Синьор Терцани, вы готовы?

– Да, – отвечаю я, и все скрываются за бронированными стенами. Я лежу в центре полутемной комнаты, голый по пояс, неподвижный, стараясь даже не дышать глубже обычного. Мне нельзя менять положение: метки, нанесенные на моей груди, должны совпадать с красными лучиками; они исходили из огненных глаз нависшей надо мной адской машины. Я окрестил ее «Паучихой», потому что сам я был просто мошкой в ее таинственной сети.

У Паучихи была большая круглая голова. Сначала она смотрела на меня сверху, затем медленно поворачивалась, застывая всегда на том же расстоянии, сбоку от меня. Потом заползала под меня и на какое-то время замирала, чтобы затем вынырнуть с другого бока и снова уставиться на меня сверху, издавая при каждом движении пугающее шипение, почти жалобу, иногда стон, вздох. Пленник в ее колдовской паутине, я не желал сопротивляться. Я уже решил для себя, что в этих жутковатых объятиях – мое спасение.

Я решил рискнуть – как не раз проступал в казино в Макао. Бывало, потеряв день за столом для игры в блэк-джек, я в заключение ставил все, кроме денег на

обратный билет, на красное или на черное и с замиранием сердца следил за шариком рулетки.

За дымчатым стеклом большого иллюминатора я видел медбратьев и техников, которые следили за Паучихой, пока та на протяжении нескольких, казавшихся бесконечными минут пронизывала меня убийственными лучами, исходящими из ее головы. Я сосредотачивался на своем дыхании, стараясь не сбиваться: короткий вдох, короткий выдох – чтобы грудная клетка не смещалась и радиация попала точно в цель. Мне не было больно. Вообще ничего не чувствовал, кроме присутствия чего-то рядом. Я понимал, что нахожусь во власти какой-то могущественной силы, с которой раньше не сталкивался.

Каждый знает, что слишком часто делать рентген вредно для здоровья, что при беременности рентгеновское обследование следует назначать только в случае крайней необходимости и что даже стоматологу надо быть осторожнее с такой удобной системой диагностики. Опасность в том, что облучение, даже незначительное, в качестве побочного эффекта само провоцирует раковые заболевания. Итак, если для рентгеновского снимка, скажем, грудной клетки, пациент получает три единицы облучения (не помню их названия) и эти три единицы уже считаются потенциально опасными, то Паучиха за время наших с ней свиданий (пять раз в неделю на протяжении полутора месяцев), обру-

шила на меня более трех тысяч этих самых единиц.

Излучатель Паучихи знал свое дело; он четко контролировал как площадь, так и глубину облучения. Один компьютер создал трехмерную карту моего органа-мишени, потом другой компьютер разработал модель защитного экрана, который затем изготовили из очень тяжелого сплава. И еще один компьютер, как на боевом самолете, контролировал прицельную «бомбардировку». Чтобы я оставался максимально неподвижным, мне, по мерке, изготовили гипсовую скорлупу, которая не давала шевельнуться.

Экспериментальное лечение, на которое я согласился, заключалось в том, чтобы мощным ударом лучей разрушить скопление неукротимых клеток в конкретной точке моего тела, без «побочного ущерба», как вояки называют разрушенную походя школу или гибель мирных жителей во время авиационного налета. В моем случае речь шла о том, чтобы «разбомбить» один объект так, чтобы уцелели остальные.

Мой интим с Паучихой стал самым трудным периодом за все время лечения. Возможно, потому, что две недели я пробыл вдали от привычной больницы. Возможно, и оттого, что я наслушался от колоритных гомеопатов разговоров о природе и о «снадобьях», белый, одноцветный мир традиционных врачей и их методов казался мне теперь крайне неестественным. Особенно, эта радиация.

Даже не прикасаясь, Паучиха высасывала из меня все силы, иногда я на ноги подняться не мог. Еще несколько часов после свидания с Паучихой странный жар продолжал пожирать меня изнутри. При глубоком вздохе казалось, что я дышу огнем. Никогда раньше я подобного не испытывал, но непереносимым это назвать было нельзя. Я сознавал, что со мной происходит, старался этот «скрытый пожар» держать под контролем. Ведь если признать что-то невыносимым, то таким оно может стать.

В одной брошюре говорится, что облучение не делает пациента «радиоактивным», но все же Паучиха стала более серьезным надругательством над моей природой, чем химиотерапия, и больше, чем она, отнимала радость жизни. Я реже выходил, меньше наблюдал, больше замыкался в себе. Я знал, что это вопрос перспективы. Каждый раз, когда восприятие мира оскудевает, наши собственные проблемы и беды представляются исключительно важными, наша смерть – ужасной, невообразимой. Стоит кругозору расшириться, стоит нам увидеть мир во всей его цельности и великолепии, наше состояние, каким бы оно не было тягостным, становится частью этой бескрайности, этого вечного, естественного метания человека.

Я замечал это, включая телевизор или приходя в кино: если фильм попадался дурацкий, я падал духом; боли в животе и под ложечкой казались мне ужасны-

ми. А когда я смотрел по-настоящему хорошие фильмы, например, восстановленные «Ночи Кабирии» Феллини, все со мною происходящее виделось эпизодом захватывающей истории. А мне оставалось только наблюдать за этим откуда-то со стороны.

Поэтому искусство, истинное искусство, идущее от души, играет в нашей жизни такую важную роль. Искусство утешает, приносит облегчение, указывает дорогу, оно лечит. Мы – не то лишь, что мы едим, не только воздух, которым мы дышим. Мы еще впитали истории, которые нам когда-то довелось услышать, сказки, которые нам рассказали в детстве, книги, которые мы прочитали, музыку, которую мы слушали, чувства, которые мы испытали, видя картину или статую, читая стихотворения.

В один из дней, когда Паучиха особенно измотала меня, я, надеясь взбодриться, пошел в музей Метрополитен и вскоре понял, что, невзирая на все перемены во мне, одно осталось неизменным: это нелюбовь к музеям. Особенно к таким огромным, необъятным, как Метрополитен. Здесь всего было «слишком»: слишком много картин, слишком много людей, статуй, толкотни, киосков, охранников. Слишком много света, слишком много открыток, ручек и сувенирных маек. Метрополитен специализируется на искусстве, как универсам – на продуктах. И там, и здесь можно найти все наилучшее изо всех уголков мира. Картины эпохи Возрожде-

ния, как разные виды макарон; греческая скульптура и миниатюры Моголов, как разные сорта сыра, маслин и лосося. Я почувствовал, что задыхаюсь, у меня свело живот, и я оттуда сбежал.

Меня привлекают маленькие музеи, созданные для человека и соразмерные ему. Такие, как Маурицхёйс в Гааге – в молодости я почти каждый день заходил туда по пути с постылой работы, чтобы поднять настроение, глядя на Саскию, жену Рембрандта, красивую и цветущую, с кубком вина. Или как музей в Лахоре, где невольно представляешь, будто им и сегодня заведует отец Киплинга. Или тот маленький музей в Пешаваре, где на скромной подставке сидит маленький Будда из Гандхары, найденный в окрестных горах, посмотришь – и весь день наполнен необъяснимой радостью.

Я внес музей Метрополитен в список мест, посещение которых меня угнетает. К счастью, в кинотеатре у моего дома шли фильмы на индийские темы, среди них чудесные, они стали моим спасением. Я пересмотрел их все, а некоторые даже по нескольку раз, с удовольствием и облегчением. Настроение у меня поднялось, и больше я не падал духом. Паучиха угнетала меня все меньше, и я уже подумывал о том, как потом избавляться от последствий облучения.

Вот уже много лет на крышке старой картонной коробки, в которую я складывал все, что могло бы когда-нибудь пригодиться, написаны такие стихи:

От болезни избавит трава,
Или острый целителя нож,
Или мужа святого слова,
Или мантра, что тихо поешь.

Эта фраза была написана в VI веке до Рождества Христова, во времена Заратустры, о котором мы не знаем почти ничего. Он основатель или просто поборник религии, центром которой был огонь. Огонь, который очищает, сам всегда оставаясь чистым; огонь, который всегда беспристрастен, потому что одинаково согревает мудреца и безумца; огонь, который дает свет и жизнь; огонь, который, обращая все в пепел, напоминает человеку о бренности всего сущего. И огонь действительно уничтожил большую часть написанного, сделанного и сказанного самим Заратустрой.

Оригиналы этих священных рукописей исчезли за триста тридцать лет до Рождества Христова, когда Александр Македонский, которого мы на Западе, несмотря на все его злодейства, упорно продолжаем звать «Великим», сжег библиотеку Персеполиса. Остальное исчезло в VII веке, когда арабы, недавно обращенные в ислам Магометом, предали огню и мечу Персию, сравняли с землей храмы, принудили все население принять ислам и стерли все следы религии огнепоклонников.

От Заратустры и зороастризма осталось лишь то, что некоторые приверженцы заучили наизусть и не смогла уничтожить ярость ислама, к примеру, это наставление, которое я поместил на крышку коробки. Эту надпись, высеченную на камне, обнаружили в неприступных горах. Однако и этого немногого было достаточно, чтобы зороастризм с Храмами Огня и Башнями Молчания, на которых мертвые тела оставляли стервятникам, сегодня исповедовали несколько десятков тысяч парсов. Крупнейшая их община находится в Индии – стране, где гонимые за любую веру (самый недавний пример – тибетские ламаисты) всегда находили убежище.

Вскоре после переезда из Бангкока в Дели я заинтересовался парсами, и тогда эти строки про травы, нож, праведника и мантру появились на крышке моей картонной коробки. В то время у меня и в мыслях не было, что сам когда-нибудь стану искать способы собственного исцеления. В то время меня интересовали растения, вернее, одно особое, что содержит, согласно разным легендам, эликсир жизни.

Во все времена человек считал, что природа – это некий сейф с сокровищами, и все время искал – в лесной чаще, на горных крутых склонах – цветок, корень, волшебную траву, которые могли бы принести спасение от болезни, старости, смерти. Мой план состоял в том, чтобы отправиться в подобное путешествие, пе-

реосмыслив эту идею в современном ключе, и написать книгу о поисках того, чего скорее всего и нет на свете. А может, оно и существует, как знать. Речь шла о спасении человечества от наркотиков.

Мысль эту мне подсказала одна очень странная книга, опубликованная в Англии в 1935 году; автора звали Джеймс С. Ли – возможно, это псевдоним. Книга называлась «The Underworld of the East». В ней описывалось восемнадцать полных приключений лет, которые автор на рубеже XIX и XX веков провел, работая горным инженером на шахтах Китая, Индии и Малайского архипелага. Интересно, что сам Ли перепробовал все наркотики от морфия до кокаина, от опиума до гашиша и, будучи уже их рабом, с подорванным здоровьем, сумел полностью избавиться от зависимости. Однажды вечером малайцы принесли ему охапку трав. Ли заметил растение, которое прежде не попадалось: это был кустик с маленькими коробочками, полными семян.

Наш автор вынимает эти семена, кипятит их в воде, а потом отвар выпаривает. Остается белый осадок, который Ли решает испытать на мышах и подмешивает им в корм. Увидев, что мыши остались невредимы, он принимает его сам. Результат ошеломляющий. Оказывается, что этот белый порошок – экстракт неизвестных семян – полностью снимает воздействие любых наркотиков, избавляет от зависимости и заряжает невиданной жизненной силой, физической и душевной.

Излечившись от своего порока, Джеймс Ли ломает и вышвыривает все свои шприцы, курильницы и прочие устройства, без которых он столько лет не мог жить. Он обнаружил нечто чудодейственное и находку называет эликсиром жизни.

Правда ли это? Неизвестно, однако предположение, что это могло оказаться правдой, меня завораживало. Сколько молодежи можно было бы вытащить из мрачной наркотической пропасти, если где-то на Суматре есть такие растения! Я собирался отправиться на поиски, руководствуясь в качестве путеводителя книгой Джеймса Ли и сверяясь с его описаниями местности. Кто знает, куда бы завела меня эта нить!

Автор сам по себе был личностью загадочной: английское издательство, опубликовавшее «The Underworld of the East», ничего не ответило на мои неоднократные просьбы предоставить информацию. Казалось, там не хотели больше иметь ничего общего со всей этой историей. Вторую книгу, которую пообещал выпустить Джеймс Ли о других своих приключениях, не удалось найти нигде; возможно, она так и не была напечатана.

И все-таки этот человек не мог быть вымышленным персонажем. Его рассказ о том, как ему, заболевшему малярией, делают первый укол морфия, как потом, став зависимым, он переходит на кокаин и все прочее, выглядит правдивым. Неподдельным выглядит и его

разочарование в эпохе, в которой ему довелось жить. Вынужденный по роду деятельности проникать в недра земли, где он видит гибель своих товарищей из-за взрывов газа или обвалов, Джеймс Ли в конце концов приходит к мировоззрению, которое сегодня можно было бы приравнять к стилю «нью-эйдж». Земля для него – большое, сложное, живое существо, к которому человек своей деятельностью не проявляет никакого уважения. Все, что он делает, наносит Земле ужасные раны. А Земля, пишет Ли, защищается от этого паразита, как может, – отсюда болезни, землетрясения, засухи, наводнения, неурожаи, взрывы, тайфуны, пожары.

Человек добьется больших успехов в науке, пишет Ли. Он изобретет синтетическую пищу, будет жить в подземных городах, искусственно отапливаемых и проветриваемых, все глубже будет внедряться в Землю в поисках источников тепла, ведь солнце к тому времени начнет медленно остывать. Многие будут искать способы продления жизни, но потерпят поражение. Во всей этой «экологической» обеспокоенности автора есть что-то искреннее. Мог ли он солгать насчет «чудодейственного растения»?

Любопытным был отзыв профессионала. Я отправил ксерокопию книги одному итальянскому химику, который, как я знал, давно занимается ботаникой. Я спросил, что он об этом думает и слышал ли он о таком растении. Ответ меня удивил: да, речь может ид-

ти о Mitragyna. Это низкорослые деревья; древесина их ценится невысоко. Маленькие округлые плоды полны темных семян. Известно двенадцать различных видов этого растения. Один американец по имени Шеллард изучал его на протяжении семидесятых годов и обнаружил, что в нем содержатся странные алкалоиды, способные оказывать именно то воздействие, которое описано Джеймсом Ли. «Меня удивляет то, – в заключение заметил мой химик, – что ни одна фармацевтическая компания не воспользовалась результатами этих исследований. Не понимаю почему». Черт возьми! Это «почему» могло стать прекрасным началом для очередной истории, первым шагом в задуманном мною путешествии.

С химиком мы обменялись еще несколькими посланиями, и все, что я узнал, так и осталось в картонной коробке вместе с другими записями, газетными вырезками и старыми картами Суматры. Мне нравилась эта идея – отправиться в путь, чтобы узнать, насколько Заратустра, а две тысячи шестьсот лет спустя Джеймс Ли были правы насчет целительной силы растений, и выяснить, как же случилось, что такая важная истина была забыта или сознательно скрывалась.

Удобный случай, чтобы отправиться по следу Джеймса Ли и его чудесного растения так мне и не представился. Но, конечно, травы стали первым, о чем я подумал, когда принялся искать если не средство для

излечения, то хотя бы некий естественный способ очищения от всех ядов, которыми меня накачали при лечении противоестественными способами.

Однажды вечером я увидел объявление о курсе, который проводит известная специалистка по лекарственным травам. Как раз то, что мне надо. Я позвонил ей, описал свою ситуацию и договорился о встрече. В одно прекрасное утро я отправился в путь: но не на Суматру, а в Нью-Джерси.

Шел дождь, и Нью-Йорк выглядел уныло: таким дождь бывает только в городе. Здесь нет запаха сухой земли, на которую падают первые капли; здесь люди, особенно те, кто без зонтиков, стараются съежиться, чтобы меньше промокнуть. Здесь не чувствуешь той радости, которая за городом сопровождает каждый ливень. Словом, это был самый что ни на есть подходящий день, чтобы осознать, насколько неполное и искаженное представление о нью-йоркской жизни я себе составил, окопавшись в своем уютном и защищенном наблюдательном пункте в благополучном центре Манхэттена.

Автобусная станция, огромная и чистая, производила угнетающее впечатление из-за толпы одиноких людей. Каждый сжимал в руках пакет, сумку или пластиковую тарелку, полную техногенной еды. Людей было много, но они даже не пытались общаться, и на станции стояла тишина, нарушаемая только объявлениями

по радио.

Проехать в темноте по Линкольн-туннелю – все равно, что пересечь границу. Вынырнув из мрака, мы попали в другую Америку: парковки, домики, маленькие ресторанчики, затрапезные гостиницы – все недолговечное, временное, все построено на один сезон. Повсюду американские флаги: огромные – возле бензоколонок, почтовых отделений и пожарных станций; просто большие – у домов; маленькие – на сотнях подержанных машин, выставленных на продажу вдоль дороги.

У водителя автобуса, любезного толстяка, двигающегося как робот, на рукаве белой, отутюженной рубашки тоже красовался флажок. Меня клонило в сон, и я попросил разбудить меня, когда мы приедем на место.

Я задремал, улыбаясь положению, в котором оказался, с мыслями о травах и о том, как мои дедушки и бабушки – они были из крестьян – уверенно и со знанием дела обходились со всей этой природной фармакопеей. Заболел, простудился, схватило живот? Не беда, кто-нибудь сходит в поле, принесет траву со словами: «Вот, завари и выпей на ночь». Природа была первым врачом, к которому обращались все. Достаточно было уметь различать растения, распознавать их по листьям, цветам, семенам, коре. Все эти познания исчезли на моей памяти. Уже моя мать отказывалась от бабушкиных припарок, когда меня одолевал кашель. Она

предпочитала сходить в аптеку, чтобы ей там дали что-то «современное», химическое. Стоило такое лекарство дороже, следовательно, и толку от него больше.

Все древние цивилизации в той или иной степени были убеждены, что, помимо видимых даров природы, существует еще что-то другое, особенное, редкостное, чудесное, скрытое в таинственной чаще лесов или в горных ущельях. Для китайцев женьшень, прежде чем его стали разводить искусственно и превратили в промышленный продукт, был сущностью земли в виде человечка, неким магическим существом. Женьшень рос только в горах, его считали чудодейственным средством от тысячи болезней и, главное, эликсиром, замедляющим старение.

Для индийцев таким средством была «сома», трава бессмертия, о которой говорится даже в Ведах и которую, как рассказывают, йоги использовали, чтобы жить до двухсот лет. Это лиана, произрастающая только в Гималаях, на высоте свыше четырех тысяч метров. В наши дни ее больше никто не находит, будто она исчезла вместе с утерянным знанием.

Разве мы знаем, почему веками омела считалась благим предзнаменованием? Почему в древности друиды срезали ее только золотым серпом? Почему в фольклоре разных народов омелу окружают ореолом таинственности, описывают как священное растение, исцеляющее от многочисленных недугов? Этого мы

больше не знаем, но продолжаем на Рождество вешать над дверью своего дома «на счастье» веточку этого странного паразитического растения, которое живет на ветвях деревьев, таких, как дуб, сосна или береза, и остается зеленым, пока деревья, соками которых оно питается, не теряют листву и засыхают.

На первый взгляд омела – ни на что не годное растение. Ни веткам, ни листьям ее нельзя найти никакого практического применения. И ягоды, с научной точки зрения, не обладают никакими особыми свойствами. И все-таки зимой эти ягоды помогают прокормиться горлицам, а в Германии недавно открыли клинику, где некоторые виды рака лечат экстрактом ягод омелы.

Может, правы те, кто, подобно Эриху фон Дэникену, предполагают, что мы давным-давно были колонизированы цивилизацией богов-астронавтов, которые, пожив какое-то время на Земле и убедившись, что мы не умеем с толком распорядиться их мудростью и обширными знаниями, разочаровались и вернулись на свою далекую планету. Мы забыли о них. Но только исключительные познания инопланетной расы, высокоинтеллектуальной и технически развитой, могли бы объяснить существование на Земле таинственных сооружений – таких, как пирамиды, Стоунхендж и изображения странных фигур на барельефах майя и других руинах Центральной Америки.

Водитель не забыл предупредить меня об останов-

ке; выйдя из автобуса (мыслями я все еще был далеко, на планете богов-астронавтов), я оказался на главной улице городка, который выглядел сооруженным наспех для фильма ужасов. Плохо одетые бледные женщины, куда-то бредущие, как нельзя лучше вписывались в сценарий. Было десять утра, но некоторые уже были навеселе. Дома все были маленькие, одноэтажные, деревянные, большей частью пустые, многие с табличкой «Продается». Однако, пока я шел по адресу, мне встретились Центр Холистического Благополучия, Центр медитации и йоги и еще студия хиропрактика.

Моя травница принимала в старом доме из трухлявого дерева. Голубая краска, отслаиваясь, кусками сыпалась с фасада. Я приехал чуть раньше, и мне пришлось ждать за дверью, сидя на пластиковом стуле и глядя на дождевые капли, которые сквозь дыры в потолке преспокойно падали на ковровое покрытие. Из-за двери я слышал голос травницы, которая объясняла предыдущей пациентке важность «кармических отношений». Она рассказывала, как ее собственная жизнь изменилась благодаря им. По совету одной женщины она наконец «реализовала себя»: преподает в Открытом центре в Нью-Йорке!

Знать бы, как дела с моими кармическими отношениями! Два года подряд планировал экспедицию на поиски Эликсира Жизни, но вместо странствий по джун-

глям Суматры сижу здесь под дырявым потолком, ожидая приема у неизвестной мне травницы в Нью-Джерси! Впрочем, встреча вышла очень приятной, но совершенно бесполезной. Травница оказалась милой женщиной лет сорока, ненакрашенной, просто одетой; широкая юбка маскировала полноту, светлые и длинные до пояса волосы были собраны в конский хвост. Она встретила меня очень любезно, усадила на пол и сама уселась на коврик в позу лотоса, зажгла (специально для меня, как она сказала) палочку благовоний перед простеньким деревянным Буддой на маленьком алтаре. Стены ее небольшой студии были выбелены; повсюду были безделушки из восточных и «нью-эйджевских» лавочек. Сидеть на полу для меня было делом естественным, я уже много лет и читаю, и пишу в таком положении, но я невольно подумал, а как же другие пациенты?

Она начала с феминистского пассажа. В старину к любому человеку, обладавшему какими-то знаниями о природе, относились с подозрением и многих женщин, которые лечили травами, обвиняли в ведовстве и отправляли на костер. За этим последовал пассаж антимодернистский: религиозный фундаментализм и наука подавили все анимистические верования коренных обитателей Америки и оборвали все наши связи с окружающим миром.

– Так мы потеряли интуитивную часть себя, которая

общалась с природой и ее силами. Я хочу снова открыть ее, вернуть в нашу жизнь, – сказала она, как бы для того, чтобы объяснить мне свое призвание. – Растения – это способ восстановить контакт с Божественным.

Она мне нравилась, ее позиция была мне понятна. По большей части я разделял ее взгляды, но ясно было, что поездка моя провалилась. То, что я искал, не заключалось в правильных словах, в общении с искренним человеком, и она тоже это знала, но мы продолжали. Мы говорили о раке, об иммунной системе, о том, что бы она смогла мне посоветовать. Она выписала хлорофилл, который мне следовало принимать ежедневно (и Манджафуоко мне это говорил), два экстракта китайских трав и морские водоросли, которые следовало заказать в Нью-Хэмпшире. Еще она порекомендовала мне пить побольше морковного сока и почаще есть грибы, особенно шиитаке. Затем, чувствуя себя из-за неловкости ситуации еще более неприкаянно, чем я, она сказала, что самая важная часть лечения еще впереди и заключается в том, что она будет регулярно направлять мне «позитивную энергию», когда я буду далеко. Меня разбирал смех, но я сдержался; кончилось это тем, что я, чтобы не обидеть ее, заплатил больше положенного за визит.

На обратном пути автобус вела красивая черная девушка, и тоже с флажком на рукаве. Пассажирами бы-

ли молчаливые зомби, и я был одним из них.

Дорога от автобусной станции до моего логова не самый подходящий маршрут для того, чтобы примириться с Америкой. Идти пришлось через уродливый квартал с магазинами одежды для бедных, кафе для одиноких и многочисленными секс-шопами «только для взрослых». Чтобы развеяться, я двинулся к Пятой авеню, и городской пейзаж тут же изменился: элегантные бутики, книжные магазины, шикарные рестораны, аптеки. Но глаза мои, как говорят индийцы, видели только темные места, которые, как известно, скрыты под любым светильником.

Дожидаясь зеленого света светофора, я бросил взгляд через улицу и содрогнулся: десятки мужчин и женщин за большими окнами бежали, бежали на месте – потные, побагровевшие, лицом к улице. Конечно, я не впервые видел фитнес-центр, но в этой картине, где молодые люди, едва закончив работу в офисах, бросались сюда, чтобы избавиться от безысходности и растрясти жирок, казалось, выражался весь смысл здешней цивилизации: бежать, просто чтобы бежать, идти, чтобы никуда не прийти.

Я почувствовал себя одним из тех тибетцев, о которых мне однажды рассказал брат Далай-ламы. В 1950 году делегация монахов и правительственных чиновников, никогда не бывавших за пределами Тибета, приехала в Лондон для обсуждения, чем бы Англия мо-

гла помочь их стране. Они приехали из убогого мира, примитивного, но прекрасного. Они привыкли к большим пространствам, к живописной природе, да и сами они были живописны в своих туниках, накидках и шапочках. В Лондоне их приняли с почетом, повели на экскурсию по городу. Однажды они оказались в метро вместе со своими сопровождающими и пришли в ужас: сколько народу набилось под землю! Люди в шляпах, облаченные в черное, читали газеты, стоя на эскалаторах; теснились в переходах, все бежали, чтобы успеть на отходящий поезд; никто ни с кем не говорил, никто не улыбался! Руководитель тибетской делегации обернулся, исполненный сострадания, к английскому сопровождающему и спросил: «Чем же мы можем вам помочь?»

Я знаю: таких тибетцев больше нет. Они тоже сейчас мечтают о том, чтобы жить, как в Лондоне, и бежать, не двигаясь с места. И вот вопрос: кто же примитивнее?

В кармане у меня был рецепт, который дала мне травница, и я зашел в «Витэмин Шоп», надеясь найти там что-нибудь из того, что она мне выписала. Но первым, что я увидел рядом с огромными банками витаминных таблеток и экстрактами чеснока, лука и гинкго, был так называемый Homeopathic Kit: симпатичная коробочка с пятью рядами пузырьков, на каждой – яркий ярлычок с названием. Там был и мой препарат – тот, что прописал Манджафуоко! У меня просто руки

опустились. Мое снадобье помогло мне, потому что я добирался до него долго, шел от человека к человеку. И вел машину по унылой равнине, тонущей во мгле, я купил его в аптеке, будто из какого-то фильма Феллини, той аптеке, которая, несмотря на неурочный час, оставалась открытой для меня. А здесь в фирменной упаковке, с «инструкцией по применению», на прилавке заурядного витаминного магазина в центре Манхэттена, оно не значило ни-че-го. Точно так же, как ничего не стоили и занятия цигуном с Мастером Ху, кундалини-йога в Открытом центре, медитации в Нью-Джерси и травы милой знахарки.

Все, что я видел, казалось каким-то патологическим. Ну и общество, в котором не уважают ничего и никого, однако все верят, что свободны и обладают всеми правами, а в результате остаются раздраженными и одинокими!

На углу Пятидесятой улицы я увидел человека чуть моложе меня, плохо одетого, болезненного, скорее всего провинциала, приехавшего посмотреть Нью-Йорк. Жена фотографировала его на фоне вьетнамского ресторана. Я представил себе, как он поставит эту фотографию рядом с той старой, когда он воевал во Вьетнаме. Мне захотелось обнять его. Нас объединяла ностальгия по Сайгону, по запаху подпорченных плодов, по тому времени, когда все в нашей жизни было куда более настоящим.

Прошли недели и месяцы, настал день выписки, которого раковые больные парадоксально страшатся: последний день в качестве «больного». Многих одолевает страх, что болезнь вернется, но я боялся другого – возвращения к «прежней жизни».

– Мы сделали все. Теперь идите и не тревожьтесь. Живите нормальной жизнью и наведайтесь через три месяца, – сказала мне «Приносящая Удачу», мой лечащий врач. Она улыбалась довольной улыбкой автослесаря, возвращающего хозяину ключи отремонтированной машины.

«Нормальной жизнью?» Ну нет, только не это. Снова зажить по-прежнему? Увязнуть в рутине? Газеты, интервью, ужины с дипломатами, статьи, которые надо писать, нудные и бессмысленные разговоры, как обмен репликами в лифте, ползущем на тридцатый этаж. Разговоры, разговоры… Нет, ни за что.

Неужели же меня для этого здесь «чинили»? Тогда стоило ли это делать? Более того, я был убежден, что мой рак был порождением именно той прежней жизни, и теперь я решил жить по-другому. Другим стало и мое тело: из моего живота, не очень удачно заштопанного ассистентом хирурга, выпирала большая грыжа, волосы не спешили отрастать, движения стали медлительными. Да и сам я уже был другим: яснее, чем когда-либо, я осознавал, что смертен. Я по-другому думал, по-другому чувствовал. Мои взаимоотношения с

миром изменились.

Все это было ясно для меня, но не для других. Мое желание начать новую жизнь означало, что мне предстоит настоящая битва; и будет она вовсе не такой, как минувшие «битвы» – облучение, химиотерапия. Потому что вокруг больного возникает что-то вроде этакого доброжелательного заговора, когда все делают вид, что твоя болезнь – нечто временное, преходящее, а возвращение к прежней жизни – самое позитивное и желанное. Причем заговорщиками выступают все: врачи, родные, лучшие друзья – и все с наилучшими намерениями. Они встревожены тем, что тебя не тянет снова становиться «нормальным», все так или иначе говорят: «Держись, выше голову, вот увидишь, все будет как прежде».

Случилось так, что распрощавшись с Центром, вечером я оказался в гостях у Кофи Аннана и его жены. Один мой старый друг, писавший об Аннане книгу, рассказал ему обо мне и попросил пригласить к ужину, чтобы отпраздновать мое «возвращение к нормальной жизни».

Я не смог отказаться. Вечер был очень приятным, а хозяева радушными и сердечными. Только выйдя из их квартиры на Ист-сайд, я понял, что на самом деле в гостях побывало уже не прежнее мое «я» – не журналист. Вместо того, чтобы задавать вопросы, интересоваться мнением Генсека ООН о том, о сем, я – види-

мо, из-за долгого молчания – говорил преимущественно сам, временами повторяясь, кружась вокруг одной темы – и так весь вечер.

Я сказал, что он, Кофи Аннан, должен взять на себя миссию вернуть морали место, принадлежащее ей по праву, поставить ее выше политики и экономики. Ему выпал жребий использовать свою трибуну, к которой прикованы глаза всего мира, чтобы заставить человечество услышать голос сердца, а не разума. Миром не могли больше править алчность и личные интересы власть имущих. Нужно же, чтобы кто-нибудь заявил наконец об ответственности иного, высшего порядка, чем ответственность перед семьей, фирмой или страной, а тут его положение было уникальным. Он имел все преимущества: происхождение, образование, цвет кожи и тот факт, что Генерального секретаря избирают только на один срок и ему не нужно будет переизбираться. Сочетание получалось исключительное. Для мира это был счастливый случай. Человечество нуждалось в «великих людях», и все указывало на него.

Мы обнаружили, что оба родились в год Тигра и что скоро нам обоим исполнится шестьдесят. Мы согласились, что это подходящий момент, чтобы сбросить маску и взглянуть сверху на многие вещи. В этом возрасте человек, какой бы ни была его роль в обществе, должен делать то, что справедливо, а не то, что ему выгодно. Еще мы заговорили с ним о смерти. «Как вы

думаете, – спросил я его, – хотелось ли бы нам, чтобы когда-нибудь о нас вспоминали как о людях осторожных и осмотрительных? Вряд ли нам по душе такая перспектива». Он от души рассмеялся и доверительным тоном, словно хотел открыть мне большой секрет, добавил, что как раз на этом постоянно настаивают его советники – по их мнению, в первую очередь он должен быть именно осторожным и осмотрительным.

– А вы их разгоните, – сказал я.

Не думаю, что он счел меня сумасшедшим. У меня даже возникло впечатление, что мы с ним поняли друг друга.

Я вернулся домой пешком. Моросил дождь, но я его не чувствовал. И мне было хорошо в своей новой коже.

ИНДИЯ

Возвращение к истокам

Всякий, кто любит Индию, вряд ли толком знает – за что. Грязная, нищая, заразная, иногда вороватая и лживая, часто дурнопахнущая, коррумпированная, безжалостная и равнодушная. Но увидишь ее хоть раз – и готово: теперь ты всегда будешь тосковать о ней. Разлука с этой землей причиняет боль. Любовь, она ведь всегда такая: бессознательная, необъяснимая, бескорыстная.

Влюбленному чужды доводы рассудка; он ничего не боится и готов на все. Влюбленный хмелеет от свободы; ему чудится, что он может обнять весь мир и мир обнимает его в ответ. Индия – если, конечно, не возненавидеть ее с первого взгляда – переполняет восторгом, ты ощущаешь себя частью творения. В Индии никто никогда не чувствует себя одиноким, оторванным от остальных. В этом ее очарование.

Несколько тысячелетий тому назад ее мудрецы, риши («видящие»), интуитивно осознали, что жизнь едина, и это открытие, бережно передаваемое из поколения в поколение, – великий вклад Индии в просвеще-

ние человека и развитие его сознания. Любая жизнь – это моя жизнь, и жизнь дерева тоже часть единого целого, одна из тысяч форм жизни.

В Индии даже нет необходимости высказывать эту мысль, она – часть сознания каждого человека, она – во вдыхаемом воздухе. И здесь невольно настраиваешься на эту волну. Легко ловишь новые звуки, видишь все в ином измерении. В Индии ты ощущаешь себя иначе, не так, как в других краях. В Индии по-другому и о другом думаешь.

Возможно, так происходит потому, что в Индии время представляется не прямой линией, а окружностью: прошлое, настоящее и будущее не имеют здесь того же значения, что у нас. Здесь прогресс не является целью человеческой деятельности, поскольку все повторяется и любое движение вперед считается чистой воды иллюзией.

А может быть, и потому, что воспринимаемая сущность не считается здесь истиной в последней инстанции. Индия вселяет в каждого, даже в скептика, некое состояние отстраненности, которое делает эту страну такой непохожей на другие, а ее действительность, иногда ужасную, вполне терпимой. Ибо такова жизнь – сочетание несовместимого, она прекрасна и жестока. Потому что жизнь – это также и смерть, потому что нет наслаждения без боли, нет счастья без страдания.

Нигде больше в мире контраст между красотой и

безобразием, богатством и бедностью не выглядит столь драматично, вызывающе, почти нагло, как в Индии. Но именно это понятие о неизбежной двойственности всего сущего и побудило индийских «риши» искать в этих противоположностях потаенный смысл; и это осознание действует, как катализатор, на любого приехавшего сюда.

Достаточно раз побывать в Индии, чтобы испытать эту перемену в себе. Прежде всего, здесь ты пребываешь в мире и с самим собой, и со всей Вселенной. В Индии я умиротворен без гомеопатических капель и мой «калейдоскоп» постоянно радует меня своим приятным цветом. «Лекарство» всюду и ни в чем конкретно, просто во всем – в любом пустяке.

«Индия – это опыт, который укорачивает жизнь», – сказал мне Дитер Людвиг в тот день, когда я много лет тому назад приехал в Дели, чтобы окончательно там обосноваться. Потом добавил: «Но это и опыт, который придает жизни смысл».

Дитер – фотограф и мой старинный, дорогой друг – устроил тогда вечеринку, чтобы ввести меня, новичка, в круг уже обжившихся здесь коллег. По-своему он хотел предостеречь меня, но еще и поздравить с решением завершить карьеру журналиста там, где другие ее начинают. Из его «барсати», квартиры с террасой, увитой лианами, о которых он заботился и говорил нежно, как о любимых родственниках, открывался чу-

десный вид. Купол древней усыпальницы Моголов выделялся на фоне бирюзового неба как утешение для обездоленных, которые роились вокруг. Я знал Дитера с войны в Индокитае, и он намного раньше меня углубился в поиски смысла жизни – даже с риском ее укоротить.

Вернувшись в Дели после стерильных месяцев в Нью-Йорке, я напомнил Дитеру ту его давнюю фразу. Для меня сейчас она была справедлива, как никогда.

Теперь, чтобы мне, перенесшему химиотерапию, прооперированному и облученному, не подхватить какую-то заразу, следовало быть еще осторожнее, чем прежде, и неуклонно соблюдать старые правила поведения любого путешественника в Индии: не пить некипяченой воды; никогда не есть сырых овощей, ничего жареного или тушеного, если не знаешь, на каком масле готовили. Я стал слабым и уязвимым. Но если телу следовало быть начеку, когда речь шла о еде и питье, то моя душа расправила крылья.

Приехать в Дели после Америки было настоящей радостью, как встреча со старой любовью. Я вернулся из мира рассудочного, рационального, безупречно организованного в мир здешний, полуреальный и зыбкий, в котором единственное, в чем ты уверен, – это в том, что нельзя быть уверенным ни в чем.

В Индии действительно ни в чем нельзя быть уверенным: телефонная линия почти всегда безмолвству-

ет (поэтому их, по возможности, стараются иметь, как минимум, две); электричество надолго отключают; факс постоянно ломается из-за перепадов напряжения, вода может отсутствовать во всем доме, но хлестать струей рядом, в общественном туалете, потому что кто-то стащил кран. Но в Индии ко всему привыкаешь, все принимаешь; проникаешься логикой, согласно которой ни в чем нет особого драматизма, ничто не имеет серьезного значения. Уже все случалось в прошлые времена и будет бесконечно повторяться и повторяться. Индия остается сама собой, и это по-своему умиротворяет. Индия заставляет чувствовать себя простым смертным; заставляет тебя понять, что ты один из многих статистов в большом, абсурдном спектакле – а мы-то, люди Запада, воображаем себя в нем режиссерами, которые решают, что будет в финале.

После роскошного здания в центре Манхэттена со швейцаром в ливрее, автоматической прачечной и дежурным мастером, готовым в любой час исправить любую поломку, я оказался в старой, обшарпанной квартирке в центре Дели, где у входа устроила себе привал одна из многочисленных городских коров, обычно мирно бродящих среди уличного движения.

Здесь, как и в Нью-Йорке, тоже были собаки, но не те ухоженные аристократы с адресом и кличкой на ошейнике, которых выгуливают владельцы в Сентрал Парке. Здесь это были стаи бродячих страшилищ. Их под-

кармливал мой тщедушный сосед-добряк Бхим Девварма, племянник махараджи из Кушлехара. Он вырос в огромном дворце, семья владела слонами. Теперь по утрам он при любых обстоятельствах отправлялся вместе с поваром кормить сотни собак, слоняющихся по окрестностям. Бывало, он привозил к себе на лечение раненое или умирающее животное, сбитое кем-то на дороге. Роберто Росселлини в блестяще снятом когда-то документальном фильме об Индии показал, как в деревнях мирно сосуществуют люди и животные. Это сохранилось по-прежнему даже в центре столицы постоянным напоминанием о том, что люди, животные и растения – части единого целого, различные формы общего бытия.

Даже с разницей в часовых поясах мой внутренний будильник поднял меня на рассвете, и в первое же утро я снова попал в Лоди Гарденс, один из самых прекрасных парков Дели, всего лишь в километре от моего дома. Раньше я, обливаясь потом, совершал длинные пробежки; сейчас я мог только идти шагом, но все равно это было чудесно. Ничто здесь не изменилось, пока меня не было: ястребы все так же сидели на куполах маленькой заброшенной мечети; люди занимались йогой – кто лежал на своих ковриках, кто, собравшись в круг и подняв руки к небу, заливался смехом (говорят, неплохое целительное упражнение и вообще прекрасное начало нового дня!). Сотни воронов, голубей, попу-

гаев и белок ссорились из-за хлебных корок, которые для них оставляют прохожие на руинах надгробий. И все тот же старик, тощий, белобородый, бродил, насыпая вокруг дырочек в земле муку с сахаром из полотняного мешочка – корм для муравьев! Такое можно увидеть только в Индии.

В разных местах люди ополчаются на муравьев: огонь, ДДТ, кипяток – самые распространенные средства. А в Индии люди поступают с муравьями так, как в древности Лакшмана, один из героев «Рамаяны». Перед отправлением в путь он провел перед хижиной Зиты черту концом лука и сказал: «Никогда ее не переступай!» Сегодня индийцы очерчивают ножки кроватей и кухонных шкафов особыми мелками. Муравьи никогда не переползают за эту границу, которая называется «черта Лакшманы».

Кажется, что все в Индии взаимосвязано, обычно это обращение к мифам, легендам, среди которых индийцы чувствуют себя куда уютнее, чем в повседневности. Иногда речь идет лишь о здравом смысле. Зачем муравьев убивать? Не обязательно даже думать, что они – реинкарнация дедушки или дяди. Достаточно просто понять, что они – часть мироздания, как и мы, поэтому пусть живут. Это – тоже Индия.

Мысль, что человек выше животных и поэтому имеет право распоряжаться ими и даже умертвлять, в Индии кажется просто дикой. Природа там существует не для

того, чтобы человек вытворял с ней все, что вздумается. Ничто ему не принадлежит. И если человек пользуется чем-нибудь, он должен что-нибудь дать взамен: хотя бы поблагодарить богов, которые все это создали. Да и сам человек – не что иное, как часть природы. Его существование зависит от природы, и индиец знает, что «лягушка не пьет воды из пруда, в котором живет».

Мы на Западе тоже понемногу начинаем понимать, что в наших отношениях с природой что-то не так. Иногда у нас даже возникает впечатление, что вся наша хваленая цивилизация, основанная на разуме, науке, завела нас в порочный круг, однако мы все надеемся, что те же разум и наука помогут нам из него вырваться. И продолжаем губить леса, реки, осушать озера, истреблять все живое в океанах, разводить животных, чтобы потом их убивать, – ведь это, по заверениям экономистов делается, для нашего же блага. Поверив, что «больше благосостояния» означает «больше счастья», мы изо всех сил гонимся за этим миражом, направляем всю нашу энергию на потребление, будто жизнь – это нескончаемый пир римских патрициев, которые ели, а затем изрыгали съеденное, чтобы продолжать обжираться.

Удивительно, что человек считает себя вправе так обращаться с великой природой. Мы совершенно не чувствуем себя частью единого целого. Напротив, ка-

ждый мнит себя обособленной сущностью, каждый считает себя сообразительным, сильным и, главное, свободным. Но именно эта иллюзия свободы, независимости от всего остального мира порождает одиночество и тоску. Нам важна реальность частицы окружающего, а величие всего остального не чувствуем. Мудрецы-«риши» сказали бы, что мы утратили «связь с Мирозданием», что мы стали подобны лягушке из притчи.

В одном прудике жила лягушка. Как-то раз к ней запрыгнула еще одна и закричала, что она из океана.

– А что это такое – океан? – спрашивает ее местная лягушка.

– Океан – он большой, – отвечает гостья.

– Большой? Ну какой?

– Ну очень, очень большой.

Первая лягушка чертит лапкой круг:

– Вот такой?

– Нет. Намного больше.

Лягушка чертит круг побольше.

– Такой?

– Нет. Еще больше.

Тогда лягушка прыгает вокруг своего прудика; это весь ее мир, другого она не представляет.

– Такой?

– Нет. Намного, намного больше, – говорит гостья.

– Ты все врешь! – негодующе кричит лягушка. И

больше с океанской не общается.

Индийцы тоже чувствуют себя свободными. Не свободными от паутины вселенского существования, в которой все мы запутаны, а свободными в мыслях. Что касается меня, то, прожив не один год в Китае, где, казалось, до сих пор боятся пытки «тысячи надрезов» за дерзость иметь собственное суждение, я принял индийскую свободу мысли как настоящее облегчение. Для них почти всегда было так. За всю их историю никто никогда не был сожжен на костре за свои идеи. Никому никогда не мешали рассуждать о том, что он считает нужным. У индийцев никогда не было табу, они никогда не чувствовали ограничений для своих напряженных поисков знания. Это происходило потому, что испокон веков подлинным могуществом никогда не считали преходящую, недолговечную власть правителя или его воинов. Считалось, что истинной властью обладают мудрецы. Ни в одной другой культуре нет такого количества притч о мудрецах и отшельниках, к которым цари смиренно приходят в лес, чтобы отдать им почести и попросить совета. Цари могли быть богатыми и могущественными, но мудрецы «видели» (отсюда пошло само слово «риши») – прозревали вглубь, и этот дар почитался выше любого богатства, любой власти.

«Риши» – персонажи легендарные и в то же время реальные, некоторые известны по именам – интересовались не столько окружающим миром, сколько вопро-

сами бытия. И природу бытия они познавали, исследуя себя самих – опять-таки не столько тело, сколько сознание. Именно оно, сознание, и было их исследовательской лабораторией, объектом всех опытов. Они старались понять, как сознание функционирует, каковы его свойства, а заодно – как его контролировать. Они размышляли о различных состояниях сознания в зависимости от того, бодрствует ли «я», дремлет или грезит, задаваясь вопросом, например, какая разница между тигром из джунглей или представлением о тигре, если оба они вселяют страх и заставляют колотиться сердце.

Рамакришна, знаменитый индийский мистик, считающийся современным «риши», рассказывал историю о дровосеке. Тому приснилось, что он царь; друг разбудил его, и дровосек рассердился.

– Я сидел на троне, занимался государственными делами; рядом со мной были семеро сыновей, искусных в битвах, музыке и поэзии, – и надо же было тебе все испортить!

– Но это же был всего лишь сон, – говорит ему друг.

– Ничего ты не понимаешь, – возражает дровосек. – Быть царем во сне – такая же правда, как быть дровосеком наяву.

В Китае знают похожую историю про монаха, которому приснилось, что он мотылек. Проснувшись, он уже сам не знает, кто он – монах, которому приснилось, что

он мотылек, или мотылек, которому снится, что он монах.

Исследуя дух, «риши» задались вопросом, что таится за ним и на чем он держится, а затем двинулись дальше, на поиски объединяющего начала, того, на чем держится все, что придает смысл и значение жизни.

Другие народы ставили перед собой другие цели; стремились завоевать новые земли, обогатиться, бороздить моря, открывать острова и материки. Для индийцев, которые за последние два тысячелетия не вторглись ни в одну страну, не завоевали ни пяди чужой земли, целью всегда было познание. Причем не познание мира, а познание самих себя, ведь познать себя – значит познать все. Ибо, по их мнению, та Сокровенная Сущность, которая запрятана глубоко в сознании, и есть то, что остается неизменным в вечно меняющемся мире.

Поэтому-то их никогда не интересовала история. Они не писали ее и особенно над ней не задумывались. Для них эта череда событий – то же, что песок, переносимый ветром: нечто изменчивое и незначительное. Именно потому, что они считают мир, который мы называем реальным, очень похожим на сон, они никогда особенно не стремились его улучшить. Этот мир не вся реальность, следовательно, его познание может быть только частичным. Их же интересова-

ло познание Абсолюта, что и является высшим благом. Вот над этим они могли размышлять бесконечно.

Выходит, они поэтому стали великими философами? Не в нашем смысле – за всю длиннейшую историю индийской мысли у них так и не появилось своего Аристотеля, своего Платона, Канта или Гегеля. Философия в подлинном смысле этого слова, то есть «любовь к мудрости», никогда не преследовала в Индии цели построения неких абстрактных систем ценностей; она призвана была дать опору и направление жизни.

Я припоминаю собственный опыт. Я изучал философию три года, получал отличные оценки, но понимаю, что совершенно в ней не разбирался. Это были интеллектуальные эксперименты – как физика, естествознание. Главное – сдать экзамены. Никому из опытных наставников, представляющих философию как некую череду мировоззрений, сменяющих и отрицающих друг друга, не удалось заставить меня понять, к чему все это. А вот в Индии, похоже, это знают все. Философия здесь не гимнастика для ума, не монополия интеллектуальной элиты, она не отдана на откуп академиям, школам, даже самим «философам». Философия в Индии – часть жизни, это нить Ариадны, выводящая из лабиринта невежества. Философия – религия индийцев для достижения спасения, которым для них является познание. И речь идет не о прикладном знании, при помощи которого можно манипулировать миром,

овладевать им, изменять, подчинять своей воле (индийцы никогда не были особенно сильны в науке), а, как говорится в священных текстах, о «том знании, с достижением которого не надо познавать ничего больше», – познании самого себя.

Для нас, западных людей, все это странно или даже наивно. Для нас обладает смыслом и достойно уважения только знание практическое, которое может помочь найти работу или получить удовольствие. Мы больше не задаемся вопросом, кто мы такие, и смотрим на себя и на других исключительно с утилитарной точки зрения.

В начале тридцатых годов один искатель приключений, англичанин по имени Пол Брайтон, совершил долгое путешествие по Индии за индийской мудростью, которой, как он видел, угрожает натиск западного мышления. Он встречает на своем пути старого йога, который говорит ему: «Только когда западные мудрецы перестанут изобретать машины, движущиеся быстрее тех, что у вас уже есть, и начнут смотреть внутрь себя, ваша раса откроет для себя частицу подлинного счастья. Не считаете же вы, в самом деле, что ваши люди станут счастливее, если станут ездить еще быстрее?»

Прошло больше семидесяти лет. Многие индийцы способны задать нам тот же самый вопрос. А мы? Мы задавали его себе?.

По-видимому, нет, поскольку бежать все быстрее и

быстрее стало нашим образом жизни. Теперь наша жизнь – постоянная гонка. Мы живем, не замечая самой жизни. Спим и не придаем значения снам – ведь нам важно лишь происходящее наяву. Нам бы только время скоротать; мы откладываем на потом то, чего бы нам действительно хотелось. Именно на этом «потом», а не на «сейчас» и сосредоточено наше внимание. В городах жизнь проходит, не оставляя человеку ни минуты на раздумья. В такой жизни нет ни секунды покоя, которая бы компенсировала непрерывную гонку. Ни у кого теперь нет времени ни на что. Даже на то, чтобы удивиться, ужаснуться, растрогаться, влюбиться, побыть наедине с собой. Тысячи причин – лишь бы не остановиться, не спросить себя, делает ли нас эта гонка счастливее. А если отговорок нет – что ж, мы прекрасно научились их выдумывать.

В детстве я знавал людей, обладавших изобилием времени. Это были пастухи из Орсиньи, деревни в тосканских Апеннинах, куда я приезжал на каникулы. Они часами лежали на лугу на вершине холма, пожевывая травинку, следя издали за стадом, мечтая, сочиняя стихи, которые они иногда вырезали на камнях у источника, или пели по воскресеньям, собравшись у оплетенной бутыли с вином. В Индии время есть у всех; часто найдется в запасе и бесхитростное размышление, которым можно поделиться с прохожим. Вот, к примеру, хозяин крохотной убогой чайной на обочине деревен-

ской дороги. Заварив чаю, он нальет его тебе в глиняную пиалу, а потом, когда чай будет выпит, вдруг предложит эту пиалу разбить о землю и непременно обратит твое внимание на то, что пиала вновь стала частью той самой глины, из которой потом налепят много новых пиал. И прибавит, что с людьми происходит то же самое…

Древние греки, встречая индийцев на базарах Малой Азии, поражались этой их склонности к размышлениям и говорили: «Они же не торговцы, они философы!» Вот и в нынешней Индии, как и много веков тому назад, мудрец не обязательно должен быть брамином, управляющим храмом или книжником, наизусть знающим Веды; он может быть кем угодно.

Некоторые мудрецы – «святые», или «риши», – были людьми самого простого происхождения и самоучками. Нисаргадата Махарадж, пользовавшийся огромным уважением и умерший совсем недавно, сворачивал в деревянной будке сигарки «биди-биди» из листового табака. Рамакришна, великий риши XIX века, о котором писали Макс Мюллер и Ромен Роллан, родился в крестьянской семье. В такой же семье сельских тружеников век спустя родился и Рамана Махариши, человек, считавший молчание одним из самых действенных способов общения. При помощи этого своего молчания Рамана изменил жизнь тысяч и тысяч людей. И влияние его ощущается до сих пор.

Еще одним таким великим «простаком» был Кабир, один из любимейших в Индии поэтов; он тоже был «риши». Кабир жил в XVI веке в Бенаресе, был ткачом. Среди его учеников были богатые и влиятельные люди. Многие предлагали ему бросить работу и не торговать больше тканями, но Кабир отказывался: «Ткать – это мой способ молиться», – говорил он.

Когда Кабир умер, индусы и мусульмане пытались оспорить друг у друга право устроить похороны по своему обряду. Но он завещал так: «Просто накройте меня покрывалом, и все устроится само собой». Так и сделали. Когда же откинули покрывало, оказалось, что тело Кабира исчезло. На его месте лежал ворох цветов, и двум общинам ничего другого не осталось, как поделить их между собой.

У меня был в Дели свой персональный мудрец, и он тоже был «человеком базара». Мой друг, ювелир, был родом из Сундар-Нагара. В его старомодной лавке с изображениями предков и богов на стенах всегда царил полумрак, а в воздухе стоял чудесный аромат благовоний. Этот старик был единственным, с кем я мог поговорить о своем состоянии и о том, что творилось у меня в голове, не опасаясь вызвать у него жалость. Когда я рассказал ему о своей болезни, он отреагировал с поразительной деликатностью, а его история о мусульманине, которого столкнули с крыльца мечети, того, который катится по лестнице и на каждой о сту-

пеньке поминает Аллаха, меня глубоко потрясла.

Время от времени я навещал его. Однажды утром я пришел в тот момент, когда из магазина выплывала жена одного европейского посла. Ее поджидала машина с номерным знаком 01, с водителем в ливрее, на которой красовались цвета национального флага. Я не удержался и съязвил насчет заносчивости некоторых дипломатов, которые представляют не столько свои страны, сколько самих себя.

Ювелир ничего на это не ответил. Он просто рассказал притчу о боге Индре.

Индра по поручению других богов убил гигантского дракона, который держал в своем брюхе всю воду мира. Этим Индра вернул жизнь земле и счастье людям, но сам так возгордился своим подвигом, что голова у него пошла кругом; он попросил бога искусств построить ему большой дворец, в котором подобает жить герою. Чудесный дворец был построен, но Индра был недоволен: он хотел еще больше комнат, еще больше садов. Зодчий пошел к Брахме и пожаловался ему на Индру. Брахма поручил Вишну вмешаться. В обличье маленького мальчика тот явился к воротам дворца Индры и попросил, чтобы его принял сам царь. Индра сначала рассмеялся над дерзостью маленького попрошайки, но все же решил его выслушать и с высоты трона спросил, чего он хочет. Приблизившись, мальчишка рассмеялся, потому что из-за его спины вышло мура-

вьиное войско и заполонило тронный зал.

– Что это за муравьи? – спросил Индра с дрожью в голосе.

– Эти? – переспросил мальчик. – Все они были Индрой в прошлой жизни.

Индра понял.

Понял и я, что и говорить, ювелир был истинным дипломатом. В другой раз мы заговорили о детях. У него их тоже было двое, и я спросил, что еще мы можем дать им.

– Да отдайте им все, что есть. Оно им нужнее, чем вам. В нашем возрасте следует заботиться лишь о вечном, о том, что не умирает. Все остальное прочь! Знаете историю Нанака?

Я знал, что гуру Нанак был великим сикхским святым. Но что же это за история?

– Вся жизнь гуру Нанака протекала в странствиях… – начал ювелир.

Приходит он как-то раз в одну деревню. Видит красивый дом, украшенный разноцветными флагами. В нем живет местный богач-ростовщик, который, наполнив монетами очередной ларец, на радостях поднимает новый флаг и устраивает праздник. Гуру Нанак подходит к этому дому и просит, чтобы ему дали немного поесть. Хозяин узнает в нем святого человека и велит принести путнику еды и питья.

Закончив трапезу, гуру Нанак спрашивает ростовщи-

ка, не может ли тот оказать ему услугу.

– Конечно, могу, – отвечает ростовщик, довольный, что может добрым делом улучшить свою карму. – Я сделаю все, что ты захочешь.

Гуру Нанак вынимает из кармана ржавую булавку:

– Сохрани-ка ее для меня, а вернешь, когда мы встретимся в следующей жизни.

– Обещаю, – говорит ростовщик, – и даже ничего не возьму с тебя за услугу.

Гуру Нанак снова отправляется в путь, а ростовщик идет к жене и рассказывает, что произошло.

– Что за глупец! – говорит ему она. – И как же, по-твоему, ты это выполнишь? Ведь ты, когда умрешь, не заберешь с собой даже эту булавку!

Ростовщик понимает, догоняет святого человека, падает к его ногам и просит, чтобы он позволил ему стать его учеником и сопровождать его. Ювелир добавил:

– Смерть отнимает у нас все. Если нам удастся избавиться от лишнего груза до ее прихода, мы будем чувствовать себя свободнее.

Вот оно! Стоит ли ждать последнего мгновения, чтобы избавиться от балласта – от этих вещей и эмоций, которые нас тяготят? Не лучше ли сделать это сейчас, сознательно, пока есть силы? Вот это было бы подлинное освобождение!

– Конечно, смерть придет, – сказал ювелир, – так пусть не застанет нас врасплох. Помните присказку

«не на базаре, так в Самарканде»?

Мне захотелось услышать эту историю, особенно в его пересказе.

Однажды халиф посылает визиря на базар, послушать людские разговоры. Тот идет и в толпе видит худую высокую женщину в черном, которая пристально смотрит на него. В ужасе визирь бросается бежать. Прибежав в халифу, он умоляет его:

– Помоги, о повелитель! На базаре я видел Смерть, она пришла за мной. Позволь мне уехать, молю тебя. Дай мне лучшего скакуна, чтобы к вечеру добраться до Самарканда и спастись.

Халиф соглашается, визирь вскакивает в седло и исчезает в клубах пыли.

А халифа разбирает любопытство, и он сам отправляется на базар. В толпе он замечает эту черную женщину, подходит и спрашивает.

– Ты зачем напугала моего визиря?

– Напугала? Да я ему и слова не сказала, – отвечает Смерть. – Просто удивилась, когда увидела его здесь, потому что к ночи у меня с ним свидание в Самарканде.

Вот такие разговоры вели мы с ювелиром – индийским ювелиром.

А где еще, как не в Индии, встретишь такого зубного врача, как доктор Сиддхартха Мехта из Хан-Маркета? Чтобы вырвать мне зуб, он сделал легкий обезболива-

ющий укол, взял щипцы, предупредил, что я могу услышать хруст, сосредоточился, потянул, и зуб послушно вышел. Положив щипцы на столик, доктор поднял глаза к небу.

– Спасибо, – сказал он своему богу. Потом, обращаясь ко мне, добавил:

– Знаете, он мне всегда помогает…

Свет в ладонях

Слово «рэйки» и два обозначающих его иероглифа я когда-то увидел на стенде Нью-Йоркского Открытого центра. Афиша приглашала желающих записываться на курс «Первый уровень рэйки», занятия проводились по выходным.

Эти знаки меня заинтересовали. На китайском они означают «вселенская энергия», но там говорилось, что на курсах речь пойдет о целительных свойствах духовной энергии. И вот это меня насторожило. Потом я прочитал, что основателем этой практики, позволяющей лечить себя и других, был некий японец, живший сто пятьдесят лет назад, и я решил сходить из любопытства. Я долго жил в Японии и отлично знал, как виртуозно дети страны Восходящего Солнца умеют присваивать чужие идеи и затем выдавать их за исконно японские. На Хоккайдо я посетил «первую в мире пирамиду» – естественно, японскую, – а также «могилу Христа» и «дом Санта-Клауса». В Нью-Йорке меня как-то не тянуло узнать, что же там некий японец проделал с китайским понятием «ци», жизненная энергия.

Но здесь, в Дели? Обучение рэйки у двух индийцев? Сочетание было слишком невероятным, чтобы я удержался. Я позвонил и записался. На занятия следова-

ло явиться в удобной одежде из чистого хлопка или чистой шерсти; никакой туалетной воды или одеколона, чтобы не «препятствовать свободной циркуляции энергии».

Курс проходил в окрестностях Дели, неподалеку от Кутаб-Минар – очень высокого минарета из красного камня, построенного девятьсот лет назад афганскими завоевателями в качестве символа мусульманского господства. Место было чистое и приятное. Просторные комнаты выходили в красивый, залитый солнцем сад. На полу лежала огромная циновка, покрытая белыми простынями. Мы сидели на полу. «Наставники» – мужчина и женщина, лет по пятьдесят (кто знает, чем они занимались раньше – возможно, учительствовали) – сидели на низком деревянном помосте в позе лотоса, естественной и элегантной… если уметь в ней сидеть. Еще она полезна для здоровья. Я, например, приучил себя читать и писать в позе лотоса и полностью излечился от болей в спине.

Нас собралось тридцать, в большинстве женщины; каждый представился. Я назвался пенсионером и этим ограничился. Меня удивило, что слушатели, все индийцы, кроме меня, так напоминали посетителей занятий в Нью-Йоркском Открытом центре – интересные, но явно переживающие кризис; образованные, но неудовлетворенные. Каждый из них искал «чего-то другого», утешения, выхода… Здесь были женщины средне-

го возраста с семейными проблемами и молодые женщины – «свободные», но одинокие. Среди мужчин были радиолог, рекламный агент и фотограф.

Все это были жертвы того же самого общества потребления, которое в Америке и Европе вынуждает людей искать отдушину на курсах медитации, йоги, Таро или цигуна, которое сделало из моего нью-йоркского анестезиолога «кашмирского суфия». Они были индийцами в «новой Индии», городской и преуспевающей, той, которая уже не первый год мечтает о модернизации на западный лад, той, которая уже приобретает духовные недуги Запада.

Эта «новая Индия» – когда-то колонизованная англичанами, глубоко презиравшими все индийское, – сейчас подлаживается под господство нового империалистического гиганта – Соединенных Штатов Америки. Это Индия новой буржуазии Дели, Бомбея и Калькутты; Индия, отвернувшаяся от большинства собственного народа. Это Индия, которая перестала быть вегетарианской, которая пьет спиртное, носит джинсы, посылает детей учиться за границу и похваляется своим «западничеством». Это та Индия, которой понадобилась собственная ядерная бомба. Спору нет, это ее право, но в то же время это и отречение от традиционных поисков силы – не такой банальной, как сила оружия. Это Индия, которая отвергла Ганди.

Оба «наставника» знали, с кем говорят, и поэтому

речь, с которой они выступили, чтобы познакомить нас с рэйки, с успехом можно было произнести и в Нью-Йорке. Итак, весь мир страдает от одних и тех же проблем. Человеческие отношения все больше превращаются в фикцию, люди удаляются друг от друга, становятся все более одинокими. Земля в опасности из-за нарастающего загрязнения окружающей среды, род человеческий на пороге гибели, а если и выживет, то в ближайшие двадцать лет общество изменится до неузнаваемости. Поэтому ученые и святые должны объединиться для спасения мира.

Подавляющее большинство индийцев такая речь вряд ли увлекла бы. Подобные проблемы не касались сотен миллионов людей, живущих в деревнях или вдоль Ганга, где для многих будет новостью то, что человек ходил по Луне.

– Как вы можете продолжать поклоняться солнцу и луне, будто это боги? – спросил как-то западный путешественник у старого брамина. – Солнце всего лишь пылающий газ. Что касается луны, то там уже побывали американцы и водрузили свой флаг.

– О нет, – отвечал брамин, счастливый и безмятежный в своей молельне. – Мы поклоняемся совсем другим Солнцу и Луне, которые далеко-далеко, в ином мире. А те, что вы видите, – всего лишь ученики тех светил, которых мы почитаем.

Мои товарищи по курсам рэйки принадлежали со-

всем другой Индии – той, которая менялась на глазах.

Когда мы с Анджелой приехали в Дели весной 1994 года, город был весь оклеен плакатами с кока-колой и словами «Я вернулась!» Это окончился семнадцатилетний запрет на ее продажу в Индии. Огромные рекламные бутылки уродовали город, но только горсточка индийцев протестовала по поводу этого «великого возвращения».

Индия решила отказаться от собственного пути и уступила соблазнам рынка. Сопротивляться глобализации невозможно без традиционных убеждений. А идеи Ганди умерли уже давно – после обретения страной независимости. И волна модернизации повернула государство к Западу.

Предпринимались попытки этому сопротивляться, но в конце концов, особенно при Радживе Ганди, сыне Индиры и внуке Неру, Индия сдалась почти полностью. За кока-колой пришли мобильные телефоны, макдоналдсы, жареные цыплята, упаковки с фастфудом, Центр ядерных исследований в Эмроне, кабельное телевидение и американские программы на местных языках. Город впитывал новое с восторгом, и вскоре явилось все остальное: больше сексуальной свободы, меньше традиционных браков (по соглашению между семьями), больше разводов, больше тревог, больше неуверенности.

Вряд ли требовалась глобализация для того, чтобы

открыть стране «Камасутры» «радость секса», но Запад отделил эту «радость» от ее социальной функции – укрепления брака – и услужливо подсовывает индийцу множество оправданий для того, чтобы порвать с традицией. Индийские женские журналы заговорили о праве женщины на оргазм, на неверность, о лесбиянстве и новой моде устраивать вечеринки, где мужья под конец обмениваются женами, вынимая наудачу из вазы ключи от машин, на которых им предстоит вернуться домой.

В Индии, стране, чья философия тысячелетиями базировалась на единстве и тождестве всего сущего, теперь выпускаются журналы, в которых это представление используется для рекламы «курсов психофизического благополучия» и прочих благоглупостей.

Странные типы наезжают в Индию, чтобы знакомить местных жителей с «вековой мудростью» то народа майя, то древних египтян. Какой-то американец ведет курсы по изучению «заветов Лемурии», мифического континента, где умели якобы «распространять и развивать психические способности для связи с Божественным».

Один австралиец преподает метод Мелхиседека (Вечного Владыки Света), при помощи которого каждый может «настроить себя на пульс Вселенной и этим создать равновесие между душой и телом». Метод этот, как пишется в рекламных проспектах, приме-

нялся на земле еще во времена Атлантиды, где его передали людям дельфины и киты. Австралиец же чудесным образом его открыл и на платных, разумеется, курсах обучает «активации орбитальных голографии, меркабы, новой платины, магической тайной энергии, переориентации стихий по потребности каждого и исправлению реальности». При помощи «метода Мелхиседека» – вот она, ловушка! – женщина, страдающая раком груди, может «полностью излечиться за два дня». И больным СПИДом тоже дается надежда.

Индия, куда в былое время стремились европейцы и американцы в поисках секретов духовного исцеления, применимых для Запада, теперь импортирует с этого Запада те же самые секреты, только в новой обертке. Известно, что все чужое кажется таинственнее и привлекательнее того, что под рукой.

– Рэйки – духовное средство от многих болезней, – сказал учитель на первом занятии. – В жизни слишком много стресса, усталости, напряжения. Рэйки хочет восстановить равновесие между различными уровнями человеческого существа: физическим, ментальным, эмоциональным и духовным. Каждый из нас обладает Божественной силой, которую можно концентрировать и передавать. Рэйки – тайный способ сделать жизнь счастливой, – продолжал он. – Этому можно научиться за три дня.

Разумеется, для убедительности в «могуществе» си-

стемы рэйки полагалось иметь свою историю, своего основателя, некую нить к тайным истокам. Ведь обзавелось же Теософическое общество «учителями» с экзотическими именами, которые откуда-то с Тибета руководили его основателями. Оригинальнейшая личность Гурджиев, основавший Институт Гармоничного Развития Человека, имевший среди своих адептов таких писателей, как Кэтрин Мэнсфилд и Рене Домаль, а среди поклонников такого великого архитектора, как Фрэнк Ллойд Райт, намекал, что научился многим важным вещам во время путешествий по Средней Азии и Тибету. Ответ на все свои вопросы он нашел, по его словам, в неких тайных армянских рукописях, обнаруженных в монастыре Сармунг, между Урмией и Курдистаном.

Соответственно, и у рэйки отыскалась собственная «родословная». То, что поведала наставница нам, излагается и на сотнях модных курсов рэйки по всему миру. Существует уже «Рэйки радуги», «Рэйки Инь и Ян» и «Трансцендентальное рэйки».

Вот она, история рэйки. В 1865 году в японской семье из древнего самурайского рода рождается мальчик Микао Усуи. Закончив обучение, Усуи начинает преподавать в маленьком христианском университете. Однажды студенты просят его объяснить чудеса, сотворенные Христом, его умение исцелять больных и воскрешать мертвых. Микао Усуи не находит ответа и

отправляется на его поиски. Едет в Китай, Индию, Тибет, наконец, добирается до Соединенных Штатов, где живет несколько лет и заканчивает медицинский факультет.

Вернувшись назад, Усуи уединяется на горе Курама, к северу от Киото. Он собирается провести здесь три недели в посте и медитации. Чтобы не потерять счет дням, он кладет перед собой двадцать один камень и каждый день сбрасывает по одному с горы. В последний день Усуи вдруг видит, что камень стремительно возвращается в виде сияющего сгустка энергии и бьет его по голове. Очнувшись, Усуи понимает, что ответ найден: эта сияющая Божественная сила, вселенская энергия – источник любого исцеления, всех чудес, управлять ею надлежит наложением рук. Это и есть рэйки.

Доктор Микао Усуи успешно испытывает свой метод на нищих и бездомных в Киото; затем открывает небольшую лечебницу в Токио. Во время ужасного землетрясения 1923 года Усуи своим даром исцеляет многочисленных раненых. В 1926 году он умирает, и его ученики воздвигают в его честь стелу в храме Сайходжи в окрестностях Токио.

И все бы на этом и закончилось, если бы не госпожа Хавайо Таката, гавайская японка, которая примерно в 1970 году, изучив метод Усуи, начала преподавать рэйки в Соединенных Штатах. У нее двадцать один уче-

ник – по числу тех камней. Они распространяют рэйки по всему миру. Ученики тех учеников сами становятся учителями и обучают новых людей, которые, в свою очередь, становятся наставниками. Десятки книг по рэйки выходят на разных языках. Каждая украшена фотографией харизматичного японца средних лет, бородатого, с проседью, благосклонной улыбкой, глубоким взглядом, густыми бровями над круглыми очками. Выражение лица проникновенное и утешающее, одним словом, символ таинственной восточной мудрости.

Для начала мы должны освоить упражнения, как говорили «наставники» на курсах, учиться концентрировать наше внимание и проникать взглядом «за пределы». Одно упражнение заключалось в том, чтобы с закрытыми глазами представлять себе то, что испытал Усуи на горе Курама на двадцать первый день поста; другое – в том, чтобы смотреть на небо и пытаться увидеть «шарики энергии», плавающие в воздухе.

Меня это смешило, но мои товарищи все воспринимали всерьез. Некоторые утверждали, что видят свет, другие «видели энергию». Одна женщина – она казалась одержимой – заявила, что ее «пронизало» вспышкой света.

– Итак, вы уже составили представление о невидимом мире, – заключил «учитель».

А от незримого мира до чудес уже было рукой по-

дать, и «учитель» рассказал нам о случае с госпожой Таката. Ее вызвали к болеющей подруге, но по приходе оказалось, что та уже полчаса как мертва. Госпожа Таката не пала духом; она сделала подруге рэйки в области сердца, и женщина, которую собирались похоронить, встала и прожила еще пять лет.

Следовало научиться пользоваться этой силой, которая, как объясняли «учителя», присутствует во Вселенной и в каждом из нас. Система проста: открытые ладони со слегка согнутыми пальцами держатся на расстоянии десяти-пятнадцати сантиметров от тела пациента.

Для практики каждый должен был «подлечить» своего соседа, а затем «целитель» и «пациент» менялись ролями. Нелегко было удерживать руки в неподвижном положении, не расслабляясь, на протяжении десяти минут в ожидании «потока энергии». Для полного «очищения» тела руки должны воздействовать по очереди на все органы, так что сеанс занимал час-два.

– Никогда не делайте рэйки над головой – там, где находится Чакра Короны. И в области пупка тоже нельзя, – объяснил «учитель». – При раке никогда, никогда не следует делать рэйки в зоне Чакры Корня-у основания позвоночника.

Я навострил уши.

– Все болезни, – продолжал наставник, – следствие дисбаланса, физического или эмоционального. Один

онколог считает, что рак – следствие недостатка любви, и рекомендует для исцеления длительные объятия, как минимум, трижды в день. Состояние пациентов, которые этим воспользовались, заметно улучшилось.

Я мог бы встать, дать ему оплеуху и уйти, но вместо долгожданного «притока энергии» меня стал разбирать смех, и я изо всех сил сдерживался, чтобы всех не сконфузить. Сохранять серьезный вид стало еще труднее, когда настала моя очередь, сложив перед собой руки, подойти к учителю и настроиться на общую волну. В ходе этого ритуала учитель заставляет «внутреннюю силу», которая «прячется в каждом из нас», «зазвучать в унисон с силами Вселенной».

Я вошел в маленькую полутемную комнату, «учитель» стоял перед алтариком, над которым горел масляный светильник. Он пробормотал что-то невнятное, ударил деревянной колотушкой по бронзовой чаше, чтобы разбудить мою внутреннюю силу и настроить ее на частоту рэйки. Он, «учитель», установил эту мистическую связь, и я теперь напрямую мог воспринимать энергию Вселенной, чтобы лечить других.

Мы стояли друг напротив друга, сбежать было нельзя, и я опасался, что сейчас расхохочусь. А посмеяться было над чем! Вернувшись в аудиторию, «учитель», говоря о свойствах рэйки, сказал, что рэйки может помочь даже… компьютеру!

– Инструменты, которыми мы пользуемся, – не более чем продолжение нашего тела, – объяснил он. – И вы заметили – тут он сделал многозначительную паузу, – как наша техника порой отказывается работать, когда настроение у нас плохое и кажется, что все идет не так? Когда мы духовно не настроены на волну Вселенной, то наше тело не в порядке и все вокруг тоже не ладится.

Потом «учитель» объяснил, что рэйки может помогать растениям и животным. И добавил, будто конкретно для меня: «Растения и животные не заражены скептицизмом, и они куда более открыты духовно, чем люди».

Я взял себя в руки и в конце третьего дня получил диплом Первого Уровня. С этим дипломом мне достаточно было три недели подряд применять рэйки самому себе для очищения и затем с чистой совестью записываться на Второй Уровень, где меня бы обучили рэйки на расстоянии, то есть лечить тех, кто далеко. А еще настроили бы на более отчетливую и мощную вибрацию «вселенской силы». А там уже открывалась прямая дорога на Третий Уровень. Там бы я научился «настраивать на волну» других людей, то есть сам стал бы «наставником».

Но это не входило в мои планы.

В общем, курс этот меня раздосадовал. Мне казалось, что все это неумно и бессовестно, ведь тому, кто

этому доверится, грозит серьезная опасность. Тем не менее, рэйки процветает, и только в Дели свыше двух тысяч «учителей». То, что все это зародилось в Японии, меня заинтересовало еще потому, что именно там я как-то впутался в одну престранную историю, связанную с наложением рук.

В середине восьмидесятых я путешествовал по северу Хонсю с коллегой из Токио, родовое имя которого (а происходил он из самураев) означает Великий Друг. Мы с ним приехали в городок Такаяма глухой ночью и едва лишь устроились на ночлег, как я услышал с улицы итальянскую речь. Оказалось, что ребята забрались в эти края на «праздник новой религии», о которой я ничего не знал, а они у себя в Пистойе о ней не только услышали, но даже стали приверженцами. На следующее утро вместо того, чтобы вернуться в Токио, я составил им компанию. Мы очутились в удивительном роскошном храме с крышей, напоминающей золоченые морские волны. В глубине красного зала на помосте в пронизанном синими лучами аквариуме плавали белые и красные карпы. Когда раздвинулся занавес, на фоне красивого пейзажа появилась жрица секты в белом одеянии и приветствовала делегации, прибывшие отовсюду. Вот так я открыл для себя секту Махикари.

Ее основал в тридцатые годы один японский офицер. Дух снизошел на него во Вьетнаме после паде-

ния с коня. Зов был недвусмысленным: ему надлежало основать веру, посвященную облегчению страданий и излечению болезней. Он задел нужную струну, и число приверженцев все умножалось. После его кончины дочь стала верховной жрицей, и Махикари теперь одна из самых богатых и влиятельных сект.

Число сторонников достигло нескольких десятков тысяч, и я их без труда потом узнавал, особенно в метро, где они буквально устраивали засады, чтобы остановить кого-нибудь и предложить свои услуги по исцелению.

В этом и секрет успеха Махикари: член секты получает способность исцелять других, просто приложив руку. При этом используется энергия Вселенной, поступающая с небес, а секта ее улавливает, оделяя своих членов даром целительства. И еще одно: чтобы сохранить эту «способность», члены секты должны ежемесячно платить взносы.

Рэйки работает похожим образом, разве что только оплата взимается авансом и после того, как «настроишься на волну», связь уже не оборвется.

Мне хотелось узнать о рэйки побольше. Я попросил токийского друга найти все, что можно, об Усуи и его системе. Ответ был интересным, в Японии метод рэйки был вытеснен сторонниками Махикари, а Усуи практически никому не известен. Его имя не упоминается среди имен врачей начала прошлого века, и вообще он

не мог получить диплом в Чикаго, поскольку в то время там медицинского факультета еще не было. Мой друг предположил, что и сам «доктор Микао Усуи» мог не существовать на свете и вся его история до мелочей – ловкая мистификация для спроса на новую методику.

Как бы то ни было, успех был огромным. У рэйки появились пропагандисты во всем мире; некоторые «учителя» разбогатели на своих Интернет-сайтах, книгах и, прежде всего, благодаря монополии на «Божественное происхождение» – иными словами, на своих якобы прямых связях с основателем. Ведь лишь учившийся непосредственно у ученика, или «ученика ученика», или «ученика ученика ученика» самого Усуи может стать «учителем». Только прямая передача эстафеты знаний из рук в руки гарантирует его истинность и успешную «настройку на волну вселенской силы».

Я обнаружил, что существует и другая версия того, как рэйки (опять-таки через Усуи) пришло в мир – версия более авантюрная… и более американская.

По этой версии Усуи, с детства интересовавшийся буддийскими письменами, в 1899 году купил в Киото кипу старых рукописей. Среди них текст, который Усуи искал уже много лет, «Тантра Молнии, исцеляющей Тело и освещающей Дух» о передаче энергии с целью врачевания. Текст тибетского происхождения, датируемый VII веком до Рождества Христова, в свое время был привезен в Японию через Китай основателем буд-

дистской секты Сингон.

По этим текстам Усуи осваивает рэйки и начинает применять. После большого землетрясения в Токио, чувствуя, что здоровье его пошатнулось, Усуи складывает все документы о рэйки, включая свои записи и дневники, в ларец. А незадолго до смерти, в 1926 году, он отдает этот ларец любимому ученику. А затем разворачивается настоящий приключенческий роман в духе Рокамболя. Ученик, призванный в армию во время Второй мировой войны, отдает ларец в храм, а сам в 1942 году погибает в Маниле. Храм разбомбили, а шкатулка, спасенная монахами, странствует по Японии, пока наконец ее не покупает молодой американский офицер, интересующийся буддизмом. Офицер со временем становится генералом, увозит ларец домой, и он пылится на чердаке, пока не попадается генеральскому сыну, который, заметьте, является реинкарнацией важного тибетского ламы.

Если верить текстам из ларца, история создания рэйки восходит к самому Будде-целителю, Властелину Лазури. Короче, системе рэйки, которой сейчас можно обучиться за один уик-энд, оказывается, уже не сто пятьдесят лет, а более двух с половиной тысяч. Ну как же этим не привлечь людей!

Так что же: рэйки всего лишь мистификация, от которой следует держаться подальше? Ни в коем случае; все пригодно для того, чтобы включить механизм вы-

здоровления – будь то медитация, вера в святого, йога, молитвы и, конечно, рэйки тоже. Важно уверовать в действенность лечения. Наложение рук – многовековая практика, и, без сомнения, дружески и с теплотой прикоснуться к человеку – это утешительно, это дает умиротворение и облегчение, это «целительно». Я не знаю, насколько эта система может излечивать рак или воскрешать умерших, но она, безусловно, снимает напряжение, утешает, внушает светлые мысли. Это, я уверен, уже само, как и, допустим, смех, приносит большую пользу и укрепляет сопротивляемость.

Но дело в том, что в мировоззрениях, включая христианское, результат зависит от нравственных качеств человека, а не от самого факта наложения рук. Только человек чистый и глубоко духовный может обладать «исцеляющим прикосновением».

Система рэйки поставила с ног на голову эту истину, подменив чудодейственную способность к исцелению нехитрым «приемчиком», которому может обучиться кто угодно за пару дней и который совершенно не зависит от психических характеристик и моральных качеств врачевателя. «Дар Божий» стал доступным товаром.

Может ли метод работать при таких условиях?

Даосисты считают, что нет. «Если заблуждающийся человек пользуется верными средствами, то сами эти средства становятся непригодными». Но кто же в наше время прислушивается к древним китайцам?

В конце концов какими бы ни были способности наших «учителей», этот курс не показался мне полностью бесполезным. Полезнее провести уик-энд таким образом, чем сидеть перед телевизором или шататься по магазинам. По крайней мере, можно отрешиться от повседневности, а то и получить что-то новое.

Я, например, узнал от «наставников», что если, пережевывая порцию пищи, сделать тридцать два движения челюстями, то количество еды можно сократить на треть, а питательная ценность такой пищи будет намного выше.

Однажды я рассказал индийским друзьям о своем обучении рэйки. Признался, что разочарован: приехал в Индию, чтобы встретить сильную и уверенную в себе культуру, способную противостоять насилию глобализации, все нивелирующей и смешивающей, а теперь мне кажется, что Индия, как и остальные страны, только и делает, что гонится за западными продуктами, западными идеями и западной модой.

Хозяин дома, бородатый кинопродюсер, человек образованный, современно мыслящий, но корнями связанный с национальными традициями, не разделял моего пессимизма.

– Не волнуйся, – сказал он. – Индия, если и гонится за новизной, движется очень, очень медленно. Вот увидишь, в итоге она опоздает даже на похороны западной культуры.

По его словам, Индии предстояло переварить нынешнюю волну западного влияния точно так же, как в былые времена она уже переварила все нашествия – и британское, и мусульманское.

Тысячелетиями эта страна, как и большая часть Азии, включая Китай, руководствовалась в первую очередь духовными стремлениями, это и далее будет жить и процветать. Ничто здесь не бывает полностью забыто и похоронено; ничто здесь не сносят до основания, чтобы на этом месте построить что-то новое. Индия – Ноев ковчег, в котором спаслось даже то, что давно умерло в остальном мире. В этой стране сохранились семена самого лучшего, что когда-либо было придумано человеком. И в области медицины тоже. Индия – единственная страна, где до сих пор практикуют «унани», древнюю греческую медицину, основанную еще Гиппократом, которая пришла с Александром Македонским в IV веке до Рождества Христова.

В Индии сосуществуют самые разные медицинские системы. С западной медициной (самым поздним приобретением) уживаются аюр-веда, древняя местная медицина, гомеопатия, натуропатия, китайская и, прежде всего, тибетская медицина.

В бытность свою журналистом я завел папку под названием «Медицина», куда складывал все, что находил на эту тему в индийской прессе. С годами накопилось много разных историй. Попадались и доволь-

но странные. Раз в год в Хайдарабад тысячи людей приезжают за рыбешками, залитыми каким-то зельем. Они считаются чудо-лекарством от астмы, а глотать их полагается живьем. Рецепт является секретом семейства Гоуд с 1845 года, когда один из предков получил его в дар от какого-то «святого», якобы прямого наследника основателя аюрведы.

Более полумиллиона пациентов пользуются этим средством, якобы помогающим в начале июня при определенном сочетании звезд. Астматиков съезжается столько, что временами рыбешек не хватает и даже правительству приходится вмешиваться, чтобы запасы не иссякли. За это «чудо» семья Гоуд денег не берет, но пожертвования поощряются.

Среди моих вырезок попадались и статьи о совершенно экстравагантных методиках. Скажем, о лечении диабета и гипертонии музыкой. Есть среди древних способов и так называемое лечение влагой, состоящее в том, что пациент выпивает натощак стакан своей мочи и так борется с различными болезнями. Среди самых высокопоставленных приверженцев этого лечения есть даже один премьер-министр.

И средств от рака в моей папке предостаточно. Например, в Калькутте некие гомеопаты обещают больным спасение. Или еще: на окраине Дели живет врач, утверждающий, что он создал вакцину против рака на основе… цианистого калия. «Три капли этой вакцины,

введенные трехлетнему ребенку, – лучшая гарантия: он сможет курить, сколько захочет, и есть все, что угодно, и никогда не заболеет раком», – заявил он, собираясь запатентовать свое изобретение.

На поиски чего-нибудь такого, что смогло бы мне помочь, можно было отправиться в любом направлении, даже по множеству разных направлений. И телефоны были, и адреса. Но я решил начать с того, кто был малоизвестен, не занимался саморекламой, но о ком хорошо отзывались мои индийские друзья.

Это был молодой врач-аюрведист, живущий на другом конце Индии.

Травы с характером

Всякий раз, когда самолет в воздухе трясется, как в лихорадке, меня одолевает мысль, что летать – не самое естественное занятие для человека и лучше б я не отрывался от земли и ехал поездом. Индийские самолеты тем более располагают к таким выводам, поскольку трясутся и скрипят уж очень старательно. Сейчас нам предстояло сесть в Вишакхапатнаме на берегу Бенгальского залива, но тучи были такие плотные и низкие, что летчик не видел посадочной полосы. Вместо того, чтобы облететь бурю, он болтался в самой ее гуще, давая всем пассажирам хороший повод задуматься над своей судьбой. Над моим положением были основания иронизировать. Лететь неведомо куда за исцелением, в то место, которого и в путеводителе нет, чтобы с болезнями и всем прочим было покончено разом еще в воздухе…

Но обошлось. После бесчисленных кувырков, прыжков и пикирований самолет, наконец, приземлился. Нас снова встретила все та же ужасная и чудесная Индия: босые таксисты, гостиничные зазывалы, множество зевак, наблюдающих из-за неимения других зрелищ за ходом жизни. Я выбрал водителя, который вроде бы больше заслуживал доверия: он был постарше

остальных и, кроме того, лишь на нем были туфли – правда, стоптанные и без задников.

Вишакхапатнам – четвертый по величине индийский порт и один из городов, участвующих в гонке за «модернизацией». Старую дорогу с кучей лавочек, харчевен и фруктовых ларьков заменила современная автострада. Преодолев горы песка и строительного мусора, я смог созвониться с доктором из какой-то диковинной будки. Он был предупрежден моими друзьями и ждал меня.

Дорога шла мимо каких-то бугров наподобие дюн. Несколько лет назад, как сказал водитель, здесь росли высокие деревья. История повторяется: леса вырубаются, почва выветривается, климат меняется, периоды великой засухи чередуются с наводнениями. Равновесие утрачено, но модернизация все наступает, устилая свой путь новыми и новыми жертвами. Эта замечательная новая автострада еще без разделительной полосы и без защитных барьеров по сторонам – не что иное, как линия фронта. Каждые несколько километров мы видели опрокинувшийся грузовик с разбросанным по асфальту грузом или месиво из столкнувшихся машин. Трудно представить себе, что кто-нибудь уцелел. «И так каждый день, – заметил водитель. – Просто бойня какая-то».

Проезжая через деревни, мы всюду наблюдали одну и ту же типичную сцену: бездельники, примостив-

шись на корточках прямо у обочины, покуривают, переговариваются, глазеют на дорогу и беды, которые на ней случаются. На одном из перекрестков мы остановились и я увидел наконец людей, занятых работой: одни голыми руками швыряли комья земли на повозку, другие копошились вокруг ямы, а один старик пытался маленьким топориком разрубить толстенное дерево. Издали я знаками показал ему, чтобы он взял пилу. Он прекрасно понял: улыбнулся и показал жестом: «У меня нет». На прилавках вдоль дороги торговцы раскалывали кокосовые орехи и нарезали ломтиками манго.

Если глядеть на индийскую деревню западными глазами, есть от чего прийти в отчаяние. Поля никогда не возделываются по правилам. Такое впечатление, что земля и растения просто предоставлены сами себе. Основной вид деятельности – ожидание: люди ждут, что на земле что-нибудь да вырастет, что на деревьях поспеют плоды и будет чем торговать у дороги. В Индии часто задаешься вопросом, не вызвана ли повсеместная нищета убежденностью, что предпринимать что-либо бесполезно, поскольку ничто на свете не меняется и все уже когда-то кем-то было сделано, увидено, испробовано, поэтому не стоит и стараться. Мир есть «майя», иллюзия, поэтому главное – избежать возвращения в этот мир в новом воплощении. Лишь это важно, пытаться же сделать свою жизнь лучше – просто пустая трата сил.

Был сезон манго, куда ни глянь – горы манго на обочине дороги, кучи манго на повозках. Манго, одни манго. Ни кочана капусты, ни одного яблока, никаких овощей.

Водитель остановился; ему захотелось попить немного сока сахарного тростника. Ларек был облеплен тучами мух, но никого, казалось, не волновало, что они тоже попадают под ржавые зубья, дробящие тростниковые стебли. Паренек рассеянно вращал рукоятку давильни, потом вынимал из коробки куски желтоватого льда, бросал их в сооруженный из автомобильной шины черный мешок с соком и, крутанув пару раз палкой, разливал это прохладное пойло по стаканам.

Мы миновали городок, где все мужчины и дети, как один, были обриты под ноль. «Вероятно, их вши совсем замучили», – подумал я. Водитель дал объяснение получше. Просто местный храм посвящен богине, которая требует, чтобы молящийся приносил половинку кокосового ореха и был обрит наголо. И полезно, и действительно хорошее средство от вшей.

С удалением от города-порта привычнее становились картины Индии, которую я знал: тут недостроенные дома, там заброшенное жилище, дальше стены без крыши… Мелькали милые старые деревушки – бамбуковые хижины с крышами из пальмовых листьев, свисающих до самой земли, маленькие отверстия вместо дверей. Вдали силуэты старинных повозок, запря-

женных буйволами.

Я всегда был убежден, что если просто следовать за путеводной нитью, непременно куда-нибудь попадешь, поэтому идея отыскать «врача» там, где иностранцу вовсе делать нечего, мне нравилась. Но прибытие в Какинаду было безрадостным. Несмотря на свое странное название, это был рядовой грязный индийский городок, подобный многим. Вдобавок над ним высились две большие фабрики по производству удобрений, которые изрыгали серый вонючий дым. Незадолго до этого прошел дождь, и грунтовые дороги превратились в болото, в котором увязали повозки с манго. Рядом брели по грязи женщины, царственно величественные в цветистых сари, и бедняки в грязных «доти» или в еще более убогих синтетических рубашках и брюках западного покроя. Я в своем неизменном хлопковом одеянии – оно продается в любом «магазине Ганди» – выглядел здесь единственным индийцем.

«Доктор», невысокий худой человек лет тридцати, ждал возле дома. Меня поразили его глаза – пронзительные, горящие. Он явно был незаурядным человеком. Дом был совсем новый, «современный», из бетона, даже не побеленный. Семья вселилась сюда всего два месяца тому назад. Первым делом мне дали полистать альбом с фотографиями новоселья. По ведическому обычаю первыми в каждую комнату нового жилья должны войти взрослая корова и молодая телоч-

ка. На террасе «доктор» устроил навес из кокосовых листьев, чтобы там медитировать. Здесь, по его словам, возникали особенные, наиболее благоприятные вибрации, отражающиеся от старого странного дерева. Его ствол покрывала глянцевитая кора цвета бутылочного стекла, а листья – большие, мясистые, все в прожилках – блестели, умытые дождем.

В углу сада покачивалось на ветру еще одно дерево – очень старая кокосовая пальма с оголенными корнями; казалось, она вот-вот рухнет. «Нет, опасности нет, – заверил „доктор“, – напротив, пальма приносит большую пользу». Он взял кусок корня и со счастливой улыбкой сообщил мне, что это лучшее лекарство от «files… siles…» Я не понимал. Тогда «доктор» со всей непосредственностью ткнул мне пальцем пониже спины.

– Ах, вот оно что, от геморроя… теперь понятно!

– Yes, piles, геморрой, – повторил «доктор», отрывая еще один кусок корня. – Его надо порубить на мелкие-мелкие кусочки, растереть в ступке и прикладывать вот сюда, – объяснил «доктор», уже на себе показав, куда именно.

«Доктор» жил в бетонном доме с матерью и двумя младшими братьями. Отец умер еще молодым несколько лет тому назад. «Его внезапно стало рвать кровью; это такая реакция на химические английские препараты… особенно на аспирин, он хуже всех!» – объяс-

нил он мне. Из уст врача такое описание болезни звучало несколько странно, но я уже понял, что «доктор» и сам со странностями. Я уже прикидывал, как бы отсюда пораньше ретироваться, не нарушая приличий.

Друзья, которые мне его рекомендовали («доктор» вылечил от лейкемии одну их родственницу), договорились с ним, что я останусь в Какинаде как минимум на неделю для очищения организма, пока он будет готовить для меня впрок свое замечательное сильнодействующее лекарство.

Так что если бы я сбежал сразу, это стало бы общим разочарованием. Я ехал в Какинаду с любопытством, возможно, даже с капелькой надежды. В самом деле, вдруг случится чудо и мне здесь помогут, но, оказавшись здесь, сразу понял, что помощи скорее ждут от меня. Это я был для них и лекарством, и долгожданным чудом – ну как же, «журналист-международник, больной раком» (именно так меня отрекомендовали), приехавший из самой Италии, чтобы его вылечили в Какинаде! Соседи уже заглядывали в окна, стайка детей следовала за нами неотступно, пока «доктор» водил меня по дому.

– Это все травы, одни только травы, – сказал он, указывая мне на два увесистых тюка в комнате под названием «лаборатория», но смахивающей на пыльную кладовку. Из-под кухонной раковины «доктор» извлек большую каменную ступу с каменным же пестом;

именно в ней собирались толочь травы специально для моего лекарства. В «кабинете», другой пыльной комнате, имелась своя «библиотека»: полки с кипами старых бумаг и несколько книг.

Мать «доктора» предложила кофе, чай или воду, а сам он повел меня в гостиную, гордость семьи, и включил огромный цветной телевизор, по которому шел американский фильм о войне во Вьетнаме.

Английский «доктора» был убог. Часто мы друг друга не понимали, но выход нашелся скоро, вернее, он приехал на машине «Веспа». Его представили как дядю «доктора», хотя он был всего на пару лет старше его. Прежде этот дядя преподавал английский язык в школе; а женившись на девушке из более низкой касты, но из богатой семьи, стал страховым агентом, чтобы обеспечивать достаток в доме. Во мне он тоже увидел клиента и сразу взялся за дело, правда, мне он расписывал не страховку, а своего племянника, «доктора». Из портфеля дядя извлек письма излечившихся пациентов, заказы на лекарства из разных индийских городов. В заключение он огласил список всех болезней, которые «доктор» был в состоянии вылечить: от ожирения до астмы, от артрита до псориаза. Для борьбы с катарактой, к примеру, он выдумал примочки на базе опия и меда, которые решали проблему за три дня, без операции. Что касается диабета, то за две недели он мог свести к нулю потребность в инсулине. Еще одной

специальностью «доктора» было лечение бесплодия.

– Вот письмо от первой женщины, излечившейся еще в 1989 году! После курса лечения она родила троих детей. Все лечение ей обошлось всего в три тысячи рупий. Конечно, лечение рака или лейкемии длится гораздо дольше, поэтому и стоит дороже, – сказал дядя.

Это был первый намек на деньги.

Было заметно, что мой «доктор» чувствует себя не очень уютно; рекламный напор дяди его удручал, но остановить его он тоже не мог. Дядя был в некотором роде его боссом, его опекуном, и полагалось дать ему отыграть свою роль. Тем временем дядя поведал, что семья их из рода «ортодоксальных» браминов, в наши дни, к сожалению, оттесненных на второй план браминами модернизированными, «продвинутыми», как его тесть и теща, которые подались в бизнес и разбогатели. Что касается его самого, то он с традицией порвал окончательно. Сложные и запутанные социальные отношения, навязываемые религией, дядя находил невыносимыми и нелепыми. Сейчас главное не каста, а достигнутый успех. Дядя считал себя закоренелым атеистом и презирал все прошлое.

– Ритуалы? Церемонии? Чистейший бред!

В качестве примера он рассказал, что каждый год к Празднику Змеи крестьяне из окрестностей, как в старину, насыпают холмики, на которые затем выливают целые ведра молока. Это угощение для змей. Крестья-

нин надеется, что потом в поле змея узнает его и не станет жалить.

– Где это видано? – возмущался он. – В деревнях змею убивают при случае. А в храме ей поклоняются как божеству, опускаются перед ней на колени, поят ее молоком. Не лучше ли было отдать молоко детям? Все эти брамины – ужасные эгоисты.

Он рассказал, что, когда умер его отец, ни один из браминов их квартала не пришел на погребальную церемонию из-за суеверия, по которому за человеком, возвращающимся с поля кремации, могут последовать духи и поселиться в доме. Отец в свое время, когда еще работал в больнице, помогал многим из них, но теперь все они думали только о себе.

«Доктор» явно чувствовал себя неловко из-за того, что дядя говорит без умолку. Только когда тот ушел и мы направились в старый центр Какинады посетить его дедушку и бабушку, он решился немного рассказать о себе.

Старый дом, где «доктор» родился, вырос и жил, был частью этого рассказа. Маленький, темный, покосившийся, он простоял в пыльном переулке более двухсот лет. Казалось, его никто и никогда не ремонтировал, даже стены не белили. Крыша прохудилась, балки прогнили, и, чтобы при дожде вода не затекала в главную комнату, где жили дедушка с бабушкой, под потолком была натянута синяя ткань, что-то напо-

добие тента. Повсюду царил ужасный беспорядок. Тут груда каких-то дощечек, там велосипед без колес, рядом мотоцикл. Посреди комнаты в расшатанном кресле отдыхал дедушка. Но стоило бабушке открыть для меня комнатку-молельню со статуей Ханумана, бога-обезьяны, изображениями других богов, горкой кокосовых орехов, масляными светильниками, как я почувствовал, что это – другой мир. Мир старых, набожных, ортодоксальных браминов, блюстителей вечных и неизменных ритуалов.

«Свежая вода», – сказал мне «доктор», указывая на старый колодец во дворе, из которого семья брала воду из поколения в поколение. Глаза его загорелись. «Чистая вода, сладкая-сладкая», – повторил он, зачерпнув пригоршню. В углу двора тоже росла кокосовая пальма, раза в три выше дома, с оголенными целебными корнями. Да и корни моего «доктора» тоже были здесь, в этом доме.

Он был первым из троих детей, и родные опасались, что мальчик вырастет не вполне нормальным, потому что отец женился на племяннице, дочери брата. С раннего детства наш «доктор» постоянно болел и долгое время проводил в постели. Аллергия, изнуряющая астма и постоянные бронхиты не давали ему играть с другими детьми. У него не было друзей. Больше времени, чем в школе, он проводил в больнице, где его накачивали западными лекарствами. «И еще гормонами

и стероидами в огромных количествах», – добавил он.

Никому, даже брату дедушки – известному аюрведическому лекарю – не удавалось его вылечить. Так он и рос, мечтая однажды найти лекарство для самого себя. Он читал запоем, проглатывая без разбору все попадавшиеся книги. Прочитанное так врезалось в его память, что он помнил об этом годами. Ему помогли разобраться в священных текстах. С детства он собирал сведения об аюрведе, астрологии или лекарственных травах, то есть, в его понимании, обо всех аспектах медицины. Кипы старых бумаг, которые я заметил на книжных полках в новом доме, – это и была его коллекция.

Уже в пятилетнем возрасте он умел распознавать несколько видов трав, «общаться» с ними, как он говорил. Тогда же он приготовил под руководством дедушки-аюрведиста первые лечебные отвары. Травы были его игрушками, его друзьями. Они были для него, как люди, – у каждой свой нрав, свои повадки. В шестнадцать лет ему удалось подобрать восемь трав, в которых он сам нуждался. Скомбинировав их в правильно приготовленной микстуре, он избавился разом от всех болезней.

Западный врач, конечно, сказал бы, что мальчик в период полового созревания просто «перерос» свои болезни. Но «доктор» с такой страстью говорил о травах и различных их сочетаниях, что у меня не осталось

сомнений в том, что рациональнейшее объяснение тут пасует. Возможно, он расстался с былыми проблемами, внушив себе, что держит в руках свою жизнь благодаря тому, что разыскал собственный путь. Так недавний больной превратился в лекаря.

После своего излечения юноша посетил разных целителей, живущих в тех краях, и у каждого чему-нибудь учился. Из каждой поездки он привозил травы. Вскоре у него появились первые пациенты и первые успехи. Однажды к нему обратился за помощью даже министр штата. Юношу доставили к нему в «пятизвездочный отель», после визита министр пошел на поправку; именно с тех пор имя «доктора» стало известным за пределами Какинады. Вот так молва, подогреваемая надеждой, дошла до самой столицы и, в конечном счете, привела меня сюда.

Тут нас настиг дядя. Вместе они проводили меня в гостиницу «люкс». Еще по дороге сюда я видел ее рекламу, там говорилось, что это «самое элегантное» заведение в городе. Страшно даже представить себе, как же выглядят остальные, менее «элегантные»! Мне, одетому на индийский манер, пришлось изрядно постараться, чтобы вообще поселиться здесь. Меня чуть не выставили, приняв за неимущего хиппи или странника, который забрел явно «не туда». Простыни были серые и мятые, так что я предпочел укрыться саронгом, который всегда вожу с собой.

Лежа на кровати и глядя в потолок из пластиковых панелей, по общему мнению, канцерогенных, я не мог удержаться от смеха. Я вообразил себе, какие лица были бы у моих нью-йоркских «ремонтников», если бы они по какому-то волшебству увидели меня здесь, в этом «люксе», в ожидании излечения их здешним «коллегой».

Меня разбудил невыносимый запах жареного лука. На кухне гостиницы стряпали завтрак «люкс». Я не смог оценить их кулинарные потуги, потому что в восемь часов я должен был явиться к «доктору» натощак для клинического и астрологического обследования. Затем предполагалось принять окончательное решение насчет способов моего лечения.

В холле гостиничные работники терли пол грязными мокрыми тряпками. Куча мусора у входа в гостиницу за ночь заметно выросла, и собаки, свиньи, козы, коровы и вороны – эти великие мусорщики и санитары Индии – уже принялись за дело.

Я решил идти пешком. Дорога была недлинная, но отвлекала от возможности психологически настроиться и проникнуться доверием к «доктору» – а ведь оно было необходимым условием эффективности лечения. Серая жижа в сточных канавах бурлила и дышала, будто жила какой-то своей зловещей жизнью. Рядом остановилась корова, безмятежно напилась этой жижи и снова пустилась в путь, опустив морду к земле,

как в Индии всегда делают все животные, – видимо, для того, чтобы не пропустить ничего съедобного. Я тут же подумал о молоке, которое она даст и которое кто-нибудь выпьет. Еще о том, что средняя продолжительность жизни в Индии – примерно пятьдесят два года. Даже знаменитый врач-аюрведист, брат дедушки моего целителя, и тот умер от инфаркта в пятьдесят восемь лет. Правда, рассказывают, что свою смерть он предсказал заранее.

«Доктор» уже ждал меня, он светился от радости, глаза его, казалось, сияли ярче прежнего. Он усадил меня на табуретку, стал передо мной, заставил поднять руки и, обхватив руками мои запястья, принялся с закрытыми глазами слушать пульс. Он сказал, что слева у меня что-то не в порядке. Затем велел раздеться и лечь на циновку. Слева у меня была грыжа после операции, но он не обратил на нее внимания. Зато его заинтересовал длинный шрам через весь живот и до спины. Я объяснил ему, что у меня три разновидности рака и это шрам от операции по удалению опухоли в почке.

– Оперировали в Индии?

– Нет, в Америке, – ответил я. Он был удивлен.

– В Индии, когда нужно добраться до почки, разрез делают сзади, а не спереди, – сказал он.

Он с большим вниманием осмотрел мои ноги, колени и область печени. Взглянув на мой язык, он проси-

ял. «Вот она, инфекция!» – вскричал он, будто сделал великое открытие. Затем он задал мне два любопытных вопроса.

– Страдали ли вы когда-нибудь геморроем?

– Да, с двадцатилетнего возраста.

– Болела ли у вас когда-нибудь спина?

– Да, часто, особенно в последнее время, перед тем, как я заболел. Он был так счастлив, будто отыскал ключ к разгадке тайны. Итак, причиной всех моих несчастий был, по его мнению, геморрой.

– Вы, западные люди, не придаете ему особого значения, но это скверная болезнь, признак, к которому нужно отнестись со всей серьезностью, – сказал он.

Манджафуоко в свое время тоже заинтересовался моим геморроем. По мнению здешнего «доктора», эта болезнь вызвала инфекцию «в середине тела», в области желудка. Оттуда «инфекция» перекинулась на почки. Внутри почки, по его словам, есть пружина. Она такая длинная, что ею можно было бы обернуть земной шар. Вот эта самая пружина у меня и испортилась. Но мне не следует беспокоиться: он может привести ее в порядок при помощи надлежащего лекарства. Но первым делом я должен посвятить целую неделю очищению желудка.

– Сейчас он у вас полон червей, и в этих условиях лекарство не окажет на вас никакого воздействия, – объявил он мне.

– Каких еще червей? В желудке? Что вы, нет там у меня никаких червей!

– А вы откуда знаете? – с вызовом спросил он.

– Ну… врачи в Нью-Йорке не раз туда заглядывали…

Он улыбнулся с таким видом, будто поймал меня на вранье, и перешел ко второй части, астрологической. При помощи лупы он долго рассматривал линии – но не на ладони, а только на больших пальцах. Потом тщательно осмотрел кожу у меня на теле на предмет наличия знаков, родинок, родимых пятен – черных или красных. Потом спросил дату и час моего рождения, долго что-то высчитывал и наконец получил число 2526. Это было столь важное для меня число, что его следовало запомнить и никогда никому не открывать.

По его словам, многочисленные созвездия благоприятствовали мне, кроме разве что влияние Марса, этой планете следует уделить большое внимание. Однако он знает травы, чье излучение способно нейтрализовать излучение Марса. Эти травы тоже войдут в состав снадобья, которое он для меня приготовит. Болезнь моя кроется, прежде всего, у меня в крови, но это ничего, с ней можно справиться.

И сколько времени для этого понадобится?

Ну, если бы я принимал травы в сочетании с металлами, он, кстати, рекомендует золото, то шести месяцев лечения было бы достаточно. Без металлов мне

придется лечиться по крайней мере год.

Золото?

– Нет, не следует беспокоиться, – объяснил он. Перед тем, как дать золото мне, он обратит его в пепел прокаливанием. Хотя вообще-то речь идет всего о миллиграммах, но эта малость придаст его лекарству особую силу.

Тут дядя, который на протяжении всего визита выполнял обязанности переводчика, вытащил бумагу и ручку, чтобы сделать подсчеты. Единицей измерения для всех веществ являлся один мандал, то есть количество лекарства, необходимое для сорока одного дня приема. На шесть месяцев мне хватит четырех с половиной мандалов. Вместе с золотом все лечение, не считая очищения желудка, которое предстояло начать во второй половине дня, должно было обойтись мне в 12 000 рупий, или приблизительно в 250 евро. Для Какинады сумма немалая, но, вообще-то, в пределах разумного.

«Доктор» сказал, что на протяжении всего курса лечения мне надо будет очень внимательно следить за тем, что я ем. Кроме лука и чеснока, способных «снимать воспаление», я должен избегать всего того, что растет под землей: моркови, картофеля, свеклы. Баклажаны, огурцы и тыкву мне тоже есть не стоит. А вот различные злаки, рис, особенно выдержанный более полугода, любые салаты, капуста, фасоль, турец-

кий горох и всевозможные фрукты мне полезны.

Он самым настоятельным образом советовал мне принимать золото. В случае, если я последую его совету, он гарантировал мне отменное здоровье на протяжении всего срока естественной жизни. А вот без золота гарантии хватало «только на двадцать лет».

– Двадцать? Ну, по-моему, и этого уже слишком много, – сказал я, и он тут же захотел проверить мои руки. Он заставил меня сложить их, ладонь к ладони, и принялся внимательно рассматривать, насколько подушечки мизинцев и больших пальцев сочетаются между собой. Потом что-то сказал, и дядя перевел это как «излучение», но я так и не понял, что он имел в виду – излучение Марса, которое на меня плохо влияло, или облучение, полученное в Нью-Йорке, о котором он, впрочем, не знал, но мог обнаружить какие-то его последствия. Наверняка же на моем теле остался какой-то след, может, похуже «марсианского».

Мы договорились, что я начну с одного мандала и после обеда вернусь, чтобы посмотреть, как готовят лекарства, и принять первую порцию травяного настоя для очистки желудка. Я решил подыграть ему хотя бы из любопытства, раз уж не удалось найти лекарство, которое искал. Мне хотелось воспользоваться случаем и заглянуть в мир, который при других обстоятельствах я бы никогда не увидел. Я больше не считал, что теряю время, и все вокруг теперь казалось мне куда

красивее и интереснее.

В гостиницу я вернулся, основательно проголодавшись, но ресторан с задернутыми занавесками, закрытыми окнами и липкими столами с объедками сразу отбил у меня аппетит. Следуя старому правилу каждого путешественника, который во избежание неприятностей старается питаться только крутыми яйцами и бананами (предварительно обломав оба кончика), я спросил, нельзя ли мне съесть что-нибудь в этом роде. Яйца? На меня посмотрели так, будто я попросил изжарить официанта. Это же вегетарианский ресторан, напомнили мне. А яйца – это «жизнь». Правда, если я так уж настаиваю, то могу съесть эти яйца… но только у себя в номере.

Во второй половине дня в доме «доктора» царило оживление. Один пациент, лечившийся от диабета, которому поручили собрать кое-какие травы для моего снадобья, вернулся с мешком и тут же вывалил содержимое на пыльный пол. А перед этим приехала с матерью толстая девица четырнадцати лет. Ее лечат от ожирения и тяжелой формы псориаза.

– Теперь, – сказала мать, – еще и вши одолели!

Как и другим приезжим, им предстояло заночевать у «доктора», и, чтобы отработать ночлег, они принялись толочь коренья и травы в каменной ступе.

Работали они, усевшись на землю, на неметеном дворе. Если травы и коренья вылетали из ступы и па-

дали на землю, их подбирали и снова кидали внутрь, вместе с пылью. Я увидел, как мать, запустив руку в жидкие волосы дочери, вырвала волосок с вошью, раздавила ее ногтем, размазала по земле, а потом снова принялась за работу, погрузив руки в мое лекарство. Ближе к вечеру зеленоватое тесто уже было поделено на маленькие порции, которые скатали в шарики, чтобы высушить на солнце.

Только два человека не принимали участие в бурной деятельности, кипевшей в «лаборатории», – это были младшие братья «доктора». Сначала они смотрели по телевизору шумный фильм, потом взялись за электронную игру. Один из них только что вернулся из Хайдарабада, где участвовал в конкурсе на замещение вакантной должности в банке. Если его не возьмут сейчас, он будет пробовать снова и снова, но добьется своего. Он хочет любой ценой стать «белым воротничком», то есть клерком, так он заявил.

Когда я уже собирался вернуться в гостиницу, явился сияющий «доктор» со стаканом, полным какой-то зеленой бурды, которую он лично приготовил и хотел, чтобы я выпил ее здесь, прямо при всех. Это было лекарство от глистов. К счастью, у меня была бутылка воды. Я ее вылил, налил бурду в бутылку и пообещал выпить перед сном.

Дядя все понял.

– Никогда не стоит смотреть, как готовят лекар-

ства, – с упреком сказал он.

Я спросил «доктора» о составе моего настоя от рака. Оказалось, что в него входят двадцать девять растительных компонентов. С помощью двух словарей «доктор» принялся их перечислять, но остановился, явно встревоженный. А для чего мне формула? Не собираюсь ли я передать ее «ученым людям», как он их называл? Я поклялся, что у меня и в мыслях ничего подобного не было, но окончательно его успокоить мне так и не удалось. Вместо того, чтобы продолжить рассказ о составных частях лекарства, он поменял тему и зачем-то сообщил мне, что для приготовления «мандала» на сорок один день приема требуется двенадцать килограммов травы и кореньев – и все для того, чтобы в итоге получить каких-то пятьдесят граммов пилюль.

Провожая меня, «доктор» попросил меня правильно понять его уклончивость. Он вовсе не собирается держать в секрете свою противораковую формулу, более того, у него даже есть план, и он рассчитывает на мою помощь. Он хочет предоставить эту формулу в распоряжение Всемирной организации здравоохранения, чтобы ею могли пользоваться все. Я только должен написать генеральному директору, рассказать ему о своем посещении и попытаться получить средства, на которые он, «доктор», смог бы продолжить свои исследования. Причем это только его план, поэтому не стоит говорить о нем при дяде.

В гостинице, разглядывая бутылку с ядовито-зеленой жидкостью, я подумал, что, наверное, смог бы сделать над собой усилие и выпить это. Ну, по крайней мере, попробовать хоть разочек! Мне казалось, что если я этого не сделаю, я предам убеждения «доктора», его искренний энтузиазм. А если выпью?… Тогда мне придется пойти против собственного инстинкта. В общем, жидкость эта с бульканьем исчезла в раковине. Даже если это действительно было сильнодействующее средство, мне оно вряд ли бы помогло, потому что я в него не верил. Конечно, на следующее утро я соврал «доктору», что принял лекарство.

Я остался в Какинаде еще на несколько дней – пилюли должны были высохнуть. Я воспользовался этим временем, чтобы посетить несколько старинных храмов, посмотреть, что осталось от порта, где два века тому назад обосновались французские колониалисты, пытаясь составить конкуренцию англичанам, и для того, чтобы еще разок-другой поговорить – теперь уже с глазу на глаз – с моим «доктором».

Это был необычный человек, и его искренность обезоруживала. Он рассказал мне, что недавно стал соблюдать «брахмачарья» и дал обет безбрачия. Он чувствовал, что должен без остатка посвятить свою жизнь медицине. «Доктор» был убежден, что в древних священных книгах заключено толкование всех явлений во Вселенной, надо только уметь прочитать их сердцем.

Его видение мира представляло собой причудливую смесь науки, астрологии, религии и философии. Такие вещи шокируют западное сознание, привыкшее отделять не только науку от всего прочего, но и одну науку от другой. А вот для индийца это совершенно нормальный подход. С его точки зрения все взаимозависимо, все – часть единого и неделимого целого, человек состоит не только из тела, но еще из сознания и души, поэтому нельзя лечить только одну его составляющую, тем более самую грубую – тело.

В индийском мировоззрении физика и метафизика не противопоставляются друг другу – они единое целое. Астрология, как наиболее древняя из всех наук, остается частью медицинской науки. Религия и философия, диктуя правила повседневной жизни, также не могут оставаться в стороне от диагностики и лечения болезни.

Мой «доктор» не отходил от этой традиции. Он говорил о различных «нравах» трав, об излучении планет, о «пружине» в почке, о целебном воздействии звуков и о боге со свиной головой, к которому следует обращаться за помощью для очищения своего тела («Потому что свинья поедает все нечистое, что выходит из человека», – сказал он). Потом добавил: «Чистота, и внешняя, и внутренняя, очень важна для здоровья. Но еще важнее, чтобы душа была чистой, а сознание спокойным».

Для нас, современных людей Запада, все это странно и с трудом приемлемо, но индийцы полагают, что здоровье тела не самоцель, а средство обрести душевное здоровье. С точки зрения индийцев, жизнь дается не для того, чтобы просто ее прожить, а для того, чтобы ее понять. Иными словами, живем мы не для того, чтобы жить, а для того, чтобы открыть для себя смысл жизни. Но не только здоровье тела благоприятствует этому, болезнь тоже может помочь духовному росту. Мы, западные люди, не можем с этой позиции предаваться научным рассуждениям, но такова точка зрения аюрведы.

«Ayuh» на санскрите означает время между рождением и смертью, «veda» означает «познание». Таким образом, «аюрведа» – это «наука жизни», то, что нужно знать о питании, дыхании, обмене веществ, а также о лекарствах, необходимых для того, чтобы сохранять физическое тело здоровым. Вернее – в состоянии гармонии со Вселенной, чтобы наши другие «тела» – ментальное и духовное – могли лучше развивать свои возможности. В чем же конечная цель? Нет, не в том, что мы называем здоровьем, а в освобождении от цикла жизни и смерти.

Что касается понятий «здоровье» и «здороваться», то мой «доктор» сказал, что индийский обычай складывать руки перед грудью означает также пожелание другому физического благополучия, потому что при этом

жесте соединяются точки передачи энергии. А здороваясь с особо образованным или почтенным человеком, касаются его ног, чтобы зарядиться энергией. Он же, делясь своей энергией, проявляет щедрость.

– Ступни – основа тела, – сказал «доктор», – поэтому в них вся сила. Чем значительнее личность, чьих ног коснешься, тем больше энергии получишь.

Я слушал, как он воодушевленно описывает связь между священными звуками и здоровьем человека, между растениями и планетами. Эти параллели, с нашей точки зрения нелепые и неразумные, меня завораживали. Я чувствовал, что на свой манер у «доктора» из Какинады было более широкое и сложное представление о человеке, чем у моих знающих и умелых «ремонтников» из Нью-Йорка. «Доктор» видел в человеческом существовании некую магию, для него было очевидно, что тело – нечто большее, чем машина, и болезнь – вовсе не механическая поломка. Его подход к моему раку учитывал даже влияние планет!

Мне нравилось, как он описывает травы, другие растения, животных, будто у них есть душа и характер. Но, главное, в глубине души мне нравился он сам: чистый человек, оказавшийся между наковальней традиции и молотом современности, между стремлением понять тайну жизни и принципом нашего времени – обращать все в бизнес. Без друзей, без поддержки, разрываясь между старичками-браминами, «набожны-

ми и ортодоксальными», и «продвинутым» дядей-атеистом, тоже брамином, он чувствовал себя одиноким и непонятым и увидел во мне, который слушал его и делал заметки, связь с внешним миром.

Когда мне пришло время уезжать, он торжественно вручил лекарства. На какую-то долю секунды я даже сам поверил, что буду их принимать. Возможно, из сочувствия, просто потому что он мне был симпатичен. Но эти пластмассовые баночки, явно где-то подобранные, наполненные бурыми шариками, впоследствии куда-то затерялись.

Я до сих пор вспоминаю своего «доктора» с пылающими глазами. Как ему живется там, в этой захолустном городке в тени двух фабрик по производству удобрений? А вспомнив, ощущаю укоры совести. Я ведь так ничего и не сделал, чтобы помочь ему. Даже письма во Всемирную организацию здравоохранения и то не написал!

Пришедший тем же путем

Путешествия… Главная радость в моей жизни. Мальчишеская мечта превратилась в ремесло, в образ жизни. Вечно одно и то же, хотя и всякий раз по-новому: собираешь чемоданы, уезжаешь, потом пишешь о том, что видел. Но в чем же смысл всех этих скитаний? Честно говоря, я никогда над этим не задумывался.

Сейчас, когда я сидел на террасе отеля в Бенаресе и глядел на вечное течение священного Ганга (и на другой, столь же непостижимый, древний и вечно обновляющийся человеческий поток), этот смысл был для меня ясен. Причина, заставлявшая меня постоянно перемещаться в пространстве, постоянно скитаться в поисках чего-то, была проста: у меня не было ничего внутри. Я был пуст, пуст как губка, готовая впитать все, что угодно. Если бы я не путешествовал столько, мне нечего было бы сказать, нечего поведать людям, не о чем было бы размышлять.

Путешествия возбуждали меня, тонизировали, давали пищу для раздумий, заставляли жить. Приезд в новую страну, в дальние края всегда оборачивался влюбленностью; чувства переполняли меня. Я помню все, будто это было вчера: вот я впервые пересекаю границу – мне было тогда пятнадцать, и я отправился в

Швейцарию подзаработать в кафе мойщиком посуды. Вот несколько лет спустя я в одиночку еду на машине через всю Южную Африку; а вот мой первый день в Сайгоне, вид на Ангкор-Ват, приезд в Самарканд, в Кашгар, путешествие верхом по Ло-Мантангу, столице королевства Мустанг. И каждый раз ощущение открытия.

А теперь? В чем-чем, а в этом смысле химио– и радиотерапия не изменили меня. Более того, они подталкивали взяться за старое. Раньше я ездил по свету в поисках приключений и идей; теперь я искал целителя, траву, магическую формулу, чудо, средство от моей болезни. Но делал я это прежним способом – во внешнем мире, шатаясь по белу свету. «Это свойственно человеку, – говорил я себе. – Человек всегда ждал, что где-то далеко – в другом месте или в другом времени – есть ключ ко всем тайнам. Дело только в том, чтобы отыскать его, возможно, он скрыт в пещере или в саркофаге фараона, захоронен под песками пустыни или среди руин Атлантиды в бездонной глубине океана».

И время от времени кто-то, рискуя всем, пускается на поиски. И в каждой культуре есть миф о страннике божественного происхождения, пропавшем без вести и возвращающемся домой после долгих скитаний. Как Гильгамеш, шумерский бог, который непрерывно путешествует, чтобы не умереть; или Улисс, вознамерившийся зайти за Геркулесовы столпы – последний ру-

беж известного тогда мира.

Путешествие всегда рассматривалось как средство для духовного роста, считалось, будто перемещение тела облагораживает душу. В Индии говорят, что «садху», блаженные нищие, должны быть подобны воде в постоянном движении, чтобы не «застояться».

Наверное, и я бы в свое время «застоялся», если бы не двигался.

Но теперь? Еще в Какинаде я задавал себе вопрос, не может ли случиться так, что, продолжая путешествовать, я с каждым разом буду открывать все меньше. Время от времени у меня даже возникало впечатление, что прежняя радость странствий потеряла свою былую звонкость; теперь она звучала глухо, как разбитая, но склеенная китайская ваза. Да и куда мне ехать? Вернуться ли назад, в мою прежнюю жизнь, как советует «регрессивная терапия» доктора Брайана Вейсса? По его мнению, такая болезнь, как у меня, уходит своими корнями в травму, полученную несколько веков тому назад. А не предпринять ли «астральное путешествие», вроде тех, что мы совершали с Никой по Флоренции? Вот о чем я прочитал в одной из книг «нью-эйдж». Через бразильских целителей можно попасть в находящуюся вне пространства «Астральную больницу» и там совместными усилиями великих врачевателей всех направлений и всех времен получить «персонализированное лечение на основе красок, за-

пахов, звуков и лазерных лучей».

Может быть, я просто устал, но мысль о том, что пора бы остановиться, больше уже не отпугивала. Я отдыхал в отеле «Гангз Вью» после очередного, неизвестно какого по счету путешествия и доверился заботливому хозяину, который, начав свой день в маленькой молельне в честь бога Ханумана, Властелина Обезьян, остальное время уделял постояльцам, развлекая их ученой беседой, угощая нехитрой, но здоровой вегетарианской пищей, а также советами и вечерней игрой на ситаре.

Мне это было нужно. На этот раз я приехал из штата Бихар, одного из самых красивых, но при этом грязного и ужасающего. Земля, на которой когда-то процветали богатые республики и великие империи, управляемые мудрецами, сейчас превратилась в одно из беднейших мест в стране, где царит бандитизм и насилие. Но Бихар был колыбелью буддизма, потому я туда и поехал.

Я посетил Раджгир, где на холме Стервятников сохранились пещеры; там Будда и Ананда уединялись для медитаций. Я побывал на развалинах Наланды – прославленного буддистского университета, святилища духовной жизни целой эпохи; отсюда в период между IV и XIII веками от Рождества Христова вышли самые великие философские умы Азии. Позже мусульмане стерли Наланду с лица земли, истребили десять тысяч преподавателей и студентов и вынудили буд-

дизм искать убежища за Гималаями – в Тибете и Китае, а потом и в Японии.

Затем я побывал в Бодхгайе, где под дожившим до наших дней деревом Будда достиг просветления. Оттуда я направился в Бенарес. Водитель дожидался рассвета – боялся разбойников, которые, по его словам, в темноте останавливают и грабят машины.

Я хотел своими глазами повидать святыни буддизма, чтобы почувствовать их «spiritus loci». Чтобы увидеть своими глазами тот клочок равнины меж семи холмов, где 2 500 лет тому назад родилась легенда, изменившая ход истории человечества, подобно сказаниям о Моисее, Иисусе и Магомете.

Шаг за шагом я хотел пройти путем Будды, потому что его история – тоже история странствия. Этот путь начался от самого материального в личности, его тела, и пришел к абсолютной духовности нирваны. И этот миф – видимо, благодаря созвучию с какими-то нашими безотчетными чувствами – и по сей день не теряет своей силы.

Сиддхартха Гаутама был принцем. Он был молод, богат и счастлив. У него была прекрасная жена, которая подарила ему сына. Отец принца происходил из рода Шакьев и был владыкой маленького царства. Гаутаме предстояло унаследовать его трон, и он жил, не ведая забот и огорчений. Но однажды, впервые покинув дворец, принц встречает сперва больного, затем

старика и, наконец, покойника и понимает, что человеческое тело – и его собственное тоже – источник не только радости, но и боли.

С тех пор эта мысль не оставляла его. Она побудила его покинуть жену, сына и царство, полностью изменить свою жизнь и пуститься на поиски пути к избавлению от страданий – не только для себя самого, но и для всего человечества. Вначале он полагал, что виной всему тело, и попытался отрешиться от него, не прислушиваясь к его потребностям в еде, воде, одежде. Шесть лет кряду он жил в лесу как отшельник, съедая лишь по зернышку риса или кунжута в день. Но, превратившись в живой скелет (таким изможденным изображали Гаутаму создатели самых прекрасных, хватающих за душу статуй из Гандхары), едва держась на ногах и чувствуя, что сознание его вот-вот покинет, он понимает, что не заботиться о теле означает не заботиться о духе и что немощь мешает ему медитировать. Тогда он решает вернуть себе здоровье. Кормясь подаянием, в молчании продолжил он свои поиски. Однажды, присев под деревом – тем самым, которое стало «деревом просветления», – он твердо решил не вставать, пока не найдет ответа. Искушений у него было множество, ибо дьявол был силен и коварен, но ему удалось устоять перед всеми, включая самое последнее – когда ему явились три прекраснейших танцовщицы, которые пытались соблазнить его.

На рассвете он победил. «Теперь я знаю все, что следует знать, у меня есть все, что следует иметь. Мне ничего больше не нужно», – сказал он. Коснувшись пальцами земли, он призвал ее в свидетели своего «Просветления».

Семь недель подряд принц, ставший теперь Буддой, «Просветленным», или «Пробудившимся», сидел под деревом, которому стольким был обязан, потом отправился на окраину Бенареса и там впервые, в присутствии пятерых учеников, привел в действие колесо Закона. Он начал наставлять людей, объяснять им, что между слепой гонкой за телесными наслаждениями и аскетическим отказом от собственного тела и всего остального есть некий Срединный Путь, который ведет к отрешенности от страстей, к внутреннему покою, а следовательно, и к избавлению от страданий. Это путь дхармы – путь правильного взгляда, правильной речи, правильного действия, правильного старания, правильной жизни, правильного стремления, правильного внимания и правильной концентрации.

Каким именно стало для Будды Просветление, осталось тайной. Он никогда не говорил об этом с определенностью. Слова не всегда способствуют пониманию. Каждый должен пройти через этот опыт самостоятельно. Он указал Путь, а другим предстояло его пройти.

Во всех историях из жизни Будды он предстает как человек здравомыслящий, противник догм и слепой

веры. Когда один неустанно вопрошающий ученик выпытывал у наставника, есть ли душа до рождения, Будда рассказал притчу о воине, пронзенном стрелами. Друзья спешат поскорей отнести его к лекарю, чтобы тот вытащил стрелы и спас раненого, но воин противится. Он предпочитает узнать, кто и почему в него стрелял. Этим Будда хочет растолковать ученику, что его вопрос неважен. Потому что при любом ответе главное другое – понять смысл рождения, старения, смерти и страданий. Будде не нравилась определенность. Он знал, что часто в определенности таится западня, как, впрочем, и вообще в словах. Однажды ученики спросили его, будет ли он пребывать с ними после смерти. Вот что он им ответил: «Если я скажу „да“, это будет неверно, если скажу „нет“ – тоже неверно, только по-другому. После смерти Татхагата станет безбрежным, как океан».

Он сам называл себя «Татхагата» и хотел, чтобы так его называли другие. Это означает «Пришедший тем же путем». Этим он хотел подчеркнуть, что он не исключение, не первый и не последний Просветленный, что он не бог, а просто человек, такой же, как и другие, и что к просветлению могут прийти все, кто следуют за ним по Пути.

Умер он в восемьдесят лет, отравившись едой, которой его с искренней любовью и благоговением угостил один неприкасаемый. По одной версии, это были гри-

бы, по другой – свинина. Последние его слова, обращенные к ученикам, были такими: «Все сущее приходит в упадок и истлевает, посему усердно трудитесь для достижения спасения».

На протяжении последующих веков учение Просветленного распространилось по всей Индии. Многие монархи обратились в новую веру вместе со своими подданными; обратился и великий император Ашока, который донес учение о дхарме до самого острова Цейлон, откуда оно потом добралось до Юго-Восточной Азии.

Буддизм со своим отрицанием ритуалов, неприятием каст и введением понятия сострадания, чуждого индуизму, стал в Индии настоящей революцией – наверное, единственной, которую страна знала за всю свою долгую историю. Духовная по природе своей, это была революция против религиозной власти, а значит, и против политической власти браминов, высшей касты в индийской иерархии. Реакция браминов была неспешной, и только к VIII веку от Рождества Христова благодаря Шанкарачарья, великому толкователю Вед, жившему тоже в Бенаресе, им удалось ослабить влияние буддизма на низшие касты. А мусульмане доделали все остальное. К концу XIII века учение Просветленного практически умерло в стране, где оно родилось. Так обстоят дела и сегодня.

Будда стал частью огромного индуистского пантео-

на, буддизм официально пользуется уважением, буддистские представления, имеющие индуистские корни, – например, о дхарме – укоренились в сознании людей. Но индийцы практически забыли о том, что Сиддхартха Гаутама был одним из них, и я, подшучивая, спрашивал у многочисленных торговцев сувенирами в Бодхгайя, почему у их статуэток Будды миндалевидные глаза.

Будда стал теперь китайским, японским, тибетским, индокитайским, таиландским, монгольским, но он больше не индийский. Особенно в Индии. С террасы я каждое утро смотрел, как восходит солнце из-за Ганга. На берегу толпились верующие; они наклонялись, зачерпывали воду ладонями, поднимали руки к небу, поднося первым лучам солнца капли, которые, поблескивая, падали вниз.

Престранное зрелище: на этом берегу у подножия лестниц, храмов, домов, дворцов толпятся тысячи людей, обращенных лицами к реке, слышатся молитвы, пение, звон колокольчиков; на другом берегу – никого, только пелена таинственной дымки стелется по совершенно пустой земле. Полное и пустое, свет и тень, звук и тишина: еще одна великая метафора двух противоположностей, которые образуют Единое Целое, метафора Истины, которая состоит в гармонии контрастов. Потому что Бенарес – место священное только с западной стороны. Лишь тому, кто умирает на западном

берегу Ганга, где людно, шумно и солнечно, где днем и ночью горят жадные огни погребальных костров, суждено избежать следующего воплощения. На другом же берегу никогда ничего не происходит. Там ничего нет и ничто не меняется, и смерть там не приносит избавления.

Так было всегда, сколько помнят люди. Бенарес – древнейший из существующих городов, и вот уже четыре тысячелетия миллионы и миллионы индийцев приходят сюда умирать в уверенности, что отсюда нет возврата в этот мир. Потому что западный берег Ганга – единственное место на земле, где боги это обещают. И священный город Бенарес, город смерти – вне мира, он в иной реальности, живет в другом измерении.

Я пытался понять происходящее. Для нас, западных людей, трудно отождествить святость с убожеством, грязью, гниением. Но для индийской цивилизации, напоминал я себе, жизненный идеал – это жизнь нищего. Меня захватывал этот священный восторг смерти, в котором не было места для скорби.

Иногда благодаря мелочи сознаешь величие целого. Однажды утром я рассеянно следил за женщиной, она заботливо обрызгивала водой и поправляла красивую гирлянду из оранжевых цветов на шее каменной богини прямо под моей террасой. Подошла черная коза, отщипнула от украшения и примерилась снова, но тут ее отпихнула корова и в одно мгновение сожрала всю

эту красоту, которую женщина с молитвами принесла в подарок богине. Впрочем, никто этим не возмутился, и вскоре женщина, коза и корова удалились. Каждая из них сыграла свою роль в мистерии, в которой участвуют миллиарды людей и животных, видимых и невидимых существ в видимых и невидимых мирах, в вечном потоке времени.

Несколько лет тому назад Анджела, выйдя на эту террасу, сказала: «Мир видится отсюда таким, каким, наверное, его видит Бог… и понятно, что он не может заниматься всем, что здесь происходит».

Возможно, часть беспокойства нас, западных людей, связана с тем, что мы хотим вмешиваться во все, что происходит в мире, а зачастую и все изменить. Возможно, великая мудрость заключена в восточной философии, согласно которой все, что вне нас, – неизменно, а мы можем надеяться изменить лишь собственную сущность?

Просветленный полагал, что изменение самого себя должно быть результатом длительного усилия, «прилежного труда». Спасения не обретешь просто тем, что умрешь в Бенаресе, считал Будда.

Если выйти из отеля «Гангз Вью» и направиться на север, мимо лестниц, ведущих к реке, можно увидеть две площадки для кремации. Работа там никогда не прекращается; тела умерших сжигают под открытым небом, на глазах у всех. Я часами наблюдал за нескон-

чаемыми передвижениями людей, мертвых и живых, за хлопочущими у погребальных костров родственниками. Меня удивляло, что никто и никогда здесь не плакал. Смерть в этих краях – непреложный факт, против которого, казалось, никто не протестовал. А вот нам, западным людям, порой так тяжело смириться с ней! Для нас смерть всегда поражение, против чего мы должны бороться всеми способами, до последнего, и даже надеясь на чудо, вопреки законам природы.

Когда-то одна женщина явилась к Будде, неся на руках своего только что умершего сына, и попросила Просветленного о чуде – вернуть жизнь ее мальчику. Будда сказал, что выполнит ее просьбу, но при условии, что она принесет горсть риса из дома, который никогда не посещала смерть. Женщина кинулась на поиски, стучалась во все двери, обошла не одну деревню, но ответ был один – всюду кто-нибудь да умер. Женщина вернулась к Будде, смирившись со своей участью. Она все поняла.

А тело? Глядя, как обращается в дым человеческая плоть, я думал о том, до какой степени мы отождествляем себя с нашими телами, насколько для нас невозможно отрешиться от них. Даже наши надежды на бессмертие и воскресение связаны с телом. Нам не удается, как индусам или Просветленному, видеть в теле лишь орудие, о котором не стоит жалеть, когда оно отслужит свое.

На улицах Бенареса постоянно можно встретить процессии, направляющиеся к месту кремации. Тело покойного, завернутое в простыню, с лицом, открытым солнечным лучам, лежит на бамбуковых носилках, которые несут на плечах четверо мужчин. В процессии нет ничего похоронно-мрачного, размеренного, тягучего. Нет, она движется вперед маршевым шагом, почти бегом, без особого почтения к покойному, который на своих шатких носилках раскачивается и трясет головой. Никакой траурной музыки; время от времени кто-то выкрикивает: «Рам нама сатья хей», что означает «Только имя Рамы есть правда». «Сатья хей, сатья хей», – отзывается хор голосов («Правда, правда»). Процессия быстро движется вперед к костру. Там первенец покойного разжигает огонь, следит, как языки пламени пожирают дрова и плоть, а потом выливает на пепел святую воду Ганга. Затем, не оборачиваясь, идет совершить очищающее омовение и возвращается в круговорот жизни.

Предают огню не отца, а его тело, уже ненужную материю, не имеющую никакой ценности, от которой необходимо избавиться.

Для нас, западных людей, естественно видеть в мертвом теле близкого человека и скорбеть о нем. При мыслях о собственном теле отождествление еще полнее. Поэтому этот уход в дыму нас пугает. И нас не утешают слова моего любимого Руми, который пишет:

Я был камнем, я умер и после растением стал;
После умер растением – снова родился животным;
После умер животным – и вот я теперь человек.
Так чего ж мне бояться? Ведь я не мельчаю со смертью.

Однажды в книге о Бенаресе среди многочисленных прекрасных историй об этом городе, существующем как бы вне остального мира, я нашел строки из «Брахманы», одного из древних священных индийских текстов. В них Индра, бог – покровитель путников, побуждает юношу по имени Рохита отправиться в странствие:

Несчастлив тот, кто не странствует, Рохита!
Живя среди себе подобных,
Даже достойный становится хуже.
Отправляйся же в путь.
Ноги путника превращаются в цветы,
Душа возрастает и плодоносит,
А пороки уносит усталость.
Удача домоседа тоже недвижна —
Она спит вместе с ним
И просыпается, стоит тому подняться.
Так стремись же скорее в путь, Рохита!

Индра достучался и до моего сердца. Через несколько дней я вернулся в Дели и оттуда двинулся

дальше. Я не был готов остановиться. Мои ноги еще надеялись стать… цветами.

Сила молитвы

Вокзал на севере старого Дели – это одно из мест, где западному путешественнику легко запаниковать и главным желанием будет немедленное бегство. Приехав сюда прямо из роскошного, благоухающего отеля, где иностранцев обслуживают стюарды, одетые махараджами, любой представит, будто он в другой эпохе или на другой планете, ощутит, что попал в ад или, в лучшем случае, смотрит спектакль на тему «Мрачное Средневековье».

Нигде больше в мире не увидишь такого – бесконечный людской поток, нищая, пестрая толпа, текущая по виадукам. Люди, вповалку спящие под навесами, полицейские с бамбуковыми тростями наготове, крестьяне-сикхи в синих балахонах со сверкающими саблями на боку, блаженные аскеты в шафранных одеяниях, носильщики в красных накидках с чемоданами на головах. Окрестные переулки завалены мусором, кишащим крысами. Там промышляют сборщики пластиковой тары и стайками снуют мальчишки, которые кормятся объедками и воровством и для которых вокзал – родной дом. Громыхающие поезда за ночь доставят вас к подножию Гималаев или в пустыню Раджастхан, к берегам Ганга или на равнины Центральной Индии.

Время от времени случаются крушения, уносящие жизни десятков людей. Несколько часов об этой новости все гудят, а потом все начинается снова.

Мой поезд шел на север и в шесть утра прибывал на станцию Пантакот, которая ближе всех к Дхарамсале, где живет Далай-лама. Туда стремится и западная молодежь, как девушка-англичанка, моя соседка по купе.

– Почему ты едешь в Дхарамсалу?

– Я – как все. Еду туда, потому что несчастлива, – ответила она.

А я ехал в поисках лекарства от своей болезни. Хотя цели наши были разные, нас вела в Дхарамсалу одна и та же сила, сила мифа о Тибете как убежище, средоточии покоя, хранилище тайн и чудесного могущества.

Порожден древний миф неприступностью Тибета, укрытого за стеной Гималаев. Там царила теократия во главе с Далай-ламой. Доступ иностранцам был закрыт, но если кто-то с риском для жизни туда проникал, то возвращался с поразительными рассказами о несметных богатствах, монахах с невероятными магическими способностями, которые могут, к примеру, передвигаться со скоростью ветра или выживать без одежды среди снегов.

Человек обладает неистребимой потребностью верить в Эльдорадо, рай, где люди пребывают в мире с собой, где вопреки законам природы они обрели свободу от всего, возможно, даже от смерти. Тибет, огром-

ное плоскогорье редкой красоты, с ярко-зелеными полянами в окружении величественных гор, таинственными монастырями, прилепившимися к скалам, и хрустальными озерами, в зеркальной глади которых, говорят, некоторые ламы способны видеть будущее, – вот идеальное место для такой мечты. Здесь, согласно легендам, находилась Шамбала, мифическое царство чистоты, преддверие нирваны и Лунная долина с Шангри-Ла. Тот, кто добирался туда, чтобы остаться навсегда, мог обрести бессмертие. В Тибете все было волшебным, и никому не удавалось устоять перед обаянием этих мест. Даже одному офицеру Ее Величества королевы Великобритании!

В 1903 году молодой полковник Фрэнсис Янгхазбенд поднимается на вершину над равниной Лхасы. Там его охватывает невероятный душевный подъем. «Я не помнил себя от радости. Весь мир, казалось, был исполнен той же невыразимой любви, которая пылала в моей груди. Вопреки логике я почувствовал доброту и благость всех людей и убеждение, что каждый человек в сердце своем богоподобен», – писал он позже. С этого мгновения жизнь его переменилась, а миф продолжал жить своей жизнью.

В 1949 году китайские коммунисты по приказу Мао вошли в Тибет, предали огню монастыри, уничтожили тысячи монахов и через несколько лет вынудили Далай-ламу бежать в Индию. Прежнему Тибету, стране

таинственной и независимой, пришел конец, он был колонизирован, разрушен и переделан на китайский лад. Но миф выжил. Более того: он стал символом высокого духа, принявшего муки от коммунистического материализма.

Когда Далай-лама, один из немногих великих людей нашего времени, получил в 1989 году Нобелевскую премию Мира, Тибет находился на пике своей популярности. Тибет – дело, за которое борются все идеалисты, а Дхарамсала, или, вернее, Маклауд-Гандж, городок в горах, где проживает Его святейшество, становится местом паломничества всех, кто ищет… счастья.

Сюда приезжают тысячи молодых европейцев и американцев, и десятки из них становятся монахами. Приезжают знаменитые голливудские актеры, писатели, художники. Приезжают даже израильские юноши, озлобленные службой в армии; они надеются, что там, наверху, им удастся избавиться от отравившей их души ненависти. Почти одновременно ведутся съемки двух блокбастеров о Тибете и жизни Далай-ламы. Все тибетское – от искусства до буддизма и медицины – особо ценится и вызывает доверие.

Мне тоже всегда нравилась Дхарамсала. Я был там несколько раз, чтобы взять интервью у Далай-ламы, написать о тибетцах и их борьбе за свое, уже безнадежное дело. Обычно я останавливался в бунгало, купленном Далай-ламой для своей матери, где она и до-

жила до кончины. После ее смерти бунгало перешло к самому младшему из братьев, Тен-цингу Коедраку, он устроил там себе жилье и маленький тихий пансион для гостей.

В последний раз я побывал там в январе 1996 года с Анджелой и Леопольдом, старым другом и спутником по многим странствиям. Ради него мы и поднялись наверх. Леопольду нездоровилось. Он только что продал ювелирную фабрику в Бангкоке, потому что больше не желал, как сам он говорил, «всю жизнь производить безделушки». Он основал газету, принялся писать, но часто чувствовал приступы слабости.

Парижские врачи нашли у него что-то с печенью, возможно, гепатит. Для окончательного диагноза следовало продолжить обследования. Но Леопольд предпочел отложить это все на неопределенный срок и отправиться в путь. Он приехал к нам в Дели, мы с ним потолковали о гепатите, и я рассказал о двух случаях «чудесного» исцеления, о которых слышал. Первый был в Пешаваре, пакистанском городке на границе с Афганистаном. Один старый мусульманин, торговец коврами, клялся, что он был исцелен следующим образом. Его, обнаженного, обернули в свежесодранную окровавленную козью шкуру, и он проспал в ней несколько ночей подряд. «Через неделю печень у меня была в полном порядке», – уверял старик.

Другое исцеление произошло в Тибете, где больно-

го вылечил личный врач Далай-ламы. Он специализировался на печени. Мы выбрали этот вариант и отправились в «Мен Цзы-Хань» («Медицинско-астроло-гический институт»). Нас принял сам доктор Тенцинг Коедрак. Худощавому и подтянутому, ему было уже за семьдесят; после бесчисленных истязаний, перенесенных за почти двадцать лет заключения, он слегка косил, а черты лица были заметно искажены. Спиной к окну, закутанный в красное, доктор Коедрак сидел на деревянном помосте, где днем у него была амбулатория, а ночью – спальня. Мы и девушка-переводчица тоже пристроились рядом. Все было просто и скромно – душевный, спокойный человек.

– Вероятно в прошлой жизни мы, тибетцы, причинили много зла китайцам. И они теперь столько зла творят нам, – сказал он.

Его история уже успела стать легендой. Тенцинг Коедрак родился в деревне, в трех днях ходьбы от Лхасы. Ребенком он попал в один из больших монастырей в этих краях и в тринадцатилетнем возрасте был направлен на учебу в столичную Медицинскую школу. В тридцать лет Тенцингу, уже прославленному врачу, доверили здоровье тибетского богоравного владыки. Тот был на одиннадцать лет моложе своего лекаря.

В 1959 году, когда Далай-лама, переодевшись простым солдатом, бежал в Индию, многие из его свиты, чтобы не вызвать подозрений у китайцев, остались

в Лхасе. Среди них был и Тенцинг Коедрак, который вскоре вместе с тысячами других приверженцев Далай-ламы был арестован, брошен за решетку и подвергнут всевозможным издевательствам.

То, что он владел тайными формулами некоторых особых лекарств, китайцев не интересовало. Они презирали тибетскую культуру и считали веру помехой для прогресса, подлежащей устранению. Китайцы приговорили Тенцинга Коедрака к каторжным работам, а его имущество вышвырнули. Там было и двадцать килограммов загадочного черного порошка, с виду бесполезного, но который тибетцы бережно хранили более трех веков.

С годами китайцы поняли, что Тенцинг Коедрак, долбящий в карьере камень, – человек незаурядный. Он, в отличие от многих других заключенных, не умирал; возможно, он был посвящен в некую тайну, которая могла бы и китайцам пригодиться. Кроме того, китайцам со временем стало ясно, что «черный порошок», который они за ненадобностью выкинули в ближайший ручей, – ценнейшее снадобье из золота и серебра, прошедшее сложнейшую обработку, и что из этого порошка такие врачи, как Тенцинг Коедрак, готовили в прошлом «драгоценные пилюли долголетия».

Китайцы предложили узнику свободу в обмен на рецепт черного порошка и знаменитых пилюль. Сначала он отказался. Последовали долгие переговоры, в кото-

рых принимали участие эмиссары Далай-ламы, и наконец в 1980 году пекинские власти позволили Тенцингу Коедраку выехать из Китая в изгнание. Тенцинг Коедрак снова стал личным врачом «Его Святейшества» и осматривал его дважды в неделю. Еще он взял в свои руки управление Медицинско-астрологическим институтом, наладил производство трех видов «драгоценных пилюль» и обучил своему искусству сотню тибетских монахов.

Этот человек и был теперь перед нами. Он расспросил Леопольда о симптомах его болезни, заглянул ему в глаза и рот, взял его запястья и, опустив веки, сосредоточился на пульсе. Консультация длилась недолго. По словам доктора Коедрака, случай Леопольда был простым: у него действительно были проблемы с печенью, но пилюли должны были его вылечить. Он принялся выписывать рецепт, с которым нам следовало пойти в аптеку, но уходить не хотелось, надо было еще расспросить о стольких вещах!

Первым начал я. Как же ему удалось выжить на каторге?

– Поддерживая жар в своем желудке, – ответил он. – Так мне удавалось усваивать негодную пищу, которая убивала остальных.

Это был прием, которому его, еще ребенка, обучил лама, но это – «секрет, который передается только от учителя к ученику».

Мы спросили, какие еще болезни он может лечить. Он не стал ничем похваляться. Сказал, что многие с Запада, особенно американцы, приезжали в поисках лекарства от СПИДа, но этого у него не было. Единственное, что он мог сделать, – это улучшить их самочувствие.

В то время рак меня не интересовал, это была болезнь, которая могла поразить кого угодно, но не меня. Но я попросил его рекомендаций от депрессии, и для случившегося потом я не могу найти объяснения. Коедрак ответил, что депрессия – прежде всего западная болезнь. «А причина, – добавил он, – в том, что вы, люди Запада, слишком привязаны к вещам. Вы ими одержимы. К примеру, теряет человек ручку и с тех пор только и делает, что о ней думает, хоть ей грош цена, а писать можно и карандашом. Вы на Западе слишком заботитесь о материальном».

Я слушал его и автоматически делал заметки своей старой черной ручкой «Монблан». Мы еще поговорили о его жизни в тюрьме, о драгоценных пилюлях, о мантрах, магических заговорах, которые следует произносить во время их приготовления, а я делал заметки своим «Монбланом». Потом мы поблагодарили, попрощались, зашли в аптеку за пилюлями, вернулись к себе и оказалось, что ручки нет!

Я тут же попросил переводчицу снова сходить к врачу, позвонить в институт. Напрасно, ручка исчезла. Тут

я призадумался, не столько потому, что я был к ней привязан, сколько потому, что у меня возникли кое-какие подозрения. А что, если старый доктор, чувствуя, что за моими расспросами таился некий скептицизм, решил продемонстрировать мне свои способности и преподать мне урок? Возможно ли это?

В этот же вечер Леопольд начал принимать его пилюли. Они были похожи на овечий помет, и, тем не менее, все мы были убеждены, что в этих шариках было нечто особенное. И были правы. Они были «заряжены» историей, которая привела нас сюда, мантрами, которыми сопровождалось их приготовление, процедурой приема: их следовало сперва раскрошить, затем глотать, запивая маленькими глотками теплой воды. Они были заряжены всем тем могуществом, которое приписывало им сознание пациента.

Сознание, всегда это сознание! Вот где магия. И тот самый «жар в желудке», о котором говорил Коедрак, происходил оттуда же. Упражнение, называемое «тумо», мистический огонь, было частью старой йоговской практики, которую тибетцы приспособили к своим климатическим условиям. Чтобы монахи могли жить в сильном холоде, их учили согреваться, мысленно концентрируясь на воображаемом огне в желудке. Причем этот жар усилием воли и ритмом дыхания разгонялся по всему телу. Во время обучения ученику приходилось сидеть голым на земле, прикрывшись «репа»

– куском мокрой хлопчатобумажной ткани. Под воздействием тепла ткань должна была вскоре высохнуть. Великий святой, поэт и отшельник Миларепа, «Человек, одетый в хлопок», получил свое имя именно потому, что ему удалось во время этого испытания высушить, одно за другим, три совершенно мокрых покрывала.

Вечером за ужином мы услышали рассказ, как в 1981 году Далай-лама позволил некоторым своим монахам проделать «туммо» в присутствии группы ученых и врачей из Гарварда, которые искали научное доказательство власти разума над телом. За несколько минут всем монахам удалось повысить свою температуру на несколько градусов.

В конце концов мы вновь вспомнили о ручке, и я спросил брата Далай-ламы, возможно ли, что она могла исчезнуть усилием мысли старого врача. Он не сказал ни «да» ни «нет», но его явно развеселил тот факт, что скептик-журналист этого не исключает. Возможно, вместо ответа он рассказал мне историю своего рождения.

У его матери уже было четырнадцать детей, Далай-лама был четвертым сыном, когда она снова забеременела. Однако новорожденный умер, и горе матери было безграничным. Пришел лама и сказал: «Не отчаивайся. Этот сын родится вновь». И прежде чем тело мальчика унесли на погребальную церемонию, ла-

ма нанес знак на его ягодице. И когда родился следующий ребенок, у него на ягодице был тот же знак. Это и был он, последний из братьев.

Леопольд регулярно принимал свои овечьи катышки и через несколько недель был здоров. Пилюли ему помогли или все прошло само собой, кто знает? Как бы то ни было, у меня от встречи со старым врачом остались самые добрые воспоминания, и вот теперь я снова еду к нему – на сей раз узнать, нет ли какого-нибудь средства для меня.

На рассвете поезд прибыл на станцию. До Дхарамсалы оставалось четыре часа езды на машине. Я взял такси в складчину с английской девушкой и еще с двумя молодыми людьми. Они ехали туда впервые, но знали, что в эти дни Далай-лама проводит ряд специальных показательных «наставлений». Я об этом не знал и никуда заранее не записывался. Вдобавок все пошло вкривь и вкось, как мне тогда показалось. Я узнал, что доктор Коедрак болеет и не сможет принять нас в ближайшие дни, что пансион, как и прочие гостиницы, был переполнен иностранцами, съехавшимися послушать «наставления».

Я уже был готов снова уехать, но тут, благодаря цепочке совпадений, встретил принца Рупендру, молодого отпрыска очень древнего местного рода, и он предложил мне стать первым гостем в старом бунгало Хари Коти.

Рупендра поселил меня в «Королевском номере», бывшей комнате своей бабушки, а за сотню лет до меня там переночевал Вивекананда, знаменитый мистик, ученик Рамакришны. Пансион Хари Коти со старыми фотографиями предков на стенах, со слугами в ливреях и развевавшимся штандартом раджей – все это была другая, непривычная мне Дхарамсала. Однако принц сделал все возможное, чтобы я чувствовал себя как дома, и однажды вечером, зная, что я интересуюсь тибетской медициной, устроил ужин, на который пригласил и гостью из Голландии, врача по специальности.

Она тоже приехала в Дхарамсалу в погоне за мифом. Ей хотелось помочь тибетцам и разузнать что-нибудь об их взгляде на болезни и способы их лечения. Больше года она проработала в местной тибетской больнице и, раздосадованная, собралась уезжать. «Тибетцев, – говорила она, – уже испортил усиленный интерес со стороны иностранцев».

Ну а их медицина? «То немногое хорошее, что она содержала, пришло из аюрведы, и тому, кто ищет альтернативные способы лечения, следует обратиться именно к ней», – сказала голландка. Тибетские же врачи, по ее мнению, сами не верят в тибетские средства. Как только у кого-то из них начинался кашель или у ребенка поднималась температура, они прибегали к ней за антибиотиками и витаминами. Да, тибетцы утвер-

ждают, что их «драгоценные пилюли» могут вылечить человека от гепатита, или, вернее, трансформировать гепатит В, тот, что может привести к раку и роковым последствиям, в гепатит неопасный, но подтвердить это научно ей не удалось.

Выходит, она не видела случаев исцеления при помощи тибетских лекарств?

Нет, был один случай с западным юношей, который не захотел принимать аллопатические лекарства. Но у него, скорее всего, был вирусный гепатит, от которого он и так бы выздоровел. Зато она видела, как многие умирали только потому, что какой-нибудь лама, проведя сеанс ясновидения, убеждал их не ходить в больницу и не давать себя оперировать западным врачам – таким, как она.

– А как же «особые способности», – спросил я ее. – Значит, их вообще не существует? Даже сделать так, чтобы ручка исчезла, никто не может?

– Если бы они были, эти сверхъестественные способности, почему же тогда ими не воспользовались для защиты от китайцев? – спросила она.

Все это могущество, эти особые способности – ловушка, в которую угодили сами тибетцы. Во времена английской экспедиции 1903 года они были убеждены, что неуязвимы для пуль, и их буквально изрешетили пулеметы.

Впечатления голландки заставили меня призаду-

маться. Они не слишком отличались от наблюдений путешественников в былые времена. В 1900 году загадочному японскому монаху по имени Екай Кавагучи удалось, прикинувшись паломником, проникнуть в Тибет и провести там три года. В книге, которую он написал по возвращении в Японию, Кавагучи рассказывает о царящей повсюду антисанитарии, о полном отсутствии медицинской практики, о том, как он стал здесь невероятно популярным благодаря тем немногим знаниям, которые он приобрел в детстве, листая книги своего дедушки-врача. Когда в монастыре, в котором поселился Кавагучи, два монаха сцепились и сильно поколотили друг друга, только он – при том, что там было около тысячи лам, – сумел вправить одному из драчунов вывихнутое плечо.

Как могло случиться, что столько людей считают тибетскую медицину одним из ценных альтернативных методов, если еще сто лет тому назад сами тибетцы относились к ней так несерьезно? Вот тибетская поговорка, которую приводит Кавагучи: «В Тибете что ни монгол – то врачеватель».

Вот так и Генрих Харрер, австриец, автор книги «Семь лет в Тибете», один из очень немногих иностранцев, живших в Лхасе в годы Второй мировой войны, не находит ни одного доброго слова для тибетской медицины и рассказывает, как больные предпочитают обращаться к прорицателям или знахарям, лечащим

наложением рук, а не к ламам из Школы медицины.

Собственно, и у меня тоже при посещении Лхасы в 1979 году не сложилось особо положительного мнения об этой школе. Однажды утром, незадолго до рассвета, выменяв свой «Полароид» на велосипед, мне удалось сбежать от китайского «хвоста» и взобраться на Холм Медицины. Там я встретил восход; подо мной расстилалась равнина Лхасы, напротив виднелся фасад Поталы; а я стоял среди руин. Это были развалины старого здания Школы, которое китайцы обстреляли из пушек и сравняли с землей, объявив «гнездом сопротивления». Для тибетцев это место осталось священным. При первом свете дня я увидел десятки людей, которые поднимались наверх, скребли камень и собирали пыль. Я не понимал, что происходит; ко мне на помощь пришел один старик, который говорил по-китайски. По его словам, эта пыль, взболтанная в воде, помогает от любых болезней.

Может, голландка не так уж и заблуждалась, полагая, что тибетская медицина никогда не имела собственной традиции, а на протяжении последнего века и вовсе свелась к суевериям.

«Если пациент, придя к врачу, ступит в кабинет левой ногой, а не правой, лечение будет успешным. Если пациент предложит врачу левое запястье для осмотра, а не правое, выздоровление ускорится», – это я вычитал в одной из книг по тибетской медицине, только что

купленных в Дхарамсале.

Еще я узнал из этой книги, что точек, где нужно прослушивать пульс, по шесть на каждой руке и что каждая такая точка соответствует определенному органу, а еще есть «особые» точки – одна, например, отражает положение в семье. Говорилось там и о так называемой гостевой точке. Пощупав пульс у человека, наиболее созвучного тому, кого ждут в гости, врач может сказать, где этот гость сейчас – еще дома, уже в пути или вот-вот приедет.

Стоило ли доверяться этой логике? По-видимому, у самого Далай-ламы тоже были кое-какие сомнения на этот счет. Разве сам я не видел, как он лечится от боли в горле при помощи патентованных западных антибиотиков, правда, запивая их травяным настоем, приготовленным для него доктором Коедраком?

Выходит, все это не более чем миф?

Частично, да. Вне сомнений, интерес к тибетской медицине как к альтернативе медицины аллопатической вырос на Западе одновременно с ростом симпатии к тибетскому движению и к самому Далай-ламе. В Америке сейчас уже есть несколько центров тибетской медицины; а в каждой европейской стране есть целители, массажисты и ламы, которые предлагают свои услуги и дорогостоящие лекарства.

Многие «системы исцеления» и «программы здоровья» находят пользователя только потому, что на

них стоит штамп «сделано в Тибете». Одна из таких систем, рекламируемая как «комбинация философских, медицинских, астрологических и тантрических знаний», обещает «излечение от болезней, омоложение, мир внутри себя и в мире». Другая система так называемого самоизлечения заключается в том, чтобы отрицать болезнь. Больных раком усаживают вместе и заставляют повторять, как мантру: «Я не болен, я не болен, я не болен…» – десятки, сотни, тысячи раз. В некоторых случаях это срабатывает, потому что – в этом я совершенно уверен – срабатывает все, буквально все, но в «отдельных случаях».

Спрос на тибетскую медицину вырос до такой степени, что недавно при Медицинско-астрологическом институте Дхарамсалы пришлось открыть специальное отделение, занимающееся экспортом. Кроме знаменитых пилюль, ассортимент включает в себя антистрессовый чай, кремы для лица, благовония для медитаций и еще средства от «сексуальных расстройств, сухости во рту, звона в ушах, вздутия живота и головокружения». И еще «тоник здоровья», «сохраняющий физические силы, благотворно влияющий на работу почек, способствующий приливу энергии во время полового акта, препятствующий преждевременному семяизвержению и продлевающий время соития», – по крайней мере, именно это написано на коробке.

Знал бы Далай-лама, как рекламируются эти чудо-

действенные снадобья, вера в которые по большей части обусловлена его славой! Думаю, он бы непременно рассмеялся своим неподражаемым смехом. В глубине души он первый знает, что свободный Тибет – это больше не дело принципа, справедливости или международной морали, а просто реклама, дань рыночным отношениям. Для того чтобы удачно продавать свой товар, тибетцу надо быть таким, каким его хотят видеть потребители, то есть соответствовать мифу.

– Сначала мы были жертвами китайского империализма. Сейчас мы – жертвы калифорнийского империализма, «нью-эйдж», которому хочется видеть нас всех погруженными в религию, пацифистами, разъезжающими верхом на яках и медитирующими на заснеженных вершинах, – сказал мне один тибетский писатель из Дхарамсалы, человек вполне светский. – Запад готов финансировать все, что имеет отношение к мифическому Тибету: монахов, артистов, исполнителей народных танцев, мистиков – но вовсе не собирается помогать возвращению нашего, истинного Тибета.

Дхарамсала – пример такого преобразования. Вначале это был центр беженцев, полных решимости сохранить самобытность и вернуться в Тибет. Прошли годы, больше сорока лет, и никто уже не верит в возможность возвращения. Тибетцы прижились, как растения, пересаженные в другую почву. Дхарамсала выживает за счет того, что превратилась в маленький Дисней-

ленд, парк аттракционов, где основными темами являются буддизм, духовность, магия, медитация, астрология и медицина.

Маклауд-Гандж сейчас представляет собой торговый центр, где продается всевозможная дребедень в стиле «нью-эйдж» – от сумочек с изображениями Будды до бус, компакт-дисков с расслабляющей музыкой и книг по тантризму. Рынок помогает питать тибетский миф, который мало общего имеет с подлинной тибетской стариной и еще меньше с нынешним Тибетом, уже почти переваренным китайцами.

Но миф живуч.

Как-то вечером, встретившись с группкой иностранцев, проживающих здесь, в Дхарамсале, – все они приехали сюда несколько лет тому назад, чтобы помочь «делу тибетцев», – я понял, что для них необходимость верить в магический Тибет сильнее всякой логики. Один американец рассказал, что был в Дели с Далай-ламой на посвященной Ганди церемонии и видел, как туча ос напала на собравшихся, а Его Святейшество ни одна оса не тронула. Одна эксцентричная английская леди, Джейн Перкинс, прожившая почти пятнадцать лет в Дхарамсале, сказала, что потеряла сон, потому что в монастыре рядом с ее домом юные монахи постоянно учатся левитировать и, когда кому-нибудь не удается удержаться в воздухе, он падает на землю со страшным шумом, который ее будит.

Именно она сообщила мне, что назавтра в десяти километрах от Дхарамсалы должна состояться особая церемония. Нам невероятно повезло! Кармапа, шестнадцатилетний юноша, бежавший недавно из Китая, где его удерживали как возможного преемника Далай-ламы, впервые должен был появиться на публике и благословить всех присутствующих, передав им свое «долголетие». Вот именно то, что мне нужно!

Итак, на следующее утро я вновь очутился в одной из ситуаций, в которые без конца попадаю из-за своего ненасытного любопытства. Храм, посвященный Кармапе, еще строился. Индийцы, опасаясь китайцев, которые были разъярены, упустив этого «священного» подростка, организовали внушительное оцепление. Десятки вооруженных полицейских и агентов обыскивали каждого прибывшего. Проверяли документы, отбирали на входе фотокамеры, магнитофоны. Что за нелепое сочетание – буддизм и военное положение! Странно было видеть рядом со старыми ламами людей с автоматами наизготовку.

В конце концов после нескольких часов ожидания и проверок нас разместили в большом зале храма: спереди монахи, из них человек двадцать – европейцы; потом группа буддистов с Тайваня; за ними пестрая толпа коренных тибетцев, затем живущие здесь иностранцы и приезжие, среди которых была и молодая англичанка из поезда.

Кармапа вошел в окружении старых лам и индийских телохранителей: это был юноша крестьянской внешности, здоровый, крепкий. Казалось, он сам был удивлен таким вниманием к себе. Однако с точки зрения тибетцев такое внимание было более чем оправданным. Для них этот мальчик был тридцатым по счету воплощением великого учителя, а значит, был «старше» и, возможно, совершеннее в духовном отношении, чем сам нынешний Далай-лама, который пребывает только в четырнадцатом своем воплощении.

– Я не обладаю даром долголетия, но могу передать вам этот дар вместе со способностью осуществлять ваши желания и делать так, чтобы в каждом из вас был мир, гармония и счастье, – сказал Кармапа в краткой речи, переведенной на английский язык одним из свиты. В юноше ощущалась большая внутренняя сила, и то, что старые монахи сновали вокруг него с безграничным почтением, буквально согнувшись пополам, еще больше подчеркивало достоинство, с которым он держался. Кармапа смог бы со временем возглавить тибетскую диаспору, когда после смерти Далай-ламы придется ждать, пока ребенок, в котором он воплотится, не станет взрослым.

Реинкарнация! Мне всегда казалось гениальным то, как тибетцы приспособили к своей культуре и своим нуждам древнейшую идею о том, что не все умирает вместе с телом. Что душа или еще что-то переходит в

новую оболочку. Этим они избежали вырождения, которое подтачивает наследственные монархии. «Дети детей детей» не могут всегда удерживаться на уровне величия славного предка, и наиболее надежный способ сохранять достоинство династии – это выбирать наследником выдающегося ребенка, в котором смогут распознать реинкарнацию усопшего.

Все дело в том, чтобы уметь правильно выявить избранника. В случае с Кармапой и нынешним Далай-ламой старых монахов, как видно, чутье не подвело.

Благословение Кармапы было не *urbi et orbi* (городу и миру), как я ожидал, а индивидуальным. Получал благословение каждый, и встреча затянулась. Терпеливо выстояв очередь, я наконец предстал перед Кармапой и улыбнулся ему, а он мне. Я подставил ему белую «ката», уже заряженную, и он надел ее мне на шею. Потом легонько стукнул по моей склоненной голове золотым сосудиком-ступой, видимо, со священной реликвией внутри. Один лама дал мне в руку серый шарик из «дзампы», ячменной муки, замешанной на тибетском чае с маслом из молока яка, этот шарик я должен был съесть. Другой дал красную ленточку с узелком, тоже заряженную благословением; если носить ее с собой, она защищает.

Я вышел на свежий воздух и уселся на солнышке. Я смотрел на других выходящих. В них ощущалось счастливое возбуждение. Все были убеждены, как и

юная англичанка Джейн, что им посчастливилось получить от Кармапы огромный дар. А вот я, со своим обычным скептицизмом, рациональным подходом и даже высокомерием, уже подумывал, не выкинуть ли серый шарик, который все еще держал в руках. Я разглядывал его. А не это ли мое хорошее лекарство, раз этот шарик символизировал силу долголетия? Почему бы ему не помочь мне? Я положил шарик в рот и съел. Потом бережно спрятал в сумку красную ленточку.

Иногда полезно изменить точку зрения. Мне стало ясно, что в тибетской медицине я не разобрался и мое пребывание в Дхарамсале с самого начала пошло не так! Мой способ мышления оставался тем, который я пытался преодолеть еще в Нью-Йорке. Это было мышление, основанное на логике, научном мировоззрении, отношении к человеку как к телу, а к болезни как чисто физическому явлению.

Если я сюда приехал за лекарством вроде тех, что получал от «ремонтников» из Онкологического центра, лекарством, которое химически воздействует на мое тело, я действительно ошибся адресом. Подобные лекарства я уже испробовал, причем лучшие в мире. Здешние лекарства были другими, их предназначение – не вызвать в теле некую реакцию, тем более, химическую, они – для сознания, для души. В Лхасе я свысока смотрел на тибетцев, которые скребли священные камни, чтобы собрать пыль и проглотить ее с во-

дой. Выходит, я вел себя, как какой-нибудь китайский комиссар. На самом деле они, тибетцы, знали, что делают: они призывали на помощь силу, которая ничего общего не имела с химией, – это была сила молитв и благословений.

Для меня стало ясно, что в этом и состояло единственное могущество того лечения, которое можно было получить в Дхарамсале. Я мог его отрицать, мог не прибегать к нему, но не смел упрекать тибетскую медицину за то, что она не такая, как та, которой служат мои «ремонтники» из Нью-Йорка. Ценность здешней медицины заключалась в ее глубоких религиозных корнях.

Истоки тибетской медицины в аюрведе, и тексты, по которым тибетцы обучались, были просто переводами классических «шастра». Но аюрведа попала в Тибет с теми же монахами, которые между VII и VIII веками после Рождества Христова принесли сюда буддизм. Как и буддизм, аюрведа вскоре вписалась в местные условия и приобрела сугубо тибетский характер. Буддизм, который был на грани исчезновения и забвения на своей родине в Индии, стал в Тибете почти самостоятельной религией, впитавшей существенные элементы бон, древних местных верований. Что до аюрведической медицины, то она, сочетаясь с буддизмом, отделилась от своих индийских корней, становясь все более «тибетской» и более религиозной.

Будда был уже мертв более тысячи лет, когда тибет-

цы приняли буддизм, но обращение их было полным и всепоглощающим, полностью перестроившим их сознание. В конце концов буддизм оказал влияние на все аспекты жизни общества и предопределил характер любого вида деятельности.

В Индии в аюрведе тоже с самого начала была духовная составляющая, но она была связана с философией, а не с религией. Лечебная практика никогда не являлась прерогативой только священнослужителей. А вот в Тибете, где буддизм пропитал все области жизни, даже политику, врачами становились только ламы.

Забывая о том, что аюрведа уходит корнями в далекое прошлое и традиции ее заложены еще первыми «риши», тибетцы предпочли считать, что их медицинская практика – дар небес.

– Наша медицина восходит к Будде, – написано во всех книгах, которые я купил. Я полагал, что это так, для красного словца, но это подразумевалось буквально. Я прочел эти книги, и все, что сначала мне показалось абсурдным, становилось логичным с точки зрения буддизма.

С этой позиции причины всех болезней, как психических, так и телесных, коренятся в одном – в невежестве. Незнание «я» порождает страдания, которые мучают человека от рождения до смерти. То же незнание порождает «три главных яда, отравляющих сознание». Желание, гнев и тупость – вот эмоции, ведущие к те-

лесным заболеваниям. Только неуклонное следование нравственным правилам и постоянные медитации могут привести к освобождению от болезней. В этом смысле справедливо считать Будду основоположником медицины. Определив причину человеческого страдания и открыв средство от любой боли, Будда стал «Великим Целителем». Следовать его Пути, дхарме, – единственное подлинное лечение всех болезней.

С тибетской точки зрения, нет разницы между религией и медициной. И человеку, этому единству тела, сознания и духа, чтобы быть здоровым, надо просто быть благочестивым. Болезнь – это разлад, происходящий в сознании раньше, чем в теле. Поэтому для тибетцев лечение прежде всего дело духовное. Чтение мантр или множество земных поклонов действуют лучше, чем пилюля, запитая водой.

Мне интересно было разобраться в том, как, приспособив аюрведу к своему образу жизни и, особенно, к религии, тибетцы облекли в буддистскую форму основные представления индийской медицинской традиции. Таким образом, по сей день тибетская медицина подразделяется в общем на те же восемь направлений, что и аюрведа: лечение телесных заболеваний, детских болезней, женских болезней, душевных болезней, ранений и отравлений; затем омоложение, продолжение рода и афродизиаки. Используются те же лекарственные травы, что и в аюрведе, предпо-

чтительно гималайские. В буддистском представлении о «трех ядах сознания» просматривается аюрведическая теория о трех различных типах индивидуальной конституции (вата, питта и капха), нарушение баланса между которыми для индийцев – причина всех болезней. Наконец, четыре фазы аюрведической практики (диагноз, определение причины, прогноз и лечение) отождествляются с Четырьмя Благородными Истинами буддизма: всё – страдания, их причины – страсти. Но можно положить конец страданиям, и для этого необходимо придерживаться Пути.

Чтобы завершить тибетизацию аюрведы, несколько веков назад приверженцы тогдашнего Далай-ламы добавили к различным воплощениям Будды еще одно – Будду Исцеляющего, которому приписывают авторство священных текстов Четвертой Тантры и способность излечивать страждущих. В действительности же это переложение с санскрита индийских текстов.

Будду Исцеляющего принято изображать сидящим в позе лотоса с телом синего цвета, частично прикрытым золотистой туникой. Поэтому его еще называют «Властелин Лазури». Перед ним большое блюдо с плодами, среди которых непременно должен присутствовать плод арура – плод здоровья. Ее невозможно отыскать сейчас, в эпоху всеобщего упадка, но когда новый Будда явится на землю, арура снова произрастет.

В одной из этих книг я прочитал, что, если медити-

ровать перед этим Буддой, он источает «нектар здоровья»: «Излучения его сердца делают человека свободным от всех негативных мыслей и очищенным от невежества. Болезни уходят, и все три вида ментальных ядов нейтрализуются».

Это было именно то, что мне надо. За мою жизнь у меня было несколько тибетских картин, но ни одной с Буддой Исцеляющим.

Я сходил к старому художнику и спросил, не напишет ли он для меня такую «танку». Оказалось, что он занят заказами для строящегося монастыря Кармапы, но его ученик сможет выполнить мою просьбу. Карма Сихое, двадцатисемилетний борец за Свободный Тибет, голодавший сорок восемь дней перед китайским посольством в Дели, пообещал закончить работу за пару месяцев. Он попросил меня только об одном: перед тем, как поместить «танку» на фон из синей парчи, следовало «открыть» на обороте изображения Будды «три центра» – сердца, слова и разума.

Зная, что необходимое излучение должно исходить именно оттуда, я ответил согласием.

Я снова позвонил в институт Коедрака, но мне сказали, что врач еще не поправился. (Вскорости он скончался в возрасте семидесяти шести лет.) Для меня уже было не столь необходимо встретиться с ним. Дхарамсала и так успела дать мне достаточно много. Я получил благословение Кармапы, у меня была

его красная ленточка, заряженная на долгую жизнь. Я заказал себе изображение Будды Исцеляющего, которое художник обещал мне переслать. Купил запас самых лучших благовоний, которые, помимо невероятных свойств, перечисленных на упаковке, обладали главным: их аромат навевал мне воспоминания о том мире и покое, которые сами по себе обладали «силой», а может быть, даже оказывали целительное воздействие.

Я сел на ночной поезд, и на рассвете мы подъехали к Дели. Поезд замедлил ход и отчаянно гудел людям, которые, присев на корточки, справляли нужду прямо на шпалах.

Затем мы миновали трущобы на окраине – скопище грязи, смрада и нищеты. Дети, козы, свиньи и вороны рылись в кучах пластиковых упаковок и гниющего мусора. Из прохладного и чистого вагона все это выглядело нереальным. Окно было будто экран телевизора, по которому шел бесконечный фильм ужасов. Так, возможно, думали и состоятельные индийцы, которые ехали вместе со мной и готовились к выходу. Их подчеркнутое равнодушие потрясало, напоминая о том, что мне всегда казалось черной прорехой в индуизме, – об отсутствии сострадания.

Я понимал, почему в прошлом многие индийцы из низших каст обратились в буддизм и почему впоследствии намного больше индийцев приняло ислам.

ТАИЛАНД

Остров здоровья

«Никогда не возвращайтесь в прошлое, а еще… – говорят индийские мудрецы, – не стоит искать сегодня тот миг радости, который посчастливилось пережить вчера».

Но прошлое всегда для меня таило особое очарование, и как же было устоять перед искушением вернуться на Ко Самуй – остров у восточного побережья Таиланда, где я провел прекрасные дни, когда там еще не было ни туристов, ни «прогресса». Теперь для меня появлялась возможность очистить свое нутро от всех лекарств, ядов и прочей дряни, более или менее радиоактивной, которой я был напичкан. Леопольд, я не видел его со времени визита к Далай-ламе, хотел с размахом отметить мое возвращение в мир и забронировал два бунгало в Центре Здоровья. Там пользовалась успехом модная процедура – колонотерапия – промывание толстой кишки.

Многие с восторгом рассказывали о «наглядных» результатах этой процедуры (все настаивали именно на слове «наглядные»!). Они в упоении описывали, как

под воздействием недельного голодания и ежедневных клизм кишечник извергает длинные черные полосы какой-то гадости («остатки ядов и токсинов, накопленные за годы»). Это забавляло меня. Занятно было слышать, как взрослые люди по-детски упоенно сообщают о своих испражнениях, употребляя «научные» термины. И все-таки обещаемые результаты – дезинтоксикация, омоложение и снижение веса – меня устраивали.

Вдобавок, перед этим я прочитал, что Гиппократ, сегодня вновь открытый как великий предвестник нынешней альтернативной медицины, лечил своих пациентов на некоем подобии курорта, кстати, тоже на острове. И я с благодарностью принял восхитительное приглашение Леопольда.

Гиппократ был гением. Больные, отстранившись на острове от повседневности, лечились диетой, физическими упражнениями, медитацией, изучением сновидений. Сны считались посланиями богов. И еще одно обязательное мероприятие в лечебных целях предлагал Гиппократ своим пациентам: две трагедии и комедию на театральной сцене. Какая мудрость за четыре века до Рождества Христова!

Неизвестно, практиковалось ли там промывание толстой кишки, но и это нисколько меня не удивило бы. Многое из того, что сегодня кажется новым, – на самом деле хорошо забытое старое. Все уже когда-то было.

Просто каждое новое поколение отметает опыт поколений прошлых. И таким образом, мы вновь открываем для себя, что колесо крутится, а огонь обжигает, что кто-то шлет сообщения через наши сновидения и что для того, чтобы быть здоровым, нужно меньше злиться, больше смеяться и… держать в порядке кишечник.

Я полагаю, Гиппократу было досконально все известно о промывании толстой кишки. В его время у греков были хорошие отношения с индийцами, а в Индии чистота кишечника, которую там называли «басти», – старая йоговская практика. Тот, кто стремился научиться контролировать собственное тело, должен был первым делом заняться очищением своего пищеварительного тракта. Инструкции, и по сей день выполняемые теми, кто практикуют хатха-йогу, достаточно точны: войдя в реку по пояс, учиться при помощи ежедневных упражнений использовать собственный сфинктер как насос, чтобы загонять воду в кишечник, а затем исторгать ее из себя. Через некоторое время самым успешным ученикам якобы удавалось проделывать то же самое с уретрой и промывать мочевой пузырь.

Остров Ко Самуй со своими тропическими лесами, водопадами, морем нефритового цвета и спускающимися к пляжу кокосовыми пальмами был, по моим воспоминаниям, идеальным местом для того, чтобы снова прийти в форму. Я представил себе, что примерно

таким и был остров Кос при Гиппократе. Чего я не смог вообразить, так это того, что на Ко Самуй мне предстоит полный курс лечения по Гиппократовой программе. Все, как на острове Кос, включая трагедии и комедию.

Первой трагедией стало прибытие. Не на медлительном ночном паромчике с юга Таиланда, а на самолете. Самолет был загружен той новой породой западных людей, которые далеко ушли от хиппи, некогда открывшими для себя этот остров. Пассажиры в основном были молодыми людьми из Восточной посткоммунистической Европы. Женщины с вялой бледной кожей, татуированные и курящие мужчины плюс австралийские с утра пьяные пенсионеры – все были загружены в самолет каким-то турагенством и сейчас, измученные, летели к последнему кусочку рая на земле, пользуясь своим священным правом на отдых.

Дорога из аэропорта, огибающая Чевенг-бич, когда-то один из самых прекрасных пляжей, стала главной улицей поселка на манер японского – домики лепятся к домикам, всюду лавочки, рестораны, обменные пункты, прокат джипов, прокат мотоциклов. Тут же типичные для Таиланда приманки для туристов – массажные салоны и сауны, где подразумевается «прокат» девушек на весь срок пребывания. Море почти нельзя было разглядеть за шумными стройками – сооружались новые гостиницы, бунгало, лавки, обменники, бюро проката джипов и так далее.

К счастью, оздоровительный центр «Спа», выбранный Леопольдом, был у моря, и мой домик стоял несколько на отшибе, поближе к воде. Место было без претензий, но вполне уютное; заправляли здесь всем американец Сэм, уроженец Сан-Франциско, которого по какой-то причине занесло на Восток, и его симпатичная жена – наполовину китаянка, наполовину лаоска, отличный менеджер и мать нескольких детей. Не все они были от Сэма, но все были запечатлены с ним на семейной фотографии. Она красовалась на стойке администратора: посередине Сэм в королевских одеждах, вокруг него дети, одетые как принцы крови.

Для Леопольда это был уже третий приезд сюда, что вызвало бурную радость у Сэма, его жены и целой стайки массажисток, которые накинулись на нас, убеждая назначить хотя бы пару сеансов в день. Сеансы массажа проходили на специальных бамбуковых платформах в тени кокосовых пальм, на морском ветру. «Медитативная музыка», звучащая из многочисленных динамиков, спрятанных в листве, плыла над поселком.

Мы с Леопольдом не ели и не пили со вчерашнего дня, так что смогли сразу же включиться в «программу». В десять часов порция «дезинтоксиканта»: в высоком стакане с фруктовым соком разболтали три ложки белесой муки из банки без этикетки. Вкус мне что-то напоминал, но я не успел над этим задуматься. «Ско-

рее, скорее! Пейте, пока не загустело», – торопила девушка, помешивая питье. За этой смесью последовал десяток серо-зеленых капсул с порошком примерно того же цвета, которые полагалось запить водой. Они тоже были без названия, но мне показалось, что это растительный концентрат «Грин Плюс», который в Америке я видел в любом магазине, торгующем витаминными препаратами. Я прилежно принял все в соответствии с инструкциями.

Идея голодания, древняя, как само человечество, была мне по душе. Бессмысленно проходить курсы медитации, чтобы научиться управлять разумом, если не умеешь управлять телом! Голодание казалось мне способом испытать себя. Древний человек постился, чтобы «ублажить предков» своим самообладанием. Лишь потом, войдя в практику многих религий, пост стал моральным самоочищением и самобичеванием, как и сознательное воздержание от других плотских наслаждений.

О лечебных свойствах поста знали с древности. Как-то один китайский монах еще в VII веке после Рождества Христова посетил большой буддистский университет в Индии. В своих записках он рассказывает, что, когда кто-нибудь из тамошних студентов заболевал, ему, перед тем, как дать какое-нибудь снадобье, предписывалось голодать целую неделю, и добавляет: «Обычно за это время пациент выздоравливал».

Все эти старые знания постепенно были утеряны, и голодание, как йога и многие другие приемы, вначале направленные на духовные цели, превратилось в чисто физическое действие, ориентированное на тело и предпринимаемое для похудения или «очищения».

Говорят, первые три дня – самые тяжелые, потому что тело отчаянно хочет вернуться к привычному режиму. На четвертый день оно начинает свыкаться с происходящим, меняет ритм, и все становится проще. Любопытно, а как буду реагировать я? Я решил, что все эти дни буду вести записи. Вот они.

Первый день

Бунгало, где я живу, похож на большую букву «А». Крыша из кокосовых листьев. Кровать – фанерный топчан, покрытый соломенной циновкой. Спереди дверь на маленькую галерею с лесенкой к пляжу. Сзади – другая дверь и две ступеньки в огороженный уголок под железным навесом. Здесь мой «турецкий» туалет, центр действия всего, что здесь происходит и о чем столько говорят. С самого приезда я только и слышал, что истории о клизмах.

Нас двадцать иностранных постояльцев, и все мы в той или иной мере «следуем по пути, ведущему к истине», как выражаются те, кто считает себя существом «духовным». Все делятся на категории в зависимости от того, сколько дней человек голодает. На тех, кто дотянул до седьмого дня, смотрят с уважением. Те, кто остаются подольше лишь для того, чтобы делиться своим опытом с новичками, неприятны, как всякие любители поучать. Пребывание тут меня забавляет. Нынешним утром я пережил незабываемое мгновение. С большим энтузиазмом бросившись в воду, впервые после Нью-Йорка, я глянул с моря на длинный ряд домиков и спросил себя, куда же выведены стоки всех туалетов. Ответ был очевиден – этот «продукт» плавал

вокруг меня! Я выбежал из воды. Если захочется поплавать, придется сначала удалиться в море.

Следующий прием дезинтоксиканта был в три часа дня. Та штука, которую туда всыпают, что-то напоминает, но я не знаю, что именно. На четыре часа программой был предусмотрен сюрприз. Пришла девушка и повела нас смотреть видео, в котором Чак, светловолосый американец с косичкой на затылке, разъяснял, в чем состоит процедура клизмы. Мы с Леопольдом давились от смеха. Трудно было сдержаться, глядя, как остальные голодающие уставились в телевизор, на полном серьезе слушая, как Чак поучительно толкует, сколько вазелина нужно нанести на мизинец, насколько глубоко следует вводить наконечник и почему не нужно делать слишком больших усилий, чтобы удерживать воду. «Однажды один немец решил продержаться три часа подряд. Это был рекорд, но так делать не следует», – резонно заметил Чак. Потом он объяснил, как ложиться на наклонную лежанку в своей туалетной комнате и рассказал о значении, «в том числе и психологическом», пластиковой сеточки, которую надлежит приладить к стоку, чтобы процеживать для контроля содержимое кишечника (перед тем, как оно утечет в море!).

Оказалось, Чак существует не только на видео, но и в реальности. Когда закончился фильм, он явился, так сказать, во плоти и сообщил, что все мы можем к не-

му обращаться при необходимости. Он выдал каждому по дозе «интеграторов», пищевых добавок (белых таблеток, которые следовало принимать вечером перед сном, чтобы восстановить микрофлору кишечника), одноразовые наконечники для клизм, а также красиво изданную брошюру с расписанием различных мероприятий и объяснением сущности программы «Взойди и Сияй!». Одно название чего стоит, прямо какое-то повеление свыше! И все это для того, чтобы получить «больше энергии, больше здоровья, улучшить пищеварение, стабилизировать вес, а также освободиться от негативных мыслей и почувствовать себя счастливее». Кто же откажется от такой чудесной возможности?

«Промывание толстой кишки, – говорится в брошюре, – это процедура специально для тебя, приверженца типичной американской диеты. Ты ел мясо, техногенную пищу, потреблял соль и кухонный жир, принимал антибиотики». Но у меня и безо всякой «американской диеты» были все основания здесь находиться.

На закате, после клизмы, массажа и сауны, сообщество голодающих собирается на пляже вокруг столиков; перед каждым в стакане подкрашенной чем-то воды плавает свечечка. Я знакомлюсь с «коллегами»: с дамой средних лет – бывшей красавицей и бывшим секретарем ООН в Женеве; молодым японцем, ни слова не понимающим по-английски; американской студент-

кой с огромным бюстом, который она с обоснованной гордостью демонстрирует, а также со странной парой. Он – голландец моего возраста, загорелый красивый мужчина, культурист, любитель медитировать, владелец яхты, на которой плавает по всему миру; она – бельгийка, подходящая по возрасту ему в дочери, милая, растерянная, «ищущая самое себя».

Все толкуют об австралийской девушке, у которой на четвертый день начались сильные боли в животе и кровотечение. Чак посоветовал ей прервать голодание и обратиться в больницу, но она противится. Ей кажется, что это будет предательством. Так и сидит до сих пор в своей хижине.

В семь подают «ужин»: бурду со смутным запахом овощей без масла и соли. Будто желая утешиться, все говорят о себе, рассказывают о своей жизни, о том, что привело их сюда. У меня создалось впечатление, что это стремление излить душу перед незнакомыми людьми, когда с моря веет приятный прохладный ветерок, – тоже часть процесса очищения, промывания.

В каждой услышанной здесь истории звучала непоколебимая убежденность в том, что современная жизнь нас отравляет. Что наш образ жизни и питание оставляют в нас вредные шлаки и только такая радикальная чистка может вывести из самых укромных уголков кишечника, до которых без клизмы не добраться, все «яды и токсины», накопленные за годы. Доказа-

тельство? То, что остается в сеточке-цедилке. Мы видим, что за гадость носим в себе и продолжали бы носить, если бы не это промывание.

Сэм пускает по столам тяжелый альбом со страницами, закатанными в пластик. Это «Золотая Книга „Спа“» с групповыми фотографиями голодающих из прежних смен и их отзывами. Все они в восторге от «очищения». Многие говорят, что почувствовали «освобождение», некоторые описывают радость, которую они испытали, увидев то, что с шумом вышло из их кишечника на шестой и седьмой день. Другие, вместо того, чтобы описывать словами свои впечатления, приложили цветные фотографии того, что они увидели в своей цедилке! Мой первый день прошел без страданий. Язык слегка обложен, но голова легкая, ноги чуточку дрожат, но я не испытываю никакого отчаяния, даже есть не особенно хочется.

Второй день

Сплю я прекрасно, комары не докучают. Смутные сновидения, будто я где-то поселяюсь с чайничком, компьютером, книгами и лампой. Встаю рано и долго гуляю по пляжу. Рассматриваю новые бунгало с герметичными окнами, так что в комнатах можно находиться только при включенном кондиционере. Ну что же, перемены неизбежны, а разве я не изменился? Когда-то я сошел на этот берег красивым молодым парнем, стройным, усатым, с иссиня-черными волосами, загорелым, полным сил, уверенности и надежд на будущее. Я приехал тогда из Сайгона, чтобы подышать чистым воздухом здесь, подальше от войны. А сейчас на кого я похож? Старый, бледный, все еще отечный от стероидов, лысый после химиотерапии. Вдобавок приходится прикрывать одеждой живот, чтобы не демонстрировать операционные швы и выпирающую грыжу.

В одиннадцать, после очередного приема дезинтоксиканта, наступает время клизмы. Вокруг большого котла с водой девушки готовят ведерки. Все выстраиваются в очередь. Добавка к воде предлагается на выбор – кофе, яблочный уксус, чеснок. Последний вариант рекомендуется при кишечных паразитах. Потом все разбредаются. Каждый направляется к себе в хи-

жину с пластмассовым ведерком, которое следует подвесить на крюк, вбитый в потолок туалета. В ведерке плещется несколько литров теплой воды – ее предстоит влить в кишечник в три-четыре приема.

Я останавливаюсь и, как завороженный, гляжу на всех этих западных людей, которые бредут, сгибаясь под весом собственной клизмы. Все они приехали сюда с мечтой исторгнуть из себя излишества, которым когда-то предавались, и увидеть эти излишества в своей цедилке.

Когда я был маленьким, порядок у нас дома был такой: не больше одного яйца в неделю, мясо только по воскресеньям, да и то, если мы могли себе это позволить, каждый день что-нибудь из фруктов в зависимости от времени года. Теперь же можно есть все, но ничему нельзя доверять. Даже в моей бедной любимой Индии нужно быть поосторожнее с апельсинами и мандаринами, потому что продавцы для веса впрыскивают в них грязную воду. Но разве лучше отборная клубника в наших супермаркетах, так накачанная гормонами, что видом напоминает картошку, выкрашенную в красный цвет? Или яблоки – все, как на подбор, натертые до блеска, но не имеющие ничего общего со старой поговоркой «одно яблоко в день – и врач останется без работы»?

Подсознательно мы все понимаем, что отравляем себя. Тем не менее, глядя в свою цедилку, я не обнару-

живаю там ни ядов, ни токсинов. Вижу только остатки тридцати капсул, которые по программе я должен принимать каждый день. А что, если «Взойди и Сияй!» всего лишь надувательство? Начинаю подозревать, что так оно и есть.

Пока я еще не говорил об этом с Леопольдом. Когда он предлагает прокатиться по острову, пока остались силы, я с радостью соглашаюсь.

По дороге мы останавливаемся у древнего храма, недавно отреставрированного. Автобусы и такси выгружают толпы туристов, приехавших взглянуть на «Мумию». Это мумия старого монаха, великого мастера медитации, который, когда ему исполнилось восемьдесят, объявил дату и время своей смерти. И в этот день он сел в позу лотоса и на глазах у распевающих мантры последователей ушел из жизни, а тело так и осталось сидеть, будто медитируя: голова держится прямо, рот, в котором сохранились все зубы, слегка приоткрыт в улыбке. Кожа, словно бумажная, только глаза, как объясняют экскурсоводы, не сохранились – на их месте пустые глазницы. Но их не видно, на нос водружены темные очки, так и сидит он, невозмутимый в своей стеклянной витрине, выставленный для фотографов. Туристическая достопримечательность, как водопады в джунглях, бордели в Ламай-бич или обезьяны, которые по команде залезают на вершины пальм за кокосами.

Я хорошо переношу голодание. Есть хочется, но не сильно. Правда, стоит только выглянуть за пределы Центра, и такое впечатление, что все кругом едят. Я вижу одни только рты, зубы, вгрызающиеся в куриные окорочка в соусе из зеленой папайи, сочные ломтики терпкого манго, приправленные солью, сахаром и красным перцем. Это большой соблазн.

Три часа провел в руках местного массажиста. Он – государственный служащий; его прислали сюда на несколько недель – проконтролировать качество работы женщин-массажисток. Разминая тело пациента, он пытается ощутить болезни, о которых тот еще не знает. Он, без сомнения, знает свое дело, но и ему не удается изменить мое укрепившееся предубеждение – ну не люблю я, когда мне делают массаж.

Наступает время ужина (но никто не ужинает, так как ужина нет); все снова говорят о том, что видели в цедилке. Интересно, думаю я, а о чем же говорили знатные европейцы и русские графини в XIX веке на водах в Баден-Бадене?

Третий день

Сон у меня был легкий, сновидений я не запомнил. Проснулся рано. Сидя на пустынном пляже, пытаюсь сосредоточиться на старой индийской пословице, которая вспомнилась мне в полусне: «Человек говорит, что время проходит, а время говорит, что проходит человек».

Начинается дождь; бегу укрыться под крышей административного корпуса. Вот и представился случай внимательно изучить «Золотую Книгу „Спа“», которую Сэм держит на стойке. Мои подозрения укрепляются. На всех фотографиях, оставленных голодающими из прежних смен, во всех цедилках видно одно и то же вещество – студенистая черно-зеленая масса. Токсины и яды современной жизни? Как же! Это остатки пластиковых капсул «интеграторов», которые мы все принимаем. И тут внезапно я вспоминаю, что же такое девушки всыпают в дезинтоксикант. Эта одна из лучших находок индийской фармакопеи – исабгол, шелуха какого-то злака, натуральное средство, регулятор пищеварения. В Индии он популярнее аспирина и стоит совсем недорого; самая популярная марка – она называется «Телефон» – продается в зеленой упаковке с картинкой, изображающей старичка у старого телефонно-

го аппарата с огромной трубкой в виде рожка. Принимают исабгол взболтанным в воде как при поносе, так и от простуды. И что правда, то правда: лучше его пить поскорее, иначе загустеет во рту, а не в кишечнике.

Итак, что это все значит? Да, мы голодаем, но то, что выходит из организма, – это не следствие неправильного питания, а остатки капсул «Грин Плюс» и исабгола, принятых за несколько часов до клизмы. То есть очищение, без сомнения, происходит, но вовсе не так, как нас убеждает «Взойди и Сияй!»

Я зову Леопольда к себе в хижину на «срочное заседание кабинета министров» и выкладываю свои подозрения. Они его позабавили, но в то же время и раздосадовали, потому что он уже дважды прошел этот курс и ни разу ни в чем не усомнился. Чтобы проверить мою гипотезу, он решает продолжить голодание, но не принимать ни капсул, ни напитка. Отныне он ограничится водой.

Я же веду себя как обычно. Вместо массажа провожу много времени в сауне. Сидя в примитивном бетонном бункере на горячей кафельной плитке (как в туалетах), мы дышим ароматными испарениями трав. Надеюсь, у меня пройдет мой старый синусит, а то он тут вновь принялся меня мучить.

Иногда пар в сауне стоит настолько густой, что не видишь человека, сидящего рядом. Это чем-то напоминает исповедальню и располагает к откровенности.

Сегодня бывшая секретарь ООН в Женеве рассказывает мне версию своей жизни – возможно, самую правдивую из имеющихся у нее. В последнее время жизнь эта протекала, по ее же словам, «в неустанных поисках учителей и гуру». Она начала с Ошо Раджниша и свободной любви в ашраме Пуны, побывала в других группах и сектах, о которых я прежде даже не слышал. Сейчас она тибетская буддистка. Но… совсем недавно, путешествуя по Европе, она зашла в церковь и, увидев статую Святого Франциска, чуть не лишилась чувств; она почувствовала, что ее «подхватила и понесла невероятная энергия, исходящая от этой фигуры». Сейчас она живет на Гавайях, работает в социальной сфере, занимается молодыми наркоманами. Она рассказала, что некоторым ее подопечным всего пятнадцать, а они уже приходят на прием с фотографиями собственных детей.

Выйдя из сауны, вижу, как несколько массажисток моют мясистые листья странного растения, которое растет между хижинами. Внутри листьев – студенистая масса, напоминающая тело медузы. Это Aloe vera. Некоторые на Западе полагают, что это растение обладает противораковыми свойствами. Здесь листья растирают и накладывают как маску на лицо тем, кто сверх программы хочет еще пройти и косметический курс.

Я замечаю транспарант с высказыванием, приписываемым Бернарду Шоу: «Любой болван может на-

чать поститься („fast“), но мудрый знает, как прекратить („break“). Отсюда английское слово „breakfast“ – завтрак, что буквально означает „прерви пост“». Леопольд – он теперь сомневается во всем – любопытствует, а говорил ли это Шоу?

После обеда я почти два часа гуляю по пляжу. Небо затянуто черными тучами, приближается тайфун. В былые времена гостиницы закрылись бы или стояли наполовину пустые, но теперь благодаря новым туристам из стран Восточной Европы, привлеченным сезонными скидками, почти всюду переполнено.

Вечером мы снова садимся вокруг столов с красивыми свечечками. Все наперебой объясняют друг другу достоинства колонотерапии. Бельгийская девушка, подруга культуриста-медитатора, растолковывает их Леопольду, который притворяется, что для него это в новинку, тибетская буддистка просвещает новичков, а Сэм за стойкой администратора объясняет метод лечения двум сотрудникам турагентства, которые, как он надеется, должны обеспечить ему регулярный приток клиентов и звонкой монеты.

Голодание переношу хорошо. Куда лучше, чем бесконечные разговоры о всяких там «потоках энергии» и «притоках клиентов».

Четвертый день

Встаю утром, ноги подкашиваются. Решаю отказаться от утренней прогулки и зарядки. Грею воду для чая, зову Леопольда. Он является с «Маленьким принцем», найденным на стойке администратора. Вычитывает фразу: «Зорко одно лишь сердце. Главного глазами не увидишь». Я в ответ рассказываю историю из одной американской книжки.

В 1897 году одна девочка написала письмо в газету «Нью-Йорк Сан». Друзья сказали ей, что Санта-Клаус – выдумка и он не существует. Девочка просила, чтобы газета ей сказала правду. И газета ответила в колонке редактора – сегодня ни один журналист такого не напишет. «Дорогая Вирджиния, – говорилось в статье, – твои друзья ошибаются. Они – жертвы нашей эпохи сомнений и верят только в то, что видят. Но Санта-Клаус, конечно, существует, Вирджиния. Он существует так же, как существуют любовь, щедрость, преданность. Ты ведь знаешь, что все это есть, более того – встречается довольно часто. Именно эти вещи придают твоей жизни красоту и радость. И самое настоящее, самое важное – именно то, чего не увидеть глазами – ни детям, ни взрослым».

Одна из прелестей путешествий с Леопольдом в

том, что можно смотреть на мир в четыре глаза, познавать его и рассуждать, как бы его переделать на свой вкус. В последние дни мой друг обдумывает новую идею: все создаваемое людьми должно оставаться там, где сделано. Иначе происходит «детерриториализация» вещи, с перемещением в иную среду ее ценность превращается в цену. Взять, к примеру, статуэтку Будды, которую изъяли из ауры бирманского храма, где ее любили и ей поклонялись, и просто украсить ею гостиную западного жилища. По словам Леопольда, глобализация, перемещающая изделия и продукты по всему миру в любых направлениях, создает хаос, который является прелюдией к катастрофе. А на мой взгляд, массовый туризм, который бездумно перемещает во всех направлениях потоки людей, в этом смысле тоже играет не последнюю роль. «Заседание кабинета министров» завершается решением повсеместно отменить паспорта. Пусть люди путешествуют, как еще в начале XX века, только с рекомендательными письмами.

Я выпиваю свою порцию жидкости, принимаю капсулы; наполняю ведро теплой водой с кофе; проверяю содержимое цедилки и остаток дня провожу между сауной и своим соломенным тюфяком, на котором я читаю.

Ближе к полудню замечаю сидящего в позе лотоса красивого западного юношу. Он расположился спиной

ко мне; длинные пряди волос падают ему на плечи. Юноша неподвижен и пристально глядит прямо перед собой. Погружен в медитацию? Да где там! Он смотрит на монитор ноутбука и проверяет почту. Это новый голодающий, он приехал сюда с юной элегантной блондинкой, типичной представительницей «приличного общества» восточного американского побережья. Меня они заинтересовали, и после обеда иду поговорить. Оказывается, юноша бывал в Индии и даже чуть не стал там «садху», аскетом. Пять лет назад он и его подруга познакомились на курсах медитации. С тех пор они неразлучны; вместе основали фирму, которая в Китае производит парусиновую одежду, теперь очень модную. Он разрабатывает модели, она занимается коммерческой стороной дела. По их словам, успех в мире бизнеса пришел потому, что они до этого развили в себе с помощью медитации «необходимую отрешенность от всего материального». А насчет промывания толстой кишки они услышали в Пекине от других путешественников. Отправляясь на первый сеанс промывания, они дают мне элегантную визитку с адресом их сайта.

Леопольд уже убежден, что мои подозрения обоснованны. С тех пор, как он перестал выпивать свои положенные две порции смеси в день и отказался от добавок, его цедилка пуста.

Теперь он хочет разобраться: сознает ли Сэм, что

это ловушка? Заблуждается он или просто цинично наживается на дутой программе вымывания «всех ядов мира»? Конечно, он все понимает! По-моему, Сэм отличный бизнесмен. У него худший участок берега – дно здесь обильно утыкано острыми камнями, – но ему удалось превратить его в настоящую золотую жилу, где люди платят за то, что ничего не едят. Зато для него готовят аппетитные тайские деликатесы, а вечером, когда он, развалившись в просторном мягком кресле, смотрит видео на огромном экране, девушки носят хозяину с почтением одну бутылку пива за другой. А как же дезинтоксикация, Сэм?

По-моему, во второй половине дня у меня была первая галлюцинация, связанная с голоданием. Я сижу, гляжу на море и вижу, как ко мне подходит крохотный человечек. Он протягивает мне ручонку – тоже маленькую-маленькую. Это Билл, австралиец, отвечающий за «духовную часть» «Спа». Услышав слово «духовная», я встаю и чувствую себя высоким, просто гигантским, моя голова теряется высоко-высоко в небе, как во время упражнений по гимнастике цигун, которым нас учил Мастер Ху. Билл становится еще меньше. Я слышу, как он говорит, что, если меня заинтересует, у него есть курсы йоги и рэйки. А еще он специалист в области пути Атцуки к Здоровью. Нет, я не заинтересован, но, повинуясь внезапному наитию, спрашиваю:

– Билл, ты же работаешь здесь, скажи, что они до-

бавляют в дезинтоксикант?

– А, это мегалитический мел.

– Что-что?

– Ну, такой мел, который в кишечнике начинает работать на мегакосмическом уровне…

Хотелось бы побольше узнать об этом самом уровне, но Билл спешил давать урок «Пути Атцуки» той самой приболевшей австралийской девушке, которая все-таки не хочет уезжать из «Спа», так как здесь чувствует себя среди друзей.

В витрине у стойки администратора выставлена небольшая коллекция книг. Некоторые из них посвящены промыванию толстой кишки и достоинствам этой процедуры; Сэм поставил их туда, чтобы придать «научный» блеск деятельности «Спа». Остальные, скорее всего, были оставлены там прежними клиентами, чтобы способствовать духовному прогрессу новых голодающих. Одно название меня особенно умилило: «Ключ к немедленному просветлению». Книга написана вьетнамкой, эмигрировавшей в Германию. Поработав в Красном Кресте и выйдя замуж за врача-христианина, она поняла, что для облегчения страданий человечества нужно первым делом достичь всеобщей самореализации. Так «за годы лишений и испытаний» она благодаря «практике метода Кван Инь» (поди знай, что это) и помощи «великого учителя Гималаев» (ну как же обойтись без такого!) добилась Великого Про-

буждения и сама стала Верховным Магистром. Теперь она странствует по миру, облаченная во все белое и золотистое, и учит просветлению.

Боже мой, что за мешанина – Вьетнам, Германия, Красный Крест, буддизм, христианство, Гималаи… не много ли всего сразу? Чего доброго, не переваришь… Естественно, что хочется «очиститься». Я тут обнаружил, что наши клизмы рассчитаны по восемнадцать литров на каждого. Неплохое промывание.

Правы те, кто говорил, что на четвертый день тело привыкает к голоданию. Я теперь почти не ощущаю голода. А вот вкусовых ощущений мне не хватает, и сегодня вечером я заметил с большим удовольствием, что в болтушке, которую нам подали на ужин, кроме отдаленного намека на морковь и сельдерей, куда более отчетливый привкус цитронеллы.

Два сеанса в сауне отняли у меня много сил. Сейчас всего восемь, но я собираюсь лечь спать. У меня все путается в голове. Что я делаю здесь, среди всех этих скитальцев? Бедные восточноевропейцы, которых затянул механизм потребления; японская девушка, дочь торговца фруктами из Осаки, которая ездит по миру, не понимая толком, где она в данный момент находится; бельгийка, подруга красавца-голландца, которая, по ее словам, сама не знает, куда направляется, просто держится на поверхности и плывет по течению.

Ни один из них, на мой взгляд, не горит высокими

чувствами, великой любовью, не чувствуется и настоящей злости. Наиболее здоровыми из всех мне кажутся американец с американкой – те, что выпускают парусиновую одежду в Китае. Они хоть видят какую-то цель в жизни: пробудить интерес людей к натуральным продуктам. Их одежда, простая и удобная, куда приятнее тех изысканных отрепьев, что любит пляжная молодежь.

Пятый день

Опять клизма; меня слегка подташнивает, из кишечника ничего не выходит. В сауне я чувствую вялость и приятное расслабление. Взвешиваюсь: потерял пять килограммов, по килограмму в день.

В одной из книг о колонотерапии нахожу уже привычную теорию о том, что болезни – это результат нашего неестественного образа жизни, как не согласиться. Но затем автор, американец, пишет: «И точно так же, как вы не увидите мух, где нет гнили, так не найдете и болезни в совершенно чистом существе».

Ну и слабоумный! Этот религиозный взгляд на болезнь как на Божью кару за грехи достаточно стар, но опасен, потому что внушает больному чувство вины и отнимает у него желание жить. А теперь это приплели и к клизмам.

Разве «святые» не умирают от болезней? В Индии умерли же от рака Рамакришна, Рамана Махариши и Нисаргадатта Махарадж.

Чтобы понять, до какой степени может дойти помешательство, я записываюсь на курс Билла, где обучают «Пути Атцуки к Здоровью» – 1500 бадов, то есть 30 евро за первый цикл. И докапываюсь до правды, но сначала я заставляю его рассказать о себе.

Билл Санденберг, пятьдесят один год, живет в Азии с 1976 года. Тогда, привлеченный практикой «свободной любви» в ашраме Ошо Раджниша в Пуне, он приехал туда из Лондона с группой друзей. Несколько лет он оставался в ашраме, немного научился музицировать, потом начал скитаться, нигде не останавливаясь надолго. Здесь, в Спа, он тоже не задержится. Его мечта – играть бразильскую музыку, и вот сейчас филиппинский оркестр из Пхукета сделал ему предложение. Мы это обсудили, и я посоветовал ему согласиться. Потом до меня доходит, что я все-таки пришел за платной консультацией, и возвращаюсь к началу.

– Что значит «Атцуки»? – спрашиваю я его.

– Это означает «вещи, как они есть». Мир таков, каков он есть. Принятие жизни.

Переходя от одного гуру к другому, Билл слышал о многих способах «лечения души», но ни один из них ему по-настоящему не нравился, поэтому он, Билл Санденберг, придумал свой собственный, которым сейчас и зарабатывает на хлеб. Из своего чемоданчика он извлекает брошюру: «The Atzuki Way to Health: Spiritual Body Psychology for the Next Millennium». Я пытаюсь уточнить, что все-таки представляет собой этот самый «Путь к Здоровью для грядущего тысячелетия» – «психологию духовного тела» или «духовную психологию тела»? На полном серьезе он объясняет мне, что речь идет о психологии духа и тела. Ладно, пусть

так.

– Видишь ли, – объясняет он с заученной проникновенностью, – все, чего мы хотим, – это испытать какое-то чувство. Даже покой, который ты ищешь, тоже чувство. Когда ты говоришь, что хочешь стать богатым, тебе нужно ощущение того, что ты богат, а не просто богатство.

Билл измеряет мой пульс, чтобы услышать «биение» почек, печени и «всех пяти позиций инь и ян» (знать бы, что это за позиции такие!). Закрывает глаза, сосредоточивается. «Прекрасно. Полное равновесие. Ты совершенно здоров», – говорит он. Что и говорить, он видит меня просто насквозь! Потом добавляет: «Только биение почек немного сдавленное какое-то, но, знаешь, оно ведь напрямую связано с чувствами мира и покоя. Для лечения могу тебе предложить иглоукалывание, не китайское, а японскую разновидность, причем с гомеопатическим подходом».

Этот человек совсем полоумный, но я продолжаю его слушать.

Теперь он предлагает мне некий «rebirthing», что, по его словам, мне бы очень помогло.

– Как-как?

– Ну, мы с тобой вдвоем воссоздадим процесс твоего появления на свет. Это такая техника расслабления эмоций. Но делать это надо в приватной обстановке, наедине, потому что, возможно, тебе захочется выра-

зить все свои чувства. И это может быть драматическое зрелище.

Потом он советует мне больше заниматься массажем, конечно же, тем, который здесь делает главная массажистка и по совместительству его любовница, и продолжать париться в сауне. «Влажность хороша для почек».

Что касается диеты, то мне надо принимать больше женьшеня. Он, Билл, мне достанет корень отменного качества. От вегетарианства мне придется отказаться; у него тут есть такой особый китайский куриный бульон, он мне его тоже предлагает. Как бы то ни было, чтобы восполнить нехватку белков, нужно есть побольше грецких орехов и фасоли. «У фасоли – форма почек, и поэтому, согласно законам инь и ян, она для почек полезна». Еще он мне советует пить больше воды.

До сих пор он всегда лечил себя сам, «сочетая медитацию – инь и бразильскую музыку – ян». Билл тычет инь и ян куда попало, и когда он заговаривает о еде инь и ян, я прикидываюсь дурачком и переспрашиваю:

– Еда инь и еда ян?

– Ешь морковку. Ее можно резать вдоль и поперек. Все в этой жизни можно воспринимать вертикально или горизонтально, как инь и ян.

Час подошел к концу. Билл надеется, что я еще обращусь к нему за консультацией и он сможет помочь мне.

Заглянув мне в глаза еще раз, он поясняет:

– Это возраст, когда надо практиковаться в общении с Богом, потому что близится час, после которого мы пребудем с Ним вечно.

Я только что вернулся к себе в хижину и пишу эти заметки. Потом схожу к Леопольду, расскажу ему о встрече, и мы вместе с ним посмеемся. Как же еще реагировать на все это безумие?

Америка отравляет нас своей глобализированной культурой, основанной на ультраматериализме, и она же предлагает в качестве противоядия свою духовную контркультуру – «нью-эйдж». Нам остается потреблять либо одно, либо другое. А еще лучше, и то, и другое сразу. Иррациональное в качестве антипода всемогуществу разума уничтожает полностью следы здравого смысла. А конец здравого смысла означает конец свободы.

Возможно, за всеми этими разговорами об «очищении» стоит бессознательное стремление к чистоте – причем не только кишечника.

Шестой день

Я просыпаюсь в половине второго ночи, потому что забарабанил дождь по крыше. Это пришел тайфун. Мне снилось, что у меня рак кишечника и меня препоручили во флорентийской больнице заботам маленькой женщины-врача, которой я не доверяю, и мне удается от нее сбежать. Конечно, я таким образом «переработал» свою встречу с «маленьким» Биллом и все свои мысли по поводу его «терапии».

Все утро небо затянуто большими черными тучами, набухшими дождем. Погода как нельзя лучше подходит для того, чтобы дремать у себя в хижине или читать у оконца, напоминающего тюремное. Среди стихов Руми, которые я захватил с собой, как безмолвного попутчика, я обнаруживаю строки, будто специально для меня написанные:

Хорошая еда
Так привлекает,
Но после ночи,
Пройдя сквозь нас,
Становится мерзкой.
Лучше же питаться любовью!

Чувствую слабость. Галлюцинаций нет, но сил вы-

браться на прогулку тоже нет. Интеграторов я больше не принимаю, и сегодня утром в моем ведре была только теплая вода. «Без кофе, пожалуйста». Цедилка пуста. У Леопольда так уже несколько дней. Он еще слабее, чем я, потому что, когда я сообщил ему о своих подозрениях, он больше не брал в рот ничего, кроме воды и вечернего «бульона». Мы с ним убеждены, что моя гипотеза справедлива: в цедилке оседают остатки пластмассовых капсул и исабгола, которые мы принимаем ежедневно. И никаких там «ядов и токсинов».

Панорама центра пополняется новым персонажем: Уте, немка из Берлина, лет тридцати пяти, волосы, как пакля, желтые и розовые.

Пару лет тому назад она приехала сюда в отпуск, но, вернувшись в Германию, не смогла снова адаптироваться к жизни на родине. Она прослушала курс Первого Уровня рэйки, прошла, как она сама выражается, «инициацию» и сейчас путешествует по свету, практикуя это «древнее терапевтическое японское искусство». Ее первой жертвой – разумеется, не бесплатно – стала австралийская девушка, которая все еще здесь, хотя прекратила голодать. Уте воздействует на нее «энергией Вселенной». Если бы слово «энергия» упразднить, сколько народу осталось бы без работы!

Мы с Леопольдом совсем обессилели. Тихо сидим за столиком возле стойки администратора. Наблюдаем за парами с рюкзаками, которые, привлеченные вы-

веской у дороги «Релаксация – Медитация – Центр здоровья», заходят за дополнительной информацией. Жена всегда вырывается вперед, рассматривает меню и спрашивает, сколько стоит участие в «программе». Муж – они чаще более робкие – ждет в стороне. Сэм дает возможность кому-нибудь из персонала ответить на первые вопросы, потом подходит, показывает «Золотую Книгу». Дает им полюбоваться фотографиями с загадочными токсинами, выведенными из организма. Супруги переглядываются. Жена принимает решение. Продано!

В общем,

Если б везде паспорта отменили,
Деньги свои бы они сохранили!

Седьмой день

Последнее ведро. После него получаем белую жидкость, чтобы «восстановить микрофлору кишечника». Красавец-голландец заходит ко мне сказать, что разделяет мои сомнения. Моя идея начинает циркулировать среди голодающих. Если слухи дойдут до Сэма, он, чего доброго, прикончит меня при помощи отравленной клизмы. Наш лжепророк Билл активно обрабатывает двоих молодых приезжих.

Сегодняшнее «заседание кабинета министров» с Леопольдом целиком посвящено экономике. Леопольд полагает, что, подобно психоанализу, поглотившему целую эпоху, предлагая себя в качестве универсального толкователя всего на свете, сейчас экономика делает то же самое. Со своей претензией на научность экономика пожирает нашу цивилизацию, создавая вокруг пустыню, из которой никто не знает, как выбраться. Никто, тем более, сами экономисты.

– На самом деле есть такой способ, – говорю я. – Раз уж все революции ничего не дали, единственное средство, чтобы не быть потребленным потребительством, это в некотором роде «поститься», воздерживаясь от того, что не является абсолютно необходимым, то есть не приобретать бесполезного. Если бы ко мне прислу-

шались, экономике пришел бы конец. Но если экономика и дальше будет так свирепствовать, конец придет и всем нам и миру, в котором мы живем. Достаточно взглянуть на этот крошечный остров, где за какие-то несколько лет вырубили леса и одели в бетон побережье во имя прогресса и экономического развития!

Для экономики «хорошая новость» – это, когда люди покупают больше, строят больше, потребляют больше. Но представление экономистов, что движение возможно только через потребление, это чистой воды безумие. Так и рушится мир, потому что потреблять, в конечном счете, означает уничтожать ресурсы Земли. Уже сейчас мы потребляем 120 процентов того, что в состоянии воспроизвести планета, мы проедаем свой капитал. Что же останется нашим внукам?

Ганди, живший в своем простом, но ясном и нравственном мире, понимал это, когда говорил: «У Земли хватит ресурсов, чтобы удовлетворить всеобщие нужды, но не всеобщую алчность!»

Великим экономистом стал бы сейчас тот, кто смог бы переосмыслить всю систему с учетом того, в чем действительно нуждается человечество. И не только с материальной точки зрения.

Система не изменится сама по себе, каждый может способствовать ее изменению… «воздерживаясь». Достаточно обойтись без одной вещи сегодня, без другой завтра. Достаточно урезать так называемые

потребности и нужды – и скоро мы поймем, что не все так уж и необходимо! Это был бы путь к спасению, настоящая свобода: не свобода выбирать, а свобода быть. Свобода, с которой хорошо был знаком Диоген, который бродил по афинскому базару, бормоча себе под нос: «Нет, ты посмотри, посмотри, сколько, оказывается, есть вещей, которые мне даром не нужны!»

Что всем нам нужно сегодня – это немного фантазии, чтобы переосмыслить нашу жизнь, отойти от схем, чтобы не повторять уже осознанных нами ошибок.

Зачем продолжать искать социальные или политические пути решения, используя формулы, которые уже доказали свою непригодность? Почему школы должны быть именно такими, как они есть? Почему больных непременно следует лечить в заведениях, именуемых больницами? Почему решение проблемы старости и стариков – это непременно дома престарелых? Кстати, уже тот факт, что стариков рассматривают как некую «проблему», – сам по себе проблема, и серьезная.

А тюрьмы? Как же это возможно, что повсюду, от Азии до Европы, от Огненной земли до Лапландии, единственный способ воздействия на преступников – это запирать их в клетки, где удобные, где не очень. Возможно ли, что до сих пор никому не пришло в голову ничего нового, революционного, кроме телевизора в камере и посещения жены раз в месяц?

«Заседание кабинета министров» закрывается моим предложением устроить международный конкурс среди детей, предложив им ответить на вопрос «что делать с ворами и убийцами?»

В Индии в связи с пятидесятилетием со дня гибели Ганди проделали нечто подобное. В начальной школе детям предложили ответить на вопрос «Что бы ты сделал, если бы у тебя была абсолютная власть в стране?» Самыми распространенными ответами были: «Я бы построил подходящее жилье для бедных», «Велел бы улицы сделать чистыми», «Избавился бы от продажных политиков», «Посадил бы побольше деревьев», «Сократил бы рождаемость».

Итак, вся власть детям!

Восьмой день

В оздоровительном центре драма. Среди ночи я просыпаюсь от женского вопля. Суматоха, грохот, потом топот кого-то бегущего. Поднимаюсь. Льет как из ведра. Свет не зажигается, вся деревня во тьме. При свете молнии вижу Леопольда, и кажется, он не один. «Иди сюда, дай фонарик», – кричит он. За его шею цепляется американская девушка, она дрожит и всхлипывает. Леопольд пытается ее утешить. В ее бунгало вломился мужчина с пистолетом и попытался ее ограбить и изнасиловать, Леопольд вышел на шум, мужчина бросился наутек. Девушка в ужасе, она не хочет оставаться одна. Леопольд остается на страже и спит остаток ночи у нее на веранде.

Серый рассвет. Небо все еще в черных тучах тайфуна, которые время от времени проливаются потоками воды. Моя «программа» исчерпана. Сегодня я уже имею право есть, но сейчас для меня это равноценно утрате невинности, и я не вижу в этом особой нужды. Могу поголодать еще несколько дней. Собственно, мне бы даже хотелось этого. Один из результатов голодания – то, что мне не хочется больше набивать желудок, пропадает желание употреблять неестественные продукты. Приятное ощущение легкости, жаль его терять.

Я чувствую себя великолепно. Голова ясная, и странным образом вернулись силы. Откуда, и сам не знаю. Мне даже хочется пробежаться под дождем. Вместо этого я сажусь на камень и, закрыв глаза, размышляю о кокосовом орехе, лежащем у моих ног, и о чудесном таинстве жизни. Он упал где-то, его унесло морем, качали и швыряли волны, может быть, он странствовал так не один месяц, а сейчас его прибило к берегу, и он остался на песке, чтобы прорасти и стать пальмой. Всегда эта сила, эта энергия внутри материи! Вот она, подлинная магия мира.

Весь центр «Спа» обсуждает и комментирует ночное происшествие. По-видимому, такое здесь уже случалось. Я помалкиваю, хожу кругами, читаю и все откладываю завтрак, который меня ждет: кусочки папайи, йогурт из козьего молока, мед и пыльца. В десять решаю поесть. Я завтракаю за столиком у моря в одиночестве, истово, будто исполняя религиозный обряд, к которому я заблаговременно подготовился – принял душ и надел чистую «курта-пиджама». Первый глоток после долгого перерыва – до чего же вкусно!

На следующий день

Последняя прогулка, укладывание, прощание. В насыщенной испарениями сауне тибетская буддистка предлагает мне двенадцать таблеток ЛСД в герметической пластиковой упаковке. Сейчас она возвращается в Америку; вдобавок ей заплели волосы в многочисленные косички, украшенные разноцветными шариками. Она говорит, что в таком виде ее непременно будут досматривать на таможне; и ей не хочется рисковать. Я советую ей предложить таблетки красавцу голландцу.

Машико-сан, японская девушка, дарит нам с Леопольдом по монетке в пять йен. «Го йен» означает и «пять йен», и «желаю удачи». У нее таких монеток целый запас, чтобы отблагодарить тех, кто помог ей в пути.

Улицы Ко Самуя совершенно затоплены, потому что строились без дренажа. В аэропорту полно народу. Самолеты опаздывают, но, несмотря на низкие тучи, предвещающие тайфун, все-таки продолжают возить пассажиров. У туризма конвейерный ритм, перебои недопустимы. Среди ожидающих я замечаю господина моих лет с седой бородкой, который упорно пытается получить место, хотя его не бронировал. В конце кон-

цов он садится в наш самолет. Он, возможно, психоаналитик.

В Бангкоке, дожидаясь пока моя видавшая виды зеленая сумка, сопровождавшая меня еще в Китае, выплывет на багажную ленту, я заговариваю с ним. Он тоже возвращается из какого-то оздоровительного центра и тоже после курса колонотерапии. В том центре «большие молодцы, потому что лечат в первую очередь дитя внутри вас».

– Что за внутреннее дитя?…

– Это ребенок, живущий в каждом из нас, – говорит он, приложив руку к сердцу и глядя на меня с доверчивой улыбкой. – У них есть особые приемы медитации для общения с этим ребенком, – объясняет мне он. – И видели бы вы, что вышло у меня из кишечника! Там есть такая цедилка – так вот, в ней я видел невероятные вещи – токсины, яды и предлинного солитера. Я вернусь туда и вам советую, сами убедитесь. Управляющий – грек, его жена – тайка. И еще энергетика там потрясающая. Так что следующий раз – только туда. Ну, пока!

– До свидания.

До последнего вздоха

Восток и Запад… Что мы, европейцы, делаем здесь, в Азии? Чему научились? Не пора ли нам убираться? Недавно Леопольд уже говорил об этом, и наши вечера в Бангкоке, в его стареньком деревянном доме, окруженном уцелевшими деревьями, стали отличной возможностью к этой теме вернуться. В глубине души Леопольд уже решил уехать. Он прожил в Таиланде четверть века, и от всего того, что когда-то его привлекло, мало что осталось. Восток все больше становился уродливой копией нашего собственного дома. Его манящая своеобычность, непохожесть на наш мир таяли на глазах под напором прогресса.

Как было с ним не согласиться? Я с Таиландом расстался несколькими годами ранее, и, если бы не мое переселение в Индию, где силы духа еще противостоят силам материи, я бы и сам пришел к выводу, что в Азии больше нечему учиться, нечем проникаться.

Бангкок очень сильно изменился внешне, и, как следствие, изменился его дух. Его очарованию пришел конец. Из солнечного города, изрезанного каналами, он превратился в нагромождение бетонных строений, в который теперь почти не проникало солнце из-за многочисленных многоуровневых улиц. Традицион-

ное спокойствие людей подтачивается ускорившимся ритмом жизни, прежде размеренным и сонным.

Я отправился навестить своего старинного тайского друга, философа-буддиста. Он все еще жил в своем скромном домике, но теперь сюда не попадал солнечный свет, даже цветы не росли – и все потому, что кругом стояли небоскребы. Когда я в разговоре коснулся своей болезни, он рассказал об одном бонзе, который мог бы мне помочь. «Это великий целитель, – сказал он. – Мы можем позвонить ему прямо сейчас и договориться о встрече. Вот, кстати, номер его мобильного…» Нет уж, спасибо.

Восток и Запад… Когда-то более чем два географических понятия, это были два противоположных отношения ко внутреннему миру. Одно, основанное на исследовании внутреннего мира при абсолютном равнодушии к миру внешнему, другое – направленное на покорение внешнего мира без учета мира внутреннего. Начиная с конца XIX века многие на Западе надеялись, что смогут компенсировать одно видение другим, сохранив оба подхода, и заставить таким образом весь человеческий род совершить значительный качественный скачок. Пустые надежды. Материализм западного видения мира опрокинул видение восточное, и та Азия, которой мы обязаны богами и идеями, потеряла покой в погоне за тем суррогатом счастья, который уже сделал несчастными нас на Западе.

Однажды, позвонив Дэну Риду, моему старому другу, специалисту по Китаю и даосизму, мы услышали, что он тоже решил распрощаться с Востоком и уехать в Австралию. Это был хороший предлог, чтобы навестить его. Я хотел повидаться с ним и больше узнать о гимнастике цигун – в этом он был специалистом.

Ходить к нему в гости – одно удовольствие: калитка, сад, маленький пруд с чудесными лотосами, мостик из булыжников, а в глубине на небольшом пригорке приземистое строение – особняк «Счастливый Холм». Дом был не такой грандиозный, как тот, где Дэн с женой Юки жили раньше, но атмосфера мира и покоя была все та же.

Над входной дверью в рамке висели шесть строчек из Киплинга – будто для того, чтобы напомнить входящему о временах, когда Восток еще был тайной и борьба за его завоевание представлялась неравной:

Белый камень надгробный – битвы итог,
И надпись на нем гласит:
«Стой, прохожий.
Здесь бедный безумец лежит,
Что хотел покорить
Восток».

На самом деле «бедный безумец», приехавший с Запада, оказался на деле не таким уж бедным, он выжил

и даже победил, так что под «белым камнем надгробным» скорее покоилась тайна Востока.

Вначале Дэн держался сухо. Он был немного обижен тем, что я не последовал его совету и согласился на химиотерапию. Но очень скоро я заслужил «прощение», рассказав ему, что только что прошел курс колонотерапии – Дэн тоже не первый год активно ее пропагандировал. Порадовало его и то, что теперь каждый день я посвящал время его любимому цигуну. Я научился кое-каким упражнениям у Мастера Ху в Нью-Йорке и сейчас хотел, чтобы Дэн помог мне усовершенствоваться. Это подействовало.

Наутро Дэн приступил к урокам. Он был настоящий ас. Достаточно было только взглянуть на него – подтянутое мускулистое тело, собранные, четкие движения, никакой расхлябанности. Зрелище само по себе поучительное. Он сделал мне несколько замечаний по поводу некоторых поз и научил еще одному специальному упражнению, которое следует делать перед каждым этапом: колени слегка согнуты, руки расслаблены и вращаются вместе с торсом, чтобы «открыть каналы» и «способствовать циркуляции энергии».

Занятия с Дэном еще больше убедили меня в том, что, если отмести всю риторику, можно обнаружить что-то действительно чистое, подлинное, целительное в этой древней китайской методике, заключающейся в медленных движениях рук и ног при одновременном

контроле над дыханием. И в самом деле, при нашем образе жизни мы не обращаем ни малейшего внимания на то, как мы дышим, – более того, вообще не осознаем, что дышим! Естественно, рано или поздно за это приходится платить.

По словам Дэна, цигун – идеальная система для профилактики огромного количества болезней, и рака в первую очередь. Целебная сила цигуна, по его мнению, обусловлена насыщением тела кислородом после упражнений.

– Еще в 1931 году, – рассказал Дэн, – немецкий врач Отто Варбург получил Нобелевскую премию за свое открытие: он выяснил, что при всех формах рака клетки с серьезным недостатком кислорода поражались болезнью, а клетки, насыщавшиеся кислородом, рак не затрагивал. Дэн видел некий заговор в том, что официальная наука игнорирует это открытие, так и не получившее широкой известности. Дальнейшие исследования подтвердили значимость этого открытия: рак распространялся при снижении содержания кислорода в воздухе, особенно в промышленных районах.

Не знаю, насколько Дэн был прав, но мне нравилась сама уверенность в том, что через упражнения чистый воздух его сада растекается по моему телу и приносит пользу. Дэн настаивал на гармонии, на неторопливости движений, на том, чтобы не делать усилий и осознавать, что некоторые внешние движения тела напра-

влены на массаж внутренних органов. «Эта неторопливость, – говорил он, – также являлась лучшим способом держать под контролем эмоции – причину многих хронических заболеваний».

Это убеждало, и мне этого было достаточно. И незачем было верить в истории о мастерах цигуна, способных избавлять людей от огромных опухолей путем передачи энергии, или всерьез воспринимать его утверждения, в некотором роде потенциально опасные, насчет того, что больные раком, которые лечатся исключительно упражнениями цигуна, живут дольше, чем те, которые подвергаются химиотерапии или облучению. Что касается «энергии» и ее «передачи», то после опыта с рэйки меня от этих слов слегка коробило. Меня смешило, когда Дэн в конце наших упражнений настаивал на том, чтобы я проводил руками с головы до ног, стряхивая «негативную энергию», оставшуюся на поверхности. Я посмеивался, но все прилежно выполнял.

Книга, которую Дэн написал о цигуне, только что вышла. До этого у него выходили книги о китайских травах, о Дао секса, о здоровье и долголетии. Они сделали Дэна знаменитым, и к нему регулярно приходили люди взять пару уроков, спросить совета или просто пообщаться. Для многих Дэн стал своего рода гуру «нью-эйдж». Среди многочисленных гостей (все с Запада), побывавших при мне в «Счастливом Холме», был афроамериканец из Мичигана, который обучал

здесь тайских военных игре в гольф; немец, ставший мастером чайной церемонии; девушка, выросшая в английском пригороде: еще в одиннадцать лет она дала обет безбрачия и сейчас преподавала йогу; руководитель рекламного агентства из Гонконга, который хотел посвятить себя оккультным наукам. Особенно мне запомнился несчастный калифорниец лет тридцати пяти, сын ученых; с тех пор, как он стал буддистом (вот уже девять лет), он постоянно страдал от холода, даже здесь, в тропиках. Он хотел проконсультироваться с врачом или хотя бы с психоаналитиком, но его отговорили, ведь предпочтительней всего – медитация.

Посиделки проходили на веранде, Дэн заваривал свой отменный китайский чай, обносил гостей, успевая при этом удерживать нить странных разговоров, которые порой затягивались на часы. День шел за днем; за это время я наслушался тут всякого: оказывается, что причинно-следственная связь между ВИЧ и СПИДом не была доказана и вся эта история – выдумка фармацевтических компаний. Что снотворные – весьма опасная штука, так как отключают участки мозга и тем самым препятствуют регенерации клеток, которая происходит при нормальном сне. Что некоторые новые беспощадные болезни, как лихорадка Эбола, вызваны вирусами, созданными американцами при рискованных экспериментах с бактериологическим оружием. Что гормоны, которые дают коровам для повыше-

ния надоев, попадают в организмы детей с молоком и непредсказуемым образом влияют на их развитие. И так далее, и тому подобное.

Далеко не все истории были взяты с потолка. Взять, к примеру, историю общества Монсанто. Кому, как не мне, знать, что это чистая правда – я ведь сам жил в Индии. Вскоре после того, как взрыв в Бхопале на заводе «Юнион Карбайд» повлек за собой слепоту и смерть тысяч людей, представители Монсанто посетили выживших и поднесли им в дар семена сои. Спасибо, спасибо большое! Правда, некоторое время спустя бедные крестьяне обнаружили, что семена эти – генетически модифицированные, а следующее поколение растений семян уже не дает. И единственный способ выращивать сою – это ежегодно покупать у Монсанто семена – стерильные и дорогие.

Американцы, которые посещали веранду Дэна, в своем большинстве были в обиде на свою страну. Они считали ее опасной, и многие не хотели туда возвращаться. Дэн соглашался, говоря, что США готовят собственную погибель, разрабатывая все более изощренные виды химического и бактериологического оружия, которое в конце концов обернется против них. И он был рад, что уезжает подальше от Америки – в Австралию.

Леопольд называл это сборище неприкаянных «Академией помешанных». Но эти «помешанные» меня привлекали. Они, как лакмус, реагировали на расту-

щее в западном обществе беспокойство; были выражением, пусть преувеличенным, того кризиса, который многие ощущают, особенно среди молодежи, и который больше невозможно не замечать. Меня, например, интересовали их подозрения по поводу науки. Это было подозрение, которое, особенно после Нью-Йорка, разделял и я. Как я мог спорить с Дэном, когда тот утверждал, что наука, пообещав нам свободу от потребностей, больше благополучия и больше счастья, на самом деле отравила наш мир, делая жизнь все более невыносимой? И разве я мог возражать, когда он, вновь возвращаясь к теме «убийц в белых халатах», говорил, что они со своей наукой, возможно, устранили симптомы моего заболевания, но не болезнь. Это было так, я и сам это знал.

Что касается оснований для многих их выводов, то я был с ними согласен. Это правда, что в научных исследованиях сейчас преобладают практические, торговые или военные интересы. Правда и то, что наука ориентирована только на материальность, что она описывает мир исключительно с математической точки зрения и не способна понять жизнь человека, его чувства. С чем я был совершенно не согласен, так это с их выводами. Наука вовсе не «бесполезна», как говорили некоторые из них, и уж тем более не является «врагом человечества номер один», как утверждали другие.

Наука – важный инструмент познания. Правда,

ошибкой было бы полагать, что этот инструмент единственный. Если бы Запад был менее одержим тем, что ему кажется «объективным», и изучал внешний мир так же, как Восток изучает мир внутренний, т. е. как точку контакта объективного и субъективного, то, возможно, мы бы понимали больше.

Стремление обосновать с научной точки зрения некоторые стороны человеческой жизни, например, явления экстрасенсорного характера, просто-напросто неосуществимо. Потому что в самом желании быть «научными» отрицается духовный аспект, в котором коренится причина этих явлений. Не случайно ограниченность великого открытия Фрейда заключалась в том, что он не принимал во внимание духовный аспект человека, полагая, что «потребность в Боге» – всего лишь некая биохимическая функция нашего мозга (тезис, который поддерживают сегодня некоторые американские ученые). И не зря Юнг, сам ощущавший эту потребность, боялся, что его могут перестать принимать всерьез.

Ученые полагают, будто имеют право судить, что хорошо, а что плохо. На самом деле это далеко не так; наука сама по себе не может быть ни хорошей, ни плохой, ни «моральной», ни «аморальной». Все зависит от того, как ее используют. Китайцы – куда уж восточнее! – первыми изобрели порох, но применяли его, чтобы устраивать фейерверки и озарять ночную

тьму фантасмагорическими цветами, сияющими и разноцветными. Мы обнаружили свойства пороха немного позже китайцев и тут же сделали из него средство для войны, которым можно убить побольше людей – причем на расстоянии, и не пачкая рук кровью.

– Западная наука – это невежественное познание, – написал более века тому назад один тамил из Шри-Ланки. Возможно, он и прав.

Конечно, не правы приверженцы «нью-эйдж», которые думают, что можно отказаться от науки, разума и безнаказанно погрузиться в оккультизм и иррационализм, некритически воспринимая любую чушь. Это рискованно. Отречься от разума означает окунуться в интеллектуальную анархию, которая вместо освобождения человека превратит его в раба какой-нибудь новой тирании.

Но и эту реакцию можно переориентировать на верный путь. Это реакция вызвана кризисом духовности, от которого внутренний мир человека страдает, по крайней мере, на протяжении трех поколений.

Последние восемьдесят лет были потрачены на соревнование между двумя идеологиями, марксизмом и капитализмом. Однако, несмотря на кажущееся противоречие между ними, на их борьбу не на жизнь, а на смерть, обе системы опирались на одну и ту же веру в науку и разум. И марксизм, и капитализм были поглощены покорением внешнего мира, пренебрегая

внутренним миром человека.

Как марксизм, так и капитализм базируются на фундаментальном представлении о существовании материального мира, отдельного от сознания, а также на том, что этот мир можно завоевать и использовать для улучшения условий жизни человека. Система, основанная на идеологии марксизма, потерпела поражение; другая вроде бы победила, но при этом проявляет явные признаки кризиса.

Леопольд нашел удачное сравнение, чтобы описать ситуацию. Марксизм – это «Титаник»; он налетел на айсберг и пошел ко дну. Спасшиеся пассажиры видят в ночной тьме сверкающие огни другого лайнера. Они отчаянно плывут на свет, их поднимают на борт – они спасены. Все отплясывают в праздничном салоне. Но дело в том, что и второй корабль – лайнер капитализма – тоже «Титаник», плывущий по тому же роковому маршруту к тому же айсбергу.

С точки зрения Леопольда, это неизбежно. Я-то надеялся, что айсберг можно как-то обойти. Возможно, для этого требуется новое сознание, вобравшее плачевный опыт как потерпевших кораблекрушение, так и тех, других, собрав для этого крупицы утерянной мудрости Запада и Востока. Неужели так трудно представить себе мир, в котором наука была бы поставлена на службу человеку? Наука, которая помогала бы ему не жить за счет природы, а жить с ней в гармонии? Неуже-

ли это действительно утопия – представить себе цивилизацию, в которой бы взаимоотношения людей были важнее материального прогресса?

На мой взгляд, большая опасность нашего времени – это отказ от надежды, уверенность в том, что игра уже сыграна, что мир уже в руках «других» и что ничего нельзя сделать. Это еще один из тревожных аспектов «нью-эйдж», на который я обратил внимание в «Академии помешанных».

– Ну-ка, посмотрим, что там сегодня еще сотворили с миром, пока мы спали? – говорил Дэн по утрам, открывая газету.

Недуг, овладевший в наши дни значительной частью человечества, с трудом поддается определению. Люди унылы, подавлены, все чувствуют, что их используют. Но при этом нет цели, на которую можно обратить свою ярость или, наоборот, возложить свою надежду. Когда-то у власти, угнетавшей человека, были цитадели, символы, и восстания всегда были обращены именно против них. Люди стреляли в монархов, освобождали Бастилию, штурмовали Зимний дворец и таким образом меняли ход истории. А сейчас? Где средоточие власти, которая губит наши жизни?

Не принять ли раз и навсегда, что эта цель – внутри нас самих и только всеохватная внутренняя революция способна изменить положение вещей, поскольку все внешние революции ничего особенно не меня-

ют. Работа, которую следует проделать в этом направлении, огромна, но мы не всегда готовы к таким усилиям. Поэтому-то «нью-эйдж» пользуется таким успехом. Обозначив проблему, «нью-эйдж» всегда предлагает решения легкие и поспешные, сулит короткие пути и обещает спасение при помощи той или иной формулы, которой можно обучиться за выходные.

У Дэна тоже был в запасе такой «короткий путь»: его жена. Большой мастер медитации, Юки превратилась в «канал». Так «нью-эйдж» сейчас называет медиумов. «Каналами» являются люди, которые, вступая в контакт с миром духов, передают их послания, мнения и советы, становясь таким образом «учителями мудрости».

Юки была «каналом» Кван Инь, китайской богини сострадания. Способности эти она обнаружила в себе совсем недавно. Внезапно она почувствовала, что с ней происходит нечто необычное, она не могла есть и температурила. Не зная толком, что предпринять, – больной-то она себя не чувствовала – Юки обратилась к Кхуну Анусорну. Господин этот жил неподалеку, был целителем и «каналом» индийского бога Шивы. Войдя в транс, Кхун Анусорн передал Юки повеление Шивы: на протяжении сорока восьми дней питаться одними фруктами и пить только воду. Так она и сделала. На сорок девятый день Шива, он же Кхун Анусорн, сообщил ей: «Теперь ты чиста, и Кван Инь избрала тебя, чтобы

говорить с миром».

С тех пор по средам после полудня Юки, закутанная в белые покрывала, усаживалась в полутемной комнате на «Счастливом Холме», окуренной благовониями, и, говоря на классическом китайском, с которого переводил Дэн, давала советы людям, среди которых было и несколько членов «Академии».

Дэн и Юки настаивали, чтобы я тоже навестил Кхуна Анусорна. Я – житель Индии, Шива – индийский бог, и он мог бы посоветовать что-нибудь полезное. Я поддался любопытству, и поход оказался занятным. Место, где жил Кхун Анусорн, представляло собой недавно построенное «экуменическое святилище». Все здания были выкрашены в яркие цвета – красный, зеленый, синий. Комнаты для людей, сновавших взад-вперед, были сиреневыми. «Экуменизм» заключался в том, что в часовнях рядом с Шивой можно было увидеть несколько Будд, Восемь Китайских Бессмертных, статую Лао-цзы верхом на буйволе и многочисленных кхмерских апсар – небесных танцовщиц.

Сам Кхун Анусорн, маленький и приземистый, черноволосый, чернобородый, весь в красном, принимал посетителей в комнате, стены которой были увешаны фотографиями, на которых он был запечатлен с разными знаменитостями. Голос у него был красивый, звучный и глубокий. Он говорил на хорошем английском, и мы смогли сразу же приступить к беседе. Вместо того,

чтобы рассказать о себе, я решил расспросить его самого. Бедняга, у него были свои беды. Одна из дочерей уже несколько лет страдала от тяжелой экземы, и никому не удавалось ее вылечить.

– Это карма, оставшаяся от предыдущих жизней, – сказал он. – Против этого ничего не поделаешь.

Он устроил дочь в комнате с кондиционером, и она оттуда почти никогда не выходила. Кхун утверждал, что ее кожа ужасно боится солнца, а мне показалось, что это он сам опасается, как бы люди не усомнились в его способностях великого целителя.

– Эх, журналистом ты был, им и остался. Непременно тебе надо рассовать все по полочкам, – сказал Дэн на обратном пути.

Вообще-то он мог говорить мне все, что угодно, и сколько угодно (что возьмешь с гуру «нью-эйдж»!), но я его все равно любил. Кроме того, я был благодарен ему за то терпение, с которым он обучал меня цигуну.

В то утро после упражнений мы уселись на веранде попить его вкусного чая. Мы понимали, что можем больше никогда не увидеться, и Дэн, говоря о гимнастике цигун, которая скрепила нашу с ним дружбу, сказал в виде напутствия:

– Очень тебя прошу, делай упражнения каждый день. Чтобы ни случилось, до последнего вздоха.

Что ж, этому совету я охотно бы последовал.

Потом мы говорили о нашей первой привязанности,

которая нас много лет назад объединила: о Китае. С ним у каждого из нас сложились совсем разные отношения. Я жил там, ввязался в драку, разочаровался. Он, хоть и провел несколько лет на Тайване, всегда сознательно отстранялся от реального Китая.

– Только так мне удалось выжить, – объяснил он мне. – Нынешний Китай ужасен. Кошмар Конфуция воплотился: торгаши у власти и нет больше уважения к мудрецам и священнослужителям. Но Китай – это великая цивилизация. От нее можно многое взять, а потом привить где-нибудь. Я живу в том Китае, от которого взял все, что мог: искусство заваривания чая, цигун, медицину, травы, даосизм и даже жену. В сущности, вечно так было: этот Китай всегда был Китаем избранных, в то время как крестьяне работали, кормили всех и взамен получили жизнь с обилием праздников, храмов и легенд.

Этот виртуальный Китай был единственным убежищем Дэна, и сейчас он готовился увезти его с собой в Австралию, как улитка тащит за собой свою раковину, чтобы, в случае чего, было где укрыться.

Для меня такой выход не годился. Я тоже искал убежища, но чувствовал, что оно не в книгах, не в какой-нибудь стране или другой эпохе. Таким убежищем должно было стать что-то внутри меня; что-то не восточное и не западное, а общечеловеческое.

Три месяца, которые вначале представлялись мне

вечностью, шли к концу. На самом деле они пролетели быстро. И скоро мне предстояло явиться в Нью-Йорк на «процедуры», как мои «ремонтники» называли серию обследований, необходимых для того, чтобы оценить результат их работ. Для них речь шла о том, чтобы продлить мне визу на пребывание в мире «нормальных», а для меня – получить билетик на следующий круг на карусели.

При этих обследованиях я получал какой-то странный наркоз, после которого не мог вспомнить, что со мной было на протяжении, как минимум, последних двенадцати часов. Поэтому было нужно, чтобы кто-то меня сопровождал. Ясное дело, этим «кем-то» была Анджела.

Мы встретились в Бангкоке и решили вернуться в Америку через Тихий океан. Анджела рассчитывала навестить кузину, которая жила на острове у западного побережья Соединенных Штатов, а я до появления в Нью-Йорке смог бы принять участие в семинаре для больных раком в Калифорнии. Вот таким образом мы и оказались в самолете. Это был один из этих скучнейших трансокеанских перелетов, которые кажутся бесконечными. Загнанные в тесное пространство, мы ощущали себя курами на птицефабрике, кормили нас пищей, закатанной в пластик и разогретой в микроволновке.

Остров Лумми не особенно красив, но группе мо-

лодых защитников природы удалось спасти здешние просторные леса со столетними кедрами, не допустив, чтобы землю поделили на участки, и сохранив нетронутыми местные суровые пейзажи. Но с человеческим «ландшафтом» дело обстояло куда печальнее, и тут от Америки я снова содрогнулся.

Коренных обитателей острова, индейцев, больше не осталось, а пришедшие на их место тоже почти все разъехались, и сейчас население представляло собой удручающий набор новых иммигрантов. Тут были одинокие мужчины и женщины второй, третьей и четвертой молодости; пары, решившие в который раз попытать счастья; гомосексуалисты; старые калифорнийские миллиардерши, живущие здесь с рыбаками, годившимися им в сыновья, а то и во внуки; бородатые экологи из Лос-Анджелеса, ставшие лесничими, и многочисленные «люди искусства». Каждый из них приехал на остров со своим домиком на колесах. В этих фургончиках они привезли сюда остатки какой-то прежней жизни и в них же были готовы в любой момент снова двинуться в путь.

Эти фургончики стали для меня символом Америки, в которой никто не живет там, где родился, и не умирает там, где жил. Где каждый независим и не раскрывается перед такими же независимыми, хотя все изображают иллюзию доверительности. Постоянное метание американцев с места на место, их ощущение, что их

ничего не держит и они могут непрерывно скитаться по своей бескрайней стране, действительно создает иллюзию свободы, которая легла в основу американского мифа. Но это же делает их несчастными.

Частенько возле дома я видел два фургончика: один для него, другой для нее. «Выходит, что каждый, – говорил я себе, – может хоть сейчас сняться с места и уехать. Разонравился муж, надоела жена, опостылел любовник? Стало слишком тесно? Зашвырнем в фургон то, что осталось после очередного краха, пару тряпок, коробку со всякой утварью – и вперед, на другое место, на другой остров, в другой город, где можно будет начать все сначала: работать, заниматься любовью, делать вид, что есть друзья».

«Фургонное общество» не дает никаких гарантий, кроме одной: гарантированной возможности вовремя сбежать. До чего же это было непохоже на мир моего детства! Тогда у каждого, несмотря на бедность, была семья, было свое ремесло, были друзья, на которых можно было положиться. Флорентийские мастеровые гордились своими корнями; сознание, что несколько поколений твоих предков работало в этой же мастерской, придавало уверенности. Все это переменилось уже на моей памяти, и сегодня слова «мобильность» и «гибкость» используются, чтобы закамуфлировать новую экономическую ситуацию, когда все меньше молодых людей имеют постоянную работу или возможность

выбрать для себя занятие, к которому они чувствуют призвание.

Неуверенность и нестабильность пытаются выдать за некую форму свободы, ложной свободы. Мы еще не дошли до логики фургонов, но дело к этому идет, потому что и у нас неуверенность наступает на всех фронтах и отношения между людьми – от деловых до личных – становятся все нестабильнее, теряют прочность. А решение? Многие ждут, что оно с неба на них упадет.

Каждый день мы с Анджелой долго гуляли, иногда часами. Как-то на рассвете, на одной из пустынных дорог, которые, извиваясь, как лента, тянутся к линии горизонта, нас обогнал фургончик. Метров через десять он притормозил у обочины. Из него вышли мужчина и женщина и направились нам навстречу. Женщина обратилась ко мне:

– Ты ведь духовная личность, не так ли?

– Разве мы не становимся в какой-то мере духовными с определенного возраста? – ответил я.

– Ну нет, приятель! Я могу назвать кучу здешних людей, которых духовными никак не назовешь, – сказала она.

Мой индийский облик, «курта-пиджама» и кашмирская шаль на плечах, навел их на мысль, что они встретили «учителя», которого ожидали на острове Лумми. Пришлось их разочаровать.

Через несколько дней мы переехали с острова в Си-

этл, «столицу» компании «Майкрософт». Несмотря на морской пейзаж и яхты богачей в порту, первой мыслью было: «Ну вот и еще одно безнадежное место». На улице на каждом углу кто-то грелся на солнце и просил подаяния. Многие были совсем молоды – грязные, заросшие; на некоторых лицах была написана безнадежность, на других – маниакальная одержимость. Мне они представлялись отбракованной продукцией с конвейера Билла Гейтса. Это явно были неудачники, которым не удалось создать какую-нибудь очередную компьютерную программу.

Ночью я не спал – прислушивался к голосам тех, кому жильем служила картонная тара между двумя магазинами. Вокруг не ощущалось никакого покоя, никакой общности, солидарности. Вечно эта американская атмосфера – конфликтная, агрессивная. Наутро я пошел купить почтовые марки – нужно было отправить письмо. На почте было полно народу, но люди не общались. И вдруг это тягостное молчание было прервано. Какой-то бородач подошел к окошку и о чем-то попросил служащую; она ответила отказом.

Мужчина разъярился и захотел узнать ее имя. Та вызвала заведующую, и они вместе попытались утихомирить скандалиста. Но тот не унимался.

– Я агент ФБР, – сказал он, взял со стойки лист бумаги и записал имена обеих. – Это прямиком отправится в Белый дом, – рявкнул он.

Из очереди раздался голос:

– Эй, приятель, дай-ка эту бумагу мне. Я – президент Соединенных Штатов, и ты хоть на марке сэкономишь.

Мы с Анджелой расхохотались, но остальные сделали вид, что ничего не заметили, и этим все закончилось.

Через час в окне захудалой харчевни мы увидели «президента Соединенных Штатов», он в одиночестве поглощал рис с красной фасолью, а неподалеку «агент ФБР» снова скандалил, на этот раз уже в канцелярском магазине.

В Сиэтле Анджела осталась у подруги и мы условились о встрече в Нью-Йорке, а я сейчас же улетел из Сиэтла в Сан-Франциско на свой семинар. Снова кварталы, заполненные убогими, нищими и отчаявшимися. Снова зрелище несправедливости, неравенства и человеческой неприкаянности: другое лицо Америки, страны, где я искал спасения. Но это не мешало мне в него вглядываться со все большей тревогой.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

«Терра инкогнита»

Я договаривался о предстоящем семинаре по телефону и электронной почте. Меня предупредили, что некий Джерри заедет в девять утра в гостиницу и меня отвезет. Первое впечатление от него – сорок лет, длинная борода, волосы собраны в пучок – не слишком обнадеживало. Только я сел в машину, как он принялся о себе рассказывать. Да, он работает шофером, но на самом деле он актер. Но «поскольку сейчас в Голливуде делают только коммерческие фильмы и снимают только крупных звезд», он, Джерри, «выпал из обоймы» и играет на сцене лишь изредка, при случае, с труппой, организованной его друзьями. Когда это было в последний раз? Ну… в общем, уже прошло некоторое время.

Женат Джерри в третий раз. Жена держит продуктовый магазин недалеко от того места, куда мы едем; но это, по правде сказать, тоже не ее специальность. Магазин – это так, чтобы выжить. На самом деле она «a visual artist». Я не стал спрашивать, что это за визуальные артисты такие и каково это – быть одним из

них. Мне казалось, что я уже хорошо изучил эту сглаженную и безобидную форму безумия, которой страдает столько американцев. Никто из них не живет в собственной коже, никто не хочет быть собой, никому не нравится то, чем он занимается. Все хотят быть кем-то другим и жить в другом месте.

Джерри продолжал говорить, но я не вслушивался, пейзаж привлекал куда больше. Проехав по мосту Голден Гэйт, мы двинулись вдоль побережья, и чем дальше ехали, тем безлюднее становилось. Утро было теплое, ветерок залетал в открытое окошко, дымка размывала линию горизонта, море и небо сливались в бесконечность, и я был безмерно счастлив от того, что я – это я и нахожусь здесь.

Джерри вез меня в Коммонвил, центр, где мне предстояло провести неделю в пансионате для раковых больных. Я знал, что место это отрезано от мира и ближайший населенный пункт называется Болинас, но названия эти нам не попадались. Вдоль шоссе не было ни рекламных щитов, ни дорожных указателей.

– Это битва, которую мы, местные жители, выиграли, – сказал Джерри. – Дорожные знаки уродуют пейзаж. Здешние и так знают, как до нас добраться. Остальные… что ж, лучше бы им вовсе не приезжать.

Пейзаж становился все более голым и диким. Место было исключительно красивое; несмотря на близость Сан-Франциско, оно почти сохранило первозда-

ный вид. Спас эти места несчастный случай. В 1971 году здесь потерпел аварию танкер, его содержимое вылилось, и смертоносная черная жижа вот-вот должна была уничтожить любую форму жизни на побережье. Судоходная компания, виновная в происшедшем, предложила пятьдесят долларов в день всем, готовым помочь в очистке пляжа и спасении фауны, особенно многочисленных морских птиц, у которых крылья слиплись от мазута. Сотни молодых хиппи и виндсерфистов отозвались на этот призыв и съехались сюда со всей Калифорнии. Многим из них здесь понравилось, и они остались. Одни принялись разводить коров и свиней, другие занялись выращиванием экологически чистых овощей. Поняв, что ценность этого края в его первозданности, они встали на защиту местной природы и успешно ее охраняют. Их представители были избраны в органы местного самоуправления. Бывшие хиппи сейчас составляют здесь большинство: с их приездом население Болинаса увеличилось с шестисот до двух тысяч человек.

Дорога петляла между большими дюнами, поросшими ярко-зеленой травой. В какой-то момент Джерри сбавил скорость, свернул на грунтовую дорогу, и несколько минут спустя вдали показался большой мыс. Он выглядел так, словно миллиарды лет подряд волны вгрызались здесь в каждый доступный им клочок суши и оставили от горы один обглоданный остов. Вы-

соко на скале, о которую бились пенные волны, одиноко стояли странные массивные бетонные здания, похожие на бункеры. Вокруг – ажурные вышки и высокие ржавые антенны. Издали все это выглядело заброшенным. Что-то вроде бывшей базы марсиан – будто те погостили недолго на Земле, а потом решили вернуться домой, потому что здесь им не понравилось.

– Как знать, может, они снова прилетят, – сказал Джерри, которого моя гипотеза позабавила.

Насчет марсиан я не угадал, но истинная история, которую рассказал мне Джерри, оказалась не менее интересной. В свое время здания принадлежали американской корпорации «Маркони». Именно отсюда в начале XX века были посланы первые радиосигналы через Тихий океан. В период Второй мировой войны здесь перехватывали радиопередачи из Японии. С появлением новых видов связи этот комплекс, занимающий тридцать гектаров земли, стал бесполезен, и в 1975 году его решили сдать в наем. Один молодой человек, Майкл Лернер, – тогда ему было двадцать девять – арендовал его на пятьдесят лет.

– Это вышло очень кстати. Я как раз развелся, собака моя умерла, у отца обнаружили рак, – рассказал через несколько дней Майкл.

Вместе с друзьями Майкл мало-помалу привел в порядок часть зданий и устроил там нечто среднее между исследовательским центром и пансионатом для отды-

ха, размышлений и покоя. Это и был Коммонвил.

Я услышал о Коммонвиле от некоторых пациентов Онкологического центра и прочитал «Choices in Healing» – книгу, написанную Майклом. Позже, уже во время «химии», я позвонил, чтобы записаться на один из их семинаров. По телефону я говорил с неким Вазом, ответственным за программу, и мне удалось быть включенным в список.

Я оказался в зачарованном месте. Нелепое здание в ассиро-вавилонском стиле, где когда-то была генераторная, а сейчас разместились офисные помещения и библиотека, пряталось в роще. Старые узловатые деревья непрестанно раскачивал океанский ветер. Чуть дальше располагались три коттеджа с подсобными помещениями, кухней, аудиториями и комнатами для приезжих.

Первое впечатление было очень приятным. Сотрудники Коммонвила будто вышли из сказки: мужчины с большими усами и добрыми глазами, женщины с лицами без косметики, коротко остриженные. Одна из них, повариха, вообще обритая, была буддисткой-монахиней и готовила исключительно вегетарианскую пищу, «веган», не только без мяса, но и без яиц и молочных продуктов.

Я наконец увидел Ваза, которого узнал по хриплому голосу. Это был высокий, поджарый афроамериканец с вихляющей походкой, лицом доброго пирата, светлой

бородкой и светло-зелеными глазами, ярко выделяющимися на оливково-смуглом лице. На голове у него красовались большие серебристые наушники. Он много лет занимался йогой и написал сотни две стихотворений. Некоторые были действительно очень хороши.

– А ты откуда? – спросил я у поварихи. Лицо у нее было круглое, как луна, и трудно было определить, кто она, кореянка или североамериканская индианка.

– В этой жизни я из Огайо, – ответила она, – но в прошлых воплощениях я жила в Индии.

– Ясно. А откуда ты это знаешь?

– Сейчас я не смогу тебе этого объяснить, – сказала она и скрылась на кухне.

Еще не все прибыли на семинар, и за обедом представился случай познакомиться поближе с основателями Коммонвила. Почти у всех за плечами была история болезни, выздоровления, ожидания. У некоторых случилось повторное ухудшение. Сам Майкл, у которого от рака умерли отец и сестра, перенес тяжелую болезнь мышц, после которой он еще долго приходил в себя. У обеих руководительниц моего семинара тоже был свой драматический опыт, они тоже в свое время перенесли рак. Не в этом ли источник силы шамана, целителя, который спасает других именно потому, что сам когда-то страдал? Тому, кто перенес серьезную травму, тяжелую болезнь и сумел выжить, действительно легче помочь и другим проделать тот же

путь. Рубцы на теле шамана – доказательство того, что он настоящий. Здесь тоже было так. Все мы здесь были «ранены», и поэтому нам было легко и просто говорить друг с другом.

Сотрудники принялись рассказывать истории о прежних семинарах, о дружбе, зародившейся здесь, о похоронах, на которых они побывали. Кто-то вытащил старые групповые снимки; мне показали, кто из людей на фотографии все еще жив, а кого уже нет на свете. Меня потрясла легкость, с которой все упоминали смерть.

Во второй половине дня Майкл рассказал о предстоящем нам курсе. По его словам, речь шла о «процессе, цель которого постепенно вернуть тело к активной жизни и пробудить глубоко спрятанные и забытые стороны личности». В числе используемых средств были упомянуты групповые обсуждения, массаж, медитация, «блюдо с песком», игры в образы, ряд йоговских упражнений и дыхательная гимнастика. Цель их – смягчить чувство тоски и подавленности, вызванное болезнью, предложить нам различные возможности лечения и ознакомиться с некоторыми приемами, которые потом каждый сможет использовать самостоятельно, чтобы улучшить свое состояние, как физическое, так и психическое, и, в первую очередь, чтобы спокойно и взвешенно относиться к тому, что с нами происходит.

– И не считайте, ради Бога, что вы ответственны за свою болезнь, – сказал Майкл. – Мы все плаваем в море химических продуктов, которых сто лет тому назад еще не существовало, и, безусловно, наше здоровье тесно связано со здоровьем Земли, на которой мы живем.

Эта тема была ему особенно близка, и именно в этом направлении велась основная часть исследовательской работы в Коммонвиле. Майкл очень настаивал на разнице между словами «лечение» и «исцеление». Первое понятие связано с медициной, врачами, с их практикой, их возможным успехом в борьбе с болезнью. Лечение прежде всего физический процесс, он зависит от внешних факторов. Исцеление же – это процесс, в ходе которого восстанавливается общее равновесие больного, и зависит оно в первую очередь от внутренних ресурсов, от того, что каждый противопоставит болезни. В Коммонвиле рак не «лечили», зато могли помочь с «исцелением». В этом был главный смысл работы центра.

После ужина – всегда строго вегетарианского – каждому пришлось представиться и рассказать о себе. Нас было девять человек, шесть женщин и трое мужчин, все с желтоватыми лицами, испуганными глазами и едва заметным ежиком волос, которые только-только начинали отрастать после химиотерапии. Я был единственным иностранцем, и для меня все последующее

было еще одним способом взглянуть изнутри на Америку, которая уже успела навести на меня в Нью-Йорке невыносимую тоску.

Одного из участников семинара, ортопеда по специальности, чуть моложе меня, жена бросила сразу же, когда у него определили рак. Больше всего его угнетало то, что жена при уходе опустошила их дом, забрала с собой всю мебель. Миниатюрная общительная женщина тридцати пяти лет, модный дизайнер, рассказала, что ее муж, узнав о диагнозе, вскоре тоже подал на развод. Особенно она страдала из-за разлуки с сыном. Ей, измученной химиотерапией, стало не под силу ухаживать за малышом, и муж решил забрать у нее ребенка.

Только у одной женщины из Сан-Франциско все было в порядке с браком – муж, двое детей, а значит, и поддержка близких. У всех остальных положение в личной жизни было нестабильное, они страдали от разочарований и конфликтов.

Многие чувствовали себя отвергнутыми семьей, они ощущали, что друзья или коллеги понимают их лучше. Женщина-адвокат из Денвера, тоже разведенная, растрогалась, вспомнив, как две ее сотрудницы, секретарша и ассистентка, в знак солидарности с ней, облысевшей после химиотерапии и стеснявшейся этого, явились в офис обритые наголо.

Мы сидели кружком на земле – девять участников

плюс руководитель обсуждения. Он же заведовал коробкой с бумажными носовыми платками и подталкивал ее к рассказчику, чтобы тот мог вытереть слезы, сопровождавшие практически каждую историю. Вскоре мы обратили внимание на эти странные, если глядеть со стороны, но очень своевременные перемещения коробки; все засмеялись. Смеялась вместе с нами и молодая женщина-дизайнер, которая рассказала о результатах исследования, проведенного каким-то университетом. Выяснилось, что слезы того, кто режет лук, отличаются по своему химическому составу от слез, которые проливались здесь, – «слез гнева и печали», как она выразилась.

Именно печаль и гнев звучали в историях моих товарищей, и это было вызвано не столько болезнью как таковой, сколько их жизнью и отношениями с другими людьми. Вот на что следовало бы в первую очередь обращать внимание при оценке уровня развития общества, а вовсе не на ВВП или, допустим, доход на душу населения! И какой же мерой можно измерить эту роскошь, когда в твоей жизни есть человек, на которого ты можешь во всем положиться, с которым можно глядеть в будущее и обозревать былое, делить горе и радости? Человек, которого ты встретил еще в юности, с которым ты менялся и рос, с которым хорошо было бы и состариться вместе. Какую ценность представляет для излечения присутствие в жизни больного такого

друга? На мой взгляд, огромную. Кстати, то же самое можно сказать и о доверительных, искренних отношениях с врачом. Мои товарищи были со мной согласны.

Женщина-адвокат из Денвера внезапно разрыдалась: ей пришлось поменять врача-онколога, так как прежний заявил, что больше ничем не может помочь. А вот другая женщина, судья из Миннесоты, сказала, что ее врач просто безупречен. Он ни разу не говорил с ней о проценте излеченных, о том, сколько лет или месяцев ей осталось. Он подбадривает ее, говорит с ней только о хорошем, и она твердо решила не сдаваться и сделать все, чтобы не стать «объектом для статистики».

У пятидесятилетнего сотрудника вашингтонской организации, занимающейся защитой прав человека, рак обнаружили уже давно; он рассказал, что за это время успел сменить двух жен и бесчисленное количество врачей, чтобы, как он выразился, «не чувствовать себя один на один с болезнью».

Все они были обижены на свои страховые компании, которые шли на любые уловки, лишь бы не оплачивать больничные счета. Ортопед обнаружил в страховом полисе, оформленном много лет тому назад, пункт, согласно которому в случае самоубийства клиента его страховка детям не выплачивается. Женщина-судья подтвердила, что такая практика действительно существует.

Спал я отлично. Встал, как обычно, очень рано, с рассветом – света хватало только чтобы видеть, куда я ступаю, – и пошел по узкой тропинке сначала в лес с причудливо искривленными деревьями, затем по росистой траве через дюны. А потом тропка круто спустилась вниз с каменистого обрыва, туда, где передо мной предстал огромный, великолепный океан. Он накатывал на пляж, обнимал скалы, играл с кусками дерева, подхватывая их, унося с собой и вновь выбрасывая на берег. И так миллиарды лет подряд, год за годом, мгновенно смывая все следы на песке – мои следы, следы малютки-краба, который выполз из своей норки, отпечатки обломков дерева.

Я шел по пляжу, подбирая тут и там маленькие странные камешки. Они были розовые, плоские и очень гладкие. В центре у каждого был черный круг, похожий на окаменевший глаз какого-то ископаемого существа. Я наслаждался древностью окружающего меня мира. Я был один – ошеломленный, потрясенный величием природы.

Над вспененной водой висела в воздухе тончайшая пелена брызг, заслонявшая солнце, но эта мглистая размытая белизна заставила меня еще острее ощутить безграничность океана и подумать о вечности не как о времени без конца, но как о мгновении вне времени. Именно это я испытал там, на берегу, мне казалось, что я вечен, потому что величие, окружавшее ме-

ня, было повсюду – да и во мне тоже.

На обратном пути после крутого подъема я набрел на покосившуюся хижину из старых бревен, почерневших от времени и непогоды. Дверь была закрыта железным крюком. Я открыл ее. В крохотном помещении явственно ощущалось чье-то присутствие; комната казалась живой. На низком столике, как на алтаре, стоял огарок свечи, лежали сухие цветы, ракушки, оставленные прежними посетителями. Я добавил один из камешков – тех, с немигающим древним глазом. Усевшись на маленькую соломенную циновку на полу, я застыл в молчании, слушая дыхание Вселенной – и свое тоже.

Свидания с океаном стали для меня ежедневным ритуалом. Утром, ни свет ни заря, когда все еще спали, я шел бродить по берегу. Вечером перед ужином я устраивался где-нибудь на травянистом плато над пляжем. Найдя укрытие от ветра, я сверху смотрел, как вода окрашивается в цвета заката.

Однажды вечером, когда дул сильный ветер, а волны внизу накатывались на пляж, ритмично, непрерывно, как дыхание исполина, я остановился понаблюдать за старым стволом дерева, который океан то смывал, давая ему какое-то время поплавать, то катал взад-вперед по песку. Я представил, что этот ствол мое тело, и спокойно глядел, как он пляшет и исчезает в объятиях этого добродушного гиганта. В небе появились

два красавца пеликана. Большие, безгласные, они летели вдоль берега, планируя на раскинутых крыльях. Что это было – моя душа? Воспоминание обо мне? Я ощутил глубочайший покой и спросил себя, сколько других участников прежних семинаров мечтали здесь о том, как хорошо было бы оторваться от земли и полететь, как эти пеликаны, над этими прекрасными скалами. Лечь бы на ветер, и пусть он несет тебя, куда хочет. Я почувствовал себя в великолепном одиночестве – ни ответственности, ни обязательств, ни чужих слез.

Вскоре за ужином обнаружил, что все это замечательное вегетарианское питание на самом деле скука смертная. Блюда были красочные, разноцветные, но неизменно пресные и безвкусные. Зато это была исключительно здоровая пища – по крайней мере, так утверждала повариха-монахиня, заправлявшая всем на кухне. За все время нам не перепало ни чашечки чаю, ни глотка кофе. Только травяные настои.

Утро начиналось с медитации и упражнений на расслабление под руководством Ваза. У него это здорово получалось – создавать атмосферу. Мы раскладывали на земле подстилки и ложились, стараясь забыть на время о голове, руках, ногах и обрести в тишине это «внутреннее пространство покоя», в котором мы могли бы укрыться. Еще Ваз толковал о «священном месте, где конечное и бесконечное встречаются». Эти словеса меня раздражали, но сами упражнения были заме-

чательные, и их действительно следовало бы ввести в распорядок дня, чтобы содержать в порядке тело… а может, и все остальное.

После завтрака – тоже в высшей степени «здорового и полезного» – начинались разные занятия и групповые дискуссии. Мне понравилась «imagery», игра с образами. Мы сидели на земле, перед каждым лежал большой белый лист бумаги и краски. Каждый из нас должен был попытаться изобразить свою нынешнюю жизнь – наше «сегодня» – и то, чего мы ждем от жизни «потом». Закончив рисунок, каждый показывал его остальным, поясняя на словах, что он хотел выразить. Любопытно, что все мои товарищи выразили надежду на то, что их «потом» будет лучше, чем «сегодня».

Я разделил лист на четыре равных части. В центре я нарисовал красивое красное солнце, пересеченное линией горизонта, ниже которой начиналось синее море, – это был рассвет, а может быть, закат. Внизу, в глубине моря (в моем «сегодня») я нарисовал обломок корабля, на борту которого виднелся китайский иероглиф, означающий «жизнь». Стайки рыб сновали между водорослями; они присутствовали на двух частях листа – «сегодня» и «потом».

Когда настала моя очередь, я сказал (местами всерьез, местами, чтобы позабавить остальных), что в масштабе Вселенной моя болезнь не будет иметь катастрофических последствий. Каким бы ни было это

«потом» для меня, солнце будет все так же вставать и садиться и рыбы будут все так же плавать в глубине космического сознания.

Самый печальный рисунок получился у человека из Вашингтона. Он нарисовал себя, а рядом – что-то вроде схемы со всеми обязательствами и делами; офис, дети от обеих жен, больница, специалист по лекарственным травам, сеансы иглоукалывания, массажистка. Он объяснил – для того чтобы добраться с одной встречи на другую, ему приходится целый час быть за рулем. Порой он задается вопросом, а стоит ли в самом деле тратить силы на всю эту «альтернативная медицину»? Что же касается «потом», то он изобразил себя стоящим у подножия лестницы, ведущей наверх. И больше никаких обязательств!

Сколько себя помню, у меня всегда плохо складывались отношения с местоимением «мы», с этим естественным для человека искушением – чувствовать себя частью некой общности. От этого «мы» меня всегда коробило. Самыми неприятными моментами за пять лет работы на фирме «Оливетти» были именно те, когда начальник или коллега, столкнувшись со мной в коридоре, клал мне руку на плечо и проникновенно изрекал: «Мы, сотрудники „Оливетти“…» Я совершенно не чувствовал себя частью этого «мы». Тридцать лет подряд я работал журналистом и был счастлив этим, но мне никогда не удавалось отождествить себя с таким

расхожим: «Мы, журналисты…»

Нечто похожее я испытывал и здесь, общаясь с другими участниками семинара, но вовсе не из-за высокомерия. Скорее наоборот, мне не удавалось видеть себя одним из них, чувствовать себя частью того, что Альберт Швейцер называл «общностью отмеченных страданием». Честно говоря, другие действительно были «отмечены» этой печатью. Но я – нет. Я не мог сравнивать себя с ортопедом, одиноким, всеми покинутым; бедняга остался без жены (и без мебели), а в живот ему зашили какую-то машинку, чтобы заставить работать печень. Не мог я сравнить себя и с женщиной из Сан-Франциско. Ей не исполнилось еще и сорока, она была матерью двух маленьких детей, а ей приходилось решать, делать или нет вторую химиотерапию, причем никто не обещал, что это значительно продлит ей жизнь. Такое страдание действительно метит человека. Смерть этой женщины действительно несправедлива. Но моя?…

Сколько раз я уже мог бы умереть: во Вьетнаме; в Камбодже, когда попал в плен к красным кхмерам; на Филиппинах, когда вбил себе в голову, что непременно должен подняться на Пинатубо, вулкан, выплевывающий удушливые тучи пепла. А возможно, в авиакатастрофе, которую предсказал ясновидец в Гонконге; или когда мне доводилось летать на самолетах «АН», этих летучих гробах, которыми был оснащен «Аэро-

флот» в последние месяцы существования Советского Союза. Да мне просто повезло, что я сейчас сидел здесь! И если какие-то клетки моего тела свихнулись и решили воспроизводиться по-своему, а не как полагается – ну что ж, в этом не было ничего неестественного, чудовищного, ничего такого, чего бы нельзя было принять.

Что-то глубокое, тем не менее, объединяло с меня с этими моими товарищами. Как и все они, я никогда серьезно не задумывался над своей смертью. Конечно, за месяцы, проведенные в Нью-Йорке, я не раз чувствовал, что смерть возможна, что она рядом, но я никогда не смотрел ей в лицо по-настоящему, осознанно. Это была не моя вина, люди всегда вели себя так.

В «Махабхарате» есть эпизод, в котором хорошо изложена сущность странных отношений между родом человеческим и смертью.

Пятеро братьев Пандава, принцы-изгнанники, несколько лет живут в лесу. Однажды, преследуя оленя, они останавливаются на поляне. Братья едва на ногах держатся от усталости и жажды. Младший взбирается на дерево, видит вдали озеро и говорит остальным, что сходит за водой. Проходит время, но юноши все нет. Второй брат идет его искать и тоже пропадает. То же самое случается с третьим и четвертым. Пятый, оставшись один, в свою очередь отправляется к озеру и застывает в ужасе: все четверо его братьев лежат мерт-

вые у самой воды – свежей, прозрачной. Одежда их в порядке, лица безмятежны – они ни с кем-то не сражались; на песке никаких следов, кроме их собственных. Принц в отчаянии, но жажда берет свое, и он наклоняется зачерпнуть воды.

– Остановись! – слышит он чей-то голос. – Это мое озеро. Отпить воды ты сможешь, только ответив на мои вопросы. А не ответишь – умрешь, как твои братья.

Эти слова, оказывается, произносит аист и повторяет:

– Отвечай на мои вопросы. Ответишь – попьешь.

Юный Пандава соглашается. Первые вопросы простые, и юноша с легкостью на них отвечает. И вот, наконец, настает черед главного вопроса:

– Скажи-ка, что в жизни удивительнее всего? – спрашивает аист.

– То, что человек, видя, как смерть губит бесчисленные жизни, никогда не думает, что она придет и за ним, – говорит юноша, прикасаясь к своим мертвым братьям.

Ответ оказался правильным. Чары рассеялись, и четверо братьев, ни один из которых не подумал, что смерть придет и за ним, снова ожили.

В этом смысле я тоже был «отмечен», как и мои товарищи. Смерть, о которой говорил каждый из нас, не была смертью абстрактной, теоретической, касающейся других. Это была наша смерть, моя смерть. И необ-

ходимость принять это к сведению связывала меня с этими восемью людьми. Я не встречал их прежде, и, скорее всего, мы в дальнейшем не увидимся, но с каждым днем я чувствовал, как между нами крепнет небывалая близость. Вскоре я понял, что настоящей причиной моего пребывания здесь была возможность свободно говорить о смерти.

– А теперь скажите, как бы вам хотелось умереть? – спросила ведущая. Это стало темой нашей утренней беседы. Мы говорили по очереди, в свободном порядке, без страха обидеть или огорчить друг друга. Каждый что-то говорил, порой приходилось в спешном порядке передавать коробку с бумажными платками, а иногда мы смеялись, когда, например, дали слово ортопеду. После обсуждения его проблемы со страховкой, которую его дети не смогли бы получить в случае его самоубийства, он долго размышлял. Он решил не пользоваться пистолетом, который уже купил, нет, он придумал другой выход. Надо будет выйти на лодке в море и имитировать несчастный случай. Тело никогда не найдут… а страховой компании придется заплатить! Его интересовало не столько то, как «красиво умереть», сколько добиться выплаты страховки, и это, по словам ведущей, был положительный момент, признак «воли к жизни».

Меня удивило, что самоубийство – со страховкой или без – рассматривалось как гипотеза почти всеми

моими товарищами. А те, у кого не было семьи, планировали умереть в одном из хосписов, о которых я не имел ни малейшего представления. Там, говорят, тебе облегчают роковой уход.

Я говорил о смерти так, как видел ее в детстве: это было нечто необычное, таинственное, вызывающее уважение. Когда кто-то умирал, полагалось ходить на цыпочках, говорить вполголоса. Я хорошо помню умирающего в постели, помню, как перешептывались родственники, потом помню бдение у тела. Все смотрели на покойника со смирением перед неизбежным. Смерть – реальность, она действительно существует.

Больного отвозили в больницу в надежде, что его там вылечат, а если надежды не было, забирали, чтобы дать ему умереть дома. И последние ощущения были для умирающего привычными и знакомыми: мягкость матраса, запах свежей простыни, краски, которой был выкрашен пол, скрип двери. А теперь наоборот. Смерть – это досадное неудобство, которое надо скрыть от посторонних глаз. Безнадежно больного отправляют в больницу, где ему, утыканному трубками, предстоит умирать за ширмой в окружении незнакомых назойливых запахов и звуков, чужих лиц. Его будто преждевременно выталкивают туда, по ту сторону, хотя на самом деле он все еще здесь. Если бы мне было дано выбирать, я бы сделал все, чтобы не попасть в больницу, а умереть так, как умерли все четверо моих

дедушек и бабушек, в своей постели.

Женщина-адвокат из Денвера попросила передать ей коробку с бумажными носовыми платками и поблагодарила меня. Мое описание убедило ее не уходить в хоспис.

Смерть – эта «терра инкогнита», откуда не возвращался никто, чтобы о ней рассказать, и дальше была в центре наших ежедневных диспутов. Не могу с точностью сказать, что это было, зачем нам нужны были эти разговоры о смерти. Может быть, таким образом мы отстранялись от нее, не знаю. Я уверен, что психолог сумел бы дать этому объяснение, но вряд ли он бы мне помог так, как помогли эти разговоры с теми, для кого смерть не была пустым звуком.

Потому что открыто говорить о смерти можно было только там, в центре. Хорошо выразился наш ортопед: причиной его развода стало то, что ему все время хотелось порассуждать о своей смерти, а жена избегала этих разговоров, постоянно напоминая ему о процентах выживаемости среди пациентов его возраста, страдающих той же разновидностью рака. «Она хотела поднять мне настроение при помощи статистики», – сказал он.

Женщина, у которой было двое маленьких детей, сказала, что ее болезнь уже сама по себе тяжелое испытание для мужа и ей не хочется еще больше огорчать его разговорами о смерти, хотя на самом деле

потребность поговорить об этом у нее действительно есть. Я испытал примерно то же самое с Анджелой. Поэтому мне нравилось находиться там, среди других больных, с которыми можно было избавиться от этого груза.

– Согласна. Я понимаю, что умру, и может, очень скоро. Но разве это не входит в противоречие с борьбой за жизнь? – спросила адвокатесса из Денвера.

Дзэн-буддистские тексты были еще свежи у меня в памяти, и я подумал, что уместно пересказать притчу, в которой, кажется, содержался ответ на этот вопрос. Старый монах при смерти. Он ложится в постель и объявляет, что этим вечером уйдет в другой мир. Все его ученики собираются у изголовья умирающего. Только один, самый преданный, вместо того, чтобы прийти к учителю, бежит на рынок. Он хочет разыскать там сладости, которые старик очень любит. Но этого лакомства на базаре нет, и послушник тратит целый день, чтобы сладости приготовили по его заказу. Наконец, все готово, ученик со всех ног бежит к монастырю и, запыхавшись, влетает в келью учителя. Как только юноша появляется на пороге, старый монах открывает глаза и говорит:

– Ну, наконец-то! А где мое лакомство? – и с этими словами он берет кусочек и начинает жевать с большим удовольствием.

Ученики в ужасе переглядываются. Один из них

спрашивает:

– Учитель, какое же твое последнее наставление? Скажи нам что-нибудь, чтобы мы могли вспоминать тебя.

Учитель улыбается.

– Эти сладости великолепны, – говорит он медленно, будто смакуя каждое слово.

Его последний урок прост: живите сейчас, живите настоящим, проживайте каждое мгновение. Будущего не существует. Осознайте это. Сейчас, в этот миг, эти сладости великолепны на вкус. Даже смерть не в счет… пока не в счет.

Мне-то казалось, что я с этой своей маленькой историей выступил как настоящий философ. Но симпатичную мать двоих детей я не убедил.

– Не кажется ли вам, что все эти притчи, массаж, альтернативная медицина, йога, рисуночки и вся эта болтовня об «исцелении» вместо лечения – просто ерунда?

Мы улыбнулись, но она вдруг разрыдалась.

– Мне хочется только одного – найти такое лекарство, которое бы избавило меня от рака. Мне хочется излечиться, хочется жить и видеть, как будут расти мои дети.

Он рассказала, что отец ее был очень жестоким человеком и постоянно бил ее, когда она была маленькая. Сейчас она видит в одном из своих сыновей про-

явление подобной жестокости и хотела бы жить, чтобы помочь ему не губить себя. До этих пор мне казалось, что она – единственный человек в группе с «нормальной» семьей. Оказывается, и у нее не все в порядке. Эх, Америка!

В завершение ведущая попросила нас оставаться на местах и, сидя с закрытыми глазами, взяться за руки. «Таким образом, – сказала она, – мы сможем „поделиться энергией“». Мне это показалось смешным, каким-то слишком «калифорнийским». Но я чувствовал, что это ощетинилось мое «я», европейское и высокомерное. Можно подумать, будто это самое «я» могло предложить что-то лучшее.

В тот вечер после ужина, как всегда красиво сервированного, но утомительно безвкусного, Майкл сказал, что мы будем говорить об опыте «почти смерти», смерти клинической, и о том, чего нам следует ожидать из опыта тех, кому выпало побывать по ту сторону и вернуться.

К этой теме я относился не особенно серьезно. В последние месяцы в Нью-Йорке я интересовался этими историями, потому что они, вместе с рассказами об НЛО и прочей мистике, казались мне частью американской культуры. На это мало обращают внимания, но они тоже формируют менталитет нации. Целые тома написаны и пишутся об этих вещах, десятки конференций собирают ежегодно тысячи людей, которые де-

лятся своим невероятным опытом, повторяя одно и то же с одинаковыми деталями. Именно похожесть этих рассказов друг на друга потом используется в качестве доказательства их подлинности. Я ознакомился с несколькими книгами на эту тему и, странное дело, приехал в Коммонвил с одной из них в кармане, чтобы дочитать ее на досуге. В названии уже было все сказано: «Why People Believe Weird Things» («Почему люди верят в необычное»).

Когда Майкл, поговорив о литературе о клинической смерти, перешел к свидетельствам одного человека, который проделал это путешествие «туда» и «обратно», я сплоховал.

– Он попал в ужасную автокатастрофу. Практически был уже мертв, – начал Майкл. – Он увидел себя в темном туннеле, потом впереди забрезжил свет, который становился все ярче, притягивал к себе, и тут он услышал, как некий голос говорит ему…

– На английском, надо полагать, – ввернул я. Все рассмеялись и Майкл тоже.

Молодая девушка-дизайнер, немка по происхождению, сказала, что Гёте тоже, умирая, ощутил нечто подобное. Отсюда его знаменитые последние слова: «Mehr Licht!» – «Больше света!»

– Да что вы, – опять не удержался я, – он просто захотел, чтобы распахнули окно. Ему не подходило умирать в темноте.

Разговор продолжился примерно в том же духе, без всякого надрыва. Говоря о куда более реальном опыте людей, которые были на волосок от смерти, но спаслись, Майкл процитировал исследование одного психоаналитика-еврея, который выжил в Аушвице. Его спросили, кому удавалось выйти живым из лагерей смерти? Людям, более крепким физически? Ничего подобного, выжили те, у кого было более обостренное чувство собственной жизни и собственной смерти. Это было интересно.

Напоследок Майкл снова заговорил о «внутреннем пространстве покоя», которое есть у каждого из нас и в котором все мы можем укрыться. Чтобы мы могли обрести это пространство, Майкл три раза произнес «Ом», а после под его руководством началась «передача сочувствия». Он произносил: «Ом…», затем тот, что сидел слева, называл свое имя и готовился получить заряд сострадания, добрые мысли, которые все остальные посылали ему; потом снова «Ом…», и следующий сидящий слева произносил свое имя, получал заряд сострадания… и так далее.

К концу все были довольны, говорили, что почувствовали тепло, свет, энергию. Я же не чувствовал ничего, кроме досады. Я устал от рационального подхода, но и эта его противоположность мне претила. Вот моя вечная дилемма: то, что мне удавалось открыть самостоятельно, приложив усилия, представля-

лось ценным, а полученное готовеньким вызывало неприятие. Книгу «Прорицатель мне поведал…» я написал с верой в то, что можно заново открыть магические стороны жизни, но сейчас, находясь среди других «уверовавших», я снова стал закоренелым скептиком.

Однажды, прогуливаясь, я забрел в дом, стоящий неподалеку. Поддавшись любопытству, поднялся по деревянной лестнице и вошел в комнату. Она была пуста. Пол был покрыт тканью, на которой белым и фиолетовым был изображен лабиринт явно для того, чтобы по нему ходили. Я снял сандалии и босиком, шаг за шагом, ошибаясь, возвращаясь и вновь двигаясь вперед, сумел, наконец, добраться до центра. Я был один, стояла тишина, и я испытал чудесное чувство. Впоследствии я еще несколько раз возвращался туда, лабиринт мне нравился, было в нем что-то магическое: идешь, сбиваешься, опять находишь дорогу и при этом все время стремишься к центру.

Одна сотрудница Коммонвила, с которой я еще не встречался, заметила меня и подошла поговорить. Ее интересовали лабиринты как средство пробуждения духовного начала, и этот сделала она, чтобы использовать в следующих сменах. «Лабиринт, – объяснила она, – символизирует сакральный путь, который человек должен пройти, чтобы приблизиться к центру своего собственного существования». Он мог помочь участникам семинара вновь обрести в себе нечто, оттеснен-

ное на задний план и глубоко спрятанное.

Вот и это случилось со мной здесь. Невероятная штука – жизнь! Из книги, которую эта женщина заставила меня взять в библиотеке, я обнаружил, что первые лабиринты существовали уже четыре с половиной тысячи лет тому назад, что в Сардинии есть лабиринт, высеченный на скале за две с половиной тысячи лет до Рождества Христова; что один из первых настенных лабиринтов находится в… Лукке, на фасаде храма! Он изображен для того, чтобы богомольцы, прежде чем переступить порог церкви, проведя пальцем по линиям, вырезанным на стене возле входа, успокоили свое сознание, оставили снаружи мысли о сиюминутном и подготовились к тому, чтобы войти в сакральное пространство для встречи с Богом.

Веками мечтой христиан было паломничество в Иерусалим, но с 1100 года, с началом Крестовых походов, путешествие в Святую землю стало делом опасным. Поэтому некоторые соборы проектировались как миниатюрная копия настоящего Иерусалима и в таком храме можно было совершить символическое паломничество. На полу в этих соборах выкладывали узор в форме лабиринта. Путешествие по нему заменяло богомольцам путь, который они не могли пройти в реальной жизни. Часто в центре лабиринта изображали розу, западный эквивалент лотоса, символа духа, просветления. Самый известный и красивый из таких

лабиринтов находится в Шартрском соборе.

В другой вечер после ужина мы занялись стихосложением – как всегда, под руководством Майкла. Каждому полагалось написать стихотворение, которое отражало бы его настроение в этот момент. Наутро каждый должен был получить ксерокопии стихов своих товарищей, а потом всем вместе предстояло обсудить результаты. Майкл подбодрил нас, сказал, чтобы мы чувствовали себя раскованно, не слишком мудрствовали, а писали как Бог на душу положит, и в заключение предупредил: «И не думайте ломать голову, подыскивая рифму к слову „cancer“. Эта болезнь ни с чем не рифмуется».

В детстве я рисовал, в шестнадцать лет я пытался написать роман, однажды попробовал даже вырезать скульптуру из дерева, но вот стихов не сочинял никогда. Так что стихотворение, которое я положил на общий стол в Коммонвиле, если, конечно, его можно назвать стихотворением, стало первым поэтическим опытом в моей жизни.

Nobody ever told me
I could fly.
Nobody ever promised
I won't die.
Yet without wings
I flew

And now without regret
For promises unkept
For things undone
Now without much pain
I feel flying yet… again.

Никто никогда не говорил мне,
Что я могу летать.
Никто никогда не обещал,
Что я не умру.
Однако без крыльев
Я полетел.
И вот, без сожалений
О несдержанных обещаниях,
О несовершенных делах
И теперь уже без особых усилий
Я чувствую, что лечу снова.

Майкл был славным парнем. Когда-то он изучал детскую психологию; потом, после основания Коммонвила, заинтересовался медициной, химией и экологией, но я не знаю, был ли он в глубине души настоящим ученым. Во время наших диспутов он всегда с большим уважением прислушивался к любым мнениям, но своими мыслями не делился. Он, похоже, считал, что со мной ему все ясно. Он видел уже не одну сотню людей, приезжавших сюда на семинары, и разработал собственную, весьма условную классификацию, поде-

лив всех на две группы – мистики и реалисты.

– Ты, ясное дело, не из мистиков, – сказал он мне однажды за обедом. – Не то чтобы мистицизм лучше реализма… – он помолчал и добавил:

– И вообще это все слова.

В качестве примера он рассказал мне о жене: она никогда ни слова не говорила о духовности, но в дождь выходила на шоссе собирать улиток, чтобы их не давили машины.

– Вот ей, к примеру, вообще не нужно искать никакой духовности. А я – другое дело, мне еще над собой работать и работать.

А что же я? Значит, я всего лишь реалист, и точка? Я опять разрывался пополам. С одной стороны, я был убежден, что чистого рационализма мне уже явно недостает. С другой – то, что Майкл называл «мистицизмом» и «духовностью», у меня вызывало настороженность. Понятия это двусмысленные, расплывчатые, без единой точки отсчета, а следовательно, субъективные и неполные. Мне казалось, что я ступаю на скользкую тропинку. Иногда от слов «энергетика» или «вибрации» меня мутило.

И все-таки я тоже начинал чувствовать, что на свете существует «что-то еще», что достаточно посмотреть на вещи с другой точки зрения. Эта болезнь пришла ко мне, чтобы чему-то научить. Мне нужно было пройти через лабиринт, добраться до своего центра, чтобы

заняться тем, чего я даже и представить себе прежде не мог. Но именно этим «необъяснимым», я чувствовал это инстинктивно, я и должен был заниматься, чтобы научиться бороться, управлять своей жизнью, сосуществовать со своей болезнью.

Прежде всего, мне следовало преодолеть собственное высокомерие, сопротивление чисто интеллектуального свойства, убежденность, что «это не для меня». Мне нужно было взглянуть на мир сквозь другие очки, потому что теперешние серьезно искажали действительность.

Что касается разных видов лечения, то в Коммонвиле придерживались классической, аллопатической медицины, но предоставляли место и прочему, ничего не отметая. Майкл много говорил о том, как важно иметь право выбора, особенно когда речь шла о том, чтобы избежать лечебной бескомпромиссности, свойственной врачам, а порой и близким по отношению к пациентам. Однако, даже находя много полезного в альтернативных методах, он очень скептически относился к некоторым лечебницам, возникшим близ мексиканской границы и гарантировавшим «исцеление».

Майкл утверждал, что вовлечение больного, в том числе и психологическое, в процесс лечения необычайно важно, но при этом отвергал идею «нью-эйдж» и альтернативной медицины, согласно которой больной несет ответственность за свою болезнь или, того ху-

же, сам в ней виноват. «Думать так – абсурдно и опасно, – говорил Майкл. – Рак по сути своей – эпидемическое заболевание, и подавляющее большинство причин этой эпидемии находится не внутри, а вне нас».

Майкла и его людей очень интересовала связь между раком и состоянием окружающей среды. Исходя из очевидного, они пришли к некоторым тревожным выводам. Например, они определили, что материнское молоко превратилось в один из самых токсичных продуктов. Как последнее звено в цепи питания, люди получают все токсины из загрязненной окружающей среды, и они биологически накапливаются. Причем их токсичность увеличивается в двадцать-сто раз, в зависимости от того, чем человек питается. И грудные младенцы получают набор токсинов, накопленных их матерями.

Так вскармливание материнским молоком все больше превращается в тонкую форму косвенного отравления.

– Вот уже двадцать пять лет, – говорил Майкл, – десятки миллионов американцев в сотнях городов пьют воду из-под крана, зараженную инсектицидами, дефолиантами и химическими удобрениями. Причем они не только пьют, но принимают ванну, моются под душем, впитывая и понемногу накапливая химикаты, предназначенные для полей.

Но несмотря на это, исследования, проведенные в Коммонвиле, показали, что грудное вскармливание –

все же лучший вариант. Хотя матери таким образом отдают детям значительную часть химии, но малыши все равно развиваются лучше, чем те, которых кормят искусственными смесями.

Связь между здоровьем Земли и здоровьем людей (а также прочих живых существ) была одним из главных направлений деятельности Коммонвила. Отсюда их участие в различных проектах, в частности посвященных защите морской фауны у берегов Калифорнии. Вот так из хиппи, которые когда-то съехались сюда спасать чаек и пеликанов, получились замечательные граждане: в Америке, как ни крути, есть немало и хорошего.

Майкл продолжает работы, но в последних его письмах растет беспокойство о здоровье Земли. Опыт работы с больными раком доказал ему, что психологическое состояние, осознание того, что болезнь угрожает твоей собственной жизни, может быть преобразовано в некую позитивную силу. Не может ли это произойти не с отдельным человеком, а к примеру, с целым народом или даже всем человечеством? «Мы, люди, – говорил Майкл, – долго вели чудовищное наступление на все живое на Земле, и результаты этой бойни теперь угрожают нам самим. Настал момент признать это и начать поиски спасения».

Я был полностью с ним согласен. Человек должен по-новому взглянуть на себя, на свою роль в мире, на

свои отношения с другими людьми и вообще с другими живыми существами. Это новое сознание должно стать своего рода противовесом навязчивому, тупому материализму нашего времени. И тогда можно будет надеяться на формирование новой всеобщей цивилизации, заслуживающей нашей поддержки. А нынешняя цивилизация находится на грани варварства, она завела нас в тупик, из которого нам предстоит выбираться.

Поэтому Майкл утверждает, что следует перейти от лечения людей к лечению планеты. «Земля, – говорит он, – поражена болезнью, которая угрожает ее существованию, как рак угрожает жизни участников семинаров в Коммонвиле». Мы должны создать движение, которое всеми возможными способами будет способствовать росту сознания людей вплоть до того, что Майкл называет «interbeing consciousness» – пониманием взаимозависимости всего живого.

Однажды утром «час воображения» был использован неожиданно. Всей группой мы направились через поляну к большущему строению над морем. Его так и не отстроили, и вид у него был совершенно потусторонний. Сквозь крышу пробивались солнечные лучи, и обширное внутреннее пространство было загромождено хламом пятидесятилетней давности: остовами генераторов, антеннами, проводами, радиоприемниками. В углу стоял даже старый красный пожарный насос. Это место идеально подходило для фильмов о

войне – скажем, для сцены расстрела. Примерно для этого мы сюда и пришли. К одной из огромных стен, позеленевших от сырости, был прикреплен большой квадрат белого картона с одним словом посередине: «РАК». Перед листом картона стоял столик с фломастерами; на земле лежали старые стеклянные бутылки. Все это годилось для метания в цель. Целью была наша болезнь, но каждый мог добавить от себя любое другое слово, на которое ему хотелось сорвать злость, забросав его бутылками.

Кто-то фломастером написал слово «боль», еще кто-то «бюрократия», «черствые врачи». Ортопед написал «страховка». Грохот бутылок, которые разлетались от ударов о стену, отвлекал от проблем. Все смеялись, наперебой поздравляли друг друга с удачным попаданием и самозабвенно швыряли все новые и новые бутылки. Я не чувствовал в себе никакой агрессии и отдал весь свой арсенал женщине-адвокату из Денвера. Потом, когда мы уже уходили, я взял маркер и пририсовал мишени усы, глаза и смеющийся рот – в самом центре, где слова «РАК» уже почти было не видно. Возвращались обратно мы счастливые, веселые. Забава всем понравилась. Каждый говорил, что ничего лучше он не делал до этого дня. Без сомнения, это помогло рассосаться многим «гроздьям гнева», которые каждый носил у себя в груди.

Во второй половине дня, во время обсуждения, жен-

щина-адвокат из Денвера рассказала еще часть своей истории. Она была замужем, но муж ушел, когда сыну едва исполнилось четыре года. Пошли судебные разбирательства, чтобы решить, где и с кем останется ребенок. Тяжба тянулась, пока мальчик не закричал: «Уходите оба! Я останусь один!» Муж ушел, в одиннадцать лет мальчик стал неуравновешенным и агрессивным, в школе он набрасывался с кулаками на товарищей и оскорблял учителей. С ним невозможно стало общаться; часто он принимался кричать на мать и говорил ей ужасные вещи. Один психолог посоветовал женщине купить боксерскую грушу. Она повесила ее в комнате мальчика и сказала ему, чтобы он делал с ней, что хочет. Каждый раз, разозлившись на кого-нибудь, мальчик писал имя этого человека на груше и изо всех сил колотил по ней бейсбольной битой. На груше появились имена школьных товарищей, учителей, отца, да и матери тоже. «Думаю, эта боксерская груша спасла жизнь нам обоим», – заключила женщина.

Когда сыну исполнилось двадцать три, им пришлось переехать. Прощание с грушей превратилось в подлинный ритуал. В конце концов ее похоронили в саду, как родственника.

Когда согласишься с мыслью о том, что смерть составляет часть нашей жизни, чувствуешь себя сильнее, возникает ощущение, что никто уже над тобой не властен. В этом смысл старой японской притчи.

Один молодой стражник, телохранитель императора, захотел научиться владеть «катана» – самурайским мечом. Он приходит к великому мастеру этого искусства и просится в ученики. Учитель хочет знать, чему обучен юноша, и они обмениваются несколькими ударами.

– В какой же школе ты обучался? – спрашивает восхищенный учитель.

– Ни в какой, – отвечает юноша.

– Не может быть! Ты уже у кого-то учился, ты прошел школу.

– Нет, нет, – стоит на своем юноша. – Я всему научился сам. С тех пор, как я состою на службе у императора, я все время приучаю себя не бояться смерти.

– А, так вот какой была твоя школа! – воскликнул старый учитель.

Победить страх смерти – большой шаг к свободе для каждого человека.

Это помогает ему жить лучше так же, как помогает ему стать хорошим бойцом.

Странно то, что современный человек учится тысячам вещей, уделяет им время, оттачивает навыки, но никогда не учится умирать. Более того, он всячески избегает разговоров о смерти (говорить о ней считается некорректным), избегает даже мыслей на эту тему. А когда этот естественный миг наступает, человек не готов к этому, ужасно страдает, цепляется за жизнь и

этим только усугубляет свои страдания.

Экнат Исваран, индийский мистик, сорок лет преподававший в университете Беркли сначала английскую литературу, потом медитацию, рассказывал, как его бабушка, которая всегда была для него духовной наставницей, преподала ему один простой, но важный урок. Как-то раз, увидев, что маленький Исваран потрясен смертью родственника, бабушка усадила его на деревянное кресло и сказала, чтобы он держался за него что есть силы. Мальчик вцепился в подлокотники, но она все равно его стащила. Упираясь, он только причинил себе боль. Тогда бабушка попросила его снова сесть на стул, но уже не сопротивляться. На этот раз она ласково и бережно взяла его на руки. «Вот так и со смертью. Тебе самому выбирать, как уйти. Запомни это».

Такие бабушки большая редкость, и их становится все меньше. Особенно в Америке, где культ долгого благоденствия и миф о вечной молодости переворачивают с ног на голову все традиционные обязанности. Скоро и в Европе так будет. Бабушки все больше будут заниматься «своей» жизнью, чаще будут ездить развлекаться и охотнее будут уделять время своим любовникам, чем внукам. Это уже определившаяся тенденция, к этому пришла наша цивилизация! Новое поколение растет, напичканное практическими знаниями, представлениями, которые помогают выжить и

преуспеть, но некому теперь поделиться с нами мудростью, опытом жизни и смерти, как это делали раньше старики, дедушки и бабушки. Действительно, мы живем в странном мире: у нас есть акушерки, которые помогают нам появляться на свет, но нет никого, кто бы помогал нам умирать, то есть учил бы нас этому!

Не всегда было так. Почти все древние цивилизации видели в смерти существенный аспект жизни и развили собственную культуру смерти.

Тибетцы, например, более тысячи лет использовали свою священную книгу «Бардо Тходол», написанную, как говорят, Падмой Самбхавой, чтобы помочь умирающему встретить момент перехода. В дом, где кто-то находится при смерти, приходит лама и тут же прогоняет прочь всех плачущих, потом, обращаясь к умирающему, просит его не сопротивляться, отрешиться от того, что он оставляет в этом мире, от людей, к которым он был привязан. Все связи вот-вот оборвутся, все станет «пустым, как безоблачное небо». Зачем же противиться этому?

«Пусть все идет своим чередом, о благородный рожденный, – говорит ему лама. – Главный свет движется тебе навстречу, слейся же с ним, иди. Иди своей дорогой, о благородно рожденный, и не противься тому, что должно случиться». Эти слова лама продолжает шептать на ухо умирающему.

И наш семинар – теперь я все глубже этим прони-

кался – проводился именно для того, чтобы натренировать нас, подготовить к участи больного. Однажды вечером Майкл сказал, что очень многим приходится столкнуться с такой болезнью, как рак, но никто не бывает к этому готов. Когда тебе говорят, что у тебя рак, ты будто сброшен с вертолета в джунгли, а у тебя нет ни малейшего представления о том, как выжить. Если бы ты тренировался заранее, выживать было бы легче.

Майкл настаивал также на том, что больным необходимы группы поддержки. Один врач из Стэнфордского университета, наблюдавший большое количество женщин, страдавших раком грудной железы с метастазами, обнаружил удивительную вещь: те, кто, помимо обычной терапии, регулярно посещали встречи с подобными больными, проживали намного больше, чем те, которые на такие встречи не ходили. Подобное исследование, проведенное в Лос-Анджелесе с другими больными раком, дало тот же результат.

– Но эти сведения, – говорил Майкл, – не попадают на первые полосы газет, как те сообщения, будто найдено очередное лекарство от рака. Все дело в деньгах, а на группах поддержки не заработаешь. Может потребоваться еще двадцать лет, но в один прекрасный день станет ясно, что психологическая поддержка чрезвычайно важна для процесса лечения.

Как бы то ни было, система работала. Шли дни; мы

были абсолютно отрезаны от мира, ни газет, ни радио, ни телевидения, и группа становилась все более сплоченной, обсуждения – все непринужденнее. Я мог, конечно, считать банальными разговоры о «внутреннем пространстве покоя», о «сакральном уголке» и подобном. Но как бы то ни было, неделя, проведенная у моря вдали от семьи (а для большинства моих товарищей – от того немногого, что от их семей осталось), вдали от повседневных хлопот, дел, врачей и страховых агентов, принесла пользу, возможно, восстановила равновесие. Мне казалось, что для каждого из нас осознать свою ситуацию было в какой-то степени… все равно, что подняться на одну ступеньку. Это осознание и было в конце концов тем самым «сакральным местом» – как та покосившаяся хижина из старых бревен близ обрыва (я слышал, что ее называют «часовней Дженнифер»). Участники семинара стали думать, что «внутреннее пространство покоя», в котором можно укрыться, и впрямь существует. Страх смерти, конечно, победить до конца не удалось, но, по крайней мере, мы научились все вместе спокойно обсуждать эту тему. Она перестала быть табу.

Однажды после ужина мы допоздна засиделись в общем зале. Разговор зашел о похоронах, о последних словах, о том, что оставляешь после себя. Оказалось, что и к этому наш ортопед подошел ответственнее и скрупулезнее других. Он уже успел создать соб-

ственный сайт в Интернете и работал сейчас над компакт-диском. Туда должны были войти фотографии и видео – рассказ о том, что он делал в жизни. Его дети понятия не имеют о том, как он жил, но когда его не станет, они смогут скачать с компьютера память об отце.

Говоря о последних словах, я напомнил о Джузеппе Верди, который собрался было на прогулку и, возясь с застежкой жилета, произнес: «Пуговкой больше, пуговкой меньше…»

Когда пришел черед написать, что бы хотелось напоследок сказать мне, вышло всего несколько слов: «Благодарю всех тех, кто протянул мне руку. И Анджелу, протянувшую обе».

Если мы действительно представляем собой нечто помимо тела, это «нечто» явно страдает от недостатка питания (или засыхает от отсутствия полива). В то время как наши органы чувств постоянно насыщаются в свое удовольствие звуками, запахами, картинами окружающего мира, душа, если она есть, голодает и томится жаждой. И все же – каждый знает из собственного опыта – случаются в жизни и особые мгновения, исполненные редкой красоты. Это может быть все, что угодно – какой-нибудь символ, какое-то слово, в котором слышится отголосок чего-то знакомого, о чем не удается вспомнить. Доносится тихий голос, к которому хотелось бы прислушаться, но что-то нас постоянно

отвлекает. А как же истина? Она рядом, она задевает нас крылом, но мы предпочитаем не обращать на нее внимания.

В «Махабхарате» можно найти прекрасную образную параллель встречи с истиной. Человек идет по лесу и чувствует, что лицом коснулся паутины. И может поступить по-разному: кто-то смахнет ее рукой и пойдет своим путем, а кто-то остановится, чтобы проследить взором за блестящей нитью до самого ее центра. Сколько раз в жизни с нами случается что-то подобное, мы чувствуем намек на нечто, скрывающееся за пределами видимого. Но в спешке предпочитаем бездумно отмахнуться и продолжать путь.

Так что же, и мне продолжать путь? Куда? Нет уж, лучше постоять и всмотреться. Это была моя принципиальная позиция, но нет ничего тяжелее, чем отказаться от старых привычек, от привычных реакций. Ничего нет тяжелее, чем освободиться от того, что мы знаем, от того, что мы собой представляем или думаем, что представляем. И у меня еще оставались прежние инстинктивные реакции – тщеславные, почти высокомерные, прежняя самоуверенность в том, что я знаю ответы на любые вопросы.

Вне сомнений, Соединенные Штаты сохранили исключительную жизнеспособность, милую наивность, свежесть, непосредственность, и мне, старому европейцу, иногда становилось жаль, что я ее утратил.

Но океан медленно возвращал меня к простому, изначальному.

Я сам видел свою ограниченность. Даже участвуя в обсуждениях, я не раскрывался до конца. Продолжал испытывать чисто европейское чувство интеллектуального превосходства. На мой взгляд, все эти штуки впечатляют американцев, но не меня. Я был убежден: то, что для американцев откровение, для нас – обыденность. Но кто знает, возможно, достаточно было пустяка, чтобы треснул лед моего высокомерия. Вот такая борьба шла во мне. Я сопротивлялся, не хотел поддаваться.

Типичной была моя реакция на «sand tray» – поднос с песком. «Это замечательное средство, чтобы помочь человеку вывести наружу некоторые аспекты его внутреннего мира, – говорилось в буклетах, которые нам раздали. – Любой ребенок знает, как „играть в песочек“. Поиграйте с песком и вы. Только не пытайтесь при этом чего-нибудь добиться, что-то доказать. Просто играйте, следуйте за своим бессознательным началом».

Я видел, как две женщины из моей группы вернулись в восторге, и решил, что эти игры не для меня. Мысль о том, что мне предстоит «играть в песочек», чтобы заглянуть себе в душу, вызывала у меня искреннее отвращение. На самом деле я просто не мог освободиться от интеллектуальных предрассудков человека, привыкшего судить обо всем свысока, всему давать соб-

ственное толкование с позиций многоопытности и начитанности. Нелепо, что нужно испытывать на себе вещи, которые я никогда не воспринимал всерьез.

Войдя туда, где мне предстояло «вновь стать ребенком и дать волю Бессознательному», я кипел. Комната была квадратная, маленькая. Посередине был стол с большим деревянным блюдом – синим внутри, белым снаружи. На нем – слой мелкого песка. Стены сплошь в стеллажах. На полках были самые странные и разнообразные вещи: пластмассовые фигурки, кристаллы, птичьи перья, какие-то железки, нитки, части статуэток, цветные ленты, сухие цветы, камешки, маски, кусочки картона, игральные карты, старые детские туфельки и тысячи других предметов. С потолка свисала большая лампа, освещавшая блюдо так, будто это сцена, на которой вот-вот начнется действие.

– Не представляю, что мне тут делать, – сказал я с апломбом даме, которая меня ждала. – По дороге я подумал, что лучше всего – ничего не трогать. Это, видимо, тоже что-нибудь означает, не так ли?

– Если, по-вашему, так надо, пусть так и будет. Значит, на этом вы закончили игру, – отвечала она с улыбкой: без обиды, без раздражения. Это меня заинтересовало. Ей, видимо, уже доводилось иметь дело с такими заносчивыми петухами, как я, и ей незачем было отвечать уколом на укол. Смешной была не ситуация, смешным был я.

Тогда я сел и попросил объяснить, что от меня требуется. Она вела себя очень тонко и деликатно. Даже когда она говорила, ее присутствие едва ощущалось. Я залюбовался ею. Казалось, что она вот-вот растает в воздухе. Она была рядом, но как-то неуловимо. И тогда я, будто действительно находясь в одиночестве на пляже, принялся выполнять задание. С закрытыми глазами, медитируя, позволяя рукам самостоятельно решать, что делать, я «почувствовал» песок. Потом, открыв глаза (и вслушиваясь в «голос ребенка внутри себя»), я снял с полок и сложил в корзинку: краснокрылого ангела, кусок голубого мрамора, кварцевую пирамидку, старую сосновую шишку, букетик лиловых цветов, маленькую пагоду, радугу, несколько дощечек с рунами. Покосившись на колоду карт Таро, я почувствовал, что меня так и подмывает взять оттуда Факельщика. Я уже протянул за ним руку, но тут женщина сказала: «Лучше, чтобы рука выбрала вслепую». Она попросила меня перетасовать колоду. Закрыв глаза, я наугад вытащил карту, и это оказался мой Факельщик!

Для своей композиции я не использовал и половины отобранного. Я сделал горы и два озера: в одном из них на дне был глаз, другое я изобразил из мрамора. В одном углу блюда была радуга, в другом – лиловые Цветы. Я провел «тропинку» – сначала одним пальцем («я»), потом двумя (я и Анджела). На вершине горы я поставил кварцевую пирамидку; на горную

гряду между озерами положил три руны, значения которых я не знал. Сбоку я поместил Факельщика – стоймя, чтобы он возвышался над всей композицией. В третьем углу блюда поставил свечу и прислонил к деревянному краю полуоткрытый спичечный коробок с выдвинутой спичкой. Женщина спросила меня несколько раз, не хочу ли я зажечь свечу. Каждый раз я отвечал ей «нет».

– Если огонь имеет начало, у него будет и конец. А так здесь присутствует как бы приглашение к действию. Так можно убежать от времени, – сказал я.

– И как бы вы это все назвали?

– Вечность, – не задумываясь, ответил я.

– А те три руны на холме – это тотемы? – спросила она.

– Нет. Надгробия.

– Что из них вам больше по душе?

– То, что в центре.

Женщина приготовила кофе на двоих. Мы сидели друг напротив друга, а между нами стояло блюдо с песком. Она задавала мне вопросы, просила объяснить, почему я выбрал тот или иной предмет, прочитала мне выдержки из книг – там, где говорилось о значении разных карт Таро и о рунах, которые я выбрал. Потом минут десять говорила сама – о моих отношениях с раком, о моем стремлении к духовности. Я бы мог, конечно, принять все это как нечто очевидное, баналь-

ное – словом, калифорнийское. Но ее слова затронули во мне какую-то струну, о которой я раньше не знал, и струна эта вдруг зазвучала. Когда дошло до «чтения» знаков, оставленных мною на песке, я почувствовал комок в горле, встал, поблагодарил и отправился бродить среди скал.

Вернувшись к себе, я нашел ксерокопии страниц, которые растолковывали значение рун и карты с Факельщиком. Женщина послала мне их с очень милой запиской. «Если тебе выпал Страж Факела, значит, ты получил благословение Божественной исцеляющей силы. Признай, что в твоих руках могущество, способное вновь разжечь потухший было огонь, придать сил твоим близким и друзьям…» – эти слова были на странице из книги о картах Таро. И еще одна страница, о рунах: «Выбранная тобой руна – руна конца и нового начала цикла твоего преображения. Твой выбор указывает на то, что твоя прежняя жизнь исчерпала себя. Отпусти ее, и твоя жизненная энергия сможет освободиться для нового рождения… Подготовься к благоприятной возможности, которая явится тебе под видом потери. Коль попал на глубину, плыви!»

Все вроде бы сходилось. Я уже был знаком с такого рода посланиями, в которых каждый может прочитать то, что хочет. Уверен, попадись мне комментарии к любым другим картам и рунам – тем, которых я не выбирал, – я бы и в них при желании нашел что-ни-

будь подходящее. И все-таки мне понравились и женщина, и блюдо с песком, и весь наш разговор. Научился ли я чему-то? Да. По крайней мере, я научился не быть таким высокомерным, научился слушать этот голос, трогать время от времени эту струну, чтобы она зазвучала. Отпустить себя, не цепляться за бессмысленные ограничения, которые мы сами бездумно себе навязали и в которых, возможно, кроется причина стольких наших страданий. Мы начертили вокруг себя, своей жизни круг, уверили себя, что он магический и изо всех сил стараемся не выходить из него. Но внутри этого круга мы чувствуем, что обделены, и страдаем от этого.

Почему бы снова не стать ребенком? Не ограничивая себя, ничего не боясь, испытывая ко всему искреннее любопытство; стать свободным, отбросить предрассудки, познавать мир заново.

В последний вечер, закутавшись в большие белые накидки, мы пошли на красивую поляну на обрыве наблюдать закат. Дул сильный ветер, и мы сбились в кучу, прижались друг к другу, чтобы согреться. Вот так мы и вышли на прощальной фотографии – потом она будет ходить по рукам тех, кто приедет в следующую смену, ее будут рассматривать, обсуждать – и я уже знаю, какие слова будут сказаны в этот момент.

Когда Джерри, водитель-актер, приехал за мной, чтобы вернуть обратно в мир, я увез с собой фиолето-

вое плюшевое сердечко, при помощи которого я мог, когда захочу, «установить контакт» с этими людьми и этим местом. Подумать только, а я чуть было не оставил его там! Оно и теперь со мной, и временами, видя его на книжной полке, я невольно улыбаюсь.

Концерт для клеток

– Учитель йоги, который для тебя подойдет, живет в Сан-Франциско, – написала мне Амрит Штайн, немецкая подруга Анджелы и поклонница всего индийского. Она часто там бывала и вдобавок отлично танцевала «катхак».

Бегать по утрам я больше не мог, и йога представлялась мне неплохой заменой зарядки. Очередные звонки, переписка, и вот у меня снова нити к людям и к местам. Впоследствии я окажусь далеко от йоги, первоначальной моей цели, но, если бы я не пустился на поиски учителя, все сложилось бы совсем по-другому.

Достаточно сделать первый шаг в нужном направлении, все остальное придет само собой. Или почти само собой. Йога так и не стала частью моей жизни, но, Боже мой, сколько произошло после моего первого появления как-то утром в чистеньком сан-францисском квартале. Казалось, из здешних обитателей что-то высосало всю жизнь, а бело-голубые дома их наводили на меня тоску. Есть же люди, обреченные всю жизнь прожить тут!

Я позвонил.

– А, Тициано, – сказал Рамананда, лысый человек лет шестидесяти, одетый в серую футболку и черные

шорты.

Он мне понравился, но я сразу же за его улыбкой почувствовал глубокую печаль. У него было красивое чистое лицо, худощавое тело, широкие плечи. А ноги его мне показались тонковатыми и ненадежными. «Крепкий дом на слабом фундаменте», – подумал я. Мы поднялись по узкой лестнице. В доме было что-то вроде коммуны, ученики занимали нижние два этажа, а на третьем жил он, учитель.

Мы уселись на пол. Здесь царил порядок и уют, все здесь умиротворяло… если не считать фотографии Саи Бабы, вставленной за рамку зеркала. Эти самозваные «святые», особенно мультимиллиардеры, вызывают у меня подозрения, а приверженцы их наводят тоску своей слепотою.

Я не хотел смущать его вопросом, почитатель ли он «святого из Пут-тапарти», которому приписывают различные чудеса, включая даже материализацию из воздуха золотого «Ролекса». Вместо этого я попросил его рассказать о себе, а это люди делают охотно.

Рамананда был индийцем, но родился в Танзании в Дар-эс-Саламе, где отец работал учителем. Он-то и дал мальчику первые уроки йоги и с раннего возраста вложил в него истинно индийские идеи и ценности. У отца была эффективная методика: он читал мальчику на память «Бхагавадгиту» и Рамананда должен был следить по книге, не допущена ли ошибка. Рамананде

приходилось напрягать внимание, и в итоге он выучил все правила Божественной Песни.

Следуя за отцом, которого часто переводили с места на место, из одного индийского учебного заведения в другое, Рамананда вырос в Африке, в мире, описанном В. С. Найпаулем в книге «Излучина реки». Потом он переехал в Англию, стал учиться машиностроению. Однажды к ним в университет зашел Б. К. С. Айенгар, знаменитый йог, и Рамананда стал его учеником. Рамананда восхищался Айенгаром; он говорил о нем, как о гении. Но когда я спросил, не следует ли мне обратиться к нему, ведь Индия была теперь моим домом, а Айенгар жил там на юге, Рамананда отрезал: «Если хочешь научиться йоге, попросись в ученики к любому, кто улыбается».

Мы поговорили о сложных отношениях между учителем и учеником. О том, как эти отношения в Индии усугубились тем, что ученик должен слепо покориться гуру. Я считал это опасным, ведь иногда учителя, я думал в этот момент о Саи Бабе, испорченные этой абсолютной преданностью, способны уверовать в собственную божественную природу, а ученики превращаются в живые привидения.

Он соглашался. По его словам, эта беспрекословность полезна вначале, чтобы вселить в ученика уверенность и помочь сделать первые шаги, но потом нужно дать ему волю, чтобы он проделал свой путь само-

стоятельно. «В конце концов главное – не гуру, а метод», – сказал он.

По его мнению, метод Айенгара был самым лучшим, но отношения с наставником не были идеальными. Рамананда заметил, что ученики приходят к нему полные энтузиазма и самоотвержения, но несколько месяцев спустя начинаются конфликты, напряжение. Каждый рвется стать любимцем. «Йога, – добавил он, словно желая развенчать иллюзии, – вовсе не делает людей лучше. Она просто усиливает определяющие черты характера. Если ты вор, то йога прибавит тебе воровской сноровки, а если ты завистлив по природе, станешь еще завистливее».

Он ничего не мифологизировал. Теперь мне не составило труда спросить его, не последователь ли он Саи Бабы. Ни в коей мере, заверил он меня. Портрет ему привез ученик, который недавно побывал в Путтапарти. Если у него, Рамананды, и был гуру, то это Свами Данаянда Сарасвати, преподаватель Веданты, древней индийской религиозной философии. У Свами, кроме ашрама в Индии, был еще один, прямо здесь, в Соединенных Штатах, и Рамананда туда ездил каждый год вести курс йоги.

Рамананда мне нравился. Он не пытался заставить меня ни во что поверить – ни в то, что йога исцеляет от болезней, ни в то, что она открывает путь к сверхъестественным способностям. Например, умению леви-

тировать или становиться невидимым – а ведь еще в пятидесятые годы некоторые занимавшиеся хатха-йогой верили в это. Сам же Рамананда верил в упорство, силу воли, и мне было с ним легко. Я рассказал, что привело меня сюда.

– Значит, рак. Ты боишься?

Я ответил, что не боюсь.

– Мы все умрем. Речь идет о том, чтобы получить удовольствие от путешествия, – заметил он. – Йога может оказать очень большую помощь в том, чтобы сохранить и тело, и душу в хорошей форме, пока ты идешь этой дорогой. Потом, словно желая разрядить напряжение, он рассказал мне историю, с которой он охотно начинал свой курс.

Человек идет к зубному врачу. Тот осматривает его, находит, что зубы в порядке, но видит, как посетитель отправляет в рот кусочек шоколада.

– Если хотите сохранить хорошие зубы еще на сто лет, перестаньте есть шоколад.

– Все, уже перестал, – отвечает тот и отшвыривает плитку шоколада.

– Вот и молодец. Теперь считайте, что еще сто лет у вас будут великолепные зубы, – говорит зубной врач.

Человек выходит на улицу, и тут же его сбивает грузовик. Перед смертью он может сказать: «Пропади этот стоматолог, который помешал насладиться последним куском шоколада в моей жизни!» или: «Слава Богу, что

хоть перед смертью я сделал то, что всегда хотел – отказаться от шоколада».

Потом Рамананда добавил:

– На протяжении жизни многое может пойти не так, причем чаще всего это и случается.

Мне показалось, что он имеет в виду себя.

Мы решили приступить к урокам на следующий день. Тем временем Рамананда пригласил меня пообедать с ним, потом мы пили чай и под конец я познакомился с остальными членами коммуны. Среди них был один пожилой индийский господин, пациент Рамананды. После несчастного случая его наполовину парализовало, и Рамананда взялся научить его ходить снова.

– Неужели это возможно? – спросил я, глядя, как бедняга с трудом волочит левую ногу, а левая рука бессильно болтается.

– Конечно. Главное, убедить разум в этой возможности, – сказал Рамананда и пригласил меня присутствовать на занятиях.

Рамананда был строг до жестокости. Он непреклонно заставлял беднягу, страдающего от боли, делать маленькие шажки и постоянно наклоняться, касаясь правой рукой носка левой ноги и наоборот.

После сеанса он рассказал, как Айенгару удалось вылечить двадцатидвухлетнего сына своего друга, который, умирая, взял с него слово поставить юношу на

ноги. Тот после аварии передвигался в инвалидной коляске. Айенгар поднял юношу с кресла, велел Рамананде удерживать его в вертикальном положении, а сам встал у больного за спиной и, тыкая тростью ему в спину, начал подталкивать вперед. Он бранил юношу, кричал, осыпал угрозами (ученики решили, что наставник свихнулся) и все толкал его, пока тот мелкими шажками не пересек комнату.

– Я сдержал обещание, – сказал великий учитель и ушел.

– Секрет в освобождении разума от оков научных истин, которые его ограничивают и программируют, – объяснил Рамананда. Он рассчитывал через месяц-другой вернуть старому индийцу радость передвижения без палочки.

Этот день оказался исключительно полезным. Я составил мнение о Рамананде, он мне понравился, но печаль его меня тревожила. И у него тоже сложилось представление обо мне. Причем, как мне показалось, верное представление, потому что на следующий день первый урок он начал с замечания, что я глубоко зажат, непрерывно рассуждаю и взвешиваю, а в таком состоянии о занятии йогой нечего и думать.

Так. Но что же нам делать?

Прежде всего, я должен научиться упражнению на расслабление, с которого надо начинать каждое занятие. Он велел мне лечь на спину с закрытыми глазами,

с ладонями, обращенными кверху. «Бог иногда роняет с неба маленькие золотые самородки, не упусти их», – сказал он, и эти самородки я вспоминаю до сих пор, когда ложусь на землю для этого упражнения или просто смотрю на облака. Рамананда учил меня технике релаксации, и это улучшало мое самочувствие.

– Ляг, расслабься, забудь о заботах, расслабь мышцы, распусти затянутые узлы. Дыши глубоко. Почувствуй свое дыхание; прислушивайся к тому, как оно проникает во все твое тело, предплечья, кисти, ноги, как это дыхание очищает, уносит все ненужное, исцеляет. Представь, что твое дыхание выметает из организма все нечистое. Позволь своему телу погрузиться в пол, освободи все органы, представь, что твои почки удобно расположились на полу. Позволь своей плоти соскользнуть с костей, и в уголках твоих глаз зародится глубокая радость. Ты свободен, тебя баюкает на коленях Мать-Земля. Оставайся в мировом пространстве, ничего не делая, не говоря, не думая. Избавься от комка в горле – обиды на то, чего тебе не удалось сделать. Вот он тает, исчезает, и ты счастлив, пусть даже и не понят. Это ты, со всей своей энергией, отпускаешь все, что занимало место в твоем теле, но уже ему не принадлежит. Прочь, прочь…

Четверть часа я провел в этом расслабленном состоянии. При этом некая часть моего разума все-таки не могла отключиться и перестать рассуждать. По-

том Рамананда начал учить меня некоторым асанам – йоговским позам, которые, по его мнению, могли помочь мне с моей грыжей. Я болтался в воздухе, головой вниз, подвешенный на лямке, закрепленной на потолке, делал стойку у стены.

Вскоре я понял, что метод Айенгара, который так нравился Рамананде, вовсе мне не подходит. Великое изобретение Айенгара, как объяснил Рамананда, заключалось в том, что он первым в йоговскую практику ввел приспособления – пояса, лямки, подушки, стулья, деревянные чурки для опоры. То есть прямо противоположное тому, что я хотел. Я-то представлял себе, что для занятий йогой не нужно ничего, кроме собственного тела и свободного местечка, и от всех этих приспособлений меня просто воротило!

Более тридцати лет каждое утро я пробегал по несколько километров – это был мой способ медитировать. В путешествиях мне было достаточно иметь для этого пару кроссовок, майку и шорты: я мог совершать свои утренние пробежки где угодно, иногда, скажем так, в экстремальных условиях, как в Северной Корее, где приставленным ко мне агентам приходилось следовать за мной на машине по аллеям парка.

С этими же приспособлениями я бы не смог заниматься йогой, где захочу. Выходит, это не для меня. Но раз я договорился с Раманандой о недельном курсе, то остался, и хорошо сделал. Если бы я тогда, после

первого же часа, прервал занятия, я бы очень многого лишился. Все в моей жизни пошло бы по-другому, да и продолжение этой книги было бы совсем другим.

За неделю в состоянии полупарализованного пожилого господина наметились значительные улучшения. Это укрепило мою убежденность в том, что сознание (для меня источник смятения и возбуждения) – это источник невероятной силы, в существование которой я все больше верил, той силы, что способна влиять на материю.

На этой неделе Рамананда рассказал мне о семинаре, посвященном необычной теме, «Йога и звук», который он должен был провести вместе с одним музыкантом из Калькутты в ашраме своего гуру в Пенсильвании. Как мне объяснил Рамананда, они хотели изучить возможное лечебное действие асан в сочетании с классической индийской музыкой. Это меня заинтересовало; заодно хотелось познакомиться со Свами Даянандой, знатоком Веданты и того, что прошло мимо меня за годы жизни в Дели, а именно, индийской философии.

Семинар должен был начаться через несколько недель. Недолго думая, я попросил Рамананду записать меня.

Из Сан-Франциско я отправился в Нью-Йорк на свидание с «ремонтниками». Результаты обследований были готовы через неделю: мне подарили еще один

кусочек вечности. На следующий осмотр предстояло явиться через три месяца. Примерно к этому времени заканчивался семинар Рамананды в Пенсильвании. Все сходилось.

Я использовал время, чтобы сделать передышку, успокоиться, почитать немного о йоге и особенно о древней практике «музыкотерапии». Недавно она пережила свое второе рождение и стала модным направлением альтернативной медицины. В Соединенных Штатах есть уже примерно полсотни школ, где преподают музыкотерапию, и около сотни центров, в которых при помощи музыки лечат ряд функциональных расстройств, к примеру, мигрень, ожирение, насморк.

Мысль о том, что звук обладает огромной и таинственной силой, стара, как сам человеческий род, и не случайно в разных мифах о сотворении мира, начиная с библейского, о звуке говорится как о начале начал, источнике всего сущего: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», – читаем мы в Евангелии от Иоанна.

Для индийцев таким звуком является слог «Ом», изначальный звук, тот, в котором соединяются все звуки. Тот звук, в котором Брахман, Абсолют, проявляется до того, как проявиться в форме. Вот и для современной науки Вселенная началась со звука: Большого Взрыва.

Предполагаемая Божественная природа звука привела к тому, что во многих древних цивилизациях че-

ловек видел в звуке связь с богами. Колокола, колокольчики, цимбалы, барабаны и гонги до сих пор присутствуют в церемониях разных верований, а бубны, раковины и рога до сих пор используются шаманами всех континентов для контакта с духами.

В культуре различных народов есть легенды, согласно которым звуком (если научиться управлять его мощью) можно убить или воскресить человека, вызвать дождь или бурю, сотворить образы из ничего или раздробить материю – как случилось со стенами Иерихона.

В древнем Китае музыке приписывали способность делать землю плодородной и менять характер людей. В Древнем Египте музыку использовали, чтобы облегчать страдания рожениц. В Индии хранятся древние санскритские тексты, в которых описываются целебные свойства музыки. Подобные трактаты существуют и на арабском. Известно, что сам Гиппократ иногда прибегал к помощи музыки, чтобы лечить своих пациентов на острове Кос.

Теория целительного воздействия звука родилась как плод мистической интуиции, но современная наука, похоже, сейчас нашла ей подтверждение. Согласно новым гипотезам, каждое живое существо и каждый предмет, представляя собой совокупность частей, находящихся в постоянном движении («постоянном танце», как говорили древние), производит вибрацию, от-

ражающую его природу. Нарушение вибраций, дисгармония в этом звучании становятся причиной болезни. Больного можно вылечить, если восстановить первоначальную гармонию «правильным» звуком, который создаст нужное созвучие.

– Безумие? Может быть, и нет. Если подумать, как музыка влияет на наше настроение, как военные марши подбадривают солдат на поле боя, как нас трогают песни о любви, нетрудно представить себе воздействие музыки, звуки которой сквозь барьеры наших эмоций проникают в тело так, что заставляют клетки вибрировать в нужном ритме.

Опираясь на эту теорию, некоторые современные индийские музыканты пытаются определить, какие именно «раги» – классические музыкальные структуры – обладают подходящим ритмом для лечения конкретных болезней. Уже создан длинный перечень соответствий. «Раги» используются для лечения самых разных патологий, от анорексии до ревматической лихорадки. Омкарнатху Тхакуру, например, была известна «рага», помогающая от бессонницы. Рассказывают, что во время своего приезда в Рим он произвел большое впечатление на Муссолини. Своей музыкой Тхакуру удалось вылечить «дуче» от этого недуга.

С самого начала, еще во времена «риши», йога признавала огромное значение звука, и одна из йоговских дисциплин, цель которой – помочь индивиду выйти за

пределы своего тела и слиться с Абсолютом, так и называется – «нада-йога», то есть «йога звука». Постигая сознанием тот момент, когда мысль Бога становится словом, то есть звуком и актом творения, йог может услышать (не физическим слухом, а слухом внутренним, духовным) этот Божественный звук и соединиться с этой трансцендентной действительностью, что и является конечной его целью.

Философия йоги, конечно, была интереснее, чем все изгибы и закручивания, которым Рамананда пытался меня обучить. Мне было любопытно посмотреть, как же на семинаре в Пенсильвании удастся все это объединить и какую пользу я из этого извлеку.

Увиденное сразу напомнило мне беседы с Леопольдом о «детерри-ториализации», о дисгармонии объекта и среды. В ельнике, среди сугубо американской пенсильванской равнины сиял нетронутой белизной индуистский храм. Его окружали ряды сборных бунгало – когда-то здесь был мотель, но прогорел, и теперь его переоборудовали под ашрам. И вот в этом кемпинге, за воротами которого разбивали свои палатки торговцы с воскресного блошиного рынка, начинался семинар по йоге!

Йога… Одна из самых древних и непроницаемых эзотерических доктрин Индии, один из великих секретов, передаваемых новым, особо достойным «посвященным» только после тяжелых испытаний и многочи-

сленных ритуалов инициации. Еще в тридцатые годы один европейский путешественник отправился в Бенарес к знаменитому йогу, чтобы убедить его дать несколько уроков, но услышал в ответ: «Обучать йоге вас, европейцев? Никогда! Дай вам волю, вы даже из йоги сделаете бизнес».

В семинаре участвовало с полсотни человек, главным образом женщины. Все здесь друг друга знали, я был единственным чужаком. Все они в свое время учились у Рамананды, сами стали преподавателями, и у каждого из них в каком-то уголке Америки теперь был свой «бизнес» – школа йоги. Все они великолепно выполняли асаны и лихо пользовались приспособлениями Айенгара. Мне никогда еще раньше не доводилось бывать в окружении таких продвинутых специалистов по йоге, но этот опыт лишь укрепил меня в моем предубеждении. Я оглядывался по сторонам и не видел ни одного спокойного лица, ни одной хорошей, открытой улыбки, ни от кого здесь не исходило ощущение умиротворенности. Каждый сам по себе, все старательно делают упражнения, стараясь еще более усовершенствовать все эти свои выверты – и что же в результате? Печальные лица одиноких людей, много худых, бледных женщин с запавшими глазами. Что-то здесь не ладилось, но я толком не мог разобраться, что именно.

Конечно, есть глубинное противоречие между той индийской культурой, где йога зародилась несколько

тысячелетий тому назад, и нашим современным обществом, в которое йогу совсем недавно внедрили. Индийская традиция полагала своей целью обретение контроля над самым нематериальным в человеке – его сознанием. А вот нас интересует прямая противоположность: контроль над материей при помощи науки и технологий. Целью йоги (слово это означает «единство») было освобождение человека от иллюзии, что он существует сам по себе, независимо от Вселенной, во имя его слияния с Богом. Можно ли преследовать такую цель в таком обществе, как наше, полностью подчиненном принципам индивидуализма и разобщенности? Может, одна только попытка это сделать и приводит к внутреннему конфликту, шизофрении, к той тоске, которой было наполнено все вокруг.

Но во всем можно найти и положительные стороны. И радость не заставила себя ждать. В тот же вечер Рамананда представил участникам семинара щуплого индийца в белой «курта-пиджаме»: это был его партнер-музыкант Мукеш Десай. Он сидел на помосте перед клавиатурой. Справа от него расположился юноша-аккомпаниатор на «табла» – парных барабанах. Поздоровавшись, Мукеш Десай сказал, что его музыку нужно слушать так, будто мы пьем из родника. Пить, пока хочется, и прекращать, когда утолишь жажду.

– Я торгую водой на берегу реки, – добавил он с

улыбкой, подстраивая инструмент под «табла». Или он уже начал играть? Потому что у этой музыки, непрерывно звучавшей больше двух часов подряд, казалось, не было ни начала, ни конца: она просто струилась, текла, как вода, как жизнь. Слова, которые пел Мукеш Десай, не имели смысла, часто это были просто эквиваленты наших до, ре, ми, фа, соль, но его голос с тысячью модуляций и оттенков наполнял жизнью весь зал и проникал в грудь каждого из нас. Он, Мукеш Десай, был инструментом, а то, что слетало с его губ, и было тем магическим звуком, который мы должны были сочетать с асанами. После концерта все мы расходились в приподнятом настроении.

На протяжении последующих дней Мукеш Десай приходил в спортзал каждый день после обеда, и, когда Рамананда оставался доволен позой каждого из нас, меня избавили от необходимости выполнять все в точности, он начинал напевать свои «раги». И я убеждал себя, что они входят в мое тело, добираются до раковых клеток и заставляют их вибрировать таким образом, чтобы они не воспроизводились больше этим своим безумным способом. Здесь была сила звучания или сила сознания?

Рамананда был на высоте. Он не пытался рационализировать эту связь между асанами и музыкой или объяснять ее мистическими терминами, как в некоторых книгах. Он полагался на интуицию. Рамананда

«чувствовал» наши тела и знал, что музыка каким-то образом влияет на нас. Он знал и о давних экспериментах и о тех, которые вошли в моду недавно, но сейчас он проводил собственный эксперимент с полусотней продвинутых учеников.

Со мной это сработало. В один из последних дней, во время сеанса пранаямы, упражнений по контролю над дыханием, когда не надо было пользоваться приспособлениями, а можно было просто расслабиться и лежать неподвижно, я ощутил, как убедительные модуляции голоса Мукеша Десая проникают во все поры и мое тело охватывает радость, которую я никогда раньше не ощущал ни на одном концерте.

Музыка ли пробуждала во мне скрытую силу, которая, казалось, могла стать целительной? Или мое сознание наделяло звуки некоей силой, создавая впечатление, что музыка властна над материей? Какая, в сущности, разница? Это было удивительно само по себе, и никакое объяснение ничего нового не добавило бы.

Другим сюрпризом оказался Свами. Семидесятилетний, высокий и тощий, сутуловатый, закутанный в оранжевую тунику, он приехал в середине недели, но уже первое его выступление придало семинару новый масштаб. Он был умен, образован, необычайно проницателен, но не ощущал ни малейшей необходимости это показывать. Он вообще был далек от суетности.

– Духовный поиск – это поиск познания, а единственное познание, к которому стоит стремиться, – это познание самого себя.

Он хорошо знал, с кем говорит, и вскоре затронул с заметной иронией тему, которая привела нас всех сюда.

– Йога? Действительно, она полезна для тела, – сказал он. – Приятно, когда можешь наклониться за упавшим листом бумаги, никого не прося о помощи. Но цель йоги – не тело. Йога – это контроль над сознанием, это единство тела и сознания. Не для того, чтобы стать атлетом, а для того, чтобы тело оставалось здоровым. Тело – средство передвижения, как например, автомобиль. За ним нужно следить, потому что оно может привести вас к цели. Ошибка в том, когда путают цель со средством.

Было очевидно, что он без особого уважения относится и к модной йоге, и к тем, кто ею занимается. Это стало ясно, когда он заговорил о западной одержимости понятием «собственности», о стремлении определить все при помощи слов «я», «мое». У него была своеобразная, забавная манера объяснять.

– Вот вы говорите: «Моя квартира». Но если присмотреться, ваш пол – это еще и потолок соседа снизу, а стена – стена соседа сбоку. Ничто на самом деле не полностью ваше. Абсолютно ничего… даже ваше тело. Столько людей могут заявить на него права: ва-

ша мать, ваш отец, ваш супруг или супруга на основании таинства брака, государство, по отношению к которому у вашего тела есть гражданские обязанности. Да и земля, по которой вы ходите, огонь, вас согревающий, вода, которую вы пьете, плоды, которыми питаетесь, – все они могут о вас сказать: «Мое». Только вам не принадлежит ничего. Не принадлежат вам Даже ваши знания – или то, что вы считаете таковыми. Вы взяли их из книг или получили от учителя. И все-таки вы упорно твердите: «Мое тело». Тело вам кажется настолько «вашим», что вы себя с ним отождествляете. Вы говорите «я» и думаете о своем теле. Но если «я» – тот, кто видит тело, значит, «я» не может быть этим телом. Субъект, наблюдающий объект-тело, не может одновременно быть этим объектом.

Еще он говорил: «Быть йогом означает осознавать себя ежесекундно, осознавать каждый свой жест, каждую мысль». Тот, кто не уделяет внимание каждому мгновению своей жизни, рискует оказаться в том же положении, что и герой притчи, которую он рассказал нам в сопровождении чарующей музыки.

Один человек прослышал о волшебном камне, прикосновение которого превращает железо в золото. Он опоясывается железной цепью и пускается на поиски. Каждый камень, который попадается ему на дороге, он поднимает, чтобы ударить о свою цепь. Но железо остается железом, и он камень отшвыривает. Потом

подбирает новый, снова ударяет о цепь и тоже выбрасывает и так далее. Так проходит неделя за неделей, месяц за месяцем. Человек становится все более отрешенным, и вот он слышит голос какого-то мальчика:

– Эй, старик, откуда у тебя эта прекрасная золотая цепь?

Старик смотрит на цепь. Да, она стала золотой! Но который же из тысяч и тысяч камней, которые он поднял и отбросил, – тот самый?

Свами очень критически относился к западным ценностям, особенно американским. Он говорил, что на Западе все обязано приносить выгоду, а если от чего-то ощутимой выгоды нет – значит, с западной точки зрения, оно лишено ценности.

«Это образ мыслей стервятника, который летает высоко, но не отрывает глаз от земли, чтобы не пропустить то, что можно ухватить когтями». В сущности Свами все время говорил о йоге. Хотел, чтобы мы поняли главное: в этой практике заключено куда больше, чем асаны и пранаяма, что это только два аспекта из восьми, которыми должен овладеть йог. Будто бросая вызов серьезности участников семинара, он заговорил об остальных шести аспектах – это отказ от насилия, лжи, отрешенность от материального, от ощущений и, наконец сосредоточенность и медитация. Только сочетание всех этих аспектов и есть йога.

– Йога – это путь, это средство, при помощи которо-

го человек может соединить свое ограниченное «я» с бесконечным Бытием. И путь этот – внутренний. Цель – достичь совершенства, но совершенства отнюдь не физического. Цель йоги вовсе не лечение той или иной патологии. Это освобождение от всех страданий материального мира, страданий, возникающих всякий раз, когда «я» отделяется от своей сущности, чтобы сосредоточиться на своих ощущениях и на том, что приходит через ощущения. Поэтому йога стремится к слиянию «я» с Абсолютом как к излечению от всего и освобождению от всего.

Но мне казалось, участников семинара не особенно интересовало такое видение того, что стало их ремеслом. Они съехались сюда, чтобы еще чему-нибудь научиться, найти что-нибудь для рекламы нового курса, привлечь новых учеников. Таков мир, в котором мы живем. Этот семинар был для них «капиталовложением».

Со мною было иначе. Я и сам толком не знал, что именно ищу, и этот человек, явный «пришелец», вызывал у меня живейшее любопытство. Однажды он рассказал нам о своем детстве, о том, как мать посылала его в поле – поговорить с рисом, чтоб он быстрее рос. Он вспоминал, с какой радостью он видел, как растения отвечали ему, слегка покачиваясь на ветру. У Свами было целостное восприятие природы и Вселенной.

Его образ мыслей интересовал меня, и мне хотелось

узнать о нем больше. Я попросил о встрече. В ответ он пригласил меня запиской на субботу, после завтрака.

Бунгало Свами было сборным, как и другие, зато это был единственный двухэтажный домик. У подножия лестницы я увидел целую груду туфель, сандалий и шлепанцев, оставленных теми, кто уже поднялся к нему. Большинство посетителей были проживающими в Америке индийцами, которые пришли за советом, наставлением, благословением или просто побыть рядом и поглядеть на него в экстазе. Он восседал в кресле. Среди сидевших на полу людей я заметил нескольких с европейской внешностью.

Я стал в сторонке, наблюдая за перемещениями гостей, которые благоговейно подходили к Свами, склонялись к его ногам, прикасались к ним и потом подносили ко лбу или к груди руки, заряженные «святостью» учителя. Многие заговаривали с ним. Он был внимателен, слушал, отвечал, улыбался и из корзины, которая стояла рядом, давал что-нибудь каждому: виноград, карамельку, мандарин.

Потом Свами поднялся и жестом пригласил меня следовать за ним, а остальных, тоже знаком, попросил подождать. Мы вошли в маленькую комнатку с голыми стенами, в которой ничего не было, кроме кресла и стула. Ясно было, что кресло предназначалось не для меня, но отрадным было уже то, что мне не пришлось садиться на пол у его ног.

Я подумал, что времени у нас мало, и в нескольких словах рассказал, кто я, объяснил, что я поселился в Индии, полагая, что там существует еще цивилизация, способная сопротивляться западному материализму, но что теперь у меня появились сомнения. Я хотел понять, действительно ли его страна – хранилище древней мудрости, как верят еще многие, или со временем и тут все изменилось.

Он очень заинтересовался. Мы говорили о мифе, представляющем Индию как гуру наций и получившем распространение на Западе более века тому назад благодаря такой великой личности, как мистик Вивекананда, об индийской атомной бомбе, испытания которой прошли незадолго до нашей встречи. Я сказал ему, что занимался политикой много лет, но теперь ею пресытился. Сейчас я хотел целиком посвятить себя поиску того, что могло еще сберечься в Индии и из чего прочий мир мог бы извлечь большую пользу.

Свами ответил, что именно эту задачу поставил перед собой и он. Поэтому он и преподает Веданту, источник той мудрости, которую я ищу. Он добавил, что индийская духовность не связана с каким-то народом или страной, она годится для всех, ибо сохранила свою самобытность и в отличие от других религий, таких как христианство и ислам, не дала себя задушить теологии.

Его удивило и позабавило то, что я оказался здесь,

на семинаре. Я рассказал все в обратном порядке, «отмотав ленту назад»: Рамананда, йога, грыжа, рак…

Рак? Услышав это, он остановил меня. Он захотел узнать подробности: где, когда, как я лечился? Я заметил, что Свами мысленно что-то подсчитывает; потом он сказал, что каждый год, весной, в своем ашраме, расположенном на холмах Анайкатти, возле Коимбаторе, на юге Индии, он проводит трехмесячный курс Веданты. Если я хочу, то могу присоединиться.

– В твоем возрасте, с твоим жизненным опытом ты бы смог извлечь из этого пользу, – сказал он.

– Потом я сведу тебя с одним врачом-аюрведистом. Кто знает, вдруг он сможет тебе помочь.

Он остановился, будто о чем-то задумавшись. Потом взял лист бумаги, ручку.

– Скажи мне, в какой день ты родился. Дату, точное время суток.

Он понял, что я слегка насторожился, услышав этот вопрос, и добавил:

– Я не настоящий астролог, но интересуюсь духовной астрологией.

– А что это такое? – спросил я.

Честно говоря, я был слегка раздосадован. После путешествия, описанного мною в книге «Прорицатель мне поведал…», я шарахался от всяких ясновидцев и астрологов, и у меня не было ни малейшего намерения снова во все это ввязываться.

– Это способ понять духовную предрасположенность человека, – ответил Свами. – Знаешь, одних добрых намерений ведь недостаточно. И раз уж ты встал на путь поиска, неплохо бы тебе было заглянуть в свой духовный гороскоп.

Ясно, это было что-то вроде вступительного экзамена. Я вспомнил, что Рамакришна тоже очень скрупулезно подходил к отбору учеников и что самому Вивекананде пришлось пройти ряд испытаний, прежде чем тот его принял. Такова была традиция: сперва следовало тщательно изучить потенциального ученика, понаблюдать за тем, как он ходит, ест и даже иметь представление о том, как он переваривает пищу. Тело ученика осматривали, чтобы выяснить, есть ли на нем божественные знаки предрасположенности к духовной жизни.

Свами пользовался гороскопом, но цель была все та же: понять, стоит ли тратить силы на мое обучение. Мысль о том, чтобы стать его учеником, меня позабавила: занятная получается история с моим образованием. Юридический колледж в Пизе; потом Англия, университет в Лидсе; затем Колумбийский университет; и теперь, наконец, я кандидат на обучение в ашраме и мне предстоит пойти астрологический тест!

Свами позвал ассистента и дал ему лист с подробными данными о моем рождении. Когда дверь комнатки открылась, я услышал гомон людей, которые сидели

в ожидании на полу, и собрался уйти. Но нет, он хотел еще поговорить об Индии, о политике, хотел знать, что я думаю о Китае, о Пакистане, о конфликте в Кашмире, однако мне было неловко. Я чувствовал, как на меня давит досада его учеников там, снаружи; я не удержался и спросил его, как он может всегда быть таким терпеливым, таким доступным для всех и вообще как его на всех хватает. Я видел, сказал я, как он часами принимает людей, как выслушивает их. Здесь каждый претендует на его внимание, на его время.

Свами ответил мне фразой, которая стала решающей в наших отношениях:

– Мне больше не нужно время, – сказал он. – Я уже сделал все, что хотел, а время, которое мне осталось, принадлежит всем. Ты тоже приближаешься к возрасту, когда сможешь свое оставшееся время отдавать другим.

Господи, как бы мне этого хотелось, но как я был еще от этого далек!.. Я вслушивался, как он говорит:

– Вот увидишь, и с тобой будет так же. Когда тебе откроется, что ты – это Абсолют и в тебе заключено все, никто ничего у тебя никогда не отнимет.

Неужели он может научить меня этому? Наконец-то я действительно нашел себе настоящего учителя!

Он добавил еще кое-что о покое, который надо искать внутри себя, а не вокруг, и в заключение сказал:

– Вечером… Увидимся сегодня вечером после сеан-

са музыки.

Когда я шел через приемную, она была битком набита народом.

Был конец недели, и многие индийские семьи приехали издалека, преодолев немало километров. Все они вздохнули с облегчением, когда я ушел, хотя им было и любопытно знать, кто этот иностранец, которому посчастливилось так долго общаться со Свами.

Вечером я подождал, пока мои товарищи не разошлись по своим бунгало, выскользнул из дома и зашагал к Свами. В еловом лесу вовсю квакали лягушки и пели сверчки. Мне хотелось смеяться: вот-вот я узнаю, прошел ли я испытание.

У подножия деревянной лестницы, где днем разувались гости, было пусто. Свами был один, в руках он держал кипу бумаг.

– Прекрасно. Прекрасно. Просто замечательный гороскоп, – сказал он, указывая на монитор компьютера, на котором, год за годом, была отражена вся моя жизнь на фоне движения светил. Он улыбался. Ему было радостно сообщить мне «хорошую новость»:

– Твое рождение было безоблачным. Ты родился, не отягощенный ничем из прошлых воплощений, и это делает тебя необыкновенно приспособленным для духовной жизни. Ты можешь даже стать духовным лидером. Все возвращается. Ты никогда не преследовал материальные цели, поэтому можешь сейчас стре-

миться к окончательному освобождению.

Свами был возбужден. Он листал страницы, вновь и вновь просматривая историю моих решений, переломных моментов моей жизни, моей болезни. Но я не захотел запоминать, не стал ничего записывать. Он сказал, что до марта 2003 года со мной будет все в порядке и, возможно, даже позже речь тоже не пойдет о моей смерти. Я не стал задумываться об этой отсрочке. Меня больше интересовала встреча, которую Свами мне назначил в Индии, где через несколько месяцев мне предстояло начать курс изучения Веданты в его ашраме.

Когда я вышел из бунгало Свами, стояла прохладная лунная ночь. Домой мне не хотелось, и, прежде чем вернуться к себе, я еще долго бродил по лесу.

ГОНКОНГ

В царстве грибов

Это на первый взгляд выглядело заманчиво, и я решил не упустить такую возможность. Некий старый китайский миллиардер из Гонконга решил обратить свое богатство на пользу человечеству и оставить в дар людям лекарство от рака.

После нескольких лет исследований лекарство было готово. Речь шла об экстракте гриба, который китайцы всегда считали чудодейственным и который с древности присутствует на изображениях некоторых богов, особенно Восьми Бессмертных.

Я запросил Манджафуоко, что он об этом думает.

«Разузнай, это любопытно, – ответил он мне. – Я, как и многие, считаю грибы особым, отдельным царством, в том смысле, что это и не вполне растения и, само собой, не животные. Они просто „грибы“, мир в себе, с большими целительными возможностями, которые известны уже несколько веков. При этом грибы не похожи друг на друга, у каждого свои особые свойства. Не забывай, кстати, что первым пенициллином мы обязаны грибам».

Гонконг был для меня второй родиной, я прожил здесь восемь лет. Я многих здесь знаю, у меня здесь много друзей, но в этот приезд я решил сосредоточиться исключительно на грибе и ни на что не отвлекаться. Я никому не позвонил, не заглянул даже в «Клуб иностранных корреспондентов», а поселился в комнатке для приезжих научных сотрудников в Гонконгском университете. Этот район города изменился мало и кое-что здесь осталось от романтической атмосферы былого Гонконга.

Перед самым рассветом улочки квартала, поднимающегося к Пику, заполнялись очень симпатичной публикой – это были китайские старики, мужчины и женщины, нашедшие в «тайцзицюань» свой способ «борьбы с тенями», некую совершенную гимнастику для тела и души. Эти утренние минуты давали им запас умиротворенности на весь день.

Увидеть миллиардера оказалось делом нетрудным. Он пригласил меня в свой офис, расположенный в Сентрал, торговом сердце острова, откуда он управлял своими делами. В обстановке его кабинета, строгого, как монашеская келья, не было малейшего намека на аляповатые излишества, перед которыми обычно не может устоять душа среднестатистического миллиардера. Хозяину кабинета, высокому, худому китайцу, было лет восемьдесят; лицо вполне обычное, но подкупающее искренностью.

– Мы не хотим делать деньги, мы хотим только лечить людей, – сказал он мне, будто возражая, хотя я ничего не говорил. – Жизнь состоит в том, чтобы отдавать и брать. Я многое взял у общества. Теперь, когда мой час близок, настал черед отдавать.

Первым делом я попросил его рассказать о себе, уточнив, что и как он «взял» у общества, и это украсило в моих глазах историю его гриба. Миллиардер родился в бедной семье в районе дельты Янцзы, когда Китай сотрясали междоусобицы. Мальчик вырос в Шанхае, его детство пришлось на годы японской оккупации. Там он работал во время Второй мировой войны, а потом и во время гражданской. Все его существование, как и миллионов других китайцев, было непрерывной борьбой за выживание.

Ему повезло. Свои первые деньги он заработал импортом иголок для немецких швейных машин, которые использовались в легкой промышленности, а потом перешел и на сами машины. В 1949 году, когда войска Мао перешли в наступление, он бежал в Гонконг, не захватив с собой почти ничего из имущества. Здесь он снова взялся за бизнес и решил сделать ставку на два перспективных вида товаров, на стиральные порошки и вермишель быстрого приготовления. Именно на вермишели, о которой он говорил так, будто у него под носом постоянно стояла дымящаяся тарелка, он сколотил порядочное состояние.

Старый миллиардер в душе оставался коммерсантом, но обманщиком он не был. Когда я спросил, как при таком разнообразии форм рака, для каждой из которых требуется особое лечение, его грибной экстракт может лечить всех подряд, ответ его был четким и недвусмысленным. Его экстракт, сказал он, собственно говоря, не лекарство. Это только вспомогательный препарат, в высшей степени полезное вещество, укрепляющее иммунную систему, и принимать его следует параллельно с курсами радио– и химиотерапии.

В общем очередная история о чудесном лекарстве при ближайшем рассмотрении оказалась дутой. Однако я решил дослушать ее и не пожалел. К своему грибному экстракту миллиардер относился с не меньшим энтузиазмом, чем к своей вермишели. В сущности он был прав – эти два продукта действительно приносили пользу человечеству.

Созданию экстракта предшествовали две параллельные истории, которые в определенном смысле пересеклись. Одна касалась лично моего миллиардера.

В середине восьмидесятых заболевает дочь его лучшего друга, тоже гонконгского магната. Девушку возят по разным больницам, но диагноз всегда один: неизлечимая лейкемия. Наш миллиардер не сдается и обещает другу, что сделает все возможное и невозможное, чтобы ему помочь. Он убежден, что в богатейшей фармакопее тысячелетней китайской медицины

непременно должно найтись какое-нибудь средство, способное помочь при лейкемии. Может, о нем просто забыли, может, его потеснили западные лекарства, но оно должно быть – какая-нибудь трава или что-то еще. Он шлет в Китай своих людей, несколько раз ездит туда сам, но все впустую.

Примерно в то же время в Шанхае разворачивается другая история. Старый биолог, преподаватель университета, проходит в больнице для партийных деятелей курс реабилитации после выхода почечного камня. В двухместной палате его соседом оказался один из крупнейших партийных руководителей, которому только что вырезали раковую опухоль. В беседе тот упоминает о средстве от рака, которое якобы есть только у японцев. Используя особый гриб, когда-то росший только в Китае, японцы уже приготовили эффективное лекарство, но в мизерном количестве, и формула пока держится в секрете.

Итак, китайский гриб. Но какой же именно?

Выйдя из больницы, биолог принимается за работу, пытаясь найти ответ на этот вопрос. В Китае растет более 1300 видов грибов. Чтобы добраться до того самого, единственного, нужны годы исследований и серьезное финансирование. Биолог пишет в свой университет, обращается к шанхайским властям, затем к пекинскому руководству, но никто не только не предлагает ему денег – его и слушать не хотят… И тут о проекте

узнает гонконгский миллиардер, встречается с биологом и предоставляет в его распоряжение свой капитал.

Результат не заставил себя ждать. Был отыскан гриб с высоким содержанием вещества, обладающего, как считают, противораковым действием. Это «юнь чжи» – «Заоблачный Гриб». Миллиардер просит биолога приготовить первую партию экстракта, дает его дочери друга, У той уже не осталось никаких надежд, и происходит чудо. Девушка остается жить.

Миллиардер и биолог принимаются за работу над долгосрочным проектом; они хотят научно обосновать действие экстракта, чтобы потом наладить его производство и сделать доступным для всего человечества.

Разговаривая со мной, старик очень настаивал на филантропической цели этого исследования, которое уже тянулось почти пятнадцать лет, но мне было ясно, что в проекте «Заоблачный Гриб» присутствовал еще и важный националистический компонент. Как миллиардер, так и биолог знали, что тысячелетняя китайская врачебная традиция сильно пострадала от западного влияния, и надеялись, что их противораковый экстракт вернет ей былую славу и силу.

В конце XIX века Китай наводнили толпы иностранных миссионеров. Крупные американские такие фонды, как Рокфеллеровский, построили в Пекине и в других городах свои больницы, которые очень скоро вытеснили из китайского обихода местные, традицион-

ные лечебницы. Китайская элита все больше и больше зависела от западных врачей. В конце концов, правительство Чан Кайши практически объявило вне закона местную медицину как слишком примитивную. Именно коммунисты вновь открыли ее, и именно Мао принадлежит высказывание, что и в этой области Китай тоже должен «шагать обеими ногами».

В Гонконге, колонии на протяжении более ста пятидесяти лет, официальная медицина с самого начала попала в руки врачей, вышедших из английских университетов, и проект «Заоблачный Гриб», помимо всего прочего, был еще и попыткой вернуть былое уважение к работе «неколонизированных» специалистов. Старому миллиардеру это казалось принципиальным. Не случайно он рассказал мне о другом своем проекте: положить на музыку несколько стихотворений эпохи династии Дань, чтобы у молодежи было что петь на вечерах с караоке – «что-нибудь китайское, чтобы было что послушать, а то распевают непонятно что».

Ясно было, что старик недоволен существующим положением дел – как в Гонконге, так и в Китае. Привычный для него мир бизнеса теперь, по его словам, не гнушается ничем ради выгоды, и, чтобы защитить свой экстракт, ему пришлось создать Ассоциацию Здоровья, которой он официально передал монополию на производство препарата. Он опасался, что спекулянты от фармацевтики скупят экстракт, разбавят его водой,

чтобы получилось побольше, а потом станут продавать по астрономической цене. На сегодняшний день единственный способ раздобыть экстракт – это стать членом Ассоциации (двадцать тысяч человек уже так и поступило).

Кроме того, Ассоциация открыла три консультативных центра для тех, кого западная медицина считает неизлечимыми. Для малоимущих консультации здесь бесплатные. Чтобы центры приступили к работе, старик специально принялся искать в Пекине хорошего традиционного врача, а найти такого оказалось делом нелегким. Сейчас в Китае все гонятся только за деньгами, там никому и ничему нельзя доверять. Лекари, практикующие иглоукалывание, называют себя мастерами после двух лет обучения – и это вместо прежних десяти лет стажировки у истинного специалиста. Что касается врачей, то у большинства из них весьма сомнительная квалификация и совсем немногие тратят время на изучение классических текстов – а изучать их можно только обстоятельно, самозабвенно, по-монашески. Но старику повезло, он нашел женщину, которая училась в Пекине по старой методике, и пригласил ее в Гонконг на два года. Теперь она осматривала пациентов и принимала решения по поводу дозировки гриба для каждого отдельного случая.

Я сказал, что охотно с ней встречусь, поскольку мой интерес к грибу носит очень личный характер. Старый

миллиардер меня понял. Он заметил, что и сам ежедневно принимает экстракт, и тут же договорился о визите к ней на следующий день.

Перед тем, как проститься, миллиардер позвал секретаря и назначил меня пожизненным членом Ассоциации. С этим членским билетом я имел право приобрести экстракт со скидкой 10 процентов.

Штаб-квартира Ассоциации Здоровья, как объяснил секретарь, находилась рядом со станцией метро «Цимшатсуи». Мне пришлось воспользоваться этим современным и нелюбимым мною транспортом, на котором за несколько минут пересекаешь пролив между Гонконгом и материком, но при этом отказываешься от переправы на продуваемом свежим ветром пароме «Стар Ферри».

Для людей моего поколения, китайцев или иностранцев, «Стар Ферри» останется символом утерянного очарования старой английской колонии. Чудные суда, зеленые и черные, моряки в старинного покроя синей форме с белым воротничком, деревянные скамейки со спинками, меняющими положение в зависимости от направления движения, запах океана. Вид на бухту и на проплывающие мимо джонки под цветными парусами… Метро, которое вытеснило паром, конечно, куда быстрее и эффективнее, но это всего лишь метро: душное, без запаха живой природы, спрятанное от мира. Еще один пример того, как человек обедняет

свою жизнь, считая, что улучшает, – и примеров таких тысячи.

Гонконгское метро настолько совершенно, что, даже когда поезд проходит глубоко под морским дном, мобильные телефоны ловят сигнал, и было смешно, когда мобильники вокруг меня наперебой принялись верещать. Прямо не метро в два часа пополудни, а какой-то ночной концерт сверчков.

Секретарь объяснил, как пройти от метро к зданию клиники, но первое, что я увидел на поверхности, это были три большие черепахи, подвешенные за лапы над дымящимся котлом у входа в китайскую аптеку.

Было время, когда такое зрелище меня бы не тронуло; возможно, я даже нашел бы его «экзотичным». Живя среди китайцев, я усвоил, что есть, в принципе, можно все, что движется, и не брезговал ничем. Доводилось есть собачье и змеиное мясо, а и однажды в провинции Юннань я попробовал мясо большого красивого панголина, которого вдобавок освежевали прямо у меня на глазах. Но люди меняются, и бывает, очень сильно.

После лет, проведенных в Индии, где я стал вегетарианцем, мне казалось просто безобразным, что трех несчастных животных заставляют страдать для того, чтобы привлечь внимание покупателей к черному черепашьему бульону, который тут же разливали по стаканам, выстроившимся в ряд на прилавке аптеки.

Люди подходили, пили, потом расплачивались и шли дальше. По одному евро за стакан, не так уж и дорого. Если учесть, что речь идет о редком укрепляющем средстве, чудодейственном средстве от геморроя и, как и все китайские настои, естественном афродизиаке.

Клиника Ассоциации была на другой стороне улицы. Крошечный лифт поднял меня на шестой этаж. Секретарь представил меня доктору Ле Пинь.

Эта женщина была одним из последних продуктов старого коммунистического Китая. Простая, без косметики, круглоголовая, волосы с проседью подстрижены «под мальчика». Одета в толстый свитер и черные брюки под безупречно белым накрахмаленным халатом. В студенческие годы она, пожалуй, носила синюю маоистскую униформу и косы. Сейчас ей было около пятидесяти, так что она наверняка успела побыть какое-то время «маленьким красным дьяволом» во время культурной революции. А потом поступить в престижный Пекинский институт традиционной китайской медицины еще при жизни Великого Кормчего, когда туда принимали только надежную молодежь, истинных коммунистов. Что-то из того, прежнего мира еще осталось в ее осанке и внешности. На пальце у нее было обручальное кольцо, наручные часы выглядели не украшением, а просто механизмом, показывающим время. Она приняла меня в маленькой амбулатории.

В воздухе ощущался приятный запах бальзамических трав и коры растений, которые три молодых девушки измельчали и растирали в ступках за стеклянной перегородкой.

Мы уселись друг напротив друга почти вплотную. Она интересовалась моим самочувствием, спрашивала, что меня беспокоит, и записывала все ответы. Она очень интересовалась моей реакцией на химио– и радиотерапию. Были ли у меня температура, зуд, рвота? Появлялись ли пятна на коже? Потом она взяла мою правую руку, положила ладонью кверху себе на колени и через лупу принялась тщательно рассматривать.

– Нет, я не собираюсь предсказывать вам судьбу, – заверила она. – Я смотрю на состояние вашего здоровья. Вслед за любым изменением в вашем теле меняются и ваши руки.

– Руки?…

– Да. Посмотрите сюда, – сказала она, касаясь маленькой указкой бугра между линией жизни и большим пальцем. – Посмотрите. Вот образования, напоминающие крохотные кубики тофу (паста из соевых бобов). Это означает, что ваш желудок слаб.

Она поискала еще, затем обратила мое внимание на то, что линия жизни завершается треугольником.

– Смотрите, вот это означает, что у вас были проблемы с почками, – сказала она.

– Где? Справа или слева? – спросил я, удивленный

этой подробностью, я ведь об этом не рассказывал.

– Этого я сказать не могу. Просто вижу, что есть проблемы с почками, – ответила она.

– Но как же это может быть? Линии у меня с рождения, а проблемы с почками возникли совсем недавно, – не отступал я.

– Случаются изменения линий, некоторые становятся заметными через семь дней, другие проявляются только через семь месяцев.

Потом, водя по руке указкой и глядя в лупу, произнесла:

– Если бы линия жизни заканчивалась здесь, это означало бы, что ваша жизнь уже прожита. Но линия идет дальше, значит, вам жить еще долго. Да, долго.

Она перевернула мою руку и, глядя на тыльную сторону ладони, заметила, что у меня явно назревают проблемы с коронарными сосудами.

– Пока ничего серьезного, ничего такого, что можно обнаружить при осмотре западного типа, но обратите на это внимание. Ваши коронарные сосуды начинают затвердевать.

На указательном пальце она обнаружила крошечную бородавку, которую я никогда раньше не замечал.

– Каждый раз, когда возникают проблемы с зубами, пусть даже с одним, появляются такие знаки.

Она нащупала мой пульс и надолго сосредоточилась. Сказала, что пульс вялый и что у меня слабое

«ци». Осмотрела мой язык и сказала, что под мягким небом имеются две трещинки, еще один знак «неравновесия в желудке». Долго рассматривала уши и опять же не представляю где и как, увидела «застой крови в желудке».

Потом осмотрела мою шею, пощупала лимфоузлы (как, собственно, поступил бы и ее западный коллега) и, наконец, объявила диагноз: общее состояние здоровья неплохое, но имеется некоторая слабость «ци» и нарушенное равновесие, которое следует восстановить.

По ее словам, то, что западные врачи делали со мной до сих пор, было правильным. Сейчас речь шла о том, чтобы подкрепить их лечение китайскими средствами. Экстракт гриба подходил идеально для того, чтобы усилить мое «ци». Я мог принимать по три таблетки в день хоть годами, потому что у них нет побочных эффектов.

Красивым каллиграфическим почерком она выписала рецепт и передала его в аптеку. Всего визит длился полчаса. За него и за первую порцию лекарства, которой мне должно было хватить на месяц, я заплатил сумму, соответствующую ста двадцати евро.

Я еще пару раз встречался с миллиардером, и он познакомил меня с двумя учеными, работающими над его проектом. Как всегда, я что-то узнал от каждого из них, но ничто не изменило моего основного впеча-

тления, что грибной экстракт – красивая легенда. Еще миллиардер познакомил меня с молодым сыном шанхайского биолога, который поведал старинное предание о грибе.

В давние времена жила-была белая змея, и мечтала она превратиться в прекрасную женщину. Но для этого нужно было, чтобы кто-нибудь влюбился в нее, а это было нелегко. И вот однажды один юноша увидел змею и сказал, что любит ее. Тут же гадина превратилась в прекрасную женщину, как и мечтала. Молодые люди поженились и зажили вместе в счастье и согласии. Но один монах позавидовал их союзу и решил разлучить влюбленных. И всем стал рассказывать, что в образе женщины-змеи скрывается сам дьявол.

Когда молодой муж на свою беду тяжко поранился, монах тут же объявил, что это козни жены. Женщина была в отчаянии, но только она одна могла спасти мужа. Она знала, что на небе растет чудесный гриб, и имя ему – Заоблачный, и может он лечить любую хворь. Но в человеческом образе забраться на небо она не могла. Тогда во имя любви она вернулась в свое прежнее обличье и стала небесной змеей. Молнией метнулась она, проскользнула сквозь тучи и возвратилась с чудесным грибом на землю. Молодой муж тут же выздоровел, а гриб благодаря женщине-змее распространился по земле и стал всем доступен.

А монах завидовал им пуще прежнего и решил за-

манить женщину в ловушку. Поймал ее, запер в ящике для подаяний и закопал в городе Ханчжоу. А чтобы никто не смог ее освободить, сверху он велел построить пагоду, которая стала знаменитой: это была Пагода Лэй Фэн.

Узнав о коварстве монаха, император велел его схватить, но монах укрылся там, где никто бы не догадался его искать: внутри краба, живущего на рисовом поле. Там он и остался, ненавидимый всеми китайцами, которые и по сей день, когда едят этих крабов, внимательно разглядывают панцирь. Там при желании можно увидеть узор, похожий на старого испуганного монаха.

Когда-то я встретил в Гонконге одного китайца, биржевого агента, который мне объяснил, как предсказать человеку судьбу по чертам лица. У меня сохранился его телефон, и я дозвонился. Но оказалось, что он больше не занимается физиономикой и теперь у него другие заботы – он лечится от рака.

– А как же гриб миллиардера? – спросил я у него.

Да, он слышал, есть такое средство.

– Одно из многих, – добавил он.

Он предложил встретиться, чтобы вместе пройтись по старому базару Монгкок, где торгуют травами и цветами. Это было потрясающе интересно. На каждом шагу нам предлагали «что-то особенное», привезенное из Китая и способное излечить от той или иной болезни. У

одного торговца, который занимался в основном розами, обнаружилось странное растение с крохотными початками, напоминающими кукурузные. Каждый початочек украшала борода из длинных зеленых волокон, великолепное, как заявил продавец, средство от диабета. Другой предлагал черные блестящие семена причудливой формы, похожие на черепа крохотных буйволов – даже рожки имелись, это средство было от рака легких. Еще У одного торговца я увидел растение с толстыми округлыми корнями, которое растет у водопадов и превосходно помогает от рака груди.

Но мой друг показал мне нечто странное, с трудом поддающееся определению, – это был «червегриб». В горных районах Китая водится червь, который в холодные месяцы прячется под землю и впадает в спячку. Гриб вырастает рядом, он проникает в тело червя, питается им и весной пускает побеги, напоминающие зеленые листья на черном фоне. Эта паразитическая комбинация считалась волшебной: «листья» были прекрасным средством от рака почек. После операции мой друг взялся за изучение старых медицинских текстов и обнаружил, что несколько веков тому назад это растение считали чудодейственным средством от любых заболеваний почек. Беда только, что он очень дорог: килограмм таких «листьев» стоил больше тысячи евро, а для того чтобы лекарство подействовало, листьев нужно было много. Он дошел до пятидесяти

граммов в день – примерно трех десятков «листьев», которые следовало долго варить на пару в закрытом глиняном сосуде. Потом надо было выпить настой и съесть гущу. Вначале, по его словам, настой вызывал сильный кашель, но это «только потому, что он попутно очищает легкие».

У него уже подобралась целая компания друзей, которые тоже лечились этим настоем и по очереди помогали друг другу с поставками из Китая. Он слышал, что растение это можно встретить и в королевстве Бутан, где даже королевская семья им пользуется. По слухам, кое-кто там уже подумывает о том, чтобы организовать небольшое производство.

В один из вечеров старый миллиардер пригласил меня на семейный ужин в шикарный ресторан на Веллингтон-стрит. Из тех, где у входа висят жареные, источающие жир молочные поросята, а на улицах выставлены стеклянные бассейны с отборной живой рыбой, раками и лангустами, ожидающими своей участи. Клиенту достаточно ткнуть пальцем, обреченное существо выловят и приготовят на заказ.

Некоторые утверждают, что библейский призыв «плодитесь и размножайтесь» вместе с неограниченной властью, полученной человеком, стали началом плотоядного насилия, которому предается «венец творения». Это не так, китайцы пришли к подобному насилию без Библии и тысячелетиями употребляли в пи-

щу всех существ без исключения, предварительно подвергая их утонченным пыткам. И эта кухня стала той частью их культуры, на которую ни один режим и ни одна идеология так и не посмели замахнуться.

Я смотрел на этих прекрасных рыб, на подвешенных поросят и думал о том, что человек всегда находил странные оправдания своей плотоядной ярости по отношению к другим живым существам. Один из аргументов, которые все еще в ходу на Западе, чтобы оправдать бойню сотен миллионов цыплят, ягнят, свиней и коров, заключается в том, что для жизни необходимы белки. Но как же слоны? Откуда слоны берут белки?

Аргумент, используя который один друг пытался убедить Ганди отказаться от вегетарианства, был примерно такого же свойства. Он сказал Махатме, что англичане способны с небольшим количеством людей удерживать в подчинении миллионы индийцев только потому, что едят мясо. Это, по его словам, делало их сильными. Единственный способ борьбы с ними – тоже стать мясоедами, как они. Однажды ночью, когда оба друга шли по берегу реки, Ганди согласился съесть кусок козлятины. Этим он пошел наперекор убеждениям своих предков и своей касты. Ему тут же стало очень плохо. Он никак не мог переварить это мясо и, пытаясь заснуть, слышал у себя в желудке блеяние съеденной козы – так он рассказывает в автобиографии.

За всю свою жизнь Ганди больше не притронулся к мясу, даже тогда, когда учился в Англии, где все говорили, что без мяса ему не вынести холодную зиму.

Я, принадлежа к другой культуре, никогда не задумывался, есть ли мне мясо. В моем доме в детстве есть мясо было делом нормальным – конечно, когда мы могли себе это позволить. Обычно это бывало по воскресеньям. Когда мы с Анджелой приехали в Индию в 1994 году, мы оба еще ели мясо – ели бы и дальше, если бы не случай.

Раз в неделю приходил мусульманин с аккуратной сумкой, из которой он вынимал пропитанные кровью газетные свертки с говяжьим филе и бифштексами. И вот однажды Дитер, мой друг-фотограф, указав на бродячих коров, столпившихся у мусорного бака с явным намерением полакомиться содержимым, сказал: «Вот что ты ешь вместе с замечательным мясом, которое приносит тебе твой мусульманин. Заодно подумай и о свинце с этой газетной бумаги!» И он был абсолютно прав. Хоть наш мусульманин и забивал священных для индусов коров, они не выросли на его зеленых пастбищах. Понятно, что он торговал мясом бродячих животных, кормящихся чем попало.

Это был первый импульс, побудивший меня отказаться от мяса. Потом, переставая видеть в животных только мясо, я стал смотреть на них другими глазами, все больше ощущая, что они живые, они – часть

общей жизни, заполняющей мир. Теперь мне на бифштекс смотреть противно, от запаха жарящегося мяса меня мутит, а мысль о том, что можно выращивать животных только для того, чтобы их убить и съесть, причиняет мне боль. Когда мы выращиваем животное, чтобы потом убить, обрезаем свиньям хвосты, чтобы их не грызли соседки, подпиливаем курам клювы, чтобы они, обезумев от неподвижности, не кровавили друг дружку, – вот примеры дикости разума.

– Но ведь овощи и фрукты тоже живые! – заявляют «мясоеды», будто мы, сорвав помидор, заставляем растение страдать, подобно курице, которой сворачивают голову. Или будто ягненок растет на грядке, как салат или капуста. Овощи созданы для еды, а животные нет! Самая естественная пища для человека – та, что производят земля и солнце.

Миллиардера все не было. Я смотрел на жареных поросят и мысленно спрашивал тех, кто собирается их есть: «А вы когда-нибудь слышали крики, которые доносятся с бойни?» Сделать бы так, чтобы их слышал каждый, заказавший бифштекс. В каждой клеточке забитого животного – предсмертный ужас. Моя бабушка, как и все, ела мясо (если, конечно, оно было в доме), но она всегда говорила, что нельзя есть мясо только что забитой скотины. Нужно, мол, подождать. А почему? Может, старики, такие как она, знали о том, как вредно набивать живот агонией другого существа.

Ведь то, что мы уклончиво называем «мясом», на самом деле – куски трупов, плоть мертвых животных, убитых существ. Зачем делать из собственного желудка кладбище?

Анджела ест мясо, такое случается, для меня же это невозможно. Дело не только в здоровье, в том, чтобы не поглощать отбросы, пережеванные уличной коровой, дело в морали. Вот вам простой, красивый способ внести свой вклад в борьбу с насилием: не поедать живых существ.

Наконец прибыл миллиардер с двумя дочерьми и прочие гости. Это прервало мою немую и бесплодную тираду в защиту бедных созданий.

Директор вышел к нам навстречу и повел в отдельный зал, где уже был накрыт большой круглый стол. Я шепнул ему на ухо, что я вегетарианец. Оказалось, он уже в курсе и сказал, чтобы я не беспокоился.

Мы расселись; для младшей дочери миллиардера, которую посадили рядом со мной, видимо, было мало сервировки, и рядом с фарфором и палочками из слоновой кости она положила два мобильных телефона, которые временами подавали голос, внося, так сказать, оживление в нашу застольную беседу. Я видел, что старик, как и я, был от этого не в восторге, но даже он со всем своим богатством не мог остановить волну новшеств.

От него я узнал, что завтра в одном из торговых

центров коммунистического Китая в Гонконге откроется первая выставка-ярмарка достижений традиционной медицины. Он посоветовал мне сходить. При этом предостерег меня от возможных подделок и еще от экспериментальных, непроверенных препаратов, прежде времени выставленных на продажу.

Я пошел туда. В огромном зале рядами расположились десятки мелких киосков, в которых сидели бывшие партийные кадры, переквалифицировавшиеся в бизнесменов. Были здесь и молодые шанхайские «яппи», и даже офицеры Освободительной армии – они демонстрировали новые фармацевтические продукты вооруженных сил. Здесь можно было наглядно увидеть, во что превратилась Поднебесная. Нынешний Китай – деловой, прагматичный, с ним, как предостерег меня старый миллиардер, нужно держать ухо востро.

Через час карманы у меня были набиты визитными карточками и образцами многочисленных лекарств. Наиболее популярными на выставке были два направления: лечение рака и увеличение потенции.

Я уже думал, что я – единственный иностранец здесь, пока не увидел другого, который тоже собирал весь материал, попадавший ему под руку. Он представился как специалист в области китайской медицины, сказал, что преподает в английском университете. Но я думаю, он шпионил на какую-нибудь крупную запад-

ную фармацевтическую компанию, которая не хотела упускать возможность прибрать к рукам важное открытие – если оно, вдруг, будет сделано.

Мы поговорили немного, и в конце я спросил его, не придумали ли китайцы какое-нибудь лекарство от рака, более эффективное, чем те, которыми располагала западная медицина.

– Нет, ничего такого, – ответил мне он. – Зато есть отличные пищевые добавки.

Выходя с ярмарки, я увидел группу китайцев у соседнего здания, они были совершенно непохожи на тех, что внутри. Эти были бледные, худые и какие-то отрешенные.

– Кто вы? – спросил я с интересом.

– Фалуньгун… Фалуньгун, – хором ответили они.

У них только что закончилась двухдневная международная встреча по обмену опытом.

Я читал о Фалуньгун, мистическом движении, которое в 1992 году основал на северо-востоке Китая бывший партийный функционер по имени Ли Хунчжи и которое охватывает уже несколько миллионов человек по всей стране. Я знал, что власти в Пекине устроили на них гонения, что госбезопасность обвинила их сторонников сначала в принадлежности к «незаконной организации», потом в исповедовании «дьявольского культа». Я знал также, что десятки тысяч были арестованы, многих пытали, некоторых убили, другие пропа-

ли без вести в тюремных психушках, но сам никогда не встречался с ними. Я спросил, может ли кто-нибудь объяснить их позицию.

Мне ответили, что на следующее утро я могу прийти в городской парк Каулун – делать с ними гимнастику.

Я вышел в половине шестого утра. Было еще совсем темно, но в тишине уже были слышны голоса и, временами, смех тех, кто ходил по холмам и делал зарядку. Чудный утренний народ, который вскоре полностью растворится в безликой толпе на улицах.

Я доехал на такси до метро и через пятнадцать минут был у главного входа в парк Каулун. Приверженцы Фалуньгун собирались на площадке у больших цветочных ваз. Я стал в сторонке и принялся наблюдать. Подходили все новые и новые люди, снимали обувь, расстилали коврики, газеты, садились на них в позу лотоса и, закрыв глаза, погружались в себя.

Одна женщина, видимо, руководительница, пристроила магнитофон в одну из цветочных ваз и включила кассету. На фоне китайской музыки чей-то голос медленно и проникновенно руководил их движениями. Женщина заметила мое присутствие, отвела меня в одну из групп и показала мне несколько упражнений – одни надо было выполнять стоя, другие – сидя. Они были очень похожи на цигун: руки над головой, потом на уровне глаз, потом перед животом, чтобы удержать воображаемый «шар мира».

Гимнастика длилась более получаса, затем все участники, их собралось около двухсот, среди них много женщин и несколько иностранцев, разделились на группы и начали читать труды Учителя Ли. Каждая группа на своем наречии: мандаринском, кантонском, английском. Я обнаружил даже группу, в которой звучал шведский, это были двенадцать делегатов из Стокгольма. Старший группы работал механиком на атомной электростанции. О Фалуньгун он впервые услышал от специалиста по иглоукалыванию. Вскоре он «обратился» и организовал перевод всех трудов Учителя Ли на шведский. По его словам, в Швеции уже насчитывается несколько сотен последователей.

Пока несколько групп обсуждали прочитанное, женщина, которой, видимо, поручили растолковать мне сущность Фалуньгун, села рядом со мной. Она была такая же, как все, – простая, скромная, не стремящаяся ко внешним эффектам. Госпоже Гуи было лет сорок, ее муж, инженер, состоял на государственной службе в Гонконге. Первым делом она подарила мне книги Учителя. Я хотел заплатить ей, но это было невозможно: «У нас не ходят деньги!» Госпожа Гуи всего два года как стала практикующим приверженцем. О Фалуньгун она впервые услышала от подруги, раздобыла книгу, прочитала, и жизнь ее изменилась. Внезапно в ней появилось больше жизненной силы, больше духовности. До этого она была христианкой, но, как она мне ска-

зала, ей так и не удалось претворить в жизнь то, к чему призывала религия. «Возлюби ближнего своего, как самого себя…» Не получалось. Теперь, с Фалуньгун, это стало легко. Но почему?

– Потому что быть приверженцем Фалуньгун – значит принять мир, чтобы войти в состояние гармонии с ним, – ответила она. – Гармония – это закон Вселенной. Самая простая вещь – самая прочная, – с этими словами она руками изобразила пирамиду и указала на вершину как на конечную точку, в которой все сходится. – В простоте наша сила. Поэтому мы не можем двигаться вперед быстрее тех, кто идет другими путями. У нас нет организации, нет списка членов. Нет офисов, нет функционеров и священников. Наш способ общения – из уст в уста. В крайнем случае мы звоним друг другу по мобильному. Каждый из нас свободен, мы все делаем добровольно. Китайское правительство считает, что нас уже сто миллионов. Не знаю, правда ли это, но нам, в сущности, все равно. Мы ни к чему не привязаны.

Я спросил, как объяснить враждебность к ним пекинского режима.

– Коммунисты преследуют нас за то, что мы занимаемся не просто физическими упражнениями. Они поняли, что нас интересует тайна мироздания, что мы хотим выйти за пределы времени и пространства. Коммунисты верят только в то, что можно увидеть глазами,

и ненавидят нас за то, что мы видим нечто по ту сторону вещей, живем в других измерениях.

Госпожа Гуи мне объяснила, что все их демонстрации, которые они устраивали даже в центре Пекина, часто импровизированные и безмолвные, преследовали одну цель: добиться возможности публично делать упражнения и без препон печатать труды Учителя Ли. Им уже пришлось перевести свое издательство в Сингапур после того, как Гонконг перешел под контроль коммунистического Китая. Но даже это, по ее словам, их не волновало. Ничто, заверила она меня, их не остановит.

Человеческая цивилизация переживает жестокий кризис. Единственный способ из него выйти – добиться, чтобы как можно больше людей исполняли «фа», закон всеобщей гармонии. Мы – приверженцы этого закона – рассчитываем достичь просветления уже при жизни, чтобы уже не возрождаться более, но пока не говорим об этом публично, иначе люди могут принять нас за сумасшедших. И все-таки если сегодня мы здесь – значит, в предыдущей жизни мы искали, пробовали и теперь мы почти у цели. Наш Учитель Ли нам очень в этом помогает, он дал нам способ и указал путь.

Я обратил внимание госпожи Гуи на то, что Учитель Ли – бывший партийный работник нижнего звена. И возможно, испугавшись бурной реакции, которую вызвало в Китае его учение, в 1996 году сбежал в Амери-

ку, где сейчас спокойно живет вместе с женой и дочерью на доходы со своих книг – невежественного сумбура из древних даосистских идей, старых эзотерических практик и буддизма. Он не появлялся на людях, не давал интервью, не посылал указаний своим последователям. Создавалось впечатление, что сам он порвал с Фалуньгун.

– Господин Ли как человек нас не интересует. Он интересует нас как учитель, – ответила она, ничуть не обидевшись. – Книги – это отправная точка, а главное – это практика: регулярная, ежедневная. Цель – очиститься от всего плохого, – и с этими словами она сделала характерный жест, будто стряхивая что-то грязное. – Цель – поднять моральную планку человечества.

Было что-то патетическое и в то же время трогательное в этой женщине. Госпожа Гуи воплощала в себе уже знакомое мне беспокойство, одолевающее тех, кто, как мой анестезиолог (кашмирский суфий), хочет привнести в свою маленькую жизнь что-то большое, что-то такое, чего нельзя купить, а можно лишь завоевать, добиться. Нечто, принадлежащее миру духа, а не материи.

Вдобавок, в современном обществе, где каждый живет все более обособленно, отгородившись от соседей, многим хочется чувствовать себя, вместе с другими людьми, частью какого-нибудь глобального про-

екта. Говоря о феномене Фалуньгун, стоит задуматься о том, что, по-моему, является одной из величайших трагедий нашего времени – конце китайской цивилизации, сперва смертельно раненной марксистским материализмом, потом сметенной с лица Земли еще более разрушительным нынешним хищническим капитализмом.

Старый Китай представлял собой сложное общество, державшееся на конфуцианских ценностях порядка и иерархии, от которых, тем не менее, всегда можно было свернуть на мистические тропинки даосизма и буддизма. Новый, сегодняшний Китай вообще не признает никаких ценностей, кроме денег и эгоизма. Даже те немногие социалистические ценности, которые насаждались маоизмом, увяли и засохли, фалуньгун – реакция и на это. И не случайно госпожа Гуи, приводя пример того, насколько улучшилась ее жизнь, заговорила о том, от чего Китай не отказывался никогда: о любви к родителям.

– В китайском обществе, – сказала она, – старики всегда жили вместе с молодыми, но я была девушкой западного склада, стремилась к свободе и не хотела, чтобы моя мать, овдовев, жила со мной. Я думала, что моя личная жизнь – ценность, которую нужно беречь. Но однажды, уже после того, как я открыла для себя Фалуньгун, я осознала, что ценность эта мнимая и мне не следует за нее цепляться, и я решила перевезти

мать к себе. Поэтому ежедневно я анализирую себя, смотрю на себя со стороны.

Еще в Фалуньгун меня интересовало отношение к собственным телам и болезням, потому что и для них это стало точкой отсчета.

Ли Хунчжи стал Учителем после того, как начал заниматься гимнастикой цигун для поддержания здоровья и на первых своих занятиях в 1992 году «исцелил прикосновением» несколько человек, страдавших разными заболеваниями. Правда, потом он объявил, что не станет больше этого делать. «Желание исцелиться, – сказал он, – это неверный способ приблизиться к Фалуньгун. Это тоже форма „привязанности“, и следовательно, ее нужно преодолеть».

– Да, Учитель призывает нас не придавать значения болезням, – объяснила мне госпожа Гуи. – Даже если у нас возникают симптомы, он учит не обращать на них внимания. У всех больных симптомы одинаковые, но отношение к ним у всех разное. И только это важно.

Мистические секты, такие, как Фалуньгун, всегда были частью китайской жизни, особенно во времена перемен и смуты. Эти секты, обычно эзотерические и тайные, часто играли важную роль в политике, стояли у истоков больших восстаний, как, например, тайпинское восстание в XIX веке, и поэтому их всегда боялись власти. Секта Золотого Цветка, например, стала такой влиятельной, что имперское правительство в Пекине

в 1891 году устроило настоящую бойню, казнив пятнадцать тысяч сторонников в назидание остальным, чтобы неповадно было вмешиваться в государственные дела.

Священный культовый текст этой секты был заимствован в Китае от первых христиан-несториан-цев и впоследствии обогатился конфуцианскими, буддийскими и, прежде всего, даосистскими элементами. «Все преходяще, – учили новичков, – кроме Золотого Цветка, растущего в сокровенном месте».

Всегда во времена великих кризисов китайцам удавалось вырастить подобный «цветок», способный оживить веру в духовные ценности. Мне показалось, что Фалуньгун выполняет ту же функцию в нынешней смутной ситуации в стране.

Я смотрел, как люди из парка Каулун аккуратно складывают свои коврики в рюкзаки, как они вновь включают свои мобилки и отправляются в другую, обычную жизнь. Впереди у них был обычный трудовой день в сегодняшнем Гонконге. Это были простые люди, может быть, слегка растерянные, но полные решимости, готовые даже на мученичество, поэтому их и боялись коммунисты, которые верят только в силу материи.

Из увиденного в Гонконге больше всего мне запомнилось то, чего я не искал и на что наткнулся случайно: эти люди из Фалуньгун. Меня тронула их одержимость на грани безумия. Про гриб я слишком много пы-

тался разузнать, задавал слишком много вопросов и получал слишком много ответов, слишком близко общался с миллиардером и его окружением. При ближайшем рассмотрении чудо-экстракт показался мне одной из многочисленных «китайских штучек». Среди них попадаются отличные, а есть и те, которые могут как излечить от чего угодно, так и оказаться совершенно бесполезными.

Но время прошло не даром. И экстракт Заоблачного Гриба не был вовсе бесполезен. Вернувшись домой, я отдал свой трехмесячный запас, который как пожизненный член Ассоциации Здоровья купил со скидкой, одному другу, нуждавшемуся как раз в этот момент в надежде.

Я рассказал ему историю так, как услышал ее в самом начале, еще «издалека». А также поведал легенду о женщине-змее и ее любви, и я уверен, что эти красные капсулы в пузырьках с иероглифами ему очень помогли.

Что касается меня, я действительно устал от поисков новых лекарств и был доволен, что могу три месяца побыть на одном месте, отрешившись от всего.

Теперь меня ждал Свами в своем ашраме в Коимбаторе.

ИНДИЯ

Безымянный

Я знал, когда подойдет моя очередь высказаться, я почувствую облегчение.

Нет, я вовсе не собирался сознаваться в чем-то ужасном. Мне просто полагалось представиться, но я решил сделать это, не упоминая о своем прежнем «я», мне это казалось освобождением. Мое имя, моя работа, моя национальность – словом, все то, что я прежде говорил, когда представлялся, не являлось больше «моим». Я уже не узнавал себя в этих обломках прежней личности. Мне казалось, я в тупике. Конечно, эти обломки принадлежали моей жизни, но ведь именно та жизнь привела меня сначала к депрессии, а потом ко всему остальному, поэтому балласт этот следовало сбросить, чтобы двигаться в новом направлении.

«Новое» уже началось, и оно, черт возьми, так отличалось от всего, что было «моим» до сих пор!

Я стал «шиша» («тот, кто достоин учиться») в ашраме на юге Индии. Я жил в аскетично обставленной келье: койка, столик, железная табуретка. Ел пальцами, сидя на полу в большой трапезной. Из котла дву-

мя взмахами половника мне накладывали в плошку из нержавейки порцию какого-то строго вегетарианского месива. Я изучал священные индийские тексты, брал уроки санскрита – праязыка, на котором несколько тысячелетий назад эти тексты передавались от одного к другому, и при полном отсутствии слуха, пытался научиться петь древние ведические гимны и мантры – магические формулы, при помощи которых можно заручиться поддержкой свыше для преодоления препятствий на пути к Познанию.

Сейчас речь шла о том, чтобы объяснить моим товарищам, другим «шиша», как я сюда попал. Передо мной сидело человек сто – мужчины и женщины всех возрастов, облаченные, главным образом, в белое. Застыв в позе лотоса на своих ковриках, все они, не отрываясь, глядели на меня. Рядом со мной сидел невероятно тощий старик: это был Свами, тот наставник, с которым я встретился несколькими месяцами раньше на курсах «Йога и Звук» в Пенсильвании. Устроившись в кресле, он улыбался слушателям, массируя свои ноги. Из окон и распахнутых дверей аудитории, в которой мы, «шиша», проводили большую часть дня, дул вечерний теплый ветер. Чтобы шелест пальм, резкий, почти металлический, не заглушал выступающих, в аудитории был микрофон.

Я прикидывал, что же мне следует сказать, понимая, что изложить точно причины происходящего с нами,

а также причины собственных поступков невозможно, ибо их тысячи. Бывает, и самому сложно представить, что за цепочка совпадений привела к тому или иному событию. Да, среди причин, по которым я оказался здесь, были и моя болезнь, и желание лучше понять Индию, а еще испытать самого себя. Но прежде всего, это была убежденность в том, что жизнь – это постоянное принуждение и ограничение, что мы все время движемся в тесных границах дозволенного, общепринятого, приличествующего.

Хотя жизнь моя была куда богаче невероятными событиями и приключениями, чем у рядового человека, я, как и все, жил в определенных рамках. Тридцать лет подряд играл разные роли: сына, мужа, отца, друга, путешественника, журналиста и прочих персон. Это были маски, которые меня даже забавляли. Но где же я истинный и какой именно «я»? Тот молодой, застенчивый, краснеющий по всякому поводу, изо всех сил старающийся совладать со своими чувствами и с предательским комком в горле? Или другой, более зрелый – «журналист-международник», которого всегда немного удивляло, что его принимают всерьез в мире великих, к которому сам он никогда по-настоящему не принадлежал? Столько всяких «я»! И вдобавок все такие изменчивые, непостоянные. По сути дела не было у меня определенного «я» – по крайней мере, такого, с которым бы мне было свободно и комфортно.

Теперь мне хотелось расстаться с этими личинами, выйти из заколдованного круга, сойти с пьедестала условностей. Я хотел дышать свободно, и то, что раньше казалось важным, теперь теряло значение, и прежнее стремление к этим вещам сейчас вызывало улыбку.

Добившись успеха, я уже не мог остановиться и должен был стремиться дальше, не зная толком, что я ищу. Но, с другой стороны, если знать, что ищешь, всегда будешь толочься в пределах известного и никогда не откроешь ничего нового.

Глубинной причиной, которая привела меня в ашрам, было мое стремление совершить новый для меня вариант путешествия: путешествие вглубь себя, путешествие, целью которого не был конкретный пункт. На этот раз пункт назначения находился в моей душе. Я искал определенного состояния духа, ощущения мира с самим собой и со Вселенной. Не в этом ли состоянии мира и покоя следовало искать лекарство от болезни, которая меня одолевала, и, может быть, от других болезней, физических или душевных, которые в наши дни мучают стольких людей?

Я взял в руки микрофон и уложился в несколько минут. Сказал, что, ступив одной ногой в реку, другой ногой ты ступишь уже в новую реку, не в ту, в которую ты сделал первый шаг, потому что вода течет и течет. Так и я, представший перед ними, уже не тот, кто несколь-

кими днями раньше прибыл в ашрам, и, тем более, не тот, кем я был несколько месяцев или лет назад. Того человека больше не существовало. Нелепо сейчас и пытаться говорить о нем.

Сказал, что не хочу больше рассуждать, кем я был, судить о том, что сделал и чего не сделал, как о мере значимости своей персоны. Я больше не хотел говорить о себе в прошлом времени, меня интересовало только настоящее. Я потратил жизнь на то, чтобы создать себе имя. Сейчас мне хотелось стать безымянным. Я желал стать иным, а это нешуточное дело, и мне придется усиленно поработать над собой. И для начала я на неделю принимаю обет молчания. Сказал, что рассчитываю на их помощь, и попросил называть меня Анамом – «Безымянным».

Возвращая микрофон Свами, я рассмеялся, и он тоже. Я почувствовал волну симпатии со стороны «шиша», и это только усилило то ощущение легкости, с которой я сошел с помоста. Казалось, что я сбросил на землю тяжелый мешок, который годами таскал за спиной, а сейчас обнаружил, что в нем булыжники, а вовсе не самоцветы, как я полагал. Что за бесполезный груз это мое пресловутое «я»! Я действительно устал от себя, от этой персоны, которую приходилось представлять публике. Сколько раз в самолете, в поезде, на ужине в доме какого-нибудь дипломата или на приеме у министра мне приходилось рассказывать разные за-

бавные случаи из своей жизни, объяснять, почему я, итальянец, пишу для немецкого журнала «Шпигель», почему меня арестовывали в Китае и что я думаю о стране, в которой сейчас нахожусь. И от этого никак было не отвертеться!

Меня смешили японцы, для которых должность, указываемая на визитных карточках, весомее имени. Но сам я прежде вел себя точно так же; пусть в устной форме, но предъявлял же себя, чтобы меня принимали всерьез, чтобы не оттерли в сторону. Моя персона, как тонкий, капризный механизм, нуждалась в уходе, ее следовало чистить и смазывать. На представительность работало все: прическа, одежда, то, как ты знакомишься с людьми, звонишь по телефону, поддерживаешь отношения, отвечаешь на приглашения. Важным было даже то, с чего я начинал свои статьи! «Твоя цена равна цене твоего последнего опуса», – сказал мне еще во время войны во Вьетнаме мой друг Мартин Вуллакотт, коллега из «Гардиан». И эта повинность – держаться, как минимум, на уровне предыдущей статьи – со временем превратилась в одержимость. Все, чтобы сохранить имя. Имя, имя, всегда это имя! Сколько вещей в жизни зависят от имени! Имя в списке принятых, поднявшихся на следующую ступень, победителей, пассажиров, имя на первой полосе. Вечно это имя, эта персона! До чего же это утомительно!

Долой, долой все это! Долой еще часть бесполезно-

го груза, чтобы легче вступить на последний отрезок пути. В Нью-Йорке в руках хирургов я потерял несколько кусков своего «я-тела», но сам-то при этом не исчез. Теперь я отсекал другие куски – на сей раз уже не телесные. И что же оставалось? Что оставалось от меня без моего имени, моей истории, без всего того, над чем всю жизнь так упорно трудился?

Это и был главный вопрос, из-за которого мы все собрались там. И Свами в конце первого урока сказал, что ответ существует. И мы найдем его в заключительной части Вед, посвященной Атману, высшему, духовному «Я», которое не рождается и не умирает, которое остается неизменным и чье существование не зависит от существования чего-либо еще.

Когда я вернулся на свое место, человек, сидевший слева, встал, раскинул руки и крепко сжал меня в объятиях, приговаривая: «Анам-джи… Анам-джи…»

Он был очень милым, этот человек. Лет пятидесяти, приземистый, грузный. У него была крупная, совершенно лысая голова, черные-пречерные глаза и длинная борода с проседью. Как и многие другие, принявшие обет «брахмачарья», он был во всем белом. Как и у меня, на плечах у него был большой кусок ткани размером с простыню, тоже белый, который можно использовать как шаль, подушку, полотенце и так далее. На первом уроке, когда каждый должен был выбрать себе столик и место на весь период обучения, я не стал

садиться в центре аудитории, где не было опоры для спины, а пристроился у стенки. Он сел рядом, но никак не мог угомониться и вскоре любезно спросил меня, не могу ли я сдвинуться на метр.

– Видишь ли, – сказал он, подняв глаза на бетонную балку у себя над головой, – отрицательная космическая энергия там скапливается, а потом низвергается прямо на меня… Здесь я не могу сосредоточиться, не могу медитировать.

Ненормальный? Вроде бы нет. Чтобы лучше объяснить, в чем проблема, он обратил мое внимание на то, что Свами всегда входит в аудиторию через северную дверь, со стороны положительной энергии! Что мы, «шиша», пользовались западной дверью – сторона нейтральной энергии, и что в стене, у которой мы с ним расположились, – с восточной стороны – не было ни окон, ни дверей.

Естественно, я подвинулся, и благодаря этой истории с энергией Сундараджан стал моим «соседом по парте». Теперь мы вместе делали переводы с санскрита и иногда, пропуская какое-нибудь коллективное мероприятие, ходили на крутой холм в центре ашрама – любоваться пейзажем. История Сундараджана довольно необычна. Он родился в Малайзии в семье индийцев с юга, эмигрировавших в конце XIX века, чтобы работать на строительстве железных дорог, затеянном британскими колониальными властями. В Куала-Лум-

пуре, еще подростком, Сундараджан влюбился в статую: статую богини в индуистском храме в его квартале. Это была его первая и последняя любовь, и он навсегда остался ей верен. Еще совсем юным он принял обет безбрачия. Сундараджан хотел бы стать монахом, но сдерживали обязанности по отношению к семье. Он стал инженером и более двадцати лет работал по установке электрооборудования. Он даже успел поработать в самом высоком небоскребе в мире, башнях Петронас, но теперь решил, как он сам сказал, «посвятить себя иному свету», не электрическому. Проведя год в центре йоги в штате Бихар, сейчас он собирался принять из рук Свами «санньясу», обет полного отречения от мира. Индия, в которую он приехал, не была страной его предков, но это была Индия его богини. И стремился он не найти собственные корни, а духовно слиться с нею, своей возлюбленной, и обучиться Веданте, чтобы потом вернуться в Малайзию и просвещать других.

И я тоже, войдя в ашрам, оказался в особой Индии. Не в той, которую фотографируют туристы, не в той, которую описывают журналисты, а в Индии тех, кто «ищет», в Индии великих мифов, в Индии, которая дала человечеству идею Бога и понятие нуля, а также представление о том, что находится между этими полюсами. Я несколько лет прожил в Дели, но, вращаясь в мире политики и культуры, всегда ощущал,

что мне чего-то не хватает. И все потому, что я никогда серьезно не интересовался глубинной сущностью всего индийского, а именно – духовностью. Представьте, если бы марсианин, попавший во Флоренцию эпохи Данте, вознамерился понять этот город, посетив пару церквей, но ничего не зная о Евангелии. Зато сейчас я приближался к самой сущности Индии не из книг, не из характеристик, данных ей западными учеными, а типично индийским способом – удалившись в обитель, чтобы жить рядом с гуру.

Гуру – красивое слово, к сожалению, затертое и лишившееся прежнего смысла на Западе, где его используют не по делу – говорят о «гуру моды», «гуру здоровья» или «гуру секса». «Гу» на санскрите означает «мрак», «ру» означает «прогонять, рассеивать». Поэтому «гуру» – это тот, кто прогоняет тьму, кто зажигает свет, чтобы рассеять мрак невежества. Шафранный цвет его одеяний напоминает о цвете пламени, рассеивающего мрак, о могуществе пламени, уничтожающего материю.

Индия? Теперь я смотрел на нее изнутри. Моего гуру звали Даянанда Сарасвати; я был членом «Арша Видия Гурукулам», в буквальном переводе – «семьи гуру истинного знания» – знания, которое пришло от риши, «тех, кто видит».

Место было красивое. Я приехал сюда из аэропорта на такси. День был великолепным, и все казалось до-

брым предзнаменованием. По дороге в ашрам я проехал через центр Коимбаторе, чтобы купить ручек, тетрадей и пару «курта-пиджама» из белой хлопчатобумажной ткани, которую до сих пор ткут вручную последние приверженцы Ганди. На тротуаре я увидел человека, сидящего на корточках перед двумя бамбуковыми клетками с воробьями. Он ждал, чтобы кто-нибудь купил их, выпустил на волю и улучшил свою карму. Я купил у него всех воробышков и выпустил их, радуясь их щебету и комментариям окружающих.

Путь к ашраму под разговоры с таксистом, дипломированным математиком, был типично индийским переплетением радости и отчаяния, красоты и убожества. Несколько километров дорога шла через долину. Попадались на пути зловонные кучи мусора и кирпичные заводики, вокруг которых разрослись жутковатые трущобы, а между ними бродили худые, грязные люди. Опаленная солнцем земля была усеяна целлофановыми пакетами. Даже бурьян здесь не рос.

Вдали синели на фоне неба прекрасные холмы Анайкатти. Когда-то все здесь покрывали густые леса. Теперь их осталось совсем немного, но там, по словам таксиста, до сих пор живет племя, которое мастерит себе одежду из листьев и повинуется своему царю… Племя зарабатывает себе на пропитание сбором лесных трав для аптекарей-аюрведистов. Царь – единственный, кто имеет право говорить с чужаками, и если

кто-нибудь проникает на земли племени без царского разрешения, его тут же изгоняют. В этих местах, как сказал таксист, до сих пор полно диких зверей. Слонов здесь великое множество. Да и на домашнюю живность тоже стоило посмотреть: то и дело встречались стада красивых буйволов с большими рогами.

Когда мы спустились в долину, таксист показал обширный голый участок земли. Еще совсем недавно здесь был прекрасный лес, который решил купить фонд имени Салима Али, выдающегося орнитолога, для устройства «святилища птиц». Но прежний владелец, едва получив на руки деньги, успел все деревья продать на корню. Эх, Индия!..

Мы проехали мимо колледжа аюрведической медицины и машиностроительного института. Наконец в прекрасной зеленой долине, окруженной скалистыми горами, появился ашрам: несколько белых домиков среди эвкалиптов – корпус для занятий, трапезная и храм на краю большого луга. Надо всем этим возвышался холм, на вершине которого маячил еще один маленький храм.

Тут я был вознагражден за освобождение воробышков. Комната, в которую меня определили, находилась в дальнем корпусе и была одноместной. За корпусом начиналась рощица, из моего окна были видны горы и печь для обжига кирпичей. А перед окнами между двумя деревьями была натянута веревка, на которой я мог

сушить одежду.

Привыкнуть к жизни в ашраме и научиться быть Анамом мне не составило никакого труда. Обет молчания меня выручал. Не было соблазна быть втянутым в пустую беседу, не нужно было говорить что-нибудь просто так, к слову. Я мог сосредоточиться, слушать и наблюдать за всем и всеми, позволяя мыслям оставаться мыслями, без необходимости переводить их в речь. Мне было достаточно вечером записать несколько строк в дневнике.

Неделя молчания пролетела мигом – дни были похожи один на другой и подчинялись четкому ритму. И эта размеренность не оставляла места выбору, а следовательно, тоске и тревоге. Все было расписано.

Просыпались мы в четверть пятого. Колотушка била о железный треугольник, и громкий звон нарушал тишину ночи. Через полчаса во Дворе перед столом устанавливали два бидона – с молоком и кипящим чаем. В пять в храме начиналась великая «пуджа» – церемония ритуального омовения статуй под пение мантр. В половине седьмого в аудитории в центре ашрама под руководством Свами начиналась получасовая медитация. В четверть восьмого – завтрак, чаще – турецкий горох. В восемь начинались занятия по изучению Веданты, санскрита, ведического пения и «Бхагавадгиты». Большой перерыв на обед (снова вареный турецкий горох и рис) и еще два коротких перерыва для чае-

пития. В половине седьмого, когда солнце во всем своем великолепии опускалось за горы, начиналась «арати», – церемония огня. В четверть восьмого ужин – горох с рисом или манная каша, иногда с йогуртом.

В восемь, всегда в большой аудитории, проходил «сатсанг» (буквально это означает «пребывать с правдой»), собрание, на котором каждый мог свободно предложить свою тему для обсуждения. Во время «сатсанга» Свами не находился «за кафедрой», то есть на невысоком помосте, а забирался с ногами в кресло, вокруг которого садились ученики.

В десять железный треугольник звучал вновь. Гас свет, и весь ашрам погружался в темноту, безмолвие, а вскоре и в сон. В этот час, лежа между двумя раскрытыми настежь окнами моей кельи, я наслаждался шелестом и запахами, которые дарил теплый ветер индийской ночи.

Представление «шиша» – всего нас оказалось сто десять человек – длилось целых десять дней и занимало большую часть собраний после ужина. Это помогло мне разобраться, кем были мои товарищи и что за причины привели их в это место, затерянное среди холмов Анайкатти.

Здесь были люди тридцати-сорока лет из благополучных семей, с хорошим образованием; были инженеры, ядерный физик, пилот индийских авиалиний; были университетские преподаватели и лаборанты. Они,

уже придерживаясь «брахмачарья», то есть обета безбрачия, и таким образом освободившись от любых телесных желаний, теперь стремились облачиться в шафранные одежды «санньясинов» – аскетов, отказавшихся от мирской жизни и кормящихся подаянием. Через несколько лет, живя здесь и обучаясь, они смогут сами стать «свами», наставниками.

Были здесь и старики с обычной трудовой жизнью за спиной, которые прибыли в ашрам, чтобы свыкнуться с мыслью о смерти, убежденные, что после этой жизни им предстоит прожить следующую, причем необязательно человеческую, чтобы до конца разобраться с накопленным грузом заслуг и проступков – своей кармой.

Другие, в особенности женщины, оказались тут, чтобы наполнить смыслом свою жизнь. В Индии жизнь женщины плотно опутана сетью обрядов и обязанностей, семейных и общественных. Были и работающие женщины, чья профессия, например, врача, оставляла им слишком мало возможностей для чего-нибудь другого, особенно для духовного поиска. Врачей, как я заметил, вообще было довольно много, как будто необходимость заниматься человеческим телом только укрепляла их желание заглянуть за завесу. Примерно то же самое происходило со мной, журналистом, привыкшим иметь дело с фактами.

Некоторые «шиша» прибыли сюда вместо того, что-

бы искать помощи у психоаналитиков, которых в Индии немного. Другие – потому, что удалиться от мира – это часть традиции и они ожидали, что с помощью Свами совершат скачок, который позволит им освободиться от вечного круга рождений и смертей.

Это хорошо объяснили, представляясь, несколько «шиша»: директор почты, кардиохирург и еще один господин, элегантный, маленького роста; он приехал в ашрам с женой и говорил от лица обоих. Он был главным педиатром из городка в Андхра-Прадеше, а она заведовала школой медсестер. Обоим было за шестьдесят. После жизни, посвященной работе и семье, они решили «вместе удалиться в лес», как сказано в священных текстах.

Всегда этот «лес»! Лес как хранилище трав – лекарств для тела, лес как место для исцеления души. «Уйти в лес» – старая идея, такая же старая, как сама Индия, идея, которая все еще делает из Индии страну совершенно своеобразную, пока леса еще сохранились.

В соответствии с традиционными индийскими представлениями, жизнь человека четко поделена на четыре различных этапа и у каждого такого «времени года» – свои плоды, права и обязанности.

Первое «время года» – это детство и отрочество, время обучения, когда человек узнает все то, что может ему в жизни понадобиться. Второй этап – это зре-

лость, когда мужчина становится мужем, отцом, берет на себя ответственность за семью и таким образом способствует поддержанию жизни общества и продолжению рода человеческого. Это период, когда закономерно дать волю таким желаниям, как стремление к достатку, довольству, добиться славы и признания. Затем, когда их дети сами становятся супругами и родителями, приходит время «Удалиться в лес». При помощи этого уединения человек оставляет позади радости, волнения, успехи, разочарования, все то, что преходяще, иллюзорно в жизни, чтобы отдаться чему-то более реальному, более долговечному.

Последний этап – если человек сделал такой выбор – это этап полного отрешения от всего. Став «санньясином», человек живет подаянием. Облачившись в одежды цвета огня – того самого огня, в котором символически сожжено все преходящее, включая и желания, – он стремится к окончательному и бесповоротному освобождению от сансары – от изменчивого мира, от океана жизни и смерти.

Это конечная цель странствия «санньясина», и больше ничто не отвлекает его на этом пути. Он окончательно расстается со своим прошлым, которое символически предается огню, причем будущий «санньясин» сам зажигает «погребальный» костер, чтобы, перепрыгнув через него, выйти обновленным. Теперь он ни к чему больше не привязан, абсолютно ни к чему –

ни к касте, ни к семье, ни к имени. Даже к религии с ее ритуалами. Оранжевая туника, в которую он облачается после того мнимого «погребения», изготовлена из одного куска ткани – без швов и узлов. Когда он умрет, тело его бросят в реку, а не сожгут, как это делают с другими покойниками, потому что он, «санньясин», уже прошел сквозь пламя.

Переход от одного этапа жизни к другому отмечается ритуалом, при котором из символической смерти рождается жизнь, из старого – новое.

Современное западное общество по-своему отметило этот переход к последнему этапу, обозначив его как выход на пенсию. Человек оставляет работу, и теперь ему платят за то, что он ходит на рыбалку, занимается рисованием или, чаще, тоскует о том, что он уже не тот, что прежде: не директор, не начальник отдела, не адвокат, не кассир. У многих на этой почве случается инфаркт, и они окончательно перестают кем-то быть.

Я тоже бросил работу, журналистика больше меня не интересовала, но вместо того, чтобы «наслаждаться пенсией», принялся искать нечто, не слишком удаленное от того, что искали мои товарищи. Мне хотелось умиротворенности и покоя, внутреннего равновесия, и рак в этом смысле мне помог. Наконец-то я мог быть только собой, без визитной карточки, и радоваться этому. Вне сомнений, чем ближе мы к своей истин-

ной сущности, тем мы счастливее. В любом возрасте. Дело за малым – понять, кто же мы на самом деле.

К сожалению, наша культура, вернее, индустрия, определяющая эту культуру, фетишизировала молодость, а старость превратила в нечто вроде болезни и побуждает бедных стариков пытаться стать не тем, кто они есть, а притворяться молодыми. Но старость не обязательно болезнь, и тем более не время для сожалений. Напротив.

Для многих угасание сексуального стимула – болезненная утрата, воспринимаемая как унижение. Для меня это было частью процесса обретения легкости. Сколько времени я потерял на метания, иллюзии, фантазии, попытки укротить то, что еще поддавалось укрощению… Все это было преодолено и не представляло для меня проблемы. Великолепная штука – старость! Возможность поразмышлять, заняться тем, на что раньше не было времени, например, просто порассуждать о жизни. Физический спад, новый, более медленный темп движения твоего тела, болезни, даже сама смерть – на все это можно взглянуть другими глазами, все это можно использовать для того, чтобы экспериментировать, пробовать понять новое, открывать новые двери и обнаруживать за ними нечто неожиданное.

Мир постоянно подталкивает нас к стандартному поведению. Не спится? Прими снотворное! Но зачем?

Может, это прекрасно, может, это как раз то, что нужно человеку время от времени – бодрствовать ночью и познать то, чего спящему не дано. Ночь не только пора кошмаров, но и время прекрасных видений. Ночь таинственна, и именно поэтому ее стоит познать, как захотелось это Солнцу из древней индийской притчи.

Как-то раз человек приходит к Солнцу.

– Как дела там, внизу? – спрашивает его лучезарное светило.

– Хорошо, мой господин, все поклоняются тебе.

– Все? Это верно?

– Ну, как сказать, господин… Есть одна красавица – так вот, она единственная, кто тебе не поклоняется.

– И кто же она?

– Ее зовут Ночь. Солнцу стало любопытно.

– А где же она, эта красавица?

– В Индии, мой господин, – ответил человек.

Тогда Солнце направляется в Индию, а Ночь при его приближении убегает в другие края. Солнце за ней, но она снова в Индии. И тогда снова Солнце приходит в Индию, но ее там нет… Вот с тех пор Солнце преследует эту красавицу, но не может ее догнать.

Безумен ли я? Я был просто стар, у меня не было больше обязательств, зато было желание быть тем, кем мне всегда хотелось – исследователем, первооткрывателем. Причем не внешнего мира, он был уже более или менее мне знаком, а того мира, который,

как всегда говорили мудрецы всех культур, находится в нас.

Современный человек все меньше и меньше думает об этом мире. У него нет на это времени, а часто и возможности. Жизнь, которую мы ведем, особенно в городах, не располагает к размышлениям о великом, мы постоянно гоняемся за пустяками и утрачиваем смысл существования. В конце концов я убедился в этом на примере моей профессии. Я должен был рассказывать о войнах, но не задаваться вопросом, почему войны, несмотря на хваленый прогресс, остаются частью нашего бытия. И почему, чем развитее страны, тем больше денег они вкладывают в новые виды оружия, способные убивать все больше и больше людей.

Еще несколько лет назад рассказ о войне будил протесты против несправедливости. Какая-нибудь кровавая бойня вызывала ужас и сострадание к жертвам. Сегодня «рассказы» уже не помогут. Каждый день всплывают новые истории массовых убийств, несправедливостей, пыток, и это уже никого не трогает. Мы подавлены, мы считаем, что все равно нельзя ничего изменить, и таким образом становимся соучастниками самого рядового преступления – равнодушия.

Никто не дает стоящих ответов, потому что никто не задает правильных вопросов. Тем более наука, которая на Западе подчинена экономике и оттеснила религию. Таким образом, она сама стала «опиумом для

народа» с этой своей необоснованной претензией на умение рано или поздно решить все проблемы. Наука научилась клонировать жизнь, но не в силах объяснить, что же такое жизнь. Медицина сумела отсрочить смерть, но не может сказать, что происходит после смерти.

Из-за своей огромной веры в науку мы стали слишком самонадеянными. Люди только думают, что владеют знанием, но в действительности это иллюзия. Даже мирятся с невежеством, убежденные, что скоро все и так станет известно и кто-нибудь этим наверняка занимается! Население растет, истощая ресурсы Земли, особенно водные запасы? Ладно, наука и с этим разберется. Миллионы людей голодают? Давайте примемся за генную модификацию семян, и скоро у нас появятся небывалые урожаи, а заодно… и новые разновидности рака.

Мы живем так, будто это единственный способ жизнеустройства, всегда обещающий какое-то счастье. Счастье, к которому мы приблизимся при помощи прогресса. Больше образования, больше благосостояния и, конечно же, больше науки. В сущности все, похоже, сходится к организационной проблеме, проблеме эффективности. Какое заблуждение! Вот так мы и подрезали крылья своей фантазии, свели весь мир к одному только миру ощущений, лишив себя другой цели.

Для мудрецов, особенно индийских, видимый мир

никогда не был исчерпывающей реальностью, а только ее частью. Причем даже не самой важной частью, ввиду своей изменчивости. Ведь этот видимый мир подчинен разрушительному бегу времени.

И все-таки иногда нужно совсем немного, чтобы осознать все остальное. Тагор, великий бенгальский поэт, говорит об этом, используя простое сравнение. Однажды вечером в домике на берегу Ганга он при свете свечи читает эссе Бенедетто Кроче. Когда внезапно сквозняк гасит свечу, комнату заливает чарующее лунное сияние. И Тагор написал:

> Ночных светил торжественный чертог
> Мешал увидеть малый огонек…

В нашей обыденной жизни полно подобных огоньков, которые мешают видеть истинный свет. Поле нашего разума невероятно ограничено, как ограничена и наша свобода. Все, что мы делаем, – это, прежде всего, отклик, реакция. Мы реагируем на происходящее, на то, что читаем, видим по телевидению, на то, что нам говорят. Реагируем в соответствии с нашими вызубренными культурными и социальными навыками. И реакции эти с каждым разом все более автоматизируются. У нас ни на что другое не остается времени. Наш путь уже предначертан, и мы движемся по нему.

В ашраме было не так. Здесь было время на то, что-

бы жить каждым мгновением. Здесь учились поступать осознанно, а не реагировать на то, что приходит извне. Учились заставлять сознание бодрствовать, обдумывать каждое свое движение. Комары пищат у меня над ухом? Легче всего отреагировать бездумно, машинально – взмахом руки. А я заставлял себя не убивать их. И мне это нравилось.

Да, ашрам был во многих отношениях странным местом. Странным даже для меня, привыкшего находиться среди людей, размышлять над тысячами разных проблем, скитаться по миру, чтобы потом описывать увиденное. Теперь я очутился здесь, в полной изоляции от мира, без радио, без телевизора, без газет, с одной-единственной насущной проблемой, над которой здесь, в ашраме, бьются постоянно – час за часом, день за днем, неделю за неделей: «Кто я?»

Камни не задают себе этого вопроса, растения тоже. И даже животные, наиболее близкие нам создания, по-видимому, не задаются вопросом «Кто же я такой?» Корова не пытается составить мнение о самой себе, ворон не ломает голову, силясь понять, что отличает его от лягушки. Но человек? «Человек, – сказал Свами, – знакомя нас с Ведантой, всегда задавался вопросом о природе своего бытия. И ответ всегда огорчал его своей неопределенностью».

Вопрос рождается из опыта. Человек смотрит по сторонам, видит мир и делает некоторые выводы. Вывод

первый: все, что он видит, находится вне его. Мир является ему как нечто отличное и отдельное от него самого. Поскольку все, что он видит, бесконечно больше его самого, человек ощущает себя ничтожным, одиноким, уязвимым. Он как маленькая волна, которая, напуганная бескрайностью океана, мечтает стать волной побольше и посильнее, чтобы прочие волны ее не смяли. В этом восприятии двух разных реальностей – того, что человек видит, и того, что следует видеть, того, что он знает, и того, что ему следует знать, – и коренится постоянная неудовлетворенность человека. Отсюда его печаль.

Второй вывод – тот, что мир существовал и до того, как человек его впервые увидел. Этот мир, кроме того, устроен так хитроумно, что он сам, человек, явно не мог быть его творцом, и отец его не мог, и дедушка тоже. Так кто же тогда? Человек принимается за поиски – опять-таки вне себя – Творца, Бога, способного создать целую Вселенную, включая и самого человека.

– Так и рождаются религии, – сказал Свами.

Будучи «санньясином» уже более полувека, Свами пребывал вне мира, а следовательно, и вне религии. Сам индуизм, термин, как он говорил, произвольно выдуманный англичанами, был, по его мнению, не настоящей религией, а скорее жизненной философией, вдобавок не имеющей основоположника, не опирающейся на какую-то одну священную книгу. Это мудрость тыся-

челетий. Тем более Веданту он считал не религией, а орудием познания действительности.

В религиях, по словам Свами, человек в конце концов всегда получает ограниченное видение самого себя. Потому что все, что его «я» ощущает, находится за пределами этого «я», и потому что человек принимает за неоспоримую действительность разницу между собою и тем, что он ощущает и знает. Именно так поступает волна, которая видит океан как нечто внешнее по отношению к себе. Тем не менее, стоит волне осознать, что и она, и другие волны, и весь океан вокруг – только вода, как ее чувство обособленности исчезает бесследно.

– Вот и с человеком так же, – говорил Свами. – Как только человек осознает, что он тоже Брахман, что разницы между ним и Творцом на самом деле нет, человек понимает также, что ничего не существует отдельно от Брахмана.

И проблема во мне, и ее решение. Понять это – подлинное освобождение от иллюзии обособленного существования, освобождение, за которым следует осознание своего полного единства со всем мирозданием. Индивидуальность порождает лишь ограничения.

– Важно то, – говорил Свами, – что волне незачем становиться океаном, следует просто осознать, что она сама – океан. Ты есть то, что ты есть. Не надо ничего менять, надо просто понять, кто ты.

Но как же человек может совершить такой скачок в сознании? Как может Сокровенная Сущность человека, Атман, узнать себя в Абсолюте-Брахмане? Нужен тот, кто поможет, кто укажет путь. Атман нельзя познать в одиночку. Отсюда потребность в гуру, в том, кто прогоняет тьму невежества. Классическая история об этом такова.

Однажды десять учеников решают отправиться в паломничество, и одного из них выбирают вожаком. Все пускаются в путь и наконец доходят до реки, которую надо переплыть. Вожак спрашивает своих товарищей, умеют ли они плавать. Говорят, что умеют все. Когда они выбираются на другой берег, руководитель с ужасом видит, что их только девять. Он снова и снова пересчитывает своих спутников, и каждый раз у него получается девять. В отчаянии ученики начинают кричать, вглядываться в воду. Где же десятый? Тела его нигде не видно, одежды тоже, да и крика никто не слышал. Ученики плачут, не знают, что теперь делать. И тут некий старик, который издали наблюдал за происходящим, подходит и говорит:

– Не стоит убиваться. Десятый не пропал. Он жив.

– Где? Как? – спрашивают «шиша».

– Десятый здесь, среди вас. Ученики не верят.

– Он здесь. И вы можете найти его, не сходя с места, – настаивает старик.

Главный решает пересчитать всех еще раз. Пока-

зывая пальцем на каждого из спутников, он медленно считает: «Один, два, три… восемь, девять»… «…И десять! – ткнув пальцем в грудь вожаку, заключает старик. – Десятый – это ты».

Тут юноши все понимают и, успокоенные, продолжают путь.

Старик лишь указал им очевидное: тот, кто ищет, – сам предмет поиска. Он сам себе и проблема, и ее решение. И решение это в том, чтобы познать себя самого. Как и в случае с волной, старший не должен стать десятым учеником, он должен только признать, что он и есть десятый.

Человек приходит в этот мир, еще не осознавая своей Сущности. За жизнь мы накапливаем много знаний, но они не помогают понять, кто мы, потому что эти знания приходят из ощущений, из выводов, сделанных на основе чувственного восприятия. Все научные знания таковы – они опираются на ощущения. Разве любая из наук когда-нибудь задавалась вопросом, что такое человек? Какой микроскоп, какой телескоп когда-нибудь заглядывал в укромные уголки сознания? Познание Атмана, Сокровенной Сущности, не может опираться на ощущения, поэтому и не может быть предметом ни одной науки и оно ускользает от нас. Старик из притчи – это гуру, который указывает, как можно познать Атман.

Но только гуру недостаточно.

Еще на самом первом занятии Свами пояснил, что

центральный вопрос Веданты не носит религиозного характера. Речь идет не о том, чтобы найти выход с помощью веры или, тем более, при помощи интеллекта.

Предстоит понять: как глаза не в силах увидеть себя без зеркала, так и Атман нельзя познать без надлежащего инструмента. И инструментом этим не могут быть наши органы чувств. Потому что они способны видеть, слышать, осязать, обонять лишь материальный мир, но не Атман.

Орудие познания, зеркало, в котором можно увидеть Атман, – это Веды. Вернее, их заключительная часть – Веданта, состоящая из Упанишад и «Бхагавадгиты», песни бога, где кратко излагается в форме диалога, вся сущность вопроса.

«Шастра», священные книги, усвоенные с помощью гуру, доказывают, что нет различия между познающим и познаваемым, что не существует разных сущностей – Я, мир, Бог. Все это едино, и Абсолют – не что иное, как сознание без границ, вне времени и пространства. Это сознание всепроникающее, на котором все держится, которое проявляется в любой форме. Это чистое Сознание и есть Сущее, кроющееся за обычным сознанием. Оно и есть Атман, Брахман, Ишвара, Бхагаван, Бог, Абсолют, Сатчитананда – можно называть по-разному, ибо «Истина – одна, хотя мудрецы и называют ее тысячью имен».

Тогда ответ на вопрос «Кто я?» заключен в Упаниша-

дах: «Ты есть То». Ты Бог, ты Творец Вселенной, однако «ты» – это не конкретное «я», к которому каждый так привязан, не «я», родившееся в определенный день и выросшее в определенном месте, не «я», которое столько всего сделало и столько всего пережило. Нет, это Атман – чистое сознание, Атман, который никогда не рождался и, следовательно, не может умереть.

Отсюда и мысль о том, что Бог присутствует в любой форме, в любом живом существе, в любой вещи, даже самой ничтожной. Потому что нет ни различных богов, ни единого Бога – просто все есть Бог.

И в этом понятии «Все» растворяется сущность каждого. Как река стремится к океану, чтобы слиться с ним и утратить собственную сущность, так и Атман стремится слиться с Абсолютом-Брахманом. И осознать это – истинная цель человеческой жизни.

Свами знал, что не всегда легко следовать за ним в этих умозаключениях («Узок, как лезвие бритвы, – говорится в Упанишадах, – и труден путь, ведущий к Сущему»). И, желая снять напряжение, сделать эти умозаключения более доходчивыми, он рассказывал классические притчи.

Вот, например, история о важности познания Атмана.

В лодке пересекает реку некий пандит, брамин, знаток Священного Писания, и спрашивает старого лодочника:

– Ты знаешь санскрит?

– Нет, – отвечает тот.

– Значит, четверть твоей жизни потеряна, – замечает пандит. – А классическую литературу, по крайней мере, ты знаешь?

– Нет.

– Тогда ты потерял еще одну четверть жизни, потому что на свете есть прекрасные книги и читать их – большая радость. Но хотя бы ты грамотен?

– Нет, – отвечает лодочник.

– Что ж, еще одну четверть жизни ты потерял.

И тут пандит замечает, что лодка протекает и воды уже по щиколотку. Лодочник пытается заткнуть щель, но все впустую, вода продолжает прибывать, и лодка вот-вот пойдет ко дну.

– Ты умеешь плавать? – спрашивает лодочник у пандита.

– Нет, – в ужасе отвечает тот.

– Ну, тогда пропала вся твоя жизнь, целиком, – заключает лодочник.

Мораль: бессмысленно уметь читать и писать, знать санскрит и всю литературу на свете, если ты не познал самого себя.

Уроки начинались в точности через десять минут после того, как часы показывали восемь, но мы, «шиша», заранее занимали свои места в большой аудитории.

Дожидаясь Свами, мы напевали гимн гуру: «Ом… О,

Господин, приношу мои почтительные приветствия моему гуру и всем его предшественникам. Призываю его милость откинуть покрывало моего невежества и благоговейно простираюсь перед ним. О, Господин, защити нас, накорми, помоги изучить и понять священные книги. Сделай так, чтобы здесь не было пустых споров о мелочах, чтобы мы сосредоточились на главном. Ом… Мир, мир, мир». Руководили нами две пожилые женщины в белом, видимо, вдовы, они же вели уроки пения. Я окрестил их про себя «пономарихами», потому что они дотошно следили за точностью ритуалов, не упуская ни одной детали.

Потом с той же интонацией, тем же произношением, в том же ритме, которые не менялись тысячелетиями, мы проговаривали несколько самых красивых и известных мантр из Упанишад. Там была одна мантра, которую мне нравилось распевать во все горло, к неудовольствию строгих руководительниц и к радости моего соседа Сундараджана:

> Асато ма садгамайя, от несуществующего веди меня к Сущему,
> Тамасо маджьетиргамайя, от тьмы веди меня к Свету,
> Мриторма амритам гамайя, от смерти веди меня к Бессмертию.

И произнося слово «амритам» – отсутствие смерти, я ощущал красоту санскрита, который, как я понимал, подарил нам слово «любовь», «amore» – то, что не умирает.

Свами входил в сопровождении молодого «брахмачарья», одной из обязанностей которого было держать над головой учителя зонтик от солнца. Свами снимал сандалии, поднимался по трем ступенькам на невысокий помост, накидывал на голову край своей шафранной туники и усаживался, скрестив ноги, у столика, покрытого синей тканью. Из-под нее во время занятий Свами то и дело вытаскивал всякую всячину. При помощи этих предметов он, как и все гуру, на протяжении веков обучающие Веданте, делал свои рассуждения более наглядными. Например, при помощи глиняной миски он объяснял, как существование этой миски зависит от существования глины: без глины не было бы миски (как не было бы мира без Сознания). При помощи стеклянного шара и розы он доказывал нам иллюзорность цветка, увиденного сквозь стекло. Веревка служила иллюстрацией к классическому сравнению Веданты: принять веревку за змею – все равно, что принимать мир ощущений за подлинный мир. Эта путаница – плод нашего воображения. Кроме того, разве смог бы кто-нибудь принять веревку за змею, если бы на свете не существовали змеи?

В чем Свами не нуждался для проведения занятий,

так это в священных книгах. Он знал их наизусть и уже давно раздарил свою обширную библиотеку. Он говорил, что она ему больше не нужна, что теперь он не зависит от написанного. Такой всегда была индийская традиция, особенно в те времена, когда эти тексты еще считались тайным знанием, откровением, которое могло передаваться только напрямую, из уст гуру в ухо ученика.

Свами говорил, что, даже если бы с возрастом в его памяти остались только два-три стиха, он все равно смог бы и дальше преподавать.

И он рассказал еще одну историю.

В конце XIX века один английский профессор приехал в Калькутту. Он заявил, что хочет понять Индию с ее философией и попросил о встрече с одним знаменитым пандитом, знатоком санскрита. Пандит свободно владел английским, и приезжий профессор пожелал взять у него несколько уроков Веданты. Для начала пандит принялся напевать первые строки самой первой из Упанишад:

> Ом пурнамадах пурнамидам пурнат пурнамудакьяте
> Пурнасия пурнамадайя пурнамевавасишьяте
> Ом шанти, шанти, шанти-хиии…

и перевел:

То – Абсолют, и это – Абсолют,
Из того Абсолюта пришел этот Абсолют;
Отними этот Абсолют от того —
То, что останется, и есть Абсолют,
Ом шанти, шанти, шанти-хиии…

Тут англичанин захлопнул книгу, встал и на этом его обучение закончилось. В своем дневнике он написал: «Эти Упанишады просто лепет детского, незрелого ума». А по мнению Свами, в этих строках заключено все мировоззрение Веданты. Даже если бы весь остальной текст Упанишад сгорел или был забыт, этой единственной мантры было бы достаточно для того, чтобы традиция жила, чтобы дать пищу для размышления тому, кто хочет понять.

Мы обсуждали эту тему не одну неделю.

– В этих строках заключена вся правда о нас, – объяснял Свами. – «Я» – полнота бытия, бескрайний океан. Ничто его не тревожит, ничто не ограничивает. А волны на поверхности, пусть разные, но это всего лишь мимолетная видимость. В них всего лишь проявляется моя полнота, моя слава. Во мне, бескрайнем океане, растворяется все, и остаюсь только я, «пурнам», полнота совершенства.

Не всегда удавалось поспеть за ним. Иногда казалось, что я все понял, но потом я осознавал, что сло-

ва только влетели в голову, но ими я не проникся. Дело было не в интеллекте, Свами повторял это неоднократно, и не в вере тоже. Речь не о логических выкладках, а о пути реализации «шаг за шагом», как говорится в Упанишадах. О том, чтобы подвергнуть собственное сознание чему-то вроде алхимического превращения с помощью священных текстов. Но даже эти тексты можно затем отложить в сторону, как оставляют, за ненадобностью, лодку, на которой переплыли реку.

Свами родился в традиционной семье крестьян-браминов. Он был выдающимся студентом, начал работать журналистом в Мадрасе, но вскоре понял, что это не его призвание. Он удалился от мира, принял «санньясу» и побывал учеником нескольких гуру. Наконец один из них, лесной отшельник, заставил его совершить важный скачок в сознании. Теперь он был уверен в своих силах и чувствовал, что готов к выполнению большой задачи: восстановить классическую, устную традицию обучения Веданте, сделать это видение мира доступным всем, и не только в Индии.

Традиция эта была установлена в VIII веке от Рождества Христова человеком по имени Шанкарачарья, великим толкователем и комментатором Вед, но затем зачахла. Века мусульманского господства с массовым обращением в ислам загоняли обучение Ведам во все более глубокое подполье. Последовавшая за этим двухвековая английская колонизация оказалась еще

более разрушительной в связи с внедрением в общество – преимущественно в высшие его круги – новых социальных ценностей, и особенно системы обучения, нацеленной на то, чтобы штамповать мелких чиновников для империи и распространить познание «практичных» вещей, а не познание Атмана.

Индийцам повезло в том смысле, что их видение мира, основанное на Ведах, не было привязано к какому-то религиозному институту, церкви. Передача этого видения не носит централизованного характера, как, например, в буддизме, и это позволило традиции выжить. В индуизме не было монастырей, которые можно было снести с лица земли, не было здесь и религиозной столицы, которую можно было поработить. Гуру в любом закутке передавал знания пяти-шести «шиша». И таких гуру по всей Индии было много. Однако традиция требовала, чтобы образование получали только юноши из самой высшей касты – касты браминов.

Свами поставил перед собой цель сломать эту монополию и обучать Веданте любого, кто заинтересуется, брамин он или нет, индиец или нет. «Желание достигнуть совершенства свойственно всем людям на всех континентах и во все времена. Проблема эта универсальна. И решение ее тоже универсально», – говорил он.

В конце XIX века многие и на Западе думали, что Веданта может стать «универсальным Евангелием», как

ее определил Ромен Роллан. В древней Веданте, в ее видении мира было что-то глубоко современное, то, что, казалось, могло заполнить духовную пустоту, возникшую как следствие гонки человека за индивидуализмом и материализмом.

В отличие от религий, которые откладывают достижение целей на будущую жизнь, возможно, только в раю, Веданта преследует одну цель, исключительно духовную: признать собственную полноту. В этой жизни и сейчас.

Свами считал, что сегодня, более чем когда бы то ни было, это должно стать целью всего человечества, и делал все возможное, чтобы распространить знание Веданты. Он уже обучил сотню «свами», которые в свою очередь обучали других, как в Индии, так и за ее пределами. Это огромный труд, ведь, согласно традиции, гуру должен заниматься лично каждым студентом. «Освобождения скопом не добьешься, да и научиться скопом ничему нельзя», – говорил он. И каждый день без устали он вновь и вновь, «шаг за шагом», двигался с нами по пути, предписанному традицией.

– Моя карма – учить вас, ваша карма – быть моими «шиша». Мы нужны друг другу, – сказал он однажды, чтобы разрядить длинную философскую тираду, по-своему, шуткой или притчей.

В начале курса, например, он объяснил, что в его ашраме не гарантируют «просветления». Затем доба-

вил: «Золотых роллексов здесь тем более не будет». Всех рассмешил этот намек на Саи Бабу, умеющего, как рассказывают, материализовать из ничего часы, стаканы с водой или сделать так, чтобы с кончиков пальцев в протянутые ладони учеников сыпался священный пепел «вибхути».

– Понятно, что и я могу творить чудеса, и, если вы настаиваете, как-нибудь сотворю что-нибудь для вас, – заключил он, и мы затаили дыхание. Он, конечно, шутил, но о «чудесах» мечтают все, и временами кто-нибудь напоминал ему о его обещании. Свами был великим рассказчиком и прибегал к различным риторическим приемам, чтобы позабавить аудиторию и привлечь ее внимание. Однажды он, посмеиваясь, поднялся на свой помост с только что полученным письмом в руке. Оно было от юноши, который просил взять его в ученики, но, не слишком владея английским, спутал *прострацию* с *простатой*. В другой раз он пришел на первый урок, передвигаясь медленнее обычного, и, с трудом поднимаясь по ступенькам на свой помост, заметил: «Кто-то из вас, наверное, подшутил надо мной. У меня все кости ломит». И рассказал такую историю.

Гуру дает указания ученику: «Сегодня вечером медитируй, представляя, что я сижу у тебя на голове».

Ученик уходит. На следующий день он застает гуру совсем разбитым; ему едва удается подняться на ноги.

– Ну, как ты помедитировал? – спрашивает гуру уче-

ника.

– Хорошо, гуру-джи. Я медитировал, как ты велел, представляя, что ты сидишь у меня на голове. Но когда я устал, то представил, что мы поменялись местами.

Однажды пилот индийских авиалиний, взявший трехмесячный отпуск для обучения, спросил Свами, зачем он рассказывает всякие истории.

– Как, вы не заметили? – ответил тот. – Когда вы смеетесь, в ваши открытые рты я могу забросить что-нибудь важное.

Затем сам, сияя во весь рот, добавил:

– В смехе человек являет свою полноту. Потому что смеющийся человек – это либо слабоумный, либо невежда, либо «свами».

Час «сатсанга» после ужина был одним из самых интересных, потому что любой мог спрашивать, о чем угодно. Вопросы молодых «брахмачарья» носили теологический характер и касались толкования текстов, философских тонкостей; вопросы «бригады пенсионеров», как я прозвал группку стариков во главе с бывшим директором банка Гуджарата, касались смерти – как ее воспринимать, как подготовиться к ней. Свами отвечал по-разному. Однажды он просто процитировал Упанишаду:

> Как гусеница, что доползла до конца травинки,
> Сосредоточивается, чтобы перебраться на

соседнюю,
Так и Атман, подойдя к концу жизни,
Сосредоточивается и переходит из старого в новое тело.

В другой раз он сказал: «Когда кто-то умирает, в Мадрасе говорят: „Он отправился в путь“. Когда кто-то рождается в Коимбаторе, люди говорят: „Он пришел“. Странник всегда один и тот же. Это Атман, душа, сознание без границ, неподвластное изменениям, оно не уходит и не приходит, а пребывает вечно».

На вопрос, можно ли прожить жизнь, избежав проблем, Свами ответил, что жизни без проблем не бывает. Кто хочет жизни без проблем, ведет себя, как тот крестьянин, который впервые видит футбол и возмущается судьей: это ж надо, пожалел мячей игрокам. Куда это годится – один мяч на двадцать два парня, потому они и бегают, толкаются, пытаются его друг у друга отобрать. «Но это же правила игры. Такова жизнь, без проблем не было бы радостей. Проблемы – пружина духовного поиска, – добавил он. – Если бы человек не чувствовал себя несчастным и обделенным, он бы не задавался вопросом, что делать. Человек взрослеет, обретает зрелость в борении. А вот корова – нет, она вырастает, но не обретает зрелости».

Я наблюдал за Свами: терпеливым, неутомимым, невозмутимым. Он никогда никого не осуждал. Долг

наставника он выполнял, не обольщаясь надеждами даже на то, что мы все поймем. Он был убежден, что принадлежит великой традиции, что существует великая Истина, которой он может поделиться с нами, и что эта Истина, рано или поздно, станет очевидной для всех.

– Правда не определяется большинством голосов. Большинство может избрать то или иное правительство, но не сможет решить, что есть Истина.

Он хорошо умел объяснять сложные понятия. Такие, как джива, джагат, сансара. О дхарме он сказал: как я хочу, чтобы поступали со мной другие, так и я сам должен с ними поступать. Это и есть дхарма, правильный путь.

В первый раз он так объяснил нам, что такое карма: у каждого поступка есть свои последствия – некоторые видимы, другие – нет. Невидимые последствия наших поступков – это и есть карма. Последствия хороших поступков засчитываются в пунья, в плюс; последствия дурных – в папа, то есть в минус, с чем еще придется разбираться в следующей жизни.

– Первобытный человек тоже, – сказал Свами, – знал о существовании кармы. Бывало, он выходил из своей пещеры на охоту, а вечером возвращался с одной жалкой белкой. «Ах-ха-ха, гыгыгы!» – кричала ему жена («Несчастный глупец, и это все, что ты поймал?»), а он, оправдываясь, буркал: «Грр-брр» («Ну, не

повезло мне…»). Зато на следующий день он возвращался с богатой добычей, и теперь его семье не грозил голод. «Гррр о-хо-хо! („Повезло так повезло“)», – говорил он. А что же такое везение или невезение, удача или неудача, если не карма? Все мы понимаем, что существует нечто такое, что определяет, в том или ином смысле, нашу жизнь. Только одни, как тот пещерный человек, думают, что это случайность или, что хуже, козни злых духов. Зато другие убеждены, что только мы сами несем ответственность за то, что с нами происходит, потому что «удача» и «неудача» – это следствие наших поступков или наших прошлых жизней. Это и есть карма.

– Некоторые религии, – продолжал Свами, – приписывают все Богу. Умирает чей-то сын, и люди говорят матери: «Бог дал, Бог взял». Но Бог здесь ни при чем, Бог не имеет к этому никакого отношения. Это просто кармический вопрос. А карма – это огромная сеть, которая окутывает нас всех, каждого со своей свободой выбора, а значит, и со своей ответственностью.

К проблеме «я» он относился особенно иронично. Он говорил, что «я» – слово, которое мы используем постоянно, слово, основываясь на котором, мы судим о целой Вселенной, слово, которое наш разум не в силах осознать, слово, которое не вызывает у нас никаких точных образов. «Вот если, к примеру, мы говорим: „миска“, тут все понятно, в нашем сознании сразу воз-

никает картинка. Примерно вот такая… – и с этими словами он извлекал из-под стола свою глиняную миску. – Но V? Мы говорим: „Я высокий“, и думаем о теле. Говорим: „Я подавлен“ – и думаем, по всей видимости, о сознании. Утверждаем: „Я отец, я двоюродный брат, я муж, я жена“, но это тоже не слишком о многом говорит. Ведь тот, кто кому-то отец, другому – сын. Так кто же этот V, играющий столько ролей одновременно? Общее всех этих разных V – осознание всех других V. От этого осознания зависит все, но само оно не зависит ни от чего».

Он снова вынимал из-под столика миску и говорил: «Теперь у всех нас есть осознание этой миски». Затем опять прятал миску под столиком и показывал нам пустую руку. «А теперь что у нас есть? Осознание отсутствия миски! Итак: миска или есть, или ее нет, а вот осознание есть всегда».

И так продолжалось часами. Таков был путь. Предполагалось, что когда-нибудь, в один прекрасный день, все это станет для нас ясным, очевидным, как в красивой притче, которую любил рассказывать сам великий Рамакришна.

Львица погибает при родах, а львенка-сироту берет на воспитание стадо овец. Он растет среди них, вместе с ними щиплет траву, учится блеять и быть кротким, как овца. И вот однажды старый лев, уже долго наблюдавший за львенком издалека, нападает на ста-

до с громким рычанием. Львенок, как и овцы, убегает, но лев догоняет его, хватает за загривок, тащит к пруду и заставляет взглянуть на себя в зеркале воды.

– Ну, и кто же ты? Неужели овца? – спрашивает лев.

И тут впервые у львенка вырывается грозный рык.

Мы тоже, как этот львенок, не знаем, кто мы. Старый лев – это гуру. Зеркальная поверхность воды – это Веданта.

Без гуру нет познания. Отсюда их огромное значение. «Зачем ты бродишь по свету – из города в город, от храма к храму – в поисках Бога? Бог внутри тебя, ты сам и есть Бог. Так что не ищи больше Бога, лучше поищи себе гуру, который поведет тебя к открытию себя самого», – писал Шанкарачарья двенадцать веков тому назад. Отсюда и отношения – почти непонятные для нас, западных людей – абсолютной зависимости ученика от своего гуру.

В ашраме меня изумило то, как ученики откровенно заискивали перед Свами.

«У любых человеческих отношений есть свой предел, – сказала одна женщина во время „сатсанга“, посвященного этой теме. – В отношениях между братьями не хватает отношений с отцом, в отношениях с отцом отсутствуют отношения с матерью. Только в отношениях в гуру присутствует все: он и отец, и мать, и брат, и учитель, и сосед, и врач. Нет такой проблемы у „шиша“, которую гуру не сделает собственной пробле-

мой, потому что у него, гуру, своих проблем нет. И в этом причина моей преданности ему».

Другая сказала: «Когда я его встретила, для меня это было, как родиться заново. Мои родители дали мне мое тело, но Свами-джи дал мне душу».

Я был просто в ужасе. Да, принято говорить, что «гуру не человек», что в нем почитают его знания, а не человека как такового, но подобное слепое поклонение, это афишируемое стремление буквально припадать при любой возможности к его ногам вызывали у меня протест.

После каждого урока наиболее преданные ученики – а таких набиралось несколько десятков – провожали Свами в его жилье. Там он устраивался в красивом кресле, а ученики сначала вереницей проходили мимо, чтобы прикоснуться к большим пальцам его ног, а потом просто взирали на него.

С самого начала я решил, что не буду делать ничего подобного, и вместо того, чтобы следовать за Свами, возвращался в свою комнату.

Но Сундараджан обратил мое внимание на то, что посещавшие Свами возвращались с гостинцем, чаще с бананом. В обители нам не давали фруктов, и я чуть было не соблазнился. Но, уже переступив порог, я понял, что, если я припаду к его ногам, мне будет неловко, а если нет, неловко будет остальным. Недолго думая, я ринулся обратно, приведя в смятение женщину,

стоявшую сзади.

В остальном монашеская жизнь была в высшей степени приятной: полный покой, никакой ответственности, каждый день течет размеренно, от обряда к обряду, а разум занят необычными темами, иногда просто невероятными. Что за радость вставать утром и думать о Бхагаване без необходимости увязать в мелочах обыденности! Ашрам был островом, отрезанным от мира, защищенным от его шума, от волн его желаний. И это стало частью его очарования.

Я понимал, в чем сила традиций монашеских орденов, в том числе и у нас в Европе. И еще понимал, почему китайские коммунисты построили в Лхасе музей, чтобы показать «ужасы тибетского ламаизма». Монахи там представлены злостными бездельниками, бежавшими от жизненных забот, от ответственности перед семьей, от нелегкой работы в поле, чтобы распевать молитвы в монастырях, пока остальные в поте лица работали, чтобы их содержать.

Иногда мне казалось, что я тоже так поступил, оставив другим свои проблемы. Я думал об Анджеле, о друзьях, которые работают, в сущности, и за меня тоже. Я представлял себе, как они входят в офисы, говорят по телефону, глядят на монитор компьютера, отвечают на письма, подписывают бумаги… А я с утра до вечера только и делал, что размышлял о Бхагаване.

– Оставьте за дверью все, что принадлежит внешне-

му миру. То, что вас тревожит, находится вне вашего «Я», а «Я» не должно ничего ни желать, ни осуждать. Оно должно быть объективным, медитировать и позволить каждому следовать своей судьбе, – говорил Свами во время утренней медитации. – Отрешитесь от своих ощущений, будьте как черепаха, которая прячет лапы и голову в панцирь… Смотрите на себя со стороны, как на статую, которая дышит. Прислушайтесь, замечайте все, что происходит, осознайте это…

Сидя на небольшом помосте в темной аудитории, Свами руководил медитацией. Говорил он тихо, был немногословен. Медитировать на рассвете – все равно, что составить план на день. То, что столько людей совместно, молча, старались усмирить свое сознание, создавало атмосферу проникновенности, сосредоточенности, почти ощущение силы.

Медитировать значит познавать себя. Это непросто, потому что сознание по природе своей беспокойно и иногда даже неуправляемо и пытаться запретить ему думать – «все равно, что пытаться поймать ветер руками и направить его, куда пожелаешь», говорится в Упанишадах.

Способность сосредоточиться, обратить сознание внутрь себя казалась мне вопросом воли, силы характера. Но это стоило усилий, ибо контролировать собственное сознание означает, в сущности, контролировать свою жизнь.

Разум порождает все проблемы человека, но он же может помочь их решению. Сознание – сокровище, лежащее у нас под ногами: мы ступаем по нему ежедневно, не понимая его ценности. Речь просто о том, чтобы владеть этим сокровищем, управлять им, научившись поступать осознанно.

Об этом хорошо сказал Свами однажды вечером, в час сатсанга. Один из «бригады пенсионеров» спросил: «Что такое жизнь?», и он просто ответил: «Жизнь? Это цепочка маленьких шажков. Делайте каждый осознанно, чтобы их контролировать».

Я был согласен: это много шажков, иногда и не очень маленьких, но всегда не случайных.

Ашрам был прекрасной возможностью все переосмыслить, отдать должное старому и обновить свое мировоззрение, которое, как мне казалось, с каждым днем, проведенным там, все больше расширялось и освобождалось от табу.

Когда я был маленьким, мать посылала меня, по обычаю, прислуживать в церкви близ нашего дома. Мне не особенно нравилась эта роль, и отказ от нее потом стал моим первым актом неповиновения. С тех пор, по-моему, я не принимал участия в религиозных церемониях. А в ашраме я снова это попробовал, не только из любопытства, но и с некоторым удовольствием.

Около пяти часов я выходил из своей комнаты и, ра-

дуясь утренней свежести, пускался в путь. Вокруг было спокойно и безмятежно. Дым из печи, где обжигали кирпичи, смешивался с туманом, затягивая склоны, влажные от росы. Тишину нарушали сначала далекий крик петуха, голос странной птицы, которая, казалось, просила: «По-мо-ги… по-мо-ги…»? стрекот сорок, затем прерывистый собачий лай – собакам в ашраме приходилось тоже быть вегетарианцами. Как раз в этот час они вместе с «шиша» направлялись к трапезной. Было что-то глубоко умиротворяющее в этой процессии моих сотоварищей. В первом, неуверенном свете дня белые безмолвные силуэты двигались мимо пальм, баньянов, больших «дождевых деревьев» и других (названия не знаю) с кронами, оранжевыми, как пламя.

После стакана чая, проглоченного молча, – в храм. Строение было простое, чуть приподнятое над землей и открытое всем ветрам: ступеньки, потом бетонная площадка, крыша, опирающаяся на десяток колонн. Посередине, в центре всеобщего внимания и поклонения просторная инкрустированная ниша, а в ней – статуя богини Дакшина-мурти, покровительницы Вед. Сбоку – статуя Ганеши, бога со слоновьей головой, помогающего преодолевать препятствия.

Пришедшие первыми усаживались перед нишей, остальные пристраивались сзади. Утренняя церемония заключалась в омовениях статуи и подготовке ее к

новому дню. Три священнослужителя-«пуджари» хлопотали возле святилища. Самый старший начинал с того, что снимал с богини покрывала и вчерашние цветы. Остальные двое сновали туда-сюда с мисками и ведрами. Две вдовы напевали гимны и управляли всем процессом, то и дело бросая на нас строгие взгляды и следя за тем, чтобы благовония, цветы, масляные светильники были, где следует, а колокол – иногда его доверяли и мне – звучал в точно определенный момент.

Статую из черного камня в человеческий рост сначала омывали водой, потом кокосовым маслом, потом снова водой, потом молоком, йогуртом, обтирали банановой кашицей, потом опять водой и, наконец, вытерев насухо до блеска, покрывали ароматной сандаловой пудрой. Это чередование движений и звуков завораживало, вступал хор молящихся. После получаса этого муравьиного труда главный «пуджари» задергивал завесу перед нишей и несколько минут оставался наедине со статуей. Хор не умолкал; наконец завеса раздвигалась под колокольный звон и статуя, уже одетая в ярчайшие ткани и украшенная цветами, являлась во всем своем великолепии.

Тогда начиналась вторая часть церемонии. Перед нишей ставили большую корзину с цветочными лепестками, и главный «пуджари», произнося одно за другим все сто восемь имен богини, пригоршнями бросал лепестки к ее ногам: сто восемь имен, повторяе-

мых хором, сто восемь пригоршней лепестков. Завеса снова задергивалась, и под колокольный звон церемония достигала своего апогея. Снова завеса откидывалась; среди погруженного во тьму храма статуя, чье лицо освещалось неверным светом масляной лампады, свисавшей с потолка, казалось, оживала. Это был момент «даршана» – слово, которое на санскрите означает «взирать», но есть и второе значение – «быть созерцаемым». Каждый поднимался с места, медленно, благоговейно подходил к нише и, остановившись на несколько мгновений, сложив руки перед грудью, смотрел на богиню, а она – на него.

В глазах своих товарищей я видел неведомую мне радость и завидовал им. Меня трогало то, с каким чувством люди всех возрастов и положений истово и сосредоточенно приближались к изваянию, в котором они чувствовали присутствие божества. На их лицах было то же исступленное, экстатическое выражение, что и в глазах маленького каменного бычка, стоящего на коленях перед святилищем: бычок тоже поклонялся богине. Один из «пуджари» церемонным движением руки орошал его молоком, и оно стекало на пол.

Латунную тарелку, на которой еще горела камфара, освещавшая статую во время омовения, пускали по кругу, и некоторые, будто зачерпывая горстями струящийся горячий воздух, подносили ее к лицу и голове. На выходе из храма один из «пуджари» благословлял

нас, орошая водой из большой раковины (идея освященной воды, видимо, возникла здесь). Другой клал на правую ладонь проходящего горсть банановой кашицы, которой обтирали тело богини, а потом собирали в блюдо у ее ног. Это была еда, поднесенная в подарок богам, освященная благословением. Чтобы никого не обидеть, я положил ее в рот, а потом незаметно выплюнул.

Может быть, оттого, что меня в детстве мать принуждала молиться, я не любил внешние проявления набожности – осенять себя крестным знамением, кланяться, преклонять колени перед священным ликом или, еще хуже, перед человеком. Тем не менее, я чувствовал, что все эти длившиеся целый час бессмысленные хлопоты с переодеванием куска камня и затем благоговейное его созерцание не являлись актом самоунижения. Напротив, казалось, эта церемония заряжала моих товарищей некой энергией. Я и сам не мог не почувствовать ее очарования, она приносила умиротворение.

Ритуалы. Каким ужасом, отчаянием и пустотой оборачивались все попытки отрицать их силу. Китай утратил большую часть своего прекрасного древнего духа, когда коммунисты попытались уничтожить древние обряды. Россия, после семидесяти лет советского строя, полностью стершего духовность народа, теперь стала открытой для американских протестантских сект,

приняла, как собственные, их ритуалы.

А мой западный мир? В погоне за сугубо светской, материальной идеей индивидуальной свободы мы бросили вызов древней традиции высмеяли все символы веры, отменили все обряды – и тем самым изгнали из нашей жизни тайну, следовательно, и поэзию.

Человек рождается, живет и умирает, и никакие церемонии и ритуалы больше не отмечают этапы его пребывания на земле. Рождение ребенка больше не повод для раздумий о жизни, достаточно просто зарегистрировать его. Молодые пары сходятся, не вступая в брак, и единственный оставшийся у них ритуал – это ритуал переезда. Начало новой жизни не отмечено ничем, даже рубашки новой никто не надевает. А раз нет церемонии, нет и осознания перехода из одного качества в другое; нет присутствия высших сил, соответственно, нет и обязательств. Зачастую двух людей ничего не объединяет, кроме секса и общих счетов за телефон. Да и сама смерть теперь обходится без осознания происшедшего, без утешительного воздействия обряда. Ушли в прошлое бдения над усопшим, а церемонию прощания, если ее все-таки устраивают, проводят теперь не священники, а чиновники.

Исчезновение обрядов я сам наблюдал, это происходило на моей памяти, и теперь, оглядываясь назад, я сожалею, что с наилучшими намерениями, но тоже

внес вклад в этот процесс, а значит, несу свою долю ответственности за эту большую утрату. В годы моей молодости младенцев, даже детей самых убежденных коммунистов, вроде меня, еще было принято крестить. Покойникам устраивали настоящие похороны, бракосочетание было большим праздником, и новобрачные соединялись не только перед Богом, но и перед людьми – в присутствии десятков родственников и друзей, которые таким образом становились в некотором роде гарантами этого союза.

Но я бунтовал против устоев. Я не хотел регистрировать брак, однако сделал это для получения страховки. Все прошло наспех, почти тайком, лишь в присутствии свидетелей и мэра. Кстати, именно из-за мэра нам пришлось расписаться подальше от Флоренции – тамошний мэр был членом демохристианской партии, и я воспротивился, чтобы он нас оформлял. В результате нас поженили в Винчи, на родине Леонардо. Детей своих я не крестил, а когда умерли родители, меня рядом не было.

И все-таки в детстве ритуалы мне нравились. Я до сих пор вспоминаю одну из самых больших радостей в жизни, настоящую церемонию, которую устроили мои родители, когда мне исполнилось четырнадцать. В знак того, что я стал «мужчиной», они вручили мне первые в моей жизни длинные брюки, купленные в рассрочку. Но вихрь времени закружил меня, и я

тоже приложил руку к разрушению старого. Вот только на месте разрушенного ничего толкового не возникло, там и по сей день одна тоскливая пустота.

В Индии пока ощущаются лишь первые дуновения этого «ветра перемен», и здесь, особенно в деревнях, для большинства людей ритуалы и теперь важнейшая часть жизни. Крестьянин не выйдет утром из дому, не коснувшись рукою порога. Женщина не начнет своего дня, не предложив солнцу нескольких капелек воды.

Для индийца вся жизнь – ритуал. Первый ритуал в жизни человека проводят еще до его зачатия. Остальные при каждом новом этапе. Есть ритуал отлучения от груди, ритуал первого выноса на улицу ночью, чтобы ребенок увидел звезды, ритуал первого остригания. Особый обряд проводят, когда молодой человек становится «брахмачарья»: он обедает с матерью, потом выходит из дому и возвращается обратно, чтобы попросить у нее «бикшу», первую милостыню. И так далее, вплоть до самой смерти, когда тело предают огню на погребальном костре, зажженном старшим сыном. Это тот же огонь, который горел, когда покойный приобщался к Ведам, которым была освящена «пуджа» по случаю его свадьбы. Но и со смертью ритуалы не заканчиваются. Через двенадцать дней принято устраивать еще одну церемонию, во время которой умершего просят не бродить больше по дому, обрубить все прежние связи и занять свое место рядом с отцом и дедом

среди предков, которых надлежит помнить и почитать. Мантра для этого обряда красивая и совсем не грустная. Тот, кто хотел поплакать, уже сделал это за прошедшие двенадцать дней.

Ритуалы, церемонии, обряды. Это великая тема Вед. В них предписывается все: жесты, ритм, слова обрядов. Все расписано, предусмотрена каждая деталь; от длительности мантры до того, какие подношения нужно делать «пуджари», который ее прочел. От того, в какие дни лучше предпринимать паломничество, до уборки в доме. Ритуал – это Действие для определенного результата. Женщина хочет, чтобы у нее родился сын? Веды указывают, что для этого делать и как. Кто-то хочет разбогатеть или попасть в рай. Веды в точности указывают ему, как следует поступать. От причины к следствию – вот логика Вед… Их логика – это логика преходящего, логика перемен во времени и пространстве, это логика человеческого «я».

А что, если человек ищет чего-то другого? Если он хочет отрешиться от преходящего, обрести свободу от сансары?

Это и есть великая находка индийской мысли. В самом конце Вед открывается, что их подлинная цель – это преодоление самих Вед. И преодоление это – в Веданте, заключительной части. Веданта уводит человека от ритуалов, от правил, от рабства, навязанного Ведами.

Веды – это «религия», Веданта – это освобождение от всего, в том числе и от религии тоже. В Веданте говорится о высшем космическом «я», о Сокровенной Сущности, о безбрежном сознании, пребывающем вне времени и пространства.

Вы хотите исполнения мирских желаний? Что ж, в этом нет ничего дурного. Остановитесь на Ведах, не идите дальше. Но знайте, объясняет Веданта, что даже рай, каким бы он ни был чудесным, – это всего лишь место во времени и пространстве, а следовательно, не вечен. В этот рай можно попасть благодаря накопленным заслугам, но, когда этот капитал будет истрачен, придется вернуться назад и начать все сначала.

– Никому не дано получить бессрочную визу в рай, – говорил Свами. Он присутствовал при всех ритуалах, не участвуя в них. Он не мешал людям склоняться к его ногам, но сам не участвовал в обрядах поклонения статуям богов. Ему больше не о чем было их просить, он покинул мир желаний, и в этом было чарующее величие. Не стал ли я религиозным? Уж во всяком случае, не в ведическом смысле!

Недели две я не пропускал ни одной утренней «пуджи». Потом, видя, что все повторяется и я уже во всем разобрался, я предпочитал во время богослужения подняться на холм и любоваться восходом солнца.

Даже простой прием пищи был в ашраме церемонией. В половине первого вся община, включая не-

скольких мяукающих котов и ватагу псов-вегетарианцев, выстраивалась в извилистую очередь у трапезной. У подножия лестницы мы снимали обувь, брали плошки, чашки и входили в большой зал, где пять или шесть «шиша», приставленные к дымящимся котлам, раздавали нам еду и при этом… пели. И каждый из нас, взяв порцию и поблагодарив, присоединял свой голос к хору, напевавшему строки из «Гиты», в которых Кришна говорит о себе:

Я – огонь в теле живущего,
Я управляю дыханием и усвоением пищи,
Я пребываю в сердцах всех живых созданий.
Все исходит от меня: память, познание и заблуждение.
Познать меня – вот цель всех Вед.
Я – знаток Вед,
Я – источник Веданты.

Не переставая петь, каждый устраивался на одной из циновок на полу. Таким образом, эти строки из пятнадцатой главы все звучали и звучали, пока наконец все не получали свои порции и не принимались за еду. Звучание санскрита было прекрасно, и прекрасны были строки, в которых Кришна, воплощение Абсолюта, описывает Арджуне некоторые свои формы. Каждый опускал три пальца правой руки в чашку с водой и круговым жестом окроплял стоящую перед ним еду. Таким

образом еда превращалась в благодарность Агни, огню, божеству желудка.

Мне это нравилось. Когда я был маленьким, в нашем доме было принято креститься, перед тем как приступать к еде, но потом и этот обычай, вместе с другими, пропал в житейской спешке. Теперь нам ничто не в новинку, нам кажется, что мы имеем право на все – неизвестно только почему. Все, что у нас есть, мы воспринимаем как должное, и нас больше не удивляет и не радует такая, например, приятная и необходимая вещь, как еда, которую часто мы даже не заслужили.

Прием пищи превратился во что-то банальное, по крайней мере, на Западе. Еда уже не дар, мы за нее никого не благодарим. Мы хватаем, глотаем, насыщаемся бездумно, автоматически, не отрывая взора от телевизора или газеты.

Иногда какой-нибудь бизнесмен присылал в ашрам фрукты или сладости, и тогда его имя писали мелком на доске среди тех, кого следовало поблагодарить после пения гимнов. Однажды на доске появилась строка о «бикше», поднесенной Анамом, чтобы отпраздновать день рождения жены. И перед тем, как погрузить пальцы в смесь гороха и риса, вся трапезная по знаку одного из «брахмачарья» произнесла хором несколько строк из Вед, чтобы пожелать Анджеле всего самого лучшего в этой и во всех последующих жизнях.

Боже мой, как же она заслуживала эти пожелания!

Она отпустила меня сюда без укоров, не пытаясь на меня давить, не давая мне почувствовать себя виноватым. Она действительно была одним из лучших моих лекарств! И не только с тех пор, как я заболел. С самого начала мы были поистине едины, между нами было полное согласие во взглядах, в выборе жизненных путей. Что может быть прекраснее, чем состариться вдвоем? Даже вдали друг от друга, как сейчас, мы всегда были вместе.

Сейчас этих поздравлений было явно недостаточно, чтобы загладить вину. Однажды Свами объяснил, что, с точки зрения Вед, муж, надолго оставляющий жену, копит прегрешения и ухудшает свою карму. Мудрыми были эти древние индийцы!

Сначала мне было неловко есть пальцами, которые потом полагалось облизывать, но я и к этому привык. Мне помогла реплика одной дамы из высшего индийского общества: «Есть вилкой или ложкой все равно, что принимать душ в плаще».

Не думаю, чтобы еда в ашраме порадовала гурмана. Никаких яиц (яйца – это жизнь!), никакого чеснока и лука (считается, что они возбуждают плотские желания), минимум специй (которые тоже могут вызывать разные отвлекающие мысли). Питались мы, преимущественно турецким горохом, фасолью, цветной капустой и рисом, но для некоторых моих товарищей и такая еда была уже серьезной уступкой своим желаниям.

Однажды я заметил, что «брахмачарья», сидящий рядом со мной, не пользуется плошкой. Он подставлял дежурному ведерко, а потом перемешивал три-четыре вида овощей рукой, «чтобы больше не различать запахи». Как он мне объяснил, это был способ управлять своими желаниями. Питание необходимо, но зачем превращать его в порабощающее удовольствие?

– Отрешившись от всех желаний, смертный становится бессмертным и достигает Брахмана здесь и сейчас, – объявил сосед, цитируя Упанишады. По его мнению, было важно не делать различия между «нравится» и «не нравится».

Мне подошла идея о том, что следует испытывать себя в малом, и я решил начать с того, что мне совершенно не нравилось, – с мытья посуды.

Я не брезговал домашней работой, но мытья посуды не просто избегал – я это ненавидел. Здесь, в ашраме, мне приходилось после еды мыть плошку, и я поставил перед собой цель делать это… с любовью, причем осознанно, а не машинально.

Это подействовало, и мытье посуды стало казаться мне приятным ритуалом. Мы выстраивались перед длинным устройством, напоминающим поилку с фонтанчиками, и я аккуратно мыл золой и мылом свою плошку и чашку. Потом ополаскивал, надеясь, что и остальные проделывают это так же тщательно, ведь к следующей трапезе посуда менялась.

Я знаю, что мое пение не нравится окружающим, зато мне оно доставляет большое удовольствие. А тут было где развернуться. Пели мы постоянно: в начале каждого урока, перед едой, потом еще целый час во время курса ведических гимнов, вечером в конце «сатсанга» и, наконец, перед сном. Пение было частью нашего распорядка дня, и я понял, что оно влияет на мое настроение, а может быть, и на уровень сознания. Особенно я это чувствовал, когда мы пели мантры. Возможно ли это? Для Свами это было несомненно: «Санскрит ведических гимнов и мантр воздействует на сознание», – говорил он. И у меня не было причин возражать. Наоборот.

Может, все дело было в ритме, может, в определенном дыхании, но повторение мантр, которые напевали для нас две вдовы, давало ощущение легкости, почти радость. Когда я пел, мне казалось, что мое «Я» таяло и удалялось, судьба его все меньше меня волновала.

«От болезни избавит трава… – вспомнилось мне, – или острый целителя нож, или мужа святого слова, или мантра, что тихо поешь…»

Был ли Свами тем «святым мужем», которому суждено было меня излечить? И было ли сегодняшнее пение теми мантрами, о которых говорил Заратустра в отрывке, что сопровождал меня столько лет – еще с той поры, когда я и понятия не имел, что такое мантры?

Одним из тех, кто безоговорочно верил в могуще-

ство мантр, был Сундараджан. Он даже знал несколько заветных мантр. Еще в отрочестве он услышал их от одного старца, и от них якобы зависела его жизнь. Проснувшись, он произносил их вслух, потом повторял про себя на ходу, на этих же мантрах он сосредотачивался, когда медитировал. По мнению Сундараджана, мантры – магические формулы, которые, как заклинания волшебника, могут влиять на сознание и материю. Сами слова создавали, как он полагал, вибрацию, которая, совпадая с вибрациями каждого предмета и тела, воздействует на объект либо исцеляюще, либо разрушительно. В общем примерно так же, как музыка на клетки.

Сундараджан клялся, что все именно так, совершенно, по-моему, забыв о том, что когда-то был инженером!

Мне пока хватало объяснения, связанного с дыханием. Совершенно очевидно, что между дыханием и сознанием существует тесная связь: они влияют друг на друга. Убедиться в этом нетрудно. Когда дыхание неровное, сознание встревожено, когда мы сердимся, у нас прерывается дыхание, когда мы думаем о чем-то хорошем, дыхание становится ровнее и глубже. Так происходит и во сне.

Когда мы повторяем одну и ту же мантру, дыхание настраивается на особый ритм и влечет за собой изменение душевного состояния, о котором говорил Свами.

И еще: когда человек все время думает о последовательности слов, сознание не рассеивается.

Без сомнения, было что-то особенное в этих звуках, передаваемых из уст в уста тысячелетиями, из поколения в поколение, с тем же произношением, в том же ритме, с теми же паузами. Если бы мантры были бесполезными, они бы давно забылись, затерялись. Но традиция живет. Гуру, который полностью доверяет своему ученику, дает ему, как драгоценный подарок, мантру, которая свяжет их двоих навеки. Среди соблюдаемых в Индии ритуалов есть такой, когда восьмилетнему ребенку дарят мантру, которой он сможет пользоваться всю жизнь.

На мой взгляд, эти звуки наделяла особыми свойствами та же сила, которая делает эффективными лекарства: сила сознания. Сама мысль, что эти формулы магические, что они способны исцелить или помочь, заставляет сознание способствовать этому. Ведь я верил, что красная жидкость, которую в меня вливали во время химиотерапии, мне поможет, и она действительно помогла; так и Сундараджан был убежден, что заветная мантра поддерживает в нем жизнь.

Могуществом обладает не вещь сама по себе, а наше сознание, которое в это могущество верит. У тибетцев есть притча на эту тему.

Один монах после многолетнего отсутствия собрался навестить мать. Женщина живет в крайней бедно-

сти, и сын опасается, что найдет ее при смерти. Но в деревне его ждет неожиданная радость: мать пребывает в добром здравии. Некий старец подарил бедной женщине мантру, способную превращать простые камни в картофелины. И вот мать принимается готовить ужин и, как обычно, читает мантру над горшком с камнями. Монах замечает, что она неверно произносит слова на санскрите, и поправляет ее. Мать, гордясь ученостью сына, начинает петь верно, но мантра не действует: женщина убеждается, что камни остались камнями и они с сыном остались без ужина. Тут монах понимает, просит мать вернуться к ее прежней мантре, и тут же чудесным образом в горшке появляются дымящиеся картофелины.

Ни моя мать, ни моя бабушка, которая жила с нами, понятия не имели о мантрах, хотя и они тоже пели молитвы. Пусть они не превращали камни в картошку, что не помешало бы, но задавали ритм новому дню. Когда я был маленьким, все пели: крестьяне в поле, ремесленники за работой, мы в классах. Когда я сравниваю звуки моего детства с теми, которые слушает мой внук, меня просто отчаяние охватывает.

Мы перестали петь. Самое большее, что мы можем, – это слушать при помощи системы «хай-фай», как поют другие. Какая в этом польза? В этом на собственном опыте убедились в шестидесятые годы бенедиктинцы из одного французского монастыря. Внезап-

но всех одолел какой-то странный недуг. Монахи чувствовали себя разбитыми, подавленными, рассеянными. На общем собрании постановили добавить время на сон, но это не помогло, всем стало еще хуже. Монахи совсем приуныли и вдобавок просто с ног валились от усталости. Обратились к врачам. Один из них посоветовал ввести в рацион мясо – а в монастыре его уже лет двести не пробовали. Никакого улучшения. И тут, наконец, один знаменитый парижский доктор обнаружил, что в духе новых правил, введенных Вторым Ватиканским собором, один ретивый аббат заметно урезал часы, отведенные для хорового пения, чтобы монахи больше работали по хозяйству. Это изменило привычный уклад монастырской жизни, заключил врач и посоветовал настоятелю просто-напросто вернуться к прежнему распорядку.

Несколько месяцев спустя монахи вновь пребывали в добром здравии и в прекрасном настроении. Пение подстраивало под свой ритм их дыхание, и эта гармония заряжала их энергией, жизненной силой и наполняла благодатью.

Нечто подобное происходило с нами в ашраме. Причем даже со мной, которому медведь на ухо наступил.

Однажды вечером Свами пригласил меня к ужину. Как и многие старые индийцы, он страдал диабетом, поэтому его рацион был еще проще и непритязательнее, чем у нас. Мы ели на кухне, а прислуживали нам

все те же две вдовы.

Оказалось, что он не забыл обещания устроить мне встречу с врачом-аюрведистом, которому сам доверяет, чтобы тот помог мне разобраться с болезнью. Он только что договорился с ним по телефону, и меня уже там ждали.

Театр, который лечит

Больше всего по приезде в больницу меня поразил слон. Издали показалось, что он просто изображен на белой стене. Потом, видя, как он хлопает ушами, слегка покачивая своей огромной головой, я понял, что он не просто настоящий, но, пожалуй, лучше меня вписывается в обстановку. На него никто не обращал внимания, а на меня все глазели. Я же был иностранцем и не туристом, а пациентом.

Приезжая куда-нибудь впервые, надеешься встретить нечто удивительное и неожиданное. На этот раз было чему удивляться. Я приехал в Коттакал, маленький городок в штате Керала, и отправился прямиком в Институт арианской медицины, самый старый и самый известный аюрведический центр Индии. Но вместо тихого местечка, где я рассчитывал провести несколько спокойных дней, я оказался будто в цирке-шапито перед вечерним представлением. Вокруг слона суетились десятки людей, сооружая большой соломенный навес. Полуголые музыканты настраивали свои странные, пронзительно звучащие инструменты. Танцовщики в ярких костюмах, актеры с большими диадемами на головах и разрисованными, как маски, лицами бродили у деревянной сцены, которую только что соорудили и

укрепили бамбуковыми шестами и канатами. Повсюду сновали люди, что-то перетаскивали с места на место. Слон, я подошел к нему поближе был прикован цепью за правую заднюю ногу к колу, вбитому в землю. На лбу у него был нарисован красивый цветистый узор.

Где же больница? Один из людей, таращившихся на меня, как на привидение, указал мне на вход. Меня там ждали. Никто не спросил документов, проверяя, тот ли я самый Анам, которого рекомендовал Свами. Никто не попросил с холодной улыбкой оплатить авансом осмотр и лечение, как это было в Онкологическом центре. Похоже, не деньги были здесь главным. Над стойкой висело объявление: с девяти до полудня проходят бесплатные консультации для всех желающих. Другой плакат вежливо призывал присутствующих «ради всеобщего блага» воздержаться от курения. На деревянном стенде был вывешен список врачей, ответственных за работу разных отделений. Фамилия почти всех врачей была Варрьер.

Для меня была забронирована комната 502 на самом верхнем этаже в новом крыле больницы. Окна выходили во двор, где продолжалась суматоха. Над крышами из гофрированной жести раскачивались роскошные кроны кокосовых пальм, похожие на фейерверки. Все здесь было устроено скромно, но добротно и разумно. Несмотря на тропический климат, здесь были не кондиционеры, а только потолочные вентиляторы. Для

больных, которые не могли передвигаться по лестницам, имелся пологий внешний настил, соединяющий этажи.

Комната мне досталась простая и чистая: деревянная койка с тумбочкой, тонкий матрас, подушка и две хлопчатобумажные простыни. На стене фото основателя: господин серьезного вида в очках, черном сюртуке с галстуком, на плечах накидка, на голове – желтый берет. Когда-то в Европе были в ходу такие изображения создателей чудодейственной мази от мозолей, а в Азии до сих пор можно увидеть нечто подобное на банках с «Тигровым Бальзамом». Надпись под фотографией гласила: Вайдияратнам П. С. Варрьер (1869–1944). Я прикинул, он прожил семьдесят пять лет. Неплохая реклама для его лекарств! Под этой фотографией была другая, поменьше, это был его преемник, тоже Варрьер. Выходит, этот Институт арианской медицины, основанный в 1902 году, – семейное предприятие.

Молодой сикх зашел сказать, что комнату напротив занимает его отец, которого привезли с севера Индии в надежде на излечение. Столик его был уставлен флаконами и пузырьками. Молодой человек заверил: если что-то понадобится, можно обращаться к нему.

Я едва успел положить свой рюкзак и осмотреться, как в комнату вошел старый господин, высокий и представительный. Это управляющий больницы при-

ветствовал меня.

– Повезло же вам! – сказал он. – Именно сегодня начинается праздничная неделя, посвященная богу Вишвамбхаре.

Он, видимо, решил, что я понял, поэтому продолжал:

– Мы приносим в поклонение нашему Господину музыку, танцы и представление в присутствии слона. Вы же знаете, у слона важная роль в нашей мифологии и это бог Ганеша помогает нам преодолеть все препятствия. Вот увидите… даже ваш рак можно победить.

Мне не хотелось смущать его, выказывая свое удивление по поводу этой неслыханной лечебно-слоно-театральной комбинации. Я пробормотал, что у меня дома тоже есть Ганеша: каменная копия знаменитой статуи из Ангкора.

– Вам будут полезны эти несколько дней, – добавил директор. – Фестиваль и для врачей и для пациентов – способ приблизиться к глубинной реальности, Конечной Реальности, к Брахману.

Я, без сомнения, очутился в прелюбопытнейшем месте, хотя в дороге мне все представлялось по-иному.

А дорога сюда была долгой, больше пяти часов на такси. Сперва через холмы штата Тамилнад, грязного и запущенного, потом по направлению к штату Керала, тоже бедному, но сохранившему достоинство. Меня заверили, что молодой водитель знает английский,

но единственное, что он сумел выдавить из себя, усевшись за руль, было: «Urine… coming?», и в дальнейшем общение наше ограничилось совместными решениями все по тому же поводу, то есть, когда следует остановиться по малой нужде.

Так я и молчал, размышляя о том, что видел: все те же деревушки с низенькими хижинами вдоль дороги, все с теми же людьми и животными, работающими на земле. Бедные дома, бедные люди и роскошная природа. На лотке у каждого торговца красовались горы фруктов и овощей. Огромные гроздья бананов свисали с причудливо изогнутых стволов, красивых, как буквы санскритского алфавита, который я пытался выучить.

Тамилнад – древняя земля с древней культурой, великой литературой и театральной традицией. Это сказалось на политической жизни: с провозглашения независимости руководящие посты в штате Тамилнад чаще всего занимали известные актеры. Это очень по-индийски. Люди здесь не понимают разницы между актером и его ролью, поэтому достаточно человеку изображать царя, героя или мудреца, как публика тут же решает, что он и в жизни такой. Отныне к нему будут относиться как к Кришне, Шиве или Раме, и, если артист станет баллотироваться на пост премьер-министра штата, все проголосуют за него. В конце концов кому не хочется, особенно в наши дни, чтобы в правителях у него ходил бог, герой или мудрец?

Все это только усиливало мое растущее недоверие к так называемой демократии, которая сводит участие граждан в управлении страной к визитам на избирательные участки раз в четыре-пять лет и которая повсюду в мире приводит к власти людей посредственных, бездарных или нечистых на руку. Демократия сейчас – это система, поощряющая банальность и ложь в рекламных целях, а вовсе не мудрость и нравственную стойкость. Именно абсурдность этой системы делает сегодня из Сони Ганди, милой синьоры из Пьемонта, возможного будущего премьер-министра «самой большой демократической страны в мире», как Индия себя называет. Неужели страна более чем с миллиардным населением нуждается в том, чтобы ею руководила итальянка, даже не говорящая на национальном языке? Выходит, что это так, на рынке голосов ее кандидатура высоко котируется, потому что она – вдова Раджива Ганди. А он стал премьером (и был убит) из-за того, что был сыном Индиры Ганди, которая в свою очередь стала премьер-министром потому, что была дочерью Неру. Ну а Неру стал премьером потому, что его назначил сам Ганди, Махатма Ганди. Разве Соня Ганди родственница Махатмы? Ничего подобного, но люди так считают, потому что у них одна фамилия. При этом она у них общая оттого, что Индира, урожденная Неру, предусмотрительно заставила мужа с фамилией Gandy поменять ее на прославленную Gandhi.

Бедный Ганди, теперь всеми позабытый! Он одевался по-крестьянски, обходился самым малым и мечтал о свободной и независимой стране, не капиталистической и не коммунистической. О стране, выражающей чаяния миллионов деревенских жителей, которые для него воплощали подлинную, вечную душу Индии. Он стоял за «малое», а не за «большое», за человека, а не за машину, за естественное в противовес искусственному.

«Когда трактор можно будет доить, а его навоз можно будет использовать как удобрение или горючее, только тогда я предпочту его корове», – говорил он. Он исколесил Индию вдоль и поперек и хорошо знал свою страну и свой народ. Только в Индии ниша в стене может быть «табачной фабрикой»; деревянный навес на четырех столбиках может днем быть лавочкой гладильщика, а ночью его спальней. Только в Индии «гамча», яркий лоскут, которым лодочник или рикша утирает пот, может стать и покрывалом в прохладную ночь, и тюрбаном в жаркий полдень.

Ганди был убежден, что «малое – прекрасно», и экономист Фриц Шумахер, его большой почитатель, развил эту идею в экономическую теорию, которая, казалось, замечательно подходила к индийским условиям. Шумахер отстаивал необходимость защищать маленькие местные предприятия от больших фирм и транснациональных корпораций, которые в противном случае

сглотнут их, как акулы рыбешек. Шумахер, как и Ганди, говорил, что экономика должна основываться на том, «что важно для человека», а не на безнравственном принципе прибыли. Но и Ганди, и Шумахер сегодня забыты.

«Дегандизация» Индии началась при Неру, которого сам Ганди избрал преемником, допустив при этом, возможно, одну из самых серьезных ошибок в своей жизни. Неру был антиподом Ганди. Он был утонченным человеком, он был элегантен. Он был против «малого» и ратовал за «большое», весомое – крупную промышленность, крупные плотины, крупные заводы. Даже любовь у него тоже была «большая» – не к какой-нибудь рядовой индианке, а к англичанке Эдвине, жене лорда Маунтбаттена, британца до мозга костей, вице-короля Индии.

Тяга к «весомому» в политике сохранялась почти у всех правительств после обретения независимости. И чем больше времени проходит, тем больше Индия принимает облик такой же страны, как все: с большой армией, мощным вооружением (включая атомное), мечтой стать великой державой. Все меньше опираясь на индийскую деревню, чья чистота и естественность были идеалом для Ганди, Индия все больше вовлекается в «деревню» глобальную, в которой из «подлинного» – только алчность.

Разница между штатами Тамилнад и Керала броса-

лась в глаза. Я понял, что мы пересекли границу, когда окружающее вдруг стало более ухоженным, более чистым. Кералой не управляют актеры, ставшие политиканами; здесь в содружестве действуют коммунисты и христиане, которым удалось обеспечить в своем штате самую высокую в Индии грамотность.

Я смотрел в окошко на ярко-зеленые рисовые поля, на глинобитные дома, выкрашенные в красный цвет, на коров с цветочными венками на рогах и подтянутых мужчин, одетых в «доти», и в голову приходило слово «довольство». «Доволен» – это меньше, чем «счастлив», но так говорят о том, кто не страдает от отсутствия чего-либо. Вот что объединяет всех индийцев: они довольны, следовательно, умиротворены. А для покоя нужно укротить собственные желания, как советуют Упанишады и Гита.

Индия – бедная страна, но у ее людей меньше потребностей, меньше амбиций, и поэтому это куда более «довольная» страна, чем другие. Видимо, ненадолго: глобализация приносит и в Индию желания, свойственные людям в остальном мире, и это гложет ее «довольство», ее умение «обрести покой».

В машине, старом «Амбассадоре», была не в порядке подвеска, и на ухабах она прыгала, а меня швыряло из стороны в сторону. Я боялся, что у меня от очередного броска, чего доброго, выскочит грыжа, и живо представлял себе, как молодой таксист сдает ме-

ня с рук на руки в одну из «лечебниц», которые я видел вдоль дороги. Вид у них был, скажем прямо, мало располагающий к доверию, даже вывески «Лечебница Шакти» или «Госпиталь Кришны» были скособочены. Кроме того, лечили здесь в основном «от геморроя и свищей»!

В этом случае мне грозила бы участь стать истинным Анамом в этом чужом месте – человеком без имени, без прошлого, безвестным и беззащитным. Но все обошлось, и до места мы доехали без происшествий. Лечебницу все знали и показывали дорогу, тем более, что такого ориентира, как слон во дворе, нигде больше не было.

Я не смог усидеть в комнате. На новом месте хочется осмотреться, оценить окружающее. Это вроде инстинкта животного, которое никуда не зайдет, не убедившись, что есть выход.

Еще не стемнело, «цирк» продолжал готовиться к представлению, и я решил пройтись по городку, который видел только из машины. Ничего особенного: на центральной площади выгружали кокосовые орехи, рядом – автобусная станция, базар с обычными лавчонками, заваленными пластиковой обувью и дешевой одеждой, ювелирные мастерские и такие, где делали кухонную утварь и керамическую посуду. А еще множество аптек и маленьких лечебниц. Видно было, что Коттакал кормится индустрией здоровья.

Наверху, на четвертом или пятом этаже большого дома, была надпись «1ST computer», и я сообразил, что здесь мне посоветуют, где можно войти в Интернет. Чтобы туда добраться, пришлось преодолеть полосу препятствий, долго карабкаться по кучам строительного мусора и взбираться по темной, грязной лестнице. Наконец, я оказался на галерее с несколькими дверьми. За одной из них я едва различил у свечи мужчину и женщину, зато за следующей оказался современный компьютерный офис – весь белый, с кондиционером, неоновым светом. За настоящим письменным столом сидел молодой инженер-электронщик.

– То, что вы у нас видите, это две крайности Индии, – сказал он и пояснил, что его сосед – это местный знахарь, который лечит преимущественно деревенских женщин, причем магическими средствами.

Я сказал, что тоже сюда приехал для лечения у ариев.

– Местные их стороной обходят, считая, что там шикарно и дорого. Туда обычно съезжаются отовсюду, а наши обращаются к колдунам, к тангалам.

Тангалы? Я впервые слышал о них.

Моего собеседника, умного, любезнейшего мусульманина, он настоял, чтобы я с его компьютера отправил пару электронных писем, мое удивление позабавило. «Тангалы, – объяснил он, – здешние мусульманские знахари. Они изгоняют хворь, избавляют от болей

и бед, входя в транс и принимая на себя страдания больного. Обычно они работают группами. Они играют на музыкальных инструментах, поют и взывают к Аллаху, пока один из них занимается экзорцизмом. Целитель изгоняет болезни, вгоняя иголки себе в щеки, руки, нанося себе ножевые раны, так что одежды их к концу сеанса обычно орошены кровью». По словам этого юноши, здесь, в Керале, мусульмане, христиане, индусы обращаются к тангалам.

– Ничего странного, – сказал он. – Иисус Христос ведь тоже дал пригвоздить себя к кресту, чтобы принять на себя все горести мира, верно?

Правда, тангалы берут с людей плату, ну что ж, им ведь тоже жить надо.

Верит ли он в магию? Ну, не всерьез. Он ведь инженер, человек современный, компьютером вот пользуется. Но ничего нет удивительного, что многие в нее верят.

Уже стемнело, и спуститься по лестнице оказалось делом нелегким. Еще труднее было найти дорогу в больницу. Внезапно, как это постоянно случается в этой стране, отключили свет, и весь городок погрузился во мрак. Тут и там стали зажигаться керосиновые лампы, но на улице, которая вела к моей больнице, была темень. Из канав несло типичными «индийскими» ароматами. Вдоль стен при свете коптилок на корточках сидели люди. Мне показалось, что я попал на средне-

вековый Двор Чудес. И при этом я тоже ждал чуда – чудесного исцеления!

Вид больницы меня утешил. Включили генераторы, весь комплекс был ярко освещен и показался мне оазисом современности и надежности.

Двор был полон народу. Врачи с семьями последними занимали свои места, придерживая обеими руками края своих «доти», будто это были крылья, которые не должны касаться земли. Слон был украшен изысканно вышитой попоной. Некое подобие позолоченной маски спускалось с головы на хобот. По сцене двигались актеры и танцовщицы, а музыканты тем временем настраивали инструменты. Представление вот-вот должно было начаться, но я отправился прямо в постель.

Я устал. Не только от дороги, но и от необходимости привыкать к новым местам, от попыток разобраться в доносящихся звуках, в окружающих людях, их обычаях. В 1993 году я путешествовал в поисках ясновидящих, теперь – в поисках целителей и альтернативной медицины. Кажется, все начинало повторяться. Исследование внешнего мира больше не интересовало меня. Не зря ли я уехал из ашрама?

В окно влетал оглушительный грохот цимбал и дудок. Трубил слон, кричали люди. Я ничего не мог разобрать, но понял: это будет тянуться до утра.

Разбудила меня тишина. Ночь я проспал под непрерывный грохот, к которому притерпелся. Потом та

часть сознания, которая бодрствует и во время сна, разбудила меня. Шумное, необычное представление, устроенное людьми для богов, закончилось, и началось другое зрелище, спокойное и величественное, которое боги демонстрировали людям. Великолепное оранжевое солнце вставало из-за верхушек пальм, из темноты медленно проглядывали очертания домов, улиц, переулков и людей. Белые клубы поднимались над крышей лекарственной фабрики, разнося ее целебные ароматы.

Внизу во дворе сцена уже опустела, люди постепенно расходились, зрители уносили стулья, музыканты собирали инструменты. Пациенты, поддерживаемые родственниками, плелись к больнице. Они пробыли здесь всю ночь! Я видел, как многие, проходя мимо слона, складывали перед собой ладони и слегка кланялись ему, будто прощались с хозяином. Со слона уже сняли его золоченое убранство. Зато в свернутом хоботе колыхалась большая охапка веток и травы – его завтрак.

Мне тоже было пора завтракать, и я отправился в больничную столовую. Объявление на стене гласило, что еду здесь подают исключительно вегетарианскую. Все было просто и чисто, но и тут, видимо, поддались на соблазн современности, и коварная лампа-ловушка потрескивала всякий раз, когда муха устремлялась на голубоватый свет и превращалась в уголек.

Ровно в девять молодой врач повел меня в расположенную рядом бесплатную поликлинику, которая состояла из группы невысоких строений под красными крышами, с голубыми стенами, бетонными полами и белыми фанерными перегородками между кабинетами. Порог поликлиники почернел от времени, и можно только представить, сколько за эти годы больных и их родственников топталось тут в ожидании вердикта врача. Тропический ветерок гулял по комнатам, колыхал желтые занавески. На небольшой немощеной площадке ждали люди. Я припомнил провинциальные госпитали в Камбодже, куда я ездил, чтобы написать о жертвах боев и американских бомбардировок: та же жара, та же атмосфера, те же смуглые лица, изнуренные, напуганные, и только моя роль поменялась. Я понял это, когда молодой врач для первого осмотра попросил меня раздеться до пояса и лечь на кушетку, накрытую черной клеенкой. Окно сразу заполнили лица, и на меня уставились десятки широко раскрытых глаз.

Доктор выслушал меня, измерил давление, задал несколько вопросов о перенесенных мною болезнях, особенно в детстве. Я отвечал, а он делал записи. В конце он спросил:

– Когда вам сказали, что у вас рак, как вы это восприняли?

– Без паники.

– Как вы сами полагаете, какие у вас шансы на вы-

здоровление?

– От рака нелегко выздороветь, – сказал я. – Но я надеюсь найти способ, который позволит мне продержаться еще какое-то время. Поэтому я здесь.

Он улыбнулся, посмотрел на меня так, будто я удачно сдал экзамен, и процитировал, сперва на санскрите, потом на английском, высказывание из аюрведы:

> Сколько путь твой продлится от первого дня до могилы —
> Это будет зависеть лишь только от внутренней силы.
> Постоянство и труд – твоего долголетья залог:
> Чем размеренней день,
> Тем длиннее отпущенный срок.

Я спросил его, откуда аюрведа может знать о раке. Аюрведа – древняя наука, зародившаяся тысячелетия тому назад, а рак – болезнь современная.

Он возразил:

– Время не имеет значения. Человек – всегда человек, и хвори у него всегда одинаковые, – сказал он. – Не бывает болезней древних и современных. Мы различаем только болезни излечимые и неизлечимые, и рак не попадает ни в одну из этих категорий. В священных текстах он носит имя «адбхута рога» – исключительное заболевание.

Мне стало интересно, но он не захотел развивать эту

тему. Это была не его специальность. «Этим занимается только главврач», – сказал он. А его специальность – это змеиные укусы.

Это меня тоже интересовало, и он с удовольствием повел меня в свое отделение, перечислил мне названия и признаки кобр, гадюк и других пресмыкающихся в красивых банках с формалином на стеллаже. Каждая такая змея, по его словам, легко убивает человека.

– За какое время? – спросил я.

– За полчаса. Если пациент успеет к нам за это время, мы его спасем. У нас есть аюрведические препараты на травах – одни нужно прикладывать к месту укуса, другие – принимать внутрь, они способны нейтрализовать яд любой змеи.

Каждый год они принимали в среднем по полторы тысячи укушенных, и обычно почти все выживали.

– И все успевали добраться за полчаса? Всех их лечили только аюрведическими средствами?

– Нет. Но… там, где не действует аюрведа, всегда можно прибегнуть к обычным средствам, – ответил он откровенно.

Оба вида медицины дополняют друг друга. Аюрведа проще, дешевле и легче согласуется с окружающей средой. Но он и его коллеги часто направляют к обычным врачам пациентов, которым, на их взгляд, аюрведические средства не помогут. Как правило, при необходимости хирургического вмешательства.

– Когда-то, – объяснил молодой врач, – и хирургия была частью аюрведы. Существуют древнейшие тексты, в которых с большой точностью описываются хирургические инструменты, очень похожие на сегодняшние. Однако это осталось в прошлом. Возможно, это случилось из-за отсутствия в аюрведической фармакопее действенных средств для анестезии. Поэтому сейчас аюрведа не занимается хирургией.

Молодой врач был внимателен и сердечен. Он сказал, что разница между итальянцами и индийцами не так уж велика: «Кришна… Христос. Те же идеи, сходные имена».

Наконец пришел главврач, П. К. Варрьер, ему было за семьдесят. Седые волосы, крупный нос. Варрьер был глуховат, держался любезно, но сдержанно. Заглянув в мою карточку, он сказал, что, по его мнению, причина рака в несбалансированном питании и в окружающей среде. Неправильный режим питания подготавливает почву для многих болезней, в том числе и для моей.

– Мы, врачи-аюрведисты, придаем огромное значение режиму питания, – сказал он. – Плохое пищеварение может создавать самые разнообразные проблемы. Поэтому мы рекомендуем придерживаться простейшей диеты. Чем дороже еда, тем больше вреда она приносит. Заболевший должен изменить образ жизни и научиться есть мало, но регулярно, если хочет выздо-

роветь. Ужинать, например, нужно задолго до сна.

Изменить жизнь, чтобы выздороветь, – эта мысль не покидала меня с самого начала болезни, и мне понравилось, что он тоже настаивает на этом. Остальное показалось мне чересчур схематичным, упрощенным, хотя в конце концов я приехал туда не для дискуссий.

– Мы ничего не обещаем, сделаем все, что можем. По крайней мере, качество жизни мы вам, без сомнения, можем улучшить, – заключил он.

Он прописал мне лечение, которое пока находилось в стадии эксперимента. Лекарство готовится индивидуально для каждого пациента, так сказать, «ad personam», и принимать его мне придется три месяца, после чего он хотел бы осмотреть меня снова.

Я спросил, какими были первые результаты его экспериментального лечения. «Они неплохие, – сказал он. – Некоторые пациенты, которых считали обреченными, прожили уже пару лет. Те, у кого были боли, почувствовали облегчение, а в отдельных случаях наступило излечение от рака». В отличие от западных препаратов, эти лекарства не лечили ту или иную болезнь, они только пытались восстановить утраченное равновесие. Но я должен знать: гарантий нет. Это всего лишь эксперимент.

Я так привык к экспериментам над собой, что этот, по сравнению с «Паучихой», мне показался безобидным. Врач сам сказал: у этих лекарств не может быть

побочных эффектов, потому что они не вводятся в кровеносную систему, а всасываются пищеварительным трактом.

Он очень настаивал на соблюдении диеты. В моем случае это было жизненно необходимо: я должен стать абсолютным вегетарианцем, причем не есть даже рыбы. Согласно аюрведе, мясо всех водных существ, способствует возникновению воспалительных процессов. Еще следует воздерживаться от кофе, чая и специй. Побольше фруктов и овощей – только не жареных. Лучше всего капуста – как белокочанная, так и савойская.

В конце старый Варрьер обратился к молодому врачу, который с блокнотом, как официант, ожидал распоряжений. Они заговорили на тамильском. Варрьер произнес несколько слов, которые мне показались названиями трав. Потом, обратившись ко мне, объяснил, что мой курс лечения включает два лекарства: одно желеобразное, что-то вроде мармелада, которое должно было разбухнуть в моем желудке, второе было «более специфичным». Желе будет неприятное на вкус. Я должен буду принимать четверть чайной ложечки этого препарата, а затем две кофейных ложечки другого лекарства, разведенного в восьми столовых ложках горячей воды.

Я спросил, что входит в состав этих снадобий. «Травы, травы», – сказал он, но я заметил некоторую уклон-

чивость в его ответе.

Вся встреча заняла минут двадцать.

Мне пришлось подождать два дня, пока готовили мои лекарства. Я воспользовался этим временем, чтобы посетить разные отделения больницы и почитать буклеты. Среди них мне попалась биография основателя. Интересно, что о П. С. Варрьере говорилось в основном не как о хорошем враче, а как о «великом патриоте». Это меня заинтересовало, поскольку было связано с историей и современным состоянием аюрведы.

Аюрведа, наряду с китайской медициной, – одна из самых древних систем медицинских познаний, которые дожили до наших дней и используются до сих пор. В отличие от китайской медицины, аюрведа на протяжении веков знала долгие периоды упадка и даже не раз была на грани исчезновения. Нынешнее возрождение аюрведы – результат своего рода «операции» с антиколониальной направленностью, в результате которой древней индийской мудрости все же удалось «пришить обратно» одну из рук, которую ей почти совсем оторвали.

Аюрведа, как и все индийское, родилась из легенды. Брахма, бог-творец, установил правила, соблюдение которых обеспечивает сохранение жизни. Это знание, то есть аюрведу, его помощники-полубоги доставили на землю, где его и восприняли «риши». Пример-

но в VII веке до Рождества Христова – и тут, видимо, миф начинает мало-помалу превращаться в историю – человек по имени Атрейя начал лечить больных «по аюрведе» и учить этому знанию людей в разных уголках Индии. Ученик Атрейи впоследствии первым записал основополагающие принципы аюрведы.

Большинство этих текстов были составлены в VI веке до Рождества Христова, затем дополнялись и комментировались вплоть до IV века нашей эры. По мнению некоторых историков, аюрведа пережила первый кризис с походом Александра Великого, когда в Индию пришли греческие врачи. Вторжения мусульман тоже способствовали ее упадку, но окончательно «добили» аюрведу английские колонизаторы.

Королевские наместники, приехавшие из Лондона, с их комплексом превосходства и верой в свою цивилизаторскую миссию не испытывали ни малейшего почтения ко всем этим «примитивным туземным штучкам», а вскоре и сами «туземцы», особенно из высших каст, стали активно «британизироваться». Все больше индийцев превращалось в «смуглых англичан» и понемногу забывало о своих древних традициях. Первой пострадала медицина.

Колониальный режим весьма недвусмысленно осуществлял политику подавления. В 1805 году англичане запретили проводить в Индии все традиционные формы вакцинации против оспы. В 1835 году были закры-

ты школы аюрведы; колониальные власти объявили вне закона все медицинские ассоциации, зарегистрированные индийскими докторами, и наложили вето на любую форму государственной помощи традиционной местной фармацевтике и врачебной практике. Индийцам предписывалось пользоваться только английскими медикаментами!

Еще лет сто тому назад в Индии само слово «аюрведа» произносилось с пренебрежением. Индийцы были заворожены «чудесами» западной медицины. Конечно, в деревнях, где многое из аюрведической практики веками было частью народной мудрости и где многие лекарственные растения использовались повседневно, аюрведа по-своему выживала. Но все-таки большая часть традиций была утрачена. Цепочка знаний оборвалась.

Повторное открытие аюрведы начинается в конце XIX века вместе с антиколониальным движением. Возвращение к общедоступному траволечению вместо применения дорогих английских лекарств становится символом мощного движения за независимость.

П. С. Варрьер был одним из инициаторов возрождения аюрведы в национальном духе. Он хотел помочь беднякам своего края и понял, что сделать это можно только при помощи местных средств. В 1902 году Варрьер основал больницу, из которой впоследствии выросла нынешняя.

Однако традиция была прервана, и то, что спасение запоздало, все еще сказывается на судьбе аюрведы. Даже после обретения независимости она не получает ожидаемой государственной поддержки. Только пять процентов бюджета на финансирование здравоохранения направляются на поддержку аюрведической медицины. На научные эксперименты выделяются крохи, и до сих пор нет никакого контроля со стороны правительства за качеством аюрведических препаратов, изготовляемых в стране.

Но, как говорится, земля круглая, а жизнь – качели. И пока подавляющее большинство индийцев прибегает к помощи индийской медицины, а те, кто может себе это позволить, едут в лучшие больницы Лондона и Нью-Йорка, многие люди на Западе, недовольные современной медициной у себя дома, обращаются к аюрведе и погружаются в самое чрево Индии в поисках «древних лекарств».

И одним из таких искателей был я.

Обычные фабрики исторгают гадкий дым и смрад. Фабрика при больнице была исключением и круглосуточно наполняла воздух ароматом целебных трав. Когда меня привел туда другой молодой врач, девушки-работницы в красивых желтых сари выходили из ворот – окончилась одна из трех смен.

Фабрика была настоящей находкой основателя. Он понял, что плохая репутация аюрведы по большей ча-

сти объяснялась низким качеством препаратов. Ведь врачи перестали приготовлять их собственноручно, как в старину. Пациентам приходилось делать это самим или доверяться неопытным травникам. Таким образом, аюрведические лекарства, приготовленные как попало, вместо целебного эффекта, бывало, вызывали новые болезни.

На собственной фабрике при клинике П. С. Варрьер мог проверять качество препаратов, экспериментировать с новыми лекарствами и обеспечивать непрерывное производство.

Рожденная из наблюдений природы отшельниками и «риши», аюрведическая фармакопея состоит почти только из растений, в основном дикорастущих. Лес – великая аптека, и молодой врач, который меня сопровождал, рассказал такую историю.

Один великий учитель сказал ученикам: «Ступайте в лес и принесите мне все, что, по-вашему, может быть полезно».

Каждый что-то принес: траву, корень, кусок коры. А один ученик пришел с пустыми руками, но именно его и похвалил учитель. Юноша понял, что в лесу все полезно, а весь лес с собой не приволочешь. Этот ученик стал потом придворным врачом и одним из величайших «риши» аюрведы.

Чтобы гарантировать качество продукции, П. С. Варрьер в начале XX века создал собственную сеть сбор-

щиков. Некоторые работали даже на склонах Гималаев. Эти люди отвечали за поставку больших партий сырья. Каждая семья специализировалась на определенных растениях, и работа передавалась по наследству.

И сейчас, сто лет спустя, эта система продолжает действовать, и фабрика может производить около пятисот видов лекарств, причем некоторые состоят из более полусотни ингредиентов.

Проходя мимо мешков, молодой врач говорил мне, откуда доставлен каждый и сколько стоит его содержимое. Дороже всего – 6 000 рупий за килограмм, больше 100 евро, – оказалась некая разновидность кокоса, который растет только на Шри-Ланке.

Мы прошли через комнату, в которой большие колеса, вращаемые электричеством, измельчали травы и еще нечто странное – врач объяснил, что это продукты животного мира. Тут были даже оленьи рога и разные морские раковины.

Самым внушительным местом была большая комната, в которой травы варились в больших котлах. Перед каждым котлом – а было их десятка два – стоял полуголый человек в «доти», подоткнутом до колен, и помешивал длинным деревянным черпаком черное варево, над которым поднимался густой душистый пар. Каждое снадобье предназначалось для лечения определенного недомогания.

Среди болезней, которые удавалось лечить особен-

но успешно, молодой врач назвал артрит, остеопороз, псориаз, спондиллез, последствия инфаркта, параличи, вызванные тромбозом, проблемы с суставами и кожные заболевания. Во многих случаях лекарства выписывались вместе с массажем на ароматических маслах тоже с этой фабрики.

На ходу молодой врач пояснял, что в аюрведе лекарства подразделяются на девять категорий в зависимости от того, как перерабатываются травы и в каком виде их применяют: в виде масла, порошка, мази или настоя. Я не особенно прислушивался, но моя рассеянность вмиг куда-то улетучилась, когда я услышал такие слова: «… потому что одни лекарства разводят водой, другие спиртом, третьи – коровьей мочой…»

– Что, и в моем тоже есть коровья моча? – в шутку спросил я.

Он замялся.

– В вашем?… Туда входят травы и… в общем, прочее, – сказал он, будто желая меня успокоить. Но подозрение не рассеялось.

Куда бы мы ни зашли – в каждом отделении, в каждом кабинете на стене висела фотография основателя. Он был здесь героем, его имя упоминали по всякому поводу. Правила, им установленные сто лет назад, никто не отменял. Если, например, один из 1600 работников допускал ошибку, его увольняли, но на это место тут же брали его жену или сына, чтобы не пострадала

семья.

Мы заглянули в аптеку, где пациенты, выстроившись в длинную очередь, каждый с рецептом в руке, дожидались лекарств. Потом меня завели в комнату поменьше – там готовили особые препараты.

– Вот это входит в состав вашего лекарства, – сказал главный фармацевт, доставая флакончик.

Это было желе. Я попросил, чтобы мне дали попробовать. Взял ложечку, но, прежде чем поднести ее ко рту, инстинктивно понюхал. Запах был пренеприятный. Подозрение понемногу обретало реальные очертания. Да, это был запах коровьей мочи.

Я пристал с расспросами, но все в один голос твердили одно: мол, желе приготовлено из трав, варили его специально для меня по специальному распоряжению главврача, в продаже такого препарата нет.

Не спорю, сама по себе мысль мне нравилась: лекарство, изготавливаемое «по индивидуальной мерке», причем, скажем так… абсолютно натуральное. Ну а что может быть натуральнее, чем коровья моча?…

После осмотра фабрики я пешком вернулся в центр Коттакала, чтобы отправить еще одно электронное письмо Анджеле. И снова воспользовался любезностью инженера-мусульманина, чтобы написать пару строчек Манджафуоко: хотелось рассказать ему, как далеко я забрался – на этот раз ради снадобья на коровьей моче!

Молодой инженер был рад видеть меня снова: ему хотелось поговорить со мной о Керале; по его словам, он был очень привязан к этим местам. Он рассказал о древнейшей школе боевых искусств, в которой воинов обучают управляться с длинным мечом. С ним воин-одиночка способен одолеть сразу несколько врагов. Другой примечательной особенностью этой школы было обучение уникальным навыкам рукопашного боя. Овладевший этим искусством мог парализовать противника одним прикосновением руки или нажатием пальца. По словам инженера, именно под влиянием этой школы, в которой обучались и японцы, несколько веков назад родилось каратэ. Отсюда родом и катана – самурайский меч. К сожалению, и эта традиция, смесь боевых искусств и магии, была утрачена с появлением огнестрельного оружия.

Чем-то он был похож на меня, этот молодой инженер-мусульманин. Современный, но с ностальгией по прошлому. Мы с ним проговорили больше часа, и перед моим уходом он предложил снова проверить почтовый ящик. Там меня ждало письмо от Манджафуоко, которого явно позабавили мои сомнения.

«Ну разве это не чудесно? – писал он. – Только представь себе: обычная корова пописала утром, а тебе стало легче… Кстати, коровья моча – это еще цветочки; разве мы, гомеопаты, не готовы использовать туберкулезную мокроту, гонорейную слизь, псориазные

струпья, сифилитические выделения, слюну бешеной собаки!!! И что же, ты все еще веришь в свои предрассудки? Думаешь, это хуже, чем антибиотики?…» Словом, он считал, что можно этому довериться.

Я вернулся в больницу, раздумывая над «и ты все еще веришь?…»

Вера. Я тоже считал, что вера – важная вещь, и это при том, что я вовсе не Нильс Бор. У великого физика над входом висела подкова. Как-то коллега его спросил:

– Но ты, надеюсь, не веришь в эту чушь?

– Ясное дело, нет, – ответил великий физик. – Но она приносит удачу даже тем, кто не верит.

Такому большому ученому следовало бы знать, что удачу приносит не подкова, а вера в нее. Это, на мой взгляд, факт, скажем так, подтвержденный наукой.

Настрой больного имеет невероятно важное значение в борьбе с болезнью, с такой, в частности, как рак. Никто не может толком этого объяснить с точки зрения науки, но сознание способно дать команду иммунной системе, чтобы та «выполнила свой долг». Иногда у меня возникало ощущение, что это действительно работает. В Нью-Йорке я чувствовал, что фосфоресцирующая жидкость помогает. Но коровья моча?…

День подходил к концу, и у больницы снова готовились к представлению. Под большим соломенным навесом собиралась живописная толпа: семьи с детьми,

старики, с трудом держащиеся на ногах; почетные гости, которых тут же учтиво усаживали. Актеры повторяли роли; кто-то, застыв на корточках у стены, погрузился в медитацию.

У входа в маленький храм, посвященный богу Вишвамбхаре, установили по бокам два прекрасных, только что срезанных ствола банана с гроздьями плодов.

Некоторые старики бродили по двору, зажигая масляные светильники: и маленькие каменные, вделанные в стены, и большие латунные, в форме ветвистого дерева. Запах горящего кунжутного масла смешивался со сладкими волнами ароматов фабрики. Крики играющих детей перекрывались трелями дудочки, на которой играл разряженный старик, славящий слона. Играл он так мастерски и самозабвенно, будто сам завороженный собственной мелодией. Рядом женщина в темной шали, присев у стены, гадала по руке какой-то девушке.

Звуки, огни, запахи, картины: все будто из другой эпохи. Во всем окружающем было что-то глубоко настоящее, неподдельное; какая-то сила, которая, я это чувствовал, способна помочь. Но поможет ли она мне?

Это сомнение огорчало меня, как огорчала и уверенность, что в мире меня уже не ждали настоящие открытия. Поворачивать назад в поисках утерянной мудрости было бессмысленно, так как нет золотого про-

шлого, куда можно было бы вернуться в поисках решения наших сегодняшних проблем, или лекарства от наших нынешних недугов. Для того, кто идет к мудрости, нет коротких путей. Единственный выход, Свами прав, в нас самих, и единственное открытие, которое мы можем сделать, то, что каждый из нас и есть тот самый «потерявшийся десятый».

Наша больница была подходящей для индийцев: без претензий, недорогая, она дарила надежду и облегчала страдания. Люди приезжали сюда издалека; в чистой обстановке их обслуживал опытный и умелый врач, иногда даже бесплатно. Они получали лечение, в которое верили, потому что оно было частью их жизни. И пусть это даже была коровья моча – что ж тут такого, ведь корова в конце концов священное животное! Это был их мир, с их травами, их богами. Мне бы тоже очень хотелось поверить – но, как я ни старался, мне так и не удавалось убедить себя, что здесь я найду настоящее лекарство.

А вот старый сикх, мой сосед, казалось, нашел. Накануне я видел его в постели, в окружении флаконов и пузырьков. Сегодня он сидел, счастливый, рядом с сыном и, словно в трансе, наблюдал за представлением, в котором, возможно, видел Последнюю Реальность. Что ж, ему можно было позавидовать.

Вернувшись в свою комнату, я обнаружил записку от директора: он приглашал меня к семейному обеду.

За мной заехал внук главврача – тоже Варрьер и тоже врач. Для начала он ознакомил меня со своим жилищем. Мы вошли через двери, над которыми были изображены символы разных религий, включая исламский полумесяц и христианский крест. Это был даже не дом, а какой-то средневековый замок со множеством комнат и несколькими двориками; здесь вместе жили три поколения. Комплекс вырос из деревянного дома, построенного основателем в 1926 году. Его прах хранился в часовенке посреди цветущей клумбы, во дворе стояла его мраморная статуя, так что присутствие основателя ощущалось повсюду.

Гостиная была полна играющих детей. Женщины сидели на диване у стены, увешанной черно-белыми фотографиями основателя и его потомков.

В кухне стоял чад. Двенадцать поваров, прибывших на подмогу обычным трем, хлопотали у старых чугунных котлов, в которых готовился ужин. Молодые помощники поддерживали огонь.

Столовая выходила во внутренний дворик, в центре которого, будто на алтаре, стоял большой керамический горшок, а в нем рос куст «тульей», растения, которое во всей Индии почитается как священное. Когда-то и мы ему поклонялись, просто забыли об этом.

«Тульей» – родственник базилика. В аюрведических текстах его описывают как «растение, которое открывает сердце и разум, пробуждает энергию любви и пре-

данности». Индийская традиция полагает, что в «тульей» содержится ртуть – сперма Шивы, поэтому это растение способно передать тому, кто его ест, силу чистого знания. В Индии «тульей» – неотъемлемая часть быта, у каждой семьи дома есть кустик. Считается, что он очищает жилище и приносит удачу женщине, которая за ним ухаживает.

На Западе, особенно в Италии и Греции, базилик в древности тоже считался священным. Легенда гласит, что базилик вырос на могиле Христа и обладает скрытыми свойствами. Женщины прежде клали его в шкафы, чтобы отгонять моль, и до сих пор у миллионов индийцев принято ежедневно съедать листик базилика, чтобы защититься от болезней. И в православной традиции базилик является добрым символом. Память о былой славе базилика осталась в некоторых европейских языках: по-французски и по-немецки базилик называют «королевской травой».

Прозвучал гонг – сигнал садиться за стол. Мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. Меня усадили на почетное место, рядом с главврачом. Места были сервированы не тарелками и столовыми приборами, как у нас, а банановыми листьями и медными стаканами. Несколько стариков, одетых в белые «доти», держась свободно, но с достоинством, вошли в комнату, неся сверкающие ведра с едой, и стали обходить собравшихся. Погрузив черпак в ведро, они выклады-

вали на банановые листья порцию риса и чечевицы с соусом из кокоса и манго. Еда была вегетарианская, есть полагалось руками. Воду, заверил меня главврач, предварительно отфильтровали и прокипятили. Кушанье сдобрили травами.

Вокруг себя я видел прошлое и будущее больницы: старые врачи, правнуки основателя, внуки и правнуки правнуков, многие из них еще дети. Настанет день, и они тоже станут врачами, будут жить в том же доме, работать в той же больнице. Завидная преемственность.

Возле кухни были два ряда столиков для актеров и музыкантов, и те же старые слуги накладывали им угощение из тех же ведер.

Главврач слышал, что я настойчиво пытался узнать состав моего лекарства. Хорошо: через внука он передаст мне латинские названия всех ингредиентов. Потом, словно отвечая на вопрос, который я задавал ему только мысленно, сказал: «Да, желе представляет собой комбинацию травы „сахадеви“ с обезвоженной коровьей мочой». Он остановился. Я выдавил из себя улыбку. Он продолжил свои объяснения. Дело в том, что моча каждого животного обладает особыми характеристиками, а коровья моча как нельзя лучше подходит именно к моему случаю. Что касается качества продукта, мне не следует беспокоиться. Здесь коров разводят специально, чтобы получать от них навоз и мочу. Недавно они наняли собственного травника, по-

тому что заметили, что некоторые важные растительные компоненты в природе находятся на грани исчезновения из-за загрязнения окружающей среды и беспорядочной рубки леса.

П. К. Варрьер был по-своему учтив, я никогда не видел, чтобы он улыбался, и посчитал, что вряд ли уместно продолжать расспросы о коровьей моче – тем более за столом. Я спросил Варрьера о его личном видении аюрведы, и мне показалось, он сразу почувствовал себя в своей тарелке.

Аюрведа не столько медицина, сколько философия жизни, потому что у нее, кроме всего прочего, есть и этическое измерение, еще потому, что цель ее – помочь человеку достичь духовного предела. Поэтому аюрведа предписывает соблюдать дисциплину – физическую и моральную. По словам Варрьера, единственная гарантия здоровой жизни – во внутренней силе пациента.

Возвращаясь к моему случаю, он несколько раз повторил, насколько важно, чтобы все было «правильно»: еда, сон и секс. Ко всем этим аспектам я должен подходить в высшей степени сознательно, обращая внимание на то, как, где, с кем, когда и в каком душевном состоянии я ем, сплю и так далее.

Он знал, что я приехал из гурукулама, что я – ученик Свами, здесь к нему относились с большим почтением, и решил, что может быть со мной откровенным.

– Разве цель познания, – спросил он, – не в том, чтобы понять природу, жить по ее правилам и совершенствовать жизнь? Нужно понять место людей во Вселенной, в каких отношениях мы находимся с различными космическими явлениями, чтобы вести себя дисциплинированно, избегать несчастий и способствовать благополучию всех живых существ. Если мы самих себя не знаем, то как же мы познаем мир?

Я ничего не сказал, хотелось, чтобы он продолжал.

– На Востоке именно это всегда было смыслом познания. Да и у вас, на Западе, тоже, но это было до Микеланджело. С тех пор ваша наука познает мир лишь затем, чтобы использовать его только в корыстных целях, и вы сбились с пути. Да, сейчас проводится много исследований, но ради чего? Ради того, чтобы обнаружить богатства, сокрытые в природе, овладеть ими и превратить в товар. Вот в чем причина абсолютно неравномерного, негармоничного прогресса на Западе и причина вашего морального упадка.

Это звучало так, будто он не беседовал со мной, а размышлял вслух.

– Индустриальное общество, – продолжал он, – внедрило конвейер для сборки агрегатов из отдельных частей и понуждает медицину рассматривать человека тоже как набор деталей, не придавая значения таинственной, незримой силе, которая входит в организм в момент рождения и покидает в момент смерти. Толь-

ко с промышленной революцией родилось абсурдное стремление объяснить Вселенную с позиций механики.

Браво, мой милый старый П. К. Варрьер! Я был готов подписаться под каждым его словом. Но следует ли из этого, что я должен пить коровью мочу?

Вот так всегда, сплошные противоречия. С одной стороны, мне было интересно, индийский способ рассуждать о мире меня завораживал. С другой стороны, мне давно не давало покоя одно сомнение: а что если в Индии разговоры эффективнее лекарств?

Старые слуги все кружили вокруг стола, предупредительные и ловкие, предлагая гостям новые порции еды. Трепещущие огоньки масляных плошек за окнами, звуки, доносившиеся снаружи, и ароматы трав создавали вневременную атмосферу.

После ужина все мы вышли смотреть на спектакль. Меня хотели усадить в первом ряду, но я отговорился желанием лечь и затерялся в толпе, стоя наблюдавшей за действием.

Представление только-только началось. После нескольких выступлений танцовщиков и певцов на сцену вышла труппа катхакали. Она тоже была обязана своим существованием основателю-патриоту. Обустроив больницу, П. С. Варрьер подумал и о досуге сотрудников. Чтобы, как говорится в его биографии, помешать им предаваться «порокам и недостойным заня-

тиям», он решил вдохнуть новую жизнь в катхакали – старинный театральный жанр, синтез балета, оперы, пантомимы и волшебной комедии, жанр, родившийся из древних танцев, которыми храмовые исполнители рассказывали людям истории о богах и героях.

Искусство катхакали когда-то было одной из классических форм передачи народной культуры, но пришло в упадок. П. К. Варрьер способствовал его возрождению: вырастил молодых актеров, оплатил труд писателей, которые восстановили старые тексты и написали новые, создал передвижную труппу, которая объездила весь юг. На протяжении уже почти ста лет труппа ежегодно устраивает представление на площадке у больницы. Это приурочивают к апрельскому фестивалю в честь бога Вишвамбхары – покровителя аюрведы и семейства Варрьер.

Слева от сцены стояли барабанщики, способные изобразить грохот битвы, шум реки или мерное «кап-кап» воды, падающей на листья. Справа были певцы. С помощью цимбал, гонга и оркестра примерно из двух десятков обнаженных до пояса мужчин, выстроившихся в глубине сцены, они рассказывали историю и произносили реплики за разных персонажей, потому что в катхакали актерам говорить не положено – можно только изредка издавать гортанные звуки. Актеры «говорят» жестами; они передают мысли и выражают душевное состояние при помощи движений рук, подкре-

пляя их мимикой и вращая сильно подведенными глазами, которые кажутся неестественно большими на ярко накрашенных лицах. Грим у персонажей разный: зеленые лица – у персонажей из верхней Вселенной, так называемых дэва, естественного, телесного цвета – у женщин и мудрецов, красные и черные – у злых демонов «асура», обитателей нижнего мира.

Яркие, очень широкие юбки (на каждую уходит более пятидесяти метров ткани) придают величие движениям актеров. На руках и ногах позвякивают браслеты, украшенные самоцветами, на шеях золоченые цепочки, пальцы, удлиненные специальными насадками, добавляют выразительности движениям рук.

Все истории, которые показывали на сцене, были взяты из «Махабхараты», «Рамаяны», «Гиты» и Пурани. Историю, которую показывали в тот вечер, я тоже знал: Шива женится на Сати, но ее отец этому не рад. Зять кажется ему несолидным: длинноволосый, тело посыпает пеплом, разгуливает в каком-то диком виде – со змеей вокруг шеи и полумесяцем во лбу. Тесть стыдится такого родственника, и, когда приходит время устроить большой праздник, жертвоприношение богам, он просто не зовет на него Шиву. Сати этим обижена, но отец все не унимается и, наконец, позволяет себе дурно отозваться о Шиве при гостях. Сати, не в силах снести оскорбления, покончила с собой, бросившись в жертвенный огонь.

Шива узнает об этом и приходит в ярость. Явившись на праздник, он отсекает голову тестю, берет на плечи останки Сати и мечется по свету, круша все на пути. Обеспокоенные боги идут к Вишну, чья роль – поддерживать порядок во Вселенной, и умоляют его вмешаться. Вишну убеждает Шиву успокоиться. Он говорит ему, как поступить с телом возлюбленной. Летающим смертоносным диском, оружием Вишну, Шива рассекает тело Сати на пятьдесят одну часть. Там, где они падали на землю, воздвигаются величественные храмы.

Таким образом, сейчас в Индии насчитывается пятьдесят одно святилище, и каждое посвящено какой-нибудь части тела прекрасной Сати. Есть храм, посвященный ее языку, есть храм, посвященный ногам. Храм, посвященный «йони», «женскому детородному органу», как пишут в путеводителях для иностранцев, находится в Гувахати, столице Ассама. Невероятно: храм в честь вагины воздвигнут на берегу единственной большой реки с мужским именем Брахмапутра! Я как-то был там. День был праздничный, и сотни верующих вели жертвенных коз, было много детей и бесплодных женщин, чтобы получить благословение. Сцена была в духе Данте: из храма, прекрасного каменного здания X века, лестница спускалась в полумрак ко влажному мрачному отверстию – влагалищу Сати. «Венерин холм» был накрыт красной тканью и люди лили туда воду, бросали деньги и цветы. Запах был

удушающий, религиозный экстаз переходил в истерику, голоса молящихся снаружи сливались в мощном хоре – истовые, страстные.

История Шивы и его невесты, которая после трагического конца возродилась как Парвати, дочь Гималаев, и стала женой своему возлюбленному, – одна из самых известных в Индии и важна для индийского коллективного сознания. Эта история породила десятки продолжений. Одна касается обезглавленного тестя: Вишну, пытаясь восстановить порядок в мире, велит, чтобы отцу Сати вернули голову на плечи. Приказ исполняют, но, по недосмотру, бедняге вместо его собственной головы приставляют козлиную.

Эпизод, когда тесть понимает, что произошла ошибка, как раз и разыгрывали актеры. Маленький человечек с рогатой головой, дрожа, стоял на коленях перед зеленолицым богом и молил о помощи. Музыка и жесты передавали чувства героев, и восторженная публика не отрывала глаз. У подножия сцены рядами сидели дети, разинув рты, и следили за происходящим. За ними расположились почетные гости, потом многочисленные женщины, а дальше, до самой каменной ограды, теснилась толпа зрителей, наблюдавших за представлением стоя. Из окон торчали десятки голов. Никто не спал; врачи и пациенты, музыканты и актеры, слуги и господа, повара, медсестры, сторожа, мамы с детьми – всех их объединила волшебная история из

жизни людей и богов.

Я тоже был очарован красотой представления и этим сказочным миром, с которым мы на Западе теперь общаемся куда реже. Сразу после войны недалеко от моего дома во Флоренции, где сейчас парковка, по воскресеньям выступали акробаты и атлеты. Время от времени там разбивал свой шатер фокусник или затевали представление бродячие комедианты. Те зрелища и чувства, которые они будили, оставили неизгладимый след в моей памяти.

Как я изменился с тех пор! Каким скептиком и рационалистом стал! Когда-то я радовался, что получил прививку от любой веры и любого суеверия. Но теперь оказалось, что я остался ни с чем. Я неспособен был чувствовать то, что чувствовали эти люди. Им эти звуки и образы говорили об очень многом, а мне ни о чем. То, что они видели внутренним зрением и слышали внутренним слухом, было более реальным, чем воспринимаемое глазами и ушами. Я же обладал только органами чувств…

Это часто ощущаешь в Индии. Со мной уже такое произошло несколькими годами раньше. Дело было в Аллахабаде, где самое гигантское скопление народа, какое я только видел в жизни, столпилось для омовения у священного слияния трех рек. Причем две реки были реальные, Ганг и Джамуна, а третья – воображаемая подземная река мудрости Сарасвати. На за-

литом солнцем песке теснились сотни тысяч людей. Мы все находились в одном месте и в одно время, но разница между нами была огромная. Я, изнемогая от зноя, брел по земле, покрытой экскрементами, остальные же, одержимые, ничего не замечая, парили где-то у райских врат.

Возможно, дело в том, что во всем заключен внутренний смысл, отличный от видимого, и в скрытом образе содержится более глубокая реальность, чем воспринимаемая чувствами. Не в этом ли смысл символов, мифов и легенд, которые позволяют преодолеть грань, заглянуть за предел видимого, ценность сказок и волшебных историй, которые мы храним с детства и к которым потом обращаемся в тяжкие минуты жизни в поисках путеводной звезды или утешения.

Таких вечных мифов, способных открыть дорогу душе, этих символов чего-то иного на Западе остается все меньше. Мы напичканы современными мифами, пришедшими к нам из мира зрелищ, моды или спорта, но мифы эти кончаются там же, где начинаются. В них нет тайны.

И все же стоит лишь посмотреть на мир другими глазами, и реальность повседневной жизни, материальная реальность, уходит в сторону, чтобы уступить место другой реальности, которую нельзя познать через ощущения, но которая не теряет от этого подлинности. Это духовная реальность – единственная, в которой

случаются чудеса, в которой люди не чувствуют боли, когда гвозди вонзаются им в руки, а клинки протыкают языки.

Такой мне показалась больница в ту ночь. Казалось, будто благодаря музыке, танцам, свету, запахам, чувству единения друг с другом, а может, и вследствие усталости этим людям удалось откинуть с собственных глаз пелену, которая мешала им видеть «остальное», переступить порог иного измерения и войти в мир другой реальности. Мне оставалось сделать последний шаг, но я не был готов отрешиться от мира – я был в нем счастлив.

Мое внимание привлекла странная музыка, доносившаяся из храма. Двое мужчин, аккомпанируя себе, один – на барабане, другой – на большом бронзовом гонге, затянули щемящую мелодию; оба раскачивались всем телом, потряхивая головой, приподнимаясь на пальцах в медленном ритме своего заунывного пения. Они были в трансе, глаза их были закрыты; их лица озарялись светом при каждом повторе припева. Я сел на землю, растворившись в этой мелодии, и подумал, что, пожалуй, нетрудно позволить своему телу подчиниться этому ритму, последовать за этими чудесными музыкантами, которые все играли и пели, не прерываясь ни на секунду, чтобы плыть вместе с музыкой, не обрывать нить, за которую, казалось, я ухватился.

Женщины, входившие в храм, подносили пальцы ко

лбу и груди, будто крестясь (и впрямь, Кришна, Христос… те же имена, те же жесты). Молодые парни склонялись, касаясь лбом земли перед святилищем, рядом «пуджари», распевая свои мантры, продолжали бросать пригоршни розовых лепестков к ногам беломраморной статуи Вишвамбхары.

Я решил было вернуться в комнату, но не смог оторваться от этого зрелища; каждая мелочь приковывала мое внимание. Вот карлик приволок два красивых бронзовых светильника, каждый больше его самого, и установил перед статуей бога. А вот слон по команде погонщика опустился на колени, затем подставил ногу и хвост, и шесть человек один за другим взобрались к нему на спину. В сопровождении сотни флейт и десятков барабанов слон со своими седоками двинулся по направлению к храму, чтобы вернуть туда божество, всю ночь пробывшее в больничном дворе.

Я остался не в силах двинуться с места, пока не выглянули первые лучи солнца и не стихло все вокруг, кроме заунывного пения, которое надрывно продолжало звучать вдали, кружа над толпой, расходящейся по домам, над слоном, с которого снимали украшения.

Я чувствовал, что не могу найти себе места. Вечное качание маятника между двумя мирами: один мир древний, который не хотелось бы потерять; другой – современный, пренебрегать которым казалось глупым. Один – колдовской, с его древними настоями,

другой – рациональный, с его современной химиотерапией.

Я позавтракал в столовой, которая к этому времени уже открылась. В голове у меня гудело. Я даже не осознавал, что ем. Потом мой взгляд упал на муху, назойливо кружившуюся над тарелкой. Более хитрая, чем другие, она решительно не хотела погибать у голубой лампы и пыталась ухватить свою долю моей манной каши с кокосовой подливкой. Я вспомнил историю Нур и ее приятеля-торговца, превращавшегося в жука. А что, если в образе этой мухи – моя «докторесса» Бринглак, Приносящая Удачу, прилетела ко мне из самого Нью-Йорка посмотреть, как тут идет мое лечение коровьей мочой, на которую я променял ее светящиеся жидкости?

Я часто вспоминал ее – прямую, сильную, собранную, душевную. Всю неделю она проводила в больнице, день за днем одно и то же – больные, проблемы, кабинеты-пеналы с кондиционерами и неоновым светом; телефон разрывается, компьютер, письма, собрания. И так день за днем, год за годом, будто время застыло, а тем временем я со всеми своими болезнями снова – и благодаря ей – оседлал свою белую карусельную лошадку.

И кто же из нас двоих после этого был серьезнее «болен»?

Внук-врач застал меня там за разговором с му-

хой. Он пришел, чтобы передать мне латинские названия трав, входивших в состав двух моих снадобий. «Сахадеви», которое использовали для приготовления желе, – это Vernonia cinerea. Другое лекарство, оно называлась… секундочку… «нимбамритхадипанчатхикхтан» и было приготовлено из пяти трав: Azadirachta indica, Tinospora cordifolia, Adathoda beddomei, Trichosanthes lobata, Solanum surratense.

Лекарства был готовы. Я зашел на завод и оплатил счет: всего 610 рупий – около двенадцати евро.

Я уехал из Коттакала утром на такси. На заднем сиденье старого «Амбассадора» меня сопровождала большая картонная коробка, а в ней старательно завернутые в газеты девять больших бутылок с лекарством, приготовленным специально для меня. В моей голове еще вертелся вопрос, буду ли я когда-нибудь это принимать, но подспудно я чувствовал, что делать этого не стану. И не столько из-за запаха, происхождение которого мне теперь было доподлинно известно, а потому, что я просто в них не верил. И как бы мне ни нравился слон, торжественно качающий головой в углу двора, каким бы чудесным он ни казался, я был убежден, что для меня (возможно, к сожалению) он навсегда так и останется просто слоном, но никак не богом.

Чудо для меня одного

Ворота ашрама закрылись за такси, я приехал «домой», и весь внешний мир с его шумом, проблемами, желаниями и радостями, о котором говорил Свами, остался где-то там. Я поставил картонную коробку под койку и вернулся к размеренному, спокойному ритму жизни, который мне был так по душе: занятия, прием пищи, «пуджа», гимны гурукулама – и еще кваканье, стрекотание, писк и щебет вокруг.

Иногда я себя спрашивал, как же я оставлю этот мирный, тихий угол и вернусь к семье – не к «семье» гуру, а к той, другой, настоящей семье, но этот вопрос не заставал меня врасплох, я был уже к этому подготовлен. Наверное, и со смертью тоже так: тело слабеет, разум начинает мыслить по-другому и, когда час настает, все кажется более приемлемым и менее драматичным, чем раньше.

> Сбросит ветхую наземь одежду с себя человек,
> Чтобы в новую, чистую ткань поскорей облачиться;
> Так и тот, кто пока пребывает в изношенном теле,
> Ради нового тела оставит его —
> Ради нового тела, что еще никому не служило.

Так говорит Кришна юному Арджуне в «Гите», объ-

ясняя ему сущность смерти. И, говоря о «джива», «том, кто живет в теле», но кого не следует отождествлять с этим телом, добавляет:

> Нет на свете такого клинка, чтоб его разрубить,
> И огня, чтобы в пепел его обратил, не найдется;
> Не зальет его бурным потоком вода и не высушит ветер.
> …Неизменный, невидимый, непостижимый —
> Вот Атман, Сокровенная Сущность твоя.
> Осознаешь себя таковым —
> И не будет причины страдать.

Одну стихотворную строчку, иногда только одно слово Свами мог обсуждать часами. Познакомив нас с Ведантой через Упанишады, вторую часть курса он посвятил в основном «Гите», которая, хронологически следуя за Упанишадами, представляет собой сокращенное изложение всего ведантического видения мира в форме диалога между Кришной и Арджуной.

Уже одно только звучание санскрита в некоторых местах текста доставляло мне глубокую радость. Иногда, когда мы читали эти тексты хором перед началом занятий, у меня возникало впечатление, что я парю в воздухе. Такое со мной случалось раньше, только когда я пробовал курить опиум в Пномпене или проникался историей на самой верхушке храма в таких местах, как Ангкор или Паган. Теперь эти стихи давали

мне подобное видение Вселенной… А люди? Великим и мелким, подлецам и героям – всем без изъятья суждена одна и та же судьба:

Как мириады бабочек ночных В огонь летят, чтоб там найти погибель, Так человек в пылающую пасть Прожорливого времени стремится…

И это происходит не потому, что люди отмечены печатью греха, не потому, что некое божество «где-то там» приговорило их, а потому, что:

Все, что рождается, на смерть обречено. Родится вновь все то, что умирает. Все это неизбежно; в этом нет Причины для страданий…

У бога «Гиты» нет своего избранного народа, он не обрекает никого на вечные муки, не приберегает для одних то, в чем отказывает другим. Такой бог мне подходил – всеохватный и вездесущий бог, для общения с которым не нужны посредники, который не посылает на землю своего представителя, сына или пророка, говорящего людям: «Он велел передать вам…» Это бог, которого каждый может видеть по-своему: в простом булыжнике или в одной из прекраснейших и высочайших горных вершин в Гималаях, такой, как Кайлаш. Мне казалось, что такое видение подходит свободному человеку, что оно родилось из чистых поисков, не преследовавших цель защитить интересы определенной расы или класса; это были поиски во имя всего человечества.

В «Гите» мне нравилось то, что, в отличие, например, от буддизма, мир ощущений не рассматривается здесь как «майя», иллюзия, или как препятствие на пути к подлинному Познанию. Веданта не отрицает мир, она отрицает только независимое индивидуальное существование. Но именно опираясь на собственное восприятие мира, каждый может открыть для себя законы, этим миром управляющие. Стоит сделать этот шаг, и мир станет пройденным этапом, он больше не нужен – и в этом смысле он «иллюзия» – так же, как не нужен восемнадцатый слон из классической истории, которую используют именно для того, чтобы объяснить сущность «майя».

Человек умирает, оставив троим сыновьям семнадцать слонов. В завещании написано, что половина должна достаться старшему сыну, треть – среднему и одна девятая часть – младшему. Сыновья не знают, как поделить слонов, счет не сходится – не делить же слона на части! Дело доходит до ссоры. «Отец наш был безумен, он не должен был оставлять нам в наследство такую задачу», – говорят они. Тут мимо проезжает на своем слоне вельможа, направляющийся в столицу. «Не ссорьтесь, добавьте моего слона к своим и поделите».

Все трое дивятся его щедрости, но делают, как им сказано. Слонов теперь восемнадцать. Старший сын берет себе половину, то есть девять, средний получает

треть, то есть шесть, а младшему достаются два слона – одна девятая. Всего выходит семнадцать. Все братья счастливы и благодарят вельможу. Тот садится на своего слона, восемнадцатого, – и продолжает путь.

Таков мир: не иллюзия, а нечто, помогающее нам произвести расчеты и признать, что вся Вселенная держится на Сознании, на Действительности или Абсолюте, на Атмане, включающем в себя все. Поэтому все-все: ад, рай, счастье, печаль, радость, само мироздание – заключено в нас.

Особенно в Веданте мне нравилось отсутствие понятия греха, тем более первородного. А раз нет греха, нет и грешников. Желания? Они не подвергаются осуждению, они – часть жизни. Кришна в «Гите», приводя много красивых определений себя самого, так и говорит: «Я – желание в сердце людей». Однако надо сознавать, что желания связаны с сансарой, с изменчивым миром, и, только перерезав эти связи, можно стать по-настоящему свободным.

Веданта современна, ибо, сама будучи знанием, не вступает в противоречие с наукой. Напротив, она рассматривает науку как нечто священное, ведь, если Бог во всем, нет различия между священным и кощунственным. «Ученые занимаются тем, что заглядывают в сознание Ишвары», – говорил Свами. Он ни в коем случае не был ни догматиком, ни фидеистом.

Свами снова пригласил меня поужинать, чтобы рас-

спросить о поездке в Коттакал. Он ничуть не удивился моим сомнениям в эффективности коровьей мочи и сказал, что хотел бы снова помочь мне. Скоро в ашрам должен был приехать один молодой врач, тоже аюрведист, о котором ему рассказывали много хорошего. Свами хотел проконсультироваться с ним насчет своего диабета и, заодно, нас познакомить.

Свами, имеющий вид древнего блаженного отшельника, мыслил в высшей степени рационально и по-современному. Это мне нравилось, но с какого-то момента стало раздражать. Все для него было вопросом логики, он не видел ничего ценного в интуиции, не оставлял места сердцу. И однажды я с изумлением подумал, что за все недели, что слушаю его лекции, он ни разу не произнес слова «любовь». Я признавал, что есть некая Реальность, которую не увидеть глазами, не услышать ушами, не пощупать руками, у которой нет ни вкуса, ни запаха. Но эта Реальность в его описании казалась мне безжизненной, состоящей из одних только слов. Слов на санскрите, переведенных на английский. При этом Свами сам не раз повторял, что «спасение не может исходить от слов». Необходимо глубоко прочувствовать эти слова, «прожить» их, но у меня это не получалось. Я слушал слова, но ими не проникался. Я наслаждался поэтичностью текстов, но не чувствовал при этом, что у меня открывается «третий глаз».

В общем, подступил кризис. Я ощутил его приближе-

ние однажды вечером, сидя в маленьком дворике перед моей комнатой, когда погасли огни. Стоял летний вечер, совсем как во времена моего детства в Орсинье. Вдали слышался девичий смех, на безлунном небе сверкали звезды; то и дело во тьме вспыхивали фары грузовика, взбирающегося к старой английской метеостанции в горах Нилгири. Горы были окутаны чарующей синевой. Вдали на склоне горели костры. Я скучал по миру, мне его не хватало. После нескольких недель в ашраме такая изоляция стала для меня неестественной. Я чувствовал, что мне все труднее сосредоточиться, что внутри меня растет желание вырваться на волю, узнать, над чем смеются девушки, почему горят костры – не местный ли это обряд?…

В конце концов при всем моем любопытстве, при всей моей тяге к «иному» я был и оставался европейцем. Я чувствовал, как во мне растет разлад между нашим взглядом на мир и индийским. Для нас высшая ценность в жизни – сама жизнь, для них это «нежизнь», противопоставление жизни. «Мокша», освобождение от новых рождений, – главное стремление этой цивилизации. Будучи «шиша», я обязан был стремиться к отрицанию жизни, но она со своими радостями так меня влекла! Я понимал, что радость – обратная сторона страдания, понимал значение борьбы с желаниями. Мне нравились отрешенность, но не безразличие.

Я был убежден, что в моем возрасте хорошо насла-

ждаться потоком и со стороны, сидеть на берегу, любоваться водой, слышать ее журчание. А в ашраме это было невозможно.

Однажды за обедом ко мне подсел один из самых пожилых «шиша», кардиохирург из Хайдарабада.

– Анам-джи, что ты знаешь о пирамидах?

– Пирамидах?…

Мое удивление его подхлестнуло. Почти забыв о еде, он принялся мне объяснять, что пирамиды – не только египетские, но и вообще всякие, маленькие или большие, из камня или чего-нибудь еще, обладают таинственной силой, природу которой только предстоит понять. Он, например, вот уже несколько месяцев пользуется одной и той же бритвой, которая не тупится, потому что после бритья он кладет ее под маленькую фетровую пирамидку. Еще у него есть пластиковая пирамидка, которую он надевает на голову, как шляпу, когда медитирует, и еще маска на глаза, вроде тех, что дают в самолетах, но в форме пирамиды, в ней лучше спится.

Он сказал, что в сорока километрах от ашрама находится «очень мощная» пирамида, построенная несколько лет назад. Мы могли бы съездить туда, оплатив такси пополам. Его, как врача, в первую очередь интересовали целительные свойства пирамид.

Целительные? Это интересно! Я вспомнил, как Манджафуоко обмолвился как-то раз, что в его отношениях

с классической медициной появилась первая трещина, когда в Перу и Колумбии он увидел, что сельскохозяйственные факультеты изучают возможности пирамид в борьбе с вредителями растений. Это выглядело шуткой, но действовало. Вреда от пирамиды не было, а обходилось дешевле, чем ядохимикаты.

Я сказал кардиохирургу, что поеду. Он, довольный, что нашел союзника, так сказать, «аспиранта-пирамидолога», извлек из сумки книгу, которую мне непременно следовало прочесть, чтобы подготовиться к поездке. Причем и сама книга была в виде пирамиды.

Прошло несколько дней. Однажды вечером во время сатсанга, Свами объявил, что завтра занятий не будет. Он едет в Бомбей читать лекцию группе промышленников, которые частично спонсировали наше пребывание здесь. Тема лекции – «Как избежать стресса в современной жизни». Мы воспользовались этим выходным, чтобы посмотреть на пирамиду. Зная, что Сундараджана очень интересует все, что связано со всякими «сверхъестественными возможностями», я пригласил и его. Итак, втроем мы погрузились в старенький «Амбассадор» и взяли курс на пирамиду.

Но и она, пирамида, оказалась… индийской! Маленькая, сиротливая, в окружении нескольких пальм, которые были посажены здесь для «египетской атмосферы», сложенная из простых камней, она стояла неподалеку от частной школы с английским названи-

ем «Перке». Две толстых трубы, обернутых блестящей алюминиевой фольгой, торчали над ее верхушкой, нарушая естественность формы и всю мистику.

– Это трубы кондиционера, который нам пришлось установить к приезду Учителя Хоа Кок Суя, – сказали нам.

– Кого-кого?

– Учителя Хоа Кок Суя, основателя пранотерапии. Это великий целитель, он открыл систему лечения, невероятно эффектную. Сейчас он в Маниле, на Филиппинах.

Еще один целитель? На всякий случай я записал имя.

Сила пирамиды, как объяснил нам наш гид, заключается в ее способности собирать и хранить «космическое излучение». Благодаря ему внутри пирамиды происходят невероятные вещи: бритвы затачиваются сами собой, еда долго не портится, медитирующие достигают небывалого сосредоточения.

Поскольку все мы трое приехали из ашрама, где медитация была частью распорядка дня, нам тут же захотелось испробовать на себе это редкостное свойство пирамиды. Результаты были, скажем прямо, не блестящие. Кондиционер, установленный ради знаменитого мастера пранотерапиии, побывавшего здесь за несколько недель до нашего приезда, уже успел сломаться, и в пирамиде можно было задохнуться от жа-

ры. Те самые космические лучи, которые согласно пирамидологической литературе, оказали огромное воздействие на многих знаменитостей, начиная с Наполеона, на меня влиять никак не хотели. Я первым вышел наружу.

Строитель пирамиды, он же директор школы и автор той самой «пирамидальной» книги, которую кардиохирург заставил меня прочесть, принял нас с важностью в кабинете за столом, подписывая документы. На стене висел лозунг школы, выведенный крупными буквами: «Я горд тем, что учусь здесь. То, что сможет мне дать эта школа, даст Индия. То, что не сможет дать Индия, даст мир».

– Школу основали англичане? – спросил я.

Но нет, он сам основал эту школу тридцать лет тому назад на собственной земле. Что касается названия «Перке» – это инициалы его пятерых детей в порядке рождения.

Рама Ранганатахан, моложавый и подтянутый в свои семьдесят три года («только благодаря могуществу пирамиды!», – заметил он) раньше работал в текстильной промышленности. Однажды он отправился на корабле в Европу. Во время стоянки в Порт-Саиде Рама помчался к пирамидам, с тех пор они стали его страстью. Он о них читал, потом сам о них писал. И в 1992 году он построил свою собственную пирамиду в память об одном исключительном событии. Когда-то, при

помощи надлежащей «пуджи», здесь был положен конец семилетней засухе. Для участия в богослужении съехались сотни людей, которые три дня и три ночи непрерывно читали магические мантры, вызывающие дождь. К концу третьего дня дождь, наконец, пролился и это был настоящий ливень. Вот как раз в том месте, где проводилась «пуджа», в «самом священном месте в школе», возвели пирамиду. В фундаменте ее забетонировали тысячи листков бумаги, упакованных для лучшей сохранности в целлофан. На этих листках слово «Рам», «имя Господа», было написано один миллион двести тысяч раз. «Я только шофер, а Он, – сказал директор, указывая на небо, – указывает путь. В конце концов Он – владыка всего».

Директор был также знатоком «васту» – индийской версии фэн-шуй, китайского искусства правильно ориентировать дом и обставлять комнату с учетом сил природы.

Ему действительно удалось превратить свое сооружение в прибыльное предприятие. С годами пирамида стала местной достопримечательностью, слава школы ширилась. Когда-то учеников было несколько десятков, а теперь перевалило за две тысячи, а в магазине-музее, который, казалось, посещают больше, чем саму пирамиду, продавались самые разнообразные ее варианты «для индивидуального пользования». Особенно заинтересовала моего товарища, кар-

диохирурга, деревянная разборная пирамида из четырех частей. Предполагалось, что в ней человек может спать… и «лечиться от разных болезней», сказал директор.

Я промолчал, а вот кардиохирург очень заинтересовался. От каких же именно болезней можно излечиться в пирамиде?

– Мой шурин, например, уже был записан в очередь на шунтирование, – сказал директор, – но он захотел испытать пирамиду. Ему сразу же стало лучше, и теперь он отказался от операции.

На какое-то мгновение показалось, что все это какой-то спектакль: кардиохирург посещает пирамиду и тут – какое совпадение – ему тут же рассказывают о чудесном исцелении больного-сердечника.

– Где же сейчас этот шурин? – спросил я с некоторым налетом былой журналистской бойкости.

Шурин жил километрах в двух от школы. Когда мы явились к нему (можно было подумать, что спектакль продолжается, но нет, все произошло случайно!) он читал, лежа на кушетке внутри пирамиды, стоящей у дверей дома. Одна стена была подъемной, чтобы проникнуть в пирамиду.

Шурину было лет шестьдесят пять, и он нисколько не походил на больного. Он рассказал свою историю кардиохирургу, ответил на его вопросы, а в конце заявил, что теперь, чудом излечившись под воздействи-

ем пирамиды, он ни за что не согласится на операцию. Еще он недавно прочитал об американском исследовании, показавшем, что после операции на сердце люди теряют способность любить и ощущать любовь других. Иными словами, шунтирование подавляет часть мозга, которая ответственна за эти чувства, а он предпочитает умереть, не разучившись любить.

Мог ли я ему возразить? Особенно после того, как шурин, выглянув из пирамиды, где теперь он дневал и ночевал, процитировал чью-то фразу, которая подходила для всех: «Мерило достоинства человека – не то, как он умирает, а то, как он жил».

На обратном пути Сундараджан с кардиохирургом, не умолкая, говорили о пирамиде. Оба были в восторге. Сундараджан со своим алым кружочком на лбу и тремя полосками сандаловой пудры в изумлении таращил глаза, и без того огромные. Он был убежден в сверхъестественной силе пирамиды. Ему уже была хорошо известна сила мантр, он привел в качестве примера магическую формулу, которую следует повторять, чтобы немного продлить жизнь умирающему, и еще ту, которую надо напевать во время свадебного ритуала, чтобы первенец у новобрачных был мальчиком. Кардиохирург с ним соглашался, но с небольшой поправкой – он полагал, что эффективность мантр очень зависит от того, кто их использует. «Это как с антибиотиками, – сказал он, – их нельзя давать всем под-

ряд и помогают они только в определенных случаях».

Я слушал их и смотрел в окошко «Амбассадора», за которым проносилась мимо все та же ужасающая Индия. «Как же так получается, – думал я, – что при всем могуществе мантр (и пирамид!) Индия – страна с одним из самых высоких в мире показателей детской смертности, с угрожающим процентом заболеваемости туберкулезом, страна, в которой ежегодно, несмотря на „пуджи“, способные вызвать дождь или прекратить его, тысячи людей умирают из-за последствий засухи или наводнений?… Может, именно из-за этих несчастий возникает необходимость в мантрах, „пуджах“ и во всей этой поэзии. Или все наоборот и все так ужасно именно из-за того, что все только и делают, что повторяют мантры и молятся?»

В директорском музее-магазине мы купили себе по пирамидке. Моя была из голубой пластмассы; пару раз я попробовал медитировать с пирамидкой на голове, после чего она отправилась под койку, к лекарствам из Коттакала.

Я стал отлынивать от групповой медитации. Вместо этого шел куда-нибудь на природу, иногда даже писал пейзажи дешевыми акварельными красками, случайно купленными в магазине канцтоваров в Коимбаторе. Когда-то в детстве я довольно много рисовал. Особенных успехов не добился, но мне нравилось и нравится до сих пор это занятие – пытаться передать на бумаге

даже не то, что я вижу, сколько то, что чувствую.

Однажды на закате я сидел на «своем» холме и рисовал стога сена, разбросанные в долине внизу. Я думал, что я один, но тут ко мне подошла женщина с нашего курса. Я давно заприметил ее: она всегда держалась в стороне, одинокая, очень худая, изящная, видно было, что ее что-то мучает.

– Ничего, что я смотрю?

Затем мы вместе стали разматывать интереснейший клубок совпадений и общих интересов. Она слышала, что я ездил в Коттакал, и догадалась, что у меня проблемы со здоровьем. Были они и у нее. Десять лет назад ей поставили неутешительный диагноз. Речь шла о неизлечимой болезни. Западная медицина убила бы ее еще скорее, чем сам недуг. От кого-то она услышала о маленьком натуропатическом центре, который держала одна супружеская пара в штате Андхра-Прадеш. Из последних сил она поехала туда. Никогда в жизни она не видела более убогого места, но там ее выходили, и она осталась жить. Она порвала с Дели, со своей семьей – состоятельной, это сразу бросалось в глаза – и поселилась в том центре…

– Самая важная фаза лечения, – объяснила она мне, – это анализ состояния больного. Иногда приходится беседовать часами, чтобы определить, как применить единственное настоящее естественное лечебное средство: голодание.

– Голодание лечит, – говорила она, – но необходимо точно определить, сколько оно должно длиться, сколько воды нужно пить и с какими добавками; например, с медом и лимоном. Никаких фруктовых соков. Голодание заставляет тело сжигать дотла все ненужное, разросшееся, лишнее, вредное, все просроченные запасы, а все полезное остается нетронутым. Голодание не отнимает силы у тела, наоборот, оно помогает экономить энергию, которая иначе будет потрачена на переваривание пищи. В период голодания нужно быть предельно сосредоточенным. Нельзя ни читать, ни писать. Можно только медитировать.

В сущности, объяснила мне она, речь о том, чтобы заботиться не только о теле пациента, но и о его психическом состоянии и особенно его духовном уровне. «В конце концов речь идет о вере в Бога. Все болезни излечимы, но не все пациенты», – сказала она.

Я рассказал ей о Коттакале и спросил, что бы она сделала на моем месте с лекарствами, что у меня под кроватью.

– Принимай их, но только если убежден, что они тебя излечат.

В общем, я опять вернулся на исходные позиции. А потом, если лекарство не поможет или даже повредит, виновата будет не коровья моча, а я сам от неверия! Это мы уже слышали.

Она пригласила меня навестить ее в деревне в Ан-

дхра-Прадеш. А если для меня это слишком далеко, я могу получить представление о натуропатии, посетив знаменитый центр неподалеку от Бангалора.

И я взял адрес.

Постепенно я осознавал, что мир ашрама, который казался столь уникальным, таким необычным, не так уж, в сущности, отличается от мира внешнего. Люди, вначале искавшие здесь одиночества и поглощенные занятиями, со временем стали тянуться друг к другу, сбиваться в группки, общаться. Один из членов «бригады пенсионеров», узнав о нашей поездке к пирамиде, обиделся, что его не пригласили. Припомнив, что я молчал целую неделю, он вознамерился после окончания курса непременно отвезти меня к своему Муни Бабе – старому «садху», молчавшему уже двадцать лет.

Ашрам был моделью общества, и вскоре я разглядел в нем те же процессы, что и в обществе за его стенами. Женщины сдержанно, с любезными улыбками, но упорно отстаивали право прислуживать приезжающим в гости «свами». Многие «шиша» соревновались, кто задаст на «сатсанге» вопрос помудренее.

Тот, кто думает, что, переступив порог ашрама, он ушел от ловушек жизни, ошибается. Конечно, здесь тебя не достанут налоги, телефонные счета, приглашения на ужин от человека, которого ты избегаешь, но и тут неуловимо присутствуют обязательства, возникает напряженность между людьми. Здесь, к примеру, ты

считаешь себя обязанным присутствовать на «пудже» или борешься за место поближе к ногам Свами. Ашрам тоже мог стать своего рода ловушкой. Это было убежище, которое предлагало защиту и гарантии, но при этом, как это всегда бывает с защитой и гарантиями, ограничивало свободу.

Здесь я многому научился, здесь ко мне пришли новые мысли. Я чувствовал себя частью гурукулама, но провести остаток жизни в ашраме, учить священные тексты, передавать их другим – это было не для меня. Я был многим обязан Свами, но явно не был рожден для того, чтобы стать его последователем.

Как-то, принимая утренний душ (система была простая: нужно было сесть на корточки перед краном в стене и плескать себе на голову пригоршни холодной воды), я почувствовал, что в меня уже въелся какой-то монастырский запах – целомудрия, безвкусной еды, безупречной жизни. И меня это обеспокоило.

Вскоре, в припадке еретической злобы я, не задумываясь, истребил целую вереницу муравьев, которые совершили налет на мою драгоценную коробку с финиками. За завтраком вместо того, чтобы съесть три больших клецки из манной крупы, которые дежурный «брахмачарья» вывалил мне в миску, я тайком подложил их своему соседу, отлучившемуся на секунду за стаканом молока. Это был один из «пенсионеров», тихий, вежливый, благовоспитанный. Вернувшись, он

пришел в недоумение. Не понимая, каким чудом его порция удвоилась, он оглядывался по сторонам, смотрел на меня, а я, гордый своей выходкой, делал отрешенный вид. В конце концов он махнул рукой и все съел.

Однажды на площадке лестницы мы увидели красивое «ранголи» – абстрактный рисунок из рисовой муки, который муравьи потом съедят. Это был геометрический узор, в котором все основывалось на числе «восемь»: восемь сторон, восемь углов, восемь внутренних линий, образующих восемь треугольников, восемь точек… а в середине белый круг, словно солнце, вокруг которого вращается мир, или ядро атома, окруженное электронами.

Это был день празднований в честь Шанкарачарьи, великого комментатора Вед, жившего в VIII веке. Занятий не предвиделось, только «пуджи». Я воспользовался случаем, чтобы подышать воздухом на воле. Решил съездить в Кунур, на старую метеостанцию, где англичане в свое время спасались от зноя долины.

Путешествие было ужасным, я ехал, как в душегубке. Грузовики и набитые людьми автобусы, взбираясь в гору, изрыгали удушливые тучи канцерогенного дыма. Мне говорили о Кунуре как об одном из самых красивых и спокойных мест в Индии, но добравшись туда, я решил, что ошибся адресом. Перед этим прошел дождь, и городок превратился в сущее болото, по

которому брели промокшие, плохо одетые, болезненного вида люди. Реклама описывала «YWCA», гостиницу, рассчитанную на молодых христианок, как «гостиницу в старинном стиле». Это действительно было строение XIX века, но ветхое и заплесневевшее, со стенами, окрашенными синей краской, которая, видимо, маскировала их плачевное состояние. А попутно и дезинфицировала. С потолков свисали лампочки без абажуров. Пол тут и там был прикрыт старыми влажными ковриками. В одном углу стояло пианино, в другом был холодный камин. За столом сидели трое молодых иностранцев-путешественников, не ответивших на мое «намасте».

С привычной бодростью человека, которого еще ждут открытия в этой жизни, я спустился к базару, и тут Кунур предстал во всем своем убожестве. Проходя мимо смердящей сточной канавы, я успел увидеть маленького мальчика, присевшего там по большой нужде, собаку, которая что-то лакала, ворона, который что-то клевал, и козу, объедающую зелень с кустика. Хуже всего был ручей в центре городка, где несколько улиц соединялись у остановки автобуса. Зловонная струя текла среди куч мусора, казавшихся живыми – столько там копошилось крыс; тут же рылись в отбросах собаки, бродили вороны, безмятежно паслись коровы и буйволы. Стайка обезьян, тощих и облезлых, у многих под животом, крепко вцепившись в материн-

скую шерсть, висел детеныш, ждала на перилах моста удобного момента, чтобы перейти улицу, по которой проносились грузовики. На тротуаре прокаженный с руками в розовых язвах чинил сандалии, сидя на джутовой подстилке.

Базар специализировался на ароматических маслах. В витринах десятка лавочек стояли рядами пыльные пузырьки с маслами – эвкалиптовым, из цитронеллы, миндальным, сандаловым, гвоздичным. Каждое рекламировалось как средство от той или иной болезни.

Ашрам, со своим браминским порядком, опрятными людьми, одетыми в белое и сосредоточенно думающими об Атмане, был сейчас далеко, и я задавался вопросом, на что же годятся все эти прекрасные идеи, если общество, являющееся их продуктом, оказывается таким нищим и жалким? Лучший способ оценить дело – это взглянуть на результат. Неужели это Веды во всем виноваты? Или колониальный режим, который уничтожил Веды, погубил и заразил сознание индийцев? Мне казалось, что я совсем запутался; в голове – ни одной из этих красивых, ясных идей, которых когда-то у меня было в избытке, когда я был молод и верил, что не только вижу проблемы, но и знаю, как их разрешать.

Я поужинал в грязной харчевне, которую держал один мусульманин. Рядом со мной молодые индийцы,

попивая сладкий чай с молоком, учились пользоваться новинкой – мобильным телефоном.

Спал я на длинной кровати, грозившей развалиться прямо подо мной, живот у меня страшно болел; мешал свет, проникавший из соседней комнаты через общую дверь. Потушить же его можно было только выключателем в коридоре, но тогда бы погасли вообще все лампы на этаже.

Позавтракал я возле пианино, муж управляющей гостиницы пришел составить мне компанию. Он окончил университет по специальности «тамильская литература», но потом переквалифицировался и стал «холистическим доктором» – так он и представился. Рынок здоровья – сейчас самый востребованный в мире, и он пытался отхватить себе кусок этого пирога, вокруг которого толпится столько аферистов и жуликов. Он занимался йогой, сиддхи, нумерологией, магнетизмом и еще Бог знает чем.

Чтобы продемонстрировать свои таланты, он вытащил целый арсенал каких-то пластмассовых штуковин для лечения болей в спине и приспособлений для точечного массажа. Была там даже маска на батарейках для массажа глаз и улучшения зрения. В Мадрасе на ярмарке, посвященной «альтернативной медицине», он скупил все новинки. Уже имеется ряд отзывов от людей, которые, по их словам, излечились от того и от этого. Список болезней, которые он якобы мог

лечить, впечатлял. Он собирался купить участок, чтобы построить «холистический центр здоровья». Бунгало для пациентов будут выстроены в форме пирамиды, ведь у пирамиды, добавил он, «уйма целебных свойств». Ему много рассказывали о такой пирамиде в школе «Перке», под Коимбаторе; он собирался съездить туда – разузнать обо всем получше.

Я мог бы рассмеяться ему в лицо или вспылить на его просьбу направлять к нему пациентов-иностранцев. Но не сделал ни того, ни другого.

За дверью я увидел молодого человека, изможденного, очень плохо одетого, по виду японца, заговорил с ним, пригласил его поесть. Я не ошибся, он действительно из Токио, ему тридцать лет. Образ жизни соотечественников, которые «работают всю жизнь, чтобы умереть», приводил его в ужас, и он предпочел «умереть, но не работать». Поэтому он и приехал в Индию. Денег у него не было, по его словам, он спал на станциях, в молельнях и храмах. Вид у него был неопрятный, болезненный, и похоже, он был уже близок к своей цели.

Когда я вернулся в ашрам, на мне нитки сухой не было. В эти края пришел муссон с его внезапными ливнями, и как раз под такой я попал. Я воспользовался случаем, чтобы устроить стирку, поменять простыни и протереть пол в своей комнате, прежде чем с новыми силами включиться в жизнь ашрама.

Уж не знаю, что спровоцировало мою старую аллергию – ядовитые выхлопы грузовиков или мерзкая атмосфера Кунура, но у меня заложило нос, глаза слезились, я непрерывно чихал. По этой причине я не пошел на групповую медитацию – все равно я бы всем только мешал. Вместо этого решил посидеть в одиночестве в своем «храме», на любимом холме. Он был открыт всем ветрам, и вид оттуда был просто замечательный. Мир, если на него посмотреть сверху, с равнодушием стороннего наблюдателя, который ничего от него не ждет и не хочет его менять, может показаться прекрасным.

Но мир проникал в ашрам, у него были свои собственные пути. К примеру, однажды сюда приехал из Мадраса один известный промышленник с семьей. Это были преданные последователи Свами и одни из самых щедрых спонсоров ашрама. Мне пришлось пообедать с ними. Потом явилось сразу человек десять, это оказались бывшие ученики Свами, которые сами став «свами», преподавали Веданту во многих индийских городах. Съехались они обсудить насущную для них тему, причем к обсуждению пригласили и меня: речь шла о массовом вовлечении индийцев в христианство. Я понял, что эта тема, несмотря на постоянно декларируемую отрешенность Свами от мирских забот, очень его волнует. Он о ней писал, говорил, разъезжая по всей Индии. А за несколько месяцев до этого нашего

обсуждения даже выступил перед комиссией ООН с речью, в которой требовал принять меры, чтобы остановить обращение в христианство населения Индии.

Он утверждал, что обращение в христианство является актом насилия, поскольку изменяет местную культуру, создавая напряженность и конфликты, которых в наши дни следовало бы избегать. Свами утверждал, что религии вообще делятся на два вида: агрессивные, миссионерские, как христианство и ислам, и те, что не вербуют новых приверженцев, как иудаизм, зороастризм или тот же индуизм. Первые – это «сильные» религии, вторые – «слабые». В условиях противостояния вторые всегда обречены на поражение. Это в первую очередь касается индуизма, который не имеет централизованной структуры и принципиально признает свободу каждого поклоняться любому богу по своему выбору и желанию и называть его любым именем.

Другие «ведийцы», предшественники Свами, придерживались иного мнения. В XIX веке великий мистик Рамакришна, который в годы своего духовного формирования провел некоторое время в мечети как мусульманин, а потом чуть было не перешел в христианство, утверждал, что все религии одинаковы. Они как вода из одного водоема, которую черпают разными ведрами и называют по-разному, но вода остается водой, как ее ни назови. Таким же терпимым был и его ученик Вивe-

кананда. Но, по словам Свами, времена изменились.

Он полагал, что католическая церковь и многочисленные протестантские секты, особенно американские, пользуются природной веротерпимостью индуизма, чтобы вкладывать огромные средства на вовлечение в христианство все большего количества индийцев. Свами считал это недопустимым. Индуизм стал жертвой настоящего нашествия. Свами не требовал, чтобы христиане покинули Индию, он признавал, что они пробыли здесь две тысячи лет и прекрасно могли оставаться еще столько же. Он только желал, чтобы они перестали разрушать индийскую культуру, как уже разрушили древние культуры Африки и Латинской Америки.

Я возразил, что мы живем в эпоху свободного рынка: рынка товаров, идей и даже религий. Как же он собирается плыть против течения? «А рынок вовсе не свободен, – ответил он, – потому что слабый не свободен перед сильным. Религии неагрессивные, ненаступательные такие, как наша, не могут соперничать с богатыми и напористыми, поэтому их нужно защищать. Кто-то должен вмешаться, возможно, даже Объединенные Нации. Но, главное, сама Церковь должна остановить процесс обращения в свою веру. Если это не будет сделано, в Индии возникнут условия для вспышек насилия».

Я считал, что он прав. Подобное обращение – но-

вая форма экспансии. И сопротивление этому процессу, как и стремление вернуть Веданту в жизнь людей, было для Свами попыткой возвратить индийскую традицию. Приезжал в ашрам и тот молодой врач, который должен был заняться диабетом Свами. Самому Свами он очень нравился, так как наизусть знал «шастра», священное писание! Без сомнения, это был человек особенный. Он приехал из деревни, расположенной почти на южной оконечности Индии; там у него была маленькая аюрведическая клиника, унаследованная от деда. Я договорился о приезде туда после завершения курса в ашраме.

Другим гостем, задержавшимся в ашраме на четыре дня, был известный индийский психиатр, принимавший участие в международном проекте, финансируемом Гарвардским университетом. Речь шла о маргиналах, людях «с обочины». Некоторые его коллеги в Америке и Европе изучали наркоманов, «drop outs» и уличных бродяг, он в Индии собирался писать о «садху» и «санньясинах». Когда ему обо мне рассказали, он сразу захотел со мной пообщаться.

Для него, видимо, я представлял интерес как занятный случай маргинала – одной ногой на Западе, другой – на Востоке. Не знаю, помог ли я его исследованиям, но моим поискам он помог. Психиатр сказал, что много времени провел в Гималаях, разыскивая людей, обладающих «сверхспособностями», и, как ученый, должен

честно признать, что так никого и не нашел. Он даже ездил повидать Саи Бабу, сегодня самого известного «святого» с миллионами последователей как в Индии, так и за рубежом. Саи Баба произвел на него удручающее впечатление: самовлюбленный, напудренный, с накрашенными губами. Психиатр сказал, что многие из окружения Саи Бабы были людьми психологически инфантильными, нуждающимися в отце и игрушках. А ведь магия – это затягивающая игра!

Как психиатра его тревожило то, что некоторые его пациенты стали учениками Саи Бабы. Тот убедил их отказаться от психотерапии и не принимать лекарств, и, когда они все-таки возвращались за помощью, состояние их бывало отчаянным.

Что касается «чудес» Саи Бабы, то психиатр мне рассказал, что однажды знаменитый фокусник из Калькутты, П. С. Соркар, приехал в его ашрам и смешался там с богомольцами. Саи Баба обходил присутствующих, раздавая священный пепел «вибхути», который «чудесным» образом сыпался из его пальцев. Когда он поравнялся с фокусником, тот ответил «чудом»: на протянутой Саи Бабе ладони неизвестно откуда появился «пасмалай» (так называются местные сладости, сахарные пирожные, до которых Саи Баба, как известно, большой охотник). Так сказать, турнир двух чародеев – кто кого. Телохранители Саи Бабы тут же схватили фокусника и выставили из ашрама. Пси-

хиатр сказал, что и другие иллюзионисты пытались вызвать Саи Бабу на соревнование – кто покажет больше «чудес», но тот всегда уклонялся.

«Может, стоило бы увидеть это собственными глазами», – сказал я себе. И понял, что мое старое желание отправиться в путь до сих пор не умерло. Эх, желания! Вскоре я убедился, что избавиться от них – задача куда сложнее, чем я предполагал.

Однажды утром, выйдя из комнаты, я заметил, что на веревке, где я обычно сушил одежду, кто-то развесил женское белье. Я предположил, что оно принадлежит красивой учительнице танцев, которая на несколько дней приехала в ашрам и поселилась рядом.

Я пошел на пуджу, на медитацию, на занятия, а тем временем сознание мое – эта непредсказуемая и неуправляемая часть моего существа – вопреки моей воле принялось за работу. Мне хотелось заниматься делами, а сознание мое вновь и вновь произвольно возвращалось к женскому белью на веревке, устремлялось на поиски учительницы танцев. Я не хотел говорить ни с кем, а сознание услужливо моделировало целую беседу, задавало вопросы, давало ответы, напоминало о желаниях.

Действительно, как говорил Свами, следовало выбирать, быть ли самим собой со своими желаниями или тем, кто со стороны следит и посмеивается. Но рассуждать легче, чем поступать. Я бы мог обратиться

к нему со своей дилеммой, даже не калеча себя, как поступил по легенде ученик в храме Шаолинь.

Его наставник, индиец Бодхидхарма, известный в Китае, как Дао Муо, а в Японии под именем Дарума, непрерывно медитировал, и никому не удавалось подступиться к нему. Однажды ученик в отчаянии, чтобы привлечь наконец внимание учителя, отрубил себе кисть левой руки, и кровь большим алым пятном растеклась по снегу.

– Чего же ты хочешь? – наконец спрашивает Учитель.

– Успокоить свой разум.

– Хорошо, принеси мне его, и я его успокою. Ученик отправляется в путь.

– Я его не нашел, – говорит он, вернувшись.

– Вот видишь? – говорит ему Учитель, – Значит, он спокоен. – И вновь погрузился в медитацию.

Ученик хочет выпутаться из сетей своих мыслей, и Учитель хитроумным способом помог ему понять, что проблема – именно в самих мыслях. Но мог ли я обратиться к Свами со своей назойливой мыслью и спросить совета? Я ведь прекрасно знал, что это была за мысль. Такая же, как у монаха-моралиста из другой известной дзэн-буддийской притчи.

Два монаха идут по дороге после ливня и видят прекрасную девушку, которая не отваживается перейти грязную лужу в своих красивых одеждах. Один из

монахов берет ее на руки и переносит на сухое место. Другой монах ничего не говорит, но вечером, когда они уже расположились на ночлег в храме, не выдерживает:

– Мы, монахи, должны держаться подальше от женщин, особенно от молодых и красивых, – укоризненно говорит он. – А прикасаться к ним – вообще крайне опасно. Зачем же ты это сделал?

– Я-то оставил эту девушку там, возле лужи, – отвечает тот, – а вот ты, похоже, с нею до сих пор.

Вот так и я. Лоскуты на веревке вновь запустили забытый механизм, а я-то думал, что давно освободился от подобных волнений. Кроме того, меня принижала неспособность контролировать свое сознание. И чем больше я старался обуздать его, тем больше оно надо мной посмеивалось, пока я не вспомнил о Сундараджане.

Однажды, когда речь зашла о его любви к статуе, он сказал, что «никогда не знал женщины» и намекнул на некий способ, при помощи которого он обманывал собственные инстинкты. Я пошел к нему и со всей прямотой изложил ему суть своей проблемы.

– Разве ты не знаешь этих приемов?

Нет, ничего такого я не знал, а вот он начинал с них каждое утро вместе с йоговскими асанами. Сундараджан сказал, что они отлично «поднимают семя ввысь», преображая его в энергию духа, и тем устра-

няют провоцирующие стимулы.

– Стань на колени, я тебя научу, – сказал он.

Я встал, затем наклонился вперед, упершись лбом и руками о пол. Он объяснил, как максимально оттянуть язык назад, к гортани, как дышать, что делать с мышцами низа живота и со сфинктером. Уточнил еще кое-что и для примера показал, как сам делает каждое движение. Начинать следовало с нескольких минут в день, потом постепенно удлинять упражнение.

Уже сама по себе мысль об этой «способности» меня завораживала. Ну разве мир не прекрасен? Одни изобретают «Виагру», а другие учатся приемам, как обуздать эту назойливую «часть себя», с которой мы неразлучны. Что и говорить, удивительное создание человек!

Не знаю, способствовали упражнения Сундараджана этому «восхождению семени» или нет, но, добавив их в свой обычный утренний набор, немного йоги, немного цигуна, немного гимнастики для глаз, для простаты, для позвоночника, дежурные улыбки желудку и, наконец, «шар» Мастера Ху, я доверительно сообщил ему, что система помогла.

День за днем, неделя за неделей – так прошло почти три месяца. Погода менялась, пришел муссон и принес ливни – всегда неожиданные, прекрасные и короткие. Горы, на которые я смотрел, с каждым днем меняли цвет, они стали сизыми, окутанными дымкой. А ко

мне вновь вернулось спокойствие. Мне казалось, что теперь я лучше понимаю Индию, что я приобрел необыкновенный опыт; меня и раньше не привлекала созерцательная жизнь, но теперь я убедился, что это не для меня. А Веданта? К концу курса мне показалось, что я добился некоего созвучия с ней: я не чувствовал себя отделенным от мира, не воспринимал себя как маленькую волну, подавляемую океаном, и в глубине души уже не боялся смерти.

Я решил отрешиться от большинства желаний, но смириться с теми, от которых сознательно не хотел отказываться. Что касается «джа-гат», мира, то тут я был согласен со Свами – он действительно устроен очень, очень разумно, следовательно, им стоит наслаждаться. Мне казалось, что «брахмачарья», отказывая себе в этой радости, лишаются чего-то чудесного.

Я все больше времени проводил на природе. Сидя на вершине своего холма, я смотрел на пенную белизну водопадов, на далекий темный силуэт старого, величественного одинокого дерева. Свами говорил, что деревья, как «садху». Пока все движутся, они остаются восхитительно неподвижными, стойкими, познающими себя, им незачем бегать туда-сюда в поисках чего-то. Но я бы никогда не смог стать таким. Природа моя другая, я не создан для монашества. Его испробовать я мог, и мне даже понравилось, но это было не для меня и самое забавное, что со мной могло случиться, – это

быть принятым за такого аскета.

Однажды это и произошло. Группа крестьян из соседней деревни пришла в ашрам, кажется, просить о помощи в восстановлении храма. Я проходил мимо, и тут один старик со словами «Свами-джи» подошел ко мне, прикоснулся к моим ногам, а потом к кончику бороды. Потом, просветленный, провел ладонями по лицу, голове и груди, чтобы наполниться моей «мудростью» и «святостью».

Курс подходил к концу; начались заключительные церемонии. Самой интересной для меня была церемония «мантра джапа», когда все вместе должны были сто тысяч раз повторить формулу благодарности Дакшинамурти, богине ашрама, инкарнации Шивы и покровительнице Вед. Накануне нам раздали листочки с отпечатанным текстом мантры на санскрите, чтобы мы успели его выучить. Слова были самые обычные: «Ом… Простираюсь перед тобой, Дакшинамурти, в корнях баньянового дерева живущая, в себя погруженная… Перед разрушительной мощью Шивы склоняюсь я до земли… Ом!» Но звучало это, как всегда, красиво. В этом чередовании звуков действительно была некая сила, особенно из-за этого «Ом…», последнего слога, с которого начиналась и следующая мантра. От многочасового повторения мантры сознание очищалось и успокаивалось.

Церемония проходила в храме. По такому случаю

из Коимбаторе приехали тринадцать специально подготовленных «пуджари», жрецов-браминов, и по меньшей мере сотня последователей Свами. Чтобы совершить этот «даршан» – просто взглянуть на него, побыть рядом с человеком, познавшим самого себя, некоторые добирались из самого Мадраса. Центром церемонии было квадратное отверстие для священного огня, проделанное в полу галереи, справа от храма. Рядом сидел Свами в своем кресле. Формально он, будучи «санньяси-ном», свободным от всех связей с миром, включая религию с ее ритуалами, не участвовал в церемонии. Возглавлял ее от имени всех нас, «шиша», секретарь ашрама – пожилой, благородной наружности господин, рядом с которым, как это предписывают Веды, сидела его жена. Все тринадцать «пуджари» встали вокруг отверстия. За ними расположились мы, потом зрители, многие из которых стояли, чтобы лучше видеть.

Начало вышло ужасным. Согласно ведийским правилам, нужно было разжечь огонь древним способом – трением. Для этого приготовили два куска дерева. Но по какой-то причине добыть огонь не удавалось. Один из «брахмачарья» запел молитву: «Приди, приди поскорее… Не заставляй нас ждать». Все мы хором под руководством вдов-«пономарих» повторили несколько раз, в разной тональности свое «Ом Намашивайя»… Но ничего не выходило. Взмокшие и задыхающиеся

«пуджари», сменяя друг друга, яростно вращали шнуром колышек, что терся о лежачую чурку, прикрытую кокосовыми волокнами (по замыслу, они должны были легко вспыхнуть). Все присутствующие не отводили глаз. Над деревяшками курился дымок, в воздухе плыл запах тлеющего дерева, на которое «пуджари» бережно дул, но огонек не появлялся.

– А в твоей стране происходит такое? – спросил меня старый «шиша» из «пенсионной бригады».

– Нет, у нас есть спички, – буркнул я.

Так продолжалось чуть ли не час. Бедный Свами ждал; лицо его совсем посерело от волнения. Как раз несколькими днями раньше во время «сатсанга» на мой вопрос, верит ли он, что «пуджа» действительно может вызвать дождь, он ответил: «Да». Невзирая на свой скептицизм, он рассказал, что сам присутствовал на такой «пудже» и что дождь в конце концов пошел. Что же сейчас огонь не загорался?

Будь это в моих силах, я бы тут же зажег этот огонь, чтобы избавить всех от ожидания; и дела-то было – капнуть на кокосовые волокна камфарным маслом или спиртом. Впрочем, видимо, так и поступили, так как мне показалось, что кто-то передал тампон одному из «пуджари», занятых трением деревяшек. Мы увидели красноватые искры, дым стал гуще, и, наконец, красивые языки пламени принялись пожирать сначала деревяшки, потом масло, капли воды, рис и все, что «пу-

джари» предлагали в дар богам, сопровождая каждый жест призывами к ним.

В конце концов нас благословили, обрызгав водой при помощи ветки манго, и мы дружно запели в густом дыме, который ветер задувал нам в лица: «Ом хрим Дакшинамуртайе тубхьян… Ом хрим Дакши-намуртайе…»

Мантра длилась около двенадцати секунд. Значит, за час каждый мог произнести ее триста раз. Поскольку там была примерно сотня «шиша», то даже с учетом того, что временами кто-то выходил, за четыре часа мы повторили ее сто тысяч раз. Так и было, четыре часа подряд мы повторяли и повторяли одно и то же… Точь-в-точь, как рабочий у конвейера, бесконечно повторяющий заученное движение, собирая бесполезные штуковины, которые кто-то купит за свои кровные, заработанные изготовлением подобного же барахла.

«А жизнь тем временем проходит, – подумал я, – проходит бессмысленно, что вне ашрама, что внутри его. Она проходит в череде ожиданий, ритуалов, чей единственный смысл заключается в том, что они придают некое подобие смысла бессмыслице жизни. Внутри ашрама, за его пределами – какая разница? Снаружи люди ходят на работу, произносят слова, приличествующие ситуации, играют вещами, которые считаются важными. Внутри же тысячи и тысячи раз повторяют одну и ту же фразу в честь богини, и фраза эта

символизирует сознание. Снаружи ты не находишь себе места, потому что твой сын где-то задержался, внутри нервничаешь из-за того, что никак не загорается ритуальный огонь».

Если бы вместо того, чтобы повторять эту мантру сто тысяч раз, мы бы копали колодец, возможно, в Индии две трети населения не страдали от недостатка питьевой воды. Но эта одержимость – тоже часть моей Индии, которую я так люблю.

Кроме того, браминам не положено рыть колодцы.

Я смотрел на сложенные руки этих красивых людей, моих товарищей в белых одеждах, на руки «пуджари»: чистые ногти, длинные пальцы. Эти руки никогда не держали мотыгу, кирку, топор.

В этой церемонии было много того, что помогало понять Индию; понять революцию буддистов, которые отказались от ритуалов; понять разумную практичность тибетцев, которые вместо бесконечного повторения мантр придумали молитвенное колесо, в которое вкладывают сотни бумажек со священной формулой, чтобы при каждом повороте колеса действие ее умножалось.

Зато наш обряд напомнил, как трудно было добывать огонь и почему беречь его считалось священной обязанностью.

В конце последнего занятия один из «брахмачарья» напомнил Свами, что он пообещал нам «чудо вибхути».

– Вы действительно хотите, чтобы я это сделал? – смеясь, спросил Свами.

– Да-а-а, – хором загудела аудитория.

– Тогда пусть кто-нибудь выйдет сюда.

Минутное колебание. Никто не отважился, тогда я вышел на помост. Я протянул руку Свами, и он, не переставая посмеиваться, сложил щепоткой пальцы правой руки и оттуда посыпался мне на ладонь священный пепел. Сперва тоненькой струйкой, потом больше и больше. Свами слегка встряхивал пальцами, и пепел продолжал падать. Потрясенный, я обернулся и показал ладонь своим товарищам, и тут десятки людей сорвались с мест и бросились ко мне, пытаясь ухватить щепотку пепла и помазать им себе лоб. Началась суматоха, почти вся группа столпилась вокруг меня, в то время как Свами, пытаясь их угомонить, повторял: «Это же блеф… блеф, не принимайте этого всерьез!..»

Он был растерян, но никто его не слушал. В сущности, мысль о том, что Свами сотворил чудо, совсем как Саи Баба, подходила всем. И мне тоже, да – мне, самому сомневающемуся, мне, который никогда не касался ног Свами, мне, блудному сыну, которому выпала честь участвовать в сотворении «чуда».

Когда я вернулся за свой столик, моя рука была совершенно чистой, на ней не оставалось и следа волшебного «вибхути», ее вытерли десятки других рук. В тот день не было в ашраме «шиша», популярнее меня;

каждому хотелось со мной поговорить.

После обеда многие подходили, чтобы изложить свою версию происшедшего.

– Прекрасно, просто великолепно. Я не желаю знать, настоящее это было чудо или нет… Как бы то ни было, это прасад, один из аспектов Ишвары, – сказала мне старая директриса школы для медсестер. Молодая женщина-врач не сомневалась: «Тот, кто далеко вперед ушел по пути духовного совершенства, обретает эти способности. В этом нет ничего необыкновенного». А вот «брахмачарья», который напомнил Свами, что тот пообещал нам чудо, рассказал, как это чудо готовилось. По его словам, сам Свами велел ему спрятать порошок под столиком, из-под которого он доставал разные предметы. Но его никто не слушал. «Верующие» не желали отрекаться от своего чуда. И я их понимал: верить – это так здорово, намного лучше, чем не верить. Но все это казалось мне очень странным.

Когда кардиохирург подошел, чтобы спросить меня – нет, не о вибхути, а о том, пользуюсь ли я пирамидой, у меня окончательно возникло ощущение, что я нахожусь в психушке. Каждый здесь сходил с ума по-своему. И если бы кто-то увидел в тот вечер, как я, сидя на полу, варю в кастрюльке килограмм лука при помощи кипятильника, чтобы попытаться вылечиться от бесконечной аллергии, пожалуй, подумал бы то же самое обо мне.

Последний рассвет был ясным, как стеклышко. Мы все сфотографировались на память (при этом, как водится, «просветленные» оттесняли друг друга, чтобы оказаться поближе к Свами). Потом началось вручение дипломов. Свами, у которого по случаю особого дня на шее висела большая цветочная гирлянда, как у храмовой статуи, восседал в своем кресле. Один за другим мы подходили к нему. Одна «свамини», его ученица, сама уже ставшая преподавателем Веданты, давала каждому пригоршню цветочных лепестков, которую полагалось бросить к ногам Свами, а он, вызывая каждого «шиша», вручал ему сертификат и… банан. Многие были растроганы. «Это главное событие всей моей жизни», – сказал Сундараджан. Некоторые женщины не смогли сдержать слез, их искренняя преданность трогала. Большинство моих товарищей действительно видели в Свами воплощение Бхагавана. А я, после этих трех месяцев, чувствовал себя шпионом, проникшим в стан неприятеля, чтобы выведать какой-то секрет. Когда меня попросили выступить, я отказался. Тогда с благодарственной речью, от своего имени и от имени своей жены, обратился к Свами старый педиатр. Речь, украшенная строками Кабира и других великих индийских поэтов, получилась замечательная – в ней была мягкая ирония и глубокая благодарность. Другие ученики прочитали стихи собственного сочинения, посвященные учителю.

Кто-то спросил у Свами, не может ли он дать нам последний совет, он и тут остался верен себе:

– Живите такой жизнью, которая позволит познавать себя!

Вот такой он был, Свами, таким я узнал его, таким буду его помнить.

Ну а мы после этих трех месяцев отправились каждый своим путем, задавая себе чуть более осознанно, чем прежде, главный вопрос, на который, по-моему, не всякий нашел ответ: «Кто же я?»

Врач для здоровых

Когда я сюда приехал, то справа от дороги видел всего лишь вытянутый холм, усеянный камнями. А когда через неделю уезжал, то уже различал исполинскую фигуру женщины, которая прилегла на рисовые поля, чтобы поглядеть ввысь. На фоне неба я различал колени, бедра, грудь, подбородок, губы и нос.

Деревня Дерисанамскопе – зачарованное место: самое необычное, одно из самых интересных и уж точно самое спокойное и мирное из тех, где я побывал в Индии. Но это мое мнение, и вряд ли кто-то его подтвердит, каждый видит в местности, человеке, событии то, что хочет, то, что в этот момент ему нужно. И ничто так не помогает видеть реальность, как фантазия.

Белые домики стояли среди просторных ярко-зеленых рисовых полей с шеренгами пальм. Эти цвета – белый и зеленый – уже сами по себе несли умиротворение. Шоссе, по которому изредка проезжал автобус, автомашина или брело стадо буйволов, проходило в сотне метров от деревушки. Дорога, вымощенная красивыми плоскими камнями (на такой кладке иногда обмолачивают рис или сушат сено), ныряла в переулок между низенькими одноэтажными домами и вела к большому, излучающему какую-то таинственную си-

лу древнему храму. Рядом с деревушкой храм казался несоразмерно большим, будто его возвели в эпоху великанов.

Храм окружала немощеная площадь. Посередине возвышалось старое, величественное дерево, крепкое и раскидистое, «Ficus religiosa», окруженное чем-то вроде небольшого помоста, где старики присаживались поговорить, а дети заводили игры. Люди рассказывали, что пение мантр под этим деревом помогает тем, у кого есть проблемы с дыханием, потому что дерево совсем живое, оно дышит и от него исходит могучая сила. В нескольких шагах был красивый бассейн с чистой водой, окруженный ступенчатым амфитеатром. Там заканчивалась деревня. Дальше снова были рисовые поля, ряды пальм, а за храмом, будто защищая его, высился каменный холм.

Согласно легенде, этот храм – один из двух, основанных Рамой, героем «Рамаяны», по пути через Индию. Он направлялся на остров Цейлон, чтобы вернуть жену Зиту, которую злобный Равана похитил у него, спящего. Он остановился под деревом отдохнуть, но некая демоница, известная своим обыкновением морочить мудрецов-«риши» во время медитации в Гималаях, явилась досаждать ему. Рама узнал ее, натянул лук и пустил одну из своих послушных стрел. Демоница, пораженная в самое сердце, рухнула на рисовые поля, да так и окаменела.

В память об этом происшествии Рама велел построить храм и дал этому месту странное имя Дерисанамскопе, что означает «место, откуда пущена стрела».

А еще здесь проживал доктор Л. Махадеван, молодой врач-аюрведист, с которым я познакомился в ашраме и к которому Свами весьма благоволил не только потому, что он занимался, и видимо, небезуспешно, его диабетом, но и потому, что он знал наизусть «шастра» – священное писание.

– Побудьте у меня в больнице хотя бы неделю, и посмотрим, что можно сделать, – предложил он, когда я рассказал ему о своей болезни. И вот я здесь.

В комнате с голыми голубыми стенами и черным каменным полом стояла раскладушка с плоским матрасом. Открытое окно выходило во внутренний дворик, окруженный невысокой каменной оградой, за которой виднелся пруд, поросший цветущим лотосом, а дальше тянулись рисовые поля. Во дворе – водопроводный кран и «турецкий» туалет. Когда наступало время еды, посыльный на велосипеде привозил мне трехэтажный судок с чапати, несколькими ложками классического индийского овощного супа «дал» и порцией ужасно перченных овощей.

«Больница» на шесть палат была метрах в пятидесяти от асфальтированного шоссе, на которое выходила сама клиника. В ней Махадеван принимал пациентов, а на большой «кухне», как ее называли, родствен-

ники доктора с утра до вечера готовили лекарства. На огне, который по традиции разжигали и поддерживали исключительно дровами, дымились бронзовые котлы, и в каждом кипел свой целебный отвар. Сидя на земле, человек десять женщин и мужчин измельчали травы, смешивали их, процеживали масло или, повторяя мантры, скатывали в шарики смеси, которые перед этим подсушивали на солнце. Стены «кухни» лоснились от копоти, но в воздухе стоял аромат трав, который уже сам по себе казался целебным.

– Так оно и есть, – сказал Махадеван, водя меня по своему маленькому владению. – Те, кто работают здесь, никогда не болеют, даже не простужаются.

Побыть бы мне на этой кухне! Может, прошел бы застарелый аллергический синусит, который снова донимал меня вот уже несколько недель. Из носа текло, глаза слезились, я чихал и мучился головной болью.

На улице перед клиникой стоял лоток, где готовили чай для пациентов, ожидавших приема. Побывавшие у врача, довольные, с флакончиками и бумажными пакетиками с порошками и таблетками, ждали автобуса, чтобы ехать домой.

Если бы не пара уличных фонарей, которые редко когда включались, не автобус и не маленький генератор, от которого работал вентилятор в комнатке, где Махадеван принимал больных под картиной, изображающей бога аюрведы, и черно-белой фотографией

основателя клиники, дедушки нашего доктора, можно было подумать, что ты попал на одну из старинных открыток тона сепии. Никогда еще я не видел такой настоящей, бесхитростной и нетронутой Индии. Да и доктор был личностью примечательной: высокий, худой, светлокожий, с черными густыми волосами и лицом истинно верующего человека. Ему было всего тридцать пять, но в каждом движении сквозила уверенность, казалось, он знает решение всех проблем.

– Я знаю священные книги, и в них говорится, как поступать в каждой ситуации. Для каждого пациента я выбираю индивидуальное лечение, хоть и не всегда представляю, как оно действует, – ответил доктор, когда я спросил, случаются ли у него сомнения. – Только сразу уточним, я не лечу, а забочусь о пациенте. Целитель – в каждом человеке свой, и прежде всего, это он, – добавил врач, указывая на бога аюрведы, благосклонно взирающего на нас из позолоченной рамки.

Первые два дня я с утра до вечера просиживал в приемной. Устроившись в углу, я наблюдал за Махадеваном, пока тот занимался пациентами. Некоторым он уделял всего несколько минут, другим – много больше, но у каждого оставалось убеждение, что для доктора в этот момент нет на свете человека важнее и интереснее, чем он. У всех после нескольких вопросов он щупал пульс. «У женщин на левой руке, у мужчин – на правой», – пояснил он. Потом сосредоточенно замирал,

склонив голову и закрыв глаза; казалось, он медитирует. «Если мне удастся хорошо сосредоточиться, измеряя пульс, я прочувствую все тело пациента и смогу многое о нем рассказать», – добавил он.

Многие пациенты изумлялись, когда после этой процедуры он сам говорил об их ощущениях, о симптомах, которые у них наблюдались и о которых они сами не сумели рассказать. Для каждого у него находились улыбка, совет… и лекарство, которое он брал из аптеки рядом с кухней.

Клиника была известна во всей округе, и люди прибывали отовсюду, нередко издалека. Две женщины сказали, что они добирались сюда девять часов в автобусе, чтобы увидеться с Махадеваном. Случаи попадались самые разнообразные. За один только день я увидел помимо всех прочих женщину с огромной щитовидкой, другую женщину с проблемами менструального цикла и еще одну, совсем пожилую, с подозрением на опухоль в желудке. Видел мужчину, который рассказал, что стал импотентом после операции в казенном госпитале, и юношу, который пришел показать доктору, как заживает нога, на которой чуть не началась гангрена из-за множества стеклянных осколков после дорожной аварии. Видел диабетика, старика с последствиями инфаркта, гипертоника с чудовищно высоким давлением и двух больных псориазом.

В паузах между пациентами я задавал вопросы, а

Махадеван отвечал. Правда, он сказал, что так, на ходу, я вряд ли смогу понять суть его науки. Его очень беспокоило, что у меня составится о ней превратное впечатление, поэтому в первый же день после приема он не пожалел времени и прочитал настоящую лекцию, так сказать, «введение в аюрведу». Я делал записи.

– Аюрведа вовсе не альтернативная медицина, она не конкурирует с западной. Это просто другая медицина, основанная на другой философии с другим видением мира и самой жизни, – начал он.

Махадеван знал, что я недавно провел три месяца со Свами и что это индийское видение «мира и самой жизни» больше не было мне чуждо. Но, как бы то ни было, он решил повторить основные положения.

– Прежде всего, мы убеждены, что мир чувств не единственная реальность, а наши чувства не единственное орудие познания. Для нас орудием познания являются «шастра» – священные книги, оставленные нам «риши». И «шастра» доказывают единство всего, что нам представляется разрозненным. Когда мы смотрим на мир, у нас возникает впечатление, что он составлен из разнородных частей. Мы и себя считаем подобными частями, но истина в том, что Вселенная цельная, единая и независимая, а не сумма каких-то деталей. Конечно, часть есть отражение целого, но нелепо полагать, что реальность можно свести к ее составляющим.

На языке медицины это означает, что я, вы и вообще все живые существа, человеческие и не только, суть маленькие миры, входящие в одну большую Вселенную. Мы – микрокосмы, неотделимые от макрокосмоса, мы подвергаемся тем же влияниям, что и он, живем по тем же вселенским законам. Аюрведа, как наука о жизни, видит человека целиком, а не в виде совокупности частей и утверждает, что поддержание здоровья не может осуществляться независимо от социального и духовного окружения, вне космических связей.

Этот подход, который вы, западные люди, сейчас называете «холистическим», противоположен подходу так называемой современной медицины, рассматривающей болезнь как сбой в работе отдельного механизма, из которых состоит человек.

Конечно, можно сопоставлять аюрведу и западную медицину, их разные подходы к лечению, но вскоре нам придется остановиться. Мы полагаем, невозможно разрешить человеческие проблемы с помощью вашей науки.

Я знаю, что и ваша наука признает необъяснимость некоторых явлений, не видя их причин. Мы же утверждаем, что эта неведомая причина – карма. Карму не увидишь, вооружившись микроскопом, поэтому вы, западные люди, ее не признаете, но достаточно вооружиться мудростью, чтобы отчетливо увидеть ее.

Возьмем хотя бы проблему болезни. Почему бо-

лезнь нанесла удар вам, а не кому-то другому? Сейчас ваша наука объясняет все генетической предрасположенностью, и в этом есть своя правда. Но я спрошу, что за причина различий между генами? Мы не знаем, а если бы узнали, возник бы новый вопрос: в чем причина той причины, потом «причина причины причины» и так до бесконечности. Но в чем же тогда первопричина? А вот «риши» поняли – первопричина в карме.

Итак: там, где традиционная медицина в бессилии останавливается, начинается аюрведа. Современная медицина начинается и заканчивается на физическом теле; аюрведа идет дальше, потому что я и вы – нечто большее, чем просто тела. Мы – это наше сознание, наше «я», мы наделены душой и, главное, кармой.

Я слушал Махадевана с удовольствием. Он будто отвечал на мои мысли, и мне порой казалось, что мы с ним в Нью-Йорке и я делюсь сомнениями и раздумьями о лечении в Онкологическом центре. Он производил впечатление человека, знающего ответы на все вопросы, которыми я в свое время досаждал «ремонтникам». Но было ли это так? Какая-то часть души радовалась тому, что ее понимают, а другая, по обыкновению, скептически хмыкала: ладно, «риши» много чего знали о человеческой природе, но как все это воплотить в лекарство, более действенное, чем «химия» с ее светящейся жидкостью? В столь же мощное, но менее убийственное, чем облучение? Ведь, как бы то ни

было, все, что «ремонтники» творили со мной, было результатом длительных исследований, большого труда, проверки на практике.

– И я восхищаюсь некоторыми сторонами западной медицины, – ответил Махадеван, когда я поделился этими соображениями, – и я, как любой западный врач, учусь на практике, но при этом все глубже и глубже осознаю, насколько же «риши» были правы, как они все точно увидели. Иногда меня просто поражает великая сила предвидения, заключенная в «шастра», и я счастлив, что могу обращаться к этим текстам, чтить их. Подумать только, ведь «риши» удалось угадать наследственную природу некоторых заболеваний, они составили классификацию разных типов диабета, были знакомы с таким модным теперь понятием, как стресс, со знанием дела описывали болезни, которые мы сегодня называем психосоматическими, и имели точное представление об иммунитете – кстати, защитным силам организма они придавали очень большое значение. «Риши» знали о механизмах передачи заболеваний половым путем и при других тесных контактах, а еще через зараженную одежду. Им известны были болезни, вызываемые загрязнением воды и почвы, они знали, что такое эпидемии. Просто невероятно! Ведь они пришли к этому, не располагая никакими инструментами исследования.

– В «шастра» есть чудесные стихи, в которых описа-

ны душевные болезни, причем намного точнее, чем в современных медицинских пособиях… – сказал он и, чтобы подкрепить свое мнение, прочитал на санскрите некоторые описания.

Потом Махадеван, он все время говорил о душевных болезнях, но явно при этом имел в виду мои слова о «лекарстве для меня», объяснил, что, когда в «шастра» говорится о лечении, подразумевается воздействие не только на физическом уровне, как в западной медицине, но и на психическом и, главное, на духовном. И воздействие на всех трех уровнях осуществляется одновременно.

– Лечиться – не значит глотать по пилюле каждые шесть часов, – сказал он. – Нет, лечиться – значит очистить собственное сознание и использовать его для поддержания процесса выздоровления. Это может быть омовение в священной реке, или паломничество, или участие в обрядах, или чтение мантр. Вылечиться – значит перестроиться на правильный образ жизни. Для «риши» это было совершенно ясно. Они понимали, что самое важное не лечить возникшие болезни, как это делает западная медицина, а предупреждать их. Для этого образ жизни должен быть таким, чтобы тело пребывало в гармонии, а сознание в мире с самим собой.

Он взглянул на меня и, будто подтрунивая над моей «западностью», добавил:

– А пилюли, которые я давал пациентам, не химические, как ваши, они содержат «пранашакти», жизненную силу. Они и для тела, и для души.

Он снова процитировал на санскрите несколько строк из «шастра», потом объяснил, что аюрведические лекарства готовят из растительных компонентов, иногда из минералов, из растертых самоцветов или некоторых продуктов животного происхождения. Но все эти компоненты должны быть заряжены мантрой и в некоторых случаях использоваться с учетом гороскопа пациента.

– Да, наши лекарства действуют не сразу, – продолжал он. – Скажем даже так: им нужно действовать медленно, чтобы дать пациенту возможность оплатить свой кармический долг, и, когда он будет оплачен страданием, болезнь отступит. Западная медицина, согласен, куда эффективнее нашей, когда речь идет об экстренных случаях, требующих немедленного вмешательства – например, хирургического. Но западная медицина не в силах понять остального. Главная беда западной медицины в том, что духовная сторона жизни ускользает от нее.

Махадеван был человеком большой веры. Он был убежден, что его «наука», аюрведа, исходит от всезнающего и всемогущего Брахмана. Что «риши» три или четыре тысячелетия назад получили это знание через медитацию и некоторые их последователи записали

«шастра» за несколько веков до Рождества Христова.

Может быть, потому, что я никогда не обладал верой, я симпатизирую тем, у кого она есть, и все же…

– Доктор Махадеван, мы с вами современники. Как же вы можете считать, что тысячелетия назад люди – пусть даже через контакт с высшими силами – уже имели необходимые знания? Разве в «шастра» заключена их исчерпывающая полнота? Разве последующие открытия их не дополняли или не уточняли?

– Это так. Аюрведа – вечная наука, вечная именно потому, что не опирается на исследования. Наука меняется, аюрведа нет, она – плод озарения, а озарение это вечно. В нем ничего не изменишь, к нему ничего не добавишь. Мы, врачи, – как птицы, которые прилетают и улетают, но аюрведа – дерево, которое пребудет вечно. Логикой, унаследованной от «риши», здесь пользуются тысячелетиями. Ею пользовался мой дед, и будут пользоваться мои внуки.

– А как же новые болезни? – спросил я. – Мир, в котором мы живем, непрерывно меняется, и медицина должна приспосабливаться, соответствовать новым требованиям. Вам так не кажется?

– Нет. Обстоятельства могут меняться, но главный подход не меняется, потому что опирается на природу. Что касается болезней… Моя задача врача – устранить страдание, которое болезнь приносит с собой, а не саму болезнь. Люди часто меня спрашивают, лечим

ли мы, аюрведисты, от СПИДа, лейкемии или диабета. А мой ответ таков: мы не лечим от болезней, будь они старые или новые, мы лечим людей. Иногда пациенты выздоравливают от болезней, названий которых я даже не знаю. Вы должны понять: цель аюрведы в том, чтобы создать такой образ жизни, при котором все живое будет здоровым. А понятие «здоровый» не относится только к телу; оно, особенно в случае с человеком, включает в себя все существо целиком, во всех его проявлениях.

Я спросил, кого же считать здоровым человеком, и он так обрадовался, будто я его на свадьбу пригласил. «Сваста! Сваста!» – воскликнул он и продекламировал прекрасные стихи на санскрите. Их написал знаменитый целитель, который жил в Бенаресе в VI веке до Рождества Христова. В переводе Махадевана они звучали примерно так: ИНДИЯ.

– Человек здоров, когда находится в состоянии «свасты», при котором все жизненные стихии, огонь и функции находятся в равновесии, когда отправления его тела происходят регулярно, когда сознание, чувства и душа пребывают в покое.

– Великолепно, не так ли? – восторгался Махадеван. – Здоровье не в том, чтобы результаты анализов были в порядке, как это понимают в западной медицине: кровь, артериальное давление, холестерин. А ведь бывает, что у человека все это «в норме», но при этом

ему плохо. Значит, это в сознании нарушено равновесие. «Сваста» означает гармонию, настойчивость в реализации своей Сокровенной Сущности. Это мы и считаем подлинным здоровьем.

Теперь вы видите, в аюрведе понятие здоровья куда шире, чем в западной медицине. «Риши» действительно были ясновидящими, они прозревали то, что кроется за внешним, за явным и могли заглянуть внутрь человека. Они понимали, что страдание человека – явление не только физическое и что самый большой источник несчастья – духовное невежество, оторванность от великого целого, от Абсолюта. Вам это известно: только познание Сокровенной Сущности решает все проблемы.

И только в этом смысле мы, аюрведисты, интересуемся физическим здоровьем. Для йога, который обращает свое сознание к Конечной Реальности Познания, физическое здоровье тоже немаловажно.

И снова прекрасные стихи: «Дхарма патана мокшанам…» Если хочешь исполнить свой долг в этом мире, если ты ищешь богатства, чувственных наслаждений или желаешь познать Атман, тело твое должно быть всегда здоровым.

Это мировоззрение лежит в основе аюрведы. Врач должен проникнуть в душу и разум пациента светом своего знания; рассеять невежество, первопричину всех болезней. Только знание здесь может помочь,

потому что только знание может утолить душевную жажду. «Как видите, – заключил Махадеван, – аюрведа не является медицинской системой, преследующей практическую цель – физическое здоровье. Это духовная система, цель которой – мокша, освобождение от рождения в новом воплощении… Ну что, продолжим завтра?»

На следующее утро пациентам Махадевана пришлось немного подождать, потому что он решил прочитать мне вторую лекцию перед началом приема, чтобы я смог лучше разобраться, как будет проходить лечение.

– Когда приходит новый пациент, – начал он, – на которого не заведена карточка или нет записей, сделанных ранее, первое, что следует предпринять, – это присмотреться к нему повнимательнее, задать ряд вопросов и решить, к какому типу конституции его отнести. От этого и зависит все остальное.

Вопрос «типов конституции», или «моделей», меня тоже интересовал. И я убежден, что Творец не мог создать людей абсолютно различными. Наверняка у него есть какие-то выкройки, шаблоны для однотипных групп людей. Каждый замечал, что обычно нас тянет к людям какого-то определенного склада. Среди этих людей, в чем-то сходных, мы склонны заводить себе друзей – хотя, конечно, при этом могут быть отклонения в росте, комплекции и даже в цвете кожи…

– Согласно аюрведе, – сказал Махадеван, – вся Вселенная, все неживое и живое, включая человека, состоит из пяти стихий: земли, воздуха, воды, огня и эфира. Эти стихии – основа физической реальности космоса, поэтому они присутствуют вне нас и внутри нас, в пище, которую мы едим, в растениях, во всем, что вы видите и к чему прикасаетесь.

В человеческом теле эти пять стихий находят свое выражение в «тридоша», трех функциональных принципах «вата», «питта» и «капха» – которые управляют всеми нашими физическими и душевными функциями.

Эфир и воздух – стихии, лишенные формы, поэтому они воплощают все, что в теле есть непостоянного, беспокойного. Это – «вата». Огонь – «питта», вода и земля – «капха». Эти три принципа по-разному проявляются в работе каждого органа, каждой клетки тела. Как правило, в теле какая-то стихия преобладает над прочими, а бывает, что две стихии сообща преобладают над третьей. Так вот, эта доминирующая стихия для нас, аюрведистов, крайне важна, потому что определяет «конституционную модель» человека. Допустим, если в организме человека стихия эфира и воздуха превосходит остальные, мы говорим, что этот человек – «вата». Тот, у кого преобладает стихия огня, считается человеком «питта» и так далее. Такая «конституционная модель» достается нам при рождении и остается практически неизменной всю жизнь. Факторов, опре-

деляющих эту модель, много – от наследственных до астрологических. Сюда входят и те, что связаны с физиологией человека и с его кармой.

– Астрологические факторы?

– Именно так, – ответил он. – Когда мы говорим, что влияние планет определяет характер человека, мы имеем в виду и здоровье тоже.

Мне не удавалось понять, как это все разнообразие укладывается всего в три «формы» и как можно определить, кто к какой модели относится. Я попросил Махадевана описать мне, к примеру, человека-«вата».

Человек-«вата» худой, волосы у него жидковатые, да и те – сухие и с перхотью. Глаза маленькие, мутные. «Вата» сколько ни ест, не толстеет. Обычно это высокий человек с длинными конечностями. Иммунная система слабая. Аппетит иногда большой, а иногда – нет. Кишечник работает иногда регулярно, иногда нет, такая уж у них, у «вата», непостоянная натура. Нестабильность – главное качество «вата», человека по природе своей беспокойного, непоседливого, колеблющегося и нерешительного. «Вата» словоохотлив, часто страдает бессонницей. Расположен к вывихам. Он видит сны, но часто они оборачиваются ночными кошмарами. Первая реакция человека-«вата» на новизну – опасение. Память у него плохая. «Вата» неплохо зарабатывает, но ему не удается ничего скопить – он транжирит все, что у него есть. Не выносит холо-

да, любит чувствовать себя защищенным. Верит в воображаемый мир. Может часами медитировать.

Что-то я не узнавал себя в этом описании. А «питта»?

– «Питта» – проявление Агни, огненной стихии. Поэтому человек-«питта» полон энергии, он страстный, пылкий, интеллектуально развитый. Аппетит у него отменный, а вот засыпает с трудом. Потлив, волосы седеют с молодости. Жары «питта» не выносит, старается поменьше бывать на солнце, обожает мороженое, раздражителен, вспыльчив, но отходчив.

Что ж, по-видимому, и это был не я – во всяком случае, не совсем я.

– «Капха»– противоположность «вата», – продолжал Махадеван, – он полный, часто даже страдает ожирением, любит постоянство во всем, передвигается медленно, у него красное лицо и жирные волосы, белки глаз чисто-белые. «Капха» во всем стремится к совершенству, человек он спокойный и терпимый.

Очевидно – во всяком случае, на мой взгляд, – я не был и «капха».

– Когда соотношение между этими стихиями меняется, человек заболевает, – продолжал Махадеван. – Болезнь – это нарушение изначального равновесия между тремя стихиями. Причины могут быть самые разные, в первую очередь неправильное питание или неправильный образ жизни, травма, внешние факторы

или что-то связанное со сверхъестественными силами…

Махадеван полагал, что часто в нарушении этого равновесия виноваты эмоции. У эмоций, как и у еды, есть свой вкус, который влияет на все три образующих стихии и может нарушить изначальное соотношение трех элементов. У боли – горький вкус, у желания – сладкий, гнев – острый, алчность – соленая, поэтому людям-«капха» вредно жадничать.

Я тут же вспомнил о Дэне Риде, который говорил, что, согласно китайской медицинской традиции, нужно следить за своими эмоциями, потому что некоторые могут приводить к заболеваниям. Так, гнев, страх, ненависть, ревность вредят здоровью, а вот милосердие, сострадание, радость или беззаботный смех улучшают самочувствие. Словом, мне это подходило.

Почему, к примеру, когда в детстве что-то сильно меня пугало, моя бабушка заставляла меня немедленно «сходить по-маленькому»? Очевидно, это был такой старинный способ вывести из организма негативные остатки эмоций, которые могли потом повредить здоровью. Я рассказал об этом Махадевану. Он сказал, что в Индии принято поступать точно так же. Причем это касается не только детей, но и взрослых. Если человек, у которого умер кто-то дорогой, не плачет, родня во что бы то ни стало пытается вызвать у него слезы: режут лук, пускают несчастному дым в глаза, а если и

это не помогает, могут и поколотить его, чтобы вывести его из оцепенения и «развязать узел» негативных эмоций.

– У болезней тоже, – продолжал объяснять Махадеван, – есть своя природа, они тоже бывают трех категорий – болезни «вата», «питта» и «капха». Болезнь сама по себе не может быть легкой или тяжелой, излечимой или неизлечимой. Все зависит от ситуации, в которой она возникает. Болезнь типа «капха», например, тяжело проходит у человека «капха». Поэтому, как вы уже поняли, в аюрведе не может быть некой обобщенной стратегии лечения той или иной болезни, даже простуды. Одну и ту же болезнь у людей разной конституции следует лечить по-разному. А вот переизбыток одной и той же стихии у различных людей вызывает различные болезни, которые, тем не менее, лечатся примерно одинаково. Происходит это потому, что какой бы ни была болезнь, лечение заключается в восстановлении в организме пациента равновесия между «вата», «питта» и «капха». Лечение это чем-то сходно с аллопатическим, в том смысле, что оно осуществляется «противоположным» складу пациента, а не «подобным», как в гомеопатии. Например, человека-«капха», в организме которого преобладает влажная и холодная стихия, лечат теплом, сухостью, пряным вкусом. А вот человек-«питта», горячий, легко воспламеняющийся, нуждается в освежающих, охлаждающих тра-

вах. Еда с ее богатством и разнообразием вкусовых оттенков уже сама по себе является важным целебным средством. Когда врач определит «конституционную модель» больного и что именно могло нарушить равновесие, выяснит, где и в какое время года заболел пациент, каков его иммунитет, сильная ли у него воля, как он питается, какой образ жизни ведет, дальнейшее уже несложно, поскольку для каждого случая существуют две формы лечения. Либо уменьшить переизбыток чего-либо, либо, наоборот, восполнить то, чего недостает.

– И каким же образом?

– Все может пригодиться, ибо во Вселенной нет ничего бесполезного. Нам может показаться, что мы могли бы обойтись без скорпионов или ядовитых змей, но это не так. У всего на свете есть своя ценность, любое существо живет, чтобы питать других в обмен на то, что другие питают его. В мире нет ничего полностью хорошего или полностью плохого. Все, что угодно, можно использовать как лекарство – даже яд, если подойти к нему мудро. А в некоторых случаях мы не даем больному ничего, ибо даже «ничего» является «чем-то».

Могло ли не заворожить меня такое видение Вселенной? Накануне я встретил человека, который нес в клинику пиявок, и мне захотелось узнать, для чего, поскольку современная медицина отвергает их как пример былого варварства.

Пиявки, по словам Махадевана, бывают двух видов: ядовитые, которыми он лечит некоторые виды артрита, и другие, более распространенные, которые помогают при блефарите – «ячмене» на веке. Всех пиявок ловили в пруду с лотосами перед больницей, где я жил.

Пациентов за дверями становилось все больше, нельзя было дальше заставлять их ждать, мы оба это чувствовали и для завершения нашего разговора Махадеван снова обратился к своим любимым священным текстам:

– «Сукарта сарва бутанам…» Создать условия для здоровья всех существ – вот цель моей науки. Лучший способ – не лечить болезни, а предотвращать их. Задача врача-аюрведиста – научить людей жить уравновешенно, разумно и сознательно.

– Раньше, вплоть до XIX века, – сказал Махадеван, – мудрость заключенная в «шастра», была частью повседневной жизни людей, особенно на юге Индии. У каждой семьи на кухне хранились травы и специи для добавления в пищу. Каждый знал, чего, в силу своей конституции, ему следует избегать, а что, наоборот, обеспечит ему хорошее самочувствие. К примеру, человеку-«вата» лучше избегать сухой и холодной пищи и так далее. Но потом, под влиянием сперва колониализма, а потом и современного уклада жизни, люди, особенно в городах, отдалились от своей тысячелетней аюрведической традиции.

Сегодня, по мнению Махадевана, аюрведе снова грозила опасность – уже не от колониализма, а, как он выразился, от «коммерциализма». Прилагательное «аюрведический» сейчас используется направо и налево для рекламы самых разных продуктов, в первую очередь косметических, которые с аюрведой ничего общего не имеют. В Керале аюрведа стала местной туристической достопримечательностью. Несколько оздоровительных центров предлагают здесь клиентам всевозможные виды массажа. Один ашрам, рекламируемый как аюрведический, вошел в моду и пользуется огромным успехом, особенно среди иностранцев, потому что там практикуют свободную любовь как средство «освобождения от всех желаний».

Я уже три дня провел в Дерисанамскопе, когда Махадеван объявил, что хочет заняться мною. «В клинике, – сказал он, – ничего не получится, придется постоянно отвлекаться. Поэтому поработать спокойно мы сможем только дома». Он передал всех пациентов, записанных на этот день, своему двоюродному брату, тоже врачу, и пригласил меня к себе.

Семейство Махадеван – имя это означает «Великий Бог», синоним имени Шива, – было одним из самых влиятельных в деревне, но их низенький домик у мощенной камнем дороги ничем не отличался от остальных. Как и к другим домам, к нему было пристроено крытое крылечко с маленькой террасой, где могли

укрыться от непогоды, остановиться отдохнуть или переночевать странствующие «садху». Это был древний способ оказания гостеприимства святым людям, кормящимся подаянием. «Утром, перед их уходом, – объяснил мне Махадеван, – женщины приносят им питье и еду, не будучи обязанными приглашать в комнаты».

В доме Махадевана был внутренний дворик, над ним нависали крыши комнат, где размещалось семейство. Привычного на Западе назначения помещений – гостиная, спальня, кухня – здесь не было. Дворик служил для того, чтобы набирать воду, стирать и мыться. «Правда, – заметил Махадеван, – для тех, кто возвращается с погребальной церемонии, совершать омовение полагается не там, а на крыльце, не переступая порога дома». Туалет находился метрах в двухстах от жилья, его не было видно.

В рассказах Махадевана о различных обычаях своей семьи звучала гордость. Это была гордость браминов, которые, сохранив верность традициям, сумели из века в век вести «размеренный и здоровый» образ жизни. В своей жизни они руководствовались священными текстами. Веды действительно определяли, как следует поступать в любых обстоятельствах, что надлежит делать и говорить, когда и как. Придерживаться этого кодекса поведения означало обеспечить порядок, гармонию и здоровье.

Дни Махадевана текли размеренно, на старинный

лад. Вся семья вставала в половине пятого на утреннюю «пуджу». Первое движение – посмотреть на свои ладони, прежде чем соединить их в знак приветствия, чтобы напомнить себе, что «я», которое символизируют две руки, само по себе не совершает поступков, не принимает решений.

– Тот, кто считает себя хозяином своих поступков, так ничего не понял, – сказал Махадеван, перефразируя стих из «Гиты». – «Я» человека не подавляется, его просто ставят перед фактом, что все – это Ишвара, Бог. То, что мы делаем – это Ишвара, а единственное, к чему следует стремиться, – это «мокша», избавление от новых воплощений.

Отец Махадевана, адвокат-пенсионер, теперь он занимался делами клиники, захотел показать мне тот уголок в доме, где совершалась «пуджа», и старый барабан, передававшийся в семье из поколения в поколение, – на нем задавался тон, чтобы петь мантры. Мне показалось, что это была единственная ценная вещь в их доме. Повсюду царили чистота и порядок.

Именно отец Махадевана объяснил мне, что в Керале некоторые семьи браминов поддерживали аюрведическую традицию даже в период упадка, передавая из поколения в поколение заученное наизусть священное писание. Поскольку аюрведа разделена на восемь частей, каждая семья отвечала за знание одной из них. Таким образом, эти знания были переданы и его отцу,

деду Махадевана, который основал эту клинику в 1924 году. Махадевану посчастливилось родиться с замечательной памятью. С раннего детства мальчик изучал аюрведу под руководством деда, потом посещал одну из самых лучших аюрведических школ, и теперь практически все тексты он знал наизусть.

Когда старый адвокат ушел в клинику, мы с Махадеваном, каждый со своим блокнотом, уселись перед изображением бога – покровителя семейства, одного из воплощений Кришны.

Махадеван сказал, что несколько дней наблюдал за мной, но так и не смог решить, к какой категории меня отнести. Он не был уверен в моей «конституционной модели», а ведь именно от этого в первую очередь зависело, каким образом он сможет мне помочь. Сразу же вслед за этим он учинил мне форменный допрос по поводу всех сторон моей жизни. Он расспрашивал о моих вкусах, предпочтениях в еде, привычках, а также о режиме кишечника, о том, как мне спится, какие сны мне снятся, о интимной жизни, памяти, усидчивости, способности к сосредоточению и медитации. О том, как я потею, как реагирую на внешние раздражители. Молчалив я или разговорчив? Любопытен ли? Быстро ли я отхожу, если рассержусь? И так далее, и тому подобное.

«Допрос» продолжался. Мы плавно перешли на «историю болезни» членов моей семьи, на наслед-

ственные заболевания. Я рассказал о своих ярких детских впечатлениях: это были похороны – сначала двух моих теток, а потом деда со стороны матери – всех сгубил туберкулез. Я помнил, как мы вернулись с кладбища, как на дороге у дома разожгли большой костер и сожгли все дедушкины вещи, чтобы никто больше не заразился, как после этого бабушка, моя чудесная деревенская бабушка, переехала к нам в чем была, не взяв ничего из того дома. А потом этот вечный страх, что я тоже заболею, анализы крови, от которых руку жгло, как огнем. Это были одни из самых драматичных воспоминаний моего детства, но Махадевана они, похоже, ничуть не заинтересовали. Но геморрой – совсем другое дело! Что-что, а геморрой вызвал у него живейший интерес.

– Как! Дважды прооперирован? С двадцатипятилетним перерывом? – он тут же захотел разузнать обо всем поподробнее.

– Геморрой, – пояснил мне Махадеван, – это «махарога», «большая болезнь». И он тут же разразился на санскрите стихами из великой книги, касающимися этой темы, словно для того, чтобы придать больше веса своим словам. Потом просмотрел свои записи, сосредоточился и сказал, что восемьдесят процентов моих ответов показали, что я – человек «вата», остальные были ответами человека-«питта» с некоторыми чертами «капха», но они, как он полагал, были

связаны с моей болезнью и не соответствовали моему типу. Итак, я – промежуточный тип, человек-«вата-питта».

Отсюда проистекало все остальное.

– Исходя из ваших ответов, – заключил он, – думаю, что ваш жизненный баланс утрачен очень давно – с самого детства. Ваша защитная система всегда была слабой. Всегда присутствовало некоторое возмущение «капха», что создавало проблемы с легкими, потом начался геморрой, важный сигнал о серьезных проблемах в нижней части брюшной полости, где как раз и концентрируется «вата». В вашем случае «вата» начала смещаться вверх. В желудке образовался некий сплав из «капха» и «питта», и это и вызвало ваше серьезное заболевание. В этом и вся патология.

Серьезность моего положения была вызвана дисбалансом между всеми тремя жизненными стихиями – вата, питта и капха. В последнее время еще больше осложнила ситуацию, по его мнению, нехватка «агни», внутреннего огня, от которого зависит весь процесс метаболизма.

– «Ахам вайшванаро бхутва праминам дехам асритаха…» Я огонь, и проявляю себя в пищеварении, – нараспев произнес он.

– «Гита», глава 15, слока 14, – отозвался я. То, чему я учился, было еще свежо в моей памяти, и я мог похвастать своими знаниями. Он был доволен, наконец-то я

его понимал!

– Агни – это Кришна, – продолжал Махадеван. – Это божество, которому мы с благоговением приносим в жертву еду, как во время «пуджи» приносят огню в жертву воду, масло, рис и другое. Мы делаем подношения божеству, и оно нас защищает. Но когда «агни» человека долго пребывает в ненормальном состоянии, накапливается большое количество ядов.

– Где накапливается? – спросил я. – В каком органе?

– Нет, нет, эти яды нельзя обнаружить, – ответил Махадеван. Потом он объяснил мне, что желудочно-кишечные патологии связаны с «агни» и, поскольку у меня патологическое «капха» и слабое «агни», возникновение у меня тяжелой болезни было предопределено: это могла быть лейкемия или любая другая форма рака.

Можно ли что-то сделать?

– Да, – сказал Махадеван. – Выход в том, чтобы помочь огню пищеварения разгореться посильнее – это усилит мою сопротивляемость и улучшит ситуацию с дисбалансом. Лечение должно быть простым: при помощи трав и прочих растений следовало усиливать «агни», огонь. Применять их нужно в виде настоя, который он мне приготовит.

– Я смешаю все травы, в которых внутри есть огонь, и добавлю еще одну травку, которая на санскрите так и называется: «агни». Когда будете принимать это сна-

добье, вам надо будет избегать любой еды с сахаром и очищенным маслом. Желательно есть самые кислые плоды – гранаты, лимоны, апельсины.

По его мнению, так удалось бы решить мою самую глубинную проблему, потому что, как он сказал, болезнь не является нормальным состоянием человека. У меня сильная воля к жизни, и мой внутренний целитель должен был взяться за дело и помочь мне.

Я спросил, что он думает об очевидном росте заболеваемости раком среди населения индустриальных стран. По мнению Махадевана, это было вызвано тем, что он назвал «патологической тратой» человеком собственного времени, собственного разума (он привел примеры бессмысленной, дурацкой работы, которую люди вынуждены выполнять), а также тем, что люди стали рабами мира чувств.

– Чем дальше люди от природы, тем больше они болеют. Сейчас человек становится все эгоцентричнее, он стремится только к развлечениям, наслаждениям, излишествам в еде и питье. Многие болезни – от неумеренности в еде, когда расходуется много «агни». Если же питаться понемногу, от этого не заболеешь. Увы, прежним правилам поведения, социального и личного, теперь следуют все меньше и меньше…

По словам Махадевана, при правильном питании желудок должен заполняться наполовину твердой едой, на четверть жидкостью и еще на четверть возду-

хом. Еду следует запивать, а разговоры недопустимы, чтобы не добавлять воздух в желудок.

Итак, прощайте, деловые обеды!

И в заключение Махадеван, как обычно, процитировал великого врача из Бенареса, который, сравнивая человеческое тело с телегой, написал еще в VI веке до Рождества Христова: «Как ось изнашивается и потом ломается, если телега перегружена, дорога неровная, возница неопытен, а колеса слабы – так и жизнь человеческая укорачивается, порою даже вдвое, если тело подвергается перегрузкам. Когда человек питается неправильно и не вовремя, неправильно стоит, сидит или лежит, не знает меры в плотских утехах, если его обдувает ветер или он дышит дымом отравленного огня. Если он не подавляет тех желаний, которые можно обуздывать, и подавляет те, которые подавлять не следует, а время проводит среди людей недостойных».

– Вот видите, – продолжал Махадеван, – подобное поведение, противоречащее морали жизни, и приводит к болезням. Но западная медицина на такие вещи внимания не обращает, она не исследует подлинную причину заболевания и метет мусор под ковер вместо того, чтобы его выбросить.

Мне такое обобщение показалось немного опрометчивым. Я подумал о своих нью-йоркских «ремонтниках», которые столько обследовали меня, столько раз все обдумывали, прежде чем приступить к лечению, и

мне захотелось их защитить.

– Но с вашими методами, доктор Махадеван, вы разве смогли бы, к примеру, выявить раковую опухоль у меня в почке? Для этого провели сложнейшее обследование.

– Ну и что? Мне случается видеть пациентов с врожденными кистами в почках. Они не знают об этом и живут себе счастливо.

– Но у меня была не киста. В лаборатории увидели, что это рак, – с этими словами я стянул с себя «курта», чтобы он увидел, какой ценой меня избавили от этой штуки.

– Но если человек живет счастливо, с какой стати ему отправлять кусок своей плоти в лабораторию? По мне, так эти врачи вас зря побеспокоили. Взгляните на это, – сказал он, указав на мою грыжу.

Мне понравилось слово «побеспокоили», то есть вырвали из состояния покоя.

Кто знает, может, в этих словах было зерно здравого смысла? Ведь мои умелые «ремонтники» так не сумели сказать мне, ни сколько времени этот чужак успел прожить в моей почке, ни с какой скоростью он рос. Может, я мог бы жить с ним до конца своих дней, не будучи располосованным, и без этой выпирающей грыжи.

Вполне возможно, молодой Махадеван не так уж и заблуждался? Еще в Нью-Йорке я прочитал об исследовании, проведенном по требованию Сената. Резуль-

таты показали, что почти половина хирургических операций в Соединенных Штатах делается зря; эти совершенно бесполезные хирургические вмешательства стоят жизни более десяти тысячам людей в год. А что, если и моя операция была одной из них?

– В сущности что такое болезнь? – спросил я.

– Форма дисгармонии с космическим порядком, – уверенно ответил Махадеван.

Мне показалось немного преувеличенным, что моя болезнь имеет такие масштабы, но идея явно привлекала. Если так, то мне больше ни к чему ложиться под нож хирургов, накачиваться сияющими жидкостями или возвращаться в лапы Паучихи.

Настали сумерки, и отец Махадевана, вернувшись из клиники, сказал, что, вместо того, чтобы прислать еду с велосипедистом, он приглашает меня на семейный ужин.

Пока мы сидели и ждали ужина, который готовили мать и молодая жена Махадевана, отец решил поговорить со мной о храме. Это его очень заботило, ветхое здание разрушалось на глазах, «пуджари» не было, и, если промедлить с реставрацией, крыша могла в любой момент рухнуть от дождей.

Он рассказал, что много поколений о храме заботилась царственная семья. Потом, когда династия пришла в упадок, эта обязанность легла на плечи местных деревенских браминов. Люди они все были не слиш-

ком состоятельные, и отец Махадевана взял на себя нелегкую задачу – собрать деньги на реставрацию храма и жалование для хотя бы одного «пуджари», чтобы он совершал ежедневные церемонии.

Меня познакомили с молодой женой Махадевана. Они были женаты всего несколько месяцев. По существующей поныне традиции невесту ему выбрали родители, и он, казалось, был счастлив.

Ужин был очень простой, мужчины сели за стол первыми, а женщины подавали. Окончив есть, Махадеван передал «тхали» жене, которая, даже не ополоснув его, положила туда свою порцию и присела рядом со свекровью. Та, в свою очередь, тоже преспокойно ела прямо из немытой тарелки мужа. Такое я видел впервые.

– Для них это честь, – объяснил мне Махадеван. – Старинный обычай.

Я представил себе, как передернуло бы европейскую или американскую феминистку от такого зрелища. Наверняка она тут же почувствовала бы себя обязанной приступить к «освобождению» этих женщин, угнетаемых тиранами-мужьями. А потом подумал, что, наверное, ту же самую феминистку очень заинтересовала бы медицинская практика доктора Махадевана, потому что именно такие западные женщины больше других открыты всему новому, менее консервативны, более склонны к «альтернативному» видению мира.

Но можно ли принимать одну сторону жизни многовековой цивилизации и отвергать другую? Все это может быть соединено нитями, которые нельзя обрывать по нашему желанию и в соответствии с нашими взглядами. Либо принимать все, либо не принимать ничего – я так себе это представляю.

Махадеван решил во что бы то ни стало проводить меня до больницы. Уже совсем стемнело, фонари не светили, и он боялся, как бы я где-нибудь не упал. Я воспользовался случаем, чтобы узнать по дороге его мнение о курсе Рамананды «Йога и Звук». Может ли музыка оказаться полезной для моих свихнувшихся клеток?

– Конечно. Клетки – они ведь тоже обладают сознанием, – ответил он. – Только ногти и волосы ничего не осознают, поэтому их и можно стричь безболезненно.

В тот вечер мне не сразу удалось уснуть. Нос у меня был заложен из-за синусита, во рту пересохло, в голове крутились обрывки недавних разговоров. Я вновь и вновь возвращался к вопросу, что же такое болезнь? Об этом я уже как-то спросил Лучио Луццатто в Нью-Йорке, а тот уклонился от ответа, сказав, что предпочитает говорить о раке, по поводу которого имеется более или менее четкое представление. Как бы он, ученый, воспринял ответ Махадевана: болезнь – состояние дисгармонии с космическим порядком? Хотя, как знать…

Когда я еще был пациентом Онкологического центра, меня заинтересовала история небольшой общины камбоджийских беженцев, попавших в Америку после того, как они чудом уцелели при кровавом режиме Пол Пота и красных кхмеров. Жили они в маленьком поселке в пригороде Лос-Анджелеса. Многие, в большинстве женщины, внезапно ослепли. Объяснений этому найти так и не удалось. Сто пятьдесят женщин были тщательно обследованы, и выяснилось, что все они клинически здоровы: их глаза передавали в мозг нормальные импульсы света и движения. Но при этом женщины не видели! Возможно, дело в том, что в жизни им уже довелось увидеть слишком много. У них на глазах пытали и убивали их близких в Камбодже, а сейчас, в Америке, они оказались в совершенно чуждой среде. С глазами у них все было в порядке, они просто отказывались что-либо видеть.

Позже, в Индии, на меня произвела впечатление история, описанная в одной из книг Джима Корбетта, знаменитого английского охотника на тигров-людоедов. Как-то вечером он со спутниками разбивает бивуак у горы Тришул, одной из самых высоких в Гималаях. Туземцы из его экспедиции пляшут и веселятся у костра. Среди них и самый старый из слуг Корбетта, его первый помощник на охоте. Внезапно старику становится плохо, он падает без чувств.

– Это дух Тришула вошел в него, когда он открыл рот,

чтобы запеть, – утверждают остальные слуги и носильщики. Корбетт отправляет больного в его деревню, потом везет в больницу, в другую, приводит английского военного врача, но все напрасно.

– Чтобы дух Тришула оставил его, старик должен умереть, – говорят люди. Так и происходит, слуга просто не сопротивляется и позволяет себе умереть. Все врачи в один голос утверждали, что он здоров. Тогда что же это было?

С точки зрения тела все было в порядке, но с точки зрения человека как целого, о котором говорил Махадеван, нарушилось равновесие, прервалась космическая связь. Этот человек потерял (причиной был не дух Тришула, а что-то другое) контакт со вселенским сознанием, на котором, по словам Свами, держится мироздание, так мудро устроенное. Это вселенское сознание проявляется в человеке как жизненная сила, как инстинкт выживания.

С точки зрения науки этот аюрведический подход – рассматривать здоровье и болезнь как баланс и дисбаланс, а лечение как восстановление нарушенной гармонии – является нелепостью. А я видел в этом свою правду. Болезнь всегда субъективна, это в первую очередь наш личный опыт, а он у каждого свой. Каждая болезнь – результат нашей жизни, это наша болезнь. Нелепо не признавать этого и считать, что достаточно принять лекарство и беды позади.

Мне нравилась идея «риши», которые считали, что залог здоровья – это прежде всего «правильная жизнь». Но готовы ли мы изменить свою жизнь, далеко не праведную? Измениться – нет ничего труднее. Мы боимся перемен, и никто на самом деле не хочет вносить поправки в собственный образ жизни. Поэтому мы предпочитаем общепринятую терапию; устраняем приступы астмы аэрозолями, аллергии – антигистаминными препаратами, а головной боли – аспирином. Это же намного легче и быстрее, чем разобраться в причинах заболевания. Если бы мы обнаружили, что наши болезни вызваны неподходящим жильем, общением с пошлыми, неинтересными людьми, вредной едой, бессмысленной работой, пошли бы мы на то, чтобы все изменить?…

Изменить, но как? Это ощущение бессилия увеличивает нашу предрасположенность к заболеваниям.

Когда я наутро явился в клинику, Махадеван отвел меня на кухню – посмотреть, как его родные хлопочут, поддерживая огонь под котлом, в котором варилось лекарство. Наученный опытом Коттакала, я не стал спрашивать, что это за состав. Я уже твердо решил, что буду принимать это лекарство, и достаточно было посмотреть, как истово и любовно они над ним трудятся, чтобы уже почувствовать себя лучше. Да и в запахе не было ничего подозрительного – он был острый, сильный, но вполне приятный.

Когда я сказал Махадевану, что мне не удалось выспаться из-за синусита, он тут же послал в аптеку за ароматическими травяными сигаретами, которые я должен был курить.

Я провел остаток дня в заботах о своем носе. Лежал на койке, читал, вдыхал дым, наслаждался запахами и звуками, доносившимися из деревни: детские голоса, птичьи крики, далекий собачий лай, громыхание кастрюль, пение молитв.

Казалось, что мне все знакомо в этой деревушке. Все просто, опрятно, ни богачей, ни бедняков, все повинуется привычному ритму, и каждый пребывает в гармонии с богами, к которым ежедневно обращается. У меня появились знакомые, и одним из них был преподаватель на пенсии, который взялся присматривать за посвященной Ганеше часовней в начале мощенной плитами дороги. Каждое утро в половине седьмого он отпирал калитку, ополаскивал плошки и менял цветы. Вечером он снова закрывал вход и зажигал маленькую масляную лампадку. Это, как он считал, был его вклад в жизнь деревни.

Таким, наверное, и был мир, в котором родились Веды. Такой была среда, в которой жил и работал Махадеван со своей «медициной для бедных». В этих условиях она имела смысл, здесь он мог говорить о профилактике, о правильной жизни и связи с космосом. А как же в современном городе, где каждый сам по

себе, чужак среди чужаков? Где здоровье заключается только в том, чтобы как-то отреагировать на болезнь, прийти в норму, чтобы наутро «винтику в механизме» выбраться из дому, давиться в метро, работать… а вечером уставиться в телевизор в своем «футляре». В таких условиях и необходимы «ремонтники», там неизбежно приходится полагаться на химию, транквилизаторы, светящиеся жидкости и тому подобное.

Так что же, Махадеван и его наука были бесполезны для меня? Ни в коем случае! Махадеван – идеальный врач для здорового человека. Врач, которого любому хорошо бы узнать пораньше, чтобы он научил, как есть и как поститься, как ходить и как расслабляться. Научил бы правильно стоять и сидеть (это так важно!), дышать в полную силу легких, а не поверхностно. Рассматривать акт физической любви не как гимнастику, а, если уж на то пошло, как высокую йогу (раз мы теперь все разбираемся в йоге), как акт единения. Словом, тот врач, который бы научил нас жить правильно.

Я смотрел на себя. При всей моей симпатии к этой культуре и готовности прислушаться к ее советам, я был всего лишь западным пиратом, пытающимся взять на абордаж этот последний корабль Востока, чтобы попробовать завладеть… лекарством. Я мог найти это лекарство, мог им воспользоваться, но мог ли я, положа руку на сердце, ожидать, что оно окажет на меня, больного из другого мира, то же воздействие, что

на местного страждущего, который подкрепил бы это лечение омовением в священной реке, долгим, утомительным паломничеством или просто пением мантр?

Иными словами: можем ли мы довериться холистической медицине, если при этом не ведем холистическую жизнь? А вести ее – куда сложнее, чем медитировать, пить настои, заниматься йогой, лечиться травами – для того только, чтобы хвастануть своим образом жизни где-нибудь на тридцать седьмом этаже нью-йоркского небоскреба или на свидании в стильном уголке в центре Милана!

Не была ли аюрведа на Западе еще одним примером утраты собственной почвы, родной среды, примером «детерриториализации», о которой говорил Леопольд (а может быть, заодно, и утраты своего времени)?

В один из моих последних вечеров в Дерисанамскопе после привычной прогулки до храма и назад меня ждал сюрприз. В соседней комнате поселилась пара новичков. Это оказались старый педиатр с женой, мои, так сказать, «со-ашрамники». Оба мне очень нравились, и я обрадовался новой встрече. Он, невысокий, бодрый, вдумчивый, его прощальная речь, обращенная к Свами, была чудесной – тонкой, умной, проникнутой истинной любовью и благодарностью. Она – повыше ростом, прямая, сердечная, всегда внимательная к мужу, готовая его поддержать.

Поджидая велосипедиста с ужином, мы сидели во дворе у наших комнат. Вспомнили некоторые эпизоды из жизни в ашраме, потом она заговорила о своей семье – индийцы любят эту тему и в этом смысле очень похожи на итальянцев. Но на этом сходство закончилось, потому что продолжение разговора никогда бы не смогло состояться в Италии – да и вообще нигде, кроме Индии.

Женщина все еще говорила, сколько у них детей и внуков и чем каждый занимается, когда муж перебил ее, чтобы рассказать, как незадолго до отъезда на курсы Веданты, они собрали всех: сыновей, невесток и внуков – и объявили, что с этого дня их дедушка и бабушка, прожив всю жизнь в умеренности и воздержании (они никогда не ели мяса, а к алкоголю прикоснулся однажды только он), теперь решили отказаться и от секса. Он в шестьдесят два года, она в шестьдесят дали обет целомудрия, чтобы лучше сосредоточиться на своем духовном пути. Дети, невестки и внуки одобрили это решение и устроили им большой праздник.

– Чувство могущества, которое приходит к тебе после принятия такого решения, почти не уступает самому наслаждению, – заключил педиатр. Потом вспомнил, как отец говаривал ему в детстве, что человек, уверенный в себе и полный решимости, может остановить тигрицу и подоить, как корову.

– Наш разум обладает невероятной силой, и с его

помощью мы можем делать все, что угодно, – добавила женщина. Раньше она была медсестрой, потом несколько лет возглавляла школу для медицинского персонала, а теперь у них с мужем была одна, последняя цель: достичь «мокши» в этой жизни.

Они приехали в клинику к Махадевану, чтобы пройти пять курсов «панчакармы» (очищения при помощи масел и массажа) и, в соответствии с классическим йоговским принципом, укрепить тело, чтобы полностью посвятить себя освобождению.

– Когда, подобно черепахе, прячущейся в панцирь, медитирующий отрешается от ощущений, видение его становится устойчивым, – сказал старый педиатр, цитируя строки из «Гиты».

Я был очарован и в глубине души восхищался их решением. В том, что они делали, не было никакого морализаторства. Это была только убежденность, впрочем, вполне понятная, в том, что желающий достичь цели должен направлять всю свою энергию в нужную сторону, а не куда попало. Целью обоих было отрешиться от тел, поэтому им незачем было продолжать прислушиваться к ощущениям плоти.

В индийской традиции воздержание всегда рассматривалось как необходимое условие познания. Подросток, отправляющийся жить в гурукулам, давал обет «брахмачарья», потому что в этот момент его целью было познание внутреннего мира, Атмана, а не внеш-

него, воспринимаемого через ощущения. Когда заканчивался период обучения с гуру, заканчивались и обязательства «брахмачарья» и юноша имел полное право искать различных утех.

Сам по себе секс никогда не считался в Индии (по крайней мере, до мусульманского завоевания) чем-то недостойным или же промыслом дьявола. Иллюстрации к «Камасутре», высеченные на камне, уже несколько веков покрывают стены одного из самых удивительных храмов – Каджурахо. До сих пор на деревенских базарах продаются эротические изображения, выполненные на листьях бамбука, чтобы матери могли научить дочерей, как в замужестве быть хорошими любовницами.

Мы с педиатром и его женой вспомнили, как Свами иногда забавлялся, сравнивая индийское отношение к гениталиям с западным. Он говорил об этом без тени смущения и отмечал мудрость древних, которые поместили «лингам» и «йони» в центр своей религии. Они поняли, что нет ничего совершеннее и священнее, чем эти органы, которым все мы обязаны своим появлением на свет. «Западные люди, – говорил он, – прикрывают их фиговыми листами; мы, индийцы, украшаем их цветами!»

Я просто диву давался, как свободно я сам говорил о сексе с педиатром и его женой. Была какая-то мудрость в этом их стремлении отдалиться от всего, что

обычно требует от человека пристального внимания или много времени. Они рассматривали свой обет воздержания как часть нового равновесия, к которому оба стремились. Главная идея – это всеобщая гармония Вселенной и достаточно следовать за природой, чтобы поступать правильно. Фрукты и овощи полагается есть в соответствии со временем года, когда они созревают, потому что земля дарит нам «горячие» плоды в холодное время, а «холодные» в жаркое. Для моих знакомых наступило новое «время года», в котором физическим ощущениям отводилось куда меньше места. Я их понимал.

Ну а мы на Западе? Теперь мы едим то, что захочется и когда захочется. Капусту – весной, вишни – зимой. Продолжаем заниматься любовью в восемьдесят с помощью «Виагры». А последствия? Отдаленные – непредсказуемы, а из сиюминутных рисков можно в случае с «Виагрой» назвать тот же инфаркт.

Кому-кому, а старому педиатру это не грозило. На следующий день вместе со своей милой женой, с которой он, разделив жизнь, теперь собирался разделить последнее духовное приключение, он должен был приступить к циклу очистительного массажа.

После недели спокойной, упорядоченной жизни отъезд из «Места, откуда пущена стрела» стал для меня настоящим расставанием.

Садясь с другими пациентами в автобус, идущий на

север, я оглянулся: на крыльце стояли Махадеван с отцом, его двоюродный брат, еще несколько родственников и педиатр с женой. А вдали я увидел ее: величественная и мрачная, каменная демоница неподвижно смотрела в небо. При жизни она лишала покоя мудрецов и самого Раму, сейчас, словно в искупление своих злодейств, охраняла – в этом я был уверен – этот эфемерный, как мыльный пузырь, маленький мир, где жили традиции, и этих немногих верных последователей великих старых учителей жизни, «риши».

Мне хватило нескольких километров пути, чтобы понять, что за уникальное это место – Дерисанамскопе – и как повезло его жителям. Вскоре стали попадаться деревни с неоновыми крестами новых церквей, построенных протестантскими агрессивными сектами, о которых говорил Свами. Они были большими и здесь неуместными с их выпяченным напоказ достатком. Все они были закрыты, так как день был будний.

Вот бы узнать, удалось ли отцу Махадевана найти деньги на ремонт старого храма Рамы, чтобы поддержать его жизнь еще немного?

ФИЛИППИНЫ

Исцеленные магией

Мальчик, голый по пояс, неподвижно лежит на земле. Рядом мужчина с ножом; один взмах – и горло ребенка перерезано. Или это только кажется зрителям… Течет кровь.

– Это мой сын! – кричит мужчина толпе. – Но я должен принести его в жертву! Так велела богиня Кали, у меня нет выбора!

Он замахивается для последнего удара, и кажется, что детская головка сейчас слетит с плеч.

Из охваченной ужасом толпы слышатся крики:

– Нет… нет… не надо, остановись!

Но мальчик еще жив; его глаза расширены от ужаса. Мужчина, похоже, колеблется.

– Вы, правда, хотите его спасти? – спрашивает он.

– Да! Да!.. – кричит толпа.

– Ну, есть один способ, – говорит человек. – Кали может принять в дар голову козы вместо головы моего сына, но я человек бедный, а коза дорого стоит. Помогите спасти его. Дайте хоть сколько-нибудь, каждый понемножку…

Монетки дождем сыплются из рук зевак, падают вокруг отца и сына.

– Спасибо! Спасибо, – шепчет человек; он медленно накрывает маленькое тельце ветхим одеялом. Потом вскидывает руки к небу и молит богиню Кали вернуть ему сына живым и здоровым. Толпа немеет: одеяло шевелится… Человек сдергивает его: мальчик, целый и невредимый, голова на месте, вскакивает на ноги и бросается собирать разбросанные по земле деньги. Улыбающийся отец театральным жестом вытирает тряпкой окровавленный тесак.

На площадях Индии такое действо частенько повторяется. Люди, даже зная заранее, чем все закончится, снова и снова, всегда с неизменным любопытством, будто в первый раз, позволяют себя пугать и развлекать, а в конце с готовностью раскошеливаются. Это происходит из века в век, причем не только в Индии. И реакция публики, наша реакция, неизменна, ибо происходящее затрагивает нечто глубинное в душах, нечто, не меняющееся со временем и не зависящее от места: желание заглянуть «за грань», увидеть мир не тот, что нам знаком.

Что нам подсознательно нравится в чародеях, что нас завораживает в фокусниках, так это их умение ошеломить нас. Власть их неотразима. Нет, конечно, мы знаем, что невозможно из пустой шляпы извлекать кроликов и голубей, что нельзя распилить надвое жен-

щину, а потом чудесным образом вернуть ей прежний вид, и все же готовы вновь и вновь наблюдать за этим зрелищем, каждый раз радуясь, что дали себя провести.

Конечно, все это просто трюк; нас обманывают, но мы не хотим разоблачения обманщика, не хотим лишать себя радости иллюзии. Мы знаем, что маг меняет не действительность, а лишь наше восприятие этой действительности. Но при этом удивляет нас, завораживает, а порой даже дарит нам крохотную надежду на то, что мир может быть чудесным – таким, каким показывает его маг, а не таким, каков он на самом деле.

О филиппинских хилерах и «психической хирургии», при помощи которой они извлекают из человеческого тела опухоли и прочую пакость, не оставляя при этом (как в рассказанном классическом трюке с мальчиком) никаких следов, я знал практически все, что было возможно. Пятнадцать лет назад я занимался этой темой как журналист. Две недели я ходил по пятам за знаменитыми в то время целителями, наблюдал, как они оперируют, общался с их пациентами – теми, кого чудесным образом исцелили, и с теми, кого не исцелили. В результате я пришел примерно к тем же выводам, что и мои предшественники. А именно: хилеры – на самом деле умелые иллюзионисты; их «чудеса» – не более чем виртуозно выполняемые трюки, разоблачить которые, наблюдая за ними простым глазом, трудно, даже

находясь рядом.

Не удалось это и мне. Я видел, как вынимают из глазниц глаза, «лечат» их и водворяют на место (как я обнаружил позже, это еще один классический номер индийской магии, на которой специализируются факиры). Видел сгустки крови и куски плоти, извлекаемые из горла или живота больного, но, сознаюсь, так и не смог понять, каким образом целители создают эту иллюзию. Выходило это у них настолько реалистично, что однажды они и меня заставили похолодеть от ужаса.

Случилось это во время давнего двухнедельного пребывания на Филиппинах. Я приехал туда с сыном Фолько – ему тогда было шестнадцать, и он живо интересовался паранормальными явлениями. Однажды в Маниле, когда целитель после очередной операции спросил, не нуждается ли кто-нибудь еще в помощи, мой неугомонный сын вышел вперед. Проблема была типичная для его возраста – юношеские угри.

Хилер велел Фолько снять рубашку, уложил его на кушетку, дал распятие и сказал, чтобы он закрыл глаза. Потом одну руку положил на горло Фолько, а другую просунул под затылок. Я стоял совсем рядом; наведя фотоаппарат, я уже приготовился снимать процедуру (с расстояния менее метра), и тут хлынула алая струя, заполнила ямку под горлом Фолько, залила его грудь. Я окаменел от ужаса, как я мог позволить та-

кое? Как я мог рисковать жизнью сына, чтобы удовлетворить его юношеское любопытство – или, что еще хуже – мое любопытство журналиста?

Паника моя длилась недолго. Прошла минута, возможно меньше, и все закончилось. Фолько встал, весело улыбаясь; я, тут же вновь превратившись в журналиста, тайком завладел одной из бумажных салфеток, которыми ассистенты хилера вытирали «кровь». Но спрятать ее в карман, чтобы потом отдать на анализ, я так и не успел. Рука одного из молодых телохранителей, на вид таких кротких и благообразных, мертвой хваткой вцепилась в мое запястье; он сжимал мою руку, выкручивая ее, пока я не сдался и не выпустил свою добычу – доказательство обмана. У Фолько после этого действительно не стало угрей, но, по-моему, их и прежде не было.

С тех пор прошло много лет. Добрая и дурная слава филиппинских хилеров оставалась неизменной. Но изменился я, теперь мне было кое-что известно об используемых хилерами психических механизмах, я не так скептически относился ко всему, что может способствовать «исцелению» человека. А главное, теперь больным был я сам – больным, который, испытав на себе средства традиционной медицины, заинтересовался остальными.

Поэтому, когда я услышал, что преподобный Алекс Орбито, ныне самый выдающийся филиппинский це-

литель, открывает в своей родной деревне к северу от Манилы Пирамиду Азии, чтобы сделать из нее Всемирный центр здоровья, я решил туда отправиться.

Я всегда испытывал слабость к филиппинцам; мне по душе были их иронический фатализм, трогательная самонадеянность, с которой они пытаются приукрасить свою нищету, их теплота, их открытое сердце. Они наименее азиатские из всех азиатов, латиняне Востока. Они всегда были мне близки чисто по-человечески, возможно, потому, что им, как и мне, не слишком нравится жить по правилам.

Один из самых типичных местных видов транспорта – это «джипни», удлиненная и филиппинизированная версия старого военного американского джипа, используемая как маршрутное такси. На самом деле от джипа в этих колымагах остался один остов, а более неудобных сидений и вообразить нельзя, но при этом «джипни» – это радость на колесах, а не машина. «Джипни» весь увешан флажками, вместо клаксона у него настоящая труба, а бока разукрашены фантастическими пейзажами, лицами кинозвезд и призывами самого странного свойства. На боку первого «джипни», который попался мне по дороге из аэропорта, крупными буквами было написано: «Готовьтесь, Иисус грядет!»

Оперативный центр большого фестиваля, посвященного открытию Азиатской Пирамиды, расположил-

ся в отеле на бульваре Рочас. Для приветствия иностранных делегаций вывесили большие зеленые полотнища. У входа была регистрационная стойка; отметившись, прибывшие получали сувенирные сумки, полагавшиеся каждому участнику. На сумке указывались дата и место проведения конгресса, а внутри – брошюры по теме, программа, блокнот и сувенирная ручка.

Достаточно было оглядеться, чтобы понять, что Алекс Орбито превратился во что-то вроде транснациональной корпорации со своим туристическим агентством под названием «Орбитурс», готовым организовать для желающих «экскурсии, оздоровительные мероприятия и шопинг». В рекламном проспекте упоминался офис, занимающийся связями с общественностью и многочисленными «филиалами» по всему миру, в которых ежегодно Орбито оперировал одного за другим, как на конвейере, сотни человек.

Вокруг него вращалось все: семья, члены которой делили между собой остатки его славы, представители различных стран – каждый из которых старался извлечь свою выгоду из его успеха; настоящие больные, больные мнимые; одинокие люди в поисках чего-то или кого-то, за что можно ухватиться; и многочисленные преданные ему поклонники. Некоторые утверждали, что у них была конечная стадия рака или другой неизлечимый недуг и они излечились; они были уверены, что перед ними – человек света, что-то вроде бога на

земле.

Сам он был неприметен. Если бы не обожание и преклонение, которым он был окружен, я бы на него и внимания не обратил: среднего роста, одетый как коммивояжер, худой, непримечательной внешности, с лицом, которое у меня не вызвало особого доверия, как и то, что он красил волосы, чтобы спрятать седину, – поди знай зачем. Преподобный Алекс Орбито, член филиппинской католической секты спиритуалистов, родился в 1940 году. Он был младшим из четырнадцати детей женщины-медиума, почти все его братья стали хилерами или ясновидящими. В полученной сумке я обнаружил брошюру с «житием» Орбито; там, в частности, объяснялось, что Пангасинан, местность, в которой родились многие хилеры, и Орбито в их числе, отличается уникальной концентрацией энергии, унаследованной от необыкновенно развитой цивилизации древнего континента Лемурии, ушедшего под воду сотни тысяч лет назад.

«Алекс концентрирует в руках, особенно на кончиках пальцев, эфирную энергию, которая позволяет ему проникать в материю на клеточном, а также внутриатомном уровне, где энергией и материей можно обмениваться. А это, как вам, конечно, известно, – достоверный факт, признанный даже квантовой физикой. Энергия эта исходит не от Алекса, а от Высшей Сущности. Алекс – это лишь канал».

Это был типичный образчик языка, от которого меня просто наизнанку выворачивает, но я сдержался. Ответственный за связи Орбито с общественностью, пожилой человек, бывший журналист, видя, как я слоняюсь по холлу и распознав во мне «неделегата», очень ловко отрекомендовался, процитировав Кьеркегора: «Есть два способа обманываться: верить в неправду и не верить в правду». Тут же он принялся настойчиво рекламировать мне Алекса и его способности. «Алекс видит Филиппины как мост между Востоком и Западом эпохи „нью-эйдж“: свет христианства, духовно озаряющий весь мир».

Я не был расположен к подобным разговорам, но все-таки дослушал – всегда можно узнать что-то новое, чему-то научиться. Особенно меня заинтересовали слова о том, что Орбито совершенно не знает анатомии, не хочет смотреть на рентгеновские снимки и на результаты анализов будущих пациентов. Его способ побеждать болезни был совершенно другой.

Чуть позже я распрощался и отправился в маленькую гостиницу в Пасай Сити.

На следующий день, пока делегации, опекаемые «Орбитурсом», ездили на экскурсии и занимались шопингом, я пошел побродить по улицам Манилы. Зрелище нищеты порой было таким ужасающим, что я начал испытывать что-то вроде симпатии к Орбито и всем этим шарлатанам, его родственникам и нахлебникам,

которым удалось найти собственный способ вырваться из этой среды. Другие же филиппинцы продолжали искать свой путь спасения.

В квартале Мабини у биржи труда, именуемой истинно по-филиппински «Центр развития человеческих ресурсов», выстроились привычные очереди из тех, кто надеется наняться на судно или получить работу в любой стране Среднего Востока. Молодая женщина ласково поглаживала по руке подвыпившего пожилого европейца, ожидавшего страховой выплаты части пенсии. Каждое объявление, которое попадалось мне на глаза, дышало надеждой: «Требуется медсестра. СРОЧНО». Наверное, это было «срочно» лет двадцать тому назад, если судить по блеклым и полустертым надписям: «Гинекология», «Педиатрия», «Рентген». Нет, уж лучше к целителям!

И все-таки никто не терял надежду. Ни те, кто стоял в очереди за визой или работой, ни та женщина, которая подавала мне знаки и улыбалась беззубым ртом, пытаясь изобразить подобие танца у картонной лачуги, ни безнадежные больные, которые приезжали к Орбито, все же веря, что только его чудеса могут их спасти.

Но существуют ли они на самом деле, эти чудеса, и что такое чудо? Конечно, чудеса существуют; время от времени с нами случаются невероятные вещи, чью природу мы не в силах понять, потому что они – исключение из правил, по которым живет все «нечудесное».

Говорят, что чудеса происходят в Лурде, и я уверен, что это так, но нелепо говорить, что вода Лурда гарантированно ставит на ноги калек и возвращает зрение слепым. Эта вода такая же, как и любая другая; максимум, что она может сделать, – это утолить жажду. Да, случается, что среди тысяч людей, которые добираются до Лурда, преодолевая препятствия и терпя лишения, может найтись слепой, который вдруг прозреет там под песнопения, причитания и молитвы, или калека, который вдруг встанет и пойдет. Вот поэтому вода и считается «чудотворной». В том и чудо – что не любого исцеляет. Если бы исцелялись все подряд, вода из чудодейственной стала бы чем-то вроде аспирина – глотнешь и исцелился.

В этом смысле я был уверен, что Орбито творит чудеса. Но может ли он сотворить чудо со мной? Для меня было ясно, что нет, так же, как и то, что я не должен мешать прочим надеяться.

После обеда я снова зашел в фестивальный центр. Приехали новые люди, особенно много было больных. Самое щемящее впечатление производили дети – я уже видел таких в Онкологическом центре – испуганные глаза, бледные, желтоватые лица, облысевшие головы после «химии». Я сторонился знакомого «пиарщика», зато подошел поболтать с делегатами – сначала с немецкими, потом с итальянскими.

По рассказам, чудесные исцеления были похожи

друг на друга до мелочей; пациентов, которых привозили на носилках, Орбито возвращал к жизни; опухоли мозга бесследно исчезали к совершенному изумлению «нормальных» врачей: «Но это же черная магия!» Во всех историях подчеркивалось одно: исцеляется тот, кто готов исцелиться. Не обязательно иметь веру, но нельзя быть настроенным негативно. Но чем больше я слушал, тем «негативнее» становился сам. И это меня беспокоило, потому что все в один голос повторяли одно: стоит поблизости появиться кому-то, кто «несет в себе негатив», Орбито немедленно это чувствует и такого человека изгоняет, потому что при нем операции не удаются. Я уже заранее считал себя разоблаченным.

Среди итальянцев был один, очень складно излагавший точку зрения «верующих». «Хилеры, – говорил он, – суть соединение индуизма, шаманства и христианского милосердия. Хилеры – предвестники будущего, потому что человечество дошло до точки и нуждается в новом инструменте познания… Даже Вергилий, сопровождавший Данте в его странствии, останавливается перед вратами рая и говорит: „Теперь тебе нужен другой провожатый, не я“. Тут одного разума уже недостаточно, нужно сердце… Филиппинские целители указывают нам новый путь к пониманию мира. В этом смысле роль их уникальна, так как они знают способ передачи духовной энергии… Алекс – алмазное

острие новой школы… Другие целители, как Саи Баба, негатив не устраняют. А вот Алекс, уловив отрицательную вибрацию, отключает собственное сознание, становится каналом Большого Ангела и устраняет негатив. Когда Алексу приходится давать советы о вещах, ему самому неизвестных, он слышит некий звук и все время вслушивается в него, не переставая говорить. Если звук ровный – это значит, что он говорит правильно, и Алекс продолжает, если же звук повышается, он понимает, что ошибся и надо исправиться… Кстати, строго между нами: если Алекс видит, что у человека нет шансов на спасение, он говорит ему: „Благословляю тебя“, и при этом передает пациенту энергию, которая подталкивает того к смерти – гармоничной смерти… Рука Алекса проникает в тело пациента с такой же легкостью, с какой рука обычного человека погружается в воду, потому что он входит с этим телом в состояние резонанса. Все в мире резонирует…»

Я провел пару часов, слушая этот абсурд, и почувствовал себя плохо. У меня было впечатление, что, слушая речи одержимых, я и сам начинаю повреждаться в рассудке. Может, такое состояние и способствует созданию условий для чуда, но я не мог заставить себя стать частью этого «мы».

Перед тем как покинуть гостиницу, я отправился в офис «Орбитурса» узнать, как бы посетить пирамиду. Оказалось, все было предусмотрено: меня, хоть и не-

делегата, прикрепили к одному из итальянских автобусов. Но одна мысль о том, что мне придется провести шесть-семь часов в компании этих верных адептов, приводила в ужас. К счастью, два вечерних телефонных звонка спасли меня. Сначала я позвонил Фрэнки, старому другу-писателю (он как раз отправлялся на север и охотно согласился сопровождать меня к пирамиде). Потом я связался с самым большим исследователем феномена целительства, профессором престижного Филиппинского католического университета Манилы. Он соглашался встретиться, и я отправился к нему.

Падре Хайме Булатао, восьмидесятилетний иезуит, основатель первого факультета психологии на Филиппинах, сорок лет проработавший психиатром, ждал меня, сидя в кресле в кабинете, полном книг. Частично парализованный, он с трудом передвигался, опираясь на алюминиевый костыль, но голова его работала великолепно. После моих разговоров с «верными адептами», чье начетничество и ограниченность меня порядком утомили, общение с падре Булатао, его острый ум и отсутствие предрассудков в сочетании с мудростью и любознательностью действовали благотворно.

Десятилетиями падре Булатао занимался изучением филиппинской души; он неоднократно наблюдал за процессом исцеления, сам принимал в нем участие и мог ответить на все мои вопросы и сомнения.

Он начал с того, что очень деликатно осведомился, не приехал ли я к нему как журналист с целью вытянуть из него пару высказываний, чтобы разоблачить хилеров. «Это уже проделали многие международные еженедельники, немецкое телевидение даже сняло документальный фильм, но польза от него была невелика», – сказал он. Показать трюки хилеров, доказать, что кровь не кровь, а «опухоли», которые извлекаются из живота пациента, просто куриные кишки, – не так важно. По мнению падре Булатао, надо было понять, помогают ли эти трюки и если да, то почему.

«…И если это годится для лечения людей, то будьте любезны!» – заключил он.

Я внезапно почувствовал, что он симпатизирует хилерам, особенно некоторым великим целителям прошлого. Хилеры были филиппинцами, как и он. Иностранцы, которые приезжали сюда, чтобы на скорую руку отыскать простое объяснение для сложного явления, наверняка были ему не по душе. В сущности хилеры были его коллегами. Он не делал секрета из своей репутации экзорциста. Падре Булатао пользовался собственными методами, в первую очередь гипнозом, но ведь и это может расцениваться скептиками как некая форма магии.

Я поспешил развеять его опасения. Объяснил, что приехал из Индии, родины магии; изучал Веданту, идеологический фундамент той цивилизации, что рас-

сматривает всю Вселенную как «майя», иллюзию, Бога – как небесного чудотворца, а базарного фокусника до сих пор воспринимает, чуть ли не как бога на земле. «Я, кажется, понял, – сказал я, – насколько были близко, особенно вначале, магия и религия и как трудно было провести грань между магами и жрецами, магическим зрелищем и религиозным обрядом». Я рассказал ему, что в Джатаках, историях о предыдущих жизнях Будды, есть многочисленные эпизоды, связанные с магией. А в Китайских Анналах первого века от Рождества Христова рассказывается об индийском маге, который при дворе тогдашнего императора поразил всех: проделав руками дырку в собственном животе, он извлек оттуда несколько метров кишок – точно, как его нынешние «коллеги»!

Падре Булатао мой рассказ позабавил; его глаза улыбались за толстыми стеклами очков. Потом, словно желая подвести под наш разговор теоретическую базу, он сказал, что представление о действительности – вещь весьма относительная и в каждой культуре имеется свое понятие о реальности. «Когда вера укореняется в культуре народа, она становится реальностью», – сказал он, и я согласился.

Он был убежден, что для филиппинцев мир духов столь же реален, как и мир материальный, и каждое явление, которому нельзя найти нормального объяснения, без тени смущения приписывается действи-

ям «духов». Врачам не удается вылечить больного? Нужно определить, какой дух причина этому, и умилостивить его. Для защиты от духов существуют амулеты «антинг-антинг» и разные молитвы. Кроме того, есть люди, обладающие особой властью над духами, как, например, классический травник-знахарь, деревенский травник-маг-целитель или некоторые священники. Он, падре Булатао, был одним из них.

– Духи – часть филиппинской жизни, причем настолько важная часть, что вам, европейцам, это трудно себе представить, – сказал он. – Вспомните римский Пантеон, храм, посвященный античным богам, и как хватило указа папы, чтобы превратить его в католическую церковь. Римские боги умерли и не воскресали больше. На Филиппинах такое было бы невозможно. Здесь духи деревьев, рек, гор живут из века в век и вселяются в тела нынешних людей.

Именно в этом контексте, по мнению падре Булатао, следовало рассматривать деятельность целителей и возникший сравнительно недавно феномен психической хирургии. Он вынул из шкафа книгу – это были письма, написанные в 1603 году его коллегой-иезуитом падре Педро Чирино, в которых рассказано, как в те времена филиппинцы устраивали – причем именно там, где сейчас находится университет, – большие кровавые церемонии, чтобы умилостивить духов или, к примеру, излечить больного.

Испанцы сделали все возможное, чтобы искоренить эту практику, но до конца это им так и не удалось, и в конце XIX века в результате усилий спиритуалистов, находившихся под влиянием одного французского миссионера, эти методы вновь распространились и стали популярны. Возглавил это возрождение некий Терте из Пангасинана. Он вновь ввел в обиход «традицию крови», и именно у него, а также у его последователей, учились все знаменитые хилеры. Один из них был большим другом падре Булатао и не скрывал от него, что использует пузыри, наполненные кровью животных или любой похожей на кровь жидкостью.

– Важно то, – сказал падре Булатао, – что люди ждут чего-то и это «что-то» происходит. Они ждут выздоровления и выздоравливают. Кровь и впечатление, что руки хирурга проникают в их тело, – продолжение их ожиданий. Иллюзия здесь необходима.

В его практике ему тоже случалось инсценировать «операцию», чтобы вылечить пациента. Он рассказал мне об одном случае: это была беременная женщина, у которой внезапно началась анорексия: она перестала есть. В ее сознании звучали голоса неких судей, повторявших роковой приговор: «Тебе не быть матерью!» Падре Булатао ее загипнотизировал, приставил бумажный кулечек к ее уху и говорил: «Вот, один судья вышел… теперь другой…» И с каждым разом падре подергивал женщину за ухо. После шестого раза

он вывел пациентку из гипноза, и она сказала, что ей стало легче. Но он посоветовал не расслабляться, дело еще не закончено. Ей следовало прийти на следующий день для изгнания седьмого «судьи».

– Иначе было нельзя, – объяснил падре Булатао. – Все знают, что человек бывает одержим семью дьяволами. И ее подсознание об этом помнило.

Женщина пришла и, после изгнания последнего «судьи», вновь стала есть; беременность ее прошла нормально.

Обычно метод падре Булатао не требовал особых сценических эффектов. Он вводил пациента в состояние гипноза и говорил с ним. Он рассказал еще об одном случае; девочку с последней стадией лейкемии выписали из больницы и отправили домой умирать.

– Показатели крови были безнадежными. Я ввел ее в транс, потом стал рассказывать ее костному мозгу, как растет рис. Его сеют, зерна ложатся в землю, после дождей они прорастают, стебельки тянутся вверх, кланяются под ветром. Потом наливаются колосья, в них много-много зерен. Все эти разговоры о рисе были способом проникнуть в ее подсознание. Девочка погрузилась в сон, а через десять дней показатели крови пришли в норму. Девочка прожила еще три года, но потом ей снова стало хуже, и тут он уже ничего не смог сделать.

Он объяснил, что для всех целителей, и для него то-

же как для гипнотизера, дети – самые трудные пациенты, потому что проникнуть в подсознание ребенка куда труднее, чем в подсознание взрослого.

– Все начинается и кончается в сознании, – продолжал он. – Разум и тело не две различные сущности, как полагал Декарт. Это было его очень серьезным заблуждением, и сегодня мы за него расплачиваемся. Разум с телом едины, и разум контролирует материю, тут сомнений нет. Подумай о прекрасной женщине, и тело твое тут же отзовется. Разрежь сочный плод манго, и твой рот наполнится слюной.

По мнению падре Булатао, талант хилера состоит в том, чтобы с помощью магии запустить этот механизм. Субъективное сознание, объяснил он, не имеет собственного языка и вынуждено «заимствовать» язык у объективного мира; иными словами, нужно показать «кровь» и «болезнь», извлекаемые из тела. «Это, – сказал он, – особенно убедительно для иностранцев, чье не только сознание, но и подсознание – гораздо крепче связано с материальным, чем у филиппинца».

Операция, проводимая такими целителями, как Орбито, – чисто символическое действие. То, что извлекается из тела, – это «материализация» опухоли, а не сама опухоль. Поэтому операции почти все одинаковые и проделываются только на мягких тканях тела, на что бы ни жаловался пациент. «Хилеры говорят, что они удаляют „опухоли“ и „негатив“, – заключил падре

Булатао, – но ни одному из них до сих пор не удалось удалить аппендикс или миндалины».

Первым шагом к исцелению, о котором мы говорили, является, по его мнению, перестройка сознания пациента, чтобы он перестал стандартно воспринимать мир.

– В каждом из нас глубоко спрятан в подсознании запас прошлого опыта и возможностей, – продолжал он. – Когда что-то идет не так – допустим, мы заболели, – наш рациональный разум ищет выход, часто не находит и застопоривается. Так что же, на этом все? Нет, когда рациональное начало отступает, потенциал подсознания мобилизуется, чтобы исправить дело и найти решение.

И тут падре Булатао сформулировал вывод, в котором и я всегда был убежден:

– Наше тело располагает системой самоизлечения. Активизировать ее легко, нужен стимул.

Стимулы, признавал падре, могут быть различными: наложение рук, медитация, йога, вера в святого, в конкретного человека, в целителя. Это могут быть молитвы или – это добавление мне пришлось по душе – упражнения по созерцанию, которым учил святой Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов.

Я всегда тяготел к иезуитам; из всех католических орденов они представляются мне наиболее свободными от предрассудков, наиболее образованными, и ве-

ра их, на мой взгляд, куда крепче, чем у других – именно потому, что выдержала испытание разумом.

В какой-то момент беседы, когда он повторил, что дух контролирует материю и что некоторые семантические стимулы вызывают последствия, которые считаются «чудесными», я решил вызвать его на откровенность:

– Выходит, что чудес, как таковых, не существует?

Он умолк и пристально посмотрел на меня; глаза его за толстыми стеклами очков казались огромными. Моего вывода он принять не мог, зная, как важны чудеса для церкви.

– Но разве весь наш мир не сплошное чудо? И кто создал дух с его мощью? Вот оно, настоящее, великое чудо, – сказал он, и это напомнило мне о Свами, который говорил о «джагат», мире, «так разумно созданном». Два этих человека принадлежали к разным культурам, к двум совершенно разным традициям, но в сущности были не так уж далеки друг от друга.

Я спросил его об отношении церкви к хилерам как к явлению.

Он ответил мне рассказом о Джонни Меццанотте, который занимал воображение филиппинцев не один месяц.

Джонни Меццанотте был целителем, творившим чудеса по радио. У него была программа, которая выходила в четыре часа утра. Поначалу в такую рань ма-

ло кто его слушал, но вскоре пришел такой успех, что тысячи манильцев просыпались ни свет ни заря, чтобы не пропустить программу. Метод Джонни Меццанотте был прост. Он просил слушателей поставить возле приемников стакан воды, которую он зарядит акустическими колебаниями и перенесет людей на высший уровень сознания. Потом он просил слушателей медленно, очень медленно эту воду выпить.

Многочисленные слушатели рассказывали, что это их вылечило. Одно было плохо: выступая по радио, Джонни Меццанотте неизменно провозглашал: «Я – Господь»; это задело церковь, и она объявила ему войну. Потом глава филиппинской церкви, известнейший манильский кардинал Син, пригласил Джонни Меццанотте к завтраку, поблагодарил за то добро, которое он делает людям, и попросил впредь воздержаться от этой излюбленной фразы. Джонни Меццанотте так и сделал, и программа его продолжала выходить в эфир с большим успехом. Но со временем и он вышел из моды.

Как считал падре Булатао, сейчас осталось два типа целителей, популярных у широкой публики: те, кто занимается психической хирургией, – они по большей части ориентируются на иностранцев, способствуют развитию туризма и поэтому пользуются поддержкой правительства; и традиционные целители, которые не прибегают к театральным эффектам «операций», а

обращаются к духам.

Многие из традиционных принадлежат к группе «Новые мистики». Они сами бедны и живут среди бедняков, не берут денег за лечение, но принимают небольшие подношения, которые можно положить в коробку у входа в их скромное жилище. Эти целители обычно лечат людей, входя в транс – состояние, которое в филиппинской культуре всегда рассматривалось как божественный дар, способ проникнуть сквозь завесу, отделяющую нас от иного мира.

Падре Булатао рассказал о четырехлетнем мальчике, страдавшем от аллергического ринита. Мать, сама врач, перепробовав все средства аллопатической медицины, отвела его к женщине-«мистику». Та, войдя в транс, взяла каламанси, маленький местный фрукт, нечто среднее между лимоном и мандарином, и, непрерывно молясь, выдавила весь сок мальчику в нос. После двух таких сеансов ребенок выздоровел.

Мать рассказала историю своим коллегам-врачам, и один из них попробовал лечить подобным способом своих пациентов. Результат был ужасен: воспаления, раздражение слизистой носа кислым соком. Тогда врач отправился к целительнице и спросил, что же он сделал не так. «Ты забыл про молитвы», – ответила она.

– В медицине существует некий психологический аспект, о котором мы сегодня ничего не знаем. В этих условиях медицина – слишком серьезная вещь, чтобы

ее можно было отдать на откуп врачам, – со смехом сказал он.

Он был убежден, что будущие поколения сочтут примитивным и варварским нынешний подход к болезни и больному. Он полагал, что в грядущем тысячелетии человечество будет занимать не столько изучение физической реальности, которая до сих пор была в центре внимания нашей науки, сколько проникновение в ту сферу, которую он, падре Булатао, называл «субъективной реальностью», то есть в наше сознание.

Часы пролетели незаметно, и, когда я сказал, что меня никогда не гипнотизировали и очень хотелось бы это испытать с его помощью, он принялся готовиться к сеансу. Но тут мы заметили, что смотрители уже закрывают комнаты, и пришлось поторопиться, чтобы нас не заперли на всю ночь.

Медленно я проводил его до машины, которая ждала, чтобы отвезти его домой. Жаль, что мое желание быть загипнотизированным – и не кем-нибудь, а иезуитом! – так и не исполнилось.

Пунктуально, ровно в пять утра, Фрэнки ждал меня у гостиницы в машине; за рулем сидел его внук. Манила еще была окутана мрачным, влажным серым смогом. Светофоры были выключены, нищие спали прямо на газонах бульвара Рочас под своими промокшими от росы одеялами, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Мы, не останавливаясь, поехали к набережной, где

полосу моря перечеркивали силуэты стройных пальм.

Фрэнки был красноречив. Мы были с ним знакомы уже четверть века, когда я, впервые приехав в Манилу, явился в его книжный магазин под названием «Солидарность» за советом и помощью. Фрэнки Сионил Хосе, самый известный англоязычный филиппинский писатель, находившийся в открытой оппозиции к режиму Маркоса, был старше меня на шестнадцать лет, и я позволил ему себя «усыновить». С тех пор на Филиппинах не происходило ни одного важного события, ни одного провалившегося государственного переворота или неудачной революции, за которыми мы не следили бы вместе и я бы не руководствовался его мнением. Сейчас, разочаровавшиеся в политике, мы знали, что решение человеческих проблем не в ней, и подводили итоги нашим былым надеждам, прибегая к вечной присказке всех стариков: «А помнишь?»

– А помнишь? – спросил Фрэнки, указывая на здание киноцентра, этот «фараонов проект» прежних местных властей. Конечно же, я помнил, как такое забудешь! В 1981 году президент Фердинандо Маркос и его жена Имельда – та, у которой были сотни пар обуви, – решили организовать в Маниле большой международный кинофестиваль. Для этого они приказали построить на берегу моря модернистское монументальное здание, которое бы осталось как память о них. Но работы затянулись, а незадолго до открытия, на которое Мар-

кос пригласил уйму гостей, часть перекрытий обвалилась и погребла неизвестно сколько народу. Чтобы искать оставшихся в живых, пришлось бы отложить открытие. Решили провал забетонировать и завершить работы. Считают, что от тридцати до ста пятидесяти рабочих осталось в этой братской могиле; некоторые были еще живы и звали на помощь. Центр был открыт вовремя, но несчастье следовало за несчастьем, и ни одна организация, начиная с Министерства иностранных дел, которому это здание предложили в качестве штаб-квартиры, не захотела переехать в это место, населенное привидениями.

Фрэнки рассказал последнюю новость: сотня выпускников и студентов трех крупных манильских университетов (некоторые – ученики падре Булатао) создала группу добровольцев, цель которой – решать проблемы с привидениями, до сих пор не окончившими счеты с этим миром. Что касается живых, то им предполагается оказывать бесплатную психотерапевтическую помощь и поддерживать их, используя средства альтернативной медицины. Добровольцы называют себя «Охотниками за Привидениями». Одно из мест, где они успешно поработали, – тот самый киноцентр. Духи там в конце концов угомонились, киноцентр стал нормальным местом, и обо всем этом выпущена книга.

Для Фрэнки «привидения» были рядовым, общепри-

знанным явлением в жизни филиппинцев его поколения, и во всех своих романах, задуманных как документальное свидетельство этой жизни, «духи» – такие же действующие лица, что и живые люди. В сборнике рассказов «Росалес», посвященных крестьянскому миру его детства, Фрэнки описывает свои первые встречи с «дуэндес» – маленькими человечками, живущими в каждом доме. Чтобы напомнить людям о своем существовании, они заставляют исчезать самые нужные вещи в самый неподходящий момент и возвращают их, если очень об этом попросить. В его последнем романе «Грех» рассказывается об острове Сикихор, расположенном на юге Филиппин. Остров этот уже несколько веков считается заколдованным, потому что испанские галеоны завезли туда с Гаити тамошних духов. Так что теперь духов сильнее, чем на Сикихоре, не найти нигде на Филиппинах, причем это касается и добрых духов, и злых. Чтобы с ними пообщаться, женщины острова до сих пор раз в год, в Страстную пятницу, собираются в особой пещере.

Двигаясь на север, мы миновали большую площадь Лунета Парк, место историческое. Там 30 декабря 1896 года был расстрелян испанцами Рисаль – поэт и герой борьбы за национальное освобождение. Сейчас здесь существует настоящий культ Рисаля, его даже изображают распятым на кресте, как Христа. Там же в 1986 году Кори Акино, вдова Ниноя, недавно убито-

го приспешниками Маркоса, пообещала в присутствии миллиона человек – мы с Фрэнки тоже там были – стать президентом Филиппин, чтобы вернуть в страну демократию, бороться с коррупцией и дать беднейшим массам в стране справедливую долю от богатств страны.

– Ничего не изменилось, – сказал Фрэнки.

Бедные всегда бедны, и многие из тех, кто ел дважды в день, сейчас обходятся одним разом; этот единственный прием пищи называют словом «алтангап», составленным из трех слов на языке тагалогов, означающим «завтрак-обед-ужин».

Но Лунета до сих пор остается местом массовых выступлений. Однако на этот раз никакой политики, никаких революций. Теперь по субботам после обеда здесь собираются последователи одного бывшего агента по торговле недвижимостью, который подался в проповедники. Каждый раз сюда приходили до миллиона человек, в подавляющем большинстве католики. «Покажите мне ваши паспорта, ваши кошельки, – взывал проповедник, – скоро в своем паспорте вы увидите визу той страны, куда захотите поехать. Скоро в своем кошельке вы обнаружите столько денег, сколько потребуется». Эти обещания плюс благословение на расстоянии (для чего каждый должен был взять с собой три яйца, завернутых в платок) принесли прохвосту огромный успех.

Мы прошли мимо старой барочной церкви Кьяпо, где Фрэнки несколько лет тому назад подарил мне амулет «антинг-антинг» для защиты от местных демонов. Площадь уже заполнилась обычной пестрой, улыбающейся толпой бедняков; ставили столики, с которых торговали цветами, свечами, амулетами и поддельными реликвиями.

Стоило нам миновать пригород Манилы – бесконечные кварталы с убогими бараками, где в ужасающей тесноте ютятся люди, перебравшиеся из деревни в город в поисках работы, как мы увидели совсем другие Филиппины – здесь все было ухожено и радовало глаз. И как же до сих пор не придумана никакая программа, чтобы убедить крестьян остаться в своих деревнях вместо того, чтобы побираться на улицах столицы? Я имею в виду именно программу, а не убийственные эксперименты Мао или Пол Пота по принудительному «окрестьяниванию».

Вдалеке за зелеными, залитыми водой рисовыми полями синели горы. Вдоль дороги выстроились домики под соломенными крышами, где жили спокойные и улыбчивые люди; казалось, у них есть, чем прокормиться и чему радоваться.

Мы остановились позавтракать в придорожном ресторане. Фрэнки страдал диабетом; он выставил перед собой целую батарею таблеток, но при этом заверил меня, что ему целители тоже помогли. Лучше всех был

некий Хуан Бланче, уже покойный. Он заставлял Фрэнки приходить на прием в четыре утра – по его словам, именно в этот час его «возможности» набирали особенную силу (кстати, в это же время и «риши» приступают к медитации в Гималаях!). Он прижимал ему ложку к животу под пупком, и Фрэнки сам видел, как из-под кожи вытекала коричневая жидкость, «вроде как жженый сахар».

– Неужели сахар, Фрэнки?

– Я тебе точно говорю. Мне стало лучше. Он был в этом совершенно убежден.

Я узнал у Фрэнки, что случилось с целителями, за работой которых я наблюдал во время моего первого журналистского расследования. Оказалось, один спился и умер, другой все еще практиковал в Маниле, но уже вышел из моды. А вот самый известный, Хун Лабо, стал мэром своего города, женился на японке, потом поехал в Россию и угодил за решетку за подпольную медицинскую практику и мошенничество. Жена бросила его, вернулась в Японию, занялась целительством и вскоре тоже попала в тюрьму.

Я слышал, что нечто подобное случилось и с Орбито во время его поездки в Европу. Поэтому сейчас итальянские импресарио планировали ему поездки только в Республику Сан-Марино. Казенный мир и мир духов были обречены на противостояние. Бюрократам и целителям никогда не понять друг друга, а «нормаль-

ные» врачи не готовы принять вызов психохирургов. Можно только представить себе реакцию полицейских, наблюдающих все эти потоки крови и прочие страсти. Отсюда подозрения, обвинения и, в конце концов, наручники – «для защиты граждан».

А не начать ли государству, если оно действительно печется о своих гражданах, с запрета свободной продажи сигарет – ведь точно известно, что курение вызывает рак? Это было бы куда логичней, чем запрещать практиковать колдунам и знахарям, которые дают людям надежду на выздоровление, а бывает, и действительно помогают.

Фрэнки со мной согласился, правда, потом передумал.

– Если бы, когда я был ребенком, полиция помешала травнику заниматься знахарством, я бы не носил на плечах эту огромную голову, – сказал он.

Фрэнки был маленький и коренастый, а голова его, совершенно лысая и немного смахивающая на грушу, действительно выглядела слишком большой для его приземистого тела.

– Знахари ходили по деревням во время сбора урожая, – рассказал Фрэнки. – Один горбун славился своим могуществом… Вся семья выстраивалась, а он всматривался в каждого, как рентгеном просвечивал; кому совет даст, кому – травку. Однажды – лет мне тогда было шесть или семь – он положил руку мне на го-

лову, и я почувствовал, что она стала горячей-горячей и после этого стала расти. Вот и живу таким брахицефалом.

Подъезжая к Панасинану, мы проехали деревню, в центре которой до сих пор стояли сохранившиеся господские дома; первый этаж, деревянный, опирался на каменные колонны, а в окна были вставлены маленькие квадратики перламутра. «Эта традиция сейчас почти утеряна», – сказал Фрэнки.

Одно из изменений, приводившее его в особое отчаяние, – это утрата былого культурного разнообразия. Благодаря многочисленным островам, населенным разными народами, Филиппины превратились в уникальное место. Фрэнки рассказал мне удивительную историю.

В одном из последних нетронутых лесных массивов на южном острове Минданао жило маленькое туземное племя тедураев, им на протяжении веков удавалось избежать «цивилизации». Но она все равно их настигла. Однажды, во время гражданской войны, тянувшейся на Филиппинах десятилетиями, сепаратисты-мусульмане, преследуемые правительственными войсками, вошли в деревню тедураев и истребили поголовно всех. От тедураев не осталось ничего, кроме записок антрополога, который жил среди них два года. Вот где была цивилизация! Тедураи с огромным уважением относились к природе, создали много чудесных

сказок, в них объяснялись природные явления. Вот, к примеру, одна из них – почему летучие мыши летают только по ночам.

Как-то раз одна птица невзначай обидела какого-то зверя, и между птицами и зверями вспыхнула большая война.

– Раз животные крупнее птиц, – подумали летучие мыши, – они непременно победят. Полетели летучие мыши к ним и сказали:

– Присмотритесь к нам: мы не птицы. Мы летаем, но мы без перьев, а покрыты шерстью, как вы. Примите нас к себе, мы будем воевать на вашей стороне.

Звери согласились.

Птицы, видя, что летучие мыши их предали, и понимая, что звери действительно крупнее и сильнее, обратились к осам.

– Вы, конечно, не птицы, зато умеете летать… Присоединитесь же к нашему войску, помогите нам.

Осы согласились. Огромной тучей налетели они на зверей и ну их жалить! Жалили, жалили, пока не обратили в бегство.

Тогда летучие мыши вернулись к птицам и попросили, чтобы их приняли обратно, ведь они же умеют летать.

– Ладно, – сказали птицы, – но чтобы искупить свое предательство, вы будете летать только по ночам.

В тедурайском обществе мужчины и женщины были

равны, и женское начало, примиряющее, не склонное к насилию, ценилось куда выше, чем агрессивное мужское. Болезни они воспринимали как месть обиженного духа, и одной из задач шаманов было определить, что это за дух, поговорить с ним и прийти к соглашению, которое могло бы вернуть больному здоровье.

И еще тедураи отличались качеством, редким для человеческого сообщества во все времена: они не знали страха смерти. «Человек никогда не рождается в одиночку, – говорили они, согласно записям антрополога. – Всегда появляется двойня: тело и пуповина. Близнец-тело живет, потому что у него есть легкие, а вот близнец-пуповина дышать не может и умирает, но перед тем, как расстаться, они переговариваются, и близнец-пуповина спрашивает брата, как и когда ему хотелось бы умереть: от старости, во время муссона или, может быть, после рождения первого внука?» И уславливаются о встрече в урочный день и час. Потом один идет жить в Царство Леса, а другой отправляется в Царство Мертвых, чтобы подготовить там красивый дом для двоих. Незадолго до назначенной встречи близнец-пуповина проходит по космическому мосту, разделяющему оба царства, является в деревню, где живет близнец-тело, и ждет там несколько дней, пока не закончатся погребальные обряды и тело не будет похоронено. А затем они вместе отправляются туда, где они будут жить счастливо, никогда не будут рабо-

тать и непрерывно будут жевать самый лучший бетель.

Тедураи не боялись смерти и тем более не давали ей застигнуть себя врасплох, потому что каждый сам решал, как и когда смерть должна прийти за ним.

Возможно, человечество даже и не вспомнит, что когда-то существовали тедураи, но оно заплатит за их исчезновение, ведь если биологическое разнообразие необходимо для жизни на земле, то разнообразие культурное необходимо для психического здоровья людей.

За такими разговорами пять часов пути пролетели как одно мгновение, и вот мы въехали в Пангасинан, район, который, по словам Фрэнки, всегда был средоточием мифов и тайн. Местное население абсолютно убеждено, что здесь находилась столица Лемурии и что десятки островков вдоль берега – это вершины гор континента с развитой цивилизацией, погрузившегося в океан за несколько тысячелетий до Атлантиды. Некоторые католики убеждены, что первая месса в истории была отслужена именно здесь, а кладоискатели все еще надеются обнаружить спрятанные в этих местах небывалые сокровища.

Короче, это было самое подходящее место для «чудотворной» Пирамиды Азии, Центра Здоровья. Преподобный Алекс Орбито решил установить пирамиду в Манаоаге, непримечательном тихом городке с домиками, над которыми возвышалось странное для такого

места строение с крепостными стенами и контрфорсами: Церковь Мадонны Чудотворной.

Фрэнки твердо решил, что мне нужно ее посетить, и он был прав. Это было впечатляющее зрелище: церковь-крепость с огромным нефом, циклопическими стенами, сложенными из блоков туфа, скрепленных раствором из земли с тростниковым сиропом. Построенная монахами-доминиканцами в 1600 году, церковь могла в случае набега мусульман укрыть за своими стенами всех христиан округи. Там был колодец со свежей водой и просторные погреба, полные провизии. Набат предупреждал об опасности, и тысячи людей могли укрыться здесь и неделями выдерживать осаду. Мадонна Чудотворная, украшенная жемчугом, с младенцем Иисусом на руках высоко над главным алтарем защищала их.

Мы с Фрэнки внимательно рассматривали наивные картины на стенах церкви – напоминание о драматических эпизодах, от землетрясений до пожаров, в которых Мадонна явила свою непостижимую силу. Чудотворной она считалась и сейчас.

Нескончаемой чередой богомольцы входили в церковь, припадали к распятию у входа, касались губами окровавленных ног Христа, крестились и шли молиться. Свечи, благоговейно ими зажигаемые перед статуей Мадонны, создавали в полумраке церкви впечатление переливающегося огнями озера. Еще снаружи был

пристроен жестяной навес для свечей, не помещающихся внутри самой церкви. Без сомнения, в этом месте была своя магия, оно действительно было «чудотворным», причем филиппинские христиане верили в это еще три века тому назад; задолго до Лурда и Фатимы.

Фрэнки рассказал, что, когда он был маленьким, вся семья раз в год совершала паломничество в Манаоаг. Три дня они добирались через реки и леса на повозках, запряженных быками. Он вспоминал, как это было впечатляюще – после ночной тьмы оказаться в этом месте, освещенном тысячами свечей. Кругом люди, песнопения, запах ладана, а наверху – она, чудотворная, светлоликая, с легкой улыбкой. Само собой, в такой обстановке находились и слепые, которые прозревали, и хромые, которые бросали костыли.

Мне тоже было пора отправляться на «встречу с чудом». Фрэнки мне помог найти комнатку в маленьком пансионе для паломников, потом отвез к пирамиде. Она находилась у выезда из поселка, так что найти ее было нетрудно.

У ворот стоял столик с надписью «Огнестрельное оружие складывать здесь». В другом объявлении указывались цены на входные билеты: пятьдесят песо для взрослых, двести песо за въезд на машине. Через ограду мы увидели, что внутри еще кипит работа. Садовники укладывали квадратики дерна, маляры на-

носили на крышу еще один слой красного лака; леса из бамбука были еще не убраны. Уже снаружи становилось совершенно ясно, что здесь устраивается туристская база с большим круглым голубым бассейном, рестораном и бунгало для привлечения «гостей-клиентов-пациентов».

– Тот, кто не получит чуда от Мадонны, может попытать счастья здесь, – сказал Фрэнки. – Только это обойдется дороже.

Сам он не захотел войти и высадил меня у ворот.

Автобусы с делегациями должны были приехать во второй половине дня, и было вдоволь времени, чтобы обойти весь комплекс и, главное, познакомиться с Дитером Левером, немецким инженером, семидесяти семи лет, взмыленным и разъяренным. Дитер был экспертом по пирамидам, и здешнее строение задумал и спроектировал именно он, но в его отсутствие Орбито изменил весь проект. Дитер предусмотрел, что в центре пирамиды будет маленький бассейн с водой, причем рассчитал, что поверхность воды должна находиться на высоте метра полтора над полом. Вместо этого он обнаружил какой-то колодец с водой ниже уровня земли и, к тому же, сообщающийся с наружным бассейном.

– Орбито хочет сделать бизнес на этой святой воде, заряжаемой энергией пирамиды, но он не понял, что вода меняет свойства только в центре пирамиды, а не

на дне колодца, – Дитер кипел от возмущения. – И потом, что же это за святая вода для плавания?

Пирамида, по его словам, должна была быть обособлена от внешнего мира; в ней не должно быть никаких коммуникаций, чтобы конструкция не «разрядилась» и не потеряла силу. А он, Дитер, обнаружил за трубами, соединяющими колодец с бассейном, электрические кабели. Оказывается, рабочие проложили их вокруг всего сооружения к четырем рефлекторам. Они уже выкачали всю энергию, накопленную пирамидой за ночь.

– Я заходил утром, и пирамида была мертва, – потрясал он стальным прутом – чем-то вроде антенны длиной около метра для замера энергетики. – Мертва, понимаешь?

Честно говоря, понимал я его не очень. Мои скудные знания о пирамидах ограничивались тем, что я узнал в Коимбаторе, но Дитер казался мне убедительнее, чем директор школы «Перке».

– Изучать можно все, что угодно, но в конце ты все равно возвращаешься к пирамиде, к ее идее, пропорциям, могуществу, – сказал он.

Сущность его теории была в том, что линии, соединяющие четыре стороны света – север с югом и восток с западом, – образуют магнитные поля, в которых концентрируется энергия. Пирамида ее собирает и увеличивает силу того, кто заходит внутрь, – под силой здесь

понимаются различные вещи, будь то способность исцелять, как у Орбито, или просто способность к медитации.

Дитер мне нравился. Он был человек убежденный – верил в пирамиду, в Орбито и в психохирургию. Но еще он верил в свою профессию и не желал, чтобы им манипулировали. И еще не хотел оставлять свою «подпись» под пирамидой, если она будет не такой, какой он ее задумал, со всеми возможными хитростями и нюансами. К примеру, Дитер полагал, что вершина у нее должна быть острее, чем у египетских, исходя из того, что Земля за века изменилась.

Он тут же снова принялся распоряжаться. Велел рабочим отрезать трубы, соединяющие колодец и бассейн, убрать всю подземную электропроводку. Завтра утром он проверит, зарядилась ли пирамида за ночь. Мимоходом он поинтересовался, медитирую ли я. Значит, да? Тогда мне надо прийти сюда после завтрака. Мы вместе откроем пирамиду, и я смогу стать первым, кто испробует ее на себе. Дитер хотел провести эксперимент.

Он познакомился с Орбито в Германии, когда искал средства от таинственной болезни, поразившей его самого и его дочь. Орбито вылечил обоих, и Дитер в знак благодарности вызвался помочь ему с пирамидой. А что же это была за таинственная болезнь? Ну… что-то, связанное с магнитными полями, статической энерги-

ей радиоволн и новых информационных каналов, – по крайней мере, так сказал Дитер. По его словам, сейчас самое вредное влияние на здоровье оказывает кабельное телевидение. Статическая энергия ввергала дочь Дитера в депрессию, которая не поддавалась никаким лекарствам, а у самого Дитера, как он выразился, вызывала «замыкание сердца», особенно по ночам, когда наш организм сворачивается, подобно цветку. Орбито своими манипуляциями нейтрализовал тот угнетающий «негатив», который они получали с окружающей территории.

Я слушал Дитера и живо представлял себе его на веранде Дэна Рида, участвующим в дискуссиях «Академии Помешанных». Но, возможно, эти его речи не были так уж безосновательны. Если принять во внимание высоковольтные линии над нашими домами, бесчисленные подземные кабели, передающие антенны на соседних пригорках, мобильные телефоны, которые мы прижимаем к черепу, офисные и кухонные электроприборы, можем ли мы быть уверенными, что они не производят «замыкание сердца», не награждают нас какой-нибудь ужасной болезнью?

За обедом я спросил у Дитера, что он строил в последнее время в Германии, и снова был удивлен – оказывается, он специализировался на приютах для престарелых. Дитер разработал проект – помещения простые, но просторные и хорошо проветриваемые, окру-

женные обилием зелени, и главное, со стенами ярких, сочных цветов.

В Лейпциге, где он по заказу местной администрации построил такой комплекс, разразился небольшой бунт, потому что многие молодые рабочие нашли эти дома для стариков на пороге смерти привлекательнее и уютнее, чем строящиеся для них, и попытались их занять.

Всю вторую половину дня Дитер возился под палящим солнцем у пирамиды. Приезжали автобусы с делегатами и больными; их надо было расселить по бунгало. Часам к семи Дитеру стало плохо. У него отнялась правая сторона лица, речь стала невнятной. Предполагалось, что Орбито «прооперирует» его вместе с остальными в небольшом зале возле часовни.

Это помещение было с голыми стенами, без окон, без умывальника или чего-нибудь в этом роде. Посередине – больничная кушетка, покрытая черной клеенкой; рядом железный стул, на нем обычный лоток для хирургических инструментов, но внутри лежали только ватные тампоны. Под кушеткой стояло ведро с крышкой и педалью. Нас, пациентов, было человек тридцать, мы стояли вдоль стены, однако стоило появиться Орбито, как нас выставили. Ему нужно было сосредоточиться, помолиться. Я заметил, что с ним остался внук – его ближайший помощник. Минут двадцать мы прождали в коридоре. Тем временем подъехала

телевизионная съемочная группа агентства «Рейтер». Дверь снова отворилась, и все мы бросились занимать места возле кушетки. Меня притиснули к самому изголовью.

Первым был Дитер. Лицо у него было немного застывшее, но чувствовал он себя неплохо. Он держался на ногах и сам улегся на кушетку. Орбито на несколько секунд положил ему руки на сонную артерию, под правым ухом; затем я увидел, как оттуда хлынула красная жидкость и как потом хилер извлек что-то, напоминающее кусок куриной кишки. Внук – он сидел рядом на стуле – протянул Орбито кусок туалетной бумаги, которым тот промокнул несуществующую «рану». «Готово, – сказал он. – Кто следующий?» Дитер поднялся, улыбаясь. Операция длилась меньше минуты.

Потоком пациентов управлял брат целителя. Следующей была испанская девушка лет тридцати, которая сказала, что у нее проблемы с яичниками; возможно, рак. Она легла, расстегнула брюки, обнажила живот. Орбито взял из лотка ватный тампон, пропитанный какой-то жидкостью, и протер ей кожу на животе, будто дезинфицируя; потом обеими руками, согнув первые фаланги пальцев, внедрился в ее тело.

Послышался короткий звук, будто лопнул один из пузырей, о которых мне говорил падре Булатао; однако я, хоть и стоял рядом, никаких пузырей не увидел. Зато увидел, как «кровь», сначала алая, потом темнее,

стекает по бокам женщины, заливает пупок. И вот в это маленькое углубление погрузились обе руки Орбито; пальцы исчезли внутри; послышался чмокающий звук – казалось, пальцы пытаются что-то нащупать и вот, наконец, нашли: в руках у хилера откуда-то появился окровавленный черный кусочек мяса размером с куриную печень.

Орбито поднял его, несколько секунд подержал, показывая женщине, которая, казалась, находилась в трансе, потом швырнул в лоток. Племянник вытер кровь туалетной бумагой, женщина встала. Прошло, пожалуй, минуты две с того момента, когда она легла на кушетку.

Орбито полностью завоевал публику. Все, включая меня, были потрясены.

– Я ничего не делаю. Это Господь Бог действует через меня, – сказал Орбито, глядя в телекамеру агентства «Рейтер», которая работала непрерывно. – Следующий!

Следующим был я. Я стоял рядом с братом Орбито, и тут он пропустил меня вперед – наверное, из-за моей бороды. Я чувствовал, что все взгляды устремлены на меня. Ощущение было такое, будто в меня вгоняют иголки. А тут еще глаз телекамеры, которая брала меня крупным планом.

– На что жалуетесь? – спросил Орбито.

Впал ли я тоже в какой-то транс? Нет, это была ско-

ванность, возможно, от присутствия итальянцев, но, ложась на кушетку, я не сказал о раке, а вместо этого объявил: «У меня хронический синусит».

Орбито велел, чтобы ему дали кокосовое масло, а сам тем временем провел обеими руками над моим лбом и носом, но не прикасаясь к лицу. «Закройте глаза», – сказал он. Я почувствовал, как его тонкий палец вошел в мою ноздрю; затем другой палец вонзился в другую… и я ощутил почти невыносимый запах куриных кишок. Самовнушение? Не думаю, действительно это воняли пальцы Орбито. Этот запах ни с чем нельзя было спутать – запах той субстанции, которую он извлек из шеи Дитера и из брюшной полости испанки, запах, который остался, потому что Орбито не мыл руки. В комнате не было воды.

– Кокосового масла нет, – сказал кто-то, – есть лавандовое.

– Сойдет и лавандовое.

Я услышал, как Орбито возится с бутылкой, потом почувствовал, как в мои ноздри вводят какие-то маленькие ватные тампоны. Сильно пахло лавандой, было больно, я затряс головой, но Орбито, одной рукой удерживая мою голову, другой повторил операцию еще раз пять, все глубже засовывая пальцы мне в ноздри. Казалось, он хочет добраться до мозга. Почувствовал ли он, что я соврал ему? Что я один из этих, «заряженных негативом»? Потом Орбито быстро помасси-

ровал мне лоб и велел резко выдохнуть через нос. Из ноздрей у меня потекло, внук-ассистент вытер мне лицо. Глаза мои отчаянно слезились.

– Следующий.

В коридоре старая немецкая дама из Намибии, которую в 1982 году Орбито спас от рака легких, пожала мне руку и поздравила с исцелением. Что ж, с исцелением, так с исцелением, ей виднее…

Я представил себе, как она потом будет рассказывать об итальянце по имени Анам, которого Орбито за каких-то две минуты вылечил от застарелого синусита.

Операции продолжались, но я пошел прогуляться с Дитером. Он чувствовал себя хорошо, а я, честно говоря, не очень. Вся эта возня у меня в носу травмировала слизистую еще больше, и теперь я чихал не переставая.

– Потерпи, назавтра все пройдет, вот увидишь, – пообещал «пирамидолог».

Вечером, сидя в своей комнатке пилигрима, отделенной от соседней только фанерной перегородкой, я думал над тем, что произошло. Упустил ли я свой шанс попросить Орбито вылечить меня от моей болезни? Нет. Если, как говорил падре Булатао, целитель убирает все то негативное, что человек носит в себе, а не конкретную болезнь, тогда я ничего не потерял: можно считать, что Орбито меня «прооперировал».

Однако обольщаться было бессмысленно. Ну не ро-

жден я для того, чтобы меня чудесным образом исцелили. По крайней мере, это я уже понял, так что вполне можно было спокойно уезжать.

Если я действительно считаю, как падре Булатао, что человеческое сознание способно творить чудеса и всякий в пределах, отпущенных природой, способен включить собственный механизм самоизлечения, то мне следует больше внимания уделить своему сознанию, чтобы подтолкнуть его к этому шагу. Тогда для чего мне внешние стимулы? Тем более все эти театральные штучки с фальшивой кровью и куриными потрохами. Так в чем же тут секрет?

И на этот раз, как и пятнадцать лет назад, я так в этом и не разобрался, зато понял другое: что бы это ни было, не следует его разоблачать. Такие «трюки» создают иллюзию, завораживают людей и приносят большую пользу.

Конечно, скажут мне, от них наибольшая польза самим магам – чтобы продолжать дурачить людей.

А что же плохого в том, если в обмен на нехитрое удовольствие, доставленное их искусством, колдуны берут со зрителей деньги якобы для покупки козы или чего-нибудь еще?

Из событий этого нелегкого дня еще больше, чем Орбито и его операции, мне запомнились две вещи – тедурайский миф о смерти, о котором рассказал Фрэнки, и дома для престарелых, о которых говорил Дитер.

Обе эти идеи были прекрасны.

Над этим нам на Западе действительно не помешало бы серьезно задуматься. Наше представление о смерти неверно. Мы слишком связываем смерть со страхом, болью, тьмой, чернотой; в природе же все происходит наоборот – солнце умирает каждый день в торжественном сиянии, растения осенью засыпают на пике своей красоты в великолепном многоцветий красок. Возможно, мы должны просто сказать себе, как тедураи, что смерть приходит лишь тогда, когда мы сами решаем умереть, или, как тибетцы, рассматривать смерть не как противоположность жизни, но как другое лицо рождения, как некую дверь, которая с одной стороны воспринимается, как вход, а с другой – как выход.

Как заправский паломник, я встал затемно и пешком направился в Церковь Мадонны. Полная луна обволакивала голубоватым сиянием контуры укреплений. Звук моих шагов привел в состояние боевой готовности велорикш, которые так всю ночь и продремали здесь, свернувшись в своих колясках.

– Пирамида? Пирамида? – спросонья запричитали они в надежде, что им сейчас удастся отвезти первого клиента поглядеть на новую достопримечательность. Женщины, которые только принялись раскладывать на лотках свой товар, не особенно настойчиво попытались продать мне четки и медальоны с изображением Мадонны.

В церкви начиналась первая месса. Я прошелся по нескольким приделам, по старым коридорам. Потом отправился к знаменитому колодцу и присел на каменную скамью полюбоваться прекрасными магнолиями, колышущимися на ветру. Откуда-то появился старый священник и подсел рядом.

Завтракал ли я? Нет. И тут же я был приглашен подкрепиться в семинарской трапезной. В центре круглого стола стояли кастрюли и подносы с рисом, жареной рыбой, крутыми яйцами, креветками, гроздьями бананов и тончайшими филиппинскими спагетти, именуемыми «панзит». Но мой гостеприимный хозяин, семидесятилетний падре Рафаэль, почему-то решил, что все это мне не по вкусу, и принялся готовить овсяные хлопья с молоком в микроволновке. «Нужно соблюдать инструкцию, – внушительно сказал он. – Это вам не шутки – говорят, что эти печи, если ими неумело пользоваться, могут привести к импотенции!» Все расхохотались – и старые священники-преподаватели, сидевшие за нашим столом, и юные семинаристы, расположившиеся на скамьях вдоль стен. Кроме филиппинцев, здесь были приезжие из Индонезии и Шри-Ланки.

Вскоре разговор перешел на целителей.

– Если они не пользуются сатанинскими методами, а людям становится легче, то в этом нет ничего дурного, – сказал падре Рафаэль. Его, однако, больше интересовала пирамида. Спиритуалисты (Орбито считался

у них кем-то вроде священнослужителя и именовался «преподобным») хоть и были маргинальной сектой, но все-таки оставались в лоне католической церкви. Какие же претензии к пирамиде?

Я дал ему брошюру, изданную «Орбитурсом», и падре Рафаэль тут же указал мне на одну вещь, которая ускользнула от моего внимания: пирамида, изображенная на обложке, излучала свет… в форме креста.

– Видите? Все на месте, – сказал он, удовлетворенный. – И если пирамида привлекает сюда туристов, это хорошо для всех. Если же они вдобавок потом выздоравливают – тем лучше!

Тогда я спросил его о Мадонне и ее чудесах. Эта статуя, как рассказывал он, когда-то украшала нос испанского галеона, прибывшего из Мексики. Репутацию чудотворной она приобрела немного позже, когда во время пожара в городке Манаоаг приор церкви велел, чтобы статую пронесли по улицам, и огонь внезапно унялся.

– Возможно, это просто ветер изменил направление, но люди поверили в чудо, – добавил он.

– А разве вы сами не верите в чудеса?

Он не ответил мне прямо, но, приблизив губы к моему уху, словно желая открыть мне секрет, которым мне ни с кем не следовало делиться, сказал:

– Знаете, мы тоже вынуждены прибегать к кое-каким уловкам с Мадонной.

Я уставился на него в недоумении.

– Статуя целиком сделана из слоновой кости, – продолжал он. – Но желательно об этом не распространяться. Знаете ли, сейчас такие времена… антиквары и все такое. И вот, мы изготовили копию, чтобы ее носить во время ежегодной процессии. Эту копию мы так и называем – «Ла Кальейра», то есть та, которую носят по улицам. Но для людей она такая же чудотворная, как и настоящая!

Когда я вышел, солнце уже поднялось высоко; начинало припекать. Все лотки работали; женщины снова попытались мне что-то продать. Правда, одна из них подошла ко мне с совсем другой просьбой.

– Прошу тебя, помоги мне, вылечи мою шею. Я знаю, ты хилер, – сказала она и показала мне бубон под ухом.

Мне было очень неловко. Моя борода, мои седые волосы создавали иллюзию, что я могу ей помочь, подобно тому, как любая красная жидкость создает иллюзию крови.

Мне ничего другого не пришло в голову, как положить ей руку на спину, после чего я поспешил прочь, в то время как другие женщины со смехом говорили бедняжке:

– Он не хилер, он Санта-Клаус!

Я не забыл о свидании, назначенном в пирамиде. Велорикша довез меня до ворот. Это был день торже-

ственного открытия. То, что сегодня было полнолуние, считалось хорошим знаком.

Леса убрали, и пирамида возвышалась над зеленым лугом. Дитер уже ждал меня; у него все было готово для эксперимента. Мне пришлось снять часы и вообще оставить все металлические предметы, которые имел с собой. Дитер измерил мне давление и пульс, поднес свой «волшебный» прут, который тут же крутанулся, потом при помощи устройства, напоминающего не то металлоискатель, не то счетчик Гейгера, обследовал меня с головы до ног, записывая какие-то цифры.

Наконец он открыл вход в пирамиду, впустил меня и закрыл дверь. Внутри пирамида оказалась еще красивее; мягкий свет лучился сквозь щели, оставленные вверху. Я сел на землю, прислонившись к стене, и расслабился. Покой, безграничный покой. Минут через пятнадцать дверь снова отворилась, и Дитер, вооруженный своими инструментами, кинулся ко мне, чтобы поскорее повторить все свои замеры.

Я остался доволен: перед тем, как я вошел, давление у меня было 110 на 68, а пульс – 56. Сейчас давление стало 92 на 65, пульс – 61. Другие измерения показали нечто странное. «Обычно, – сказал Дитер, – у европейцев электричество превышает магнетизм». У меня же и до, и после медитации все было наоборот.

– Возможно, потому, что ты постоянно живешь в Индии, – сказал он.

Как бы то ни было, оба показателя заметно повысились, и это было важно: перед пирамидой электричество у меня было 32, а магнетизм – 58, а когда вышел – 60 (электричество) и 120 (магнетизм). Выходило, что пирамида снова зарядилась и часть энергии передала мне. Дитер был счастлив, что пирамида ожила, да и я тоже.

Через несколько часов ожидалось торжественное открытие пирамиды в присутствии министра туризма, генералов, политиков, включая Фиделя Рамоса, ставшего президентом страны после Корасон Акино. Перерезанные ленточки, речи, фотографии на память.

Ну а мне было довольно и того, что я, спасибо Дитеру, «испытал» ее первым.

Старое такси привезло меня обратно в Манилу. Я успел как раз вовремя, чтобы полюбоваться закатом на берегу залива: потрясающее зрелище, будто природа хотела хоть как-то скрасить нищету жителям трущоб между бульваром Рочас и побережьем. У каждого светофора машину окружали дети, которые пытались продать мне «One stick» – «всего одну сигаретку», пластмассовый вертолетик, ожерелье из ракушек или пригоршню жареных орешков.

Я остался в Маниле еще на пару дней. Вдруг мне уже никогда не суждено было сюда вернуться, и я не хотел упустить возможность повидать Мастера Хоа, основателя пранотерапии, ради которого в пирамиде

Коимбаторе установили кондиционер. Но мне не повезло. Повидаться с Мастером Хоа Кок Суем, бизнесменом китайского происхождения, инженером-химиком, страстным любителем эзотерических книг, которыми он зачитывался с самого детства, мне так и не удалось. Он только что вернулся с конгресса своих последователей в Канаде и должен был завтра отправляться на другой конгресс, в Австралию; и те немногие часы, что ему предстояло провести в Маниле, Мастер Хоа предполагал посвятить другому своему бизнесу – автобусной компании в Квезон Сити. Зато его организацию можно было посетить.

Институт пранотерапии и внутренних исследований располагался на втором этаже скромного особняка на углу Пасай Роад и Амморсоло; вооруженный охранник на первом этаже отговорил меня пользоваться лифтом, так как он часто портится и есть риск застрять. Когда я открыл дверь, какая-то девушка правила корректуру энной по счету книги Мастера, другая отвечала на десятки электронных писем со всего мира. Двое мужчин паковали книги. Маленькое помещение было завалено письмами, книгами и многочисленными картонными коробками. В некоторых были бумажные салфетки. Система была сама по себе великолепна; из этого маленького офиса Учитель с минимальными затратами управлял своей межконтинентальной империей, своими подданными, которые обучались на курсах,

получали дипломы и в свою очередь потом начинали вести курсы, раздавать дипломы и «исцелять», получая деньги в обмен на надежду.

Я рассказал о фотографии Учителя, которую видел в Коимбаторе, сказал, что приехал издалека, чтобы решить проблему с хроническим синуситом, и, поскольку Учителя не было, поинтересовался, кто здесь прошел курс обучения и умеет исцелять. Оказалось, что умеют все, но лучше всех это выходит у той девушки, что за компьютером.

Она усадила меня, попросила положить руки на колени ладонями вверх и закрыть глаза. Я почувствовал движение воздуха возле лица и ухитрился увидеть, что происходит. Девушка стояла рядом, прижав левую руку к сердцу; правую медленно приближала к моему лбу, а потом быстро отдергивала. Она проделала это несколько раз. Потом остановилась, открыла бутылку со спиртом, смочила руки, вытерла их одной из бумажных салфеток (вот для чего они предназначались!) и снова принялась за свои манипуляции: как я понял, она ловила рукой что-то невидимое в воздухе, возле моего лица, а потом отбрасывала его.

Все это длилось минут десять. Когда процедура закончилась, я купил несколько книг в знак благодарности и откланялся.

Вечером в постели я просмотрел книги Учителя: все та же самая каша из рэйки, только имена другие и дру-

гая родословная. Как и все решения, предлагаемые «нью-эйдж», метод Учителя Хоа был соблазнительным из-за своей простоты и быстроты. «Незачем учиться десять или двадцать лет, чтобы осуществлять паранормальное лечение. Необязательно также родиться на свет со способностями целителя или ясновидящего. Достаточно решимости помочь другим и следовать инструкциям, изложенным в этой книге», – обещал Учитель.

Однако ночью у меня возникло ощущение, что синусит мой прошел, и наутро мне показалось, что дышать действительно стало легче. Что это было: та девушка с ее пранотерапией или психическая хирургия Орбито? Или это последствия «бомбы замедленного действия» – сауны на Ко Самуе? А может, курительные палочки доктора Махадевана? (Видно, мне так и не суждено этого узнать. Через некоторое время синусит вернулся и теперь появляется и проходит по своему усмотрению.)

Прежде чем отправиться в путь, я пошел попрощаться с Фрэнки и подвести итоги моего пребывания на Филиппинах. Мы устроились в кафе. Фрэнки не отрывал глаз от группы молодых людей за соседним столиком – жизнерадостных, непринужденных, в безупречных деловых костюмах. Он наблюдал за тем, как они жестикулируют, как говорят. Его следующий роман, признался он мне, будет о них – о манильских «яппи». Эти ребя-

та знали все о французских винах, но ровным счетом ничего о маленьких человечках, живущих в их домах. Разве они истинные филиппинцы?

К кофе он заказал «энсаймаду».

– Это осталось нам в наследство от испанцев, но теперь у нас ее делают лучше, чем в Испании.

Для Фрэнки эта сдоба была символом Филиппин.

– Смотри, снаружи она красивая, пышная, посыпана сахарной пудрой, – сказал он. Потом, воткнув вилку, добавил:

– Но внутри – только горячий воздух.

Тут мы расхохотались, – еще и потому, что мимо окна кафе проезжал ярко раскрашенный «джипни» с надписью: «Не сомневайтесь. Бог властвует. Он всегда властвовал и всегда будет властвовать. Точка, конец связи».

ГИМАЛАИ

Ртутная пыль

Было у тигра двое приближенных: леопард и шакал. Каждый раз, задрав добычу, тигр сперва насыщался сам, а затем позволял леопарду с шакалом подобрать объедки. Как-то раз тигру случилось убить сразу трех животных: крупное, среднее и маленькое.

– Как же мы их поделим? – спросил тигр у своих приближенных.

– Проще простого, – ответил леопард. – Самую крупную добычу ты возьми себе, средняя достанется мне, ну а меньшую отдадим шакалу.

Тигр ничего не сказал, а ударом лапы растерзал леопарда.

– А теперь как мы их поделим? – снова спросил он.

– О, властелин! – ответил шакал, – меньшую часть ты возьми себе на завтрак, большую – на обед, а среднюю – на ужин.

Тигр удивился.

– Скажи мне, шакал, у кого ты научился такой мудрости?

Шакал слегка замялся, а потом смиренно ответил:

– У леопарда, о властелин…

Чтобы не скучать, я взял в дорогу экземпляр «Панчатантры» и вечером в маленькой гостинице в Ришикеше на берегу Ганга, стал перед сном читать некоторые истории о животных из этого занимательного сборника. По преданию, более тысячи пятисот лет назад их написал один старый отшельник для трех невежественных и нерадивых царевичей, желая преподать будущим правителям некоторые уроки житейской мудрости.

В Ришикеш я приехал из Дели; наутро мне предстояло продолжить путь в Дехра-Дун для встречи с известным врачом-аюрведистом. Говорили, будто у него есть совершенно необычное средство для лечения рака.

Что впечатляло в этих древних сказках о животных, так это полное отсутствие прописной морали, как в наших баснях. У них была другая цель – научить борьбе за выживание, исходя из беспристрастного наблюдения за жизнью. Возможно, выводы, к которым старый отшельник неназойливо подводил царевичей, не слишком вдохновляли, но, безусловно, содержали зерна мудрости.

А я? Разве я не пришел к некоторым выводам о своей жизни за последние годы? Скитаясь по миру в поисках врачей, знахарей, наставников, я понял, что бессмысленно продолжать странствия, что панацеи не существует и единственное, что следует делать, – это

жить более осознанно, по возможности, более естественно. Есть умеренно и только здоровую пищу, правильно дышать, контролировать свои запросы, максимально сократить потребление, держать в узде свои желания и этим расширять границы собственной свободы. Так что же я здесь делаю? Зачем отправляюсь на поиски очередного целителя, неизвестно какого по счету?

Отправиться в эту поездку меня подтолкнула не столько надежда на исцеление, сколько старая журналистская страсть, то наслаждение, которое испытываешь от дороги, чтобы узнать, есть ли что-то стоящее в истории, о которой только читал или от кого-то слышал. А тут история была и впрямь интересная.

В отличие от «врача» из Какинады или от молодого Махадевана, Вайдия Баленду Пракаш был знаменит. Им интересовалась пресса, правительство наградило его престижным орденом, он пользовался покровительством тогдашнего президента Индии; среди его пациентов был английский мультимиллионер сэр Джеймс Голдсмит, который выделил ему свой вертолет и пригласил в Европу. Слава Вайдии Баленду Пракаша началась в 1987 году, когда ему удалось вылечить от лейкемии пакистанского мальчика двух с половиной лет, признанного неизлечимым в одной крупной лондонской больнице; история попала тогда на страницы всех газет.

Исключительный характер его терапии заключался в том, что Вайдия Баленду Пракаш пользовался только металлами. Мысль о том, что металлы играют важную роль для телесного здоровья, присутствовала во всех цивилизациях. Медные кувшины, в которых наши бабушки все еще держат воду, и чугунные сковородки – это свидетельство древней мудрости, которой пренебрегла современная промышленность, выпускающая посуду гораздо более практичную, но в ущерб здоровью.

Но одно дело использовать металлы для изготовления кухонной утвари, и совсем другое – употреблять их как лекарства. Для западной медицины это прямой путь к отравлению, тем не менее, Вайдия Баленду выбрал его для своих пациентов. Сложнейшим способом, описанным в некоторых аюрведических текстах, он измельчал металлы, а полученный порошок давал больным. Я читал, что он чаще всего использовал ртуть, и это была еще одна причина, по которой я хотел с ним встретиться. Ртуть, согласно индийской мифологии, – это сперма Шивы, «семя чистого познания». А что, если в системе Вайдии Баленду Пракаша кроется больше, чем кажется на первый взгляд? Так же, как, допустим, в алхимии?

Тысячи лет назад жрецы и колдуны таких разных цивилизаций, как майя, китайская, древнеегипетская, индийская, уже пытались превратить обычные метал-

лы – свинец и медь, в драгоценные – серебро и золото. Это тайное искусство, впоследствии названное алхимией, было частью вечного стремления человека узнать больше о себе самом. Алхимическое облагораживание металлов, возможно, было способом иносказательно изобразить тайну духовного преображения; процесса, связанного с эзотерическим знанием, доступным только через долгие и ответственные процессы инициации. Не случайно язык алхимиков зашифрован, полон тайного смысла. Когда говорилось, к примеру, о том, чтобы «убить» низкий металл для последующего «возрождения» в виде золота, то за этим могло крыться: убей в себе низкое «я», собственное «эго», чтобы родилось другое, высшее «Я» чистого познания – Атман.

В Китае алхимия стала составной частью даосской традиции, в которой, возможно, за поисками «золота бессмертия» скрывались поиски не «металлургического» свойства. В Европе алхимия превратилась в искусство готовить лекарства при помощи магического средства, позже названного «философским камнем». Лекарства для тела или для души? Блюсти эту двусмысленность было насущной необходимостью для средневековых мистиков, которым удалось избежать преследований со стороны церкви за поиски прямой связи со Всевышним, укрывшись за перегонными кубами, ретортами, ступками и пряча за якобы материальными

алхимическими поисками свой подлинный труд – труд духовных поисков.

А не кроется ли нечто подобное и в практике этого врача из Дехра-Дун, который утверждал, что может превратить в лекарство «семя Шивы»?

На следующее утро в привычном уже «Амбассадоре» я добрался до места назначения: это была не амбулатория, а скорее ферма, к которой вела грунтовая дорога через поля. Белый забор, калитка, пара строений, большой навес над рядами черных ям в красной земле и множество живности – куры, утки, павлины и еще коровы, мирно пасущиеся у озерца.

– Добро пожаловать в самый маленький и бедный онкологический центр в мире, – сказал врач, идя навстречу, – улыбающийся, невысокий, одетый по-европейски. Он пожал мне руку вместо «намаскар». Ничто не намекало на святость или мистику. Его подчеркнутая любезность была вполне светской. Безусловно, он не был алхимиком. Он даже вегетарианцем не был, и когда, показав на кур, я спросил его, ест ли он их, он убежденно ответил: «А как же!»

Когда я говорил с ним по телефону, то не представился как возможный пациент. Я сказал, что собираюсь писать об альтернативной медицине, и он выделил целую неделю для ознакомления со своими работами. Поэтому пациентов не было, зато телефон в кабинете, где мы устроились, звонил постоянно; люди со всего

мира хотели получить консультацию или записаться на прием. Чаще всего он отказывал.

Его больше не интересует лечение отдельных случаев, как он сказал мне. Теперь на первом месте исследовательская работа. Он хочет, чтобы его терапия была принята научным сообществом, которое пока упорно ее игнорирует. Врачи западной формации от него открещиваются, а те, кто вырос и сформировался в русле аюрведической традиции, не хотят, по его словам, пересмотра устоявшихся канонов.

Сам Баленду Пракаш систематически изучал аюрведу и получил диплом, который давал ему возможность присоединять к своему имени почетный титул «вайдия» (доктор), но с коллегами он уже давно был на ножах.

– Аюрведисты по большей части консерваторы, противники всего нового. Они все еще относятся к медицине как к религии, а о древних учебниках говорят так, будто это Священное Писание. Таким образом, они не дают возможности ни критиковать, ни обсуждать эти тексты, – говорил он. – Что касается меня, то мне очень повезло, что я живу в Индии, но при этом очень не посчастливилось, что я индиец. Индия полна мудрости, но в наши дни это больше содействует религии, чем медицине. Новые идеи не приветствуются, для их реализации не выделяют средств. Аюрведические исследования практически не проводятся, и на протяжении

многих лет не было создано ни одного нового лекарства.

Прежде чем отправиться к нему, я прочитал о его публичных нападках на аюрведические школы; по его словам, они готовят «докторов», которые в конце концов тайком склоняются к западной аллопатической медицине, не будучи к этому подготовлены. Он также обрушивался на продукцию с «аюрведическими» этикетками для обмана покупателей и наживы шарлатанов.

Вайдия говорил, что некоторые средства, популярные в Индии и активно входящие в моду за границей (там они называются «пищевыми добавками», чтобы обойти фармацевтический контроль), просто каша на сахарине, а так называемая аюрведическая косметика – чистое надувательство.

– Масла, якобы растительные, на самом деле синтетика, а шампуни «на травах» изготовляют из обыкновенных моющих средств. Аюрведа в моде, люди за ней бегают. Пока эти продукты не конкурируют с фармацевтической промышленностью, их свободно продают. Иное дело – средства от рака, дающие этому производству огромную прибыль, а поскольку мое лекарство обходится всего в пару долларов за день, в нем видят угрозу. Знаете, сколько стоит курс лечения в Онкологическом центре в Нью-Йорке?

Вопрос был риторический, и отвечать я не стал, но мне ли не знать!

Вайдия привел для примера отставного офицера индийской армии, который приехал к нему после того, как в Дели его объявили неизлечимым. Он, Вайдия, вернул его к жизни за каких-то двенадцать рупий – около двадцати центов в день. И что же это было за чудодейственное средство? Не что иное, как комбинация металлов!

Его терапия основывалась на очень простой теории. Такая болезнь, как рак, это следствие дисбаланса, то есть недостатка или избытка в организме основных металлов: меди, серебра, свинца, золота, железа, олова, цинка и ртути. Лечение состоит в том, чтобы это утерянное равновесие в человеческом теле восстановить.

– Я хорошо знаю, что металлы токсичны (например, те, что содержатся в выхлопных газах), но металлы могут и вернуть человека к жизни, если он получает их из рук «вайдии», – сказал он. – В древних текстах записано: «Ртуть тысячу раз может вылечить любого больного, если пациент будет воздерживаться от любовных утех, от употребления в пищу соли и любой острой пищи». Я опробовал этот метод и видел результаты своими глазами.

Баленду Пракаш достал пачку бумаг, более полусотни карточек пациентов, которых он недавно и успешно лечил. Протягивая их мне, он сказал одну вещь, которая меня потрясла.

– Я знаю, что мое лекарство действует, но не знаю

точно, как и почему. Я не уверен насчет доз, не уверен насчет длительности курса лечения. (Мне показалось, он говорит искренне.) Поэтому мне нужна помощь, нужно финансирование, чтобы двигаться дальше.

Настал момент увидеть знаменитые лекарства своими глазами. Замеченные мною ямы под навесом были очагами, где металлы «очищались тысячекратно». Они были разных размеров: некоторые глубиной в ладонь, некоторые – в две пяди, а некоторые и в локоть. Таковы были единицы измерения в древних текстах. В каждое углубление каждый вечер помещался огнеупорный тигель. Внутри находилось точно отмеренное количество металла, который предстояло переплавить для удаления примесей. Наутро металл выливали в каменные ступки и весь день растирали. Вечером тигель со смесью снова ставили на огонь, и утром операция повторялась. После нескольких месяцев таких процедур металл превращался в тончайший порошок, нечто вроде пепла – его называли «басма».

Вайдия отвел меня в «аптеку». Сидя в ряд на земле, люди размеренно катали взад-вперед стальные колеса, погруженные в лотки с черной массой на дне. На полках стояли банки, снабженные этикетками с названиями и датой производства. Вайдия сказал, что готовую басму еще полагается выдержать по меньшей мере два года и только потом можно давать больно-

му. Следовательно, на производство каждого лекарства требуется самое малое три года.

Он дал мне ртуть в чаше, она была очень тяжелая. Потом Вайдия ложечкой достал из другой банки немного басмы тоже из ртути – это была черная пыль, почти невесомая. «В воде она остается на поверхности, потому что ртуть потеряла свою „земляную сущность“, тянувшую ее на дно, и приобрела качество огня – летучесть», – сказал Вайдия, цитируя строки из древней книги.

Он изучил эти тексты, теперь знал их досконально, но не они подсказали этот способ лечения. Все началось с его отца, и история, которую Вайдия рассказал, была похожа на притчу.

Семья его была родом из Меерута, городка к северу от Дели; это были простые люди, но очень набожные, и многие старики из их рода к концу жизни становились «санньясинами». Когда отцу Вайдии было всего двенадцать лет, кто-то подговорил мальчика выпить глоток спиртного. Родители пришли в ужас и выгнали сына из дому. Тогда некий «садху» по имени Махарадж, один из тех, кто живет, питаясь только бананами и молоком, взял его в ученики. Он обучил мальчика священным аюрведическим текстам и передал ему секрет необычного черного порошка, который Махарадж всегда носил с собой и которым лечил костные болезни.

Отец Вайдии вырос и стал целителем. Он научился

у Махараджа сложному процессу очищения некоторых металлов и теперь имел собственный запас черного порошка, лечил им пациентов от самых разных заболеваний. В 1960 году ему встретился чиновник, который в местной больнице считался неизлечимым, так как опухоль уже затронула костный мозг. Отец Вайдии с помощью порошка Махараджи вылечил его, это стало его первым опытом излечения рака. Потом было много других случаев, и отец Вайдии прославился как целитель, спасающий обреченных. Он умер в 1984 году, и Вайдия, изучивший к тому времени аюрведу, продолжил его дело. Чтобы иметь больше возможностей для экспериментов, он переехал сюда, на ферму Дехра-Дун, где и основал исследовательский центр.

Излечение пакистанского мальчика от лейкемии при помощи смеси ртути, мышьяка и серебра принесло Вайдии первый большой успех. С тех пор ему удалось справиться не менее чем с тридцатью пятью разновидностями рака. Он отлично знал, что его система эффективна не всегда, и признавал, что случались и ошибки. Спокойно говорил он и о своих противниках.

Он рассказал, как руководство здравоохранения в Австралии даже объявило по телевидению о риске отравления его препаратами. Показал и фотографию светловолосой западной девушки Кэтрин, приехавшей в надежде излечиться от лейкемии. Она пробыла здесь с семьей несколько недель, но спасти ее

так и не удалось.

– В то время с моими лекарственными припасами что-то было не так, – признался Вайдия. Такое уже случалось и с его отцом. После двух лет отменных результатов с «порошком Махараджи» вдруг это лекарство перестало действовать. Не сразу обнаружилось, что ухудшило качество меди: обычно ее получали, переплавляя монеты, потом выяснилось, что новые монеты содержат примеси. Только после того, как отец стал использовать медь из электрических проводов, лекарство вновь стало действовать.

– А случай Голдсмита? – спросил я его.

Он ответил, что к нему обратились слишком поздно и потом еще возникли конфликты с английскими и французскими врачами, тоже лечившими Голдсмита.

Вайдия отлично знал, что, кроме успехов, на его пути было и много поражений. Он не мог понять одного: почему медицинская общественность не интересовалась теми случаями, когда его система приносила успех, и почему не помогла ему разобраться в причинах неудач. После излечения пакистанского мальчика несколько английских врачей приезжали, чтобы изучить его метод, но на этом все и закончилось. Теперь к нему обращались доктора только в безвыходных случаях. Прогуливаясь по ферме, мы подошли к пруду, у которого копошились красивые куры и утки. На деревьях ворковали голуби.

– Давайте представим себе, что мы живем в лесу в древние времена, – сказал Вайдия. – Мы многому должны научиться, наблюдая за природой, за живыми созданиями. Мы увидим, что петух в одно время года выбирает один корм, в другое – иной, что слон объедает не всякие деревья. Увидим, как больное животное ищет определенные травы. Подражая животным, мы не всегда добиваемся одинакового результата. Мы обнаруживаем, что у трав, растущих под какой-то скалой, совсем не те свойства, чем у таких же трав, но из других мест. Выходит, именно рудоносная скала придает растениям особые качества.

– Вы можете из руды выплавить металл, проглотить его и умереть. Но в земле водятся черви, усваивающие этот металл, к примеру, медь. Далее выясняется, что черно-фиолетовый цвет петушиных перьев – это следствие того, что петух получил дозу меди, клюя этих червей. Вот такая цепочка, и риши все это понимали. Конечно, в естественном виде медная руда ядовита, но, пережженная в пепел, медь может блокировать рост раковой опухоли определенного типа.

То же самое со ртутью. При обследовании людей, погибших от отравления ртутью, выяснилось, что она воздействует даже на стволовые клетки. Отсюда вытекает, что ртуть можно использовать в качестве «транспортного средства», способного проникнуть в самую глубь организма. Аюрведе это известно уже несколько

веков; известны также свойства цинка и железа, которые западная медицина открыла для себя только недавно. Но аюрведа с самого начала была далека от наук. Моя цель – внедрить опыт химии, физики, электроники в аюрведу, чтобы усовершенствовать ее, объяснить, развить и продвигаться дальше.

Вайдия мыслил современными категориями, но далеко не все в современном мире вызывало у него доверие. Например, он имел серьезные претензии к промышленной продукции, особенно пищевой: он был убежден, что земля, особенно из-за удобрений, утратила многие качества и еда, производимая сегодня, больше не содержит необходимых нам веществ. Теперь все ненатурально, даже кизяк для сельского очага. Мы проговорили целый день. Он был очень доволен, что может поделиться размышлениями, а я – что могу их записать.

Незадолго до захода солнца под навесом разворачивалась ежедневная церемония зажигания огней, в которой принимала участие вся семья. Пригласили и меня. Полагалось горящей головешкой поджечь кизяк в земляных печах и поддерживать тлеющий огонь под тиглями. Один человек оставался дежурить всю ночь. Наутро металлы остудят, будут часами перетирать, а вечером снова начнут прокаливать. И так неделями, месяцами.

– Только в Индии, где рабочая сила дешева, мы мо-

жем позволить себе производить лекарства такого типа. Возможно, именно потому, что мы – индийцы, наши лекарства не принимают всерьез специалисты из Онкологического центра, – добавил он.

На протяжении дня Вайдия несколько раз упомянул мою любимую больницу, и я, не рассказывая о себе, поинтересовался, почему он все время о ней вспоминает. Он сказал, что не бывал в нью-йоркском Центре, но многие пациенты, которые там лечились и были признаны безнадежными, приезжали к нему. Вайдия знал, что в Онкологическом центре сделали ставку на генетические исследования, но не считал, что это путь к решению проблемы. Он встречал многих пациентов, которым в Центре сделали пересадку костного мозга, и не видел в этом серьезной пользы.

– Мне-то подходят даже те пациенты, у которых костный мозг полон метастазов, – улыбнулся он, и это прозвучало вызовом.

– Я еще не скоро буду готов стать вашим пациентом, – вырвалось у меня. И в нескольких словах я рассказал историю своей болезни.

Вайдия ничего не сказал, но после этого моего «признания» мы стали ближе друг другу. Он пригласил меня поужинать.

Сам Вайдия сидел во главе стола, по правую руку – жена, потом трое детей – две девочки и мальчик. Все трое были готовы следовать по стопам отца и де-

да и стать врачами-аюрведистами. Я увидел, как перед едой Вайдия проглотил, запивая водой из серебряного стакана, несколько таблеток: цинк, золото, жемчуг, коралл, ртуть, как он сам мне объяснил. Плюс порция черного перца: «чтобы развести огонь, нужно горючее».

Лепешки, которые мы ели, испекли не из обычной муки. Это перемолотая трава, растущая здесь повсюду.

– Это самая дешевая мука, которую едят бедняки, – сказал Вайдия. – И они меньше болеют, если придерживаются своего традиционного рациона. К сожалению, с достатком мы становимся более глупыми и менее здоровыми.

Только когда мы устроились в небольшой гостиной выпить травяного чая, он снова заговорил обо мне.

– Когда-нибудь вы должны приехать сюда как пациент, потому что они там, в Онкологическом центре, потерпели с вами неудачу – как, собственно, и со многими до вас. Они не в состоянии ответить на элементарный вопрос: из-за чего вы заболели? Этот довод был для меня не нов. Я и сам думал над этим все три месяца в Нью-Йорке. Но он добавил к этому аргументу еще один, уточняющий.

– Больной обречен, если его будут лечить по-западному, то есть бороться с раком, а не с его причинами. Некоторые справляются с болезнью, меняя образ жиз-

ни.

– Ну… Примерно это я и пытаюсь сделать.

– Да, а потом эти, из Центра, скажут, что это их заслуга!.. Ну, вы же знаете: если человек проживет еще пять лет, это считается их большим успехом. А если на шестой год он умирает, что же это за успех?

По его мнению, одна из основных причин моего типа заболеваний – это нарушение содержания микроэлементов в моем организме. Частично этот дисбаланс был вызван загрязнением окружающей среды, тем фактом, что земля оскудевает и все меньше в ней естественных компонентов; при этом она просто нашпигована всякой «химией».

Он попросил меня прийти на следующее утро натощак. Хотел проверить состояние моей крови. Для этого он пользовался особым, «теневым» микроскопом. «Звезды видны на темном небе, – объяснил он. – Но они есть и днем, они никуда не деваются. То же самое происходит и с признаками рака. Я смотрю на вашу кровь и могу разглядеть лучше и раньше западных врачей признаки того, как будет развиваться ваш рак».

Ох, не понравились мне эти слова. Неужели еще один шарлатан?

Вечером, в маленькой гостинице, на этот раз в центре Дехра-Дуна, перед сном я прочел еще несколько историй о животных из «Панчатантры» – занимательных, но скажем прямо, не слишком поучительных. Вот

одна из них.

Один старый лев каждый день после обеда укладывался подремать, но постоянно его донимала мышь – то залезет в ухо, то теребит гриву. Лев был большой и сильный, но с мышью справиться не мог, уж больно она мала. Тогда он нанял охранником кота, обещая делиться с ним добычей. Сперва все шло как нельзя лучше. Мышь, видя кота, не выходила из норки, лев спал спокойно, а кот, которого он щедро угощал остатками своего обеда, теперь всегда был сыт. Лев не уставал расхваливать кота и благодарить его за помощь. Но однажды мышь, проголодавшись, выбежала и кот, недолго думая, поймал ее и съел. Когда лев проснулся, кот, вне себя от гордости, рассказал ему о своей удаче. Лев на это ничего не сказал, но отношение его к коту круто изменилось. Он больше не разговаривал с ним и не давал ему ни крошки еды. Кот ничего не понимал.

– Я же выполнил свой долг, почему ты так со мной обращаешься? – осмелился спросить он, поголодав несколько дней.

– Ничтожная тварь! Ты – раб, который больше не нужен. Уйди и не мешай мне спать, – ответил лев.

На следующее утро, натощак, я явился в дом Вайдии. Семья еще завтракала, Вайдия сидел во главе стола. Дверь комнаты была открыта, и голуби, куры и утки волновались, требуя свою долю.

Вайдия поручил меня заботам девушки-микробио-

лога. Она взяла у меня капельку крови, поместила ее под микроскоп, и на большом мониторе я увидел прекрасное зрелище; разноцветные пятнышки двигались, соприкасались, сливались в объятии, поглощали друг друга, меняли форму и цвет. Невероятная жизнь кипела в капельке моей крови!

По словам девушки, все шло хорошо. Потом пришел Вайдия; он заметил, что в крови еще оставались признаки пищи, съеденной двенадцать часов назад, следствие плохого усвоения; что кровяные шарики не были правильной формы – признак нехватки железа. Что сопротивляемость у меня была низкая, что клетки, вместо того, чтоб жить пять часов подряд, отмирали уже через час. И так далее, и тому подобное…

Мне подумалось, что весь этот спектакль с налетом современности, привнесенным большим экраном, был устроен специально, чтобы вызвать доверие. Ловушка? Время от времени Вайдии приходилось отвечать на телефонные звонки – и среди них оказался звонок от матери того самого пакистанского мальчика. Она звонила из Дубая, чтобы сказать Вайдии несколько добрых слов. Он дал мне с ней поговорить. Мальчику сейчас было шестнадцать, и он чувствовал себя прекрасно. Они были навечно благодарны Вайдии за то, что он сделал.

Случайность? Или он организовал этот звонок, чтобы произвести на меня впечатление? Думаю – случай-

ность. Вайдия вызывал у меня симпатию, и его система действительно сумела вернуть надежду многим изверившимся людям, а возможно, кого-то и вылечила. Но в сущности его подход к болезни не особенно отличался от подхода нью-йоркских «ремонтников», которых он сам же и критиковал. Он тоже видел во мне лишь материальный объект, в котором недоставало того или иного металла. В лучшем случае, он мог его добавить в мой организм. А это меня больше не привлекало.

Когда он сказал, что мне надо будет принимать одну из его смесей для укрепления иммунной системы, я ответил, что пока решил отказаться от лекарств и приехал к нему, рассчитывая встретить… алхимика. Он рассмеялся. Думаю, он меня понял, и простились мы самым сердечным образом. Я пообещал, что честно напишу о нем и о его экспериментах.

Я возвращался в Дели. Впереди было семь или восемь часов пути, и я устроился поудобнее на заднем сиденье старого «Амбассадора». На дороге было полно ухабов, и читать я не мог. Поэтому, чтобы задремать, я сам себе рассказал притчу о животных. Не из «Панчатантры», а более древнюю, одну из простеньких историй Вед, но с возвышенной моралью.

Как-то раз, пролетая над деревней, ястреб видит рыбу у поверхности пруда. Он пикирует, хватает ее и улетает прочь. Стая воронов, наблюдавших за этой сце-

ной, бросается, чтобы отобрать добычу. Их много, они наглые и крикливые. На подмогу к этим воронам спешат другие. Ястреб пытается подняться в воздух, но вороны уже насели на него со всех сторон, клюют, не дают передышки.

Когда ястреб понимает, все это потому, что он цепляется за добычу, то бросает ее.

Вороны накидываются на рыбу, а ястреб улетает налегке. Ничто и никто больше его не отвлекает. Он летит все выше и выше в небеса, в бесконечность. Он свободен, он в мире с собой.

Голос флейты в тумане

Лес не обманул наших ожиданий, с каждым шагом он все больше наполнялся жизнью, тайной, трепетом. Деревья казались нефами огромного собора, косые лучи солнца пробивались сквозь кроны, как сквозь волшебные витражи. Вскоре ничего вокруг уже не напоминало о нашем времени. Единственным следом человеческого присутствия была тропа: она то поднималась, то резко падала вниз в темный овраг, чтобы затем вынырнуть и снова вести нас все дальше и выше.

Древние дубы, поросшие мхами и лишайниками, свисающими с искривленных ветвей; рододендроны с корой, отливающей оттенками серого, розового и фиолетового. У каждого была своя индивидуальность, своя история. На стволах виднелись шрамы от молний и пожаров.

В этом лесу на склонах Гималаев обитали легенды. Любая трава здесь могла оказаться целебной, каждый укромный уголок – убежищем праведника, каждая расселина – логовом медведя или леопарда. Мы не привыкли к такому величию природы. Говорить не хотелось, изумленные, слегка растерянные, мы шли в благоговейном молчании, прислушиваясь к шелесту листвы, к далекой возне какого-то зверя, к крику птицы.

Лес жил, дышал, говорил; тысячи жизней сливались здесь в одну общую.

Поднимаясь по горному склону, человек часто думает о награде за свои усилия; ну хотя бы о возможности взглянуть на мир сверху. Но мы были вознаграждены раньше. Среди леса мы увидели стену из крупных мшистых камней и ржавые ворота.

Я отворил их. Мы прошли между двумя величественными деревьями, которые, как стражи, стояли по сторонам тропы; в полусотне шагов от ворот лес закончился, тропа ушла вбок; нам открылись ярко-зеленые луга, расположенные амфитеатром в несколько ярусов; вверху, на седловине, виднелась труба, скаты крыши. Там стоял дом, приютившийся в тени высоких кедров.

Все внезапно застыло и умолкло, будто утратило реальность, будто все это было написано на большом холсте. И мы, как по волшебству, вот-вот должны были очутиться там, внутри картины. Это было видение вне времени; воплощение покоя, которого мы никогда не знали.

Залаяла собака, и старик, дремавший на солнце, встал.

Пришлось взобраться еще немного, чтобы достичь этих силуэтов, темневших на фоне неба. Когда мы поднялись, у нас перехватило дыхание: вдоль линии горизонта, над целым океаном вершин и долин, над обла-

ками, где, казалось, кончается мир, высились простиравшиеся насколько хватало глаз горы. Неприступные, ослепительно белые на фоне лазури. Нематериальные, небывалые, как на картине.

– Скажите нам правду, ведь это картина? – спросил я Старца, который ждал нас у дверей дома.

Он хохотнул.

– Конечно. Она создана Божественным Живописцем. И каждый день она разная, – сказал он. Потом добавил, пристально глядя на меня:

– Сказать вам правду? Почему? Значит, вы ищете правду? Разве мы могли ответить «нет»?

– Правда подобна красоте. Она не знает пределов, – продолжал он. – Ее нельзя заключить, как в клетку, в слова или формы. Истина бесконечна.

Мы с Анджелой переглянулись. После такого вступления уже не было нужды в формальном ритуале знакомства.

Старец пригласил нас сесть в плетеные кресла, затем предложил воды.

– Это из лесного родника, – заверил он.

Худой и морщинистый, Старец сам был похож на корягу из того леса, из которого мы только что вышли. На нем были коричневые брюки, толстый темно-зеленый свитер и шерстяной берет, тоже цвета листвы. На крупном носу – очки; белая борода обрамляла смуглое индийское лицо. Оно совсем потемнело от многолет-

него пребывания на солнце. Над входом в его жилище свисали корзины и пучки сухих трав.

Стоял декабрь, но солнце пригревало, воздух был прозрачным, и гора у нас за спиной присутствовала при разговоре как еще один гость или, возможно, как подлинный хозяин. Собака успокоилась и уснула у ног Старца, который медленно стал сворачивать самокрутку. Из кустиков шалфея перед крыльцом выглядывали пурпурные цветочки на длинных стеблях, кусты роз, которые никто не подрезал, были усыпаны мелкими бутонами. Казалось, каждая травинка, каждый камень радуется покою и солнечному свету.

Едва мы вынули из сумок хлеб и сыр, как два ворона, черных-пречерных, слетели, каркая, с верхушки кедра за своей долей. Старец сказал, что уже два года делит с ними трапезу.

– Это самец и самка? – спросил я.

– Пусть сами разбираются, – рассмеялся он.

Мы с Анджелой снова переглянулись. Что привело нас сюда? На первый взгляд обычная цепь маленьких шагов, совпадений, решений. Лишь спустя какое-то время мы осознаем, что не сами делали эти шаги и не сами принимали решения. Кто-то подталкивал нас, возможно, что-то.

За годы, прожитые в Индии, Анджела видела Гималаи только издалека, в Дхарамсале; и мы решили это Рождество провести в Алморе, старинном город-

ке, расположенном на большом горном хребте, где Индия к северу граничит с Тибетом, а на востоке с Непалом. Остановились мы в бунгало, построенном еще в XIX веке; теперь здесь пансион, названный «Деодарз» («Деревья богов») в честь величественных кедров, которые когда-то росли повсюду.

У Алморы длинная история. Городок упоминается еще в Пуранах, сборнике древних легенд. Веками она была вратами к самым священным вершинам Гималаев и их секретам. В Алморе останавливались на отдых «санньясины», принявшие решение «уйти в лес», и святые отшельники, устремлявшиеся еще выше, к самим ледникам. В Алморе бывал Тагор; приезжали сюда и мистики, как Вивекананда, который основал тут один из ашрамов. Ганди, проведя здесь несколько недель, сказал, что это идеальное место для здоровья души и тела. Алмора, если использовать терминологию «священной географии», находится в центре тантрического треугольника (другие считают, что свастики) и славится как место для сосредоточения и духовной жизни.

В прошлом веке Алмора с Гималаями, тянущимися вдоль всего горизонта, и с почти нетронутыми лесами привлекла внимание кучки иностранцев, и поисками их следов я хотел заняться. Они селились вдоль узкого, длиной в несколько километров, гребня, который разделял две глубокие долины, от самого «Деодарз» до

древнего храма Казар-Деви и дальше. Из-за этих весьма оригинальных иностранцев, нашедших здесь приют, это место стали называть «Крэнк Ридж» – Хребет Чудаков.

Среди этих эксцентричных персонажей был Эванс Вентц, американец немецкого происхождения, теософ, которому мы обязаны первым изданием классической «Тибетской Книги Мертвых» и «Жизни Миларепы». Был здесь и Лама Анагарика Говинда, уроженец Германии. До приезда на Хребет он изучал в Неаполе древний язык пали, на котором написаны первые буддийские тексты. Потом жил на Капри, где некоторые считали его реинкарнацией Новалиса, первого немецкого поэта-романтика. Новалис умер от туберкулеза в 1801 году в возрасте двадцати девяти лет; повесть, над которой он работал, осталась недописанной. Лама Говинда, в то время совсем еще юный, каким-то странным образом дописал окончание этой книги, ничего при этом не зная ни о самом Новалисе, ни о его невоплощенном замысле.

Эрл Брюстер, друг Д. Х. Лоуренса и Олдоса Хаксли, тоже перебрался сюда с Капри. Датчанин Соренсен приехал в Индию, увлекшись личностью и творчеством Тагора. Несколько лет он работал садовником в его академии в Шантиникетане, потом переехал на Хребет и стал там «садху», приняв новое имя – Баба Суньята, или Отец Зеро.

Я тоже искал убежища, и мысль о том, чтобы провести какое-то время на Хребте, может быть даже в одном из тех домов, где когда-то жили «чудаки», меня привлекла. Но и там все изменилось. Участок, который принадлежал Вентцу, а потом, на протяжении сорока лет, Ламе Говинде, был продан. И теперь там, где двое ученых с любовью создали что-то вроде мини-Тибета, стояли уродливые бетонные строения. На месте бунгало, в котором Брюстер прожил почти полвека до своей смерти в 1959 году в возрасте восьмидесяти одного года, теперь была современная вилла. Из-за одного из самых священных здешних храмов Казар-Деви, расположенного в самом центре тантрического треугольника, торчала пошлая вышка ретранслятора.

В «самой большой стране демократического мира» каждый волен делать все, что хочет, особенно если это касается выгоды. Хребет изменился до неузнаваемости: там, где когда-то зеленели густые леса, теперь стояли белые бетонные коробки. Жилье в них сдают новым «чудакам», но это уже не те эксцентричные и утонченные художники и философы, что селились здесь несколько десятилетий тому назад, а ватаги западных хиппи, которых сюда привлекло в основном высокое качество местной конопли, растущей у каждой стены, в том числе и полицейского участка. Я забрел туда узнать, нельзя ли мне поселиться в одной из этих коробок, но тут же сбежал от тоски. Как-то я зав-

тракал с Ричардом Уиллером, хозяином «Деодарз», на залитой солнцем террасе. Она как судовая рубка нависала над долиной, заполненной туманом. Ричард показал мне на одну далекую вершину; она была за горами, тающими в голубоватой дымке, и казалась темнее остальных.

– Видишь, там наверху ничего не изменилось. И лес такой, как прежде, и на вершине, думаю, все еще живет старик-индиец, – сказал он.

Поэтому-то я и здесь и вершина говорит со мной строками из Киплинга:

За Предел проникни взором —
Ждет там твоего прихода
То, что скрыто и забыто.
Отправляйся и найди!

И вот как-то утром мы пустились в путь. Машину носило вверх и вниз по холмам и долинам, потом дорога пошла в гору сначала через сосновые леса, затем через дубовые. Менее чем за два часа мы добрались до поляны, во влажном чреве которой притаился бело-оранжевый «мандир» – маленькая часовня, посвященная Шиве, а присматривала за ней старушка-«санньясин». Там мы оставили машину и дальше пошли в гору по лесной тропе. Мы поднимались больше часа, пока не набрели на ржавые ворота

и не встретились со Старцем возле его жилья.

– Это идеальное место для того, кто хочет отрешиться от мира, кто им пресытился и теперь желает воздержания, – сказал я Старцу.

Сам он здесь «воздерживался» почти полвека. Поначалу и он жил на Хребте, но, когда старое поколение «чудаков» начало вымирать, а оставшихся потеснили новые пришельцы, когда старую грунтовую дорогу через Хребет сначала расширили, а потом и заасфальтировали, Старец решил переселиться «куда-нибудь повыше». Прежние «чудаки», как он сказал, пришли в Гималаи в поисках чего-то за пределами самих себя; новым же подавай только «иллюзии». Тимоти Лири, американский гуру ЛСД, прежде гарвардский психолог, приехал на Хребет в начале шестидесятых. Он и его таблетки стали символом перемен.

Всех людей, которые меня интересовали, Старец знал лично. Он приехал на Хребет молодым художником, и первым, с кем он познакомился, был Брюстер, тогда уже в годах. Брюстер родился в американской обеспеченной семье, жил на Капри, в «Доме Четырех Ветров», написал там книгу о жизни Будды, занимался скульптурой. С Капри переехал в Коломбо, на Цейлон; оттуда – в Пондишерри, в ашрам Шри Ауробиндо, а в конце двадцатых годов – в Алмору, где и занялся живописью. По словам Старца, Брюстеру лучше, чем кому бы то ни было, удалось уловить дух гор: их незы-

блемость.

Потом старец рассказал о Рудольфе Рее, известном на Хребте как «Ру», русско-польском еврее. В Вене он стал знаменитым портретистом, но потом под влиянием Фрейда перестал писать «зримое», чтобы целиком переключиться на подсознательное, и таким образом оказался среди «чудаков». Он часами писал в темноте, иногда даже не будучи уверенным, ложатся ли краски на холст. «„Ру“, – сказал старец, – был „отравлен красотой“. Для него прекрасным было все. Он видел вещи не порознь, а во взаимосвязях, и это для него было истинной красотой».

Жена Ламы Говинды, Ли Готами, дочь богатых парсов из Бомбея, тоже была художницей. Она хотела наблюдать мир «с другой точки зрения» и поэтому писала головой вниз, глядя между колен. Датчанин «Отец Зеро», по словам Старца, был самым эксцентричным из всех. Как и остальные, он старался преодолеть свое «я» и никогда не говорил о себе в первом лице. Об этом он написал книжку под названием «Почему мы называемся „Мы“». У Отца Зеро была собака, к которой он был очень привязан. Он называл пса Ву, что по-китайски означает «тот, кого нет». «Летом он мой гуру, – говорил Отец Зеро о псе, – а зимой – моя грелка».

Старец, хотя ему было за восемьдесят, обладал отменной памятью. Он помнил имена, даты, разговоры, детали. Казалось, разум его непрестанно и напряжен-

но работает. Я спросил, как это ему удается. И вот тут он впервые упомянул о «трюке со свечой». «Собственно, ничем другим в жизни я и не занимался», – сказал он, посмеиваясь, и продекламировал две знаменитых строки из «Гиты»:

> Подобен огню, не колышемому ветром,
> Дух, сосредоточенный на Брахмане.

Он рассказал, что приехав на Хребет, принял самое важное решение в жизни: вместо того, чтобы «стать» художником, он захотел «быть» самим собой. Он сжег свои картины и посвятил себя работе с сознанием. Он никогда не использовал слово «медитация». Однако сказал, что каждую ночь встает и проводит два-три часа неподвижно в молчании перед горящей свечой. Это и называлось «трюк со свечой».

Я спросил, кто еще из индийцев жил на Хребте. Он рассказал о своем друге Боши Зене, бенгальце, женатом на американке, внучке Вальдо Эмерсона. Страстью Боши была ботаника. Еще в юности, в Калькутте, он пытался доказать, что у растений тоже есть чувства. Он был убежден, что существует и другой мир, помимо реального, и что вся Вселенная проникнута таким же сознанием, что и люди.

Говоря о людях, с которыми был знаком, Старец часто описывал, как они смеялись. Он полагал, что по

смеху можно судить о человеке. Бывает «интеллектуальный» смех – он нехорош; есть хороший смех – «наивный», или «простой». У тех, кто умеет смеяться и над собой, как Брюстер, всегда «чистая» улыбка.

Я заметил, что и у него самого был чудесный смех, даже при эмфиземе, заработанной курением. Вот уже несколько десятилетий он наслаждался собственными самокрутками.

Самый замечательный смех, удивляющий своей искренностью, был, по его словам, у Кришны Према, англичанина по имени Роланд Никсон, пилота времен Первой мировой войны, ставшего затем преподавателем университета в Индии. В 1929 году он приехал в Алмору, чтобы основать вместе с одной женщиной, своей гуру, ашрам в Миртоле, в нескольких километрах от Хребта. Мой Старец бывал в том ашраме, но так и не стал в нем послушником. Для своего духовного поиска он предпочел уединение в стенах собственного дома.

Разговаривая, Старец обратил внимание на мои советские часы с изображением Будды, который правой рукой касается земли в свидетельство того, что он достиг просветления.

– А, вечность в плену у времени… И какого времени! – сказал он. – Если бы это было хотя бы временем приобретенного опыта. Так нет же, это время часов со стрелками, которые выходят из сердца Пробудившего-

ся! – он нашел этот образ ужасным.

Я не стал рассказывать, где их купил. Лишь сказал, что в своей жизни я только и делал, что путешествовал, и теперь пора остановиться.

– Это единственный способ познать себя, – заметил он, показал на Будду в оранжевой тунике на циферблате моих часов и рассказал притчу.

Во время своих странствий Будда подходит к густому лесу. Все отговаривают его: в лесу опасно, там прячется свирепый разбойник; забавы ради он нападает на путников и отрубает им пальцы, которые потом, как амулет, носит на груди – их у него уже целое ожерелье. Отсюда имя разбойника Ангулимал: «ангули» – пальцы, «мала» – ожерелье. Будда не поддается на уговоры и уходит в лес один. Увидя его, разбойник бросается в погоню, но почему-то не может догнать. Ангулимал несется изо всех сил, он вот-вот настигнет Будду, но тот оказывается уже в другом месте; Ангулимал бросается за ним, а Будда снова далеко. В ярости Ангулимал вопит:

– Но кто же ты такой? Человек или сверхчеловек? Бог или дьявол? Я гонюсь за тобой, но не могу схватить. Как тебе это удается?

– Это ты бежишь, а я и с места не сдвинулся, – отвечает Будда. – Вот я, перед тобой.

Тут Ангулимал останавливается и только так «догоняет» Будду. На него нисходит озарение, он бросается

к ногам Будды и становится его учеником.

– Суть притчи, – заключил Старец, – в том, что если хочешь познать себя и быть самим собой, нужно остановиться.

Конечно, я его понимал! Вот уже два года я желал этого и пытался где-нибудь остановиться. Приехав в Индию, я повсюду интересовался, где я бы смог в одиночестве поработать над книгой. В Дели кто-то вспомнил о старом доме в горах на севере, где когда-то англичане держали Неру в заключении.

– Но если ты пишешь на компьютере, тебе это не подойдет, там электричества нет. – И разговор на этом закончился.

Я рассказал Старцу, что три месяца пробыл у Свами Данаянды, изучал Веданту, но ашрам был не тем местом, где бы мне хотелось остановиться.

– Свами слишком верят в слова, – произнес он.

Он будто читал мои мысли. Едва я хотел сказать, что все же Веданта мне помогла, как он опередил меня:

– Веданта – прекрасная отправная точка, только слишком уж мудреная. Истинное знание приходит не из книг, даже если книги эти священные, а из опыта. Лучший способ понять действительность – через чувства, интуицию, а не разумом. Интеллект имеет предел.

Я не совсем понимал, каков статус моего собеседника. Мне не за что было ухватиться: ни оранжевого оде-

яния, как у аскетов, удалившихся от мира; ни красного пятнышка на лбу, как это положено у индусов. Словом, ничто ни в его внешности, ни в его словах не указывало на принадлежность к какой-то конкретной вере. Так кто же он?

– Веданта, буддизм, индуизм… одно не исключает другого, – ответил он. – Такова Индия: цивилизация, созданная несколькими религиями, причем основополагающие идеи всех этих религий никогда никто не ставил под сомнение. Ни Будда, ни кто-либо после него.

Он остановился и, глядя на меня, будто для уверенности, что я его понимаю, а возможно, и разделяю его мнение, принялся торжественно перечислять эти идеи:

– Это не единственный мир, – сказал он, обводя широким жестом горизонт.

– Это не единственное время, – и указал пальцем на мои часы.

– Это не единственная жизнь, – и показал пальцем на себя, Анджелу, меня, собаку и на все вокруг.

Он остановился, будто для того, чтобы дать нам время поразмыслить.

– И это не единственное познание. Коснувшись своей груди, он заключил:

– Все, что есть вокруг, есть и в человеке; а чего в нем нет, нет нигде. Потом, словно желая разрядить атмосферу, он засмеялся и, обращаясь ко мне, добавил:

– И следовательно, путешествовать – бесполезное занятие. Если уж нет у человека ничего внутри, он и вокруг себя никогда ничего не найдет. Бессмысленно искать по свету то, чего не можешь найти в себе.

Его слова поразили меня. Он был прав.

Мы проговорили несколько часов. Зимой дни короткие; солнце закатывалось, воздух остыл, и Старец пригласил нас в дом. Мы прошли через темную бесхитростную кухоньку в столовую с овальным столом, четырьмя стульями и бурдюком в углу, затем вошли в комнату, в которой, как оказалось, было сокровище. Причем находилось оно на самом видном месте. В просторном окне, как в раме, была потрясающая картина. На первом плане – темные стволы и ветви кедров; за ними горная цепь, а посередине – массив Нанда-Деви, который закатное солнце только-только начало окрашивать в розовый цвет. Не какой-нибудь натюрморт – «мертвая природа», а природа живая – гордая, великолепная и, к тому же, меняющаяся прямо на глазах.

Я осмотрелся: высокий деревянный потолок, потемневший от времени и дыма, стены цвета охры, старые половицы. К камину примыкает чугунная печка, излучающая ароматное тепло. На полочке медитирует маленький бронзовый Будда. Старый коричневый диван, как ложа для почетных гостей, стоял прямо против окна, в котором никогда не прекращалось представле-

ние. По бокам два деревянных кресла с инкрустацией; на маленькой тумбочке черно-белая фотография старого индийца и желтый цветок в латунной вазе.

Я обернулся. На стене против окна висела картина в серой раме; на ней были изображены те же самые горы, в то же самое время суток, в том же колорите. Я подошел поближе. В нижнем правом углу синяя подпись: «Э. Х. Брюстер».

От картины исходила особая молчаливая сила; она излучала свет, казавшийся отблеском того света, что за окном. Во всем этом было что-то волшебное, неуловимое, почти тревожное; словно я сам был фигурой на картине, на которой была изображена картина, отражающаяся в другой картине… Тут я почувствовал, что запутался, затерялся в этих странных отражениях; и мысли, казалось, поплыли куда-то.

– Это самый прекрасный дом, который я видел в своей жизни, – произнес я, чтобы прервать затянувшееся молчание и убедиться, что происходящее не галлюцинация.

– Я люблю этот дом, и эта любовь взаимна, – отозвался Старец. – Он тоже любит меня.

Он сказал, что дом был построен в начале XIX века по распоряжению британского колониального чиновника. Потом добавил:

– Во время Второй мировой войны англичане держали здесь под арестом Неру.

Анджела, как и я, помнила об этой истории; мы с ней переглянулись, не веря своим ушам. Возможно ли такое? В такой огромной стране, как Индия, набрести среди сотен миллионов домов, на дом, о котором я слышал несколько лет назад, еще до болезни, до поисков излечения!

Казалось, будто что-то или кто-то играет мною и следовало довериться этой непреодолимой силе. Будто все происходящее в действительности уже случилось.

В создавшейся атмосфере я понял, что умолчать об одной детали – все равно, что солгать. Поэтому в нескольких словах я рассказал Старцу о своем путешествии, которое началось в Болонье, продолжилось в Нью-Йорке и, наконец, привело в Алмору в поисках убежища.

– А, рак! – слова Старца сопровождались хриплым кашлем курильщика. Потом он задал вопрос, который следовало бы задавать всем студентам-медикам в первый же день учебы:

– Как ты думаешь, болезни – причина смерти или же смерть порождает болезни?

Потом продолжил. Действительно ли я хочу остановиться, прекратить свое путешествие? Действительно ли я ищу прибежища? Если да, то оно здесь рядом. Когда-то это было чем-то вроде склада, но несколько лет назад его переоборудовали под жилье.

Мы тут же отправились посмотреть. Это было при-

земистое каменное строение, крытое сланцем. Невысокая дверь, узкая крутая лесенка на деревянный чердак с маленьким очагом. Стены, обмазанные глиной с кизяком, большое окно с видом на Нанда-Деви, самую высокую гору Индии.

– Переселяйся, когда хочешь, – сказал Старец.

Я онемел.

Жизнь – тайна, пусть ею и остается. Нить моей жизни была в той же руке, что поддерживает на узком карнизе лунатика, не давая сорваться.

«Когда ученик готов, появляется учитель», – говорят индийцы, имея в виду гуру, но так же можно сказать и о любви, о новых местах, о событиях. Бесполезно искать причины, гоняться за фактами и объяснениями. Мы сами – лучшее доказательство того, что существует нечто непостижимое. Существует истина помимо фактов и, продолжая упорно это отрицать, мы утрачиваем половину жизни, вместе с той особой радостью, которую дарит нам присутствие тайны.

Было уже поздно. Нам с Анджелой снова предстоял путь через лес до самого мандира; мы так спешили, что даже толком не поблагодарили хозяина.

«Скорей, скорей!» – торопил я Анджелу. Перед тем, как спуститься к поляне, мы бросили еще один взгляд на горы. Солнце уже село, но Божественный Живописец как раз наносил последний теплый розовый мазок на вершины ледников, а ущелья уже заливала холод-

ная мгла. Мы проделали обратный путь почти бегом, не чувствуя под собой земли, будто слегка опьянели или только что сошли с борта судна. Всю дорогу говорили без умолку.

А поговорить нам с Анджелой было о чем! Она проявила великодушие и благородство. Сорок лет я делил с ней многоцветие жизни и почти все свои большие радости. Но теперь задуманное резко отличалось от всего, что было раньше; это путешествие мы не могли совершить вдвоем, и она это знала. Ее, как и меня, тронули строки из Аттара, которые Старец, прощаясь, процитировал как благословение:

О, пилигрим,
Паломничество или странствие —
Не что иное,
Как путь к самому себе.

Мы вернулись в Дели, и она улетела во Флоренцию. С какой стороны ни глянь – это была настоящая разлука. Анджела вернулась к жизни, которая была привычна для нас обоих, ну а я отправился навстречу новой жизни, о которой я даже не знал толком, есть ли она. Но надо было попытаться. Без спешки, не ограничивая себя временем и сроками. Врачи, лекарства, целители и чудеса меня больше не интересовали. С системами лечения – эффективными и не очень – было поконче-

но. Теперь я искал другого. Как отец Соголь в аллегорическом рассказе Рене Домаля «Гора Аналог», «я не хотел умирать, не разобравшись, зачем жил». Я должен был отыскать в себе зерно будущего покоя, которое потом смог бы носить с собой повсюду, зная, что оно теперь прорастет на любой почве.

Нормальная повседневная жизнь была теперь для меня спрутом с тысячью щупалец. Мне никак не удавалось от нее убежать. Голова моя, прежде постоянно занятая новыми идеями, новыми надеждами, никогда не была свободной и поэтому никогда не была готова к тому, чтобы вместить себя что-то поистине большое. Во Флоренции Анам был бы еще более нелеп и смешон, чем тот, кого он заменил. И в первую очередь он не подходил мне, уже не имеющему ничего общего ни с прежним Тициано, ни с Анамом из ашрама. Но кто же я на самом деле?

«Санньясины», уходя из суетного мира, отсекают все привязанности, обрывают все связи, «умирают» для своего прошлого, и поэтому поселяются как можно дальше от всего, что когда-то было частью прежней жизни – от семьи, работы, друзей. Я еще не дошел до этой точки и, сказать по правде, этого не хотел, но мне было нужно отрешиться от своего прежнего мира. Мне необходимо было попытаться совершить это путешествие в одиночку. И ржавые ворота в лесу, возможно, были просто видимым входом в незримое.

Я остался в Дели дней на десять. Купил солнечную панель, аккумулятор с преобразователем для ноутбука, на котором собирался писать. Запасся едой и благовониями. Из Чанг-Май мне прислали отборного чая «улонг». Потом я вновь и вновь обошел весь дом, чтобы кое-что взять с собой «для души». Я выбрал «танку» из Дхарамсалы с изображением Будды Исцеляющего, маленькую современную бронзовую фигурку Миларепы и старинную китайскую фигурку Будды Странствующего, как я его назвал, ту, что была со мной в Нью-Йорке. Не забыл я и китайский чайник, сделанный в провинции Исинь не меньше ста лет назад, и две маленькие пиалы из тончайшего белого фарфора. Из книг я выбрал Упанишады, «Гиту» и несколько сборников стихов, по большей части индийских.

В Алморе, где я провел в старом колониальном «люксе» последнюю ночь в «Деодарз», я купил медную посудину, чтобы фильтровать воду. Поскольку спать я собирался прямо на деревянном полу, были куплены ковры и толстые шерстяные одеяла, сработанные пастухами «ботхиа», живущими на индийских склонах Гималаев.

Когда мой багаж выгрузили возле мандира и носильщики, взвалив его на плечи, двинулись в лес, я живо представил Лао-цзы. Вот он, сидя на буйволе, выезжает за пределы Поднебесной через Нефритовые Ворота, чтобы навеки затеряться в Гималаях.

С тех пор как в землях, известных сегодня как Индия, Тибет, Непал, Китай и Пакистан, поселились люди, эти далекие, незапятнанно белые вершины, носящие санскритское имя «обитель снегов» («хима» – снег, «алайя» – обитать), воплощают в себе стремление человека к Божественному.

Там, за облаками, на ледяных вершинах, недоступных для простых смертных, люди чувствовали присутствие всего того, чего не хватало в их жизни. Удаленность этих гор, их чистота заставляют верить, что там скрывается то, чего не найдешь на равнине: ответ на экзистенциальные потребности человека. «Сома», трава бессмертия, росла на скалах Гималаев. Парвати, идеальная супруга Шивы (а в символическом плане – и наша «общая супруга»), родилась там, наверху ее называли «дочь гор». На горных вершинах спрятаны сокровища творения, секреты могущества, мудрости и покоя, которые достижимы лишь для немногих ценою изнурительных усилий и долгих поисков. Им дано понять их самим и затем передать другим, так же упорно ищущим.

Гималаи – средоточие легенд, источник жизни и познания. Там рождаются все великие, священные реки Индии. Там жили риши, которые создали Веды. У подножия Гималаев Вьяса написал «Гиту» и «Махабхарату», этот свод древней, но ценной до сих пор философской, политической и психологической мудрости, при-

надлежащий не только Индии, но и всему человечеству.

Из века в век «санньясины» поднимались на ледяные вершины – не для того, чтобы завоевать, покорить горы, как это делают западные люди, а для того, чтобы горам покориться. При этом они знали, что это путешествие в один конец и возврата нет. Перед этим они порывали с прошлым, сжигали все мосты, связывавшие их с миром. Им некуда было возвращаться – разве что к Себе, к Атману.

Этот путь к вершине – теперь, возможно, и мой – превращался в аллегорический ритуал отрешения от материального мира и приобщения к другому миру, вожделенному миру духа.

Шагая за носильщиками вверх по лесной тропе, я боялся только одного: вдруг что-нибудь окажется не таким, как в прошлый раз. Я вошел в ворота, миновал деревья – стражей у входа. Нет, все в порядке, все на месте, застывшее и молчаливое. А вот и фигура Старца показалась вдалеке. Только лая собаки не слыхать.

– Ее съел леопард, – пояснил Старец, идя ко мне навстречу. – Сколько я уже собак вот так потерял. Этому псу хоть повезло, четыре года прожил. Жаль, конечно, но что поделаешь, леопарду ведь тоже есть надо.

По-видимому, он был не особенно огорчен.

Я тут же вступил в права владения своим убежищем, поднялся повыше, чтобы оттуда полюбоваться зака-

том, а потом принял приглашение Старца и при свете керосиновой лампы мы поужинали овощным супом в его чудной комнате.

Горы за окном уже потухли, зато на картине Брюстера, продолжали излучать из серой рамы свое мягкое сияние. Старец вернулся к разговору, начатому при моем первом посещении. Он был отменным рассказчиком и начал с притчи.

Приходит как-то раз ученик к гуру и говорит ему, что больше всего на свете хочет правды. Без лишних слов учитель хватает его за шиворот, окунает головой в ручей и держит, пока бедняга не начинает задыхаться. Тогда он его вытаскивает.

– А теперь скажи мне, чего ты хотел больше всего, когда захлебывался?

– Воздуха, – еле слышно отвечает тот.

– Прекрасно. Вот когда будешь так нуждаться в истине, как в воздухе, тогда ты готов к учебе.

А готов ли я?

Мне бы хотелось ответить с улыбкой, но я предпочел быть честным. Нет, я не знал, готов ли я. И потом, истина казалась мне слишком громадной, чтобы ею владеть одному. Он ответил хриплым смехом курильщика.

– Вот так-то, – сказал он. – Это не мы находим правду, она сама находит нас. Нам остается только готовиться к этой встрече.

Потом он пояснил:

– Можно ли пригласить в гости незнакомца, если неизвестно, ни кто он, ни где он? Нет, можно только подготовить свой дом, и, когда гость постучится, принять его и узнать поближе.

А Старец? Как складывались его отношения с Истиной?

Он сказал, что ему случалось мимолетно видеть ее. Но и мгновения было достаточно, чтобы дать ему убежденность, основанную не на вере, а на опыте. И не на чужом, а на собственном. Вот эта убежденность и давала ему силы продолжать поиски. Что касается наведения порядка в доме, то тут еще много работы. «Всегда найдется старый хлам на чердаке, от которого следует избавиться, – сказал он. – Мое V делает вид, что ему все это нужно, но я-то знаю, что это ловушка». Старец показал маленькую черно-белую фотографию на тумбочке. Это был его первый гуру, Свами Сатьянанда, который помог открыться его разуму. Потом из ящика вытащил еще одну фотографию, тоже черно-белую. Пожилой мужчина на ней оказался человеком, который помог открыться его сердцу, – тем самым Кришной Према, англичанином, ставшим «санньясином». Старец о нем мне уже рассказывал. Кришна Према умер от рака в ашраме, который сам основал.

Вот как, и он тоже от рака… Но как же так? «Мы на Западе, – сказал я, – считаем, что рак напрямую связан со стрессом, но в Индии многие святые люди по-

следнего столетия, жившие в покое и безмятежности вдали от волнений и тревог современной жизни, умерли от рака. Мистик Рамакришна и Нисаргадатта Махарадж, человек, торговавший самокрутками „биди-биди“ на Бомбейском шоссе, – от рака горла; Рамана Махариши – от мучительного рака, поразившего ткани и кость руки; да и Дж. Кришнамурти, хоть и умер в преклонном возрасте, но не от старости, а от рака желчного пузыря…»

– Причина стресса бывает и внутренней, – сказал Старец. – Тому, кто ищет Истину, часто приходится много страдать. Кришне Према удалось сделать болезнь частью своей жизни, видеть в ней частицу всеобщего и достичь, именно через болезнь, более высокого уровня знания.

– Вы хотите сказать, что он принял болезнь? – спросил я.

– Речь не о том, чтобы принять или нет, а о том, чтобы сделать болезнь частью себя. Ему это удалось, и он стал для всех доказательством того, что недоказуемо.

– В каждом поколении, на каждом континенте, – сказал Старец, – находятся такие личности, как Кришна Према или Рамана Махариши, которые своей жизнью доказывают, что можно зайти туда, за предел. Нужно только быть решительным, упорным и бесстрашным.

Было ясно, что он таким деликатным образом пытается мне дать совет. Много ли я взял с собой книг?

«Осторожно, – сказал он. – Вся книжная мудрость – вторична, она заимствованная. Ей цена невелика».

И рассказал еще одну историю.

Человек входит в большую библиотеку и после долгих раздумий и поисков выбирает три книги. Подойдя к библиотекарю, он спрашивает:

– Сколько всего у вас книг?

– Несколько десятков тысяч.

– И сколько же нужно времени, чтобы все прочитать?

– О… несколько жизней.

– Тогда я и эти не возьму, – говорит человек. – Поищу другой способ познания.

И уходит из библиотеки.

Этот другой способ, по словам Старца, собственный опыт. Понимание приходит не через сознание, а проникает сквозь сердце. По-настоящему понимаешь лишь то, что пережил сам, что прочувствовал до глубины души. К обретению такого опыта ведет много путей. Он выбрал «упражнения со свечой»: главное – делать регулярно, не уставать и не лениться, не терять присутствия духа. «Хотя бы по десять минут в день».

Это условие – не меньше десяти минут в день – поставил его первый гуру, и, если вдуматься, это была самая большая помощь, которую он от кого-то получил в жизни. С годами эти минуты превратились в часы, но он не забывал о важности первого шага. Почему бы и

мне не сделать этот шаг?

– Минимум десять минут для начала. Заставь себя.

Это были слова человека, который обнаружил что-то чудесное и хочет поделиться этим сокровищем. Меня очень интересовало то, что он нашел. Старец почувствовал это и продолжил:

– Прежде всего, ты должен успокоить свой рассудок. Только тогда сможешь слышать Голос, что в тебе. Ты должен быть терпелив: интуиция, которая помогает раскрыться сознанию, приходит нечасто. Возможно, это будет всего лишь капля, но эта капля, когда приходит, подобна океану. И тогда с тобой говорит Голос Внутреннего Человека, Космического Человека, голос Атмана – называй, как хочешь. Называй его Возлюбленным, как это делают суфии; философским камнем, как алхимики; называй его Богом, Буддой, Пурушей; называй его «Он» или «Она». Но знай, что он существует и что Он и есть настоящий ты. Потому что ты и Он – одно целое. Ты и есть Он, – заключил он, и его смех был полон тепла и сердечности.

Я возвратился в свое убежище, не включая фонарика. Луна еще не взошла, но звездного сияния хватало, чтобы видеть, куда ступаешь. Похолодало, но земля была сухой. Я растянулся на траве и стал смотреть на звезды. Мне показалось, что я вижу их в первый раз. Возможно, потому, что я просто смотрел, не думая, как они называются, не пытаясь отыскать По-

лярную звезду или Малую Медведицу. Я представил, что я – пещерный человек, ничего не читавший, никогда не учившийся, который ничего не знает. И, освободившись от всего этого пресловутого знания, я растворился в чудесной, утешительной безграничности Вселенной. Я больше не наблюдал ее со стороны, а был ее частицей.

Перед отъездом пообещал себе, что буду записывать сновидения. Я знал, что это удастся при одном условии: записывать, не откладывая. Итак, я положил бумагу и карандаш на пол рядом со своим уютным «лежбищем». Где-то я вычитал, что, для того чтобы видеть больше снов и тем самым «быть свидетелем ночного странствия души», нужно поменьше есть вечером, спать на жестком, а главное – погружаться в сон, контролируя сознание. Вот и Свами тоже говорил, что единственный опыт, который можно сравнить со смертью, это переход из нормального состояния бодрствования в состояние сна. Что каждый может составить себе представление о смерти, если обратит внимание на свои ощущения в этот миг; правда, для этого надо встретить переход с ясным сознанием. Я пытался, но усталость и холод так измучили меня, что, забравшись под плотное тибетское одеяло, через мгновение уже спал как сурок. Причем, надо заметить, очень счастливый сурок.

Я видел два сна и заставил себя записать их. В

первом я был в Гонконге, ехал с друзьями в фуникулере, ползущем на пик Виктории. Я искал больницу, адрес которой держал в кармане. Но на одной остановке спрыгнул, притворившись, что уже приехал, а остальные продолжили путь. С платформы я прожестикулировал попутчикам, что мы еще встретимся, радуясь при этом, что удалось улизнуть и я их больше не увижу.

Во втором сне я был где-то в Средней Азии и тоже искал больницу, адрес которой мне якобы дала доктор Бринглак – «Приносящая Удачу». Нужно было миновать площадь, на которой бились два больших быка – черный и белый. Вдруг появился человек в красной бандане, смахивающий на колдуна. Размахивая большим тесаком, он разнял быков, потом отрубил белому голову, а его язык преподнес какому-то мальчику, который и был главным чародеем всей церемонии. Этот мальчик умел «разрешать проблемы» и мог меня научить секретам своего могущества. А я-то понимал, что у меня нет времени, что нужно спешить в больницу. Я решил разыскать его позже и спросил, как его зовут и где его найти. Мальчик, улыбаясь, записал адрес в моем блокноте, и я почувствовал, что получил нечто важное, что стал ближе к невыразимой, но безграничной силе.

Обычно Анджела помогает мне разгадывать сны. Как знать, что бы она в них обнаружила на этот раз? Но

она была далеко, слишком далеко, и по-моему, про нашу разлуку мне тоже что-то снилось приятное. Встал я в хорошем настроении, считая эти сны добрым знаком. Я увидел в них поддержку своего желания побыть в одиночестве; у меня был «адрес», куда идти; мое приближение к магии, к чему-то иррациональному – вот то, что мне сейчас нужно.

Светало. Я накинул на плечи одеяло и поднялся на самый верх гряды поприветствовать горы. Их еще не было видно, весь горизонт был затянут тусклой пеленой. Медленно из сумерек проступили сперва неуловимые расплывчатые тени, потом контуры – белые, холодные. И вдруг вершины вспыхнули пламенем – розовым, оранжевым. В долинах туман стал сиреневым, потом зазолотился, ледники засверкали на фоне лазури. Мир наполнился светом и радостью. На верхушках кедров защебетали птицы, и мое сердце запело вместе с ними.

Простая, благородная красота гор будила во мне чувства, вроде тех, что испытывает влюбленный: полноту, неодолимую силу, почти бессмертие. Никогда раньше я не ощущал присутствия Божественного начала. До неба было рукой подать, и эти горы казались просто ступенями туда, ввысь.

Мне незачем было думать о мифах, о мудрецах в ледяных пещерах, о сокровищах Шангри-Ла. Незачем было ждать чуда, все уже было рядом, окружало меня.

Ничто больше не угнетало меня, не тревожило; я ни в чем не нуждался и ничего не боялся. Даже моя собственная смерть казалась мне частью этого безмерного совершенства.

Дни пошли чередой в совершенном покое: без планов, без ожиданий, без сроков, если не считать таких умиротворяющих событий, как восход и заход солнца.

Я чувствовал деликатное присутствие Старца в его доме, но и ему хотелось побыть наедине с собой, у нас не было искушения навязывать друг другу свое общество. Впоследствии, правда, я обнаружил, что время от времени его навещают странные гости.

Меня потянуло поститься. Я хотел отрешиться от всего, чем мир там внизу нас пресыщает и отвлекает: от новостей, желаний, надежд, пустых разговоров. А здесь без электричества, без телефона, без газет, не беря в расчет ничего и никого, можно было очистить сознание, создать там свободный уголок. Стоит оторваться от рутины, и сразу понимаешь, как мало свободы, в том числе и внутренней, в нашей повседневной жизни, как часто наши поступки и мысли диктуются привычками и стереотипами. Мы многое привыкли воспринимать некритически – готовые умозаключения, научные доктрины, требования нашей плоти, правила логики; и все это мешает нам взглянуть на мир и себя по-другому. Ну а я – сколько идей и убеждений, сколько псевдознаний накопил за свою жизнь! Разве было бы

не чудесно снова стать белым листом, на котором можно написать что-то совсем новое? Такую задачу китайский дзэн-буддизм ставил перед собой изначально, и в одной из простых назидательных историй, которые из века в век рассказываются новичкам, говорится именно об этом.

Один умудренный наставник посещает монаха и задает вопрос:

– Скажи мне, что такое дзэн?

Монах не отвечает. Вместо этого он усаживает гостя, ставит перед ним чашку и начинает наливать чай. Чашка наполняется, но монах невозмутимо продолжает лить. Гость растерян, сначала молчит, но потом, видя, что монах не останавливается, восклицает:

– Она же полная, полная!

– Ну вот, – отвечает монах. – Так и тебя переполняют убеждения и предрассудки. Как же я могу сказать тебе, что такое дзэн, пока ты не очистишь свою голову?

Монах из притчи не объясняет, как ее очистить. Но я обнаружил, что ночь – хороший помощник. Все, что в при свете дня воздействует на наши чувства, отступает, растворяется во тьме, и ты остаешься единственным действующим лицом. Ночь – это твое время: ночью ты единственный наблюдатель и единственный наблюдаемый.

Потому ли, что я спал в идеальных условиях для возникновения сновидений, или потому, что я решил

записывать сны, какая-то частица меня продолжала бодрствовать. Никогда я еще не видел столько снов, сколько здесь, наверху. Каждую ночь в сознании моем разыгрывался целый спектакль, и чаще всего, не очень приятный. Днем я чувствовал себя раскрепощенным и спокойным, но стоило заснуть, как мной овладевали тревоги, страхи, навязчивые идеи. Моему дневному, бодрствующему «я», полагающему, что мир с его тревогами и страстями уже далек, противостояло ночное, спящее «я», из лабиринтов которого вылезали, словно чумные крысы, самые причудливые фантазии.

Если бы я еще колебался насчет того, что мир ощущений не единственная реальность, то ночью с этой другой реальностью я сталкивался вплотную, и в ней хотелось как-то разобраться. Подобно тому, как для приготовления улиток их кормят только листьями салата, а потом вымачивают в уксусе, так и я хотел очиститься изнутри. Причем речь шла об очищении куда более основательном, чем на острове Ко Самуй. Мне нужно было промыть не толстый кишечник, а самые укромные уголки памяти – куда попадает забытое, где оседают эмоциональные впечатления всей жизни. И на этот раз в «цедилке» углубления в себя я находил настоящие шлаки и яды – похуже, чем остатки пластиковых капсул, которые нам скармливал Сэм. Времени на размышления у меня было предостаточно, да и условия были подходящие.

Каждую ночь Старец вставал упражняться со свечой, и я попытался делать то же самое. Несмотря на холод, я заставлял себя вставать. Зажигал свечку, затем, закутавшись в толстое одеяло и нахлобучив до ушей шерстяной берет, садился на пол, выпрямив спину, перед оранжевым язычком с голубой сердцевинкой. Я закрывал глаза и отрешенно наблюдал за тем, что творилось в моем сознании: мысли, воспоминания, обрывки снов, образы, иногда фрагменты фраз. Они всплывали в памяти, как пузырьки со дна пруда… Я не пытался управлять этими образами, не отгонял их – просто спокойно наблюдал, не отождествляя себя со своими мыслями и воспоминаниями. Теперь я твердо знал, что я – не они.

Я оставался в таком положении куда больше, чем десять минут, и мне казалось, что «очистка» мне удается.

Здесь, наверху, было еще нечто очень важное: тишина. К ней мы не привыкли, а здесь она была фоном для остальных восприятий.

Тишина бывала разной. Днем она состояла из многих слагаемых – птичьего щебета, голосов животных, шелеста ветра. Но не было, к примеру, рокота моторов и прочих звуков, производимых человеком. Ночью тишина была равномерным глухим гулом, поднимавшимся из недр земли; он проникал сквозь стены, настигал повсюду. Тишина в горах звонкая, гулкая. Может

быть, это символ гармонии противоположностей, к которому я стремился? Уши не слышали абсолютно ничего, но этот гул царил вокруг и во мне. Голос Бога? Музыка небесных сфер? Вслушиваясь, я тоже пытался дать ему определение, но единственное, что приходило в голову, – рыбина, поющая на дне моря.

Что за чудо тишина! А мы, современные люди, избегаем ее, почти боимся – не потому ли, что отождествляем ее со смертью? Мы разучились молчать, не умеем оставаться наедине с собой. Если у нас что-то не ладится, если мы чувствуем, что нас одолевает смятение, мы предпочитаем тут же оглушить себя шумом, смешаться с толпой вместо того, чтобы уединиться где-нибудь и поразмышлять. И это неправильно, потому что тишина, молчание – изначальный, глубинный опыт человека. Без молчания не было бы слов, без тишины не было бы музыки. Если не будет тишины, человек разучится слушать. Только в тишине мы можем пребывать в созвучии с самими собой, восстановить связь между нашим телом и «всем-что-в-нас».

Было время, когда я с упорством проповедника рассказывал каждому, кто соглашался меня слушать, что это за сакральная вещь – молчание, пока не обнаружил среди древних индийских притч одну, в которой все объясняется несколькими словами.

Царь отправляется в лес, чтобы увидеться с одним знаменитым «риши».

– Скажи мне, какова природа Атмана? – спрашивает он отшельника.

Старец смотрит на него и не отвечает.

Царь повторяет вопрос. Риши не отвечает. Царь спрашивает снова, но риши хранит молчание. Царь вне себя кричит:

– Я спрашиваю, а ты не отвечаешь!

– Я ответил тебе трижды, но ты не слушал, – спокойно отвечает «риши». – Природа Атмана – молчание.

Рамана Махариши, индийский мистик, скончавшийся в 1959 году в своем ашраме у подножия Арунашала, горы, которую он выбрал себе в гуру, часто говорил: «Есть много способов общения: прикосновение, слово… но главное – молчание».

Молчание Раманы обладало «особой силой», и на многочисленных посетителей уже одно его присутствие производило ошеломляющее впечатление. Сомерсет Моэм, войдя в комнату, где сидел Рамана, потерял сознание. Приехав в Индию, психолог Карл Юнг договорился о встрече с великим мистиком, но в самый последний момент отказался к нему идти. Возможно, он боялся, что простое молчание Раманы заставит пошатнуться его собственное представление о мировой душе.

Шли дни, и у меня возникло впечатление, что тишине за стенами моего убежища в горах все больше соответствовала тишина внутри меня, и это, в сочета-

нии с одиночеством, дарило мне мгновения настоящего, чистого восторга. Не отвлекаясь, без внешних стимулов мое сознание следовало своими собственными путями, выходило за свои привычные рамки и, в конце концов, успокаивалось. Безмолвное сознание вовсе не означает отсутствие мыслей. Просто за мыслями, возникающими в этом покое, легче следить, в тишине лучше думается.

О, как же миру нужны «учителя тишины» – и до чего же их мало! Неплохо было бы включить такой предмет в школьную программу. Представьте в расписании: «десять ноль-ноль, урок тишины». И это был бы трудный предмет, потому что, привыкнув к непрерывной какофонии городской жизни, мы разучились слышать тишину. А стоило бы попробовать. Если бы в юности на занятиях философией мне первым делом предложили сесть спокойно и спросить себя: «Кто я?», то, возможно, я бы понял или хотя бы почувствовал, что все эти теории имеют отношение к моей собственной жизни и на самом деле не так уж и скучны.

Еще один важный опыт, приобретенный мною наверху, – это общение с природой. Я понимал, почему некоторым народам не нужны священные книги, послания, принесенные кем-то «извне». То, что перед глазами, – и есть их книга, открытая всем и содержащая все послания. Есть что-то сокровенное, сакральное в первозданной природе, до которой не дотянулись руки чело-

века, чтобы переделать и использовать ее для своей выгоды.

Природа в своей изначальной чистоте и равновесии обладает той полнотой, к которой стремимся мы, люди. Я всего лишь наблюдал за ней, и возникало ощущение, что я обрел давно утерянную родину, слышал забытое созвучие. Вернуть свою жизнь в естественный ритм – уже само по себе казалось целительным. В городах мы больше не обращаем внимания на подобные вещи. Уходит день, на улицах темнеет, автоматически зажигаются огни. Люди продолжают читать, ходить, работать – будто ничего не изменилось. Можно вообще все опрокинуть с ног на голову (многие так и делают, когда этого требует работа): бодрствовать ночью и спать днем. Но при этом мы и самих себя переворачиваем. Мы чем цивилизованнее, тем дальше от природы, включая и нашу собственную, которая является частью единого целого.

Иногда, проводя целые часы на перевале, не тревожась больше об уходящем времени, закутавшись потеплее, глядя на горизонт с бесконечными цепями белых и синих гор, я переживал мгновения истинного экстаза. Тот ветер, что поглаживал мое лицо и шевелил травинки у моих ног, гнал и облака в небе. А жизнь, дыхание которой я ощущал в деревьях, цветах, животных, была той же, что пульсировала в моих жилах. Природа помогает расширить сознание; во всяком случае, мое со-

знание уже было готово вместить в себя представление об Абсолюте. В природе не бывает ничего мелкого, ничтожного, пошлого; ничего такого, что могло бы нас раздосадовать или разочаровать. Более того, наедине с природой чувствуешь, что вплотную приблизился к чему-то великому; и, желая впустить это величие в себя, мы непроизвольно расширяем легкие для глубокого вдоха.

Я был один, но куда ни глянь, везде были десятки, сотни других жизней. Жизнь была повсюду, в различных формах, различных стадиях, она постоянно возрождалась. Космический Паук в этот момент плел паутину Вселенной, и все части этого огромного творения держались на одной нити, как жемчужины в ожерелье Индры, где в каждой отражаются все остальные.

Пауку не нужен был седьмой день для отдыха. Он продолжал ткать. Или это был сон Вишну? В другой прекрасной легенде рассказывается, как Вишну спит, а вся наша Вселенная просто ему снится. И надо быть осторожными, чтобы не разбудить его, – ведь тогда весь наш мир исчезнет в один миг!

Великолепно это зрелище Творения! Творения, которое происходит и сейчас, которое никогда не кончается. Это не творение, длившееся шесть дней и затерявшееся в глубине времен. Здесь нет мужчины, созданного до женщины! Да, собственно, нет и человека, созданного по образу и подобию Творца. Потому что

на самом деле все наоборот: это человек создал Творца по своему образу и подобию. Если это не проекция человеческого «я» с его страстями, то как же объяснить, что в разных религиях боги так ревнивы к другим богам, так избирательны в своей любви к людям и настолько мстительны, что способны осудить на вечные муки того, кто за свою короткую жизнь успел чем-то их обидеть? Подобное свойственно только человеку. Страсти, которые религии приписывают Творцу, – чисто человеческого свойства. В природе, вне человеческого общества, подобных чувств нет. Лев не сердится, когда убивает газель, он просто голоден.

Что за удовольствие – следить за собственными мыслями, да еще в окружении всей этой красоты, которой я мог любоваться свободно, не пытаясь завладеть ею! В этом еще одно умиротворяющее свойство природы: ее ослепительная красота – для всех. Никто не думает о том, как бы утащить домой рассвет или закат.

Божественный Живописец не уставал меня удивлять, он был неистощим на выдумки: то мрачная туча, закрывшая солнце, позволяла ему заливать жидким золотом ледники; то стена дождя заставляла горы сверкать металлическим блеском; даже рассвет, это рождение мира из космической тьмы ночи, каждый раз получался у него другим.

Стоило мне только взглянуть себе под ноги, чтобы сорвать пару цветочков в подарок моему бронзовому

Миларепе, стоящему на столике, чтобы забыть обо всем. Бесконечное разнообразие оттенков, форм, расположения прожилок на листьях, непохожие друг на друга травы и цветы, некоторые совсем крошечные. Малое и большое, веточка кустарника и гряда Гималаев были выражением одной и той же красоты, частью одного и того же непрерывного яркого действа.

Однажды утром я занимался своими ежедневными упражнениями, повернувшись спиной к солнцу, и вдруг увидел собственную тень на пелене тумана, поднимавшегося из ущелья. Туман быстро надвигался, и внезапно у моей тени возникло вокруг головы радужное сияние. Но мне не хватило времени представить себя осененным нимбом. С ближнего дерева закаркали вороны, они смеялись надо мной.

Вороны, те самые сотрапезники Старца, без спроса решили разделить со мной одиночество, и вскоре я узнал, до чего они любопытны. Когда я сидел в комнате, они подглядывали сквозь оконное стекло, свесившись с края крыши. Стоило мне сесть рисовать, как они тут же устраивались сверху и, по-моему, принимались обсуждать мою акварель. Однажды я услышал их пронзительные крики. Я выглянул в окно – вороны сидели на дереве, а большая обезьяна, устроившись на заборе, обрывала мои цветы. Они меня звали!

На прогулке они тоже не оставляли меня. Когда, изрядно устав после долгого пути, я достигал вершины,

вороны уже были тут как тут – кружили, окликали меня с высоты. Им-то, чтобы добраться туда, хватало нескольких взмахов крыльями и подходящего ветра. Я оценивал себя их глазами: ну и тяжеленный, даже от земли оторваться не может! А они – такие легкие, почти невесомые. Как я завидовал им, когда они то стрелой взмывали в воздух, то пикировали в ущелье, где кипела недоступная мне жизнь. Снизу доносились хриплые крики какаров, гималайских косуль. Стоило мне сделать шаг, как откуда-то из кустарников вылетали горные козы и уносились прочь. Да как! Я улавливал лишь мелькнувшую тень. Правы были древние китайцы, когда изображали ферганских скакунов крылатыми. Как же иначе передать это движение – внезапное, легкое, этот стремительный полет над землей?

Однажды, когда густой туман поднялся из долины, я шел по гребню, как по мостику над пропастью, и вдруг услышал из ущелья протяжный тонкий голос флейты. Я остановился, этот голос говорил со мной. Музыка никогда особенно меня не трогала, но тут вдруг подступили слезы. Эта флейта, наверно, простая пастушья дудочка, задела во мне какую-то скрытую струну. Я прислушался. Потом ветер, видимо, изменил направление, и мелодии не стало. Меня охватила грусть утраты.

Теперь я могу мысленно услышать этот голос.

Иногда он звучит во мне. Это понимал Басе, самурай, ставший отшельником и сочинителем хокку, когда

написал:

Храмовый гонг умолк,
Но звон продолжает
Плыть от цветов…

Не сговариваясь, мы со Старцем отдали наши встречи на волю случая. Мы виделись на тропинке, гуляя по лесу, или навещали друг друга, когда было нужно что-нибудь спросить или обменяться мнениями. Никаких планов, никаких обязательств, ничего устоявшегося.

И вот тогда наши встречи и неторопливые беседы у меня на чердаке за чашкой китайского чая, который я разливал из своего красивого «исиньского» чайничка, превращались в событие, которым мы, по его словам, были обязаны «силам Вселенной: видимым и невидимым, осязаемым и неосязаемым, мужским и женским, негативным и позитивным», которые объединялись, чтобы сотворить для нас это чудо. Он, конечно, шутил, но что-то в этом все же было…

Для Старца все было взаимосвязано. Он был убежден, что во всем происходящем есть свой смысл, даже если мы, по обыкновению, не способны его увидеть. По его мнению, даже в моей болезни смысл тоже был. Главным теперь было разобраться во всем этом, а это означало одно: пора отправляться в еще одно, последнее путешествие. Старец называл его «дорогой

назад»: это путь, который предстоит каждому, кто пробудился от жизни ощущений.

– Понимаешь? Настало время вернуться домой, к твоим истокам. А истоки эти, да будет тебе известно, священны, потому что хоть с точки зрения времени мы происходим от обезьяны, с точки зрения бытия мы пришли от Бога. Вернуться назад означает вернуть себе наше Божественное происхождение.

Но как это сделать?

– Нужно покопаться в самом себе, выкинуть прочь все лишнее, смыть все эти румяна и белила твоей личности, твоих знаний, чтобы добраться до самой сущности своего бытия. Для этого нужно мужество, – говорил Старец, – придется выбрасывать, вещь за вещью, пока не останется ничего такого, за что можешь ухватиться, и вот тогда-то обнаружишь нечто, держащее тебя. Его-то ты искал!

В другой раз, указывая на один из больших кедров у дома, он сказал:

– Вот видишь? Во всех культурах древо жизни изображают в виде кедра. Корни – в земле, а крона в небесах. Вот так и жизнь – зарождается в темноте, затем тянется к свету. Но есть другое дерево, описанное «риши» в Упанишадах. У него корни в небесах, а ветви спускаются к земле. Это древо духовной жизни, которая стремится к небесам, к своим Божественным корням.

Старец всегда говорил медленно, с долгими паузами, будто для того, чтобы его слова успели проникнуть не только в уши.

– Только эта, духовная, жизнь и идет в счет. Причем первый шаг всегда самый трудный. Речь ведь о том, чтобы отрешиться от земли, от того, в чем мы уверены. О том, чтобы не попасть в ловушки разума. Спору нет, разуму мы многим обязаны. Он помогает анализировать, выбирать, судить, расширять знания. Но что в итоге? Человек может совершать великие открытия, продвинуться далеко вперед в науке, но какого бы прогресса он ни достиг, за горизонтами познанного всегда будет лежать неведомое. И его, как ни старайся, никогда не постичь до конца. Признаем же, что существуют тайны, не познаваемые для нашего разума.

Однажды вечером, когда уже стемнело, я услышал шаги Старца. Он пришел ко мне по какой-то надобности, но, увидя на полу мисочку с половинкой яблока, сразу забыл о причине своего визита.

– Ах, да… это для мыши, – сказал я. Наконец-то мне представилась возможность изложить ему проблему, которая меня заботила уже не один день.

Каждую ночь в дом приходила мышь, которая шастала повсюду и грызла все подряд, портила бесценные запасы фруктов, картошки и помидоров. Убивать хвостатую гостью мне не хотелось, и я пытался как-то убедить ее кормиться из мисочки, а остальное не трогать.

Старца моя история очень позабавила; он долго хохотал над моими добрыми намерениями, а потом рассказал, что случилось с Ламой Говиндой, когда они жили по соседству на «Хребте Чудаков». У Ламы в доме тоже завелась мышь. Местные жители говорили ему:

– Лама-джи, придется тебе ее убить, делать нечего.

Но Ламе, как буддисту, сама мысль об убийстве живого существа была отвратительна. Он купил одну из мышеловок с дверцей на пружине; мышь попадается, но остается живой и невредимой. Мышеловка работала великолепно, и за пару дней поймались несколько мышей. Лама каждую уносил в лес и выпускал на свободу, но в доме тут же заводилась новая.

– Как ты не понимаешь, это та же самая мышь, – говорили ему. – Убей ее! Куда бы ты не отнес ее, она вернется.

Лама не мог поверить. Но однажды, когда снова попалась мышь, Лама взял у своей жены-художницы кисточку и выкрасил мышиный хвост в зеленый цвет. Потом отнес мышь намного дальше обычного. Когда Лама вернулся с пустой мышеловкой в руке, мышь уже поджидала на пороге. «У нее был зеленый хвост, и она посмеивалась!» – говорил Лама Говинда, когда рассказывал эту историю.

По мнению Старца, мой ненасильственный подход мог подействовать. «На самом деле тут все дело в мировой душе», – сказал он.

Мировой душе?…

Именно так. Мировая душа – не внутри нас, это мы все внутри нее. Она повсюду, она – это все, что нас окружает. Она не западная и не восточная, она всеобщая. Она одна на всех: звери, растения, камни, люди – частицы этой души. Посмотри на вьюнок, обыкновенный маленький вьюнок: как ему удается найти зацепку, чтобы пробиться к солнцу. Посмотри на пчел, как они держатся вместе вокруг своей царицы, или на аистов, которые каждый год преодолевают расстояние от тибетского озера Манасовар до самого Раджастхана. Какая же сила делает все это возможным? Только мировая душа! То сознание, что скрывается за сознанием всех живущих, космическое сознание, на котором держится Вселенная и без которого ничто бы не существовало. Йога стремится именно к тому, чтобы слиться с этим космическим сознанием. Как только человек достигнет этой цели, для него больше не будет ни времени, ни смерти. А как же мышь?

– И она тоже частица этого безграничного сознания; мое, твое, мышиное сознание – всего лишь его отражение.

И рассмеялся. А потом, словно желая подразнить меня, добавил:

– А это не индийские идеи! Ваши западные «риши» говорили то же, что и наши, то же самое, что говорит Веданта. Только вы своих «риши» упрятали в музеи, в

ученые книги. А вот для нас наши «риши» всегда живы, они наши друзья, наши учителя жизни, в этом вся разница.

Западные «риши»?

Список тех, кого Старец считал нашими «ясновидцами», оказался длинным: от Гераклита до Пифагора, от Джордано Бруно до Бергсона. Но любимцем его был Платон.

«Сделай его своим гуру и вот увидишь: он примет тебя в ученики и будет говорить с тобой». Собственно, это и делал сам Старец. Он признался, что совсем недавно ночью Платон был с ним в его красивой комнате с видом на горы; и за беззвучной беседой они скоротали не один час. По словам Старца, Платон был одним из тех, кто намного опередил остальных на пути к Запредельному; его «Республика» оставалась для Старца одним их самых прекрасных и вдохновляющих описаний «внутренней республики» – республики Сокровенной Сущности, высшего духовного «Я». «Тот факт, что Платону удалось так хорошо ее описать, – сказал он, – большое подспорье для других ищущих».

С точки зрения Старца, существует некая нить, связавшая таких непохожих друг на друга людей, разделенных тысячелетиями и живших на разных континентах, как Платон и Гурджиев, Плотин и Шри Ауробиндо, учителя-суфии, Мейстер Экхарт, Рамана Махариши и Кришна Према. «Все они идут одним и тем же путем;

кто-то ушел вперед, кто-то чуть поотстал, кто-то заблудился, а кто-то достиг цели, но они заняты одним – поиском наших корней. В этом и заключается смысл вопроса „Кто я?“. Тем, кто не задает его себе, нас не понять; они, возможно, считают, что мы сошли с ума, но все равно мы должны двигаться дальше. Мы ищем дорогу к дому… Присоединяйся, пойдем вместе», – сказал он.

Наверное, ему показалось, что приглашение это прозвучало слишком в лоб, потому что он тут же вернулся к «теме мыши». Он снова хотел рассказать мне «историю из тех, что умом не понять». Причем сам он, по его словам, был свидетелем этой истории. Я поставил на огонь воду, чтобы заварить еще чаю; он свернул еще одну самокрутку, и вот… В ашраме Миртола, кроме Кришны Према, жили учеников десять. И большой тибетский пес, которого на ночь никогда не оставляли во дворе: ведь в окрестных горах жил леопард и этот леопард повадился каждую ночь бродить вокруг ашрама и заглядывать в большое окно. Леопард рычал, собака лаяла, и всем приходилось вставать с постели и кричать и шуметь, чтобы прогнать зверя. Этот переполох повторялся каждую ночь, и никому не удавалось выспаться.

– Я попробую что-нибудь сделать, – сказал Кришна Према. Он пошел в храм и провел там минут десять. В тот вечер леопард не появился. Не пришел он ни на

следующий день, ни потом. Леопард просто исчез.

– Что же ты сделал? – спросил один из учеников у этого старого английского профессора, который стал «санньясином» и основал свой ашрам, посвятив его Кришне, которого здесь все называли просто «Он».

– Я ничего не сделал, – ответил Кришна Према. Я просто поговорил с Ним и сказал Ему: «Твой леопард не дает покоя твоей собаке».

– Все дело в мировой душе, – заключил Старец. – Мировая душа – она повсюду; мы с тобой, леопард, собака и твоя мышь – все мы в составе мировой души. Отрицать это – значит упорствовать в своей слепоте, не желать выйти из мрака.

Слепые, мрак. Эти слова напомнили ему, зачем он пришел в этот вечерний час. Оказалось, ему понадобились спички. У него самого ни одной не осталось, чтобы проделать «трюк со свечой», как он называл свои регулярные свидания с Атманом.

Я дал ему коробок, и он зашагал к себе, опираясь на посох.

Каждые две-три недели я спускался в Алмору за покупками. Базар, вытянувшийся вдоль крутой, узкой, мощенной булыжником улицы, был устроен по старинке. Здесь еще встречаются деревянные дома с окнами, украшенными инкрустацией; выстроившиеся в ряд лавки, иногда совсем крошечные. Все это, в сущности, маленькая сцена для одного актера – он и торговец, и

философ в одном лице. Сама по себе торговля воспринимается здесь как некий побочный вид деятельности. Повсюду царит исключительный покой. Даже собаки здесь какие-то не настоящие: они не лают, не кусаются и мирно делят булыжную мостовую с непременными коровами, а также с людьми, которые, сидя на корточках, греются у маленьких костров.

Базары – зеркало общества, алморский же базар, по всем приметам, обладал особым зарядом мудрости и покоя, накопленного за века существования под сенью Гималайских гор. Многие из людей, сидящих в своих клетушках-лавочках, казалось, только и ждут случая, чтобы заговорить о судьбах мира, о душе.

Среди тех, с кем я часто останавливался поболтать, был Сайд Али, худой, взлохмаченный мусульманин с сердечной улыбкой. Он чинил часы в небольшой нише в стене, которая называлась «Миллион тик-таков».

Жизнь была сурова к Сайду Али, но он не был на нее в обиде. Оба его сына внезапно заболели шизофренией, и ни колдуны, ни врачи ничем не смогли помочь – разве что основательно облегчили кошелек Сайда Али, ставшего еще беднее прежнего. Жена в отчаянии от этого несчастья целыми днями молила Аллаха об исцелении сыновей. Сайд Али тоже был набожным мусульманином и никогда не пропускал ни одну из ежедневных пяти молитв, но тут он с женой не соглашался.

– Я не могу просить Аллаха вмешиваться в дела че-

ловеческие. Когда мне нужно починить часы, я могу молиться, сколько угодно, но Он не сделает работу за меня. Он и так уже столько сделал: дал мне глаза, уши, руки, разум. А часами-то я могу и сам заняться, – говорил он.

Однажды я спросил его, как ему удается противостоять невзгодам.

– Каждое утро, после молитвы, я сажусь на землю, выпрямив спину. Я слежу за своим дыханием, слушаю, как кровь течет по моим жилам, усилием воли освобождаю голову от забот и сосредотачиваюсь на Нем. Он, существующий вне времени, вне пространства, не оставляющий следов, Он неведом, но всегда здесь. Какое-то время я пребываю с Ним, потом берусь за работу.

Кроме этой глубокой преданности Ему, у Сайда Али был еще один секрет, который помогал ему жить, – музыка. Он сам сочинял «газели» и, напевая их, забывал о бедах. Однажды он даже выступал на сцене. Каждый февраль в Алмору приезжал один итальянец, человек исключительно одаренный, мистик и практик, музыкант и поэт. Под именем Кришна Дас – «слуга Кришны» – он останавливался в обветшавшей гостинице «Савой» и руководил группой своих приверженцев, занимающихся поисками внутреннего покоя. И тогда каждый вечер красивый голос Сайда Али сливался с мелодией ситара, на котором играл сам Кришна Дас; и по-

эзия старых суфийских гимнов заряжала его радостью и волей к жизни до следующего февраля. Когда бы я ни зашел к нему в лавку, он всегда улыбался.

Базар всегда найдет, чем удивить. Однажды бакалейщик Бабира встретил меня сердечным, но безмолвным «намаскар!» Он только улыбнулся и указал на лист бумаги со словами: «Шесть недель молчания». Бабир дал обет не произносить ни слова целых полтора месяца! При этом он продолжал работать и командовал своими двумя продавцами, используя жестикуляцию и нечленораздельные грозные звуки.

– Возможно, он так искупает какой-нибудь проступок: может, солгал кому-то или обсчитал покупателя, – заметил Старец, когда я зашел поделиться с ним новостями из внешнего мира.

Он пригласил меня к ужину; я рассказал ему об «ашрамных сиротах», которые появились на Горе. По большей части это были иностранцы среднего возраста, которые много лет провели в ашрамах в качестве учеников – сначала у Ошо в Пуне, потом у Бабаджи в Лукнау, а теперь, когда оба эти гуру «покинули свое тело», они осиротели и бродят здесь неприкаянные. Двое из них завели меня к себе в белый домишко на Хребте, чтобы дать мне послушать кассету с записью голоса Ошо; там он говорил о смерти как о «великолепном оргазме с Божеством». Слушая в который раз этот голос, оба впали в какое-то исступление и едва не

лишились чувств; я был просто потрясен психологической зависимостью этих людей от своего гуру. Неужели стоило годами не покидать ашрам, следуя наставлениям «учителя», если в итоге вместо освобождения они стали рабами?

Старец, рассмеявшись, ответил мне своим излюбленным способом – притчей.

Один человек, пробудившись, увидел, что он в цепях, и не представляет, как их снять. Годами он ищет, кто бы его освободил. Однажды он набредает на кузницу. Видя, как ловко кузнец управляется с железом, несчастный бросается к нему с просьбой о помощи. Кузнец двумя ударами молота разбивает цепи, а человек в знак признательности прислуживает ему до конца своих дней. Так, избавившись от цепей, он… приковал себя к кузнецу.

– Спору нет, гуру необходим, – продолжал Старец. – Он выражает словами ту истину, что ты ощущаешь в себе. Но едва ты сам непосредственно прикоснешься к Истине, гуру тебе уже не нужен. Гуру может указать тебе на луну – но плохо тому, кто путает палец с луной. Гуру показывает дорогу, но идти по ней следует тебе. Самому!

Потом, будто настал момент сказать мне что-то особо важное, добавил: «Истинный гуру – в тебе, вот здесь, – и ткнул меня в грудь костлявым пальцем. – Все здесь, не ищи ничего вне себя. Все, что ты сможешь

найти снаружи, изменчиво по природе своей, преходяще. Ты можешь обманывать себя, будто нашел стабильность в богатстве, но и богатству приходит конец. Можешь думать, что нашел ее в любви, но внезапно тебя покинут. Или во власти, которая так легко переходит из рук в руки. Ты можешь доверить свою жизнь гуру, но и он смертен. Нет, ничто извне никогда не принесет тебе подлинного удовлетворения. Единственное и неизменное, что может воистину помочь тебе, – то, что в тебе самом. И те гуру, без которых ученики не могут обойтись, служат собственному „эго“, а не духовным нуждам последователей».

Желая придать больше веса сказанному, Старец напомнил последние слова Будды. Итак, он при смерти; его окружают безутешные ученики. Ананда, его двоюродный брат и последователь, спрашивает:

– Кто же теперь нам укажет путь?

– Будьте сами себе светом. Укройтесь в собственном «Я», – ответил Будда.

Это высшее духовное «Я», о котором говорил Будда, по мнению Старца, то же самое, что и Атман из Веданты.

– А без познания этого духовного «Себя», – заключил Старец, – не может быть познания вообще. Только накопление информации.

…Ну а чаша воды?

С мышью мы поладили. Она ела то, что я клал в мисочку, а остальное не трогала. Правда, я предполагаю, что она рассказала об этом крае изобилия друзьям и родственникам, потому что кто-то из них поселился на балках под потолком моей комнаты и каждое утро, перед рассветом, там начиналась возня, напоминая мне, что пора вставать и проделывать «трюк со свечой». По крайней мере, мне нравилось думать, что мышка специально меня будит.

И каменный столик, который я оборудовал для двух воронов у дома, со временем превратился в столовую, которую посещало много разного народца. Мне оставалось только сидеть у окна и наблюдать: у каждой птицы был свой особый нрав, своя масть и повадки.

Однажды утром я сидел на лугу и грелся на солнышке. Неожиданно появилась крохотная птичка – серая, с красно-белыми полосками и черным хохолком. Я застыл, стараясь не двигаться. Птичка оглянулась, вспорхнула, опустилась мне на ногу и принялась бесцеремонно щипать мои толстые шерстяные носки. Когда клювик ее был полон шерсти для гнезда, она улетела, но тут же вернулась за новой порцией.

Конечно же, это напомнило мне притчу об учителе

дзэн, который как раз собирался произнести свою вечернюю проповедь перед учениками, сидящими в ожидании, и тут маленькая птичка влетела в распахнутое окно и села на подоконник. Птичка огляделась по сторонам, что-то прощебетала и улетела.

– Что ж, на сегодня проповедь закончена, – сказал старый монах и тоже удалился.

Многому научились жители Азии, наблюдая за жизнью животных! Гораздо большему, чем мы, западные люди. Монахи Шаолиня, чтобы дать отпор разбойникам, которыми кишели окрестные леса, придумали боевое искусство кунг-фу, соединив в нем системы защиты, позаимствованные у разных животных. Индийцы разработали целую систему – хатха-йогу – для контроля над телом, подражая четырем последовательным занятиям животных: потягивание, умывание, дыхание и отдых. Поведение животных предопределено инстинктом, а не мыслями, и жизнь их, таким образом, находится в полной гармонии с природой. А наша жизнь от этой гармонии все удаляется. Мы больше не «слышим» природу, не чувствуем ее, не воспринимаем всерьез, не учимся ничему у нее. А ведь этот большой музей без выходных и сторожей, этот университет рядом с нами. Он открыт для всех, и занятия идут в любое время дня и ночи.

– Когда ты прикасаешься к камню, ты что-то чувствуешь. Но попытайся представить, что чувствует камень.

У него тоже есть сознание, – сказал однажды Старец. И возможно, чтобы я не счел его безумцем, он объяснил, что согласно «шастра», священным книгам, мир минералов не отличается от остального мира. Никогда индийский скульптор не сделает статую бога из женского камня или богиню – из камня, который принято считать мужским в соответствии с его фактурой, цветом, расположением прожилок.

Я пошел к Старцу, чтобы рассказать сон. Я хотел, чтобы он помог мне истолковать его, но оказалось, что сны его не интересуют. Содержание снов, как сказал он, это для психоаналитиков. Это они считают своей задачей приспособить пациентов к жизни в обществе вместо того, чтобы, изменив общество, приспособить его к потребностям людей. Нет, его интересовало другое: понимаю ли я, кто именно видит сны, когда они меня посещают?

– Потому что, если ты сам – внутри своего сна, то кому же тогда ты снишься? Копай, копай! Все время в одном месте, вниз, вглубь. Вот увидишь, рано или поздно ты доберешься до воды.

В те дни у меня как раз возникли проблемы со свечой. Все шло хорошо, пока снаружи было темно, но, когда всходило солнце и даже в жилище чувствовалось его сияние, я мысленно представлял горы и мне хотелось воочию любоваться ими, а не сидеть, закрыв глаза, и отыскивать какой-то неведомый мир в себе.

Полно, да и существовал ли он, этот самый внутренний мир? Я не стал скрывать своих сомнений от Старца. Он рассмеялся и вместо ответа рассказал мне историю из жизни Рабий, великой суфийской святой.

Рабия большую часть времени проводила взаперти дома, предаваясь созерцанию. Однажды один из друзей Рабий подошел к ее окнам и крикнул:

– Рабия, Рабия, выйди наружу, посмотри на красоту творения.

Из-за закрытых ставен донесся ответ:

– Лучше зайди сюда, внутрь, и посмотри на красоту Творца! Прекрасная притча.

Но дух противоречия снова заявил о себе, и я не удержался:

– Вечно эти «внутри» и «снаружи». Но где же оно, это благословенное «внутри»?

– Уж конечно же, не внутри твоей плоти, где такой же смрад, как и снаружи, – отрезал Старец и продолжил: – Существует такое «внутри», которое нигде, как тишина, как «Запредельное». Где оно, это «Запредельное»? Если бы, к примеру, ты был рыбой, склонной к метафизике, ты бы сказал: «Должно существовать нечто там, вне воды». Вот и выходит: «внутри» содержится и «где-то там».

Вскоре выпал снег. Он пошел ночью; и, встав, как обычно, затемно, чтобы посидеть перед свечой, я почувствовал, что тишина за окном утратила свою преж-

нюю гулкость. Она стала глухой. На рассвете я выглянул и увидел, что все белым-бело. Кедры, казалось, еще выше поднимали свои заледенелые ветви, амфитеатр заснеженных полян еще четче обозначился, а горизонт затянуло кисеей хлопьев, которые все падали и падали. Позже, ненадолго, на несколько минут, выглянуло солнце, и мне показалось, что горы приблизились. Снег придал им легкость, которой я никогда раньше не видел. Но зрелище это длилось недолго. Большие тучи закрыли небо, потемнело, и снова повалил снег. Он шел весь день, всю ночь и следующие два дня. Окно мое наполовину замел снег, дверь завалило наглухо. Куда-то подевались все звери. Наступила тишина.

Из долины пришел человек, чтобы убедиться, что Старец жив и здоров, а заодно сообщить, что погибла старушка-«санньясин», смотрительница мандира. Ее нашли в лесу, одна нога была оторвана. Полиция пыталась определить, что именно случилось: либо она замерзла и только потом звери поживились мертвым телом, либо ее искалечил леопард. В этом случае полагалось устраивать охоту, ведь, если леопард хоть раз попробует человечины, его уже не остановишь; он начинает кружить возле жилья в поисках новой добычи. Такого приходится убивать. Год назад ночью леопард-людоед унес мальчика из пастушьей хижины. Случилось это в нескольких километрах от нас,

ниже по склону.

После двух солнечных дней снег немного подтаял, и мы со Старцем решили спуститься в Алмору, пополнить запасы. Путь через лес к мандиру был утомительным. По тропинке давно не ходили, и в некоторых местах снегу было по колено. Повсюду виднелись следы животных, и Старец даже показал мне след леопарда.

– Вот бы увидеть его, хотя бы издали… – сказал я.

– Прежде чем ты заметишь леопарда, три леопарда трижды заметят тебя, – ответил Старец.

Оба мы, не говоря об этом вслух, невольно думали о погибшей женщине из мандира, и Старец и в шутку, и чтобы отпугнуть леопардов, которые могли следить за нами из укрытий, начал громко декламировать знаменитое стихотворение Вильяма Блейка:

«Tiger! Tiger! Burning bright
In the forest of the night,
What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry?»

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

Я присоединился к нему, и оба мы во весь голос, при-

ободрившись, с новой силой принялись скандировать: «Tiger! Tiger! Burning bright…»

Снег слепил глаза. Кругом застыли заледенелые деревья. Почему-то некоторые рододендроны решили зацвести среди зимы, и гроздья бутонов алели на фоне снега, как пригоршни рубинов.

Мы радостно вопили свое «Tiger! Tiger! Burning bright…» до самого мандира, где нас уже поджидала машина. Мы поехали на базар за покупками, а вечером, нагруженные зеленью, рисом и мукой, вернулись домой, живые и невредимые. Успех нашей экспедиции отметили совместной трапезой в чудной комнате Старца. На ужин у нас был вкусный ароматный бульон, приготовленный на железной печке.

Старец вытащил из шкафчика томик Вильяма Блейка с золотым тиснением на синей обложке, и мы перечитали стихотворение, которое нас «спасло». Оно действительно чудесное. Особенно потому, что в конце Блейк осознает, что рука, создавшая свирепого зверя, – та же, что сотворила робкого ягненка.

– Вот видишь? Англичанин из восемнадцатого века сумел увидеть суть вещей так, как это делают «риши», – с воодушевлением заметил Старец. – Он понял, что в Божественном все противоположности сосуществуют: красота и ужас, любовь и ненависть. Там все слито воедино, никакой двойственности. Вот «риши» – им даже хватило смелости видеть зло как часть Бо-

га. Но они были не единственные, просто здесь, в Индии, это видится яснее: Кали, богиня разрушения, та, у которой с языка капает кровь, а на шее ожерелье из черепов, является также и Матерью Вселенной именно потому, что нет созидания без разрушения. Понимаешь? Двойственность – это все наша иллюзия, это нам хочется различать счастье и несчастье, радость и боль, жизнь и смерть, но различие это мнимое, а истина в том, что все едино.

Он процитировал стих из Вед: «День есть тень ночи, жизнь есть тень смерти». Потом добавил:

– Приобрести этот опыт означает соприкоснуться с Тем, с Духом, с Ним – называй, как хочешь.

– А что, если и Он – иллюзия? – спросил я. – Если духовная жизнь не более, чем пустые разговоры? В сущности, где же Он, этот Дух?

Мои слова его позабавили.

– Скажи-ка лучше, Тигр, где его нет?

И с тех пор он называл меня Тигром.

Миновали дни, недели, месяцы. Спокойно чередовались размышления, прогулки, молчание, редкие беседы, спешить было некуда. Правда, мне пришлось дважды съездить в Нью-Йорк, повидаться с «ремонтниками»; один раз в сопровождении Фолько, во второй – с Леопольдом. Но на самом деле все это происходило так, будто, проводя время в уединении и медитациях перед свечой, я преуспел в «раздвоении личности».

Мое тело путешествовало, в него вводили наркоз, его осматривали врачи, оно приходило в чувство, снова садилось в самолет, но сознание оставалось наверху, в горах, в тихом каменном доме почти в трех тысячах метров над уровнем моря. Туда я возвращался с ощущением, будто и не отлучался.

С Нью-Йорком и вообще с «дольним» миром у меня было все меньше и меньше общего. Казалось, я разобрался, как в нем все действует, – и это мне не нравилось. Даже моя любимая больница, к которой я успел в какой-то мере привязаться, была, как я теперь осознавал, большим коммерческим предприятием, и местные менеджеры руководствовались той же логикой, что и, скажем, директор супермаркета или управляющий алмазными копями. Когда в свое время банк замешкался с переводом денег за предстоявшую мне операцию, мне пригрозили, что меня вычеркнут из списка назначенных на этот день.

В конце второго визита в Центр мою «визу» на пребывание между болезнью и исцелением продлили с трех до шести месяцев, и я поймал себя на том, что эта новость меня не слишком тронула. Я нашел собственный способ чувствовать себя хорошо; тишина, горы и одиночество – вот в чем я теперь действительно нуждался.

Если раньше путешествия были для меня чем-то вроде наркотика, сейчас я с уверенностью мог сказать,

что избавился от этой «зависимости». Никакие рассказы о чудодейственных лекарствах или могущественных целителях не заставили бы меня теперь сдвинуться с места. Из всех путешествий только одно интересовало меня теперь – тот самый «путь домой», о котором говорил Старец. У Лао-цзы я нашел замечательные слова об этом; при других обстоятельствах, как водится, я бы не обратил на них внимания.

Было это в VI веке до Рождества Христова. Если верить легенде, старый китайский философ добрался верхом на буйволе до самой границы китайских Срединных царств, чтобы продолжить путь в Гималаи, где и остаться. Границу, однако, ему удалось перейти не сразу. Страж Хань пригрозил философу, что не пропустит его, пока тот не запишет свои самые мудрые мысли. Так и явилась на свет классика даосизма, «Даодэцзин», «Книга Пути и Благодати», начинающаяся словами: «Дао, которое можно выразить словами, не есть истинное Дао…»

В этой книге есть слова о том, что цель человека – привести собственную жизнь в соответствие с Дао, не прилагая усилий, не желая ничего достигнуть, просто принимая то, что есть. Тот, кто практикует Дао, должен делать только одно – пребывать в мире с самим собой, потому что…

Не выходя со двора, можно познать мир.

Не выглядывая в окно, можно увидеть путь Неба.
Чем дальше идешь – тем меньше узнаешь.
Поэтому мудрец не ходит – а знает,
Не показывается – а обретает славу,
Не действует – а достигает совершенства.

(Пер. В. Сухорукова)

В Бенаресе я подбадривал себя словами Индры, бога путешественников, обращенными к молодому Рохите, отправляющемуся в путь. А вот эти строки Лао-цзы, призывающие оставаться на месте, прекрасно подходили в качестве наставления Старцу, который свое путешествие уже завершил.

Пришла весна, потом начался муссон, и с каждой переменой погоды появлялись новые птицы, новые звери, небо и лес окрашивались в новые цвета. Дорога на Алмору менялась с каждым месяцем. Сначала она запылала цветущими рододендронами, потом вся покрылась желтым пухом мимоз, потом пришла очередь синих гроздьев жакаранды.

Однажды утром, наклонившись за цветком, таких я раньше не встречал, я обнаружил, что в траве полным-полно божьих коровок. На хинди их называют «рамкигай» – коровы Рамы. Что за причудливая была фантазия у того, кто это придумал! Я тоже дал волю воображению. Наблюдая за этими жучками, я позабыл обо всем. Коровка-«рамкигай» взбиралась по

травинке, переползала на другую и по ней спускалась, поднималась на следующую, ползала взад-вперед и, наконец, застывала на самом кончике, склонявшимся под ее весом. Я видел, как из-под блестящих надкрылий, красных в черную крапинку, показались прозрачные крылышки, коровка расправила их и взлетела. Она не перелетела на кустик рядом, нет, поднялась далеко к небу, к горным вершинам, ничего не зная о законе всемирного тяготения, не тревожась, сможет ли ее сознание постичь бесконечность… Она просто летела, просто делала то, для чего родилась на свет, следовала своей природе.

Знающие, что я провел большую часть своей жизни в Азии, бывало, спрашивали, видел ли я тамошние «чудеса» – что-то вроде йогов, которые парят в воздухе, ходят по воде или становятся невидимыми. Нет, ничего такого я не видел. Но вот «рамкигай»… Разве это не чудо – крохотная божья коровка, которая летит в бесконечность? Зачем отправляться на поиски диковинного, когда и в заурядном, если приглядеться повнимательнее, можно открыть столько удивительного. Божественного.

Мои вылазки в «большой мир», особенно в Нью-Йорк, на «передовой рубеж» западной цивилизации, укрепили меня в мысли, что решение человеческих проблем не может исходить от разума, поскольку именно разум по большей части сам эти проблемы и поро-

ждает.

Разум породил культ эффективности, а он неуклонно изгоняет из нашей жизни все человеческое и разрушает землю, от которой мы зависим. Мы все еще продолжаем верить, что насилие можно одолеть другим насилием – и за этим «гуманным» насилием опять-таки стоит разум. Разум стоит за оружием, которым мы торгуем все активнее, а потом удивляемся, что в мире не прекращаются войны и дети продолжают гибнуть под пулями и снарядами. Разум стоит за циничной бесчеловечностью экономики, которая вбивает беднякам в голову мысль, что в один прекрасный день их ждет богатство, но в действительности богатеи богатеют, а бедные беднеют, и пропасть между ними растет с каждым днем.

Разум, который сам по себе принес нам немало пользы и способствовал нашему благосостоянию, особенно материальному, теперь поработил нас и держит в оковах. Мы больше ни во что не ставим наши эмоции и интуицию, мы разучились понимать язык сновидений, и вот теперь разум заставляет нас мыслить и говорить исключительно на собственном языке.

Разум изгнал из нашей жизни тайну, заставил нас забыть о сказках, феях и волшебницах, которые так украшали наше пресное существование.

Но есть ли альтернативы? Я сам чувствовал ограниченность этих «альтернативных путей». Такие слова,

как «сердце», «интуиция», «энергия», всегда оставляли меня холодным. И все-таки, ввиду тех бед, к которым привел нас разум с его объективными истинами, мне казалось, что следовало бы исследовать область, пусть ненадежную, «субъективных истин». Чтобы найти не альтернативу разуму, но, как и в медицине, нечто дополняющее.

Уже понятно, что разуму и «продуктам его деятельности» таким, как идеологии и религии, так и не удалось, действуя во внешнем мире, сделать человека лучше; там все равно царит разобщенность и насилие. Так не разумным ли было бы заглянуть в самого человека и поискать другое решение? Возможно, оно под носом, возможно, мы сами – решение, если вырваться из оков стереотипного, предвзятого мышления, от нашего «псевдознания», чтобы вернуть себе свободу воображения, вернуть пространство для взлета нашей фантазии.

Иногда кажется, не был и я исключением, что оставить твердую почву разума и ступить на зыбучие пески «не-разума» – это риск. Но не забывайте, что с этим риском мы знакомы. Ведь любовь – разве не отрицание логики и разума?

Тогда почему бы не отдаться чувству, как мы делаем это, влюбляясь? Почему не отказаться от привычных, заученных до автоматизма приемов рационального сознания, лежащего в основе всего нашего виде-

ния мира?

– Скажи мне, что есть Истина? – спрашивает монах настоятеля.

– Сначала ты одним глотком должен выпить всю воду из реки, – отвечает тот.

– Но я ведь уже это сделал.

– Тогда я тебе уже ответил.

Это пример типичного «отказа от логики» у дзэн-буддистов; они этому отказу отдавались с истинной страстью, ибо тоже ощущали, что лишь вне привычного способа мышления они смогут поймать Конечную, Истинную Реальность.

Именно медитирующие дзэн-буддисты, сначала в Китае, в монастыре Шаолинь, потом в Японии, где эта традиция сохранена, развили идею коана. Коан – это некий парадокс, недоступный рациональному сознанию; некий вопрос на первый взгляд абсурдный, на который, как кажется, нельзя дать логичного ответа. Но именно в этом и заключается смысл.

Вот история самого знаменитого коана.

Молодой монах видит, что его старшие товарищи по утрам и вечерам входят в комнату настоятеля Мокурая, чье имя уже само по себе парадокс – оно означает «Беззвучный Гром». Молодой монах ревнует, он считает, что Мокурай дает другим монахам особые указания касательно медитации. Однажды утром, собравшись с духом, он тоже входит в келью Беззвучного Грома.

– Нет-нет, ты слишком молод, уходи, – говорит настоятель, увидя его.

Юноша настаивает, и старик уступает:

– Ладно, придешь вечером.

Вечером молодой монах приходит к воротам Мокурая, три раза ударяет в гонг и входит в келью. Настоятель говорит ему:

– Представляешь себе хлопок ладонями? Хорошо. Тогда скажи, какой звук производит одна ладонь? Возвращайся, когда найдешь ответ.

Юноша в растерянности. Каждый день он приходит к учителю с новым ответом: это капля воды, падающая на камень; это мелодия гейши; это пение саранчи; это дуновение ветра. Столько разных ответов, и все неправильные. Ни один из этих звуков не похож на тот, что породит одна ладонь. Молодой монах совсем извелся. Он снова и снова бьется над ответом, то и дело впадая в отчаяние. Эти его мучения длятся больше года. Каждый день он перебирает в памяти все мыслимые звуки и, наконец, однажды утром бежит к Мокураю.

– Учитель, я нашел ответ: это звук, что не звучит, это тишина.

– Молодец, юный монах, так и прозвучит одна ладонь. Решение на виду, но найти его было трудно; в этом и заключается настоящая цель коана. Весь секрет – не в самом ответе на вопрос, а в процессах, происходящих в сознании. В поисках решения молодой

монах пережил разные чувства: высокомерие, обиду, отчаяние, гнев к Учителю, чтобы в итоге обрести покой, который и подтолкнул разум за предел привычного, обыденного, прямолинейного мышления, позволил ему думать иначе… Даже перестать думать, просто увидеть вещи такими, какие они есть: одна ладонь не хлопает.

Сознание – плод времени. Это копилка опыта, оно оперирует тем, что знает и, в силу своей природы, не выходит за пределы известного. Поэтому сознание, достигнув своего рационального предела и не находя решения на основании имеющегося опыта, отступает. А медитирующий способен переступить эту черту, совершить скачок, который позволяет рассмотреть проблему иначе. Сегодня это может быть представление о звуке, который является беззвучием, завтра – представление о Конечной Реальности, о тайне «Запредельного», тайне непознаваемого, которое всегда шире того, что доступно познанию, как говорил Старец.

Часто такое происходит и в жизни: когда проблема кажется неразрешимой, вдруг неожиданно находится решение, причем за рамками обыденной логики.

Именно думая о коанах, я и понял однажды вечером, что вопрос «Кто я?», над которым я бился три месяца кряду в ашраме и с которым пришел сюда, наверх, – в сущности и есть коан, да еще какой – всем коанам коан! Несмотря на все слова Упанишад и «Гиты», этот

вопрос приводил в действие вовсе не мыслительный процесс, который должен был привести к ответу – даже ответу из Веданты («Ты есть То»); он давал повод для сомнений в собственной сущности. Ответ – в самом вопросе; в том, что ты осознаешь, что ты – не твое тело, не твои занятия, не то, что ты имеешь, не взаимоотношения с другими; это даже не твои мысли, не твой опыт – словом, не то «я», к которому мы так привязаны. Ответ на этот вопрос – молчание, это ответ без слов. Это молчаливое погружение твоего «я» в твою Сокровенную Сущность.

Я понял, что часть моего подсознательного стремления изменить себя, отказаться от прошлого, уехать в ашрам, стать Анамом исходила из этой потребности бежать от приевшегося, увидеть вещи в ином свете, без груза этого «знания», накопившегося за жизнь.

Я часами просиживал перед свечой, пытаясь унять волнение, чтоб осела вся муть вокруг проблемы «я» и, наконец, однажды спросил мнение Старца о методах, преследующих цель это «я» разрушить. Иногда с самыми плачевными результатами.

Как обычно, ответ был в форме истории. Именно к ней всегда обращался сам Рамакришна, чтобы ответить на вопрос, следует ли разрушать свое низшее «я», свое эго.

В окрестностях одной деревни живет ужасная змея; она нападает на прохожих, жалит их; она даже изда-

ли наводит ужас своим грозным шипением. И никто не знает, что делать. К счастью, однажды в деревню приходит путник-садху; крестьяне просят его заступиться за них. Садху идет к змее и учтиво обращается к ней:

– Оставь этих крестьян в покое, они – не твоя пища, они тебе ничем не угрожают. Почему же тогда ты угрожаешь им? – спрашивает садху. – Ты же питаешься мышами и мелкой лесной живностью, так зачем же мучить этих несчастных крестьян? Выполни мою просьбу: отступись.

Змея, растрогавшись, соглашается.

Год спустя «садху», скитаясь по дорогам, проходит мимо той же деревни и снова видит змею. Вид у нее самый жалкий: один глаз болтается на ниточке, изо рта течет кровь, а все тело изранено от головы до хвоста.

– Что с тобой? – спрашивает «садху».

– Твои слова, о Учитель, действительно изменили меня. Я поступила, как ты мне велел, но теперь крестьяне, проходя мимо, бьют меня палками. Даже дети, и те забавляются, швыряя в меня камнями. Но я, Учитель, все равно выполняю твою просьбу.

– Безмозглая! – восклицает «садху». – Я же не просил, чтобы ты заодно и шипеть перестала!

– Этим Рамакришна хотел сказать, – заключил Старец, – что и «я» может быть полезным.

Потом он добавил:

– Чтобы пребывать в мире, сколько-то «я» необходи-

мо для самозащиты. Достаточно просто не принимать его, это «я», слишком всерьез и знать, что это лишь маска.

У каждой медали две стороны, и даже у жизни уединенной, мирной, сосредоточенной, да еще высоко в горах, озаренной радостями единения с природой, тоже была своя темная сторона. В моем случае это были галлюцинации.

Они начались ночью. Я сидел перед свечой, занимаясь своим обычным упражнением, стараясь успокоить свой разум и бесстрастно следить за кружением мыслей на фоне тишины, когда внезапно услышал женский голос. Причем это не был голос какой-то знакомой мне женщины, не голос Анджелы, а голос, который звучал ниоткуда. Отчетливо и ясно он произнес по-итальянски: «Продолжай, я тебе помогу».

Я не двигался. Я подождал еще немного, думая, что голос вновь заговорит. Но мое сознание уже перенастроилось и хихикало над сыгранной со мной шуткой. Я улыбнулся при мысли, что вот так святым слышится голос Господа, а бесноватым – дьявола, но тут мне не показалось, что речь идет о ком-то из них. Это не был и Голос, о котором говорил Старец, потому что тот Голос не говорит: он просто дает «услышать» ответы на вопросы, с которыми человек обращается к Нему «с благоговением и благодарностью», как он добавил однажды.

Прозвучавший голос был следствием ситуации, в которой я находился. Долгое одиночество и молчание приводят к образованию пустоты, вызывающей некое психологическое головокружение. Не имея возможности ни на что отвлечься, разум концентрируется, превращается в увеличительное стекло, где малое видится огромным. Возникает иллюзия всеохватного понимания, четкого и ясного видения вещей, приобретения исключительного, уникального опыта. Сходные ощущения вызывают, вероятно, некоторые наркотики. Даже время сбивается с ритма и тогда настоящее, прошлое и будущее взаимно проникают друг в друга.

Я еще пару раз слышал голос этой женщины, но звучал он уже не так отчетливо и настойчиво, как впервые. Было совершенно ясно, что я разыгрываю трюки сам с собой.

Потом со мной случилось нечто, связанное с упражнением для отрешения от собственного тела, для отождествления себя не с ним, а с сознанием. Возникло ощущение, что во мне – какое-то семя, желающее прорасти, но придавленное пластами знаний, убеждений, представлений и правил, связанных с былой жизнью. Я чувствовал, как нечто угнетенное хочет освободиться от бремени материи.

А как-то вечером, на закате, я забрел в незнакомую часть леса и увидел странную высокую скалу, на вершине которой рос неизвестно откуда там взявшийся

карликовый дуб, естественный бонсай, четко выделяющийся на фоне розовых гор. Я взобрался на эту скалу, уселся возле дуба-малютки и глянул вниз. Подо мной открылась пропасть, пугающая, но влекущая. И тут высоко-высоко в небе появились два моих ворона и стали звать меня. Я откликнулся, и они спустились и принялись кружить надо мной. Что это было за чудо – это их кружение в струях холодного ветра, который подул после захода солнца! Как это было здорово – следить за ними! Время не повторяется, время всегда только настоящее, потому что лишь в настоящем мы испытываем ощущения и переживаем опыт. Вороны звали, и ответ казался мне таким простым: прыгнуть в пустоту и присоединиться к ним. За спиной я чувствовал чье-то присутствие, чья-то рука подталкивала меня, чей-то голос нашептывал, что время может быть только настоящим, что тело всего лишь обуза, от которой легко избавиться, чтобы стать легким, невесомым и парить, как вороны. Я обернулся в ужасе, сзади никого не было, но при этом я твердо знал – я не один. Усилием воли я заставил себя собраться, отойти от края пропасти, медленно спуститься со скалы, чтобы вернуться к себе.

Подниматься на скалу всегда легче, чем спускаться, и мне пришлось напрячь внимание. Не покидало впечатление, что я с кем-то борюсь, преодолеваю чье-то сопротивление, а тем временем вороны высоко в небе

смеялись надо мной, наблюдая, как мое «я-тело» все еще судорожно цепляется за землю.

Я не встречал Старца уже несколько дней, но раз после полудня увидел его у ворот – он тоже шел на прогулку в лес.

– Ну, Тигр, как там твой друг? – спросил он.

Я подумал, что речь идет о мыши, и собрался, было, рассказать, как мы поладили, но он продолжил: «Ты непрерывно думаешь об излечении?» – и я понял, что он подразумевает мой рак.

– Ты должен добраться до той точки, где поймешь, что излечение уже не самое главное твое желание. Просто к тому времени для тебя уже будет ясно, что есть вещи, которые исцеляют глубже и вернее, чем любые лекарства. Если бы ты мог войти в контакт с единством всего живого, ты бы почувствовал, что само по себе излечение уже ничего не значит, – сказал он. – Видишь ли, существуют два типа здоровья. Так называемое «низкое здоровье» – это когда человек в хорошей форме, как атлет; но есть и «высокое здоровье», заключающееся в «поглощении» болезни.

Еще какое-то время мы шли молча, но очевидно было, что Старец все еще додумывает про себя это умозаключение, потому что он вдруг остановился и спросил:

– Ну, теперь ты знаешь, кто умирает в человеке, когда к нему приходит смерть?

Я сказал, что на этот вопрос я мог бы дать кучу ответов, один другого правильнее, потому что в последнее время много читал на эту тему и много размышлял. Меня интересовали упражнения, рекомендуемые во многих традициях, чтобы попрактиковаться в смерти, «умереть при жизни» (так делают суфии). Но, признаться, я не был уверен, что все это хоть что-то во мне изменило. Я понимал, что, рождаясь, человек начинает не только жить, но и умирать и, как говорил Старец, жизнь и смерть – это две стороны одного и того же существования. Я понимал, что когда мы умираем, с нами умирает все то, с чем мы себя отождествляем: тело, мысли, наши человеческие отношения, наш опыт – словом, то наше «я», которому мы придаем такое значение. Поэтому справедливо было бы сказать себе: «Я – не это, я – сознание», и попытаться не привязываться так сильно к тому, чем мы на самом деле не являемся. Но достаточно ли этого, чтобы избавиться от страха смерти?

Кстати, а как же он, Старец? Боялся ли он когда-нибудь смерти?

– Боялся давно, в молодости, – ответил он, – но потом перестал.

Сейчас же, наоборот, смерть вызывает у него большое любопытство. Он добавил, что кое в чем я прав: смерть действительно нельзя понять умом. Единственный способ познать ее – это умереть.

Мы продолжали медленно идти, и тема эта все не отпускала нас; я сказал ему, что одной из самых чудесных вещей, которые я недавно прочел, была «Катха-Упанишада» – эпизод, когда молодой Насикетас идет к Смерти, садится у дверей ее дома и три дня подряд умоляет ее научить его Истине. Смерть и знать о нем не хочет. Сначала она прячется от него в доме. Потом, убедившись, что так просто от этого юноши не отвязаться, обещает осыпать его золотом – лишь бы он отстал.

Наконец, она пытается от него избавиться, пообещав ему необыкновенно долгую жизнь – но не тут-то было. Насикетас отказывается от всего. Ему нужно только одно – то, что и самой Смерти недоступно.

Тогда Смерть, сжалившись над Насикетасом, соглашается взять его в ученики, становится его гуру и учит главнейшему; если его познать, оно «развязывает все узлы в сердце и делает бессмысленным любое другое познание». Урок тот же, что в Упанишаде и «Гите». Это урок Веданты; все, что рождается, умирает, все, что умирает, возрождается. Только Атман, чистое сознание, которое никогда не рождалось и пребывает вечно, вне времени, только Атман и остается.

Мне вспомнились строки из Упанишад:

Подобно зерну, Человек созревает, Подобно зерну, Возрождается снова.

Старец заулыбался. «Катха» была любимой Упани-

шадой и его старого гуру, Кришны Према.

– Вот видишь? Ничего в Смерти плохого нет, она может стать Великим Учителем. Действительно, только благодаря ей мы задаем себе великие вопросы о жизни, – сказал он. – И если подумать хорошенько… не она ли нас привела сюда… наверх?

Он был прав.

По дороге домой мы прошли мимо того места, где я несколько дней назад взбирался на странную скалу с карликовым дубом наверху. Я не удержался и рассказал Старцу о том, что там со мной произошло.

– Ах, да! Совсем забыл предупредить, туда лучше не ходи, – сказал Старец. – Там все еще дышит былыми убийствами. Англичане, когда жили здесь, повадились стрелять с этой скалы в лесных зверей. Настоящую бойню устроили. А еще один пастух жену свою оттуда столкнул в пропасть. Нехорошее место, гиблое, поверь мне.

После долгих месяцев изоляции настало время съездить домой. Летом вся семья должна была собраться в Орсинье, в тосканских Апеннинах, и я не мог не поехать. Мысль о встрече с родными очень меня радовала. Я сильно тосковал по Анджеле, и тоска эта временами причиняла почти физическую боль. Хотелось побыть и с детьми, которых я давно не видел, однако не все было так просто. Я настолько привык к тишине, молчанию и одиночеству, привык, что голова

моя занята мыслями, далекими от «нормальной» жизни, что теперь страшился возвращения к повседневным заботам: звенит телефон, нужно заправить машину, сходить на почту, кто-то заходит навестить, другие остаются пообедать, а там начинаются разговоры об отсутствующих третьих, потом и о политике.

После успехов и неудач, размышляя в одиночестве в моем каменном гнезде, я напал на след чего-то такого, что меня захватило, что представлялось важнее всего прочего. Я не хотел упустить с таким трудом пойманную нить. В глубине души я просто боялся. Боялся потеряться, как потерялся Нарада, герой другой древней индийской притчи.

Нарада – преданнейший последователь и ученик Вишну. Однажды он приходит к учителю и спрашивает, чем майя – мир иллюзий – отличается от истины. Вишну неохота пускаться в объяснения, тем более что день знойный и его терзает жажда.

– Послушай, – говорит он Нараде. – Сходи-ка пока принеси мне чашу воды.

Нарада прибегает в деревню, стучится, и ему открывает прелестная девушка. Нарада просит воды, девушка впускает его, завязывается разговор. Нарада влюбляется в девушку, женится, у них рождаются дети. Проходит двенадцать лет, и над деревней проносится ужасный ураган. Река выходит из берегов, дома сносит водой, и Нарада видит, как поток уносит жену и, одного

за другим, детей. Самого младшего он пытается спасти, держа высоко над головой. Но вода все прибывает и прибывает, она уже по горло, Нарада в отчаянии, подняв глаза к небу, взывает: «Молю тебя, о Господин мой, помоги!»

И тут среди грома и молний раздается голос:

– Ну а чаша воды?

Смысл этой истории в том, что, отправив Нараду за водой, Вишну дал своему ученику ответ, которого он искал: деревня, прекрасная девушка, семья – все это было майя, преходящим миром. Это не было Истиной, ибо истина неизменна. И этот страшный пример лучше всяких объяснений помог Нараде понять разницу между одним и другим.

Орсинья – это тоже деревня, но мне не удалось исполнить роль знаменитого Нарады. Конечно же, я провел лето с семьей, но радости это никому не принесло. Я постоянно был подавлен, искал уединения, окружающее наводило на меня тоску. В день Феррагосто вечером на площади были танцы. В прежнее время музыка, плывущая над долиной, голос певца под звездами переполняли меня радостью. Сейчас они лишь будоражили мой покой. Даже церковные колокола, и те меня раздражали; звонаря в церкви больше не было, и перезвон был автоматическим, с помощью электроники. Все казалось бессмысленным, и все меня тяготило. У меня не было времени ни для кого, словом, резуль-

тат оказался прямо противоположным тому, к чему я стремился.

Если столько месяцев уединения и сосредоточенности привели к единственному результату – сделали меня невыносимым, то все было впустую. Я понимал, что моя зависимость от одиночества, которое давало мне покой, была проявлением недостаточной зрелости, но этого понимания было мало. Мне было ясно, что одиночество само по себе не выход. Это лишь отправная точка – а я ни на шаг с нее не сдвинулся. В Гималаях меня окружала тишина, но внутреннего покоя я так и не обрел. Я только и думал о том, чтобы вернуться к себе наверх и опять приняться за «работу», как говорил Старец.

Каплей, переполнившей мою чашу, стала тележка в супермаркете. Я пришел за покупками, бродил среди стеллажей, медленно обводя глазами полки, чтобы выбрать нужное и сложить в тележку. Я видел, как и другие делали то же, потом становились в очередь на оплату, слышал стрекот кассовых аппаратов, назойливую рекламу, призывающую хватать все эти коробки, банки, модные журналы… и тут почувствовал, что больше не могу. Кто не в себе – я или этот мир? Я оставил полунагруженную тележку и вернулся к машине. Через сутки я уже был в самолете, летящем в Дели. А еще через два дня – снова в моем каменном доме.

Я провел в одиночестве еще одну снежную зиму,

еще одну чудесную весну. На этот раз галлюцинаций не было, более того, мне даже казалось, что я по-настоящему продвинулся вперед. Но потом меня ждало новое испытание. После многолетних усилий Анджела организовала вторую большую выставку в память о своем отце (первая состоялась в Палаццо Питти). А нынешняя проходила в Берлине, в Цитадели. Мой тесть, Ганс-Иоахим Штауде, родился на Гаити в семье немцев из Гамбурга. Совсем молодым он приехал во Флоренцию, здесь прожил всю жизнь и все это время писал картины; друзья называли его Анцио.

Эта выставка стала его посмертным возвращением в Германию уже известным художником. Событие было грандиозное. Присутствовали все немецкие родственники и близкие, журналисты, телевизионщики, мои бывшие коллеги из «Шпигеля», многочисленные друзья и знакомые. Мне казалось, будто меня катапультировали на театральные подмостки исполнять некую комедию, а я свою роль забыл. Так и стоял, расчувствовавшись, «на сцене», не в силах вспомнить свои реплики. Те немногие фразы, которые я все-таки произнес, звучали неуместно и в них сквозило этакое высокомерие, к которому приводит самоограничение и аскетизм отшельничества. У тех, кто «приносит себя в жертву» и отказывается от мирских наслаждений, развивается, будто в порядке компенсации, чувство превосходства, и, если в душе человека нет смирения, он

со временем начинает воображать себя святым.

Индийцы хорошо знакомы с этим явлением и, чтобы предостеречь от него себя и других, рассказывают историю йога, который после долгих лет испытаний и лишений почувствовал в себе «могущество». Он готовится покинуть свой приют отшельника в лесу, как вдруг птичка, сидящая на ветке… гадит ему на макушку. Незадачливый «святой» приходит в ярость; он вперяется в несчастную пичугу и та падает испепеленная. Йог доволен достигнутым, вот оно, могущество. Распираемый самомнением, он спускается в долину и стучится в дверь первого же дома, чтобы попросить еды. Изнутри женский голос просит его подождать. Святоша взбешен, и, когда женщина наконец предлагает ему плошку риса, он смотрит на нее недобрым взглядом. «Эй, послушай, я же тебе не птичка, которую ты испепелил!» – говорит ему женщина. И йог в ужасе понимает, что есть разные способы достижения «могущества».

Понял это и я. Анджела была намного спокойнее, уравновешеннее, умиротвореннее меня, не уезжая в Гималаи, не отрешаясь от привязанностей и не подаваясь в отшельницы. Это усугубляло мою подавленность. Сделать бы ее своим гуру! Но я вместо этого видел в ней, которая своим присутствием в мире не давала мне покинуть его, препятствие для моей «работы», последнее искушение, мешавшее мне оторваться

от земли и воспарить. И со всей жестокостью, с которой мы умеем разрушать то, что любим, я помышлял о том, чтобы отсечь и эту привязанность. Мне ведь уже удалось взять под контроль столько желаний, значит, я мог бы избавиться и от остальных.

За сорок лет нашего союза это был самый трудный момент в наших отношениях.

«Реку никто не подгоняет, она сама течет», – говорят индийцы. Анджела это поняла и отпустила меня обратно без упреков. Нужно еще какое-то время побыть одному? Пожалуйста. Никаких сроков, никаких условий. Я вернулся в свой домик, зная, что должен быть выход моему беспокойству, выход, не связанный с каким-либо определенным местом. Любые места принадлежат внешнему миру, следовательно, они непостоянны и изменчивы.

Я пробовал сосредоточиться на темах, которые в тот момент меня мучили. Любовь, отрешенность, свобода. Что такое любовь? Просто желание, следовательно, зависимость? Или это одно из высочайших проявлений свободы, потому что это связь, которая не связывает, поэтому она и сильна, как если бы слон согласился, чтобы его вели на шелковинке?

Означает ли отрешение от мирских вещей быть равнодушным? Или это означает не быть их рабом? Если верно первое, мне не нужна такая отрешенность, другое дело – второй вариант.

Однажды я спросил Старца, может ли семья стать препятствием для внутренней жизни.

– Для Будды так оно и было, – ответил он, а поняв, что я подразумеваю себя и сравнение с Просветленным неуместно, рассказал притчу Тагора под названием «Стремящийся стать аскетом».

– Она больше тебе подходит, – сказал он.

Один человек решает оставить семью, чтобы сделаться «санньясином». Ночью, уже собираясь тайком ускользнуть из дома, он бросает последний взгляд на спящих жену и детей и говорит: «Кто вы такие, чтобы держать меня в узах?»

Голос из темноты шепчет ему: «Они – это я, а я – Бог».

Но человек не обращает внимания на голос, уходит. И Богу остается только заключить:

– Вот человек, который в поисках Меня, Меня же и покидает. Нет, в сущности, я не был рожден для жизни аскета, для отречения.

Жизнь все еще была для меня чудесной, она влекла меня. Доказательство – то, что я так хорошо себя чувствовал на природе. Однажды меня потрясли трогательные маленькие цветы, растущие в щелях между камнями моего дома. Упорные и причудливые. И я, как и они, хотел жить и радоваться солнцу.

Я находил, что моей натуре предпочтительнее вбирать, чем отрешаться, чем я и занимался в последнее

время. Я даже находил, что вбирать – мудрее.

Ничего особенного вроде бы не произошло, но постепенно я стал замечать, что чаще смеюсь. Даже упражнения со свечой стали мне даваться легче, без напряжения. На расстоянии, без слов (которые все осложняют, поскольку в них всегда заключено или слишком много, или слишком мало) отношения с Анджелой уладились, и, когда через два месяца мы встретились, чтобы снова отправиться в Нью-Йорк, вышло это легко. Нам не пришлось выяснять отношения. И мы много смеялись вместе.

«Наладчики» нашли, что я в порядке, и назначили новую встречу через год. К тому времени истекало пять лет от начала лечения. Затем я бы мог умереть, как сказал врач-аюрведист из Дехра-Дун, и все равно мой случай считался бы успешным. Такова статистика.

Лето я провел с семьей в Орсинье. Я стал снова встречаться с людьми, увиделся с некоторыми друзьями, увлекся проектом спасения старой водяной мельницы. Иногда я даже подходил к телефону – и это был признак того, что мой невроз был в какой-то степени под контролем.

План состоял в том, чтобы вернуться осенью в Гималаи и дождаться там, наверху, Анджелу, которая должна была приехать на Рождество, но, как говорил Свами: «Хочешь рассмешить Бхагавана? Расскажи ему о своих планах!»

У Бхагавана действительно планы насчет меня были совсем другие.

11 сентября стало водоразделом в жизни всех людей, и моей тоже. Вернуться в горы, когда человечество стояло перед историческим выбором, я считал невозможным. Снова стать отшельником после уже происшедшего и в канун того, что, по-моему, еще случится (мучительно быть Кассандрой!), – такой поступок мне казался просто непристойным. Одиночество, поиски самого себя представлялись теперь совершенно бесплодными, как любовь, проповедуемая церковниками. Я недолго раздумывал: я все еще чувствовал себя частью мира, но не хотел становиться его рабом; я хотел попытаться жизнь улучшить. Если я действительно чему-то научился за эти годы одиночества: не мудрствовать попусту, не реагировать предвзято, быть свободным от стереотипов, ощущать человечество как единое целое и отвергать чреватую погибелью конфронтацию людей по религиозным, расовым и национальным признакам, тогда настало время поделиться этим приобретением. Если в моем сердце затеплился огонек, которому не грозил первый же порыв ветра, настало время зажечь от него другие свечи, а от них и следующие, чтобы в мире стало светлее.

Вдохновил меня на это Новалис, мой двухлетний внук, – любопытный, наивный, радующийся и удивляющийся всему, не знающий еще чувства, подавляюще-

го в человеке все остальные, а именно – страха. Мне хотелось ему оставить что-нибудь, кроме воспоминания о дедушке с бородой. Так и родилась мысль увидеть собственными глазами первопричину всех страхов: насилие. Мои «Письма против войны» посвящены внуку.

За три месяца, проведенные в скитаниях по Пакистану и Афганистану, я часто думал о моем домике и о Старце. Я представлял себе, как он улыбается, посмеиваясь над пылом, с которым я воюю с насилием. Я так и слышал, как он говорит, что все это бесполезно, что эта цивилизация недостойна того, чтобы быть спасенной, что не уберечь тонущий корабль, судорожно затыкая бессчетные пробоины. Я знаю, Старец был убежден, что человечество, гоняясь за чувственными удовольствиями, находится на грани нервного срыва, и оценивал все происходящее с точки зрения Вечности, в которой мир уже рождался семь раз и семь раз погибал.

Возможно, он был прав, силы, которые во всем этом замешаны, куда могущественнее нас, но я не желал смиряться. Будь он сейчас рядом, у него наверняка нашлась бы какая-нибудь подходящая цитата. Хорошо бы из этого хитромудрого мистика Гурджиева, который считал, что двухсот просветленных хватило бы, чтобы изменить историю человечества. Не попытаться ли стать одним из них? Я представлял, как Старец гово-

рит, что «быть» намного важнее, чем «делать», но я знаю, что бывают моменты, когда нужно что-то делать, чтобы продолжать быть. И в этих обстоятельствах бездействие оборачивалось действием? и действием, на мой взгляд, аморальным.

В сущности, в этой его похвале неделанию было что-то глубоко индийское, что мне претило, ибо противоречило моей природе. Если крыша моего дома протекает, я должен ее починить. Старцу же, я знал, удавалось оставаться равнодушным.

Возвращаясь из Кабула, я заехал в Дели, а оттуда отправился в свой домик, чтобы там написать последнее «письмо против войны». Когда я увидел Старца, мне показалось, что все наши мысленные беседы происходили в действительности.

– Раз уж взялся писать, то будь, по крайней мере, искренним, – сказал он.

В этом я решил следовать его совету. Потом он задал вопрос, на который мне оказалось нелегко ответить с полной искренностью.

– Ну, а книгу свою ты для кого пишешь – для Него или для себя? – спросил он, пристально глядя на меня. Иными словами, посвятил ли я себя Тому, Познанию, Бхагавану, Голосу или все-таки делаю это во имя собственного «я»? Почему я пишу? Потому ли, что это, на мой взгляд, приближает меня к Истине, или потому, что мне лестно видеть свое имя на страницах га-

зет, нравится, что люди ко мне прислушиваются? Это был в высшей степени справедливый и уместный вопрос; произнеся это, Старец приставил ко мне незримого Стража, присутствие которого я чувствую теперь везде, куда бы ни направлялся. Это весьма полезно, чтобы не терять контроль над происходящим и преодолевать свое «я». По словам Старца, было бы намного лучше, если бы я «рыл на одном месте, вместо того, чтобы шататься по свету, подбирая булыжники и воображая, что это самоцветы». Но и его мнение не было окончательным.

– В конце концов ты найдешь Путь… если только для этого у тебя хватит мужества утратить себя, – заключил он, цитируя одного поэта, писавшего на урду.

Я многим был обязан Старцу, он указал мне обратный путь. Он заставил меня понять, что не следует зависеть ни от какой чужой идеи, ни от какого гуру, тем более от него самого. Что каждую вещь я должен испытать непосредственно на своей шкуре, приобретя собственный опыт. Я должен сам прислушаться к Голосу, а не доверяться чужим пересказам.

Мне очень повезло, что они вошли в мою жизнь – Индия и Старец, но то, чему в итоге я, кажется, научился, приобретенное мною знание – не индийское. Оно – часть той вечной философии, у которой нет национальности, которая не связана ни с одной религией, ибо речь идет о самом глубинном стремлении челове-

ческого духа, о вечной потребности узнать, как мы пришли в этот мир и как соединиться с тем, что нас сюда привело.

В Индии, где ни от чего и никогда не отказываются, ответы на эти вопросы до сих пор на устах у людей, они – в их образе жизни, как прежде было и у нас. Но не обязательно физически перемещаться в Индию, не обязательно ехать так далеко за пониманием, не обязательно искать ответ во внешнем мире. Тот, кто действительно умирает от жажды познания, должен просто разыскать свой собственный родник. А вода – она всегда одна и та же.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В облаках

В конце концов все испытывается на прочность: идеи, усилия, то, в чем ты вроде бы разобрался, успехи, которых, ты вроде бы достиг… А единственный «испытательный полигон» – собственная жизнь. К чему же сидеть, скрестив ноги, и часами медитировать, если это не сделало тебя лучше, не отдалило от мирской жизни, от чувственных желаний, от потребностей плоти? К чему рассуждать о жизни и смерти, если потом, в ситуации «жизнь или смерть», человек руководствуется не убеждениями, а привычкой?

Пока я уединялся в горах на высоте три тысячи метров над уровнем моря, все было хорошо: не возникало противоречий между тем, что я думал, и тем, что говорил, между тем, кем я был и кем хотел стать. Да и откуда? Жил я один, существуя практически только в измерении сознания; и ничто в моей жизни не вынуждало меня делать серьезный выбор. Но и для меня настал момент истины, причем совершенно неожиданно: это случилось в Нью-Йорке.

Очередной плановый осмотр в больнице. Прошло

более пяти лет с начала моего странствия, чувствовал я себя хорошо. И «ремонтники» могли бы рассматривать мой случай как один из успешных. Даже если б я умер год спустя, это, как сказал мне когда-то доктор из Дехра-Дун – тот, с ртутными порошками, – уже не смогло бы испортить статистику Онкологического центра. Я думал пробыть в Нью-Йорке не более недели, моего обычного срока, и вернуться во Флоренцию к участию в Общественном форуме и в большой антивоенной акции. Но Бхагаван, которому, как и мне, не нравится размеренная, заранее распланированная жизнь, посмеялся над моими планами и, наверное, чтобы преподать мне урок, сделал так, что все пошло вкривь и вкось. И началось это с самого приезда в Нью-Йорк.

В Иммиграционном бюро Анджелу приняли передо мной и выдали трехмесячную визу. Потом чиновник взял мой паспорт, пролистал, взглянул на меня и ввел данные в компьютер. Уж не знаю, что он там увидел, только он тут же отобрал паспорт у Анджелы и сказал: «Следуйте за мной».

Что за причина? Моя борода? Или многочисленные пакистанские визы? Из-за Афганистана? А может, указание американского посольства в Риме, которое уже публично заявило мне протест по поводу отдельных пассажей из «Писем против войны»?

Нас передали другому чиновнику и устроили в небольшом холле, где молча дожидались решения своей

судьбы другие встревоженные подозреваемые. И подозрения эти были в терроризме, ясное дело. У многих мужчин, как и у меня, была длинная борода; головы их жен были покрыты черными шалями. Это были мусульмане из Пакистана, Саудовской Аравии, Йемена.

Мы прождали с полчаса, потом меня подозвал чиновник. Из-за своего барьера он смотрел на меня сверху вниз, а мне приходилось задирать голову. Чиновник сообщил, что мой въезд в Соединенные Штаты нежелателен, но он вправе либо дать мне въездную визу, либо отказать. Я объяснил, что вынужден приезжать регулярно, показал вызов из Онкологического центра и обратный билет с подтвержденной датой вылета. Вопросы, ответы, долгие обсуждения и, наконец, вердикт:

– В следующий раз обращайтесь за визой заблаговременно, – сказал чиновник, возвращая мой проштампованный паспорт. Мы облегченно вздохнули, все обошлось. Или нет?

Если бы этот чиновник вместо выдачи визы выдворил меня первым же авиарейсом, я расценил бы это как несчастье. Ну а сейчас? Трудно понять нечто случившееся, когда оно только-только произошло. Научиться бы меньше придавать значения оценкам: хорошо – плохо, приятно – неприятно, поскольку они меняются со временем. И нередко первые суждения оказываются нелепыми.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что если бы

я тогда не въехал в США и не прошел обследование, меня бы, по крайней мере, миновало все последующее. Было бы это «хорошо» или «плохо»? Удачей или неудачей?

Но, получив визу, на следующее утро точно в назначенное время я явился в Центр. Там вновь встретился с «ремонтниками», сказал, что я в прекрасной форме и полон энергии, что аппетит отменный, ничего у меня не болит, могу долго и без устали ходить пешком, а главное – я пребываю в мире с самим собой. Казалось, они были со мной согласны. Но, к сожалению, не их приборы! Особенно эта змеевидная штука с лампочкой в голове, которую Спелеолог запускал в мои оглушенные анестезией внутренности. Дела оказались плохи: мой неразлучный друг принялся еще за один из органов и этот очередной «кусок меня» надо было удалить и немедленно (плохая новость). Но заодно мне повезло: лучший хирург больницы как раз свободен и мог заняться мною (хорошая новость).

Интересно, сказал бы об этой операции врач Махадеван из «Места, откуда пущена стрела», что я зря себя «тревожу»? Наверное, да. Была ли эта операция одной из тех десятков тысяч, которые делаются в Соединенных Штатах без каких-либо показаний? Что и говорить, на меня сильно нажали, но пообещали, что через полтора месяца я поправлюсь и мало-помалу привыкну обходиться без этого существенного куска. Я со-

гласился.

К счастью, одна флорентийская подруга предложила нам свою студию, высоко над крышами города в многоквартирном доме в Грам-мерси-парк, и мы смогли выехать из гостиницы. Даже этот переезд обернулся не то трагическим, не то комическим приключением. Когда наше такси подъехало к старинному внушительному зданию, где нам разрешалось действующими правилами поселиться как «заслуживающим доверия временным жильцам» владелицы квартиры, я получил резкий удар по голове дверцей машины. Окровавленный, на грани обморока, я предстал перед тамошним чопорным консьержем. Мы оставили ему чемоданы и бросились в ближайшую клинику, где неотложную помощь оказывали преимущественно наркоманам. Там юный стажер наложил мне шесть швов и сознался, что это его первый опыт.

Вернувшись, мы оцепенели. У парадного входа в этот старый респектабельный дом для бывших художников, писателей и актеров красовался белый гроб, а из него выглядывала Смерть в черном плаще и с косой в руках. Красные лампочки, как горящие глаза, подмигивали из черепа. Это Америка праздновала Хэллоуин! Дурное или доброе предзнаменование?

Я встретился с хирургом, и он мне понравился. Я позволил ему вырезать все, что захочет, а заодно и эту уродливую грыжу, которую я всюду таскаю с собой. Он

засмеялся, пути к отступлению у меня не было.

Все, что было потом, – подготовка к операции, молитва, трубки, наркоз – уже было знакомо, все шло своим чередом. Мне даже любопытно не было. Однако, наполовину отойдя от наркоза, я сразу спросил, сколько же кусков у меня вырезали, и услышал: «Ни одного».

Как ни одного? Так, что, все было зря? Представьте, да.

Вскрыв мою брюшную полость, хирург был так поражен и встревожен увиденным, что решил оставить все как есть и зашить (пятьдесят восемь швов) только что сделанный разрез.

Верно ли он поступил или нет? Во благо или во вред?

Да, «слесари-ремонтники» продлили мне жизнь на пять лет, но именно то давнее вмешательство могло подвести к сегодняшнему повороту событий. Впрочем, я-то знал, что такое бывает. Сами медики были этим так неприятно поражены, что мне пришлось их утешать, когда они пришли меня проведать. Я больше не был их пациентом. Теперь мною предстояло заняться их коллеге, специалисту по этой новой комбинации заболеваний.

Тип этот оказался неприятным. При моем появлении он сидел, развалившись на стуле в своем кабинете, и жевал резинку; обут он был в кеды. Я сразу понял, что не хочу иметь с ним никаких дел. Поэтому, ко-

гда он, просмотрев мою карточку и ознакомившись с заключением, предложил немедленно, завтра же, начать новую, мощнейшую химиотерапию, разговор был кратким.

– Что это мне даст? – спросил я.

– Возможно, еще с полгода, – ответил он.

– А иначе?

– Иначе и столько не протянете.

И добавил одну из фраз, которых врачу лучше избегать, но которые, особенно в Соединенных Штатах, сейчас принято говорить, чаще по причинам юридического характера:

– Если протянете еще год, войдете в историю медицины. Войти в историю медицины меня никогда не тянуло, но тут очень сильно захотелось. Когда я ответил: «Нет, спасибо, я отказываюсь от химиотерапии», мне показалось, что Жеватель Резинки огорчился, как человек, у которого переманили клиента.

Только переманил-то не симпатичный коллега и не альтернативная медицина. Его соперником становился мир вместо новой войны. Я не собирался сдаваться. Нет, я не отказывался от лечения, но хотел лечиться по-своему, что на этот раз означало вернуться к гармонии… с космическим порядком.

Пострадал мой живот, но не голова, решение я принял осознанно и менять его не собирался. Я не отвергал врачей с их наукой, но перестал от них зависеть,

как пятью годами раньше. Врачи могут дать хороший совет, но право пациента – выбрать, что ему делать или не делать. Это решение экзистенциального характера. И каждый волен решать, как ему прожить отпущенное время.

Лекарства? После встречи с врачом из Дехра-Дун я окончательно отказался от их поисков и не собирался приниматься за старое. Пять лет назад я скрупулезно выполнял все предписания. Тогда я хотел прожить подольше, и Америка со своей передовой наукой мне показалась правильным выбором. Я верил тогда науке и врачам, но теперь веру утратил.

И вот еще что. Пройти новый курс химиотерапии в Америке? Ну, нет! Здесь всюду говорили только о войне. С Америкой после 11 сентября, после Афганистана, с той Америкой, которая грозилась напасть на Ирак, я не мог поддерживать прежние отношения. Даже больница, и та изменилась, да и сама атмосфера в Нью-Йорке тоже. Насилие, которое раньше тлело, теперь вырвалось наружу, оно царило повсюду, и я больше не хотел иметь ничего общего с американскими войнами. Я уже был сыт по горло их «умными бомбами», убивающими ни в чем не повинных мирных жителей, их необогащенным ураном, который для начала обрекает на смерть от рака собственных солдат. Хватит с меня их химиотерапевтических коктейлей, их канцерогенной радиотерапии. Я хотел мира и покоя.

Весь опыт, накопленный мной за последние годы – в дорогах, а затем в убежище в Гималаях, – все, о чем я думал, к чему пришел, сейчас затянулось в тугой узел. Вот он, великий шаг, к которому я готовился. Все остальное – так, беллетристика.

Старые учителя-суфии полагали, что скоропостижная смерть – это несчастье, проклятие Всевышнего, потому что внезапность смерти не дает человеку подготовиться к ней, оценить ее. У меня этой проблемы не было. Я уже думал о смерти, я тренировался, и приговор Жевателя Резинки отлично подходил, чтобы подвергнуть меня испытанию и выяснить, насколько истинной была моя «отрешенность», которой я добивался.

Пациенты, как правило, запоминают такой приговор и капитулируют, будто он и впрямь «обжалованию не подлежит». Бывает, услышанные слова отнимают у больного то главное оружие, что важнее всяких лекарств, – волю к жизни. Безусловно, я тоже запомнил предсказание Жевателя Резинки, но не стал на нем зацикливаться и присовокупил его к другим пророчествам, которых немало слышал на своем веку. Оно оказалось рядом с предсказанием Свами, по которому я должен прожить, по меньшей мере, до 2006 года, и еще с прогнозом китайской женщины-доктора, которая полагала, что у меня впереди еще целая жизнь. А если они ошибались? Ну и пусть! В конце концов сре-

ди стольких попыток, которые я делал в эти годы, были и такие, что помогают сократить потребности и отрешиться от желаний, всяких желаний. Включая, конечно же, и желание долгой жизни.

Анджела и дети меня поняли. Понял и Леопольд, которому я написал, что теперь хотел бы еще больше радоваться жизни, чем прежде. Из Одессы, где он сейчас живет, он ответил электронным письмом: «Я ничего не советую, поскольку не мне расплачиваться за последствия своих советов, но я убежден, что ты прав, предпочтя деятельный мир любым битвам, хоть химическим, хоть хирургическим. От сражений ничего хорошего ждать не приходится. А вот мир – он может дать все».

Меня понял даже хирург – тот, который меня разрезал и снова зашил. Перед отъездом из Нью-Йорка мне захотелось поблагодарить его. Он проявил мужество, ему хватило духу преодолеть свое «я», пойти против своей гордости хирурга, способного отрезать все, что только можно, пойти против своей команды. Ведь все было готово к сложной, многочасовой операции: и оборудование, и ассистенты, и медсестры. Все, включая его гонорар, было уже оплачено. Он же в последний момент, несмотря на аргументы одного из моих «ремонтников», предложившего ему по мобильнику пойти ва-банк, все-таки решил не мучить меня понапрасну.

Я зашел к нему высказать благодарность, сказал,

что возвращаюсь в Гималаи, где тишина и одиночество излечат меня. Он посмотрел на меня с любопытством, будто разглядывая нечто курьезное, и, пожав мне руку, сказал: «А, дух превыше материи? Что ж, держите меня в курсе».

Мы вернулись во Флоренцию. Я пропустил много из прекрасного и нового, что было на Общественном форуме, но все-таки успел принять участие в большом факельном шествии за мир. В тот день я даже выступил на митинге – в первый и последний раз в жизни; это было на ступенях Церкви Санто Спирито. При этом мне пришлось оборонять свой микрофон от двух пьянчужек, которые пытались его отнять, чтобы тоже высказаться по поводу мировых проблем. Дело было поздним вечером, и площадь колыхалась морем огней и разноцветных флагов, на которых было написано «МИР». Это было здорово!

Если мой старый город, прежде строгий и величавый, а теперь неряшливый и торгашеский, оказался способен вывести на улицы столько народу, особенно молодежи, не приемлющей войну, значит, еще не все потеряно и общество способно двигаться вперед. Подобное я видел и в других итальянских городах, куда ездил, чтобы говорить с молодежью о ненасилии в школах, прежде, чем их мозги не окончательно «глобализуют». Такое происходило повсюду. И не только у нас, не только в Европе.

Их становится все больше, примет новой революции – не политической, а нравственной, которая кажется мне сейчас единственно допустимой и в которой мне еще хотелось бы поучаствовать. Она вызревает в больших, официально признанных религиях, даже в исламе; в антиглобалистских движениях, в правозащитных группах, среди волонтеров и защитников окружающей среды. Опора этой революции – в молодежи, не желающей отказываться от своего права на мечту, и еще в женщинах, готовых внести собственный вклад в решение общечеловеческих проблем. Я убежден, что сейчас среди самых разных людей во всем мире растет новое понимание того, что же конкретно не ладится в нашей жизни и что с этим делать. В этом новом сознании я вижу великое благо наших дней. Его следует оберегать и всячески поддерживать.

Именно это новое сознание и должно указать нам путь в будущее, а вовсе не новая религия, новый пророк, новый диктатор или освободитель. Решение – в нас самих; нужно выявить его, наведя порядок в собственных душах, освободившись от лишнего, добравшись до своей глубинной сути. Речь идет не столько о том, чтобы штурмовать цитадели власти, сколько о том, чтобы серьезно пересмотреть наши привычные ценности. Нужно не поддаваться на приманки благополучия, расфасованного счастья. Нужно отучиться искать только удовольствий. Никто не призывает отречь-

ся от разума и предаться безумию, просто необходимо понять, что и у разума есть свои пределы, что наука не только спасает, но еще и губит. И, наконец, что человек ни на шаг не продвинется вперед, пока не откажется от насилия. Не в риторике, не в текстах конституций и законов, о которых потом благополучно все забывают, а в глубинах сердца.

Путь, который следует избрать, очевиден: нам нужно вести более естественный образ жизни, меньше желать, больше любить. Тогда многое изменится; даже таких болезней, как у меня, станет меньше. Вместо того чтобы искать лекарства от болезней, нужно попытаться жить так, чтобы эти болезни не возникали. И прежде всего, следует положить конец войнам, покончить с оружием. Хватит выискивать «врагов». Даже болезнь, которая заставляла бесноваться мои клетки, не была мне врагом. Худшие наши враги – это мы сами.

Нужно вернуть духовные мерки в наши жизни, увязшие в материализме. Нам следует стать менее эгоистичными, меньше заботиться о собственных интересах и больше думать об общем благе. Нужно вновь открыть для себя смысл великолепного, лаконичного послания на фасаде собора Барга в моей Тоскане, которое я прочитал еще школьником и которое врезалось в мою память:

Сколь мало мое, столь велико наше.

Незадолго до Рождества я уехал в свою гималай-

скую обитель. Мне хотелось пожить здоровой жизнью, поработать в тишине над этой книгой, вдохнуть полной грудью чистый воздух величественных гор. Мне пришлось расширить список «кусков меня», которым мне надо было «внутренне улыбаться» по утрам; несколько часов в день я проводил, сидя за ноутбуком на солнечных батареях. К моему вегетарианскому рациону я добавил травяной настой. За ним Анджела, менее скептически, чем я, относящаяся ко всяким «чудесам», ездила сперва в Гонконг, а потом на север Китая, где его производят. По мне, он не особенно отличался от уже известного мне настоя из «Заоблачного Гриба», но у него было серьезное преимущество: он был заряжен любовью Анджелы, ее готовностью помочь мне. Поэтому я пил его регулярно, без отговорок. И продолжаю пить до сих пор.

Снег, первые дожди, муссон, осень и снова снег. Время пролетело незаметно, и я, сам того толком не осознав, не ощутив особых перемен в своем состоянии, все-таки «вошел в историю медицины». Мне не дано знать, сколько еще осталось. Да это особенно и не волнует. Сейчас у меня есть другие проблемы, которыми стоит заняться.

Во-первых, я до сих пор не научился правильно относиться ко времени; я не могу ощутить, как Свами, что «мое» время на самом деле вовсе не мое, а оно – «для других». А как бы мне хотелось научиться такой

щедрости!

Другая моя проблема – та, что я все еще отождествляю внутренний покой с одиночеством, свою внутреннюю гармонию с жизнью в горной обители. Отрешенность от мира приносит мне внутренний покой. Это означает, что предстоит много работы над собой. И я начал с упражнения, к которому тибетцы, суфии и многие другие прибегают уже несколько веков.

Растянувшись на земле, я гляжу в небо. По лазури, невесомые, плывут облака. Я выбираю одно из них, присматриваюсь к нему, отождествляю себя с ним. Еще немного – и я сам становлюсь этим облаком; невесомый, бездумный, бесстрастный, ничего не желая, ничему не сопротивляясь, никуда не стремясь, я плыву по бескрайнему небу. Ни дорог, ни цели. Я просто плыву, парю в воздухе, бесплотный, легкий, как облако. И как облако меняет форму, так меняюсь и я, потом начинаю таять, растворяться… и исчезаю. Нет больше облака, нет и меня. Остается одно лишь сознание – свободное, ничем не связанное, не знающее границ.

Я начал делать это упражнение у себя на перевале. Теперь надо научиться делать его где угодно: на лугу в Апеннинах, на террасе моего дома во Флоренции или хоть на обочине дороги. Мне уже удалось осознать, что тишина – внутреннее, а не физическое состояние. Если же мне удастся запастись впрок этим ощущением свободы от материи, я сделаю шаг вперед: повседнев-

ность перестанет казаться мне спрутом с тысячью щупалец, время перестанет быть «моим» и мне больше не придется прятаться в Гималаях, чтобы пребывать в мире с миром. Я стараюсь…

Так что же, это счастливый конец?

А собственно, что такое – «счастливый конец»? И почему у всех историй ему полагается быть? И каким должен быть счастливый конец у путешествия, о котором я только что рассказал? «…И жил он долго и счастливо»? Но так заканчиваются сказки, а в сказках все вне времени. В жизни иначе, тут рано или поздно время пожирает все. И потом, кто рассудит, что хорошо, что плохо?

В конечном счете, та болезнь, о которой я здесь написал, – была она добром или злом? А не все ли равно! Она была, и это главное. Она была и уже этим помогла мне, потому что если бы не болезнь, я никогда бы не совершил этого путешествия, никогда бы не задал себе столько очень важных вопросов – по крайней мере, важных для меня.

Это вовсе не апология болезни или страдания – а я, кстати, еще не испытал всего сполна. Это приглашение взглянуть на мир с другой точки зрения и не мыслить только категориями «нравится – не нравится».

И потом: если бы жизнь была сплошным удовольствием, то что это – благословение или проклятие? Наверное, все же проклятие, потому что живущий и не за-

дающийся вопросом, ради чего живет, многое теряет. И только боль заставляет нас задавать вопросы.

И все же, родиться человеком – это истинное везение. В Пуранах, древних народных индийских притчах, рассказывается, что даже небесным созданиям, которым дано все, которые знают только красоту, добро и радость, приходится в какой-то момент перевоплощаться в людей, чтобы открыть для себя противоположности красоты, добра и радости и тем самым постичь смысл жизни. А испытать иначе, как на себе, не получится. Нужно самому через это пройти, чтобы понять. В противном случае слова останутся словами, которые сами по себе ничего не стоят, от них ни вреда, ни пользы.

Ганди знал эту истину и поступал сообразно с ней.

Однажды одна женщина привела к нему сына. Мальчику было пятнадцать лет, и врач велел ему отказаться от сахара – это угрожало его жизни. Но он никого не слушал, продолжая преспокойно объедаться сладостями. Мать надеялась, что Ганди сможет найти способ ей помочь. Махатма выслушал и сказал: «Сегодня я ничего не могу сделать, приходите через неделю».

Когда же они снова пришли, Ганди отвел мальчика в сторону и поговорил с ним. С тех пор мальчик к сладостям не прикасался. «Как же вам это удалось, Ганди-джи?»– спросили у него последователи. «Очень просто, – ответил Ганди, Великая Душа. – Я всю неде-

лю не прикасался к сахару, сам понял, каково это – отказаться от сладостей, и, беседуя с мальчиком, сумел его убедить».

О, Ганди…

Незадолго до того, как его убили, кто-то спросил у него, какое наставление он хотел бы оставить в конце своей жизни. «Моя жизнь – это и есть мое наставление», – ответил он.

Очень и очень немногие могут подписаться под этими словами, и все-таки каждый из нас по-своему пытается как-то подвести итог прожитой жизни. Я иногда представляю себе круг. Вижу китайского художника с кисточкой в руке; вот он обмакнул кисточку в тушь и замер, сосредоточившись, перед большим листом рисовой бумаги; сознание его успокаивается, и, наконец, он, ощутив прилив вдохновения, одним широким движением руки изображает на бумаге круг. А иногда думаю о том монахе, учителе дзэн, который все смеялся и смеялся до последнего вздоха, так что даже самые преданные его ученики не смогли пролить ни одной слезы, когда он покинул наш мир.

И потом, зачем плакать? Смерть не всегда непременно плохая новость.

Сперва дорога из Дели в Алмору ведет через плоскую равнину, но потом начинает взбираться вверх, извиваясь по обрывистым берегам гималайских горных рек; и тут на пути неожиданно возникает неболь-

шая долина. В долине притаился ашрам с ярко-красной крышей, он знаменит тем, что здесь когда-то нашел пристанище великий «садху», Ним Кароле Баба. Это был высокий, полный человек, живой и темпераментный; его простота и необыкновенные способности привлекли в ашрам десятки западных хиппи. Среди них был и Ричард Альперт, американец, преподаватель психологии, изгнанный в 1963 году из Гарварда вместе с другом и коллегой Тимоти Лири за эксперименты с психоделическими веществами. Рассказывают, будто Лири, чтобы испытать могущество Бабы и его способность контролировать свое сознание, как-то дал ему таблеток ЛСД. Возможно, там их было с десяток – и тот проглотил их одним махом без малейших последствий. Альперт принимает имя Рам Дас – «слуга Рамы» – и становится преданнейшим последователем Бабы. Свой опыт он описал в нескольких популярных книгах, которые изменили представление многих американцев об Индии и индийской духовности. Рам Дас рассказывал много историй о своем гуру, и вот одна из них.

Однажды в ашрам прибежал человек; он умолял Нима Кароли Бабу пойти с ним к его родственнику. Бедняга был совсем плох, и только Баба мог для него что-нибудь сделать. «Нет, я не пойду, – сдержанно ответил Баба, – но ты, когда вернешься, дай ему этот банан и увидишь – все будет хорошо». Человек со всех ног

бросился домой, исполнил наказ, и умирающий, доев банан, отошел с миром.

«Все будет хорошо», – сказал Баба и не солгал, человек действительно упокоился с миром. Однако мы упорно считаем, что «хорошо» означало для больного выздоровление и долгую жизнь. Но почему? Именно в этом упорном делении всего на свете на «нравится – не нравится» корень наших бед. Только приняв, что все едино, мы, не отказываясь ни от чего, способны успокоить свое сознание и унять тоску.

Попасть в ашрам Ним Кароли Бабы и сегодня мечта тысяч паломников, хотя учитель «оставил свое тело» в 1973 году. Что за прекрасное выражение, какой светлый, беспечальный взгляд на смерть! Мы тоже пытаемся утешиться, когда говорим «ушел в лучший мир», «покоится с миром», но у нас не очень-то получается – в душе мы все равно скорбим.

Конечно, и я небезразличен к тому, что со мной происходит. Я только стараюсь не быть рабом происходящего, и мне действительно хотелось бы достичь той отрешенности, которую увидел великий поэт:

Скользит тень бамбука,
Не тронув ни пылинки.
Плывет в пруду луна,
Не всколыхнув воды.

История моего путешествия – не очередное доказательство того, что есть болезни, не поддающиеся лекарствам. И я вовсе не хочу сказать, что мои поиски оказались бессмысленными. Наоборот: все, включая болезнь, было не напрасно. Случившееся заставило меня пересмотреть свои приоритеты, задуматься, изменить взгляд на мир и, главное, изменить саму жизнь. Именно это я могу посоветовать другим: изменить жизнь, чтобы излечиться; изменить жизнь, чтобы изменить себя. Что касается всего остального, то тут каждому придется пройти собственный путь. Коротких путей я никому подсказать не могу. Священные книги, учителя, гуру, религии – все это может оказаться полезным, как, например, лифт, который избавляет от необходимости преодолевать ступеньку за ступенькой. Но как бы высоко ты ни поднялся на лифте, еще останется маленькая лесенка на самую крышу, с которой можно обозреть мир, где можно лечь, поглядеть в небо и стать облаком. И вот эту последнюю часть пути предстоит проделать собственными ногами и в одиночку.

Я стараюсь. Мне хорошо, у меня есть силы, но теперь я не похваляюсь этим и не слишком радуюсь. Я продолжаю делать то, что мне кажется правильным, не ожидая результатов, не надеясь на признание моих заслуг, не загадывая желаний… Кроме одного единственного: не нуждаться во времени для себя и посвятить остаток жизни другим. Я очень завидовал Свами,

который поступал именно так, и хотел бы этому посвятить следующее путешествие (раз уж до достижения мокши мне все равно еще очень и очень далеко). Иногда одного лишь слова или жеста достаточно, чтобы изменить чью-то жизнь, и как много людей – особенно молодых – ищут такую возможность.

Анджела, приехав навестить меня в моей обители, посмеивалась, глядя, как я вылавливаю платком мух в комнате и выпускаю их в окно. Мне тоже это было забавно – не потому, что я считал насекомых непременно чьими-то реинкарнациями. Мне представлялось, что это еще один шаг к гармонии со всем на свете, и я радовался, что больше никого не лишаю жизни. Но это так, всего лишь мое ощущение – я ведь теперь не нуждался ни в вере, ни в убежденности в чем бы то ни было. Я живу здесь и сейчас, сознавая, что Вселенная – потрясающая штука, что ничто и никогда на свете не происходит случайно и что жизнь – это непрерывная череда открытий.

И мне выпала редкостная удача, потому что в особенности сейчас каждый новый день для меня – это воистину новый круг на карусели.